

Борис Савинков на Лубянке. Документы

Борис Савинков на Лубянке. Документы

**Научный редактор
А.Л.Литвин**

**Составители:
В.К.Виноградов, А.А.Зданович, В.И.Крылов,
А.Л.Литвин, Я.Ф.Погоний, В.Н.Сафонов**

**Москва
РОССПЭН
2001**

ББК 63.3(2)6-8Савинков; 66.69(2)
Б 82

*Издание подготовлено
при содействии фирмы «Антер—С» (Москва)*

Составители:
*В.К. Виноградов, А.А. Зданович, В.И. Крылов,
А.Л. Литвин, Я.Ф. Погоний, В.Н. Сафонов*

Научный редактор профессор *А.Л. Литвин*

Б 82 Борис Савинков на Лубянке: Документы. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 576 с., ил.

Книга представляет собой первое наиболее полное издание документов о последних годах жизни Б.В. Савинкова, известного российского террориста и политического деятеля. Большинство документов сборника извлечено из архива ФСБ РФ. В них читатель найдет неожиданные для себя сведения о завершении чекистской операции «Синдикат-2», программных заявлениях Савинкова и подробностях его гибели.

Сборник документов рассчитан на всех, интересующихся историей России, судьбами ее известных деятелей.

© В.К. Виноградов, А.А. Зданович, В.И. Крылов, А.Л. Литвин, Я.Ф. Погоний, В.Н. Сафонов, составление, 2001.

© В. Виноградов, В. Сафонов, М. Могильнер, статьи, 2001.

© «Российская политическая энциклопедия», 2001.

ISBN 5 - 8243 - 0200 - 6

Борис Савинков – противник большевиков

*В. Виноградов,
В. Сафонов*

Лидеры многих политических партий и общественных группировок России резко осудили захват власти большевиками 25 октября (7 ноября) 1917 г. Разгон Учредительного собрания 5 января 1918 г., представлявшего все слои российского общества, показал, что большевики намерены идти по пути диктатуры и готовы использовать для этого самые решительные меры. Многие из бывших избранников народа разъехались по регионам России и занялись созданием антибольшевистских движений под лозунгом передачи власти Учредительному собранию.

Одним из самых активных борцов с зарождающимся советским режимом стал профессиональный революционер Б.В. Савинков. Борис Викторович – старейший член партии социалистов-революционеров, член ее боевой организации, как он называл себя, «друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева»¹, участник убийства министра внутренних дел России В.К. Плеве и великого князя Сергея Александровича, а также ряда других террористических актов. В 1917 г. он стал комиссаром Временного правительства в 8-й армии, с 28 июня 1917 г. – комиссаром Юго-Западного фронта, а с 19 июля 1917 г. – товарищем (помощником) министра, управляющим военного министерства при министре А.Ф. Керенском. Являясь членом Совета казачьих войск и депутатом Временного совета республики (Предпарламента), пытался поднять казаков для оказания помощи оборонявшимся Зимний дворец юнкерам, но попытка эта ему не удалась².

Савинков перебрался в Гатчину в ставку Керенского и генерала П.Н. Краснова, где вел активную работу по организации сил против большевиков.

В ноябре 1917 г. перед боями под Пулковым казаки красновских частей в лице председателя дивизионного комитета есаула Ажогина заявили Савинкову, что сражаться за Керенского они не намерены. В случае победы и свержения большевиков, – говорили казаки, – следует предложить Керенскому отказаться от

должности председателя Временного правительства, а в случае несогласия последнего с этим предложением – его арестовать.

Есаул Ажогин в присутствии адъютанта Савинкова Флегонта Клепикова сообщил, что казаки решили предложить формирование нового правительства Г.В. Плеханову и попросили Савинкова довести их просьбу до Георгия Валентиновича.

После беседы с казаками Савинков отправился к Плеханову, заготовив два варианта постановлений: один – отказ Керенского от власти, а второй – ордер на арест бывшего главнокомандующего. Плеханов согласился с проектами постановлений, внося в их текст собственноручные поправки. В отношении формирования правительства Георгий Валентинович заявил, что он 40 лет боролся за трудовой народ России, поэтому воевать с ним никогда не будет.

Савинков на это ответил Плеханову, что программа и тактика нового правительства будет всецело зависеть от его председателя, т.е. господина Плеханова. После этого Георгий Валентинович долго расспрашивал Савинкова относительно сил казачьих войск. В конце беседы он дал Савинкову свое согласие, что в случае победы казаков он пойдет на формирование нового правительства. Савинков рассказал есаулу Ажогину о беседе с Плехановым, и тот тут же распорядился приставить казачий караул к Керенскому и приказал казакам в случае их победы арестовать председателя Временного правительства³.

После поражения генерала Краснова под Петроградом Савинков в конце ноября 1917 г. переправился под видом сотрудника польского комитета по делам беженцев на Дон, где начала создаваться Добровольческая армия во главе с генералом Л.Г. Корниловым и другие антибольшевистские силы. На Дону в это время власть принадлежала так называемому «Донскому гражданскому совету», который возглавлял генерал М.В. Алексеев. В него входили генералы А.М. Каледин и Л.Г. Корнилов, помощник атамана донских казаков А.П. Богаевский, бывший министр торговли и промышленности М.М. Федоров, кадеты П.Б. Струве, Парамонов и другие. Политика этого органа вызывала недовольство у многих демократически мыслящих казаков. Совет обвинялся в «замаскированной реакционности».

В дружеских беседах и жарких спорах Савинков уговаривал членов совета включить в него представителей демократических партий и объявить в декларации совета о необходимости созыва Учредительного собрания и праве народа на землю. Первым с ним согласился генерал Корнилов, а затем пошли навстречу и другие члены Донского гражданского совета. В совет были включены член Донского округа независимый социалист Агеев, председатель Крестьянского союза Мазуренко, комиссар 8-й армии Вендзягольский и Савинков. От имени нового совета была выпущена декларация⁴.

Сразу после этого Донской гражданский совет направил Савинкова в Петроград, где ему поручалось нелегально встретиться с рядом известных российских демократических деятелей, в том числе и с одним из лидеров правого крыла Демократического совещания Н.В. Чайковским. Они приглашались на Дон для работы в совете. Савинкову было выдано удостоверение для переговоров за подписью генерала Алексеева.

Успешно выполнив порученное задание, он готовился выехать из Москвы на Дон, где в это время вспыхнули революционные события. Слабо вооруженная и малочисленная Добровольческая армия была смята большевиками и отброшена на Северный Кавказ.

Савинков остался в Москве, где вскоре установил связь с тайной офицерской организацией, в которой насчитывалось около 800 офицеров, в основном, из гвардейских и гренадерских полков. Он стал во главе организации, в основу которой была положена программа борьбы Донского гражданского совета против большевиков. Как и на Дону, тайное общество савинковцев в Москве провозгласило четыре пункта своей деятельности: борьбу за единую и неделимую Россию, верность союзникам, власть Учредительному собранию, земля народу. Свою организацию Савинков назвал «Союзом защиты родины и свободы» (СЗРиС). В нее принимали всех, кто признавал программу и давал клятву с оружием в руках бороться против большевиков. В союзе оказались представители разных политических партий и общественных группировок. СЗРиС возглавил независимый социалист Савинков, как он сам себя называл, вооруженными силами командовал конституционный монархист генерал-лейтенант В.В. Рычков, начальником штаба был также конституционный монархист А.П. Перхуров. Начальником разведки и контрразведки стал республиканец полковник Бреде, начальником отдела сношений – социалист-революционер унтер-офицер французской армии А.А. Дикгоф-Деренталь⁵, иногородний отдел возглавил социалист-демократ из группы Плеханова доктор Григорьев. Другими структурными подразделениями этой тайной организации (их было довольно много) руководили меньшевики, эсеры, монархисты, а также представители других политических партий, боровшихся против большевиков⁶.

В апреле 1918 г. Савинков отправил в Екатеринодар в штаб Добровольческой армии к генералу Алексееву офицера-курьера, который прошел через многочисленные большевистские кордоны и добрался к белым. Он сообщил генералу о деятельности союза и высказал просьбу об оказании материальной помощи и соответствующих указаний по тайной работе. Алексеев одобрил деятельность Савинкова и через чехословаков выслал 200 тысяч керенских денежных знаков. Вскоре от французского посла Нуланса Савинков получил еще два с половиной миллиона рублей⁷.

Союз успешно провел большую работу по формированию отдельных частей всех родов войск. К концу мая 1918 г. в Москве и других российских городах насчитывалось около пяти с половиной тысяч офицеров, входивших в савинковский «Союз защиты родины и свободы»⁸. Большинство членов союза жили по поддельным документам. Все встречи проходили на явочных и конспиративных квартирах.

Контрразведка союза следила за деятельностью советских органов власти, красноармейскими частями и ВЧК. Ежедневно составлялась сводка о передвижениях большевистских войск. В Москве членами союза готовились убийства большевистских вождей Ленина и Троцкого.

В конце мая – начале июня 1918 г. ВЧК в Москве, получив сигналы от некоторых граждан о подозрительных действиях бывших офицеров, провела среди них аресты. Арестованные сознались в своем участии в «Союзе защиты родины и свободы» и выдали многих своих соучастников.

На какое-то время савинковцы затихли на конспиративных квартирах, а затем во главе со своим руководителем уехали в Ярославль, Рыбинск и Муром, где находились наиболее боевые и многочисленные отделения союза. Таким образом, савинковская организация в Москве была ликвидирована, но ее штаб уцелел, и все основные его сподвижники ареста избежали. В указанных городах шла усиленная подготовка к вооруженному выступлению против большевиков. Сам Савинков оказался в Рыбинске, где располагались большие оружейные склады. Охранявший их гарнизон был совсем небольшим по численности, поэтому, по мнению Савинкова, захватить город, в котором находились огромные боевые запасы Советов, для отряда офицеров в четыреста человек было делом несложным.

Регион Верхней Волги был выбран для выступления против большевиков по причине того, что дать бой Советам именно здесь предложили иностранные представители. Французский посол Нуланс, контактируя с Савинковым, неоднократно говорил главе СЗРиС, что восстание на Волге явится сигналом к высадке союзников в Архангельске. Впоследствии Савинков узнал, что Нуланс его обманул⁹.

Однако надежды Савинкова на захват оружейных складов в Рыбинске не сбылись. В среду савинковцев был внедрен агент Рыбинской ЧК, который сообщил о подготовке вооруженного выступления мятежников и плане захвата ими оружейных складов. Вспыхнувший в ночь на 8 июля 1918 г. в Рыбинске мятеж к полудню этого же дня был ликвидирован.

В Муроме савинковцам удалось ночью 8 июля 1918 г. захватить ряд городских объектов, но к утру они были разгромлены отрядами большевиков.

А в Ярославле мятеж савинковцев увенчался на первых порах успехом. Полковник Перхуров взял город и на протяжении

17 дней удерживал его в руках восставших. Впервые в самом центре России, рядом с Москвой, мятежники без какой-либо помощи извне дали бой большевистскому режиму.

После ликвидации мятежей на Верхней Волге Савинков бежал со своими единомышленниками в Казань, где вступил рядовым бойцом в разведывательно-диверсионный отряд полковника В.О. Каппеля, действовавшего в тылу Красной армии.

Осенью 1918 г. Савинкова пригласили войти в состав Сибирского правительства, но он отказался от министерской должности, уговорил главу Директории зсера Н.Д. Авксентьева направить его в качестве руководителя военной миссии во Францию. Там, в Париже, по его мнению, от него будет гораздо больше пользы в борьбе с большевиками.

Но события развивались по другому сценарию. Уже 18 ноября 1918 г. адмирал Колчак свергнул Директорию и установил военную диктатуру. Верховный правитель оставил Савинкова во главе миссии в Париже. Одновременно адмирал Колчак поручил ему руководство и своим заграничным бюро печати «Унион».

Савинков развернул бурную деятельность. Его принимали Жорж Клемансо, Ллойд Джордж, Уинстон Черчилль. Колчаку из европейских стран потекли оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование. В Париже бывший охотник за царскими сановниками входил вместе с царскими министрами С.Д. Сазоновым, А.П. Извольским и народным социалистом Н.В. Чайковским в состав Политического совещания, претендовавшего на представительство интересов России при заключении Версальского мирного договора.

Одно время Савинкова хотели отправить посланником в Прагу, но в январе 1920 г. он неожиданно получил от своего бывшего школьного друга Юзефа Пилсудского приглашение обосноваться в Варшаве. Старый конспиратор, хитрый лис Савинков нутром чувствовал, что скоро... совсем скоро грянет война Польши с советской Россией. Значит, он должен быть там, у границ своей родины, чтобы стать активным участником борьбы с большевиками.

В Варшаву к Пилсудскому Савинков отправил своего близкого сподвижника журналиста А.А. Дикгоф-Деренталя с заданием разузнать: разрешит ли польский лидер сформировать на территории Польши для борьбы с большевиками русские «демократические» формирования. Дикгоф-Деренталь встретился с Пилсудским, от которого получил заверения, что он согласен на создание в Польше русской армии в обмен на территориальные уступки после победы над большевиками. В Париж ушла срочная телеграмма Дикгоф-Деренталя, и вскоре Савинков появился в Варшаве, где создал Русский политический комитет (РПК), в который вошли старые его соратники: Д.В. Философов¹⁰, Н.К. Буланов¹¹, В.В. Ульяницкий¹², А.А. Дикгоф-Деренталь, Симановский и В.В. Савинков¹³.

Летом 1920 г. Савинков занялся формированием так называемой «русской армии», в которую вошли сражавшиеся с марта 1920 г. в польской армии части С.Н. Булак-Балаховича¹⁴ и интернированные части 3-й армии генерала А.И. Деникина. Генерал Булак-Балахович объявил себя демократом, а армию свою назвал народной и добровольческой. Командующим 3-й армией стал генерал П.В. Глазенап¹⁵, которого вскоре сменил Б.С. Пермикин¹⁶. Местом формирования «русской армии» стали местечко Скалмержицы и город Калиш.

Основным программным лозунгом для армии стал старый савинковский призыв «За созыв Учредительного собрания», которое, по его мнению, могло решить вопрос о форме правления в России. В числе основных лозунгов пропагандировалась мелкая частная собственность, самостоятельность Польши и широкая автономия народов, входивших в состав бывшей Российской империи.

В это время Савинков часто встречался с Пилсудским, французскими и польскими генералами. Однажды в разговоре с первым польским маршалом он назвал Булак-Балаховича, с которым у Савинкова еще ранее сложились неприязненные отношения, бандитом. Пилсудский на это рассмеялся и ответил:

– Да, бандит... Мы об этом знаем... Но у него нет гонора золотопогонных генералов, мечтающих возродить в России монархию... Он воюет с большевиками, поэтому мы его поддерживаем, пусть они будут хоть неграми, но если борются с Советами, значит, они наши союзники.

После этого разговора с Пилсудским Савинков на страницах своей газеты «За свободу» не раз цитировал лозунг «Хоть с чертом, но против большевиков»¹⁷.

«Русская армия», вооруженная на французские и польские деньги, готова была выступить на стороне Польши против большевиков, но пока шло ее формирование, советско-польская война закончилась. Согласно заключенному перемирию эта «армия» подлежала эвакуации из Польши. В одной из бесед с Савинковым Пилсудский потребовал дать ему в течение 24 часов ответ о начале эвакуации.

На совещании, на котором присутствовали члены Русского политического комитета, военные, в том числе представитель Врангеля генерал П.С. Махров, Савинков доложил об ультиматуме главы польского государства и поставил вопрос: эвакуируемся или будем воевать с Советами?

Иностранных представителей на совещании не было, поэтому никакого давления на присутствовавших не оказывалось. Однако все они знали их желание. А оно как у поляков, так и у французов было одно – драться. Ведь на эту армию было столько израсходовано. Пусть русские еще раз подерутся между собой.

Пустят кровь друг другу... Смотришь, а они из этой кровопролитной драки что-нибудь и выиграют.

Присутствовавшие на совещании проголосовали за войну... За новую драку с советской Россией.

В октябре 1920 г. 3-я армия под руководством генерала Пермикина выступила вместе с петлюровской армией, взяв направление на Черкассы, а Булак-Балахович двинулся по маршруту Мозырь–Речица–Гомель. Прежде, чем ввязаться в драку с большевиками, балаховцы передрались с пермикинцами. Донские казаки под командованием атамана Яковлева ограбили обоз генерала Пермикина. С этого скандала начался «блестящий» поход русской армии, который лег в основу повести Савинкова «Конь вороной» – этой «панихиды по белому движению»¹⁸.

В походе с Савинковым под видом корреспондента английской газеты «Таймс» двигался небезызвестный бывший английский резидент в Петрограде Поль Дюкс¹⁹, а в колоннах находился также другой английский шпион – Сидней Рейли²⁰.

На первых порах армии Булак-Балаховича и Пермикина имели ощутимый успех. Красноармейские части, бросая оружие и боеприпасы, бессистемно отступали в направлении Минска. Противником были заняты Проскуров, Мозырь, Каменец-Каширский и ряд других населенных пунктов Белоруссии и Украины. На захваченной территории был установлен режим кровавого террора. Еврейские погромы, расстрелы ни в чем не повинных людей, разгромленные селения, стон и плач изнасилованных женщин – вот что принесли с собой балаховцы на «освобожденные» земли. Только в небольшом местечке Хайники Гомельской губернии балаховцы убили 150 евреев. Население, пережившее всевозможные режимы, в том числе и немецких оккупантов, с особым ужасом и ненавистью долго вспоминало «народно-добровольческую» армию Булак-Балаховича. Местные жители словом «балаховец» пугали малолетних детей.

Позором покрыл себя «революционер и демократ» Савинков, который не только побратался в походе с балаховцами, но и пытался на страницах своей газеты «За свободу» опровергать все факты убийств и грабежей, учиненных ими. Когда слух о еврейских погромах дошел до Варшавы и Парижа, Савинков в ряде статей писал, что ничего подобного в его армии не происходит, войска доблестно сражаются с большевиками, и все слухи – это злобные наветы большевистской пропаганды. В то время, когда он отправлял свой очередной репортаж о «доблестных» бойцах Булак-Балаховича, в Мозыре его солдаты сняли с богатого еврея шубу и вместе с другим награбленным имуществом преподнесли ее в дар «борцу за демократию».

Но не долго зверствовали бандитские формирования Булак-Балаховича. Они были окружены конницей Г.И. Котовского и

красноармейскими частями 4-й и 16-й армий. Неся большие потери, бандиты вырвались из окружения и с тяжелыми боями ушли в Польшу, где по решению польского правительства были интернированы.

После неудавшегося похода Савинков возглавил Русский эвакуационный комитет, который занимался оказанием материальной помощи интернированным в Польше 20 тысячам солдат и офицеров русской армии. Но Савинков не был бы Савинковым, если бы он посвятил себя только благотворительной деятельности. Главным для него все же остается борьба с большевизмом, и ради нее он идет на все.

В январе 1921 г. Савинков создает при Русском политическом комитете Информационное бюро во главе со своим братом Виктором Савинковым, которое занялось сбором сведений военно-разведывательного характера на территории советской России. Савинковские агенты, которые вербовались из бывших балаховцев, расползлись, словно тараканы, по огромной российской территории. Собранные ими сведения продавались 2-му отделу Генерального штаба Польши и французской военной миссии в Варшаве.

Сам Савинков в это время разъезжал по столицам европейских стран и готовился к съезду «Народного союза защиты родины и свободы». Он решил воссоздать свой разгромленный в 1918 г. «Союз защиты родины и свободы», добавив к его названию слово «народный».

Съезд состоялся 13–16 июня 1921 г. в Варшаве, на Маршалковской, 68, в здании финансового отдела РПК. На съезде присутствовало около 140 человек, из которых 50 прибыло от разных регионов советской России, а также от казачьих, украинских, белорусских и других эмигрантских организаций. От иностранцев в работе съезда участвовали начальник канцелярии маршала Пилсудского полковник Сологуб, сотрудники Генштаба Польши генерал Зелинский и полковник Венява, представитель французской миссии в Варшаве майор Пакелье, английский полковник Клайтон, а также латвийский и эстонский военные атташе в штатском. Открыл съезд Б. Савинков сообщением о членах союза, погибших в борьбе с большевиками. По его данным, только за последнее время в советской России было расстреляно почти сто савинковцев. Съезд исполнил в честь погибших старинный революционный гимн «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Затем Савинков выступил с большим докладом на тему: «Международная и политическая обстановка. Возникновение союза, ориентация союза и основы программы».

В резолюции об отношении союза к русской эмиграции подчеркивалось, что «Октябрьский переворот вверг страну в объятия гражданской войны, которая разбросала по всему миру миллионы русских граждан. В эмиграции они разделились на две

части: первая – чувствует, что возврата к прежней царской России быть не может, она жаждет видеть Россию новой, могучей и счастливой, живущей в мире со своими соседями, а вторая – служившая не за страх, а за совесть царизму, является «великой, единой, неделимой Россией», сторонницей восстановления в России самодержавия»²¹.

В резолюции НСЗРиС призвал эмиграцию сплотиться и выступить против монархистов, с которыми у союза, как заявили его главари, не может быть никакого сотрудничества, а также бороться и с красной реакцией «во имя создания третьей, новой, народной России».

Об отношении НСЗРиС к союзникам съезд указал, что рассматривает их, союзников, как государства, дружественные России, в связи с чем призвал всю деятельность «проводить в тесном контакте с бывшими союзниками и, в частности, с Францией и Польшей». Вместе с тем, отмечалось, что Германия является виновницей многих бед, и среди них – «рассадницей большевизма в России, доведшего нашу Родину до настоящего состояния»²².

В резолюции об отношении союза к генералам П.Н. Врангелю и Г.М. Семенову говорилось: «Народный союз защиты родины и свободы» отвергает начисто и безоговорочно какую-либо возможность соглашения с Врангелями прошлого, настоящего и будущего и считает, что борьба с комиссародержавием не может быть построена на принципе создания единой антибольшевистской армии и единого внешнего фронта, а должна вестись только силами самого вооруженного народа и только во имя создания третьей народной России, построенной, в случае их желания, на свободном союзе всех народов и государств, входивших в состав бывшей Российской империи»²³.

На третьем дне работы НСЗРиС рассмотрел вопросы секретного характера. Речь шла об активизации боевой, террористической и агитационной работы союза на советской территории. Савинков доложил, что на имя Пилсудского и военного министра генерала Сикорского направлено письмо с просьбой о зачислении интернированных донских казаков на польскую пограничную службу. С польским руководством достигнута договоренность, что казачий корпус будет осуществлять охрану западной границы Польши и может быть направлен воевать только против немцев и большевиков.

В заключительном слове Савинков поблагодарил Польшу и Пилсудского за гостеприимство и за оказанную с ее стороны помощь и поддержку, а также выразил надежду, что большевики в России будут свергнуты, и в ней восстановится власть Учредительного собрания.

После съезда подрывная работа савинковцев на территории советской России резко активизировалась. Ежемесячно через опе-

ративные приграничные пункты в сторону советской России и других республик переправлялось до 30 савинковских эмиссаров. Наибольшей пропускной способностью отличался Виленский пункт. Наряду со шпионской работой для поляков и французов, направляемые резиденты НСЗРиС имели задания по формированию в советской России савинковских «пятерок» и «ячеек». К концу 1921 и началу 1922 г. в Москве ВЧК выявила и ликвидировала 23 активных савинковца, работавших в центральных учреждениях и занимавших ответственные посты. 15 активных савинковцев находились «под колпаком» чекистов или в розыске.

На территории Петроградского военного округа в результате умелых оперативных действий чекистов было арестовано свыше 220 савинковцев, а в Западном военном округе – 80 человек. Там же разрабатывалось по подозрению в причастности к савинковской резидентуре свыше 100 человек. В Воронеже, Туле, Ростове-на-Дону, Уфе и других городах органами ВЧК выявлены также резиденты НСЗРиС. Всего же за 6 месяцев 1921—1922 гг. на советской территории было выявлено более 500 активных савинковцев и агентов заграничных центров²⁴.

Резко возросло распространение на советской территории савинковской литературы, в которой НСЗРиС призывал население к сопротивлению большевикам, к восстанию. Листовки под названием «Красноармейцы», «Братья, красноармейцы», «От Народного союза защиты родины и свободы», «К организации и сплочению под знаменем Народного союза защиты родины и свободы зовем мы всех», «Программа НСЗРиС» и многие другие агитационные документы были обнаружены губернскими ЧК и особыми отделами на Украине, Белоруссии, Юге России, в Поволжье и других регионах²⁵.

Осенью 1921 г. в Варшаве, как сообщали источники иностранного отдела ВЧК, участились встречи между Савинковым и главным атаманом Украинской народной республики (УНР) С.В. Петлюрой. 17 октября 1921 г. между ними был подписан договор, в котором указывалось, что этот документ разработан «для продолжения действий против общего врага – большевиков». Согласно договору, Савинков признал полную независимость УНР и ее правительства во главе с атаманом Петлюрой, которому Савинков дал заем в сумме 30 миллионов польских марок. По договору оружие, полученное от Франции организацией Савинкова, частично было передано в распоряжение «Генштаба повстанцев на Украине». Петлюра согласился на формирование частей русских войск под руководством Савинкова в тех районах Украины, которые «будут освобождены от большевиков», а также правительство УНР взяло обязательство «деньгами и оружием поддерживать российскую армию Савинкова». В случае ка-

ких-либо конфликтных ситуаций верховным арбитром сторонами был признан глава Польского государства маршал Пилсудский²⁶.

В 1921 г. особое внимание савинковцы обратили на Западный край. В Гомеле был создан Северо-западный областной комитет НСЗРиС, а в губерниях – губернские, районные, уездные и волостные комитеты. Из солдат и офицеров интернированных русских армий в Польше савинковцы вербовали себе агентуру и боевиков для так называемых партизанских отрядов. Вооруженные польским командованием, они засылались на территорию Западного края для диверсий на железных дорогах, порчи объектов и террористических актов против ответственных советских работников. Так, например, 4 августа 1921 г. отрядом полковника Павловского²⁷ в районе города Полоцка был ограблен и пущен под откос пассажирский поезд, в районе Слуцка совершен налет на местечко Любань, где бандитами убито 20 мирных жителей, а местечко разграблено. В Пуховичах расстреляно 15 евреев, а с жителей взята крупная контрибуция. И таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Каждый вступивший в члены НСЗРиС давал присягу, в которой говорилось: «Клянусь и обещаю не щадя сил своих и жизни своей везде и всюду распространять идеи Народного союза защиты родины и свободы, воодушевлять недовольных и непокорных советской власти, объединять их в революционное общество. Разрушать советское правление и уничтожать опору власти коммунистов, действуя, где можно, открыто с оружием в руках, где нельзя – тайно, хитростью, лукавством»²⁸.

Все организации НСЗРиС, начиная с волостного и заканчивая областным комитетом, занимались сбором информации о состоянии данной местности, предпринимаемых мерах Советской власти против разрухи, расположении красноармейских частей, их численности, настроении красноармейцев и командиров и т.д. Областной комитет обобщал полученные данные и отправлял их во Всероссийский комитет в Варшаву, где Савинков продавал полученные сведения как полякам, так и французам.

Тактика союза заключалась в краткой формуле: «Око за око, зуб за зуб», признавалась «законность» террора всеми возможными способами. Так, во время ликвидации НСЗРиС в Западном крае у его руководителей было изъято большое количество цианистого калия, предназначенного специально для отравления личного состава наиболее преданных большевикам красноармейских частей²⁹.

Подрывная работа савинковского союза против советской России с территории Польши противоречила содержанию мирного договора, заключенного между РСФСР и Польским государством. На основании документальных данных органов ВЧК об антисоветской деятельности Савинкова и его сподвижников Наркоматом иностранных дел РСФСР было направлено

несколько нот Польше с требованием прекратить деятельность савинковского союза. Факты, выдвинутые советским правительством о нарушении Рижского мирного договора с Польшей, были столь обоснованы, что в октябре 1921 г. польские руководители приняли решение о высылке из Польши Савинкова и других главарей НСЗРиС. Русский эвакуационный комитет, под ширмой которого работал союз, был официально распущен, а в действительности лишь поменял свою вывеску и стал называться Русским попечительским комитетом, действовавшим еще долгое время в Варшаве под видом благотворительной организации³⁰.

Центральный комитет НСЗРиС в составе братьев Савинковых, полковника М.Н. Гнилорыбова³¹, А.А. Дикгоф-Деренталя и других вначале перебрался в Прагу, а затем в Париж. В Варшаве был создан областной комитет союза под председательством Е.С. Шевченко³². Представителем от Центрального комитета при нем был назначен Д.В. Философов. В городе Вильно при экспозитуре №1 под руководством эсера И.Т. Фомичева³³ было открыто отделение союза, которое имело право самостоятельно направлять, правда, под контролем 2-го отдела Генштаба Польши, уполномоченных резидентов на советскую территорию³⁴.

Таким образом, несмотря на пребывание в Варшаве советской миссии, подрывная работа НСЗРиС против советской России не прекратилась.

Следует заметить, что в 1920—1921 гг. английские официальные власти как бы не замечали антисоветскую деятельность Савинкова, игнорируя его совершенно, не вступали с ним ни в прямые, ни в косвенные сношения. Причина тому была в его дружеских отношениях с маршалом Пилсудским. В то время Англия никак не могла поладить с Польшей из-за галицкой нефти, у них на какое-то время установились даже враждебные отношения. Естественно, у англичан были натянутые отношения и со всеми союзниками Польши.

Высылка Савинкова из Польши в октябре 1921 г. как бы открыла перед ним двери в Англию. Сам он метался по европейским столицам в поисках средств для подрывной работы против своих заклятых врагов – большевиков, но ощутимых результатов не добился. Наконец, он обратил свой взор и на туманный Альбион. Он искал встреч с самим премьер-министром Дэвидом Ллойд Джорджем. Двери этой великой державы ему помог приоткрыть старый друг, известный английский разведчик Сидней Рейли. В это время последний действовал под «крышей» международного торговца-оптовика табачными изделиями. Рейли дружил с военным министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и однажды за чашкой чая попросил лорда организовать встречу Савинкова с премьер-министром. На удивление, Черчилль сразу согласился на такой прием, но по-

ставил одно условие: до аудиенции с Ллойд Джорджем он должен встретиться с советским полномочным представителем в Англии Л.Б. Красиным, который неоднократно высказывал англичанам такую просьбу.

Савинков хотел отказаться от встречи с советским послом, но затем в разговоре с Рейли высокопарно заметил, что такая «встреча нужна для революции, для будущей новой России». Она, вспоминал он, будет очень похожа на ту, уже далекую встречу с бывшим директором департамента полиции Лопухиным. Тогда, 10 декабря 1908 г., он вместе с Черновым и Аргуновым встречался с Лопухиным в гостинице «Уолдорер-отель» по делу Азефа. И вот опять Лондон. Опять декабрь. И опять встреча с официальным представителем правительства. Правда, уже другой – советской власти. Он согласился на встречу.

Высокий представитель РСФСР долго убеждал Савинкова прекратить борьбу против большевиков, а значит, против России. При условии прекращения антисоветской деятельности, говорил Красин, Савинков сможет поступить на любую службу в представительства Наркомата иностранных дел РСФСР за границей, после чего мог бы использовать свой вес, влияние и связи на благо Родины, помочь ей получить у Англии заем в 10 миллионов фунтов стерлингов золотом, так необходимый для восстановления экономики его страны.

Савинков на предложения Красина ответил, что он готов прекратить свою борьбу и начать работать на благо России, если большевики немедленно проведут в жизнь следующие три условия: 1. передадут верховную власть в России свободно избранным Советам; 2. ликвидируют ВЧК; 3. признают принцип мелкой частной земельной собственности³⁵.

Конечно, Савинков понимал, что Красин не имел полномочий не только для решения этих вопросов, но и для их обсуждения, поэтому довольно продолжительная беседа не дала никаких результатов.

Неожиданно в конце встречи советский посол сказал Савинкову, что разговор у них не последний и не окончательный. В Москве, куда он уезжает на днях, он поставит затронутые вопросы на обсуждение и, кто знает, может быть удастся найти приемлемый для обеих сторон компромисс. Красин уточнил возможность повторить встречу по возвращении из Москвы. Савинков дал ему свой адрес в Париже, и на этом они расстались.

На следующий день после этой встречи Савинков был принят Дэвидом Ллойд Джорджем. На автомобиле в сопровождении Черчилля он отправился в деревню Чеккерс, где отдыхал английский премьер-министр, и провел у него целый день.

Высших правительственных чиновников Англии интересовал вопрос, на каких условиях, по мнению Савинкова, можно было

бы признать советскую Россию. Непримирымый враг большевизма ответил, что он представляет огромную организацию – Народный союз защиты родины и свободы, которая для признания советской власти выдвигает следующие требования. И он несколько другими словами повторил условия, выдвинутые им советскому послу Л.Б. Красину³⁶.

Дэвид Ллойд Джордж согласился с изложенной Савинковым программой и заявил, что на конференции в Каннах английское правительство будет его поддерживать. Премьер-министр сказал Савинкову, что с большевиками он разговаривает и говорить будет, но ни одного фунта стерлингов они не получают. Черчилль поддержал своего шефа и высказал пожелание, чтобы Савинков был в Каннах в частном порядке и в случае необходимости дал разъяснения по русскому вопросу.

В Канны Савинков поехал в сопровождении Д.В. Философова, но там он оказался ненужным, английский премьер-министр обманул его и требований НСЗРиС никому не высказал. Пообещал Ллойд Джордж и денег Савинкову, но время шло, а выполнять свое обещание он не собирался. В феврале 1922 г., как показывал позднее на следствии савинковец полковник М.Н. Гнилорыбов, «мы поняли, что ставка Савинкова на Ллойд Джорджа и Англию безнадежно бита»³⁷.

Вопрос о признании советской власти в России вновь должен был обсуждаться на Генуэзской конференции. Савинков решил теперь свои требования довести до советской делегации через эмигрантские организации «кавказских республик», руководители которых вели в Лондоне и Париже постоянную, иногда довольно успешную дипломатическую работу. Савинков также считал, что такое соглашение с «кавказскими республиками» подготовит почву для совместных вооруженных выступлений против большевиков на территории советской России и поможет созданию центра антибольшевистской борьбы.

Встреча Савинкова, Философова и Ферстенберга с представителями «кавказских республик» состоялась 9 февраля 1922 г. в помещении армянской делегации в Париже. Савинков подробно довел до присутствующих программу НСЗРиС. Зная, как болезненно кавказцы относятся к проблеме самоопределения народов, он подчеркнул, что союз отстаивает это право с момента своего зарождения, т.е. с 1918 г. Далее, он сообщил, что положение советской власти в России является довольно непрочным, и если бы все демократы выступали единым, а не разрозненным фронтом, то с ней уже давно бы покончили. В связи с Генуэзской конференцией он призвал все «окраинные республики» заключить соглашение с русскими демократическими организациями и совместно действовать против большевиков на этой конференции, а также вместе участвовать в вооруженной борьбе на территории советской России.

В принятой резолюции была признана необходимость согласования дипломатической работы в Генуе, но в ней ничего не говорилось о совместной вооруженной борьбе. Уговорить кавказцев по этому вопросу Савинкову не удалось³⁸.

В начале 1922 г. взоры Савинкова обратились на Аппенинский полуостров, в Италию, где набирал силу фашизм, к идеологии которого он относился с большой симпатией. Разъезжая по столицам европейских стран в поисках денежных средств, Савинков в марте 1922 г. в Лугано (Швейцария) встретился с Муссолини.

Уже в самом начале беседы русский националист стал пугать первого итальянского фашиста большевиками, которые, по его мнению, через Коминтерн раздувают новый революционный пожар в Италии. Савинков предложил противопоставить коммунистическому Интернационалу Интернационал националистов. С таким предложением он выходил к руководителям Франции, Англии и других стран. Те ответили, что до конференции в Генуе никаких операций крупного масштаба против большевиков они не позволяют, и никакой помощи ему оказано не будет.

И вот теперь он ждал ответа от вождя итальянских фашистов. Поймет ли он русского националиста, поддержит ли его деньгами, так необходимыми для активизации подрывной работы в советской России? Муссолини удивил Савинкова, когда сказал, что к большевикам фашисты относятся совсем равнодушно и даже они им благодарны за их борьбу против Англии и Франции, стремящихся лишить Италию звания великой державы. Для фашистов, говорил дуче, большевики являются непримиримыми противниками только тогда, когда они переносят свою деятельность на территорию Италии.

Вождь итальянских фашистов предложил Савинкову сотрудничество в Италии или в тех странах, где непосредственно затрагиваются ее интересы, например, в Югославии, если большевики там вздумают заниматься националистической пропагандой против Италии. Савинков согласился.

Продолжая разговор, Муссолини сообщил ему, что руководство фашистов обеспокоено скорым прибытием в Италию советской делегации. Он заявлял, что итальянский пролетариат и значительная часть крестьянства с симпатией относится к Советам, а значит в их честь могут быть разные манифестации.

Савинков также представил ряд документов, свидетельствующих о больших приготовлениях итальянских коммунистов к массовым демонстрациям и митингам. В их числе он ознакомил Муссолини с письмом Коминтерна к коммунистам Италии об использовании пребывания советской делегации для привлечения новых членов в коммунистическую партию и усиления коммунистической пропаганды в стране.

Муссолини и Савинков на встрече в Лугано установили и общую тактику: вождь итальянских фашистов на каждую проведенную коммунистами манифестацию должен был организовать таких же размеров контрманифестацию фашистов. Савинков согласился шпионить за членами советской делегации и сделать все, чтобы их пребывание в Италии было невыносимым.

Муссолини потребовал, чтобы Савинков из соображений внешней и внутренней политики Италии отказался от каких-либо террористических актов против членов советской мирной делегации на итальянской территории. Тот заверил дуче, что терактов со стороны НСЗРиС в Италии не будет.

Муссолини предупредил Савинкова, чтобы его организация была осторожной, так как итальянское правительство на все время проведения конференции приняло чрезвычайные меры предосторожности. За всеми русскими, как проживающими в Италии, так и прибывающими, устанавливается особый надзор. Министр внутренних дел Италии предложил фашистам и коммунистам заключить между собой перемирие на время проведения Генуэзской конференции³⁹.

Беседа Савинкова с вождем итальянских фашистов прошла в душевной и товарищеской обстановке, как у людей, имеющих много общего и понимающих друг друга с полуслова, но того, за чем приехал Борис Викторович в Швейцарию, он не получил. Денег Муссолини ему не дал, правда, много обещал, но только в следующий раз. После встречи с Муссолини отношение к фашизму у Савинкова стало очень теплым. Он стал восторгаться фашизмом, пропагандировал его в своей газете, так как видел в этой идеологии спасение от коммунизма.

Прошло всего два года после этой встречи, и Савинков в одном из писем в Москву в ЦК НСЗРиС писал о фашизме: «Эсеровская пресса дурно понимает его. В нем нет элементов реакции, если не понимать под реакцией борьбу с коммунизмом и утверждение порядка. Фашизм спас Италию от коммуны. Фашизм стремился смягчить борьбу классов, он опирается на крестьянство, он признает и защищает достоинство каждого гражданина. Так называемый империализм итальянских фашистов – явление случайное, объяснимое избытком населения в стране и отсутствием хороших колоний, такое же случайное явление и сохранение монархии. Фашистское движение растет повсеместно в Европе, в особенности в Англии, и я думаю, что будущее принадлежит ему. Это неудивительно. Европа переживает кризис парламентских учреждений. Люди разочаровались в болтунах, не сумевших предотвратить войны и не сумевших организовать послевоенную жизнь. Фашизм не отрицает народного представительства, но требует от народных избранников не красноречивых речей, а действий и волевого напряжения. Пар-

ламент у нас (Советы) не должен мешать правительству в его созидательной работе бесконечными прениями и присущей всякому многолюдному собранию нерешительностью. Если за парламентом остается право контроля, то на него возлагаются обязанности, он не должен быть безответственным и бездейственным учреждением. Керенским и Милюковым в фашизме нет места. Отсюда их ненависть к нему»⁴⁰.

К началу 1922 г. в органах ВЧК–ГПУ набралось огромное количество документальных материалов, изобличающих Савинкова как одного из самых деятельных антисоветских лидеров белой эмиграции, борьба с которыми отнимала у советских органов госбезопасности много сил и средств.

С февраля 1922 г. Савинков обосновался в Италии под фамилией Гуленко, журналиста из Константинополя, откуда выезжал в разные европейские страны по своим делам. Он осел в Генуе, где совсем скоро должна была начать свою работу конференция, посвященная советской России. Под видом журналиста Гуленко Савинкову удалось выйти на контакт с резидентурой иностранного отдела ГПУ в Италии и делать предложения о своих услугах. Чтобы войти в доверие, он представил ряд документов, в основном имеющих историческое значение, по-видимому, из своего же архива. С ним встречался несколько раз сам резидент. В доверие Гуленко втерся не только к руководству резидентуры, но чуть было не оказался в составе охраны советской делегации во главе с Г.В. Чичериным. Только благодаря случайности он был разоблачен. В Берлине через местного полицейского чекистами было добыто временное свидетельство Савинкова, выданное в Константинополе итальянским консулом. Этим документом он пользовался для обратного въезда в Италию из Берлина. Указанное свидетельство с фотографией Савинкова было направлено в итальянскую резидентуру, где вскоре ее сотрудники опознали истинное лицо «услужливого» Гуленко. О Савинкове-Гуленко были поставлены в известность итальянские власти, и 18 апреля 1922 г. в Генуе он был арестован полицией.

В ГПУ возникла мысль потребовать выдачи арестованного в Генуе Савинкова как крупного террориста и уголовного преступника, готовившего использовать цианистый калий против красноармейцев и населения Белоруссии и Западного края, что противоречило Женевской конвенции.

26 апреля 1922 г. заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт направил на имя заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана письмо, в котором поставил вопрос «о возможности проведения соответствующих дипломатических шагов для получения Савинкова ценою всех приемлемых для нас компенсаций. Мы имеем полное основание полагать, что удачный

исход переговоров позволил бы нам вовсе ликвидировать савинковские организации»⁴¹. Но заполучить террориста не удалось.

С ранних лет Савинков являлся убежденным сторонником индивидуального террора. Он участвовал в ряде террористических актов против царских сановников. Террор он поставил во главу политической борьбы против большевистской власти. Необходимость террора он обосновывал в газете «За свободу» и в личных директивах членам своей организации. Так, в середине 1921 г. он консультировал В.И. Свежевского⁴², направленного в Москву для убийства В.И. Ленина.

В конце марта 1922 г. Савинков выехал из Генуи по упомянутому временному удостоверению в Берлин, куда уже были вызваны им активные члены НСЗРиС капитан Васильев⁴³, Эльвенгрэн⁴⁴, Клементьев⁴⁵ и Головщиков⁴⁶. В Берлине они занялись подготовкой к террористическому акту над наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и другими членами советской мирной делегации, направлявшейся на Генуэзскую конференцию. За советскими дипломатами в немецкой столице савинковцами было установлено наружное наблюдение, за ними следили днем и ночью, с оружием в руках. Террористические намерения Савинков высказывал против Ленина, Троцкого, Сталина, Каменева и других партийных и советских деятелей⁴⁷.

Все изложенное о Борисе Савинкове нашло отражение в документах архива ФСБ, выявленных и подготовленных к публикации. Отобранные материалы Центрального архива ФСБ РФ свидетельствуют, что Савинков для партии большевиков представлял наиболее активного и непримиримого противника, готового во имя своих политических амбиций действовать самыми крайними мерами. Человек, которого принимали высшие чиновники Англии, Франции, Польши и других европейских стран, был опасен для большевиков тем, что являлся необыкновенно деятельным, не только призывавшим к борьбе с советской властью, но и активно воевавшим против нее с оружием в руках. Борьба с его многочисленными резидентурами и вооруженными отрядами, состоявшими из отпетых головорезов, отнимала много сил и средств у нового режима в России. Его многочисленные призывы к террору против лидеров большевиков, конечно, не могли не беспокоить властные структуры советской России.

К середине 1922 г. Савинков стал очень опасным, поэтому ГПУ признало его в числе одного из основных противников, которому объявило непримиримую и беспощадную войну.

6–8 мая 1922 г. коллегия ГПУ, руководимая И.С. Уншлихтом, приняла решение, имевшее большое значение для истории советских органов госбезопасности. В эти дни был создан Контрразведывательный отдел (КРО), которому поручалась борьба с иностранным шпионажем, белоэмигрантскими центрами и подполь-

ными организациями на территории советской России⁴⁸. Вот этому отделу, его сотрудникам и суждено было поставить последнюю точку в биографии «артиста авантюры», как называл Савинкова А.В. Луначарский.

Руководство КРО (начальник А.Х. Артузов⁴⁹, его заместитель Р.А. Пиляр⁵⁰, помощник начальника С.В. Пузицкий⁵¹) и личный состав 6 отделения (начальник И.И. Сосновский⁵², его помощник Н.И. Демиденко⁵³, секретный сотрудник КРО по закордону А.П. Федоров⁵⁴, уполномоченные Г.С. Сыроежкин⁵⁵ и С.Г. Гендин⁵⁶, помощник уполномоченного КРО ПП ГПУ по Западному краю И.П. Крикман⁵⁷) провели известную сейчас всему миру уникальную контрразведывательную операцию «Синдикат-2».

Хочется отметить, что весьма удачным был подбор сотрудников, осуществлявших эту и другие разработки КРО. Все они были люди молодые, прошедшие школу революционных событий и войн, инициативные, высокообразованные интеллектуалы, верившие в идеи пролетарской революции. Они составили костяк отечественной контрразведки, которая стала грозой для всех иностранных разведок. Деловая обстановка, энергичная и напряженная работа у них сочеталась с дружбой и товариществом, частыми встречами в домашних условиях, во внеслужебной обстановке. Новая структура КРО позволяла им, иногда не уполномоченным по должности, обращаться по вопросам операции «Синдикат-2» непосредственно к Ф.Э. Дзержинскому и В.Р. Менжинскому, которые курировали это важное оперативное мероприятие. Не надо было бегать за визами, за согласованием каких-либо вопросов, так как руководство им доверяло, и они старались оправдать это доверие, беря часто на себя решение очень сложных вопросов. В процессе дальнейшей работы руководители ГПУ–ОГПУ признавали, что оперативные сотрудники КРО принимали самые нужные и верные решения.

Успех операции «Синдикат-2» с самого начала обеспечивался мастерским использованием в оперативных мероприятиях захваченных чекистами савинковцев Л. Шешени⁵⁸, М. Зекунова⁵⁹, умелой с ними работой по привлечению их к сотрудничеству.

Арест и ведение оперативной игры от имени близкого друга Савинкова полковника С.Э. Павловского, использование «втемную» эмиссара Савинкова И.Т. Фомичева были классическими. В результате тщательной отработки легенды и настойчивости были внедрены в разработку самого Савинкова чекисты А.П. Федоров и Г.С. Сыроежкин, выезжавшие для этой цели за границу, а также С.В. Пузицкий, Р.А. Пиляр, Н.И. Демиденко и другие сотрудники КРО, способствовавшие закреплению легенды о наличии подполья на советской территории.

Изобретательность и находчивость, выдержка и настойчивость обеспечили положительное завершение дела.

Определенную роль в этом сыграла продуманная дезинформация для польской разведки, тщательная отработка текстов докладов и писем, шедших, якобы, от московского подполья Савинкову.

Об искусстве контрразведчиков свидетельствует тот факт, что эмигрантские круги, несмотря на усиленные старания и проверки, не смогли найти явных следов и улики участия работников ГПУ в легендированной организации. Они только гадали, кто провокатор, подозревали многих, в том числе и Дикгоф-Деренталя, Фомичева, Павловского, но до сути так и не добрались. Служба польской разведки в Вильно и в Варшаве бурно реагировала на провал. Были разогнаны офицеры 2-го отдела Генерального штаба Польши, которые, сами того не ведая, помогли разоблачению и поимке Савинкова, поставляя ему и его соратникам польские паспорта, оформляя визы, снабжая деньгами и т.д.

Борис Савинков, супруги Деренталь и другие его попутчики были задержаны 15 августа 1924 г. в Минске. 18 августа 1924 г. они были уже во внутренней тюрьме ОГПУ.

Затем было проведено следствие, которое обеспечивали сотрудники 6 отделения КРО ОГПУ. Обвинительное заключение по делу Савинкова готовил его начальник И.И. Сосновский. 29 августа 1924 г. военной коллегией Верховного суда СССР Б.В. Савинков был осужден к расстрелу, но суд учел его чистосердечное раскаяние и обратился с ходатайством в ЦИК СССР о смягчении меры наказания. ЦИК СССР удовлетворил ходатайство суда и заменил высшую меру наказания десятью годами тюремного заключения.

Содержался Савинков во внутренней тюрьме ОГПУ. Чтобы облегчить душевное состояние и закрепить его на позициях признания и сотрудничества с советской властью, ему были созданы максимальные удобства нахождения под стражей. Он часто в сопровождении чекистов выезжал в город на прогулки, посещал рестораны и театры, приглашался на квартиры сотрудников КРО Пузицкого и Сосновского, встречался с литераторами и знакомыми, занимался литературной деятельностью. Савинков несколько раз обращался через печать к лидерам белой эмиграции с призывом прекратить бессмысленную борьбу. Его объемное письмо «Почему я признал советскую власть» печаталось в эмигрантской прессе, в газетах и журналах многих стран Европы. По распоряжению Ф.Э. Дзержинского ему разрешили находиться в одной камере с его гражданской женой Л.Е. Деренталь⁶⁰. Савинков и Любаша, как он ее называл, обеспечивались необходимой литературой, продуктами, вином.

Несмотря на льготный режим Савинков очень тяготился положением человека, лишенного свободы, и просил освободить его досрочно из тюрьмы. 7 мая 1925 г. утром в камере Внутренней

тюрьмы Савинков передал Сперанскому письмо на имя Ф.Э. Дзержинского, в котором снова просил освободить его из тюрьмы, а если это невозможно, то ответить «ясно и прямо, чтобы в точности знать свое положение». Затем в сопровождении Пузицкого, Сперанского⁶¹ и Сыроежкина он был на прогулке в Царицынском парке. На Лубянку они вернулись в 22 часа 30 минут, и в ожидании конвоя он рассказывал чекистам в кабинете № 192 о своей вологодской ссылке. И вдруг в 23 часа 20 минут Савинков прыжком вскочил на подоконник и головой вниз выбросился в окно.

Прибывший вскоре начальник санитарной части ОГПУ М.Г. Кушнер в присутствии помощника прокурора РСФСР Р.П. Катаньяна констатировал смерть Савинкова.

Расследованием факта самоубийства по поручению Ф.Э. Дзержинского занимался особоуполномоченный Коллегии ОГПУ В.Д. Фельдман⁶². В заключении он указал: «Савинков за последнее время тяготился положением человека, лишенного свободы, и неоднократно высказывал мысль: либо освобождение, либо смерть». И далее Фельдман писал, что «какой-либо халатности со стороны лиц, имевших в данный момент обязанность его охранять, то есть Пузицкого и Сыроежкина, или признаков этой халатности не усматривается, и дознание подлежит прекращению».

12 мая 1925 г. Ф.Э. Дзержинский поручил Артузову составить текст для опубликования в печати о самоубийстве Бориса Савинкова. Такой текст Артузов и Пузицкий составили быстро. Председатель ОГПУ подредактировал его и направил на согласование Сталину. Тот согласился с текстом, и 13 мая газета «Правда» опубликовала сообщение о самоубийстве Бориса Савинкова⁶³.

¹ *Сазонов (Созонов) Егор Сергеевич* (1879–1910). Из семьи богатого лесопромышленника. Будучи студентом медицинского факультета Московского университета принимал участие в студенческом движении, за что исключен из университета и выслан в Уфу. Неоднократно арестовывался полицией. Член партии социалистов-революционеров и ее боевой организации. 15 июля 1904 г. совершил террористический акт против министра внутренних дел В.К. Плеве, за что осужден к бессрочной каторге. 26 ноября 1910 г. покончил жизнь самоубийством.

Каляев Иван Платонович (1877–1905). Из семьи околоточного надзирателя. В 1897–1898 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, сотрудничал в ряде литературных изданий. За участие в студенческих волнениях преследовался властями. Осенью 1903 г. вступил в партию социалистов-револю-

ционеров и ее боевую организацию. Участник покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве. 4 февраля 1905 г. убил великого князя Сергея Александровича бомбой, бросив ее в экипаж на Сенатской площади в Кремле. 5 апреля 1905 г. осужден к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение в Шлиссельбурге.

- ² Собственноручные показания Б.Савинкова от 21 августа 1924 г. о борьбе с большевиками // Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее ЦА ФСБ). Д. Н-1791. Т. 66. Л. 3.
- ³ Справка И.И. Сосновского о показаниях Б.В. Савинкова от 26 октября 1924 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 66. Л. 27.
- ⁴ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 20–21.
- ⁵ *Дикгоф-Деренталь Александр Аркадьевич* (1885–1939). Литератор, журналист, театральный сценарист, один из ближайших сподвижников Б. Савинкова. Учился в военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, на медицинском факультете Цюрихского университета. Эсер. В 1906–1916 гг. проживал во Франции, разыскивался царской полицией по обвинению в участии в убийстве попа Г. Гапона. Во Франции был корреспондентом «Русских ведомостей». В 1918 г. вместе с Савинковым создавал СЗРиС. В августе 1924 г. арестован в Минске вместе с Савинковым. Содержался во внутренней тюрьме ОГПУ с 18 августа 1924 г. по 27 мая 1925 г. Был освобожден, в ноябре 1925 г. президиумом Моссовета был принят в гражданство СССР. Занимался литературной деятельностью, работал во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКСе). Автор либретто оперетт «Фиалка Монмартра», «Сорочинская ярмарка», «Чарито» и др. 26 декабря 1936 г. арестован за связь с работниками иностранного посольства и 20 мая 1937 г. «как социально опасный элемент» заключен на 5 лет ИТЛ. 2 марта 1939 г. военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу. В декабре 1997 г. реабилитирован.
- ⁶ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 25.
- ⁷ Допрос Б.В. Савинкова на заседании военной коллегии Верховного суда СССР от 27 августа 1924 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 66. Л. 120.
- ⁸ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 24–131.
- ⁹ Допрос Б.В. Савинкова на заседании военной коллегии Верховного суда СССР от 27 августа 1924 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 66. Л. 121.
- ¹⁰ *Философов Дмитрий Владимирович* (1872–1940), русский писатель, эмигрировал в Германию, откуда перебрался в Польшу. Редактор савинковской газеты «Свобода» («За свободу»), член правления Русского политического комитета и Русского эвакуационного комитета. Представитель ЦК НСЗРиС в Польше.
- ¹¹ *Буланов Н.К.*, член правления Русского политического комитета в Польше, начальник его финансового отдела, входил и в руководство НСЗРиС. Других сведений на него выявить не удалось.
- ¹² *Ульяницкий В.В.*, член правления Русского политического комитета и Русского эвакуационного комитета, возглавлял в них культурно-просветительский отдел. Входил в руководство НСЗРиС. В 1923 г. умер.

- ¹³ *Савинков Виктор Викторович* (1886–?), брат Б.В. Савинкова, бывший художник, офицер русской (1916–1917) и Добровольческой (1918–1920) армий. В 1920 г. в Новороссийске был пленен Красной армией. Скрыв свою настоящую фамилию, изъявил желание служить в Красной армии, был назначен командиром артиллерийской батареи и направлен на польский фронт, где вскоре перешел на сторону поляков. Участвовал в составе армии Булак-Балаховича в походе на советскую Белоруссию. С января 1921 г. возглавлял при Русском политическом комитете в Варшаве информационное бюро, которое занималось сбором сведений военно-разведывательного характера на территории советской России. Входил в руководство НСЗРиС. С ноября 1921 г. проживал в Праге. В 1923 г. отошел от политической деятельности.
- ¹⁴ *Булак-Балахович (Бей Булак-Балахович) Станислав Никодимович* (1883–1940), участник 1-й мировой войны. В конце 1917 г. – командир конного полка, ставшего на сторону Красной армии. В конце 1918 г. перешел к Юденичу, произведен им в генерал-майоры. В 1920 г. руководил 3-й русской армией, вторгавшейся на территорию советской Белоруссии. Пилсудским был произведен в польские генералы. Позже работал в Польше директором лесных разработок. Участвовал в обороне Варшавы в сентябре 1939 г. 10 мая 1940 г. застрелен немецким патрулем на улице Варшавы.
- ¹⁵ *Глазенап Петр Владимирович* (1875–?), из дворян, участник 1-й мировой войны (в 1917 г. полковник), с декабря 1917 г. в Добровольческой армии, командовал конными частями, был военным губернатором Ставропольской губернии, в ноябре 1918 г. получил чин генерал-майора. Летом 1919 г. направлен в Северо-Западную армию Юденича и стал генерал-губернатором Северо-Западной области. В конце 1919 г. принял от Юденича командование этой армией. Потом переехал в Польшу, где непродолжительное время командовал 3-й русской армией, сформированной Савинковым. Член Русского эвакуационного комитета в Польше.
- ¹⁶ *Пермикин (Перемыкин) Борис Сергеевич* (1890–1971), участник 1-й мировой войны. В гражданскую войну принимал участие в формировании армии Юденича. За короткий срок прошел путь от ротмистра до генерал-майора. С марта 1920 г. участвовал в формировании в Польше русских воинских частей, которые по приказу генерала Врангеля переименованы в 3-ю русскую армию. В октябре 1920 г. эта армия выступила против советской России, но в ноябре 1920 г. она была разгромлена красноармейскими частями. Затем проживал во Франции, являлся инвалидом войны, работал на заводе, бедствовал, в политических движениях белых не участвовал. Во время II мировой войны служил в 1-й дивизии армии Власова. После войны жил в Зальцбурге (Австрия).
- ¹⁷ Доклад неизвестного источника о деятельности Русского политического комитета в Польше за 1920–1921 гг. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 273. Л. 42–47.
- ¹⁸ Там же. Л. 42–43.
- ¹⁹ *Дюкс (Дьюкс) Поль* (1889–1967) – британский подданный, по специальности журналист, английский разведчик. В ноябре 1918 г. под видом журналиста приехал в советскую Россию, занимался разве-

дывательной деятельностью вместе с Локкартом и английским шпионом Рейли. Являлся одним из организаторов антисоветского заговора в Петрограде в 1919 г. В августе 1919 г. в связи с провалом заговора бежал в Англию.

²⁰ *Рейли Сидней Георгиевич* (1874–1925) – британский подданный, окончил философский факультет в Гейдельберге и в Лондоне – Королевский горный институт, по специальности химик, английский разведчик. Во времена Временного правительства познакомился с Борисом Савинковым, дружба с которым длилась многие годы. В 1918 г. принимал активное участие в заговоре трех послов (заговор Локкарта). Советским судом заочно осужден к расстрелу. Затем являлся представителем английской разведки при штабах Добровольческой армии. Находился на разведывательной работе в Германии, Польше, США. В октябре–ноябре 1920 г. участвовал в савинковском походе в советскую Белоруссию. Встречался с Савинковым в Париже, оказывал ему финансовую и иную поддержку. Савинкова называл «талантливейшим конспиратором и необыкновенно храбрым человеком». В 1925 г. в результате чекистской операции «Трест» был завлечен на территорию СССР и 5 ноября 1925 г. расстрелян.

²¹ Резолюция съезда НСЗРиС об отношении союза к русской эмиграции // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 357. Л. 13.

²² Резолюция съезда НСЗРиС об отношении союза к Антанте // Там же. Л. 14.

²³ Резолюция съезда НСЗРиС об отношении союза к генералам Врангелю и Семенову. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 357. Л. 15.

²⁴ Циркулярное письмо КРО ГПУ о деятельности савинковских организаций // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 22. Л. 17.

²⁵ Дело с листовками и прокламациями НСЗРиС // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 355. Л. 83–99.

²⁶ Договор между главным атаманом УНР С.В. Петлюрой и Б.В. Савинковым // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 175. Л. 2–8.

²⁷ *Павловский Сергей Эдуардович* (1892–1924), один из наиболее активных боевиков савинковской организации. Окончил кадетский корпус в Москве и Елизаветградское военное училище. Участник 1-й мировой войны. В 1917 г. – поручик. В 1918 г. был в армии генералов Н.Н. Юденича, затем С.Н. Булак-Балаховича. В октябре–ноябре 1920 г. участвовал в Мозырском походе Балаховича, во время которого познакомился с Савинковым. В 1921–1922 гг. возглавлял военный штаб «Народного союза защиты родины и свободы» в Варшаве и неоднократно участвовал в организации бандитских вылазок на территорию Белоруссии, сопровождавшихся убийствами и грабежами мирных жителей и еврейскими погромами. В 1923 г. нелегально прибыл в Москву по поручению Савинкова для установления реальности существования легендированной чекистами антисоветской организации. 17 сентября 1923 г. был арестован и вскоре дал согласие на участие в чекистской операции «Синдикат-2». В 1924 г. по решению Коллегии ОГПУ расстрелян.

²⁸ Обвинительное заключение ПП ГПУ по Западному краю по делу Герасимова В.И. и других от 12 июля 1923 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Папка. Л. 5.

- ²⁹ Там же. Л. 4–6.
- ³⁰ Циркулярное письмо КРО ГПУ о савинковской организации от 12 мая 1922 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 22. Л. 14–15.
- ³¹ *Гнилорыбов Михаил Николаевич* (1885–1923), из семьи казачьего офицера, окончил кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1904) и военно-юридическую академию (1911). Участник 1-й мировой войны и белого движения. В декабре 1917 г. – июне 1918 г. принимал участие в союзе общественных деятелей и в т.н. «степном походе», был редактором газеты «Донское утро» и окружным атаманом Сальского округа. В августе 1918 г. избран членом Донского войскового круга. Потом проживал в Херсонской губернии, где занимался личным трудом. С октября 1919 г. по март 1920 г. участвовал на стороне белых в боевых действиях против войск большевиков. С марта по ноябрь 1920 г. находился в Крыму, редактировал газету «Голос Дона». В ноябре 1920 г. бежал с войсками Врангеля в Константинополь, откуда переехал в Болгарию, где являлся заместителем председателя Донского войскового круга. В 1921 г. в Варшаве введен в руководство НСЗРиС. В ноябре 1921 г. выслан из Польши вместе с Савинковым и его 14 сподвижниками. В августе 1922 г. приехал в Москву, был арестован и в апреле 1923 г. решением Коллегии ОГПУ «за участие в контрреволюционной организации и террористическую деятельность» расстрелян. В феврале 1999 г. в реабилитации отказано.
- ³² *Шевченко Евгений Сергеевич*, бывший член Одесского окружного суда, полковник-юрист. В Польшу прибыл летом 1921 г. из Румынии, был введен в руководство НСЗРиС, являлся начальником отдела контрразведки НСЗРиС на территории Польши. После высылки Савинкова из Польши назначен председателем Варшавского комитета НСЗРиС. Одновременно являлся заместителем, а затем и редактором газеты «За свободу».
- ³³ *Фомичев Иван Терентьевич* (1886–1924), с 1905 г. состоял в партии эсеров, участник 1-й мировой войны. В 1918 г. служил казначеем и военным чиновником в армии Юденича. С 1920 г. в Варшаве, член НСЗРиС, служил в армии Булак-Балаховича. С 1921 г. служил в польской разведке, выполнял поручения Савинкова по инспектированию организаций НСЗРиС в России. В августе 1924 г. был арестован вместе с Савинковым в Минске. В сентябре 1924 г. по решению Коллегии ОГПУ осужден к расстрелу.
- ³⁴ Обвинительное заключение ПП ГПУ по Западному краю по делу Герасимова В.И. и других от 12 июля 1923 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Папка. Л. 5.
- ³⁵ Уголовное дело на Гнилорыбова М.Н. // ЦА ФСБ. Д. Н-1848. Л. 262–263.
- ³⁶ Справка Б.В. Савинкова от 19 января 1925 г. о его встрече с Черчиллем и Ллойд Джорджем // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 19. Л. 233–235.
- ³⁷ Уголовное дело на Гнилорыбова М. Н. // ЦА ФСБ. Д. Н-1848. Л. 263.
- ³⁸ Протокол заседания совета представителей эмиграции 4-х «кавказских республик» и Б.В. Савинкова // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 19. Л. 228–229.
- ³⁹ Сообщение ИНО ГПУ от 7 марта 1922 г. о встрече Б.В. Савинкова с Муссолини // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 119. Л. 41–43.

- ⁴⁰ Письмо Б.В. Савинкова в ЦК НСЗРиС в Москву от 5 мая 1924 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 8. Л. 149.
- ⁴¹ Письмо заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта заместителю народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахану в отношении Б.В. Савинкова // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 119. Л. 49.
- ⁴² *Свежевский Виктор Иванович* (1891–1923), офицер царской армии. В 1918 г. командовал артиллерийской батареей в Красной армии. Весной 1919 г. вместе с батареей перешел на сторону генерала Юденича, участвовал в боях с советскими частями. В 1921 г. был в Москве для сбора шпионских сведений. В 1922 г. арестован чекистами, в 1924 г. расстрелян за шпионаж.
- ⁴³ *Васильев Борис Александрович* (?–1924), участник 1-й мировой войны и белого движения, имел звание капитана, служил в технических частях. Проживая в Варшаве, являлся секретарем Б. Савинкова. В апреле 1922 г. принимал участие вместе с Савинковым, Эльвенгреном, Клементьевым и Головщиковым в подготовке в Берлине террористического акта, направленного против наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина и других членов советской делегации, следовавших на Генуэзскую конференцию. В 1924 г. умер.
- ⁴⁴ *Эльвенгрен (Эвельгрэн, Энвельгрэн) Георгий Евгеньевич* (1889–1927). Участник 1-й мировой войны, возглавлял команду добровольцев-охотников (разведчиков). Штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, вице-председатель Союза георгиевских кавалеров. В 1917 г. был арестован жандармским управлением по обвинению в подготовке покушения на царицу Александру Федоровну и ее фрейлину Вырубову и определен на поселение в Вологодскую губернию, но этому помешала Февральская революция. С 1921 г. – представитель НСЗРиС в Финляндии. Пытался организовать ряд террористических актов против советских руководителей за границей. В июне 1926 г. прибыл по подложным документам в СССР для ведения антисоветской работы. Был арестован чекистами и 9 июня 1927 г. приговорен к расстрелу.
- ⁴⁵ *Клементьев Василий Федорович*, участник 1-й мировой войны и белого движения, капитан-артиллерист, служил в финляндской артиллерийской бригаде. В 1918 г. принимал активное участие в антисоветской работе «Союза защиты родины и свободы» в Москве, которым руководил Савинков. Состоял членом боевой дружины штаба полковника А.П. Перхурова. Был арестован ВЧК в Москве под фамилией И.Л. Соколов. Просидел полтора года в Бутырской тюрьме, в 1920 г. был освобожден и вскоре очутился в Польше, где вступил в савинковскую организацию. Являлся начальником ряда пограничных пунктов НСЗРиС. Сотрудничал в газете «За свободу».
- ⁴⁶ *Головщиков Борис*, белый офицер, участник Мозырского похода армии Булак-Балаховича в октябре – ноябре 1920 г. После интернирования остатков армии в Польше содержался в лагере Торн, при встрече с Савинковым изъявил желание заниматься террористической работой.
- ⁴⁷ Доклад А.П. Федорова о восьмой поездке за границу и встрече с Б.В. Савинковым // ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 8. Л. 138.
- ⁴⁸ Протокол заседания Коллегии ГПУ от 6–8 мая 1922 г. // ЦА ФСБ. Ф.1 ОП. 6 Д. 12. Л. 84.

- ⁴⁹ *Артузов (Фраучи) Артур Христианович* (1891–1937), член партии большевиков с 1917 г. Закончил с отличием Петроградский политехнический институт по специальности инженер-металлург. В ВЧК с 1919 г. Пошел служить под влиянием М.С. Кедрова и Н.И. Подвойского, женатых на сестрах его матери. В 1922–1927 гг. – начальник Контрразведывательного отдела ГПУ–ОГПУ, затем на руководящих должностях в Секретно-оперативном управлении и Иностранном отделе ОГПУ, член Коллегии ОГПУ. В мае 1934 г. назначен заместителем начальника Разведывательного управления штаба РККА. Имел звание корпусного комиссара. В январе 1937 г. откомандирован в НКВД и назначен научным сотрудником. В мае 1937 г. арестован, 21 августа 1937 г. расстрелян как «шпион польской и других разведок». В марте 1956 г. реабилитирован.
- ⁵⁰ *Пиляр (фон Пилхау) Роман Александрович* (1894–1937), прибалтийский барон, член партии большевиков с 1914 г. В 1918–1919 гг. один из руководителей компартии Литвы, был схвачен польской контрразведкой и по обмену политзаключенными прибыл в советскую Россию. В середине 1920 г. по рекомендации Ф. Э. Держинского направлен в ВЧК и назначен особоуполномоченным Особого отдела. В 1922–1925 гг. – заместитель начальника КРО ГПУ–ОГПУ. Затем был полномочным представителем ОГПУ в разных районах страны. С 1934 г. – начальник УНКВД по Саратовской области. Комиссар ГБ 2 ранга. В мае 1937 г. арестован по обвинению «в шпионской деятельности в пользу Польши» и 2 сентября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован 4 июля 1957 г.
- ⁵¹ *Пузицкий Сергей Васильевич* (1895–1937), член партии большевиков с 1921 г. Закончил юридический факультет Московского университета, Александровское военное училище, артиллерийские курсы. Подпоручик, участник 1-й мировой войны. В ВЧК с 1920 г. В 1922–1930 гг. – помощник начальника КРО ГПУ–ОГПУ, затем на ответственных должностях в Иностранном отделе ОГПУ–НКВД. В 1935 г. назначен начальником 3 отдела Дмитровского ИТЛ НКВД. Комиссар ГБ 3 ранга. В апреле 1937 г. арестован по ложному обвинению в принадлежности к т. н. антисоветскому заговору в НКВД и 19 июня 1937 г. приговорен к расстрелу. В июне 1956 г. реабилитирован.
- ⁵² *Сосновский (Добржинский) Игнатий Игнатьевич* (1897–1937), член партии большевиков с 1921 г. Закончил 2 курса историко-филологического и философского факультетов Московского университета. Офицер польской армии. В 1919–1920 гг. – резидент польской разведки в России. В июне 1920 г. арестован чекистами, а в августе 1920 г. согласился работать на ВЧК. При его содействии тогда же была ликвидирована польская диверсионная группа, направленная в Минск для ликвидации штаба Западного фронта во главе с его командующим М.Н. Тухачевским. В 1922–1927 гг. – начальник 6-го (белогвардейского) отделения КРО ГПУ–ОГПУ, затем ответственный сотрудник различных управлений ОГПУ–НКВД. В 1935–1936 гг. – заместитель начальника УНКВД Саратовского края. Комиссар ГБ 3 ранга. Награжден орденом Красного Знамени и знаком «Почетный чекист». В ноябре 1936 г. арестован по ложному обвинению «в шпионской деятельности в пользу Польши» и 15 ноября 1937 г. расстрелян. В январе 1958 г. реабилитирован.

- ⁵³ *Демиденко Николай Иванович* (1896–1934), член партии большевиков с 1918 г., в 1920 г. выбыл из партии механически, как не прошедший чистку. В партию вступил вновь в 1929 г. Участник гражданской войны на Украине и юге России. С сентября 1919 г. – ответственный сотрудник Особых отделов ВЧК, зимой 1921 г. переведен в Особый отдел ВЧК. С мая 1922 г. – помощник начальника 6-го (белогвардейского) отделения КРО ГПУ–ОГПУ. Затем на ответственной работе в этом отделе. Награжден орденом Красного Знамени и знаком «Почетный чекист». Умер по болезни 26 июля 1934 г.
- ⁵⁴ *Федоров Андрей Павлович* (1888–1937), в 1909–1917 гг. – эсер-максималист, в 1917–1919 гг. – левый эсер, с 1919 г. – большевик. Окончил юридический факультет Харьковского университета, с 1915 г. – прапорщик военного времени, с 1920 г. – в органах ВЧК. В 1922–1924 гг. Федоров был главной фигурой в чекистской операции «Синдикат-2». Именно ему удалось «угговорить» Савинкова приехать в СССР. С 1925 г. Федоров – секретарь Контрразведывательного отдела ОГПУ, в 1930–1934 гг. – сотрудник Иностранного отдела ОГПУ, затем начальник ИНО УНКВД по Ленинградской области. Награжден орденом Красного Знамени и знаком «Почетный чекист». 3 августа 1937 г. арестован по ложному обвинению «в шпионской деятельности в пользу Польши» и 20 сентября 1937 г. расстрелян. В апреле 1956 г. реабилитирован.
- ⁵⁵ *Сыроежкин Григорий Сергеевич* (1900–1939), член партии большевиков с 1920 г. В 1922–1927 гг. – уполномоченный КРО ГПУ–ОГПУ. Активный участник чекистской операции «Синдикат-2». 29 августа 1924 г. заместитель начальника КРО ОГПУ Р.А. Пиляр в рапорте Ф.Э. Дзержинскому отмечал: «Сыроежкин..., состоя официальным сотрудником ОГПУ, посылался два раза нелегально в Польшу. Во время поездок чрезвычайно рискованных, проявил огромную находчивость и смелость. Лишь благодаря этому ему удалось избежать почти неминуемого ареста, влекшего за собой неминуемый его расстрел и провал дела». В дальнейшем находился на ответственной оперативной работе в различных районах страны. В 1937–1938 гг. – советник 14 испанского республиканского корпуса. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени, знаком «Почетный чекист». В июне 1938 г. арестован по ложному обвинению «в шпионаже в пользу Польши» и 26 февраля 1939 г. расстрелян. В феврале 1958 г. реабилитирован.
- ⁵⁶ *Гендин Семен Григорьевич* (1902–1939), член партии большевиков с 1918 г., имел гимназическое образование, в ВЧК с 1921 г. В 1922–1925 гг. являлся уполномоченным, помощником начальника отделения и начальником отделения КРО ГПУ–ОГПУ, затем на различных оперативных должностях в ОГПУ–НКВД. В 1937–1938 гг. – заместитель начальника Разведывательного управления Генштаба РККА. Старший майор ГБ. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, знаком «Почетный чекист». 22 октября 1938 г. арестован и 22 февраля 1939 г. расстрелян. В сентябре 1957 г. реабилитирован.
- ⁵⁷ *Крикман Иван Петрович*, член партии большевиков с 1905 г., в органах ВЧК с 1919 г., в 1922–1924 гг. – помощник уполномоченного

КРО ПП ГПУ–ОГПУ по Западному краю. В чекистской операции «Синдикат-2» занимался организацией переходов госграницы, добывал подводы для переездов, встречал в Смоленске агентов и сотрудников центра, добирался с ними до Минска, а затем и до границы, а также проводил другую техническую работу, от которой многое зависело в этой оперативной игре. За образцовое выполнение заданий правительством СССР Крикману объявлена благодарность, а руководством ОГПУ он награжден знаком «Почетный чекист».

- ⁵⁸ *Шешеня (Адарский) Леонид Николаевич* (1900–1937), будучи студентом Новочеркасского политехникума, в марте 1918 г. вступил добровольцем в корниловскую армию. В 1920 г. в Новороссийске был взят в плен красноармейцами. Как изъявивший желание добровольно служить в Красной армии, был отправлен на польский фронт, где с Виктором Савинковым перешел на сторону поляков и вскоре оказался в армии Булак-Балаховича. По протекции Виктора Савинкова, Шешеня был назначен начальником конвоя Бориса Савинкова, а после разгрома армии Булак-Балаховича стал его адъютантом. Затем в составе отряда полковника С.Э. Павловского участвовал в ряде набегов на белорусские городки и местечки, направлялся на советскую территорию для организации подпольных ячеек НСЗРиС. В сентябре 1922 г. был задержан пограничниками, на допросе в КРО ПП ГПУ по Западному краю подробно и правдиво рассказал о своей жизни и связях с братьями Савинковыми, дал откровенные показания о деятельности в Западном крае НСЗРиС. Согласившись сотрудничать с ГПУ, был использован в операции «Синдикат-2». В дальнейшем являлся резидентом ОГПУ и НКВД СССР. 15 мая 1937 г. был арестован по ложному обвинению в измене Родине и 3 августа 1937 г. военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу. В апреле 1997 г. реабилитирован.
- ⁵⁹ *Зекунев Михаил Николаевич* (1894–?), участник 1-й мировой войны, поручик, командир батальона Красной армии, в 1920 г. попал в плен к полякам, в лагере для военнопленных был завербован Виктором Савинковым для нелегальной работы в советской России и направлен в Москву в качестве резидента НСЗРиС. Ни одного задания союза не выполнил и сразу после ареста в сентябре 1922 г. чекистами предложил свои услуги КРО. По линии чекистской операции «Синдикат-2» неоднократно направлялся в Польшу и оказался толковым и преданным советской власти человеком.
- ⁶⁰ *Дикгоф-Деренталь Эмма (Любовь) Ефимовна* (1896–?). Родилась в Париже, в семье врачей (Сторэ), там же училась в лицее и на литературном факультете Сорбонны. (24 марта 1959 г. она говорила следователю в Магадане, что родилась в 1896 г. в Париже, но потом год ее рождения при выдаче паспорта в 1925 г. перепутали на 1899. Тогда она этому значения не придавала). Ее отец, француз по национальности, рано умер и мать, Минна Ивановна, вышла замуж за Ефима Карловича Броуда, одесского частного поверенного, проигравшего казенные деньги и ставшего парижским корреспондентом «Русского слова». В 1925 г. при получении паспорта Э.Е. сменила фамилию на фамилию отца Сторэ, оставив отчество отчима – Ефимовна. В 1912 г. она вышла замуж за русского

журналиста А.А. Дикгоф-Деренталя. Познакомилась с Савинковым в 1918 г., а еще через год стала его любовницей, близким ему человеком. Была с Савинковым в Варшаве и Париже, а в 1924 г. вместе с мужем отправилась с Савинковым в СССР. Была арестована и находилась во Внутренней тюрьме ОГПУ с 18 августа 1924 г. до конца апреля 1925 г. М. Арцыбашев (Записки писателя. XLVIII. Воспоминания // За свободу. 1925. 15 марта. С. 2–4), а позже польский друг Савинкова К.М. Вендзягольский (Савинков // Новый журнал. 1963. Кн. 71. С. 142–143) высказали предположение о негативной роли супругов Дикгоф-Деренталь, особенно Э.Е., в связи с поездкой и арестом Савинкова. А.А. Дикгоф-Деренталь и Савинков резко осудили Арцыбашева за «гнусные намеки». Именно Э.Е. по согласованию с ОГПУ написала сестре Савинкова В.В. Мягковой в Прагу о самоубийстве ее брата. Вскоре после выхода из тюрьмы Э.Е. была амнистирована, получила советское гражданство и длительное время работала во французской редакции Внешторгиздата. 26 декабря 1936 г. она была арестована и 20 мая 1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР, как «социально опасный элемент» заключена на 5 лет ИТЛ. Заявления ее матери о помиловании Э.Е. Берия оставил «без последствий». Она содержалась в Севвостлаге (бухта Нагаево). Была освобождена из заключения 12 мая 1943 г. с поселением в Магадане. В 1958 г. предпринятая ею попытка добиться реабилитации была безуспешной. В 1960 г. ей разрешили переехать в Мариуполь, где она и умерла. Постановлением Генеральной прокуратуры России Э.Е. Сторэ была реабилитирована посмертно только 3 декабря 1997 г.

⁶¹ *Сперанский Валентин Иванович* (1887–?). В 1922–1925 гг. – уполномоченный КРО ГПУ – ОГПУ. В 1924–1925 гг. непосредственно работал с Б. Савинковым. Гулял с ним по Москве, сопровождал при посещении театров и ресторанов, помогал решать вопросы с изданием его литературных произведений. Савинков заявлял, что относится к Сперанскому «по-товарищески». Позже работал на различных оперативных должностях. В 1937 г. уволен из органов внутренних дел. В 1951 г. работал нотариусом Московской государственной нотариальной конторы.

⁶² *Фельдман Владимир Дмитриевич* (1893–1938), член партии большевиков с 1914 г., в органах ВЧК с 1919 г. В 1924–1934 гг. являлся особоуполномоченным при Коллегии ОГПУ, с 1934 по 1937 гг. – особоуполномоченный при Наркоме внутренних дел СССР. В октябре 1937 г. арестован и в январе 1938 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

⁶³ Подготовленный для публикации в хронике газет текст о смерти Б.В. Савинкова // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 119. Л. 141–142.

Борис Савинков в исторической литературе и документах

*А. Литвин,
М. Могильнер*

О судьбе Савинкова – социалиста-революционера, террориста, писателя, политика, эмигранта, узника советской тюрьмы – написано довольно много. В литературе, относящейся к периоду до 1917 г., Савинков рассматривается, как правило, в двух ипостасях – Савинков-эсер и террорист и Савинков-писатель. Среди авторов преобладают коллеги Савинкова по партии, представители других радикальных и либеральных партий и полицейские чины¹. Особую группу авторов составляют представители культурной элиты серебряного века, для которых феномен Савинкова-Ропшина стал символом конфликта рубежа веков «по-русски»². Большая часть написанного в этот период носит публицистический и мемуарный характер, однако некоторые идеи, высказанные тогда, стали частью более поздней историографии: так, оценки Савинкова как нетипичного эсера, и даже ренегата в собственной партии были восприняты советскими историками. Образ Савинкова – декадентствующего индивидуалиста, человека без идеалов, и в политике и в литературе, и в личной жизни выпячивающего свое «я», тоже сложился в дореволюционной публицистике и затем получил развитие в литературе советского периода.

Переходным звеном в этой цепочке стал комплекс работ о Савинкове, созданный видными представителями советской власти в середине 1920-х годов. Тогда были опубликованы составленные чекистом М.Я. Лацисом³ документы о созданном Б.В. Савинковым в 1918 г. «Союзе защиты родины и свободы». Тогда же было издано обвинительное заключение о «Контрреволюционной организации “Народного союза защиты родины и свободы”»⁴. В книгах Лациса 1920-х годов подробно рассказывалось о том, как чекисты покончили с «Союзом защиты родины и свободы»⁵. В обвинительном заключении по делу лидеров партии правых эсеров им инкриминировалась связь с Савинковым и его «Союзом»,

а в тезисах ЦК РКП(б), посвященных этому процессу, Савинков характеризовался как «декадент-авантюрист»⁶. А.В. Луначарский, один из государственных обвинителей во время процесса над лидерами партии правых эсеров, уже тогда дал ему самую нелицеприятную характеристику⁷. Именно мнение Луначарского на много лет предопределило толкование личности Савинкова в историографии. Сразу после суда над Савинковым Луначарский назвал его «артистом авантюры»⁸. Если у Луначарского этот образ был перегружен дополнительным социологическим смыслом – тип мелкобуржуазной революционности, неизбежно порождаемый индивидуалистической мелкобуржуазной средой – то в большинстве позднейших исследований «артист авантюры» стал трактоваться более примитивно и буквально, как пример азартного игрока-одиночки. Советские историки, восприняв созданный Луначарским образ «артиста авантюры», максимально его объективизировали, превратили, по существу в ярлык, который крепко «пристал» к Савинкову.

Важно отметить, что помимо статьи Луначарского, сборник «Дело Савинкова» включал в себя еще две перепечатки из «Правды» – статью английского коммуниста А. Мак Мануса об уроках процесса Савинкова, и статью М. Шаронова «Всемирно-исторический судебный процесс»⁹. Обе статьи подчеркивали важность именно социологической и политической трактовки истории Савинкова – он не только «Гамлет революции», не просто авантюрист и революционный романтик, он – практик, достойный соперник, представитель определенного типа врагов Советов. Его признание советской власти – не очередной виток в карьере авантюриста, а торжество объективного процесса усиления советского государства: Савинков вступил в союз с сильнейшим.

Антисавинковские статьи 1920-х годов выходили прямо по следам процесса над Савинковым и параллельно с публикацией материалов этого процесса. Поражает оперативность этой публикаторской деятельности: 15 августа 1924 г. Савинков был арестован в Минске, 18 августа стал узником Лубянки, а еще через 9 дней, 27–28 августа состоялся судебный процесс. Столь же быстро, менее чем через месяц, 17 сентября 1924 г. увидел свет том «полного стенографического отчета» судебного заседания: были опубликованы протокол допроса Савинкова (как выяснилось позже с купюрами), обвинительное заключение, стенограмма судебного заседания и приговор суда¹⁰. Все это, естественно, наводило на размышления о подготовленности процесса, о некоем сговоре, состоявшемся «торге» между Савинковым и советскими властями¹¹. Однако статьи советских деятелей, предварявшие эти документальные публикации, навязывали совершенно определенную версию событий, исключавшую какой-либо сговор с «врагом советской власти № 1». Многие советские политики,

публицисты и историки предпочли подчиниться этому «интерпретационному диктату». Практически одну и ту же интерпретацию феномена Савинкова предлагали в своих статьях И. Полтавский, А. Кольчугин, В. Лебединский (сборник «Загадка Савинкова») и К. Радек в очерке «Борис Савинков»¹². Одновременно, появились статьи Марка Горбунова о Савинкове-мемуаристе, призвавшего относиться к воспоминаниям террориста весьма критически¹³. На вопрос: почему Савинков признал советскую власть? – авторы отвечали примерно одинаково: разочарование в эмиграции, очевидная победа большевиков (В. Лебединский); испугался приговора революции, драма человека честного, мужественного, для которого оказалось невозможным слить собственное «я» с великим общим целым (К. Радек). В то время и позже советские историки были единодушны в поддержке официальной версии смерти Савинкова – самоубийство, тогда как их зарубежные коллеги были склонны полагать, что Савинкова убили чекисты 7 мая 1925 г.¹⁴. В советской России тоже были люди, отвергавшие версию самоубийства. Так, в самоубийство не поверила Л.Е. Дикгоф-Деренталь, которая получив на Лубянке известие о конце Савинкова, возмутилась: «Это неправда! Этого не может быть! Вы убили его!». Сын Савинкова от первого брака, Виктор Успенский, запомнил слова отца, сказанные во время свидания в тюрьме: «услышишь, что я наложил на себя руки, – не верь»¹⁵.

Заметим, что дискуссия об убийстве/самоубийстве упиралась в вопрос о том, какова была роль Савинкова в чекистской операции «Синдикат-2»: стал ли он жертвой обмана, или заключил сделку (до или после ареста) с советскими властями и за свое «предательство» ожидал прощения и вознаграждения? Ответы на эти вопросы содержатся в документах, хранящихся в различных архивах и, прежде всего – в архивах бывшего ОГПУ (ныне Центральный архив ФСБ РФ)¹⁶.

В советскую историческую литературу имя Савинкова вернулось в 1960-х годах, когда на волне оттепели пошла речь о возвращении к ленинскому («хорошему») периоду деятельности ВЧК–ОГПУ в отличие от сталинского («плохого») НКВД. Противопоставление чекистов Дзержинского спецслужбистам последующих поколений обосновывалось такими успешными операциями ВЧК–ОГПУ начала 20-х годов, как «Трест», «Синдикат-2» и др. Это были однотипные чекистские операции: «Трест» задумывался для борьбы с монархической эмиграцией и руководителями Российского общевойскового союза (РОВСа) генералами П.Н. Врангелем и А.П. Кутеповым. В рамках «Треста» в Москве была создана мифическая «Монархическая организация центральной России». Операция проводилась с 1922 по 1927 гг. Представителями «Монархической организации центральной России» за рубежом выступали чекисты А.А. Якушев и А.Э. Опперпут¹⁷.

Для придания достоверности существованию этой организации в Москве чекисты даже использовали поездку в СССР одного из активных в ту пору деятелей эмиграции В.В. Шульгина¹⁸.

«Синдикат-2» (1922—1924) был направлен на ликвидацию организации Савинкова и должен был привести к его аресту. Для этой цели в Москве создали мифическую группу «Либеральных демократов», которую за рубежом представлял чекист А.П. Федоров. Операцию осуществлял контрразведывательный отдел ГПУ, созданный 8 мая 1922 г. (выделившись из Особого отдела во главе с А.Х. Артузовым). Заместителем Артузова стал Р.А. Пилляр. 12 мая 1922 г. отдел за подписями Артузова и зам. начальника секретно-оперативного отдела ГПУ Ягоды принимает циркулярное письмо «О савинковской организации», в котором Савинков объявляется одним из главных врагов советской власти. Всем органам ГПУ предлагалось поднять из архивов старые дела на савинковцев, всех выявленных членов его организации взять на учет и под наблюдение. При этом предполагалось создавать группы для проникновения в эти организации, т.е. создавать легендированные организации в среде савинковцев. Руководство КРО и его 6-го отделения («белогвардейского») – 15 сотрудников во главе с И.И. Сосновским – провели «Синдикат-2». Эта операция началась 2 сентября 1922 г., когда в Белоруссии был задержан бывший адъютант Савинкова Л.Н. Шешеня. Участник корниловского похода 1918 г., Шешеня попал в плен в Новороссийске в 1920-м, пошел в Красную армию и оказался в одном полку с Виктором Савинковым, который под чужой фамилией командовал красной артиллерийской батареей. На фронте они вместе перешли к полякам. Дальнейшее известно...

В начале 60-х отдельным историкам и писателям было разрешено поднять эту тему, для чего их ознакомили с некоторыми материалами архива бывшего КГБ. В статьях и книгах Д.Л. Голинкова, в повести В. Ардаматского «Возмездие» основное внимание уделялось образцовой чекистской операции «Синдикат- 2» и художественно развивалась официальная версия 20-х годов о том, что Савинкова искусно заманили, судили и он покончил жизнь самоубийством¹⁹. В этих книгах использовались отдельные протоколы допросов Савинкова и арестованных С.Э. Павловского, И.Т. Фомичева и других его сподвижников.

В 70—80-х годах наблюдается более широкое привлечение документов, хранящихся в ЦГАОРе (ныне – ГА РФ) для изучения «савинковщины», хотя и они не привнесли ничего концептуально нового в установившиеся воззрения о судьбе Савинкова и в оценку его деятельности²⁰. Прорыв в изучении проблемы обозначился только в годы перестройки (со второй половины 80-х годов)²¹. Савинков оказался среди тех исторических героев, чья судьба должна была помочь разобраться с целым рядом проблем, осоз-

нанных в перестройку как основные проблемы современной Российской истории: где искать корни тоталитарной традиции в России, как эволюционировал политический терроризм от террора индивидуального к террору государственному; что представляла собой российская интеллигенция начала века, как относилась она к идее революции, к насилию и т.д.; как оценивать характер Февральской революции, какие люди ее поддержали, и чем был Октябрь, поляризовавший все общество; что являла собой гражданская война, если ее оценивать не с классовых позиций, какие демократические альтернативы большевизму существовали (проблематика «третьего пути»); наконец, почему советская власть победила, какими средствами она воздействовала на своих противников, почему часть антибольшевистски настроенной интеллигенции в 1920-х годах стала добровольно сотрудничать с режимом? Судьба Савинкова со всеми ее перипетиями, идеологическими зигзагами и психологическими загадками представлялась воплощением истории (а для части исследователей – трагедии) России XX века. Вдобавок, интерес к личности Савинкова подогревался перестроечными иллюзиями, связанными с процессом демократизации архивной системы в стране. Казалось, открытый доступ в архивы, и прежде всего – в архивы КГБ, позволит ликвидировать все «белые пятна» советской истории²². В частности, хотелось поставить точку в эпопее Савинкова: сам ли он пришел в советскую Россию, вступив в некий заговор с властью, или его хитро заманили чекисты; кто писал тюремную прозу Савинкова, письма от его имени, выступление на суде; наконец, была ли его смерть самоубийством или Савинкова выбросили из окна Лубянской тюрьмы? Одним словом, в фигуре Савинкова преломились многие новые веяния и надежды перестроечного этапа развития отечественной историографии. В это время появились многочисленные статьи о Савинкове, в которых подвергалась сомнению достоверность официальной версии операции «Синдикат-2» и самоубийства Савинкова, ставился вопрос об авторстве его тюремных произведений и главное, демонстрировалось значение его биографии для понимания многих социально-политических и культурных процессов, происходивших в России в начале XX века²³.

Разумеется, даже те, кто получил доступ к документам ЦА ФСБ, интересовались различными сюжетами: Виталий Шен-талинский обильно цитировал тюремные дневники Савинкова и Любови Ефимовны Дикгоф-Деренталь²⁴; Валерий Сафонов²⁵ – 10 отчетов о поездках к Савинкову за рубеж чекиста Федорова. Но вывод у всех был один и тот же: в самоубийстве Савинкова вряд ли можно сомневаться. Позднее историки заговорили и о возможности убийства. Такого мнения придерживается, в частности, Леонид Млечин, автор биографических очерков о предсе-

дателях КГБ. Английский историк К. Эндрю, ссылаясь на своего соавтора по книге О. Гордиевского, бывшего офицера КГБ, сбежавшего в Англию, пишет, что «Савинкова столкнули в лестничный пролет на Лубянке. Несколько раз Гордиевскому показывали это место ветераны КГБ, причем все они были уверены в том, что Савинкова столкнули»²⁶.

Тема «Савинков и ОГПУ» не исчерпана и по сей день. Если российские историки (Велидов, Голиков, Софинов, Сафонов и др.) и писатели (Ардаматский, Шенталинский) имели возможность познакомиться со многими документами фондов ЦА ФСБ по делу Савинкова, то среди западных историков в изучении этой проблемы более других продвинулся Ричард Спэнс, автор докторской диссертации, опубликованной под названием «Борис Савинков. Ренегат слева»²⁷. В книге он попытался подробно восстановить все этапы биографии Савинкова, вне зависимости от того, насколько можно их документировать. Встречу Савинкова и Красина 1922 г. Спэнс считает доказательством стремления Савинкова к установлению контактов с большевиками, его надежд на нэп и возможную либерализацию советского режима. Спэнс основывается на документах Британского Foreign Office, письмах Савинкова и свидетельствах Е. Кусковой и У. Черчилля. Речь на встрече шла о возможном компромиссе Савинкова с Советами. Для рассказа об отношениях Савинкова и ОГПУ Спэнс использует повесть Ардаматского, но дополняет ее такими источниками как воспоминания жены С. Рейли Пепиты Бобадильти-Рейли и интервью В.Л. Бурцева с бежавшим на Запад советским дипломатом Григорием Беседовским, хранящимся в историческом архиве гугеровского института²⁸.

Согласно Беседовскому, Павловский дал показания о террористических планах Савинкова, заключавшихся в подготовке покушений на Троцкого, Каменева, Зиновьева, Сталина и Дзержинского. В Политбюро было решено устранить этого опасного и непредсказуемого противника, но так, чтобы не навредить репутации СССР, т.е. не путем прямого физического уничтожения. Заметим, что последнее утверждение Беседовского документально подтверждается. В апреле 1922 г. в связи с подготовкой Генуэзской конференции в ГПУ возникла идея потребовать у итальянских властей ареста Савинкова как террориста и уголовного преступника²⁹.

Спэнс дополняет версию Беседовского (Арцыбашева, Вендзягольского) косвенными свидетельствами в пользу сотрудничества Л.Е. Дикгоф-Деренталь с ОГПУ. Ведь она была одной из немногих, поддерживавших идею возвращения Савинкова в Россию. Спэнс предполагает, что только ее мог иметь в виду Генрих Ягода, сообщая в интервью журналисту Вильяму Резвику о «прекрасной сотруднице ОГПУ», которая помогла заманить

Савинкова в Россию, а затем жила с ним в тюрьме³⁰. (При этом как-то забывается, что Ягода был мастером дезинформации).

Спэнс, основываясь на предположениях Беседовского, рассказывает о сомнениях Савинкова перед поездкой в Россию (это подтверждается и официальной версией), о гарантиях, которые Савинков хотел получить от представителей мифической антисоветской организации, намекавших на свои связи в советских правительственных кругах. Он пишет, что в качестве такой гарантии (и в компенсацию за неприезд в Париж Павловского) Савинкову было доставлено письмо за подписью Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого и советского представителя в Варшаве В.В. Оболенского. В письме содержалось предложение: Савинков возвращается в Россию, сдается властям и выступает на публичном суде с признанием советской власти. За это смертный приговор заменяется десятилетним заключением, которое будет недолгим: амнистия позволит Савинкову получить пост в советской иерархии. В качестве доказательства существования этого письма, Спэнс ссылается на его копии, хранящиеся в бумагах американского представительства в Риге и Британском Foreign Office³¹.

При этом Спэнса не смущает, что в момент составления этого документа Каменев и Троцкий были скорее политическими противниками, чем союзниками. Он ссылается на Беседовского, предполагавшего, что опасения, связанные с возможной террористической деятельностью Савинкова, объединили их интересы. Спэнс комментирует: вряд ли Дзержинский решился бы подделать подписи Каменева и Троцкого без их согласия. Сталин был, по Спэнсу, единственным принципиальным противником заключения каких бы то ни было сделок с Савинковым, но Каменев, Зиновьев и Троцкий настаивали на том, что Савинков может пригодиться, особенно в случае возможных осложнений с Польшей.

На Лубянку Савинков прибыл вполне сознавая, что Павловский, Фомичев и другие его сподвижники так или иначе сотрудничали с чекистами, но, по мнению Спэнса, игра с Савинковым на этом не закончилась: сотрудники КРО дали понять Савинкову, что в ОГПУ существует оппозиция, стремящаяся сделать Россию демократическим государством. После амнистии Савинков мог бы стать членом этой оппозиции. Эту часть своих рассуждений Спэнс подкрепляет не только ссылками на Беседовского и Бурцева, но и анализом содержания письма Савинкова Дзержинскому, где среди возможных собеседников Савинкова упоминаются А.Х. Артузов, В.Р. Менжинский и Р.А. Пиляр (правда, Спэнс признает отсутствие прямых доказательств того, что кто-то из троих предлагал Савинкову вступить в якобы существующую оппозиционную чекистскую группу)³².

Далее, вновь основываясь на рассказе Беседовского, Спэнс описывает заседание Политбюро непосредственно перед судеб-

ным процессом: Дзержинский настаивал на необходимости использовать Савинкова, Сталин требовал его ликвидации. Итогом напряженного обсуждения стало компромиссное решение: смертный приговор суда будет заменен заключением, но Савинков будет содержаться во внутренней тюрьме на Лубянке в полной изоляции. Савинков был разочарован, но сохранял надежду и продолжал атаковать Дзержинского требованиями придерживаться ранее заключенной договоренности. В тюрьме Савинкову были созданы особые «гостиничные» условия. Савинков их «отрабатывал» своими агитационными письмами за советскую власть в адрес зарубежной эмиграции. По мнению Беседовского, привлекая Савинкова к «пропагандистской деятельности», Дзержинский рассчитывал убедить членов Политбюро в его полезности советскому режиму. Спэнс приводит и свидетельство Н.В. Валентинова (Вольского): как-то Дзержинский, полушутя, пообещал сотрудникам Госплана, что Савинков вскоре начнет работать у них в отделе³³. Но судьба Савинкова оставалась под вопросом, а его настойчивость начинала раздражать Дзержинского.

Иллюстрируя неопределенность положения Савинкова на Лубянке, Спэнс приводит свидетельство В. Резвика, который в апреле 1925 г. интервьюировал Савинкова с группой журналистов. В камеру с ковром и красивой мебелью журналистов привел М.А. Трилиссер (1883—1940), ответственный сотрудник ИНО ОГПУ. Поначалу Савинков вел себя уверенно, но затем французский журналист выбил его из равновесия вопросом о пытках в ОГПУ. Ответ Савинкова: «Если говорить обо мне, то эти слухи неверны», — не понравился Трилиссеру, и интервью вскоре завершилось. Савинков, по наблюдению журналиста, резко побледнел и замолчал, а на его лице появилась натянутая улыбка³⁴.

Когда в начале 1925 г. Савинков понял, что в ближайшем будущем его не ожидает ни освобождение, ни активная деятельность, он объявил нечто вроде забастовки: перестал работать над рассказами и автобиографией, и даже отказался видаться с Л.Е. Дикгоф-Деренталь. Последний факт Спэнс откомментировал в том духе, что Савинков наконец догадался о ее действительной роли³⁵. Заметим, что свидетельства самой Л.Е. Дикгоф-Деренталь (Э.Е. Сторэ) вносят отдельные коррективы в эти комментарии.

Л.Е. Дикгоф-Деренталь (Э. Сторэ) вспоминала об этом во время встречи со следователем КГБ в Магадане 25 марта 1959 г., когда ходатайствовала о своей реабилитации и возможности сменить место жительства. По ее словам, после того, как ВЦИК изменил Савинкову меру наказания на 10-летнее заключение, его вызвал Дзержинский. Председатель ОГПУ ему сказал: «Савинков! Вас держать в тюрьме нам неинтересно. Вас надо бы расстрелять или дать Вам возможность работать с нами. Вы посидите несколько месяцев в очень хороших условиях, а там будете поми-

лованы ЦИКом. Дело Деренталей будет прекращено, их можно будет выпустить на свободу теперь же...». Сторэ говорила, что согласилась просидеть вместе с Савинковым несколько месяцев. Она ходила по городу, их вместе возили в театр, Савинков писал рассказы для «Огонька». Но потом она заболела и была освобождена. В начале мая она пришла на Лубянку, но к Савинкову ее не пустили. Она объявила голодовку, и тогда, через несколько дней ей сказали, что Савинков покончил жизнь самоубийством³⁶.

Спэнс готов согласиться с версией о самоубийстве Савинкова, но честно анализирует и слухи о его убийстве. У Спэнса есть и своя гипотеза, в основании которой лежит ответ на вопрос: какая должность могла быть предложена Савинкову в случае его освобождения? Он предполагает, что если бы освобождение произошло, речь могла бы идти об опыте Савинкова-террориста³⁷. Спэнс рассуждает: представим себе, что Савинков убивает Зиновьева. Кого бы в этом случае обвинили? Не Сталина, который публично возражал против любых сделок с захваченным «врагом советской власти № 1», и не Дзержинского, все свои действия сверявшего с волей Политбюро. Зато существовал документ, подписанный Каменевым и Троцким, на этом основании можно было заявить, что это они завлекли террориста в Россию, а затем использовали его против политических оппонентов. По Спэнсу, Сталин мог использовать Савинкова для дискредитации своих политических соперников. Однако, в 1924 г. Зиновьев и Каменев поддерживали Сталина в борьбе с Троцким, т.е. политическими противниками Генерального секретаря ВКП(б) они не были. Спэнс полагает, что Савинков не был освобожден, потому что в январе 1925 г. Троцкого сместили с поста председателя Реввоенсовета и вся «комбинация» потеряла свою актуальность. Услуги Савинкова стали излишними. С этой точки зрения, конец Савинкова был предопределен: шансов выжить у него не было³⁸.

Итак, ни один из современных отечественных и западных историков не может с полным основанием принять или отвергнуть официальную версию смерти Савинкова. Неофициальная же версия тем более привлекательна, что основывается, помимо прочего, на моральном авторитете таких личностей как В. Шаламов или А. Солженицын. Они распространяли версию об убийстве Савинкова со слов чекистов, оказавшихся в советских концлагерях. Широкое распространение получили и слухи о том, что к фальсификации писем Савинкова и к организации его убийства имели отношение чекисты Я.Г. Блюмкин и Я.С. Агранов³⁹.

Документы, опубликованные в настоящем сборнике позволяют утверждать, что Блюмкин и Агранов никакого отношения к делу Савинкова не имели, а рукописи его писем и рассказов свидетельствуют о том, что их автором был сам Савинков. Заметим, что Блюмкин в 1924—1925 гг. возглавлял советскую резидентуру на

Ближнем Востоке, а Агранов работал в Секретно-оперативном отделе. Делом же Савинкова занимался Контрразведывательный отдел ОГПУ. Наличие многих рукописей, написанных Савинковым в двухкомнатной тюремной камере № 60, снимают проблему авторства, зато ставят вопрос о степени цензурирования чекистами текстов Савинкова. Документы сборника убедительно демонстрируют, что все написанное Савинковым читалось руководством КРО ОГПУ, а иногда и более высоким начальством, и что далеко не все его тюремные корреспонденции достигали адресатов. Достаточно обратить внимание на заявления Савинкова, опубликованные в сборнике, в которых он несколько раз запрашивал руководство КРО о судьбе отправленного его сестре В.В. Мягковой в Прагу текста дневника Л.Е. Дикгоф-Деренталь⁴⁰, который он перевел с французского языка и к которому написал предисловие. Ответа Савинков не получил и, насколько нам известно, этот дневник в зарубежных издательствах не публиковался.

Публикация материалов расследования, связанного с гибелью Савинкова, показывает, что вряд ли можно сомневаться в его самоубийстве. Среди прочих аргументов в защиту этого утверждения назовем один: Савинков выбросился не из тюремного окна, а из кабинета № 192, хозяином которого был помощник начальника КРО ОГПУ С.В. Пузицкий. У властей было много возможностей избавиться от Савинкова, но зачем нужно было «выкидывать» его из служебного кабинета высокопоставленного чекиста?

В течение почти года, проведенного во внутренней тюрьме на Лубянке, Савинков, видимо, честно выполнял свои обязательства перед ГПУ: он пишет рассказы, письма, автобиографию, готовит к переизданию старые сочинения. Только в 1925—1926 гг. в приложении к журналу «Огонек» было издано несколько его новых рассказов⁴¹. Савинков получал гонорары и часть из них посылал сыну, Льву, остававшемуся за границей⁴². Помогал он и детям от первой жены – Виктору и Татьяне Успенским, жившим в Ленинграде. Перед отъездом из Парижа Савинков передал свой архив специально вызванной для этого из Праги сестре В.В. Мягковой. Именно из этого архива в 1994 г. была изъята для публикации ранее неизвестная рукопись Савинкова...⁴³

В. Шенталинский называет 68 объемистых томов, хранящихся в ЦА ФСБ под № Н-1791 по делу НСЗРиС (Народный союз защиты родины и свободы), а также дело «Крот»⁴⁴. На самом деле их намного больше. 68 томов – это уголовное дело на Савинкова и его коллег. Их дополняют 28 томов разработки «Синдикат-2», материалы секретного делопроизводства, переписка, циркуляры и приказы ВЧК–ГПУ–ОГПУ, а также уголов-

ные дела на Дикгоф-Деренталей и других сподвижников Савинкова, а также чекистов, участвовавших в этой операции, а затем репрессированных в 30-е годы (А.Х. Артузов, Р.А. Пиляр, С.В. Пузицкий, А.П. Федоров, Г.С. Сыроежкин, И.И. Сосновский, С.Г. Гендин), данные об умерших своей смертью Н.И. Демиденко и В.И. Сперанском.

«Архив Савинкова» в ВЧК–ГПУ–ОГПУ создавался в 20-е годы. В него вошли протоколы допросов Савинкова, Павловского, Шешени, Фомичева и др. и, естественно, все материалы по разработке операции «Синдикат-2». Эти материалы были дополнены документами из польских и пражских архивов (1948 г.), а также из парижских (бывший Особый архив. Трофейные документы).

Специфика документов, хранящихся в ЦА ФСБ, определяла их содержательный характер. Это, прежде всего, обвинительные материалы, собранные в ходе следствия. Отдельную группу представляют подлинники рассказов и дневников Савинкова и Л.Е. Дикгоф-Деренталь, а также письма. Документы сохранились в виде рукописей и машинописных копий, свидетельствующих о том, что у них был не один читатель. Заметим, что документальный комплекс, отложившийся в этом архиве, распадается как бы на две части: материалы, относящиеся к прошлому Савинкова, до его ареста чекистами в Минске 15 августа 1924 г., создают образ принципиального борца с большевиками; документы, связанные с пребыванием Савинкова на Лубянке, объединены общей темой признания советской власти. Документов за период с 15 августа 1924 г. по 21 августа того же года, т.е. с момента ареста Савинкова в Минске до его первого допроса на Лубянке, в нашем распоряжении не оказалось, и вопрос о причинах столь быстрого и решительного «превращения» Савинкова – врага советов в сторонника советской власти, по нашему мнению, остается открытым. Уже первые известные письменные показания Савинкова, данные им через 5 дней после ареста, содержат конспект того объяснительного нарратива, который он потом развивал в «открытых» письмах друзьям и родным, в статьях и выступлениях на суде.

По своему происхождению абсолютное большинство публикуемых в сборнике документов исходят из одного ведомства – ВЧК–ГПУ–ОГПУ. Учитывая, это обстоятельство, ссылки даются лишь на фонд, номер тома и листы. В публикуемых материалах, заимствованных из других архивов, ссылки даются с полным указанием на их место нахождения.

Большая часть сборника отведена под материалы о почти годичном пребывании Савинкова во внутренней тюрьме на Лубянке (с 18 августа 1924 г. по 7 мая 1925 г.). Это сохранившиеся протоколы допросов Савинкова, письма (более 100), написанные им и адресованные ему другими лицами. Вся корреспонден-

ция отправлялась или передавались Савинкову только после ознакомления с ней руководства КРО ГПУ–ОГПУ А.Х. Артузова или Р.А. Пиляра. Письма Савинкова передавали начальству В.И. Сперанский, И.И. Сосновский или С.В. Пузицкий.

В сборнике публикуются в основном ранее неизданные материалы, либо даются полные тексты тех документов, которые были известны с купюрами. В примечаниях к документам подобные случаи оговариваются. Авторы отказались от переиздания стенографического отчета суда, опубликованного в 1924 г. вместе с обвинительным приговором и Постановлением Президиума ЦИК СССР об изменении меры наказания Савинкову на 10 лет лишения свободы от 29 августа 1924 г.⁴⁵, так как различия в опубликованных материалах и в архивных вариантах не носят принципиального характера⁴⁶.

Изучение стенографического отчета суда над Савинковым подводит к выводу, что это был первый политический процесс советского времени на котором подсудимый публично признавал все предъявленные ему обвинения. Ранее на политических процессах (левых эсеров в декабре 1918 г., правых эсеров летом 1922 г.) обвиняемые придерживались иной тактики и отказывались от многих обвинений, предъявляемых им от имени советской власти. Савинков, который скорее всего подвергался лишь методам психологического воздействия, своими «откровениями» и призывами следовать его примеру очень быстро разрушил образ «стойкого борца с большевизмом». В.В. Ульрих, бессменный председатель карательной судебной военной коллегии в 20—30-х годах, как нам представляется, очевидно, учел опыт суда над Савинковым и использовал его в политических процессах конца 20-х—30-х годов.

Отдельный раздел сборника представляют собой чекистские материалы о проведении операции «Синдикат-2». Это отчеты А.П. Федорова о двух (из десяти) своих зарубежных вояжах, т.е. выездах к Савинкову в Варшаву и Париж. К этой же группе документов примыкают протоколы допросов сторонников Савинкова – Орлова и Павловского. Эти документы публикуются впервые. Подробный анализ всех поездок Федорова уже проведен⁴⁷. Показания Орлова и Павловского разоблачают их стремление как-то оправдать свою бандитскую и погромную деятельность, дистанцироваться от Савинкова, показать свою «значимость» в плане возможной полезности советским властям, если будет помилование...

Отдельно публикуются документы, касающиеся деятельности Савинкова в Польше. Их анализ позволяет уловить суть савинковского понимания «третьей России», его надежд на крестьянскую войну с большевиками. Савинков использовал выражение «третья Россия» не просто в качестве лозунга. Он рассуждал об отношении крестьян к властям, которые в партийном представи-

тельстве народных интересов должны были видеть нечто искусственное и чуждое (здесь очевидна преемственность антипартийных настроений, проявившихся у Савинкова еще в 1912 г. в романе «То, чего не было»). Савинков решает национальный вопрос в пользу национального самоопределения, рассуждает о тактике крестьянской войны и т.д. Так же убедительно, как некогда Савинков писал о терроре, как позднее Ропшин (литературный псевдоним Савинкова) рассуждал о моральной порочности террора, Савинков отстаивал «народную», крестьянскую модель «революции».

Разочарование в идее «третьей России» вылилось у Савинкова в создание трагической повести «Конь вороной», к которой Савинков и его обвинители апеллировали как к документу не менее важному, чем деловая документация СЗРиС, или статьи в газете «Свобода»⁴⁸.

Тексты, исходящие из-под пера Савинкова, создают впечатление предельной искренности писавшей о. Если предположить, что Савинков зависел от своих текстов и пытался создать тот, который оправдал бы его компромисс (если таковой был) с советской властью, то вся совокупность текстов Савинкова «лубянского периода» представляет собой свидетельство титанических усилий, которые должны были привести к появлению нового Савинкова, искренне сотрудничающего с большевиками.

В основу данной публикации положены рукописные тексты и копии машинописных текстов документов. Нумерация документов дана публикаторами в ходе подготовки издания. Текстуальные примечания содержат сведения о рукописной или машинописной форме документа, биографические сведения⁴⁹. Орфографические ошибки, содержащиеся в текстах, искажения фамилий по возможности были исправлены, те места в документах, прочесть которые не удалось, отмечены (...). Данное издание ставит целью передать гласности еще одну малоизвестную страницу трагической советской политической истории.

¹ Дан Ф.И. Закон беззакония («Конь бледный», повесть Ропшина) // Возрождение. 1909. № 6–8; Иванов-Разумник Р.В. Было или не было? О романе В.Ропшина // Заветы. 1913. № 3; Плеханов Г.В. О том, что есть в романе «То, чего не было» // Современный мир. 1913. № 2 и др. Примеры высказываний полицейский чинов о Савинкове см., напр.: Ратаев Л.А. История предательства Евно Азефа // Провокатор: воспоминания и документы о разоблачении Азефа / Под ред. Л.Е. Щеголева. Л.: Прибой, 1929. С. 137–172; Спиридович А.И. Партия с.-р. и ее предшественники. 1886—1916. Пг.: Военная типография, 1918. 2-е изд. 623 с.

- ² Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк; М.: Центр «ПРО» и СП «САКСЕСС», 1990. 318 с.; Ремизов А.М. Вихренная Русь // В розовом блеске. М.: Современник, 1990. С. 32–399; Ремизов А.М., Иверень // Север. 1991. № 3, 4 и др.
- ³ Лацис М.Я. (Судрабс Я.Ф.) (1888—1938), большевик с 1905 г., с мая 1918 г. – начальник Отдела по борьбе с контрреволюцией и член Коллегии ВЧК.
- ⁴ Красная книга ВЧК / Под ред. П. Макинциана. М., 1920. Т. 1. Красная книга ВЧК / Под ред. А.С. Велидова. М., 1989. Т. 1. Издание 2-е, уточненное; Обвинительное заключение по делу № 5876/5905 контрреволюционной организации «Народного союза защиты родины и свободы». Смоленск, 1923. Обвинительное заключение касалось 43 человек, арестованных ГПУ Западного края за принадлежность к организации, созданной Савинковым, и проводивших от ее имени на территории края «бандитские и шпионские действия».
- ⁵ Лацис М. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920. С. 17; Он же. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 33.
- ⁶ Обвинительное заключение по делу ЦК и отдельных членов иных организаций партии с.-р. М., 1922. С. 69–70. Среди сохранившихся томов судебного процесса над лидерами правозэсеровской партии, есть материалы с обзором деятельности «Союза защиты родины и свободы» в 1918 г., а также протоколы допроса начальника штаба этой организации А.П. Перхурова. 23 марта 1922 г. во время допроса он говорил Я.С. Агранову, особоуполномоченному Секретно-оперативного управления ГПУ, что руководителем «Союза» был Савинков, который вел все переговоры и готовил антисоветское восстание в Ярославле, Рыбинске и Муроме в 1918 г. // ЦА ФСБ. Д. Н-1789. Т. 3. С. 32–33; Т. 7. С. 268–274.
- ⁷ Луначарский А. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922. С. 15–17.
- ⁸ Луначарский А. Артист авантюры // Правда. 1924. 5 сентября. Перепечатка статьи из «Правды» см.: Дело Б. Савинкова. Л., 1924. С. 15–22.
- ⁹ Дело Б. Савинкова. С. 5–7, 8–14.
- ¹⁰ Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда. С примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина). М., 1924. Тогда же эта книга была переиздана в Берлине: Процесс Бориса Савинкова. Берлин, 1924. Это было сделано для ознакомления с раскаявшимся Савинковым многочисленной русской эмиграции.
- ¹¹ Ответ на этот и другие вопросы требует документальных подтверждений, которые пока не найдены (если они в принципе существуют). Разумеется, свидетельства о различных договоренностях Савинкова с руководителями ОГПУ Ф.Э. Дзержинским и В.Р. Менжинским известны (они опубликованы и в настоящем сборнике),

но в них не говорится о предварительном соглашении и его условиях. Заметим и другое: допросы Савинкова продолжались и после объявления ему обвинительного приговора.

- ¹² Загадка Савинкова. Л., 1925; Портреты и памфлеты. М., 1927. С. 63–68. Статья написана К. Радеком в 1925 г.
- ¹³ Горбунов М. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 40–42. См. также: Китаев П. Б.В.Савинков и ген.Корнилов // Былое. 1925. № 3; Чернавский М. В боевой организации // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 7–9.
- ¹⁴ В предательстве Савинкова обвиняли его коллеги по борьбе с большевиками (Д. Философов; брат Б. Савинкова – Виктор Савинков и др.), бывшие соратники по партии эсеров (В.М. Чернов, В.И. Лебедев и др.). Лебедев писал, что знал Савинкова с 1907 г., что на суде он «оговорил всех и вся», что «Савинкова личности, человека, характера – больше нет. И невольно чувство горечи сжимает сердце: столько блестящего дарования и такой ужасный, такой жалкий, такой позорный конец» (Лебедев В.И. Конец Савинкова. Прага: Воля России, 1924. № 14–15. С. 182, 188, 189). В.Л. Бурцев называл «преступлением» нераскрытость «провокации, жертвой которой стал Савинков». (Бурцев В.Л. Боритесь с ГПУ! Париж, 1932. С. 8). По мнению П.Н. Милюкова, Савинков всегда пользовался «особенным благоволением союзников». (Милюков П. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2. С. 22).
- ¹⁵ Успенский В.Б. в 1924–1925 гг. проживал в Ленинграде и часто приезжал на Лубянку, где встречался с отцом, Б.В. Савинковым.
- ¹⁶ Известно, что документы, связанные с жизнью и деятельностью Савинкова хранятся в российских и многих западных архивах. Среди последних следует назвать личный фонд Савинкова (42 папки) в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме и материалы о Савинкове в архиве Гуверовского института в Стэнфорде (ser. 268). Среди документов – письма Савинкова и к нему, различные данные о его участии в борьбе с большевиками в годы гражданской войны (Корнеев К.В. Личный фонд Б.В. Савинкова в Международном институте социальной истории в Амстердаме // Отечественная история. 1998. № 3. С. 148–150). Кроме того, западные исследователи широко используют документы, хранящиеся в архивах министерств иностранных дел Англии и Франции, коллекции архива Колумбийского университета. Эти материалы, а также хранящиеся в фондах Савинкова (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5831, 102 и др.; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1557; Российский международный фонд культуры (РМФК). Ф. 1 и др.), широко использовались исследователями его дореволюционной деятельности (См.: Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998; Будницкий О.В. Терроризм в русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000 и др. См.

также: Footman D. B.V. Savinkov. Oxford, 1956; Schleifman N. Undercover agents in the Russian revolutionary movement. The SR party. 1902–1914. Oxford, 1988; Spence R. Renegade on the left. N.Y., 1991; Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997 и др. Разумеется, исследователи используют мемуары и эпистолярное наследие. Так, были опубликованы переписка Б. Савинкова с З. Гиппиус и А. В. Амфитеатровым. См.: Переписка З.Н. Гиппиус с Б.В. Савинковым. Публ. Т. Пахмус // Воздушные пути. Альманах. 1987. Т. 8; Temira Pachmus. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972; Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924. Публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее. Исторический альманах. М.–СПб., 1993. Т. 13.

¹⁷ *Опперпут А.Э.* (Известен был под именами: Павел Иванович Селянинов; Эдуард Оттович Стауниц и др.). В 1920 г. занимал пост помощника начальника штаба войск внутренней охраны Западного фронта. Был сотрудником ВЧК и с успехом выполнял задания по дезинформации антисоветской эмиграции за рубежом. В декабре 1920 г. привез Савинкову в Варшаву портфель фальшивых «секретных» документов. Именно ему принадлежит заслуга в выявлении многих сторонников Савинкова в Белоруссии. Подробнее о нем см.: Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Polis. Oxford University Press, 1981. P. 295–296. О провокационной роли Опперпута в проведении операции «Трест» см.: Гладков Т., Зайцев Н. И я ему не могу не верить... М., 1987. С. 80–106.

¹⁸ *Шульгин В.В.* (1878–1976) – видный политический, думский деятель дореволюционной России. После окончания гражданской войны – в эмиграции, с 1945 г. – в Москве. Для поддержания имиджа созданного чекистами «Монархического объединения Центральной России» (МОЦР), ему было «разрешено» нелегально в декабре 1925 г. приехать в страну, где Шульгин поверил в существование этой организации. Более того, рукопись книги, написанной по результатам поездки, была им послана в адрес МОЦРа, (чтобы их «не подвести») и была отрецензирована сотрудниками контрразведывательного отдела ОГПУ. Книга В.В. Шульгина «Три столицы» вышла в Берлине в 1927 г. Подробнее об этом см.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 194.

¹⁹ Голиков Д.Л. Дело Бориса Савинкова // Советская юстиция. 1966. № 23. С. 22–24; Он же. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 2. С. 253, 260; Ардаматский В. Возмездие // Нева. 1967. № 8. С. 3–90; № 9. С. 81–114; № 10. С. 66–127; № 11. С. 25–87. См. также: Коровин В.В., Русанов Э.П. Дело Бориса Савинкова (разгром контрреволюционной организации «Народный союз защиты родины и свободы») // История СССР. 1967. № 6. С. 143–155; Пудин В. Синдикат-2 // Особое задание. М., 1968. С. 274–295; Поляков Н. Савинков перед советским судом // Неотвратимое возмездие. М., 1973. С. 51–73 и др. Документальные публикации ограничивались перепечаткой из «Красной книги ВЧК» (М., 1920) документов о «Союзе защиты родины и свободы», соз-

данном Савинковым в 1918 г. (Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. М., 1958). В. Ардаматский в повести опубликовал отдельные документы (письма) из архива КГБ СССР для иллюстрации известной концепции о том, что Савинков не имел никаких договоренностей с чекистами, а, оказавшись на Лубянке, полностью признал свое поражение.

²⁰ Шкаренков Л.К. Из истории савинковщины // Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конференции. М., 1980. С. 53–62.

²¹ В эти годы Савинков пользовался популярностью не только среди историков. Для широкой публики были переизданы его воспоминания и художественные произведения. На фоне чрезвычайно высокого интереса к истории в обществе, они читались как исторический детектив, как альтернативный способ «рассказывания» истории. Более того, российский массовый читатель впервые получил возможность познакомиться с поэзией Савинкова. Ранее сборник стихов В. Ропшина, изданный З. Гиппиус в Париже в 1931 г. в количестве 100 экземпляров считался библиографической редкостью. Теперь газета «Московский комсомолец» печатала стихи поэта-террориста (1989, весна). См.: Крылов Г. Загадка поэта-террориста // Поэзия. 1990. № 55. С. 190–194; Ропшин В. Конь Вороной // Юность. 1989. № 3; Савинков Б. Воспоминания террориста. Ереван: NB-пресс; Аревик, 1990. 380 с.; Ропшин В. (Савинков Б.) То, чего не было. М.: Худ. лит., 1990. 399 с. (одновременно вышли варианты в мягкой и жесткой обложках); Савинков Б. (Ропшин В.) Конь Вороной. Эмигранты. Слово на суде. Челябинск: Вариант-книга, 1991. 80 с. и др.

²² Нужно отметить, что если «иллюзии», связанные с архивами КГБ так и остались иллюзиями просто потому, что реально доступ в эти архивы получили очень немногие историки, действительное расширение источниковой базы исследований о Савинкове шло за счет более полного освоения историками фондов ГА РФа, а также – западных архивохранилищ. С 1994 г. начинается более подробное изучение польского периода деятельности Савинкова, вводятся в оборот новые архивные источники из коллекций ГА РФа и ЦХИДК.

²³ Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Беглые заметки вместо академического предисловия // Савинков Б. Избранное. Л., 1990; Жуков Д.Б. Савинков и В. Ропшин: террорист и писатель. М.: Молодая гвардия, 1990. № 8–10 и др. См. также: Матвеев Г. Жертва польского русофобства // Родина. 1994. № 12; Хайретдинова Х. Польская карьера Бориса Савинкова // Там же; Могильнер М.Б. Савинков: «подпольная» и «легальная» Россия в перипетиях одной судьбы // Общественные науки и современность. 1995. № 4 и др. Среди публикаций документов обратим внимание на издание письма Савинкова А.И. Деникину 13 декабря 1919 г., в котором он советовал генералу демократизировать программу будущего государственного устройства страны, что усилило бы помощь союзников белому движению (Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрант-

- ских архивов. М., 1995. С. 347–348). Представляет определенный интерес и реакция граждан России на судебный процесс, в результате которого Савинков был приговорен к расстрелу, вскоре замененному 10-летним сроком заключения. Выяснилось, что были случаи самоубийства красных участников гражданской войны, как протест против сохранения ему жизни (Тяжельникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. 1998. № 6. С. 166).
- ²⁴ Шенталинский В. Свой среди своих // Новый мир. 1996. № 7, 8.
- ²⁵ Сафонов В.Н. КРО против Савинкова. О том, как чекисты поймали главного противника большевиков. М.: Академия ФСБ РФ, 1998.
- ²⁶ Млечин Л.М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999. С. 60; Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 117.
- ²⁷ Spence R. Boris Savinkov. Renegade on the Left. N.Y., 1991.
- ²⁸ С версией Беседовского можно также ознакомиться в кн.: Беседовский Г. На путях к термидору: из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж, 1930. С. 69–70.
- ²⁹ Сафонов В.Н. КРО против Савинкова. С. 28.
- ³⁰ Rezwik William. I Dream Revolution. Chicago, 1952. P. 11.
- ³¹ Spence R. Op. cit. P. 349.
- ³² Ibid. P. 356. На Западе письмо Савинкова Дзержинскому впервые появилось в «Парижском вестнике» (1925. 16 мая. № 11. С. 1) под рубрикой «К самоубийству Савинкова». Комментированную версию этого письма см.: Boris Savinkov's Letter to Felix Dzerzhinskiy. Introductory Note by Dimitri von Mohrenschildt // Russian Review. 1970. 29 (3). July.
- ³³ Валентинов (Вольский) Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Stanford, 1971.
- ³⁴ Rezwik W. Op. cit. P. 8–11; Spence R. Op. cit. P. 67.
- ³⁵ Spence R. Op. cit. P. 368.
- ³⁶ ЦА ФСБ. Д.Н-11848. Т. 1. Л. 107–108. Сообщение о самоубийстве Савинкова было опубликовано в «Правде» только 13 мая 1925 г., т.е. почти через неделю после случившегося.
- ³⁷ Версия не лишена основания. Члены боевой группы партии эсеров в 1917–1918 гг. Г.И. Семенов и Л.В. Коноплева после полного раскаяния и вступления в РКП(б) в 1921 г. были использованы ОГПУ как специалисты-террористы (Литвин А. Азеф Второй // Родина. 1999. № 9; Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3).
- ³⁸ Spence R. Op. cit. P. 371–372.
- ³⁹ Агринов (Соринзон) Я.С. (1893–1938), большевик с 1915 г., в ВЧК с 1919 г. В 1923–1929 гг. – заместитель начальника Секретно-оперативного отдела ОГПУ. В 1937 г. – заместитель наркома внутренних дел СССР, затем – начальник УНКВД Саратовской области. Награжден двумя орденами Красного Знамени, знаками «Почетный чекист». Комиссар ГБ 1 ранга. Арестован 20 июля 1937 г. Расстрелян 1 августа 1938 г. Не реабилитирован.

Блюмкин Я. Г. (1900–1929), левый эсер, организатор убийства в июле 1918 г. германского посла в Москве В. Мирбаха. Большевик с 1919 г. В ВЧК с 1918 г. В 1923—1924 гг. Блюмкин в ИНО ОГПУ, резидент советской разведки на Ближнем Востоке. Расстрелян в 1929 г. за связь с депортированным Л. Д. Троцким.

⁴⁰ Л. Е. Дикгоф-Деренталь находилась во внутренней тюрьме на Лубянке без предъявления ей официального обвинения.

⁴¹ Савинков Б. В тюрьме. Посмертный рассказ. Предисл. А. В. Луначарского. М., 1925; Он же. Последние помещики. Посмертные рассказы. М., 1925; Он же. Посмертные статьи и письма. М., 1926 и др. В настоящем сборнике документов публикуется его рассказ «Дело Савельева». В ГАРФе К. Н. Морозов обнаружил авторские предисловия и примечания Савинкова к «Коню бледному» и «Воспоминаниям террориста», написанные им осенью 1924 г. на Лубянке. В предисловии к последним Савинков тогда писал: «Воспоминания не закончены. В них не хватает описания борьбы с провокаторами (арест Татьяны Цейтлиной, произведенный нами в Париже в 1909 г. и др.), последней попытки покушения на царя и убийства Нач. Петр. Охр. Отд. Карпова (1909–1910 гг.). Но по памяти я дополнять не хотел. Материалы же, касающиеся этого периода БО, находятся за границей» (Морозов К. Н. Б. В. Савинков и боевая организация ПСР в 1909–1911 // Минувшее. Исторический альманах. М.–СПб., 1995. Т. 18. С. 243). Рукописи опубликованных рассказов Савинкова не всегда идентичны: сокращены, отредактированы, исправлены в угоду цензуре. Об этом подробнее: Шенталинский В. Свой среди своих // Новый мир. 1996. № 8. С. 184.

⁴² *Савинков Л. Б.* (1912–?), сын Б. Савинкова, проживал во Франции. В 1936 г. был капитаном республиканской армии в Испании.

⁴³ *Мягкова В. В.* – «милая Руся», родная сестра Б. Савинкова. В 1922–1925 гг. проживала в Праге. Была очень дружна с братом. *Мягков А. Г.* (1870–1957) – инженер, геолог, муж сестры Савинкова Веры Викторовны. В начале 20-х годов был руководителем пражской организации НСЗРиС. В 1994 г. В. Леонидов опубликовал в журнале «Знамя» (№ 5) неизвестную рукопись Савинкова, которую он квалифицировал как продолжение его повестей «Конь бледный» и «Конь вороной». Рукопись была передана Т. Н. Савинковой, дальней родственницей Б. Савинкова вместе с частью его архива в Российский фонд культуры.

⁴⁴ Новый мир. 1996. № 7. С. 174.

⁴⁵ Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда с примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина). М., 1924; Дело Б. Савинкова. Л., 1924 и др.

⁴⁶ В сохранившейся рукописи приговора говорится, что Савинков по происхождению «из дворян», зачеркнуто и написано: «сын чиновника». Есть и иная чисто редакционная правка текста (ЦА ФСБ. Д. Н-1791. Т. 66. Л. 146–150; Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. С. 145–149). Следует указать и на хронологическое расхождение: в опубли-

кованном приговоре (Дело Савинкова. С. 109) указано, что Савинков с 11 июля 1921 г. возглавил НСЗРиС; в рукописи документа и московском издании приговора называется иная, более точная дата – с июня 1921 г.

⁴⁷ Сафонов В.Н. КРО против Савинкова. С. 54–100.

⁴⁸ Газета «Свобода» – русская варшавская газета, начала выходить с 17 июля 1920 г., с 4 ноября 1921 г. переименована в «За свободу». Ее постоянными сотрудниками были Савинков, Дикгоф-Деренталь, Философов, Гиппиус, Мережковский и др. Газета была известна своей антибольшевистской направленностью. Издание прекратилось в 1932 г., когда она была преобразована в газету «Молва» (1932–1934).

⁴⁹ При составлении биографических данных о чекистах, упомянутых в сборнике, использованы материалы, представленные В.Н. Сафоновым, а так же, содержащиеся в кн.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999. При составлении биографических данных о деятелях белого движения – материалы из кн.: Клавинг В.В. Белая гвардия. СПб., 1999.

Последний год жизни Бориса Савинкова

1
Завещание Б.В. Савинкова

Гр-ну Виктору Борисовичу Успенскому.
Кавалергардский, 5. кв 42. Ленинград.

Уважаемый Виктор Борисович.

Ввиду моего отъезда из СССР по делам Б.В. Савинкова прошу быть представителем и доверенным Вас, т.к. А.А. Дикгоф-Деренталь вести дело не может, как не получивший легализации гражданства.

Уважающий Вас В. Сперанский.

СССР.

Объединенное государственное
политическое управление при Совнаркоме.

Полномочное представительство
в Ленинградском В.О.

Отдел ОКРО. Отделение 6 секц.
29 августа 1925 г. № 103140.
Ленинград. Комиссаровская, 4.

*Препровождается копия завещания
Бориса Савинкова.*

Пом. нач. ОКРО ОГПУ тов. Пузицкому.
гор. Москва.

При сем препровождается копия завещания Бориса Савинкова и копия письма сестры его к Виктору Борисовичу Успенскому – сыну Бор[иса] Савинкова.

Нач. ОКРО Салынь.
Секретарь Бармина.

Завещание Савинкова

Копия.

В случае гибели моей я, нижеподписавшийся, Борис Викторович Савинков, поручаю исполнение воли моей сестре Вере Викторовне Мягковой, в случае смерти ее – мужу ее Александру Геннадьевичу Мягкову.

Завещаю: все деньги, принадлежащие, находящиеся в этот момент у сестры моей Веры Викторовны Мягковой или у Сиднея Георгиевича Рейли, или у одного из моих друзей и могущие поступить в ближайшее время – разделить между моими близкими в такой пропорции:

- а) если Любовь Ефимовна Дикгоф-Деренталь осталась жива:
47% сыну моему Льву,
33% Л.Е. Деренталь,
10% К.К. Зильберберг,
10% Лидии и Геннадию Мягковым.

100 %

- б) если Любовь Ефимовна Д-Д погибла:
60% сыну моему Льву,
15% К.К. Зильберберг,
15% Лидии и Геннадию Мягковым,
10% родителям Л.Е. Деренталь.

100 %

Все письма, документы, бумаги, архивы, где бы и у кого они ни находились, поручаю заботам сестры моей Веры Викторовны Мягковой, и они должны быть ей выданы хранящими их лицами по первому ее требованию.

При этом хранящийся у Ильи Исидоровича Фундаминского архив Боевой организации, мне лично принадлежащий, как представляющий для меня большую ценность по воспоминаниям, должен быть передан сыну моему Льву Борисовичу Савинкову по достижении им 21 года. До этого времени доступ к нему для разбора или составления каких-либо статей и воспоминаний, кроме сестры моей Веры Викторовны Мягковой, разрешается лишь Дмитрию Владимировичу Философову, Александру Геннадьевичу Мягкову, Александру Аркадьевичу Дикгоф-Деренталь или тому лицу, которому они по взаимному согласию этот доступ разрешат. Архив колчаковского периода хранится...¹ поручаю на тех же основаниях заботам вышеуказанных лиц с той разницей, что дальнейшая его судьба зависит от решения тех же лиц.

Все мои сочинения, изданные отдельными изданиями, напечатанные в каких-либо русских или иностранных газетах, а также не изданные и не напечатанные – поручаю сестре моей Вере Викторовне Мягковой, мужу ее Александру Геннадьевичу, Дмитрию Владимировичу Философову и Александру Аркадьевичу Деренталь.

Все деньги, вырученные от издания моих сочинений, как порознь, так и полным изданием, поручаю сестре моей разделить след[ующим] образом:

а) в случае, если Любовь Ефимовна Дикгоф-Деренталь осталась жива:

40% сыну моему Льву,

30% Л.Е. Деренталь,

20% Т.Б. Успенской с тем, чтобы она поделилась с
В.Б. Успенским по своему рассмотрению,

10% Лидии и Геннадию Мягковым.

100 %

б) в случае гибели Любви Ефимовны:

60% сыну моему Льву,

25% Т.Б. Успенской с тем, чтобы она поделилась с
В.Б. Успенским по своему рассмотрению,

15% Лидии и Геннадию Мягковым,

100 %

Борис Савинков. Париж, 7.08.1924 г.

Далее следуют подписи свидетелей: *Веры Викт. Мягковой,
Евгении Сем. Ярославцевой и Мих. Владим. Ярославцева.*

Письмо

Адрес на конверте:

Виктору Борисовичу Успенскому,
ул. Красной конницы, д. № 5, кв. № 42.
Ленинград.

13.08.1925 г.

Дорогой Виктор.

Я очень была рада получить Ваше письмо, так как и сама хотела писать Вам.

Вполне понимая Ваше желание знать последнюю волю отца, прилагаю к этому письму копию его завещания. На основании этого завещания я считаю себя обязанной принять все меры к тому, чтобы деньги, кот[орые] получатся или будут получаться за все сочинения брата, распределились согласно его воли.

Очень сожалею, что пока нет еще у меня копий договоров брата с издателями, но я надеюсь их скоро получить. Пока же, насколько я понимаю, брат продал Гос. изд[ательству] одно только издание своих старых вещей.

Если это так, то рано или поздно придется думать о втором издании или переиздании отдельных вещей. Все это в наших условиях очень трудно, но я надеюсь, что общими усилиями все уладится.

Вы пишете мне, что начали переговоры с издателями, но не пишете мне, с кем и о чем. Напишите мне все Ваши планы и предположения по поводу этих переговоров. М[ожет] б[ыть] можно что-либо еще уст-

роить. Во всяком случае, мое самое горячее желание заключается в том, чтобы все заинтересованные лица знали о положении дел, а это возможно только при взаимной помощи всех сонаследников.

Жду от Вас подробного в этом смысле письма. Очень была обрадована родственным и добрым тоном Вашего письма. Я помню Вас мальчиком, маленьким мальчиком, а Вы знаете, что я очень любила Бориса, и эту любовь не могу не перенести на Вас, его сына. Он писал мне, что Вы выказали ему много тепла и любви, и часто в своих письмах он упоминал о Вас, всегда с большим отцовским чувством. Говорил он мне в письмах и о том, что он видит в Вас большие возможности литературные. Была бы очень рада, если бы Вы мне прислали, если у Вас есть напечатанные вещи.

Поцелуйте от меня Таню и маленького Алешу, а также передайте В[ере] Г[лебовне]² самый дружеский привет. Давно мы с ней не видались.

Не знаете ли чего о моем племяннике Глебе. Он совсем замолк, на два моих письма не ответил. Меня интересует его судьба, и особенно судьба маленькой Танечки, кот[орую] с большим сожалением не смогла взять к себе и всегда готова это сделать, если Глеб переменит свое намерение держать ее при себе.

Счастлив ли он с женой? Есть ли у них ребенок, как его зовут? Если Вы их видите, скажите, чтобы не забывал, что я его тетка, и что очень любила его мать.

Ваш брат Левочка – милый 13 лет мальчик, похож на отца, умный, способный. Весь год проболел, а в этом году поступает в школу фр[анцузскую] в IV класс. Очень любит и очень чтит отца. Средств к жизни никаких не имеет, мать хватается за все, чтобы заработать. Кроме того, есть у Вас двоюродная сестра Лидия, кот[орую] дома зовут Льдинкой и кот[орой] в октябре исполнится 19 лет. Она в университете на филологич[еском] фак[ультете]. Очень любила дядю Борю и, конечно, подружится с Вами, если судьба сведет Вас. Да еще двоюродн[ый] Адик, 13 лет мальчуган, живой и вечно находящийся теперь в бегах – то в лесу, то на речке³.

Не знаю, как Вы, а я очень дорожу родственными связями. Отец Ваш был человеком исключительной доброты и благородства – я уже не касаюсь его политической деятельности, говорю о частной жизни, и память о нем мне будет всегда дорога.

Муж мой А[лександр] Г[еннадьевич] шлет сердечный привет Вере Глеб[овне], Вам, Танечке и просит передать привет Ольге Глебовне с семьей.

Сердечно Ваша *Мягкова*.

До 3 сент. адрес Yteken nad Otavoy u Ytrakonie Pani Miagkova. Tchecoslovaquie.

После 1 сент. Praha VII v Zatki, 17, V.

P.S. У меня есть шуба Бориса. Я хочу переслать ее Вам. Не можете ли Вы мне указать, как это сделать, т.к. здесь существует мнение, что посылок в СССР не принимают, и приходится платить за них большую пошлину.

Что есть у Вас из вещей Б[ориса] В[икторовича]?

После него не осталось ничего, кроме книг и пары нос[ильного] платья, кот[орые] я передала Левочке. Книги франц[узские] случайного подбора, не имеющие цены. Затем, кое-какие бумаги, кот[орые] остались у меня согласно его воле.

В момент гибели Б[ориса] В[икторовича] денег наличных ни у меня, ни у кого не осталось. Были надежды на получение денег из Англии за издание перевода англ[ийского] «Коня вороного», но я получила письмо от издателя, что доходы едва покроют расход по переводу и изданию. Если из-за границы поступят какие-либо суммы, я Вам немедленно сообщу и вышлю причитающийся Вам %. Вообще я веду и буду вести самую строгую отчетность. Вернее, «буду», т.к. пока я еще ниоткуда денег не получала для распределения. Сейчас это письмо в подлиннике переслано мной матери Левочки, а затем, по получении обратно, пришлю Вам. Сейчас нашла копию, и дочь моя переписывает ее по-английски и по-русски для Вас, и я вложу ее в это письмо.

В[ера] М[ягкова]

Думаю, что неуспех объясняется многими причинами, м.б. потом книга пойдет лучше.

Верно: пом. уполномочен. ОКРО (*подпись*)

28.08.1925 г. Ленинград.

Н-1791. Т. 24. Л. 230–233. Заверенная копия.

¹ Пропуск текста в документе.

² Вера Глебовна – первая жена Б. Савинкова

³ Лидия и Геннадий – дети Мягковых.

2

Свидетельство о праве на жительство в пределах РСФСР

РСФСР.

Отдел управления М[осковского] С[овета] Р[абочих],
К[расноармейских] и К[азачьих] Д[епутатов].

Июля 19 дня 1924 г.

№ 1463.

Москва.

Подпись владельца сего свидетельства

Виктор Степанов¹

Дано сие гр.	гор. Тамбов
Фамилия	Степанов
Имя и отчество	Виктор Иванович
Время рождения	1878 г. апреля 15 дня
Семейное положение	женат
Отношение к воинской повинности	демобилизован

На право жительства во всех городах и селениях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от сего числа на – 3 – три месяца. Свидетельство по истечении этого срока должно быть заменено новым или отсрочено.

Пом[ощник] н[ачальни]ка отд[еления]
упр[авления] М[осковского] СРКиКД
по гражданской части *подпись*
Завед[ующий] столом по выдаче
труд[овых] книжек *подпись*

*Н-1791. Т. 66. Л. 110.
Машинописная копия на бланке.*

¹ В.И. Степанов – Б.В. Савинков.

3

Выписка из протокола №24 22 августа 1924 г. заседания президиума ЦИК Союза ССР

Слушали

Ходатайство ОГПУ о передаче дела гр. Степанова Виктора Ивановича № 27630 по обвинению по ст.ст. 58, 64, 66 уголовного кодекса для рассмотрения по существу в Военную коллегия Верховного Суда Союза ССР.

Постановили

Ходатайство удовлетворить.

Секретарь ЦИК Союза ССР Енукидзе

*Н-1791. Т. 66. Л. 111.
Машинописная копия на бланке.*

4

В Военную коллегия Верховного суда Союза ССР

Предложение

На основании 1-й части 229 статьи уголовно-процессуального кодекса РСФСР предлагаю Военной коллегии дело о Степанове Викторе Ивановиче – Савинкове Борисе Викторовиче, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 58 ч.1, 59, 64, 66 ч.1, 70 и 76 ч.1 статьями уголовного кодекса вместе с обвинительным заключением следователя тов. Сосновского, какое предлагаю Коллегии утвердить и обвиняемого Степанова Виктора Ивановича предать суду по выводам заключения.

К сему присовокупляю, что я не признаю необходимым поддерживать обвинение по настоящему делу в судебном заседании.

Обвиняемый Степанов Виктор Иванович, находящийся под стражей во внутренней тюрьме ОГПУ одновременно с сим перечисляется содержанием за Военной коллегией Верховного суда СССР.

Приложение: Подлинное дело на 93 листах и вещественные доказательства

22.08.1924 г. №22/Л г. Москва
Военный прокурор при Военной коллегии
Верховного суда СССР
Н. Кузьмин

Н-1791. Т. 66. Л. 112.

Машинописная копия на бланке.

5

Выписка из протокола № 29 заседания Распорядительного Военной коллегии Верховного суда Союза ССР

23 августа 1924 г.

Слушали

Постановление Президиума ЦИК Союза СССР от 22.08.24 г. о передаче дела по обвинению гр. Степанова Виктора по 58, 64 и 66 ст.ст. УК в производство Военной коллегии.

Постановили

Дело принять к своему производству.

Выписка верна: секретарь
судебно-исполнительной части
Военной коллегии Верховного суда Союза ССР
Заборонок

**Выписка
из протокола № 29 заседания
Распорядительного Военной
коллегии Верховного суда Союза
ССР**

23 августа 1924 г.

Слушали

Дело и обвинительное заключение по обвинению гр. Степанова Виктора по ст. 58, ч.1, 59, 64 и 66 ч.1, 70 и 76 ч.1 УК РСФСР (доклад т. Кузьмина)

Постановили

Обвинительное заключение утвердить, дело назначить к слушанию 27-го августа 1924 г. без участия сторон ввиду ясности дела.

Состав суда:

Председательствующий: Ульрих

Члены: Камерон, Кушнирюк.

Меру пресечения оставить прежнюю.

Выписка верна: секретарь суд[ебно]-исполн[ительной] части
Военной коллегии Верховного суда Союза ССР
Заборонок

Н-1791. Т. 66. Л. 113–114.

Машинописная копия на бланке.

6

Постановление о мере пресечения

1924 г. августа 23 дня. Нач[альник] 6 отделения контрразвед[ывательного] отд[ела] ОГПУ Сосновский на основании собранного по делу обвинительного материала против гр. Савинкова Бориса Викторовича /он же – Степанов Виктор Иванович/, обвиняемого в активном участии в организации и ведении гражданской войны, направленной против рабоче-крестьянской революции в России,

в возглавлении ряда контрреволюционных организаций, созданных и действовавших в целях свержения соввласти; в активном участии в войне с Совроссией на стороне враждебных ей государств и объединений, вредительстве и агентурном шпионаже, бандитизме, организации террора, как индивидуального против вождей Совроссии, так и массового на территории Совфедерации, т.е. в преступлениях, предусмотренных 58 I ч., 59, 64, 66 I ч. и 76 I ч. ст. ст. Угол[овного] код[екса], и приняв во внимание, что за таковые угрожает тяжкое наказание, что оставление его на свободе может препятствовать раскрытию истины, а потому, руководствуясь 147 и 161 ст.ст. Угол[овно] – проц[ессуального] код[екса], постановил: мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении поименованного гр. Савинкова Бориса Викторовича (он же – Степанов Виктор Иванович) избрать содержание его под стражей.

Нач. 6 отд[еления] КРО ОГПУ
И. Сосновский

«Согласен»: _____

«Утверждаю»: П[ом]. Нач[альника] КРО Пузицкий
Справка: копия настоящего постановления сообщена:
Б. Савинков

Н-1791. Т. 66. Л. 1-6.

7

Постановление

(о привлечении в качестве обвиняемого)

1924 года августа 23 дня Я – Нач[альник] 6 отдел[ения] контрразвед[ывательного] отд[ела] ОГПУ Сосновский, рассмотрев следственный материал по делу, нашел, что в период 1918 – 1924 гг., находясь как в пределах Совроссии, так и за рубежом, гр. Савинков Борис Викторович (он же Степанов Виктор Иванович) принимал активное участие в организации и ведении гражданской войны, направленной против рабоче-крестьянской революции в России, возглавил ряд контрреволюционных организаций, созданных и действующих в целях свержения Соввласти, активно участвовал в войне с Совроссией на стороне вооруженных сил, враждебных ей государств и объединений, принимал участие в ведении вредительного и агентурного шпионажа, бандитизма, организации террора, как индивидуального против вождей Совроссии, так и массового на территории Совфедерации.

Из вышеизложенного устанавливается, что гр. Савинков Борис Викторович (он же Степанов Виктор Иванович) достаточно изобличается в вышеизложенном, а потому на основании 131 ст.

уголовно-процессуального кодекса постановил: названного Б.В. Савинкова (он же В.И. Степанов) привлечь в качестве обвиняемого по 58 I ч., 59, 64, 66 I ч., 76 I ч. статьям уголовного кодекса.

Нач[альник] 6 отдел[ения]
контрразвед[ывательного] отд[ела] ОГПУ Сосновский

«Согласен»: Нач.

«Утверждаю»: П[ом]. Нач. КРО Пузицкий.

Настоящее постановление

Б. Савинкову объявлено.

Н-1791. Т. 66. Л. 2.

8

Протокол допроса

Раньше, чем отвечать на предложенные мне вопросы, я должен сказать следующее:

Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации П.С.Р., друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, участник многих других терр. актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться?

Я уже сказал, что всю жизнь работал только для народа и во имя его. Я имею право прибавить, что никогда и ни при каких обстоятельствах не защищал интересов и не преследовал личных целей. Я любил Россию, был глубоко предан русскому трудовому народу и, конечно, мог ошибаться, но действовал всегда по совести и крайнему разумению. Был революционером и демократом, таким и остался.

Пошел я против коммунистов по многим причинам. Во-первых, по своим убеждениям я был пусть плохой, но с[оциалист]-р[еволюционер], а следовательно, обязан был защищать Учредительное собрание; во-вторых, я думал, что преждевременно заключенный мир губелен для России; в-третьих, мне казалось, что если не бороться с коммунистами нам, демократам, то власть захватят монархисты; в-четвертых, кто мог бы в 1917 г. сказать, что русские рабочие и крестьяне в массе пойдут в РКП? Я разделял распространенное заблуждение, что октябрьский переворот – не более как захват власти горстью смелых людей, захват, возможный только благодаря слабости и неразумию Керенского. Будущее мне показало, что я был не прав во всем. Учредительное собрание выявило свою ничтожность; мир с Германией заключила бы любая дальновидная власть; коммунисты совершенно разбили монархистов и сделали невозможной реставрацию в каком бы то ни было виде;

наконец, и это самое главное, РКП была поддержана рабочими и крестьянами России, т.е. русским народом. Все причины, побудившие меня поднять оружие, отпали. Остались только идейные разногласия: Интернационал или родина, диктатура пролетариата или свобода? Но из-за разногласий не поднимают меч и не становятся врагами ... К сожалению, истину я увидел только в процессе борьбы, но не раньше. Моя борьба с коммунистами научила меня многому – каждый день приносил разочарование, каждый день разрушал во мне веру в правильность моего пути, и каждый день укреплял меня в мысли, что если за коммунистами большинство русских рабочих и крестьян, то я, русский, должен подчиниться их воле, какая бы она ни была. Но я революционер. А это значит, что я не только признаю все средства борьбы вплоть до терр[ористических] актов, но и борюсь до конца, до той последней минуты, когда – либо погибаю, либо совершенно убеждаюсь в своей ошибке. Мог ли я убедиться в ней шесть, пять, четыре, даже три года назад, когда чаша весов еще колебалась, когда еще позволительно было думать, что русский народ в своем большинстве против коммунистической партии и Интернационала?

Я не преступник, я – военнопленный. Я вел войну и я побежден. Я имею мужество открыто это сказать. Я имею мужество открыто сказать, что моя упорная, длительная, не на живот, а на смерть, всеми доступными мне средствами, борьба не дала результатов. А раз это так, значит русский народ был не с нами, а с РКП. И говорю еще раз: плох или хорош русский народ, заблуждается он или нет, я, русский, подчиняюсь ему. Судите меня, как хотите.

Что было? На Дону – интриги, мелкое тщеславие, «алексеевцы» и «корниловцы», надежды на буржуазию, тупое непонимание положения, подозрительность к каждому демократу и тайное «Боже, царя храни». Я говорю о «верхах», конечно... Я уехал с Дона уже отравленный мыслью, что «рыба гниет с головы». Потом – Ярославль. Геройское, но бесполезное дело. И ... французы. Тогда я впервые почувствовал, как относятся иностранцы к нам ... Потом Казань, эсэры, громкие слова, безволие, легкомыслие, бездарность и малодушие. Опять «рыба гниет с головы». Потом Париж, представительство Колчака. Конечно, та же картина. Те же интриги, те же легкомыслие, та же тупость, те же звонкие фразы и ... ложные сведения из Сибири. Я был в отчаянии. Мне все еще казалось, что коммунисты – захватчики власти, и что русский народ не с ними, и неудачи наши я приписывал только неспособности «белых», точнее белых «верхов». Меня ждало еще более горькое разочарование. Я говорю о Варшаве. С одной стороны, Балахович, с другой – Глазенап и Пермикин, «их превосходительства» и золотые погоны. А тут же польский штаб. Сразу оговорюсь насчет этого штаба. Заподозрить меня в шпионстве смешно. Могу ли я быть шпионом? Но я стоял во главе большого дела и должен был иметь базу. А база неразрывно

связана с штабом. Никаких деталей я не знал и в них физически входить не мог, занятый с утра до вечера всевозможными делами. Я поступал так, как поступали все белые, опиравшиеся на иностранцев. А без опоры на иностранцев мы воевать не могли.

Итак, Балахович, Пермикин и штаб. Генеральский. Ссоры, интриги Врангеля, воровство, «моя хата с краю», чиновничество и прочее, и прочее, и прочее, и уже не на «верхах» только. В этой каше тонULO несколько честных и искренно убежденных людей. Все это было мне глубоко противно. Чтобы, по крайней мере, не обмануть тех, кто верили мне, я записался к Балаховичу солдатом и ушел в поход. Моя совесть нашла успокоение: я делил участь простых людей.

Потом переход границы. Когда перешли границу обратно в Польшу, я подвел итоги белому движению. Тяжелые это были итоги. Но и снова я не усомнился в том, что коммунисты только захватчики власти. Я только сказал себе, что надо идти другой дорогой. Отсюда «зеленые» и «Союз» – попытка чисто крестьянского движения. Говорю «попытка», ибо настоящим движением этого было назвать нельзя. Руководить из Варшавы «зелеными» я не мог. Я мог только писать приказы, я и писал их. Исполнялись ли они? Нет. В большинстве случаев вместо дисциплины была разнузданность, вместо идейной борьбы – бандитизм, вместо планомерных действий – разрозненные, и потому ненужные, выступления. Выходило так, что пытается синица море зажечь. Но и тут я не понял, что народ не с нами, а с РКП. Но и тут я, революционер, не бросил борьбы. Почему не бросил? Да потому, что все еще верил, что коммунисты чужие русским крестьянам и рабочим люди, и что русский народ если и не может, то наверное хочет освободиться от них. Я не знал, что в 1924 г. будет 1 000 000 комсомольцев...

Трагедия «белая», трагедия «зеленая». Разочарование «белое», разочарование «зеленое». Что оставалось делать? Использовать третью, последнюю возможность борьбы – вернуться к подпольной работе. Я и вернулся. Кое-как дело шло, пока я находился в Варшаве. Именно «кое-как» и все время на убыль. На убыль настолько, что к 1923 году передо мной во весь рост встал страшный вопрос. Вот пять лет я борюсь. И я всегда и неизменно побит. Почему? Потому ли только, что эмиграция разлагается, с[оциалисты]-р[еволюционеры] бездейственны, а генералы не научились и не могут научиться – чему? Потому ли только, что среди нас мало убежденных и стойких людей, зато много болтунов, бандитов и полубандитов? Потому ли только, что у нас нет денег и базы? Потому ли только, что мы не объединены? Потому ли только, что наша программа несовершенна? Или еще и прежде всего потому, что с коммунистами русские рабочие и крестьяне, т.е. русский народ?

И я впервые ответил себе: «да, я ошибся; коммунисты не захватчики власти, они власть, признанная русским народом». Русский народ поддержал их в гражданской войне, поддержал и в

борьбе против нас. Что же делать? Надо подчиняться народу. Тогда я сел писать «Коня вороного», тогда я отошел от всех дел и забился в щель и тогда я был на волос от того, чтобы заявить публично, что я прекращаю всякую борьбу. Я знаю, что этому трудно поверить, но это было именно так.

Заявления я не сделал. Я не сделал его потому, что ко мне из России приехали люди, посланные ГПУ. Эти люди сказали мне, что конечно возлагать надежды на нас, старорежимных антикоммунистов, нельзя, но что в России народилось новое поколение, и что оно во имя русского народа борется с коммунистами.

Это была неправда, но я этого, конечно, не знал. И я сказал себе: «если это так, если действительно в России нашлись такие революционные силы, то, может быть, я не прав, и, может быть, русский народ не с РКП». И я решил ехать в Россию.

Да, я подозревал, что со мной играют. Да, я считал, что у меня есть 20% на арест. Но моя революционная совесть не позволяла мне оставаться в Париже. Я *должен* был, все равно, какой ценою, решить для себя вопрос: ошибся ли я, начиная борьбу против РКП или нет? С РКП русский народ или нет? Хочет русский народ освобождения или нет? И не навязываю ли я ему своей воли? И не сделали ли коммунисты для народа то, о чем он мечтал? Не они ли освободили его? И я ехал не с тем, чтобы непременно и во что бы то ни стало продолжать борьбу, а с тем, чтобы увидеть все своими глазами и услышать своими ушами и, увидев и услышав, решить, что делать, бороться ли дальше или сложить оружие. Если бы посланные ко мне люди сказали мне правду о России, т.е. сказали бы, что народ с РКП, я бы еще в Париже заявил, что прекращаю борьбу, как и хотел это сделать. Это заявление в точности соответствовало бы истинному положению дел: с 1923 г. никакой моей организации не существовало, были отдельные, разбросанные в эмиграции, люди, да совершенно не известные мне какие-то «савинковцы» в России, о которых я узнавал из газет.

Вот как все было. Еще раз говорю: судите, как хотите. А передо мною стоит все тот же страшный вопрос, не ошибся ли я, как и многие другие?

Теперь отвечаю на вопросы. О себе готов сказать все, о других говорить не хочу, ибо никогда не обманывал никого.

1. *Фамилия, имя и отчество?* – Савинков Борис Викторович.

2. *Возраст?* – 1879 г.

3. *Происхождение?* – Родился в Харькове. Отец был судьей в Варшаве, был выгнан со службы за революционный образ мысли в 1905 г. Мать из Польши, урожд[енная] Ярошенко, сестра художника; русский.

4. *Место жительства?* – Париж.

5. *Род занятий (последнее место службы и должн[ость])* – Революционер.

6. *Семейное положение?* – Разошелся с женой, имею троих детей.

7. *Имущественное положение (до и после революции)?* – Ни-
какого имущества никогда не имел.

8. *Образовательный ценз?* – Был исключен из Петроградского
университета за студенческие беспорядки в 1899 г.

9. *Партийность и политические убеждения?* – Член «Союза»¹.
См. программу «Союза». Крестьянский демократ.

10. *Почему в 1917 г. Вы приняли на себя должность комиссара
Временного правительства при командующем Ю[го]-Зап[адным]
фронтом? Чем вызвано было Ваше согласие на занятие долж-
ности военного министра в кабинете Керенского?* – Принадле-
жал в то время к ПСР и по партийной дисциплине не считал себя
вправе отказываться.

11. *В чем выразилось Ваше участие в июльском восста-
нии?* – Ни в чем. Был в это время на Ю[го]-З[ападном] фронте.

12. *Какую роль играли Вы в сношениях Керенского с Корни-
ловым?* – По делу Корнилова см. мою брошюру «К делу Корни-
лова». Был за «программу Корнилова», но решительно против его
выступления. Защищал от Корнилова Петроград.

13. *Почему после Октябрьского переворота Вы стали врагом
советского правительства?* – См. выше.

14. *Ваша деятельность в Совете союза казачьих войск?
(1917)* – Очень небольшая. Был депутатом в предпарламенте. Хотел
освободить с помощью казаков Зимний дворец, когда его осаждали
большевики, но дальше разговоров дело не пошло.

15. *Ваша работа в армии Краснова при наступлении его на
Петроград?* – «Работы» никакой не было. Просто был в отряде
Краснова – Керенского.

16. *Работа Ваша у Каледина на Дону (после неудачи операции
Краснова в 17 г.). Работа с Калединым, Алексеевым, Корниловым
и в Донском гражданском совете?* – Приехал на Дон, чтобы убедить
Каледина, Алексеева, Корнилова, что гражданскую войну следует
вести на широко демократической (крестьянской) программе. Был
включен в Донской гражданский совет. Встретил отношение по-
лувраждебное. Очень скоро уехал в Москву.

17. *Какие цели преследовал организованный Вами в 1918 г.
Союз защиты Родины; участие в этом Союзе Дикгоф-Деренталья
и Перхурова?* – Свержение коммунистов и Учредительное собра-
ние. (См. мою брошюру «Борьба с большевиками»). Перхуров
играл видную роль (был нач. Штаба), Деренталь – второстепенную.

18. *Террористическая деятельность в 18 г. в Москве и, в ча-
стности, попытка к организации убийства Ленина и Троц-
кого.* – Дальше разговоров дело не шло.

19. *Участие Ваше в 18 г. в Национальном центре.* – Был на
нескольких заседаниях в качестве председателя «Союза». «Нацио-
нальным центром» интересовался мало, ибо был целиком поглощен
«союзными» делами.

20. *Организация вооруженных восстаний в Рыбинске, Ярославле, Казани, Муроме.* – Да, организовал. См. опять мою брошюру «Борьба с большевиками».

21. *Отношения Ваши с иностранцами (подробно)?* – Из иностранцев сносился только с французами, которые дали часть средств. Французский посол Нуланс утверждал, что союзники решили в целях продолжения войны на русском фронте высадить десант в Архангельске. Этот десант должен был прежде всего помочь свергнуть коммунистическую власть. Верхняя Волга была выбрана именно в связи с утверждением Нуланса. Муром – ибо там была ставка. Нуланс обманул.

22. *Работа Ваша в Казани у чехословаков?* – В Казани я у чехословаков не работал, а ушел солдатом на фронт в отряде Каппеля.

23. *Работа у Колчака?* – Колчака я представлял в Париже, в качестве члена делегации. Кроме того, я там же стоял во главе колчаковского бюро печати «Унион». Работа сводилась к околачиванию порогов у иностранцев и к осведомлению на основании сведений, получавшихся из Сибири (часто, к сожалению, не верных, как стало ясно потом).

24. *Участие Ваше в 20 г. в войне Польши против Совроссии; активная работа в Сев[еро]-Зап[адной] армии?* – В войне Польши с Сов[етской] Рос[сией] я не участвовал; до перемирия я только формировал армию. К Сев[еро]-Зап[адной] армии отношения я не имел, если не считать предложения, полученного мною, принять должность Воен[ного] мин[истр]а в Сев[еро]-Зап[адном] прав[ительстве]. От предложения этого я отказался.

25. *Руководство Русским эвакуационным комитетом?* – Очень обширный вопрос. См. специально изданную мною по этому вопросу брошюру. Эв[акуационный] ком[итет] занимался прежде всего устройством судьбы чинов армий Балаховича и Пермикина после перехода ими польской границы. Но были и другие дела, например, газета. За мною было общее руководство всеми делами, и в детали я не входил и не мог входить.

26. *Договор с Петлюрой.* – С Петлюрой договор был заключен перед походом, ибо армия Пермикина должна была занять участок на левом фланге украинских войск. О договоре с кубанцами не помню. Если он и был, то такого же содержания, как с донцами, т.е. дружественный, но совершенно платонический. Реальных последствий ни от одного из договоров не произошло.

27. *Организация в Варшаве в 1921 г. Всероссийского союза защиты Родины и свободы.* – «Союз» был организован среди, главным образом, интернированных балаховцев и пермикинцев, сперва для борьбы с монархистами в лагерях, потом и коммунистами. В детали я опять-таки за недостатком времени не входил.

28. *Связь с польским ген[еральным] штабом и организация в России вредительского и агентурного шпионажа (Вязьма – взрыв складов, яд, данный Оперпугу в Варшаве).* – Насчет взрыва

в Вязьме и яда я слышу впервые. Связь со штабом, как уже выше писал, была, но я лично этой связью не занимался и смотрел на нее как на неизбежное из-за сохранения базы зло. Одно из двух: либо бороться, либо нет. Если бороться, значит – иностранцы, база, штаб.

29. *Переход в ведение Всер[оссийского] Н[ародного] с[юза] з[ащиты] р[одины] и св[ободы]* (далее – НСЗРиС) «Русского политического комитета». – В ведение «Союза» Рус[ский] пол[итический] ком[итет] не поступал. Это были две различные организации, персонально связанные мною.

30. *Организ[ация] на Зап[адном] фр[онте] партиз[анских] от[рядов] банд[итского] хар[актера] из ост[атков] банд Ба-лах[овича] и Пермикина.* – В детали не входил. Ведало этим Информ[ационное] бюро. О своем разочаровании писал выше.

31. *Характер работы и тактика «Савинковских организа-ций».* – Есть печатная «инструкция». От этой инструкции организации постоянно отклонялись. Я, сидя за границей, был бессилен.

32. *Организац[ия] при Всер[оссийском] НСЗРиС информац[и-онного] отдела в качестве частн[ого] агент[урного] бюро Поль-ск[ого] ген[ерального] штаба.* – «Инф[ормационное] бюро» никогда не было агентурным бюро штаба. Оно только держало со штабом связь по причинам, указанным выше.

33. *Ходатайствовали ли Вы в 1922 г. о субсидиях перед Мус-солини, Пилсудск[им] и Черчиллем?* – В 1922 г. о субсидиях не просил ни у кого. У англичан вообще никогда не просил. У Муссолини просил помощи весной 1923 г. Это была последняя моя надежда.

34. *Ваши связи за период 1921–1924 г. (Париж) с иностранными госу-дарствен[ными] деятелями – с кем, когда и по каким вопро-сам.* – С иностранными государственными деятелями я знаком почти со всеми. Познакомился я с ними в качестве представителя Колчака. Беседовал с ними неоднократно по самым разнообразным вопросам.

35. *Ваша связь в 1922 г. с Земледельч[еской] парт[ией] в Бол-гарии.* – Никакой. Из болгар знал одного Стамболийского, которого видел в Варшаве.

36. *Связь с «Центром действий»² (Вакар, Чайковский). Связь с «Русск[им] демокр[атическим] объединением», и что Вам об этой орг[анизации] изв[естно]? – С «Центром действий» не связан, с «Русским демократическим объединением» – тоже. На последнюю организацию смотрю как на очередную эмигрантскую болтовню.*

37. *Цель Вашей сознательной дезинформации Европы о СССР (инспирация общественного мнения Европы, монополия на инфор-мацию).* – Никогда ни при каких обстоятельствах я сознательно не дезинформировал Европы и никогда не брал монополии на инфор-мацию. Истина в том, что сам плохо осведомлен, не многим лучше, чем иностранцы. Меня спрашивали, я отвечал. Кстати, с 1923 г. я говорил, что надо признавать сов[етскую] власть и торговать с Сов[етской] Рос[сией].

38. *Связь с французским Генеральным штабом.* – У меня никогда никакой не было, кроме Ярославского восстания (см. выше). «Инф[ормационное] бюро», кажется, одновременно имело связь через поляков.

39. *Ваша деятельность в 1923–1924 г. (теракты).* – Никаких терр[ористических] актов в 1923–1924 г.г. я не делал и не пытался делать. Как я выше писал, к 1923 г. организация была совершенно разбита, «Союза», в сущности, не было, людей не было, денег не было. А главное, передо мной стоял вопрос вообще о прекращении работы. Можете этому не верить, но это так и никак иначе.

40. *Работа в НСЗРиС (замена лозунга «Учредит[ельное] собрание» лозунгом «Беспартийн[ые] советы», бандитизм, террор, агитация за террор в газете «За свободу» в марте–апреле 1924 г.).* – О бандитизме я уже писал, о терроре тоже. Лозунг «Советы» был принят давно, в 1921 г., когда для нас окончательно выяснилась несостоятельность Учр[едительного] собр[собрания] и непопулярность его в России. В 1923–1924 г.г. я от газеты стоял далеко, ею не руководил. Как революционер, всегда стоял за террор, но всегда агитацию за него считал ненужной. На террор нельзя звать, можно только в него идти.

41. *Приезжал ли к Вам в Париж в декабре 22 г. Д.В. Философов, и какова была цель его приезда?* – Приезжал. Подводили итоги, очень неутешительные.

42. *Какие были у Вас основания надеяться на улучшение материального и правового положения Союза после англо-советского конфликта и убийства Воровского: откуда ожидали получить средства?* – Никаких, и никогда не надеялся. К убийству Воровского отношения не имел. Кангличанам ни за чем не обращался.

43. *Были ли ЦК Н.С.З.Р. и Св. в июле 1923 г.?* – Не было.

44. *Почему вышел из ЦК полк[овник] Энгельсгрэн, и где он в настоящее время, что делает?* – Энгельсгрэн был отстранен за сочувствие монархистам и разное другое. Где он теперь, не знаю.

45. *Почему распался ЦК НСЗРиС?* – Ибо ничего нельзя было делать.

46. *Работа монархистов в Париже в июле 1923 г.; получение ими у Форда денег и в каком размере.* – С монархистами дела не имел. О получении ими денег от Форда слышал, но верно ли это, не знаю.

47. *Какой пограничный пункт для связи с Россией был Вами передан Вакару и когда. Как был использован ими этот пункт?* – Не помню, а может быть, и не знаю, ибо в детали, еще раз говорю, входить не мог, это было не мое дело.

48. *Филимонов, Богаевский, Скопцов. Их работа прежде и теперь.* – Всегда был далек от них.

49. *Керенский, Чернов и пр. Их работа.* – Был далек и от них. Вообще в эмиграции занимал особое место – всегда в стороне от всех, а последнее время буквально в щели.

50. *Груз[инские] меньшевики (Жордания, Церетели, Чхенкели) и Ваша связь с ними в 23 г. и теперь.* – Грузинам и вообще всем кавказцам читал в 21 г. или в 22 г. доклад по национальному вопросу. Организационной связи никогда с ними не имел. Встречался частным образом, и то крайне редко (раз в полгода) с отдельными из них, как со старыми товарищами.

51. *Связь их с Кавказом и какими путями?* – Ничего не знаю.

52. *Из каких источников ожидали Вы средства в августе 1923 г. (бельгийцы, Муссолини, Форд), и почему Вам не удалось получить денег?* – От Муссолини, но ничего не вышло, потому что в Европу проникает сознание о бесполезности борьбы с советской Россией, по крайней мере, я себе так объясняю мою неудачу.

53. *Предполагавшаяся Вами конференция в Париже с участием груз[инских] меньшевиков и «Москвы».* – Не конференция, и не с грузинами, а в случае, если бы действительно «Москва» представляла собой не совсем пустое место, съезд нескольких членов Союза для совместного обсуждения и решения главного вопроса, возможно ли и нужно ли продолжать борьбу.

54. *Цель приезда в Россию, и в частности, в Москву полк[овника] Павловского в августе 1923 года.* – Без определенных инструкций, прежде всего для того, чтобы выяснить «Москву».

55. *Сидней Рейли и цель его поездки в Америку в августе 23 года, в мае 24, сентябре 24 года. Какую работу антибольшевистскую ведет Рейли?* – Рейли членом Союза никогда не был, антибольшевистской работы не ведет. Если я его познакомил с «Москвой», то только для того, чтобы узнать его впечатление о ней. Связь моя с Рейли личная. Он никогда не работал со мной, а я – с ним.

56. *Связь Ваша и его, Рейли, с английской контрразведкой?* – Никогда не имел отношения к английск[ой] контрразведке и познакомился с Рейли после войны, когда он оставил службу. Знаю, что и он с англ[ийской] контрразв[едкой] ныне не имеет связи.

57. *Цедерер и Ваши с ним взаимоотношения.* – Цедерера видел раз в жизни, в Париже, в 22 г. Никогда ни с какой просьбой к нему не обращался, и он мне не помогал, хотел обратиться для открытия финляндской границы, если это возможно, но не обратился.

58. *Что стало с «Финляндским пунктом» после ухода Энвельг-рена?* – Ликвидирован очень давно.

59. *«Берлинское покушение» (подготовка, руководство, причина неудачи и т.д.).* – Покушения не было. Были попытки к подготовке его в 22 г. Дело ограничилось наблюдением за сов[етской] миссией и за вокзалами. Это «покушение» (в сущности единственное, в котором я участвовал) убедило меня в невозможности терактов из-за разложения эмиграции. Воровский – случайность, которая едва ли повториться может. Главным участником был ныне умерший Б.А. Васильев.

60. *Ваше знакомство и связь с Арцыбашевым*³. – Арцыбашева видел раз в жизни, теперь, проездом, в Варшаве. Писал ему по делам редакции из Парижа.

61. *Переписка с Полуниным. Где Полунин? Его роль теперь. Ваша работа с ним.* – Никогда Полунину не писал, никогда его не видел, никогда не работал с ним. Где он, не знаю.

62. *Ваша связь с Пти Евгением Юльевичем.* – Да, двадцатилетняя.

63. *Куда Вы ездили в апреле 24 г. (18 апреля – мая). Куда ездил А. Дикгоф-Деренталь?* – К Муссолини, но его не видел. Деренталь жил в Ницце, писал роман, искал работу.

64, 65. *Что означает «невесты» (письмо к Павловскому)? Почему так настаивал на приезде Сержа в Париж?* – Павловского я непременно хотел видеть, ибо подозревал «Москву» и верил только ему. О «невесте» писал из конспирации, боясь, что письма читают. Никакого смысла в «невесте» не было.

66. *Связь Ваша с немцами («теперь уже и немецкий штаб говорит, что с большевиками нельзя ладить» – из слов Б.С.).* – Никакой, передавал то, что слышал в Париже.

67. *Оценка Ваша Ваших ближайших сотрудников. (Викт[ор] Савинков, Деренталь, Мягков, Рудин и др., Философов, Португалов, Шевченко, Арцыбашев)*⁴.

68. *Подготавливалось ли Вами покушение на Рыкова и Раковского? Откуда у Вас сведения, что Рыков в Италии как частный гражданин?* – Нет. Болтовня. О приезде Рыкова в Италию говорил весь Париж.

69. *Что за друг Ваш, близкий к Раковскому, от которого Вы могли знать детали, даже в случае приезда Раковского в Париж.* – Тоже болтовня.

70., 71. *Переговоры Беренса с Гучковым от имени Троцкого и результаты. Ваше желание говорить с Троцким, и каковы результаты.* – В Париже много говорили об этом, якобы, свидании. Слух о нем проник даже в печать. Я не очень верил, что свидание такое могло состояться, но на всякий случай просил через десятки руки устроить мне свидание с Троцким. Я хотел выяснить позицию Троцкого, а в особенности уяснить себе свою, как в беседе с Красиным в 21 г. Разумеется, о «политических свободах» говорить не хотел. На мою просьбу я ответа не получил.

72. *Позиция Гучкова и его связи с Москвой. Работа Гучкова.* – Ничего не знаю. Видел Гучкова редко. Знаю только, что он в стороне от эмиграции и очень не одобряет монархистов.

73. *Съезд монархистов в Париже.* – Ничего не знаю, с монархистами дел не имею. Да и съездом их интересовался мало.

74. *Масонская ложа и ее работа, в частности, русской секции.* – Очень редко посещал ложи, в том числе русскую. Относился к русской ложе, как к пустой забаве.

75. *Генералы Ярославцев и Матвеев и их роли в Вашей работе.* – Оба просто зарабатывали свой хлеб на заводах, рабочими. Не работают с 20 года.

76. *Откуда был получен итальянский паспорт для «Сержа» в августе 23 г.?* – Паспорт был фальшивый.

77. *Знакомство с Ирмановым, взаимоотношения и пр.* – Ирманова знаю только по фамилии, никогда его не видел.

78. *Связь с бывшим испанским премьером.* – Связи не было. Однажды обедал с ним, по его приглашению.

79. *«Национальный вопрос в России» (из письма Б. Савинкова в Москву «дорогие друзья» и пр.). Особые отряды для терактов.* – «Национальный вопрос», программа Союза по нац[иональному] вопросу. Об особых отрядах писал, как об предположении. Революционер, я признаю все способы борьбы, я уже писал об этом выше. Но практическое осуществление – другое. Мне был задан вопрос: выступать в Москве или накапливать силы. Я ответил «накапливать», а если их много, то в крайнем случае выделить отряды.

80, 81. *Что за новое изобретение для терактов, где ведется работа, кто ведет, кто должен исследовать и пр. Каким путем предполагали Вам груз этот доставить прямо в Москву?* – Все вздор. Я подозревал «Москву» и придумал этот предлог для того, чтобы отказаться ехать до приезда Сержа, которому верил. Я хотел сослаться на важное дело, чтобы мой отказ был прав-доподобен и не навел бы на размышления. Это было до приезда «Москвы», по получении телеграммы, что приехал «Серж», что мне показалось крайне подозрительным. Затем из личных бесед и объяснений, данных «Москвой», мои подозрения рассеялись. Чтобы не обидеть, я продолжал версию о «технике» и даже спрашивал, как ее провезти. Еще раз говорю: не было ничего, ни людей, ни денег, ни уверенности в необходимости бороться. Какие там теракты ... Хотелось приехать, посмотреть и тогда решать, и решить.

82. *Причина разногласий в редакции «За свободу».* – Разногласия с Арцыбашевым. Он правее остальных.

83. *О чем предполагали беседовать с Пилсудским?* – Пилсудского люблю и уважаю как старого революционера и террориста. Хотел попрощаться с ним, как с личным другом.

21.08.24 года. Лубянка.

Б. Савинков

Н-1791. Т. 66. Л. 11–21. Машинописная копия.

Частично опубликовано: Дело Б. Савинкова. Л., 1924. С. 23–26.

¹ Речь идет о «Народном союзе родины и свободы» созданном в Польше Б. Савинковым в 1921 г. на базе «Союза защиты родины и

свободы» и Русского политического комитета. СЗРиС – военная подпольная организация, образованная в феврале–марте 1918 г. в Москве Б. Савинковым. Принимала участие в организации белогвардейских мятежей в 1918 г. в Ярославле, Муроме, Рыбинске, после подавления которых и ареста многих членов «Союза» ее деятельность прекратилась.

² «Центр действия» – белоэмигрантская законспирированная террористическая организация, создана в Париже в 1920 г. Значительную лепту в финансирование деятельности «ЦД» внес бывший посол России в США Б.А. Бахметьев, перечислив на его счета 350 тысяч франков. Организация имела свои отделения в Варшаве, Гельсингфорсе, Ревеле, Константинополе и других городах. Агенты «Центра» пользовались поддержкой и покровительством французской и польской разведок. ГПУ вышла на след «ЦД» в 1922 г. в Киеве, когда был арестован зарубежный «гость» Н.П. Вакар, нелегально прибывший на Украину. В результате проведенной чекистами спецоперации летом 1923 г. парижский «Центр действия» перестал существовать.

³ *Арцыбашев М. П.* (1878–1927) русский писатель, эмигрант с 1923 г. Жил в Варшаве, участвовал в издании газеты «За свободу». С Савинковым встретился перед его отъездом в СССР.

⁴ Никаких характеризующих сведений о своих ближайших сподвижниках Б. Савинков не дал.

9

Периоды деятельности Б.В. Савинкова по представлению 6 отделения КРО ОГПУ

1-й. До 1917 года.

Террор против самодержавия.

(Савинков социал-демократ, социал-революционер и «независимый социалист»).

2-й. 1917—1919. В России.

Организация террористических актов против сов[етской] власти, контрреволюционных заговоров и восстаний.

(Савинков – «независимый социалист»).

3-й. 1920—1924. За рубежом.

Организация шпионажа, бандитизма, союзнической интервенции, «Всероссийского народного союза защиты родины и свободы»; «принятие» фашизма.

(Савинков – «фашист»).

Борис Викторович Савинков
(террор, бандитизм, шпионаж, фашизм)

- 1879 год. – Родился.
- 1899 год. – Руководитель студенческого движения.
- 1901 год. – Принимал участие в социал-демократической группе пропагандистов «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса».
- Выслан в Вологду, где примкнул к нарождавшейся в то время партии эсеров.
- 1903 год. – Активный член боевой организации эсеров и друг Азефа.
- 1905 год. – Отход от партии эсеров.
- 1917 год. – Заместитель военного министра в министерстве Временного правительства.
- Посредник между Керенским и Корниловым.
- Октябрьский переворот
- Энергичное воздействие на реакционный Совет союза казачьих войск в сторону выступления против большевиков.
 - При наступлении Краснова на Ленинград [Петроград] Савинков пробирается к нему, где принимает активное участие в действиях против большевиков.
 - После неудачи операции Краснова Савинков едет и благополучно добирается до Каледина (на Дону).
 - В Новочеркасске Савинков сходитя с Калединым, Алексеевым и Корниловым и принимает участие в работах реакционного «Донского гражданского совета».
- 1918 год. – Савинков в Москве организует «Союз защиты родины и свободы». Начальником штаба является у него Перхуров, начальником отдела сношений с союзниками – Дикгоф-Деренталь. В это время Савинков организует в Москве убийство Ленина и Троцкого.
- В этом же году Савинков вступает в «Национальный центр», которому подчиняются вооруженные силы «Союза защиты родины и свободы».
 - Организация Савинковым вооруженных восстаний в Рыбинске, Ярославле и Муроме (в Ярославль Савинков посылает Перхурова, который держался в Ярославле 17 дней).

- После неудачных восстаний в Рыбинске, Ярославле и Муроме Савинков с подложным мандатом с поддельной подписью Луначарского пробирается в Казанскую губернию, где принимает активное участие в выступлениях против большевиков.
- 1920 год. – Война с Польшей. Савинков организует белогвардейские банды под начальством Булак-Балаховича и ведет борьбу с советской Россией.
- 1921 год. – Савинков организует «Всероссийский народный союз защиты родины и свободы» совместно с своим братом Виктором и Дикгофом-Деренталем.
- Входит в тесную связь с польским Генеральным штабом, готовя нападение на советскую Россию, организуя в России шпионаж и контрреволюционные заговоры.
- На западном фронте устраивает целую сеть своих комитетов и паризанских отрядов бандитского характера, используя для этого остатки банд Балаховича и Пермикина.
- Входит в контакт с «ЦД» в лице Вакара, которому передает одну из нелегальных переправ.

В дальнейшем

- Совместно с украинским главнокомандующим генералом Павленко организует систему террора на Украине и в советской России; вступает в связь с французским Генеральным штабом, получает руководство разведкой за русской делегацией в Генуе.

Последнее время

- Савинков остается верным программе «Всероссийского народного союза защиты родины и свободы», заменив лозунг *Учредительного собрания* лозунгом *беспартийных Советов, выбранных по четыреххвостке*.
- Террор и бандитизм по-прежнему, по его мнению, реальные средства для борьбы с сов[етской] властью.
- Базу антисоветской работы Савинков считает необходимым перенести из-за рубежа в Центральную Россию.
- Наиболее близкими по духу для Савинкова являются Жордания, Церетели и Чхенкели, о работе которых в сов[етской] Грузии и за рубежом у Савинкова имеются определенные данные.
- Савинков – фашист. Он пишет: «Фашизм спас Италию от коммуны», и далее: «Будущее принадлежит фашизму».

- Для борьбы с сов[етской] властью Савинков считает необходимым средством производство терактов над верхушками партии РКП(б), Совнаркома, ВЦИК, персонально считает целесообразным предпринять теракты на проживающих временно за рубежом предсовнаркома Рыкова и полпреда в Англии Раковского, а в России на Калинина, Сталина, Зиновьева.
- Агитация за террор против представителей сов[етской] власти в газете «За свободу» в марте—апреле 1924 г.

август 1924 г.

Н-1791. Т. 17. Л. 1–4. Машинописная копия.

10

Заключение И. Сосновского о деле Б. Савинкова

1924 года августа 23 дня я, нач[альник] 6 отделения к[онтрразведывательного] отд[ела] ГПУ Сосновский, рассмотрев следственное производство по обвинению гр. Савинкова Бориса Викторовича (он же Степанов Виктор Иванович) в активном участии в организации и ведении гражданской войны, направленной против раб[оче]-кр[естьянской] революции в России, возглавлении ряда к[онтрреволюционных] организаций, им созданных и действовавших в целях свержения советской власти, в активном участии в войне с советской Россией на стороне вооруженных сил враждебных ей государств и объединений, в шпионаже, бандитизме, организации террора, т.е. в преступлениях, предусмотренных 1 ч. 66 ст. и 1 ч. 76 ст. Уг[оловного] код[екса] РСФСР, и принимая во внимание, что имеющимися в деле материалами, документами и показаниями Савинков Борис в достаточной степени изобличается в предъявленных ему обвинениях, на основании ст. 207 Уг[оловно]-проц[ессуального] кодекса РСФСР постановил считать предварительное следствие законченным, о чем объявить Савинкову под расписку.

Следователь И. Сосновский.

Настоящее постановление мне объявлено
23 августа 1924 г. Б. Савинков

Утверждается: пом. нач. КРО ОГПУ Пузицкий

Н-1791. Т. 66. Л. 93. Рукопись

Обвинительное заключение по делу Б. Савинкова

По делу по обвинению гр. Савинкова Бориса Викторовича
(он же Степанов Виктор Иванович) в преступлениях,
предусмотренных ст. ст. 58 1-ч., 59, 64, 66 1-ч, 70 и 76 1-ч.
Уголовн[ого] кодекса.

С первых шагов своего появления в России после свержения царизма Борис Викторович Савинков проявил себя, как решительный и последовательный враг рабочего класса, беднейшего крестьянства и солдатских масс во всех проявлениях борьбы за углубление и расширение революционных завоеваний. Многочисленные факты, относящиеся ко времени после февральского до октябрьского периода указывают на деятельность Савинкова, которая в общем и целом вела к тому, чтобы помочь российской буржуазии осуществить ее империалистические стремления. Деятельность эта выразилась в руководстве агитацией за верность союзникам и за войну до победного конца, в непосредственном проведении в правительстве и армии мер борьбы с пролетарскими организациями, в сношениях с представителями союзного командования, в организации белогвардейских, офицерских сил с целью активной борьбы против завоеваний революции и за укрепление власти в руках империалистической буржуазии. В бытность военным министром и военным комиссаром Б.В. Савинков использовал в борьбе с нарастающей пролетарской революцией свое имя старого революционера-террориста для провокационного вхождения в органы пролетарских классовых организаций, в целый ряд солдатских комитетов и крестьянских союзов, с целью задержки развития революционного настроения среди их участников, что приводило к их разложению и усиливало оппозицию буржуазии в борьбе против трудящихся.

В июльские дни 1917 года Б.В. Савинков был сторонником самых решительных мер подавления классовых выступлений питерских рабочих и самой беспощадной расправы с ними. По его собственному признанию, Б.В. Савинков был за программу Корнилова и в качестве военного губернатора Петрограда оказывал ему моральную поддержку, выступив посредником между Керенским и Корниловым, и затем между Алексеевым и Корниловым, чем препятствовал разгрому корниловского заговора.

После перехода власти в руки рабочих и крестьян Б.В. Савинков продолжает свою контрреволюционную деятельность, являясь вдохновителем и организатором борющихся на стороне буржуазии с

пролетарской революцией контрреволюционеров. Тесно связанный с контрреволюционными генералами Корниловым, Красновым и Алексеевым, Б.В. Савинков принимал активное участие в организации наступления генерала Краснова на Петроград, для чего лично пробрался в его штаб в Гатчине, где призывал к наиболее решительным мерам борьбы с питерскими рабочими, войсковыми частями и революционными матросами, побуждая к борьбе Керенского. Для привлечения других войсковых частей на помощь Краснову Б.В. Савинков отправился в расположение армии генерала Черемисова и принял меры к использованию польского добровольческого корпуса генерала Довбор-Мусницкого.

После поражения Краснова в декабре 1917 года Б.В. Савинков уезжает на юго-восток, где в личном сотрудничестве с генералом Калединым, Корниловым и Алексеевым принимает участие в «Донском гражданском совете», деятельность которого он усиливает и расширяет, пользуясь своим влиянием среди казаков, как член Союза казачьих войск в Петрограде и как бывший революционер. В качестве члена «ДГС» Б.В. Савинков лично отвез в Петроград и передал Чайковскому приглашение вступить в члены этого Совета. К этому времени отмечается участие Савинкова в работе по созданию генералом Алексеевым и Корниловым Добровольческой армии. В феврале—марте 1918 года Б.В. Савинков прибыл нелегально в Москву, где немедленно вошел в связь с наиболее активно настроенными контрреволюционными элементами. Все это видно из показаний Савинкова, данных 21.08.24 г. А из брошюры его «Борьба с большевиками», изданной в Варшаве в 1923 г., видно, что он разыскал в Москве тайную монархическую организацию гвардейских и гренадерских офицеров в количестве около 800 человек (стр. 24). Ознакомившись с положением и наметив план дальнейшей контрреволюционной заговорщицкой работы, Б.В. Савинков создал новую контрреволюционную организацию — тайное общество для борьбы против большевиков, названное «Союз защиты Родины и свободы». Говоря широковещательные слова о демократизме и называя себя защитником крестьянских интересов, Б.В. Савинков в руководящий состав включил заведомо ему известных монархистов: генерал-лейтенанта Рычкова и полковника Перхурова. Исполняя директивы «Дон[ского] Гражд[анского] Совета» и действуя согласно его реакционно-монархической программе, Б.В. Савинков поставил ближайшей целью свержение советской власти путем военного переворота и полное уничтожение всех завоеваний Октябрьской революции, воссоздание армии на основах настоящей воинской дисциплины, т.е. с помощью контрреволюционных генералов без какого бы то ни было участия комиссаров, и наконец, продолжение войны с Германией, опираясь на помощь союзников. Эти задачи Союза сформулированы

в программной прокламации СЗРиС, распространяемой его членами в Москве. В ряды членов СЗРиС были включены преимущественно офицеры и юнкера, как находившиеся в Москве, так и прибывающие с Дона. В этот период Б.В. Савинков, действуя как эмиссар «Дон[ского] Гражд[анского] Сов[ета]» и Добровольческой армии, установил связь со штабом Добрармии, послав, как это видно из его брошюры «Борьба с большевиками» (стр. 25), офицера к генералу Алексееву с донесением о том, что в Москве образовался СЗРиС, и с просьбой указаний. Одновременно Савинков находился в непосредственном контакте с представителями союзного дипломатического корпуса в лице Нуланса и Масарика, которые вели тайную контрреволюционную работу на территории РСФСР, и получал от них денежные субсидии через Масарика, на которые фактически велась и расширялась вся организационная работа СЗРиС. Это видно из брошюры Савинкова «Борьба с большевиками» (стр. 26), из статьи Дикгоф-Деренталя, помещенной в «Отечественных ведомостях» от 24 ноября 1918 г., а так же из показаний Савинкова от 21 августа 1924 года и показания Кошелева (л.д. 34 и 36).

По признанию Савинкова, тогда были сформированы подпольные части по принципу: кадры всех родов оружия с подразделением на активные боевые единицы ополчения. Когда союз вырос настолько, что представлял собой значительную организованную силу, то, по признанию Савинкова, он решил его подчинить политическому центру, каковой и нашел в лице «Национального центра».

До этого Б.В. Савинков отказался от контакта с «левым центром», состоявшим из социалистических и лево-кадетских элементов. Считая себя демократом и защитником крестьянских интересов, Б.В. Савинков выбрал в качестве политического руководителя организацию, в которой преобладающую роль играли монархические элементы.

Организованный Савинковым «Союз защиты Родины и свободы» имел свою контрразведку в Москве и разъездных агентов, главным образом, на Украине. Союз намечал широкую террористическую деятельность, и в первую очередь, покушение на Ленина и Троцкого, а также готовился к вооруженному выступлению, которое и состоялось по распоряжению Национального центра в Рыбинске, Ярославле и Муроме. План этого вооруженного выступления был разработан Перхуровым под руководством Б.В. Савинкова. До вооруженного выступления с ведома и по заданиям Савинкова члены Союза участвовали во всякого рода бандитизме, грабежах, захватах зданий, налетах на склады. Причем Б.В. Савинков лично принимал участие в организации банд из офицеров, которые производили налеты и грабежи под именем и лозунгами анархистов (см. показания Кошелева, л.д. 34).

План вооруженного выступления Савинков предполагал начать с убийства тов. Ленина и Троцкого в Москве, причем подготовка этого убийства производилась самим Савинковым лично. Он организовал систематическую слежку за обоими вождями и непосредственно сам вел агентурную разведку в отношении товарища Ленина, что видно из брошюры «Борьба с большевиками» (стр. 32 показания Кошелева, л.д. 35).

Восстания в Калуге и во Владимире не произошли, а в Рыбинске, Муроме и Ярославле были подавлены. На все эти контрреволюционные дела от представителей союзных правительств Савинков получил значительную сумму и сам лично руководил организацией восстания сначала в Ярославле, а потом в Рыбинске. Опору и поддержку, по признанию самого Савинкова, он находил среди торговцев и купцов города Рыбинска. После разгрома Рыбинского, Ярославского и Муромского восстаний Савинков оставшиеся белогвардейские банды направил на разрозненную партизанскую борьбу, взрывы мостов и налеты на советские центры, проводя в то же время подтягивание своего штаба и своих частей к расположению чехословацких войск для дальнейших действий с ними против рабочих и крестьян, отстаивающих свои революционные завоевания от покушений помещичье-дворянской и промышленно-торговой контрреволюции.

Вышеизложенное подтверждается брошюрой Б.С[авинкова] «Борьба с большевиками», 2) показаниями Кошелева и 3) материалами, опубликованными в «Красной книге» ВЧК, т. 1, о СЗРиС.

Как видно из показаний Савинкова от 21 августа 1924 г., все эти неудачные восстания на Верхней Волге были произведены после переговоров с французским послом Нулансом, который обещал, что десант поможет свергнуть коммунистическую власть. После разгрома савинковских отрядов, последний пробрался в Казань, где поступил в отряд Каппеля. В рядах этого отряда он вел партизанскую борьбу с Красной армией, отличаясь в качестве организатора и руководителя банд, действовавших в тылу, взрывавших мосты, железнодорожные линии и портящих телеграфную связь.

На территории, занятой чехословаками, Савинков поддерживал постоянную связь с представителями командования и членами самарского правительства. После разгрома и распада СЗРиС Б.В. Савинков боролся против Совроссии в рядах колчаковской армии. Спустя некоторое время он был послан Колчаком в Париж в качестве члена колчаковской делегации. По его показаниям от 21 августа, он стоял во главе колчаковского бюро печати «Унион», околачивал пороги у иностранцев и обрабатывал общественное мнение, распространяя ложную информацию, присылаемую Колчаком.

После разгрома Колчака и Юденича Савинков, именуя себя военным министром, что видно из показаний Сергея Павловского, участвует в создании из остатков Северо-западной армии новых формирований для Булак-Балаховича и Пермикина, которые участвовали как составные части польской армии в советско-польской войне. Эти части под руководством Савинкова и Балаховича отличались по отношению к пленным и населению занятых им районов Белоруссии исключительной жестокостью. Демократ и революционер Савинков, как он сам признается, находился среди таких банд, которые устраивали зверские еврейские погромы и невероятные насилия в местах, которые они занимали по окончании русско-польской войны. То, что Булак-Балаховичу и Пермикину удалось успешно сформировать русские белые части, надо приписать исключительно Б.В. Савинкову, который пользовался доверием польского генерального штаба и французской военной миссии (см. пок[азания] Гнилорыбова).

После разгрома Колчака, Юденича, Деникина Савинков, поняв, что силами внутренней контрреволюции советскую власть не свергнуть, начинает пропагандировать в белогвардейской печати и в личных переговорах с белогвардейскими политическими деятелями план борьбы путем интервенции. С присущей ему энергией он добивается личных свиданий с видными политическими деятелями Антанты – Мильераном, Черчиллем, а также с Пилсудским, начальником польского государства и главкомом армии, которая в то время вела войну с Советской федерацией. В этот же период Савинков осуществляет, что видно из показаний Гнилорыбова, Оперпута и самого Савинкова, ряд практических соглашений с Врангелем и Петлюрой, безоговорочно признает первого в качестве верховного главнокомандующего и декларирует право второго на самостоятельную национально-политическую деятельность.

В отношении политической программы Савинков, не давая точных и ясных формулировок, выставляет в качестве лозунгов борьбы с советской властью лозунг третьей России, осуществляемой при помощи третьей революции силами объединенных согласованных действий всех антибольшевистских сил безотносительно к партийным подразделениям.

Таким образом, Савинков добился поддержки со стороны Франции и Польши и получил источник материальных доходов, а также подготовил почву для новой контрреволюционной организации с такой программой и такими лозунгами, что в нее могли вступать для борьбы с большевиками наиболее активные белогвардейские элементы, начиная от монархистов и кончая меньшевиками (см. прокл[амации] и брош[юры] НСЗРиС).

Пользуясь всемерной поддержкой Пилсудского, на средства, получаемые, главным образом, от генерального штаба, как видно из показаний Оперпута, Гнилорыбова и Росселевича, а также из

приговора по делу Росселевича, Савинков создал в Варшаве центр своей организационной работы – Русский эвакуационный комитет при Русском политическом комитете. Эта организация имела своей задачей объединение на территории Польши всех антисоветских элементов, как из среды русской эмиграции, так и из остатков разгромленных белых армий Булак-Балаховича и Пермикина, и руководила продолжением вооруженной борьбы с советской Россией, а также шпионско-разведывательной работы на территории советской России, при помощи «Информационного бюро», во главе которого стоял брат Савинкова Виктор, действовавший по указанию и с согласия Бориса Викторовича Савинкова в контакте со II отделом польского генерального штаба. Братья Савинковы, как видно из того же приговора по делу Росселевича, создали новую заговорщическую организацию, назвав ее «Нар[одный] союз ЗРиС». В июле 1921 г. в Варшаве под председательством Б. Савинкова и при участии представителя II-го отдела польского ген. штаба Сологуба-Девойно, французской военной миссии майора Пакелье и представителя Петлюры генерала Тютюника состоялся съезд союза, на котором была одобрена деятельность в области контрреволюции и шпионажа, как РЭК, так и Союза со времени его основания в январе 1921 года, а также была утверждена программа и тактика НСЗРиС, указывавшая на необходимость в целях дезорганизации советской власти уничтожение особыми партизанскими террористическими отрядами штабов, ревкомов, Чрезвычайных комиссий, ссыпных пунктов, исполкомов, порча жел[езно]дор[ожных] мостов и телеграфных линий, убийства отдельных соработников, коммунистов и т.д.

В конце 1921 года, когда выяснилась невозможность поднять общее восстание в Западной области, вследствие полного нежелания местного населения выступать против советской власти, а также вследствие ряда провалов на советской территории, по указанию Бориса Савинкова, организация главное внимание обратила на усиление партизанско-бандитской работы и разведывательно-шпионской деятельности при полной материальной поддержке II-го отдела польгенштаба и французской военной миссии в Варшаве и по директивам последних.

Вся деятельность организаций Савинкова – Русского эвакуационного комитета и НСЗРиС – была разбита им на отделы, имевшие разные наименования и функции. Наиболее важными отделами являлись: организационный, ведавший работой в России и имевший ряд пунктов на территории Польши для вербовки членов организации и отправки их как агентов в Россию, и оперативный отдел, ведавший партизанско-бандитской деятельностью отрядов Народного союза на территории советской России и несший разведывательную службу в пользу польского генерального штаба и французской миссии.

В ведении организационного отдела находились и выполняли работу по его заданиям гельсингфорсский и рижский пункты Б. Савинкова.

Ни один работник Народного союза не отправлялся через границу в Россию без того, чтобы одновременно не состоять сотрудником разведывательного отдела генштаба Польши или французской военной миссии. При вступлении в организацию и при отправке в Россию савинковские агенты давали присягу, в которой обещались вести непримиримую борьбу с советской властью и действовать «где можно – открыто, с ружьями в руках, где нельзя – тайно, хитростью и лукавством». Отправляющиеся в Россию получали соответственные задания от Народного союза, затем направлялись в разведывательный отдел Польгенштаба, где, будучи зачислены в состав его агентов, получали шпионское задание о собирании сведений о Красной армии, деньги на дорогу, фальшивые документы на проживание в России и пропуск через границу. Кроме того, командиремые снабжались особыми мандатами на полотне за подписью Бориса или Виктора Савинковых, где удостоверялись назначение и цель их командировки. Возвратившийся из России агент, прежде всего, должен был являться в разведывательный отдел Польгенштаба, где делал письменный доклад о произведенной шпионской работе, а также передавал документы, добытые в Совроссии, и только после этого мог отправиться к начальнику пункта Народного союза.

Конспиративный отдел организации Бориса Савинкова ведал изготовлением советских поддельных удостоверений и фабрикацией фальшивых документов. Командированные таким порядком агенты Народного союза были неоднократно задерживаемы на территории Совроссии, причем при них были обнаружены вышеуказанные мандаты и документы, приложенные к делу. Изложенное подтверждено также большим количеством показаний членов савинковской организации (между прочим, Росселевича, Винокурова и др.).

Оперативный отдел ведал бандитской деятельностью на советской территории. Свидетельские показания, признания участников банд и документальные данные устанавливают, что участники партизанских отрядов набирались из числа интернированных в лагерях, лично известных н[ачальни]ку отряда. По соглашению с Польгенштабом снабженные полученными от него документами и пропусками партизаны переотправлялись в район Глубокое и Луненец, где польские пограничные посты производили пропуск их через рубеж с непременным условием открывать действия не ближе 50-70 верст от границы, чтобы создать иллюзию отрядов местного происхождения. Таких банд – отрядов было переотправлено весьма большое количество. Одной из наиболее выдающихся по жестокостям, творимым ею, являлась банда полковника Павловского, состоявшего одновременно и начальником оперативного отдела организации Б. Савинкова. Банда эта в начале июля 1922 года пыталась занять город Холм, но встретив достаточное сопротивление, отступила к Ст[арой] Руссе, убив у[ездного] прод[овольственного] комиссара. По дороге бандой был разгромлен волисполком

и совершено ряд убийств, затем был захвачен гор. Демьянск и ограблено там советское казначейство. После ограбления Демьянска бандиты двинулись в Порховский уезд. В пути ими был захвачен подработчик, член РКП Силин, у которого вырезали на груди звезду, избили, искололи штыками и повесили. Среди других зверств, произведенных над коммунистами; был случай, когда одного после избиения привязали за ноги к подводе и волокли до тех пор, пока он не умер. В общем в этот приход этой савинковской банды в Россию ею было совершено 18 вооруженных нападений и ограблений и убито свыше 60 человек. Кроме этого оперативный отдел составлял обзоры и доклады о состоянии Красной армии, которые продавал французскому и польскому генеральным штабам.

Информационное бюро под личным руководством Бориса Савинкова вело систематическую обработку получаемых шпионских сведений о советской России, а также изготовляло собственный информационный материал, дающий ложное освещение положения в России и существа внешней и внутренней политики Советской федерации и экономического строительства в ней. Ложность этих сведений Борису Савинкову заведомо была известна и им сознательно предписывалась с той целью, чтобы распусканием ложных сведений о подготовке Красной армии к генеральному наступлению на Запад добиться новой союзнической интервенции. Установлена, на основании показаний Оперпута и Гнилорыбова, прямая провокационная роль Бориса Савинкова в распускании ложных сообщений о составе, продвижениях и оперативных намерениях Красной армии. Кроме того, был целый ряд случаев составления подложных приказов по Красной армии, обзоров, докладов и фотографий. Все это делалось для того, чтобы добиться открытия военных операций и ослабить советскую границу и причинить затруднения СССР. За период с 21 по 23 год органами ВЧК – ОГПУ ликвидированы были следующие отделения Народного союза защиты Родины и свободы, занимавшиеся вредительско-шпионской деятельностью, направленной исключительно к свержению советской власти: Западный областной комитет и его организации, численностью свыше 300 человек; Юго-восточный областной комитет (в зародыше); отдельные организации в Самаре, Саратове, Харькове, Туле, Киеве, Одессе; в Москве были ликвидированы 23 отдельных савинковских резидентуры; на территории ленинградского военного округа ликвидированы различные ячейки Народного союза численностью 220 человек.

Всего по республике за второе полугодие 22 и 23 г.г. ликвидировано ячеек Народного союза с количеством свыше 500 человек. Все арестованные признали себя членами савинковской организации и указали как на свою роль и задачи в области ведения контрреволюционной работы в России и организации бандитских выступлений, ведения шпионской работы во всех ее видах, так и на вышеизложенные методы и пути осуществления этой деятельности.

Руководители ячеек и групп Народного союза защиты Родины и свободы на территории Совроссии и ответственные резиденты шпионажа в центрах ее признались в получении директив и указаний непосредственно от Бориса Савинкова лично или через его брата – Виктора, чего не отрицает и сам Борис Савинков в своих показаниях.

Об этом же свидетельствуют многочисленные приговоры суда РСФСР и СССР по делам савинковских организаций, банд и отдельных шпионов.

Помимо указанных отделов было также террористическое отделение во главе с полковником Гнилорыбовым, задачей его было совершение и подготовка терактов против вождей рабочего класса, а также экономический террор, взрывы и поджоги складов, сооружений и проч. В июле 21 г. в Москву был послан полковник Свежевский для убийства тов. Ленина. Перед отъездом его вызвал лично Б. Савинков и дал ему ряд наставлений и руководящих указаний. Борис Савинков предложил Свежевскому найти надежного офицера-курьера, с которым сообщить в Варшаву свой адрес и результаты подготовительной работы. Борис Савинков обещал выслать деньги и предложил в случае невозможности выполнить теракт добыть какими угодно способами сведения о Красной армии, о состоянии вооружения, настроения, расположения частей и штабов (см. показания Свежевского и дело Гнилорыбова, л.д. 112, 113, 114 и 202).

В 21 году членом организации НСЗРиС Карповичем было получено при посредстве Савинковской организации из II отдела польского генерального штаба большое количество цианистого калия, предназначенного террористическим отделением для массового отравления частей Красной армии Западного фронта (см. показания Оперпута).

НСЗРиС

1) получал деньги от продажи остатков военного и санитарного имущества, числящегося за РЭК со времени польской кампании;

2) за продажу документальных данных, добытых разведкой, получал от французской миссии полтора миллиона польских марок в месяц;

3) от II отдела польского генерального штаба 500 – 600 тысяч польмарок в месяц;

4) от польского Мин[истерства] ин[остранных] дел пятнадцать миллионов польмарок в месяц.

Кроме того, были регулярные поступления – полторы тысячи долларов из личных средств Пилсудского, тринадцать тысяч долларов от Бахметьева, десять тысяч франков от Маклакова, 35 тысяч марок от Бенеша, несколько раз по сотне фунтов от Чайковского.

Ежемесячно посылал Нобель 15 тысяч франков, 2 тысячи франков – быв[ший] русский посол Гирс, и по 20 тысяч чешских крон от Бенеша (показания Гнилорыбова, л.д. 199).

Все эти субсидии показывают, что широкий демократизм Бориса Савинкова позволял ему получать деньги и от монархистов, и от министров враждебных Советской федерации стран, и тем самым фактически играть роль наемника монархистов и враждебных иностранных правительств.

Руководя делами организации в период 1921–22 г.г., Борис Савинков направлял ее деятельность:

1) на территории России на ограбление кооперативных организаций, разгром сельсоветов и городов, массовые убийства и грабежи, подготовку террористических актов, что видно из его слов, показания от 21 августа «приказы отдавал, в детали не входил»;

2) на вербовку членов Союза в польских лагерях для дальнейшей борьбы с советской властью;

3) на постоянное и неизменное обслуживание разведок и генеральных штабов Польши и Франции.

Лишившись возможности для дальнейшего ведения контрреволюционной деятельности и потеряв доверие и кредит со стороны иностранных контрразведок Борис Савинков в конце 21 г. – начале 22 года переносит основное руководство в Прагу, оставив в Варшаве нелегальную ячейку Народного союза, его информационное бюро в качестве разведовательного бюро II отдела польского генерального штаба. Сохраняя опорные пункты для работы в советской России и небольшой кадр работников (показ[ания] Гнилорыбова).

В этот период Борис Савинков усиленно добивается связи с государственными деятелями Антанты, стремясь получить деньги. Он добивался свидания с Черчиллем и Муссолини. С первым беседует о дальнейшей изоляции советской России и поддержке активной борьбы с мировым большевизмом, а со вторым обсуждал формы международного фашизма как единственного средства борьбы с коммунистической революцией. Кроме того, Савинков продолжает связь с французским генеральным штабом, исполняя роль информатора и советника по российско-советским делам. Савинков продолжает считать своей агентурой и членами своей организации оставшихся на службе в разведовательных пунктах №1 Вильно в Столбцах и Глубокое, на Украине – Корец, а также в Финляндии и Латвии. В Париже Савинков вошел в связи с контрреволюционной шпионской организацией центра действия в лице ее руководителей Чайковского и Вакара, передал в распоряжение ЦД свои линии на украинской и финской границах, чем до 1923 г. ЦД успешно пользовались (показ[ания] Винокурова).

Являясь убежденным сторонником индивидуального террора, Борис Савинков поставил его в систему своей политической борьбы

против советской власти. Необходимость террора он обосновал в своем органе «За свободу», выходящем в Варшаве, и в личных директивах членам своей организации. Денежные средства на ведение политической борьбы он черпал почти исключительно у иностранных держав и у крупных русских капиталистов, а также у бывших царских послов.

До последнего времени, т.е. до середины августа с/г. Борис Савинков руководил работой группы членов своей организации в Варшаве и в Вильно и продолжал получать шпионские материалы, добытые в России от членов своей организации, находящихся на разведывательной службе польского штаба. Летом 1923 г. Савинков командировал в советскую Россию членов НСЗРиС известного бандита – Сергея Павловского, поручив ему ведение партизанско-бандитской работы, а также экономического и индивидуального террора.

Допрошенный в качестве обвиняемого Борис Савинков в большинстве предъявленных ему инкриминируемых фактов признал себя виновным.

На основании изложенного, согласно постановления ЦИК СССР от 22 августа 1924 г. подлежит суду Военной коллегии Верховного суда СССР гр-н Савинков Борис Викторович, он же Степанов Виктор Иванович, 45 лет, происходящий из семьи чиновника, при советской власти не судившийся, по обвинению в том,

1) что он, начиная с октября 1917 г. вел непрерывную вооруженную борьбу против советской власти, участвуя в качестве руководителя вооруженных отрядов и создавая контрреволюционные организации, имевшие целью свержение советской власти путем вооруженной борьбы, а также путем провокаторской, шпионской, бандитской и террористической деятельности;

2) что, являясь одним из активных зачинщиков и организаторов гражданской войны, поднятой капиталистами и помещиками против рабочих и крестьян России, Б. Савинков лично направлял белогвардейские силы по линии наибольшей активности и организованной сплоченности, под лозунгами полного подчинения своих классовых и групповых интересов задачам борьбы с коммунистической революцией всеми возможными способами и при непрерывной тесной связи с враждебными Советскому Союзу империалистическими государствами;

3) что непосредственным результатом активной контрреволюционной деятельности Б.В. Савинкова было более быстрое формирование добровольческой армии, а также создание связанных с ней подпольных заговорщических организаций в Москве, Ленинграде и других центрах России;

4) что, организовав Союз защиты Родины и свободы совместно с монархистами Перхуровым и генерал-лейтенантом Рычковым

и получив деньги и директивы от французского посла Нуланса и от чехословаков, Борис Савинков поднял восстания в Рыбинске, Ярославле и Муроме, чем непосредственно способствовал чехословацкому мятежу, созданию новых вооруженных сил армии Учредительного собрания и организации контрреволюционных правительств в Самаре и Уфе;

5) что после разгрома организованного им повстанческого движения внутри РСФСР он, Савинков, поставил себе целью создание новой контрреволюционной организации из наиболее активных белогвардейских элементов с целью проведения контрреволюционной заговорщической деятельности для подготовки успеха иностранной интервенции и свержения рабоче-крестьянского правительства, для чего он принял ряд энергичных мер для формирования бандитских отрядов путем комплектования их белогвардейским, кулацким и уголовным элементом и посылки этих отрядов при помощи и по указанию польского генерального штаба для поднятия и развития бандитского движения;

6) что вся контрреволюционная деятельность Бориса Викторовича Савинкова органически связана с империализмом Антанты и была работой ее прямого агента, который вел организованную шпионскую работу агентурного и вредительского характера в пользу командования враждебной Советскому Союзу армии;

7) что руководимая Борисом Савинковым бандитская деятельность на территории советской республики велась в соответствии с военными интересами и заданиями враждебных Советскому Союзу государств;

8) что сам Б.В. Савинков лично был осведомителем военных и политических деятелей Антанты по вопросам политики и обороны советской России, используя это свое положение для нанесения наибольшего ущерба государственным и международным интересам СССР и принимая самые энергичные меры воздействия, чтобы сорвать или хотя бы затруднить возобновление сношений с СССР;

9) что в продолжение всей борьбы Савинков Б.В. устно и письменно пропагандировал и агитировал в направлении помощи международной буржуазии, которая в борьбе с советской властью пыталась ее свергнуть путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы, и, кроме того, пропагандировал, организовывал и применял метод индивидуального и массового террора как в отношении государственных деятелей и вождей рабочего класса, так и путем применения массового отравления красноармейских частей;

10) что вся деятельность Б.В. Савинкова направляется на пользу помещичье-капиталистической реакции и иностранного империализма, борющихся за то, чтобы обратить союзную федерацию в

колонию англо – франко – американских биржевиков, выявил его, как изменника и предателя интересов не только трудящихся, но и интересов России как таковой, т.е. в преступлениях, ст.ст. 58 1 ч., 59, 64 и 66 1 ч., 76 1 ч. и 70 уголовного кодекса.

Следователь Сосновский
23 августа 1924 г.

*Копию настоящего обвинительного
заключения получил 23 августа в 23 ч. 30 м.
Б. Савинков*

Н-1791. Т. 66. Л. 94–109. Машинописная копия.

Текст без подписи следователя И. Сосновского опубликован:
Дело Савинкова. Л., 1924. С. 27—42.

12

Приговор по делу Б.В. Савинкова

Именем Союза Советских социалистических Республик Верховный суд СССР по военной коллегии в составе председательствующего Ульриха В.В., членов Камерона П.А. и Кушнiryюка Г.Г. при секретаре Маршаке в открытом судебном заседании 27—28 и 29 августа 1924 года в г. Москве, заслушав и рассмотрев дело по обвинению Савинкова Бориса Викторовича, 45 лет, сына чиновника, с незаконченным высшим образованием, при сов[етской] власти не судившегося, бывшего члена боевой организации партии с.-р., а впоследствии руководителя и организатора контрреволюционных, шпионских и бандитских организаций, в преступлениях, предусмотренных ст. 58, ч. 1, 59, 64 и 66 ч. 1, 70 и 76 ч. 1 угол[овного] код[екса] РСФСР, нашел судебным следствием установленным, что Борис Савинков:

1) с момента Февральского переворота до Октябрьской революции принадлежал к партии с.-р. и, разделяя программу монархиста генерала Корнилова, будучи комиссаром при командующем Юго-западным фронтом, военным министром в кабинете Керенского, членом союза казачьих войск, активно и упорно противодействовал переходу земли, фабрик и всей полноты власти в руки рабочих и крестьян, призывая подавлять их борьбу самыми жестокими мерами и приказывая расстреливать солдат, не желавших вести войну за интересы империалистической буржуазии;

2) после перехода власти в руки трудящихся пытался в Петрограде поднять казачьи полки для свержения рабоче-крестьянской власти и после неудачи бежал в ставку Керенского, где совместно с генералом Красновым активно боролся против восставших рабочих и революционных матросов, тем самым защищая интересы помещичье-капиталистической контрреволюции;

3) в конце 1917 и в начале 1918 г.г. принял активное участие в Донской контрреволюции, став членом Донского гражданского совета совместно с генералами-монархистами Алексеевым, Калединым, Корниловым, которых убеждал в необходимости вести вооруженную борьбу против власти Советов, помогал формированию т.н. Добровольческой армии, которая до конца 1920 г. при поддержке англо-французских капиталистов разоряла Украину, Донскую область, Северный и Южный Кавказ, помогая правительствам Антанты увозить хлеб, нефть и прочее сырье;

4) в начале 1918 г., явившись в Москву, создал контрреволюционную организацию «Союз защиты Родины и свободы», куда привлек, главным образом, участников тайной монархической организации гвардейских и гренадерских офицеров и своими главными помощниками сделал монархистов ген[ерала] Рычкова и полк[овника] Перхурова, после чего обратился к генералу Алексееву, главе южной монархической контрреволюции, с донесением об образовании СЗРиС и просьбой дать руководящие указания. Организация, созданная Савинковым, имела своей целью свержение сов[етской] власти путем вооруженных восстаний, террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства, пользуясь материальной поддержкой и получая руководящие указания от французского посла Нуланса и чехословацкого политического деятеля Масарика;

5) весной 1918 г., получив от Масарика при посредничестве некоего Клецандо 200 000 руб. на ведение террористической работы, организовал слежку за Лениным и др[угими] членами сов[етского] правительства в целях совершения террористических актов, каковые, однако, совершить Савинкову не удалось по причинам, от него не зависящим;

6) получив разновременно весной 1918 г. от французского посла Нуланса около двух с половиной миллионов руб., в том числе одновременно два миллиона специально для организации ряда вооруженных выступлений на Верхней Волге, по категорическому предложению того же Нуланса, в целях поддержки готовящегося, по словам, последнего англо-французского десанта в Белом море, после неоднократных переговоров с французским военным атташе ген[ералом] Лаверн и французским консулом Гренаром организовал, опираясь на офицерские отряды СЗРиС при поддержке меньшевиков и местного купечества в начале июля 1918 г. вооруженные выступления в Ярославле, Муроме, Рыбинске и пытался поднять восстание в Костроме, оттянув тем самым значительные части Красной армии, оборонявшие Казань и Самару от чехословаков и эсеров.

7) после ликвидации мятежей на Верхней Волге он, Савинков, бежал в Казань, в то время занятую чехословаками, и принял участие в отряде Каппеля, оперировавшего в тылу Красных войск.

8) в конце 1918 г. Савинков принял предложение Колчака быть его представителем в Париже, и в течение 1919 года посещая

неоднократно Ллойд Джорджа, Черчилля и др[угих] министров Англии, получал для армий Колчака и Деникина большие партии обмундирования и снаряжения, а также по поручению Колчака для поддержки к[онтр]р[еволюционного] движения, находясь во главе бюро печати «Унион», распространял заведомо ложную информацию о советской России и вел печатную агитацию о продолжении дальнейшей вооруженной борьбы капиталистических государств с рабоче-крестьянским государством;

9) во время русско-польской войны 1920 г. Савинков, состоял председателем белогвардейского Русского политического комитета в Варшаве, по предложению Пилсудского, за счет Польши и при полном содействии французской военной миссии в Варшаве, организовал так называемую «Русскую народную армию» под командой генералов Перемыкина и бр[атев] Булак-Балаховичей, а осенью того же года, после заключения русско-польского перемирия, с ведома Пилсудского лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь;

10) в начале 1921 г. через так называемое Информационное бюро РПК, во главе которого стоял его брат Виктор Савинков, Борис Савинков организовал военно-разведывательную работу на территории советской России, передавая часть получаемых сведений 2-му разведывательному отделу польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве, получая за это денежные вознаграждения;

11) с июня 1921 г. по начало 1923 года Савинков, встав во главе восстановленного им «Народного союза защиты Родины и свободы», в целях поднятия вооруженных восстаний на территории советской России, неоднократно посылал в западные пограничные губернии вооруженные отряды под командой офицеров Павловского, Васильева, Павлова и др[угих], которые производили налеты на исполкомы, кооперативы, склады, спускали под откос поезда, убивали советских работников, а также собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведке в Варшаве. Кроме того, отдельным лицам, как, например, полк[овнику] Свежевскому, давались задания террористического характера, каковые, однако, выполнены не были;

12) в 1923 году, когда после разгрома большинства организаций НСЗРиС денежная поддержка, получаемая Савинковым от Польши и Франции, сильно сократилась, он пытался получить средства от Муссолини;

и 13) в августе 1924 г., желая лично проверить состояние антисоветских и к[онтр]р[еволюционных] организаций на территории Союза ССР, перешел по фальшивому документу на имя Степанова В.И. русско-польскую границу, но вскоре был арестован.

Таким образом, устанавливается виновность Савинкова:

1) в организации в к[онтр]р[еволюционных] целях вооруженных восстаний на сов[етской] территории в период 1918 – 1922 г., т.е. в прест[уплениях], пред[усмотренных] ст. 58 ч.1 УК РСФСР;

2) в сношении с представителями Польши, Франции и Англии с целью организации согласованных вооруженных выступлений на территории Советской федерации в 1918, 1919, 1920 г.г. т.е. в прест[уплениях], пред[усмотренных] ст. 59 УК;

3) в организации в к[онтр]р[еволюционных] целях в 1918 и 1921 г.г. террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства, каковые акты, однако, совершены не были, т.е. в прест[уплениях], пред[усмотренных] ст.ст. 14 и 64 УК;

4) в руководстве военным шпионажем в пользу Польши и Франции в течение с 1921 по 1923 год, т.е. в прест[уплениях], пред[усмотренных] ст. 66 ч.1 УК;

5) в ведении пропаганды в письменной и устной форме, направленной к поддержке выступлений иностранных капиталистических государств в целях свержения рабоче-крестьянского правительства в 1919 г., т.е. в прест[уплениях], пред[усмотренных] ст. 70 УК;

6) в организации банд для нападений на советские учреждения, кооперативы, поезда и т.д. в 1921 и 1922 годах, т.е. в прест[уплениях], пред[усмотренных] ст. 76 ч. 1 УК.

На основании изложенного Верховный суд **приговорил**

Савинкова Бориса Викторовича, 45 лет, по ст. 58, ч.1 УК к высшей мере наказания, по ст. 59 и рук. ст. 58, ч.1 к тому же наказанию, по ст. 64 и рук. ст. 58, ч.1 к тому же наказанию, по ст. 66, к тому же наказанию, по ст. 76, к тому же наказанию, и по ст. 70, к лишению свободы на пять лет, а по совокупности расстрелять с конфискацией всего имущества.

Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду преступных действий против трудовых масс СССР,

принимая, далее, во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контрреволюционного и антисоветского движения, его разоблачения интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей советской власти, и признание им полного краха всех попыток свержения советской власти,

принимая, далее, во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами искренней и честной работой на службе трудовым массам СССР, Верховный суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИКа СССР о смягчении настоящего приговора.

Председатель *В. Ульрих*,

члены *Камерон, Кушнiryк*.

Москва, 1924 г. 29 августа, 1 ч. 15 м.

С подлинным верно: секретарь суда *Маршак*

Н-1791. Т. 66. Л. 151–152. Машинописная копия.

Опубликовано в кн.: Дело Савинкова. Л., 1924. С.106–110.

13

**Выписка для В.В. Ульриха
из протокола № 25
29 августа 1924 г. заседания
президиума ЦИК Союза ССР**

Слушали

Ходатайство Военной коллегии Верховного суда Союза ССР о смягчении меры наказания в отношении к осужденному к высшей мере наказания гр. Савинкову Б.В.

Постановили

Рассмотрев ходатайство Военной коллегии Верховного суда Союза ССР о смягчении меры наказания в отношении к осужденному к высшей мере наказания гр. Савинкову Б.В. и признавая, что после полного отказа Савинкова, констатированного судом, от какой бы то ни было борьбы с советской властью и после его заявления о готовности честно служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти – применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, и полагая, что мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетарских масс, – Президиум ЦИК Союза ССР **постановляет**

удовлетворить ходатайство военной коллегии Верховного суда Союза ССР и заменить осужденному Б.В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы сроком на десять (10) лет.

Секретарь ЦИК Союза ССР *А. Енукидзе*

Н-1791. Т. 66. Л. 154.

Машинописная копия на бланке.

14

Расписка

Постановление ЦИК СССР от 29 августа 1924 года о замене высшей меры наказания лишением свободы сроком на 10 лет мне объявлено.

Б. Савинков

29 августа 1924 года, 18 часов.

Рукопись.

Расписка

Копию приговора Военной коллегии Верх[овного] суда СССР от 29 августа 1924 года по моему делу получил.

Б. Савинков

29 августа 1924 года, 18 часов.

Рукопись.

2 сентября 1924 г.

В КРО ГПУ

Секретариат Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по распоряжению т. Ульриха при сем препровождает выписку из протокола №25 заседания президиума ЦИК Союза ССР по делу Бориса Савинкова для вручения последнему под расписку. Расписку просьба прислать в В[оенную] К[оллегию].

Секретарь ВК Верхсуда СССР *Островский*
Верно: секретарь общ[ей] части *Бурде*

Н-1791. Т.66. Л.155–157. Машинописная копия.

15

Б. Савинков – В. Мягковой

31.08.24 г.

Милая моя Руся,

Пишу тебе после процесса из Лубянской тюрьмы. Ты, конечно, спрашиваешь себя, почему я признал советскую власть? Но и спрашивая себя, – я уверен, – ты не предполагаешь, что я испугался смерти.

Прежде всего ты должна знать, что никто ни меня, ни Л[юбовь] Е[фимовну], ни А[лександра] А[ркадьевича] не «пытал», что никто нас не «мучил», не уговаривал и не убеждал. Если я признал советскую власть, то не потому, что меня заставили это сделать, а потому, что я, по совести, иначе поступить и не мог.

Мы с тобой виделись только перед моим отъездом и почти не говорили о прошлом. Ты поэтому не знала и не могла знать того, что волновало меня последние годы.

Ты помнишь 18-й год? Большевики – «захватчики власти»; народ не с ними; они губят Учредительное собрание; они заключают «похабный мир»; они подготавливают торжество монархистов. На нашей стороне честные люди, любящие родину и свободу,

на их – либо безумцы-фанатики, либо «шкурники», грабители и разбойники. Так думал не только я. Так думали многие. Есть такие, которые думают так и сейчас.

Я пошел против большевиков. Я пошел против них, не преследуя личных целей и не для защиты имущих. Я пошел потому, что верил, что большевики несут русскому народу, русскому крестьянину и рабочему рабство и нищету.

Ну что же? Если бороться, то бороться с винтовкой в руках, а не увещеваниями и речами. Мне связали руки, я дрался ногами, мне связали ноги, я кусался зубами, мне искровянили лицо, я и тогда в отчаянии стучался головой о стену. Я имею право сказать, что я прошел такой путь, как никто.

Вот белое движение, от Пулкова до белорусских болот. Где были честные люди? Честные погибли в боях, а руководители, а штаб? Генеральские дразги, соперничество, зависть, клевета, воровство, и «гром победы раздавайся», и «боже царя храни». Говорили о народовласти и ... таскали за собою полицмейстеров, и писали законы о «третьем» и «пятом» снопе, и расстреливали, и пороли крестьян. О рабочих уже и не говорю... Так было у Деникина, у Колчака, у Юденича, у Врангеля. Не многим лучше было и у эсеров на Волге. А Балахович? Ты помнишь, как я добровольцем ушел в поход?... Скажи мне, где была любовь к родине и свободе? Скажи, почему, когда красные расстреливали нас, мы кричали о «насилии и произволе», а когда мы расстреливали их, расстреливали часто зря, «за здорово живешь», то считалось, что мы совершаем подвиг. Я не был слеп. Я не был глух. Я видел и слышал, и ты знаешь, что, вернувшись из Мозыря, я задумался над «нами» и «ими». В сущности, я душевно был уже побежден. Я был побежден тем более, что понял тогда, что Учредительное собрание – вздор; что мира нельзя было не заключить; что не реставрацию подготавливают большевики, а наоборот, уничтожают в корне ее возможность. А главное, я понял тогда, что я и мы все в тисках у иностранцев, что происходит нечто невероятное и нелепое. Пошли мы против большевиков из любви к нашей родине, но мы не защищаем ее, а почти предаем. Ну скажи, не черт ли путал меня, путал нас всех?

К 21-му году я понял многое, но не все. Мне стало неприемлемо многое, но не все. Разочаровавшись в белом движении, я стал рассчитывать на «зеленых». Я говорил себе: «зеленые» – не генералы, не помещики, не эсеровская интеллигенция, «зеленые» – русские, восставшие за землю и волю, крестьяне. Если крестьяне восстали против советской власти, мой долг, наш долг им помочь. И я попытаюсь помочь. Результат ты знаешь: народ не восстал, но по России прошлись, заливая ее слезами и кровью, «савинковцы», полуразбойники, полушпионы, и из пяти едва ли один остался чист от этих тягчайших, по-моему, обвинений. Я сеял пшеницу, а вырастал

чертополох и лопух. Сколько бессонных ночей провел я тогда, задавая себе неотвязный вопрос: где же правда? И почему красные всегда и везде и всех побеждают?

Я бросил «зеленых». Я перешел к подпольной работе, в частности к террористическим актам. Опять неудача за неудачей. Крутом разложение, трусость, корысть, и гадкое тайное понукание: «А Ленин-то жив! Что же делает Савинков?». Так тянулось до весны 23-го года, когда для меня стало окончательно ясно, что с красными бороться нельзя, да и не нужно, ибо не с нами, а с ними народ – рабочие и крестьяне.

Летом 23-го года я хотел созвать совещание и открыто отказаться от всякой борьбы. А отказаться от борьбы значило для меня рано или поздно признать советскую власть, ибо быть в стороне от России, от русского народа и революции я не могу – не могу стать чиновником в отставке, эмигрантским политическим деятелем, «который ждет, когда его призовут».

Но в июле 23-го года приехали из России «друзья». Они уверяли, что если «старорежимная» борьба закончилась поражением, то зато в России выросло новое поколение, которое борется с советской властью, опираясь на широкие народные массы. Я заколебался. Правда, я верил мало. Правда, я подозревал неведомые мне цели. Но просто отмахнуться я, конечно, не мог: совесть не позволяла. Совесть требовала убедиться на месте, что истина и что ложь. Я решил ехать в Россию. Я решил ехать прежде всего для того, чтобы увидеть своими глазами. Готового заранее решения я не имел. Я знал, конечно, что рискую своей головой. Скажу тебе, что я совершенно и ни на минуту не сомневался и до и во время суда, что во всяком случае, несмотря на признание советской власти, буду расстрелян. Это и дало мне свободу говорить всю правду и до конца – правду о том трагическом недоразумении, которое создалось благодаря приезду друзей.

«Друзья» обманули во всем. А раз они обманули, то мне оставалось одно: вернуться к исходной точке, к лету 23-го года, к моему отказу от всякой борьбы и к сокровенному, в глубине души, признанию советской власти. Я это и сделал.

Знаю, что эмиграция негодует. Пусть негодует. «Верхи» эмиграции давно утратили мое уважение. Скажи мне, с кем идти, если не с советской властью? С эсерами? Кадетами? Меншевиками? Но разве есть еще хоть один человек, который сомневается в том, что они – «отработанный пар», и что русский народ не пойдет за ними? То же, конечно, и монархисты. Но монархисты, кроме того, еще и враги.

Сегодня я признал советскую власть. Я признал ее в результате моей долголетней, тяжелой, упорной, не словесной, а окровавленной борьбы. Верь мне: завтра признают эту власть многие, послезавтра признают все, кроме тех сумасшедших, которые предпочтут эмигрантскую гниль. Пройдет год, два, три, и те, кто сегодня кидает камни в меня, поймут, что надо иметь мужество признавать свои поражения, как надо иметь мужество сознаваться в своих ошибках.

Поймут и придут к той простой истине, которая ускользает от них, и к которой пришел ныне я. Истину эту завещали Желябов и Пестель: воля народа – закон, и каждый должен подчиниться этому ненарушаемому закону. Я подчиняюсь ему.

Первую часть письма покажи, милая Руся, всем моим друзьям в Варшаве, Лондоне, Париже, Праге, по возможности распространяй шире, если удастся, напечатай по-русски; если не удастся, переведи на фран[цузский] и помести, где хочешь. Пусть думают обо мне, что хотят (со временем все переменится), но ты и друзья должны знать, как и почему я признал советскую власть.

Теперь вот что. Боюсь и за тебя, и за А[лексадра] Г[еннадиевича], и за детей, и за Диму¹, и за всех других (пишу только тебе и Диме, спишись с ним). Боюсь, что все вы останетесь на улице без куска хлеба. Запомни следующее: я получил обещание и ему верю, что вы все, если того пожелаете, можете беспрепятственно вернуться в Россию, и никто не будет мешать найти вам работу. Все, кроме Виктора² и, может быть, Е. Сер.³ Им надо ждать. Только через некоторое время может стать вопрос о них, но не теперь. Пока они должны сидеть за границей. Подумай, милая Руся, над тем, что я пишу, подумай хорошенько, без негодования и гнева. Пусть подумают и другие. Не решай ничего сейчас, решай, когда захочешь. Но мне напиши возможно скорее и о себе, и о всех. Главное, напиши мне о Левочке⁴. Боюсь, что теперь никто не поможет ему... Как бы ты ни «возмущалась» мной, прошу тебя, напиши. В этом ты отказать мне не можешь.

Целую тебя очень крепко, моя любимая сестра. Целую детей и кланяюсь всем.

Твой брат *Б. Савинков*.

См. на обороте.

P.Vera Miagkov. Svaz Rus. Ing. 16 ul. Caroling Svetla Praha.
Чехословакия.

Н-1791. Т. 24. Л. 264–267а. Рукопись.

¹ Дима – Дмитрий Владимирович Философов.

² Виктор – В.В. Савинков, брат Б.В. Савинкова.

³ Е. Сер. – Евгений Сергеевич Шевченко.

⁴ Левочка – сын Б.В. Савинкова.

Б. Савинков – Д.В. Философову

Мой адрес:
Гражданину Рейсу.
Гостиница «Савой» 316,
угол Рождественки и Софийки. Москва.
Для Б.В. (мне передадут в тюрьму).

Дорогой друг Дмитрий Владимирович!

Мое «признание» Вас, конечно, поразило. Оно, наверное, повлияло на Вашу судьбу. Да, я виноват перед Вами и перед остальными друзьями. Но моя вина не в «признании», а в том, что я не успел переговорить с Вами, что весь долгий и трудный внутренний мой процесс прошел мимо Вас. Я поставил Вас лицом к лицу с фактом, не посоветовавшись и не предупредив. В этом, повторяю, я виноват. Но не судите очень строго. Как и где я мог говорить о «признании»? Да и то, что ожидало меня здесь, было слишком неожиданным во всех отношениях. Было бы лучше, если бы я на суде говорил неправду, т.е. защищал то дело, в которое верил уже только искусственно, подогреваемый совершенно фантастическими рассказами «приезжих»? Было бы лучше, если бы я продолжал звать на борьбу, которую уже в 1923 г. считал не только бесполезной, но и ненужной?

Никто ни меня, ни А[лександра] А[ркадьевича], ни Л[юбовь] Е[фимовна] не «пытал», не «мучил», и даже не убеждал, и смерти я не испугался. Но одно дело – умирать с твердой верой в душе, а другое дело – давно сознавать, что ошибся, и все-таки настаивать на своем.

Да, ошибся. И ошибся не только я, но мы все, левые, правые, социалисты, кадеты. Говорю Вам: ошибка была для меня ясна весной 1923. Я тогда же хотел созвать совещание и «выйти в отставку», т.е. публично заявить о прекращении борьбы. А прекратить борьбу – значило для меня... Вы сами понимаете, что это значило бы для меня – признать советскую власть. «Приезжие» сбили меня с пути. Совесть не позволила не посчитаться с ними. В этом узел моего трагического недоразумения. Я подробно пишу Вере Викт[оровне] о причинах «признания» и прошу ее распространить мое письмо, и, в частности, передать его Вам. Поэтому буду краток.

Скажите мне, дорогой друг, верите Вы еще в Учредительное собрание? Конечно, нет. Думаете ли Вы еще, что можно было в 1918 г. продолжать войну, и что не надо было бы заключать мира? Конечно, нет. Считаете ли Вы еще, что большевики расчищают дорогу для реставрации? Конечно, нет. Полагаете ли Вы еще, что большевики – «захватчики власти», и что русский народ, т.е., прежде всего, русский крестьянин и рабочий не с ними? Конечно, нет. Сомневаетесь ли Вы еще, что большевики, пусть в целях

Интернационала, но восстанавливают Россию. Конечно, нет. Допускаете ли Вы еще, что с 1920 г. ничего не изменилось в России, и что в ней по-прежнему царят развал, буйство, террор. Конечно, нет.... Я отвечаю за Вас, ибо не сомневаюсь, что в самой последней глубине души Вы знаете, что Учр[едительное] собр[ание] вздор; что мир надо было заключить, что о реставрации не может быть никакой речи, что русский народ поддерживает большевиков, что большевики действительно восстанавливают Россию, и что многое изменилось за последние два-три года.

Зачем же тогда бороться?

Затем, чтобы быть в тисках у иностранцев, которые, в сущности, нанимают нас. Затем, чтобы лить воду на мельницу Врангеля, которые мечтают о «Боже, Царя храни», или тех, которым снится их личная «реставрация». Затем, чтобы плодить полубандитов и полушпионов. Затем, чтобы строить свою работу на «приезжих».

Я боролся, как никто. Я прошел белое движение; я участвовал в зеленом; я занимался подпольной работой. Я глубоко разочаровался во всем. А Вы?

Итак, что бы сделали Вы? Настаивали бы на своей правоте во имя отжившего прошлого, боясь, «что скажут»? Или громко бы заявили: «Довольно, пора признаться в своей ошибке; бороться нельзя, да и не нужно, а раз не нужно, то надлежит признать советскую власть».

Мой дорогой и любимый друг, очень и очень Вас прошу, вдумайтесь в мое письмо. Вы же знаете, что и Л[юбовь] Е[фимовна], и А[лександр] А[ркадьевич], и я — не дети и не жулики, не авантюристы, и не трусы. Я убежден, что через год, не позже, всем, и Вам в том числе, станет ясно, что я прав, и что за мной последуют многие и многие, кроме зубров, конечно. Другого пути нет. Верьте мне.

И еще вот что. Я получил обещание, что все могут вернуться (за исключением Виктора [Савинкова] и, может быть, Е[вгений] С[ергеевич][Шевченко]). Как я был бы счастлив, если бы вернулись Вы... Мое письмо прочтите, кому хотите. Вижу негодование многих. Бог с ними... Но уверен, что Вы не негодуете, а недоумеваете, и еще раз прошу, вдумайтесь в мои слова. Вдумайтесь и напишите мне, а вину мою мне простите. Обнимаю Вас.

Ваш Б. Савинков

Адрес: W.P. Filosofov. Ul. Sienna 28 m. 21. Warszawa. Польша.

3 сентября 1924 г.

Н-1791. Т. 17. Л. 62-63. Машинописная копия.

Письмо
Б.В. Савинкова А.Х. Артузову
о статье «Почему я признал
советскую власть»

Гражданин Артузов,
 посылаю Вам через гр. Сосновского мою статью «Почему я признал советскую власть». О ней я говорил с гр. Пиляром. Я бы хотел, если возможно:

1. Напечатать ее в моем «Деле».
2. Напечатать в «Правде».
3. Напечатать за границей в английских, французских, немецких, чешских, польских и т.д. газетах.
4. Напечатать за границей по-русски *отдельным листком*.

Последнее в особенности важно, ибо статья прежде всего предназначена для широких слоев эмиграции и поэтому написана с точки зрения, наиболее близкой эмигрантам, т.е. национальной.

Буду очень Вам обязан, если сообщите о результатах.

Извините за беспокойство,
 остаюсь Ваш *Б. Савинков*.

10 сентября 1924 г.

Рукопись.

Почему я признал советскую власть

Почему я признал советскую власть... Одни объясняют мое признание «неискренностью», другие «авантюризмом», третьи – желанием спасти свою жизнь... Эти соображения были мне чужды. Правда заключается в следующем.

Я боролся с большевиками с Октября 1917 г. Мне пришлось быть в первом бою у Пулкова и в последнем у Мозыря. Мне пришлось участвовать в белом движении, а также в зеленом. Мне пришлось заниматься подпольной работой и готовить покушения. Исчерпав все средства борьбы, я понял, что побежден. Но признать себя побежденным еще не значит признать советскую власть. Я признал эту власть. Какие были к тому причины?

После Октябрьского переворота многие думали, что обязанность каждого русского бороться с большевиками. Почему? Потому, что большевики разогнали Учредительное собрание; потому, что они заключили мир; потому, что, свергнув Временное правительство, они расчистили дорогу для монархистов; потому, что расстреливая, убивая и «грабя награбленное», они проявляли неслыханную жестокость. На белой стороне честность, верность России, порядок

и уважение к закону; на красной – измена, буйство, обман и пренебрежение к элементарным правам человека. Так и я думал тогда.

Кто верит теперь в Учредительное собрание? Кто осуждает заключенный большевиками мир? Кто думает, что Октябрьский переворот расчистил дорогу царю? Кто не знает, что расстреливали, убивали и грабили не только большевики, но и мы. Наконец, кому же неясно, что мы не были «рыцарями в белых одеждах», что мы виноваты именно в том, в чем обвиняли большевиков.

Сказанное выше не требует доказательств. И если бы дело шло только об этих второстепенных причинах, мы, конечно, давно бы сложили оружие и признали советскую власть. Но мы русские. Мы любили Россию, т.е. русский народ. Мы спрашиваем: с кем же этот народ? Не захватчики ли власти большевики? Не разоряют ли они родину? Не приносят ли они в жертву Россию коммунистическому Интернационалу? И где завоеванная Февральской революцией свобода?

На три последних вопроса ответить нетрудно. Возьмите цифры. Сравните посевную площадь за 1916, 1922 и 1923 г.г. Сравните продукцию угля, нефти, металлургии и хлопчатой бумаги за 1922 и первую половину 1924 г.г. Сравните производительность труда, товарооборот, заработную плату и транспорт за тот же период времени. Сравните, конечно, на основании проверенных данных. К каким выводам Вы придете? Да, Россия разорена войной и величайшей из революций. Да, чтобы поднять ее благосостояние необходима напряженная и длительная работа. Но большевики уже приступили к этой работе, и страна поддержала их. Лучший пример – Донбасс... Почему же предполагать, что белые работали бы быстрее? Мы ведь знаем, как «восстанавливались» Юг и Сибирь. Нет, возлагать надежды на белых, на эмиграцию – все равно, что тешить себя легендой о полном финансовом и экономическом банкротстве большевиков. Главные затруднения уже позади. Власть, которая выдержала блокаду, гражданскую войну и поволжский голод – жизнеспособная и крепкая власть. Власть, которая создала армию, разрешила сложный национальный вопрос и защищает русские интересы в Европе – русская, заслуживающая доверия власть. О разорении страны уже не может быть речи. Речь идет о восстановлении ее. Признаем нашу ошибку. Или мы можем мыслить современное государство только с помещиками и буржуазией? Или нам снова нужны варяги, чтобы «править и владеть» Россией, «править» на фабриках и «владеть» в лесах и полях.

Я не коммунист, но и не защитник имущих классов. Я думаю о России, и только о ней. При царе Россия была сильна и стала жандармом Европы. Советская власть, укрепившись, объединила в равноправный союз народы бывшей Российской империи. Она стремится к усилению и процветанию СССР. Пусть во имя коммунистического Интернационала. Значит ли это, что Россия приносится ему в жертву? Нет, это значит, что в глазах миллионов

русских людей вчерашний жандарм Россия станет завтра освободительницей народов. Для меня достаточно восстановления ее. Но меня спросят: как же восстанавливать без свободы? Я на это отвечу: а если бы белые победили, разве бы не было диктатуры? Я предпочитаю диктатуру рабочего класса диктатуре ничему не научившихся генералов. Рабочий класс кровно связан с крестьянством. А генералы? С «третьим» и «пятым» снопом. Мы это видели на примерах.

Все это общеизвестно. Общеизвестно в России, но гораздо менее известно за рубежом. Эмиграция живет испугом – воспоминанием о расстрелах и нищете. Испуг – советчик плохой. Как забыть о революционном развале? Как поверить в государственное строительство рабочего класса, в строительство без на мель выброшенной буржуазии? Ведь по эмигрантскому мнению восстанавливать государство – значит вернуться к капитализму... Но даже поверив в творческие силы народа, неизбежно ли признать советскую власть? Не всякое правительство идет навстречу народу, еще реже оно неразрывно спаяно с ним. И при царе народ создавал и производил. И при царе очень медленно, но поднималось благосостояние страны. Однако, царь был врагом. Он был, в частности, врагом и моим. Его власти я не признавал никогда и признать бы не мог. А советской власти я подчинился. Подчинился не потому, что большевики восстанавливают Россию, и не потому, что Россия – одно, а коммунистический Интернационал – другое, и не потому, что диктатура рабочего класса, конечно, лучше диктатуры буржуазии. Еще раз, почему.

Я сказал, что признать себя побежденным еще не значит признать советскую власть. Если бы был побежден только я, если бы был разгромлен только «Союз защиты родины и свободы», я был бы вынужден прийти к заключению, что лично я неспособен к борьбе. Но мы все побеждены советской властью. Побеждены и белые, и зеленые, и эсеры, и беспартийные, и кадеты, и меньшевики. Побеждены и в Москве, и в Белоруссии, и на Украине, и в Сибири, и на Кавказе. Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и в открытых восстаниях. Побеждены не только физически – насильственной эмиграцией, но и душевно – сомнением в нашей еще вчера непререкаемой правоте. Перед каждым из нас встает один и тот же вопрос: где причина наших бедствий и поражений. В тылах. Но и у красных были тылы. В воровстве, в грабежах, в убийствах. Но и у красных вначале были грабительство и разбой. В бездарности, в неразумии. Но ведь не боги горшки обжигают. На нашей стороне был «цвет» военных людей, и «цвет» ученого мира, и «цвет» общественности, и «цвет» дипломатии. По крайней мере, мы искренне думали так. Однако, красный командир из рабочих победил стратегов Генерального штаба. Однако, крестьянин, член РКП, лучше понял смысл совершающихся событий, чем заслуженные и прославленные профессора. Однако, рядовой партийный работник ближе

подошел к трудовому народу, чем патентованные народовольцы. Однако, советские дипломаты оказались сильнее и тверже многоопытных российских послов. Прошло семь лет. Мы распылены. Мы живые трупы. А советская власть крепнет с часу на час.

Больше года назад за границей я задумался над этим явлением. Больше года назад я сказал себе, что причина его должна быть простой и глубокой. Признаем снова нашу ошибку. Мы верили в Октябрь и потом долгих семь лет, что большевики – захватчики власти, что благодаря безволию Временного правительства горсть отважных людей овладела Москвой и что жизни им – один день. Мы верили, что русский народ, рабочие и крестьяне, – с нами, с интеллигентской или, как принято говорить, мелкобуржуазной демократией. В этой вере было оправдание нашей борьбы... Что же. Не испугаемся правды. Пора оставить миф о белом яблочке с красной оболочкой. Яблоко красно внутри. Старое умерло. Народилась новая жизнь. Тому свидетельство – миллион комсомольцев. Рабочие и крестьяне поддерживают свою, рабочую и крестьянскую, советскую власть.

Воля народа – закон. Это завещали Радищев и Пестель, Перовская и Егор Сазонов. Прав или неправ мой народ, я – только покорный его слуга. Ему служу и ему подчиняюсь. И каждый, кто любит Россию, не может иначе рассуждать.

Когда при царе я ждал казни, я был спокоен. Я знал, я послужил, как умел, народу: народ со мной и против царя. Когда теперь я ожидал неминуемого расстрела, меня тревожили те же сомнения, что и год назад за границей: что, если русские рабочие и крестьяне меня не поймут. А что, если я для них враг, враг России. А что, если, борясь против красных, я в невольном грехе боролся и с ним. С моим, родным мне народом.

С этой мыслью тяжело умирать.

С этой мыслью тяжело жить.

И именно потому, что народ не с нами, а с советской властью, и именно потому, что я, русский, знаю только один закон – волю русских крестьян и рабочих, я говорю так, чтобы слышали все: довольно крови и слез; довольно ошибок и заблуждений; кто любит русский народ, тот должен подчиниться ему и безоговорочно признать советскую власть.

Есть еще одно обстоятельство. Оно повелительно диктует признание советской власти. Я говорю о связи с иностранными государствами. Кто борется, тот в зависимости от иностранцев – от англичан, французов, японцев, поляков. Бороться без базы нельзя. Бороться без денег нельзя. Бороться без оружия нельзя. Пусть нет писанных обязательств. Все равно. Кто борется, тот в железных тисках – в тисках финансовых, военных, даже шпионских. Иными словами, на границе измены. Ведь никто не верит в бескорыстие иностранцев. Ведь каждый знает, что Россия снится им как замаскированная колония: самостоятельное государство, конечно, но ра-

ботающее не для себя, а для них. И русский народ, народ бунтовщик, в их глазах, не более, как рабочая сила. А эмигранты? А те, кто не борется, кто мирно живет за границей? Разве они не парии? Разве они не работают батраками, не служат в африканских войсках, не просят милостыню, не голодают? Разве «гордый взор иноплеменный» видит в них что-либо иное, кроме досадных и незванных гостей из низшей, из невольничьей расы? Так неужели лучше униженно влачиться в изгнании, чем признать советскую, т.е. русскую власть.

Ну, а если ее не признать. За кем идти? О монархистах я, конечно, не говорю. Вольному воля. Пусть ссорятся из-за отставных «претендентов». Я говорю только о тех, кто искренно любит трудовую Россию. Неужели достойно «объединяться» в эмигрантские союзы и лиги, ждать, когда «призовут», повторять, как Иванушка-дурачок, легенды и мифы и верить, что по щучьему веленью будет свергнута советская власть. Мы все знаем, что эмиграция – болото. Для «низов» – болото горя и нищеты. Для «верхов» – болото праздности, честолюбия и ребяческой веры, что Россию нужно «спасать».

Россия уже спасена. Ее спасли рабочие и крестьяне, спасли своей сознательностью, своим трудом, своей твердостью, своей готовностью к жертвам. Не будем смешивать Россию с эмигрантскими партиями. Не будем смешивать ее с помещиками и буржуазией. Россия – серп и молот, фабричные трубы и необозримые распаханые и засеянные поля. Но если бы даже Россия гибла, эмигрантскими разговорами ее не спасешь.

Многое для меня было ясно еще за границей. Но только здесь, в России, убедившись собственными глазами, что нельзя и не надо бороться, я окончательно отрешился от своего заблуждения. И я знаю, что я не один. Не я один в глубине души признал советскую власть. Но я сказал правду, а другие молчат. Я зову их нарушить молчание. Ошибки были тяжкие, но невольные. Невольные, ибо слишком сильная буря свищет в России, во всей Европе. Минует год или два, или десять лет, и те, кто сохранит «душу живую», все равно пойдут по намеченному пути. Пойдут и доверятся русскому трудовому народу. И скажут:

*Мы любим Россию и потому
признаем советскую власть.*

Борис Савинков.

Сентябрь 1924 года. Внутренняя тюрьма.

Машинописная копия.

На согласование членам Политбюро:

- 1) Сталину,
- 2) Каменеву,
- 3) Молотову,

- 4) Куйбышеву,
- 5) Калинин,
- 6) Ярославскому.

10.09.24. Герсон.

Рукопись.

Н-1791. Т. 19. Л. 55–62.

Письмо Б.В. Савинкова «Почему я признал советскую власть» опубликовано: Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924.

18

Б. Савинков – В. Бурцеву¹

Открытое письмо

Владимир Львович.

Перед моим отъездом в Россию я был у Вас в Париже. Я советовался с Вами по некоторым организационным вопросам. О признании советской власти между нами, конечно, не было речи. И Вы, вероятно, спрашиваете себя, не утаил ли я от Вас своих истинных целей. Не поехал ли я в Москву для некоей «инсценировки» процесса.

Нет. Я с Вами был откровенен всегда и буду откровенен теперь.

Больше года назад я пришел к заключению, что бороться с большевиками бесплодно, по крайней мере, бесплодно из-за границы. Но я почти ни с кем не поделился тогда своим мнением. Я не сделал этого потому, что у меня оставалась еще надежда. Я думал так же, как думает большинство эмиграции. Я думал, что не только за рубежом, но и в самой России среди русских крестьян и рабочих существует глубокое недовольство. Я думал, что на почве этого недовольства вырастают тайные общества независимо от нас, эмигрантов, и что эти тайные общества, унаследовав традиции нашей борьбы, борются с советской властью. Если бы я мог допустить, что я ошибаюсь, вернее, что я введен в заблуждение, я бы тогда же в беседе с Вами открыто заявил, что складываю оружие. Но ни Вы, ни я не допускали столь грубой ошибки.

В России меня постигло два тяжелых удара.

Во-первых, я убедился воочию, что никаких рабочих и крестьянских тайных организаций, борющихся с советской властью, нет, да и не может быть.

Во-вторых, я убедился воочию, что если «традиции» нашей борьбы еще не забыты, то единственно потому, что население нас ненавидит: та борьба, которая была начата «за родину и свободу», выродилась в погромы, грабежи, убийства и шпионаж.

В этих условиях я не мог не признать себя побежденным.

В этих условиях что бы сделали Вы? Что бы сделали Вы, Владимир Львович, если бы для Вас стало ясно, что не только монархисты – юденичи, деникины, врангели – не способны к борьбе, но также и демократы – короткевичи, павловские, павловы; а главное, если бы для Вас стало ясно, что русский народ, то есть русские рабочие и крестьяне не борются и не желают бороться против советской власти, а напротив, поддерживают ее, ибо вполне доверяют ей. Промолчали ли бы Вы, как я промолчал год назад, молчанием своим призывая к продолжению борьбы, или Ваша революционная совесть заставила бы Вас громко признаться в своей ошибке, не считаясь даже и с тем, что в Вас кинут камнем ближайшие Ваши друзья.

Вы – революционер. Вы бы поступили так, как поступил я.

Но Вы скажете: одно дело признать себя побежденным, другое – признать советскую власть. Сказав так, Вы будете правы. Но выслушайте меня. Вы – бывший народоволец, то есть человек, для которого воля народа – закон. И Вы – государственник, то есть человек, для которого вопрос о восстановлении России – главнейший и важнейший вопрос. Так неужели для Вас не ясно, что если русский народ, то есть русские рабочие и крестьяне, отразили все покушения на советскую власть, от кого бы они ни шли, отразили, имея против себя всю Европу, голодая и холодая, при полной разрухе в стране, то значит, что воля их, воля народа, заключается в утверждении и укреплении советской власти. Вам, Бурцеву, Советы могут не нравиться. Но что значит Ваше личное мнение, что значит мнение всей эмиграции, если народ против Вас. Я знаю: за границей даже зрячие слепы. Как докажу я Вам, что уже совершился спасительный перелом, что разруха окончилась, что большим и длительным напряжением, напряжением всех сил народных и не вопреки, а с помощью и под руководством советской власти восстанавливается Россия. Как докажу я Вам, что создается новое, русское, не похожее на европейские, государство, государство не интеллигенции и буржуазии, а крестьян и рабочих. Цену интеллигенции и буржуазии Вы знаете сами... И Вы ведь любите именно трудовую Россию, а не имущие классы. Так за кем Вы идете? За монархистами? Но вы ненавидите их. За эсерами? Но Вы пренебрегаете ими. За кадетами? Но Вы не верите им. Идти можно только за русским народом. А русский народ уже начертал свой путь. Что же. Если народ – с советскою властью, и если, пусть медленно, но восстанавливается Россия, по-Вашему, все еще надлежит бороться? По-Вашему, все еще надлежит, упорствуя, защищать старый мир, тот мир, который рушился на наших глазах в России, который близок к крушению в Европе. Ведь Вы знаете, что это мир угнетения слабого сильным, мир владычества денег, мир рабства для сотен миллионов людей. Не против ли него Вы боролись всю жизнь? Защищайте его теперь, защищайте его с иностранцами, а я признаю советскую власть.

Я хочу закончить это письмо пожеланием. Я желаю Вам, как желаю всей эмиграции, чтобы Вы на пороге смерти не увидели

своей роковой ошибки, чтобы Вам не предназначено было то, что мне пришлось пережить. Я желаю Вам, чтобы Вы, старый и честный революционер, не содрогнулись бы от сознания, что в глазах миллионов русских людей Вы – враг России, ибо враг крестьян и рабочих, как пришлось содрогнуться мне. Я желаю Вам, чтобы Вы вдумались в то, что происходит в России, вдумались без эмигрантского ослепления, того ослепления, которое долго владело мною. Тогда Вы не будете искать причин моей «перемены». Вы переменитесь сами. И Вы послужите родному народу. Но дойдет ли мой голос до Вас? Да, дойдет. Если не сегодня, то завтра.

Борис Савинков.
Сентябрь 1924 г.

Н-1791. Т. 24. Л. 70–73. Машинописная копия.

Рукописное факсимиле письма опубликовано: Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924.

¹ *Бурцев Владимир Львович (1862–1942)*, публицист, издатель, историк. неоднократно репрессировался царским правительством за революционную деятельность. Занимался историей революционного движения и разоблачением провокаторов в русском революционном движении. В частности, им разоблачен провокатор Е.Ф. Азеф. С 1918 г. в эмиграции, где издавал газету «Общее дело», входил в редакцию журнала «Борьба за Россию». В период оккупации Франции преследовался гестапо. Последние годы жил в крайней нищете, умер от заражения крови.

19

В. Косенко¹ – Б. Савинкову

Борис Викторович!

Почти 19 лет прошло со дня Вашего освобождения из Севастопольской гауптвахты и совершившегося акта на параде возле Владимирского собора, в организации которого состоял и я. Я бывший матрос Черноморского флота, участник восстания П.П. Шмидта и Вашего освобождения в июле 1906 года, после которого бежал за границу, где и жил до амнистии 1917 года, на что имею документ, как активный участник Вашего освобождения, выданный Севастопольским комитетом помощи политическим амнистированным в 1917 году. По сведениям из Севастополя от лиц, принимавших участие в Вашем освобождении, из активных участников остался в живых один я. Двоих товарищей, Владимира и Николая, вскоре повесили в Ленинграде [Петербурге], проданных трижды проклятым Азефом, а мне удалось бежать на турецком судне в Синоп. За разводящего не имею никаких сведений. Последний раз мы виделись в доме Сосновского

на квартире т. Николая, где был и т. Владимир, наутро после освобождения. Больше я Вас не видел, мы разошлись, т.к. в городе не было возможности больше жить. Из Румынии я Вам писал в Базель, но ответа не получил. Больше я о Вас не имел сведений до 1917 года. Из партии с.-р. вышел в 1920 году, а в партию РКП не поступил, т.к. я больной и измученный человек, да нет и той энергии, которая была раньше. Скитания по заграницам рядовым членам партии были очень тяжелы, не то, что видным членам партии, которым были готовы и стол и дом везде. Довольно меня гоняли из границы на границу в Карпатских горах, в лесу зимой собака лесничего отрыла меня из-под снега, замерзающего в 1907 году во время революции в Румынии. Мне нужно было перебраться из Румынии в Австрию. Да и лета не те, мне уже 45 лет. Живешь теперь воспоминаниями о былом, да и думаешь, как остался цел. Вся жизнь прошла в борьбе и волнениях. Пусть моложе меня поработают, а если придется опять пойти против врагов рабочего класса, то я готов в любой момент. Мне терять больше нечего, я потерял все, кроме надежды на лучшее будущее. Об одном жалею, что не могу учить детей, во-первых, нет средств, а во-вторых, нужно хлопотать, чтобы учить на счет государства. Моему сыну уже 18-й год, учился в гимназии в г. Херсоне, в голод нужно было бежать из города в деревню, чтобы спасти семью от голодной смерти; здесь и застрял, живу очень плохо, нахожусь в профсоюзе пищевиков машинистом. Служу на мельнице, получаю 36 р. в месяц. Семья состоит из 6 душ. Теперь без службы, т.е. мельница стала. Дети остаются неучами, что делать – не придумаю с ними. Просил, чтобы отдать его в техническую школу, его не принимают, т.к. городских рабочих дети скорей попадают учиться на счет государства. Прошу Вас, Борис Викторович, напишите мне, не забывают тех, которые носили свои головы и жертвовали собой для Вашего освобождения, т.к. Вы были нужны больше для революции, чем мы в то время. Судить Ваш поступок против советской России не имею права, т.к. Вы уже осуждены. Если Вам нужно больше сведений о моем участии в Вашем освобождении, то я могу прислать мои удостоверения, а также удостоверения от лиц более популярных, находящихся сейчас в Севастополе. Хотя Вам это не нужно, т.к. Вы хорошо меня знаете, хотя были мало вместе в 1917 году, в бытность мою в Севастополе, был на гауптвахте, где Вы сидели, и у Сосновского в квартире, где Вы были в последний раз с Владимиром и Николаем.

Пишите мне, если не забыли меня. Я думаю, что это не забывается скоро. Когда громили «Очаков», я не так боялся, как момента Вашего освобождения. Надеюсь, что и Вы его не забыли.

Василий Косенко. 1 октября 1924 года.

Адрес мой: Екатеринославской губ. Мелитопольского уезда Б. Лепатихского района село Екатериновка. В. Косенко.

Р.С. Посылаю также марки для ответа. Желал бы лично повидаться с Вами, но условия чисто экономического характера не позволяют мне этого.

Н-1791. Т.24. Л. 125. Рукопись.

¹ *Косенко В.*, матрос Черноморского флота, участник восстания под руководством лейтенанта П.П. Шмидта. В июле 1906 г., находясь в карауле с другими матросами, освободил Б. Савинкова из тюрьмы. Затем бежал в Турцию.

20

И. Паничев¹ – Б. Савинкову

6 окт[ября] 1924 г.

Борис Викторович!

Из газет я узнал, что Вы находитесь в России. Вас судили и оправдали. Меня это известие ошеломило. Я почувствовал себя еще более беспомощным и заброшенным. Правда, Ваше пребывание за границей несколько не улучшало моего положения, но морально тогда я чувствовал себя иначе. Ведь мы маленькие, не заметные ни для кого люди, шли за Вами, за Вашей идеей, не считаясь ни с какими опасностями и последствиями. Вы, конечно, этого не знали, но это было так. Ваше влияние лично на меня оставалось до последнего времени. И вдруг Вас не стало, Вы бросили нас. Я не хочу этим обвинить или упрекнуть Вас, Вы в обстановке разбираетесь лучше, но хочу только спросить: что же теперь делать нам?

Когда Вы были за границей, нам казалось, что Вы что-то предвидите, на что-то надеетесь, вместе с Вами у нас была Ваша идея, Ваша любовь к Родине, в них мы находили для себя опору. А теперь этого не стало. Так что же нам теперь делать? Как нам выбраться из этого тупика? С Вами сов[етская] власть считалась, разговаривала, а мы этого не можем сделать, мы маленькие, нас не видят.

После выселения Вас из Польши, я в 1922 году обратился в российско-украинскую делегацию по делам репатриации с просьбой разрешить мне вернуться в Россию. Председателем делегации был тов. Аболтин. Мне разрешили ехать. Но, к несчастью, я тогда не имел на руках никаких польских документов, а удостоверение, выданное т. Аболтиным от 31 августа 1922 г. за № 1377 (оно имеется у меня), польские власти не поверили, и этапным порядком в сопровождении милиционера был выдворен туда, откуда выехал, – в Варшаву. В 1923 г. я имел документы. Вновь поехал в Варшаву с целью просить разрешения въехать в Россию. Мне предложили подать прошение в ВЦИК. Я все сделал, что требовалось канцелярией. Ждал ответа 6 месяцев. В январе 1924 г. получил отказ. Положение было ужасное, выхода никакого. Я со многими моими

товарищами по военной службе и по несчастью находились на положении белых рабов. Но Ваша идея, вера в Вас поддерживала нас, мы надеялись на лучшее, и вдруг ... не стало Вас.

Вы в России. Значит так надо. Но что же делать нам? Как мы можем вернуться к себе на Родину? Да и вернемся ли мы когда?

Сообщу вкратце свою биографию. Я сын кр[естьяни]на Орловской губ[ернии] и уезда, Рыбинской вол[ости] дер[евни] Жердевой, Александра Павловича Паничева – Иван Алекс[андрович] Паничев. В 1911 г. с большим трудом я окончил в Воронеже учительскую семинарию. До войны 1914 г. я учительствовал в Воронеж[ском] у[езде]. Там живет и учительствует моя жена Зоя Васильевна Паничева (дер. Михайловка Воронеж[ского] у[езда] Рогачевской вол[ости]), имея на руках 2-х детей и мать. В 1915 году 3 авг[уста] я окончил в Москве 2-ю шк[олу] прапорщ[иков], был спешно отправлен на Ю[го]-З[ападный] фр[онт], где пробыл до января 1918 года. Едва успел вернуться в Воронеж – началась гражд[анская] война. Сначала я попал в Красную арм[ию], потом – в белую казачью. В Новорос[ийске] после катастрофы арм[ии] Деникина опять попал в Красную арм[ию], с которой прибыл на польский фр[онт], откуда, по пленению меня поляками, я перешел в армию Пермикина и ... лагерь Остров-Комарь. Затем бегство в деревню за поисками лучшей жизни. Путь многих. Вы знаете, как тяжело было жить в Польше. В поисках лучшего я с партией рабочих поехал во Францию, где попал в Омекур на металлургический завод. И Ваша идея тоже переехала с нами, она стала постоянно нашей, и Вы были наш. И вдруг Вы бросили нас, Вы в России. У нас не стало Вас, и не стало нравственной опоры. Что же нам теперь делать? Как выбраться из Франции на Родину, и что для этого нужно предпринять? Разве я не хотел бы быть полезным своим братьям крестьянам и отцом своих детей? И во Франции лопата, кирка и тачка нисколько не легче польских метров в лесу.

Дайте совет, Борис Викторович, ответьте по адресу:

Panitcheff Jean, Hotel des ouvriers Hommecourt, Meutche et Moselle, France.

С совершенным почтением *И. Паничев.*

Н-1791. Т. 24. Л. 128–130. Рукопись.

¹ *Паничев И.А.*, прапорщик военного времени, служил в армии Деникина, затем в Красной армии. В 1920 г. попал в плен к полякам и вступил в армию Пермикина. В эмиграции проживал в Польше и Франции.

7.10.24 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Дорогой друг Сидней Георгиевич,
Я получил возможность написать Вам и рад этому. Я боюсь, что ни Дм[итрий] Вл[адимирович], ни Вера Вик[торовна] не переслали Вам моих писем, как я об этом просил. Вы один из тех немногих людей, которых я не только люблю, но и мнением которых дорожу. Поэтому позвольте Вам рассказать все, как было.

Дм[итрий] Вл[адимирович] написал в «За свободу» статью. Такой статьи я от него ожидать не мог. Дело не в том, что я в его изображении «мертвый пес», а Л.Е. и А.А. [Дикгоф-Дерентали] либо жулики, либо трусы. Если он так думает о нас, то где же были его глаза в течение нескольких лет? Дело в том, что он утверждает, что я сговорился с большевиками заранее, еще в Париже, что я обманул и его, и всех остальных, что я принял участие в «инсценировке» процесса и вообще пережил не более, как «завальный и глупый фарс». Он утверждает, что я пытаюсь его «заманить» в Россию и сижу не в тюрьме, а под именем Рейса в московской гостинице «Савой». Хорошо еще, что он воздержался от утверждения, что я на следствии «выдавал».

Что мне на это ответить? Что я не верблюд?... Не скрою от Вас, что как я ни привык к клевете, но статья Д[митри]я В[ладимирович]а оставила во мне след. Ведь кроме Вас и Веры Викт[оровны] я думал только о нем, ожидая расстрела.

Истина заключается в следующем. При аресте (арестован я был в Минске, немедленно по переходе границы) и потом на допросах для меня выяснилось: 1) что А[ндрей] П[авлович] – член РКП, Фомичев – мерзавец, С.Э. [Павловский] давно работает вместе с большевиками, и что никакой организации нет и в помине; 2) что действовавшие отряды «савинковцев» не только не были поддержаны населением, но были им ненавидимы, ибо грабили, убивали и жгли, за редчайшими исключениями.

И то и другое меня потрясло.

Истина заключается в следующем. Уже в 1923 г. я пришел к убеждению, что бороться с большевиками нельзя, а может быть, и не нужно. Нельзя, ибо все мы (и эсеры, и меньшевики, и кадеты, и «савинковцы», и прочие) разгромлены окончательно. Не нужно, ибо если все мы разгромлены, то это значит, что русский народ не с нами, а с советской властью. Я об этом с Вами не говорил. Не говорил и ни с кем, кроме Л.Е., да немного с покойной матерью, которая, помню, назвала меня «коммунистом». Не говорил я не потому, что не было мужества признаться в своем поражении, а

потому, что признаться в нем не означало бы просто отойти в сторону, уехать на Средиземное море и, как чиновник в отставке, доживать свои дни, а означало бы признание советской власти. Ну, а на это решиться тогда я не мог... И я продолжал до самого последнего времени стоять на прежней, совершенно непримиримой позиции, по крайней мере, официально. Но я написал «Коня вороного». Читали ли Вы последнюю, заключительную его страницу в первоначальном тексте? Помните ли Вы, что я эту страницу изменил совершенно, ибо незаметно для меня выходило так, что смысл повести был определенно в пользу большевиков. Скажу Вам: если бы не приехали А[ндрей] П[авлович] и Фомичев, я, вероятно, к осени 1923 г. заговорил бы с Вами, и не только с Вами одним, о своей и нашей общей ошибке. Но приехали «друзья из Москвы».

Вы не забыли, конечно, что они рассказали мне. Эмиграция не имеет никакого значения, эмигрантскими силами бороться нельзя, старорежимные «программы» лишены почвы, растет новое поколение «новых» людей, эти новые люди борются с советской властью, они борются, восприняв от нас многое, нам, эмигрантам, чуждое: наш долг, в частности, им помочь.

«Друзья из Москвы» открыли новые перспективы. Этим перспективам я верил мало, как мало верил им лично (кроме С.Э.) – Вы это знаете. Но как же я мог заговорить о прекращении борьбы, если было хоть 20% за то, что они не вводят меня в заблуждение? Мне стало казаться, что мой пессимизм продиктован усталостью. И я решил поехать в Россию. Зачем? Если организация действительно существует, существует не на иностранные деньги и не при поддержке нас, эмигрантов, а самостоятельно, черпая силы от крестьян и рабочих, то я должен прийти ей на помощь, т.е. должен продолжать бороться с большевиками всеми средствами, не исключая террора. Но если «друзья из Москвы» обманули, если в России нет ничего, то ... Сделайте вывод сами.

Не только обманули «друзья из Москвы», но и прошлое – Короткевичи и Павловские – оказалось гнилым.

Передо мной встал вопрос. Встал он не в гостинице «Савой», а на Лубянке, накануне процесса. Что мне делать? Замкнуться в молчаньи и молчаньем своим снова звать на борьбу, в моих глазах уже бесполезную, то есть несправедливую, ибо народ не с нами, а против нас, либо иметь мужество сознаться в своей ошибке и признать советскую власть. Говорю «мужество», ибо мне стало страшно, что меня закидают грязью. Не эмигранты, конечно, а Вера Вик[торовна], Вы и Д[митрий] В[ладимирович]. Но когда я понял, что в глазах миллионов русских людей я не освободитель, а враг народа, когда я понял, что московские рабочие без всякого принуждения придут и будут требовать моей смерти, которую я, в их глазах, заслужил, мои колебания исчезли. Вы знаете, что суд совещался 4 часа раньше, чем вынести приговор. Да, это был «забавный и

глупый фарс». Легко умереть в сознании своей правоты и очень трудно, чувствуя, что ошибся. Желаю Д[митрию] В[ладимировичу] никогда не пережить тех часов, которые я пережил.

Вы скажете: дело не в московских рабочих, и даже не в русском народе. Дело в борьбе двух миров. На одной стороне баррикады старая, великолепная в своем прошлом Европа, на другом – новый «грядущий хам». Нет, Сидней Георгиевич, я никогда не боролся за Европу и за ее сомнительное великолепие. Я русский. Я боролся за Россию и исключительно за нее, т.е. за русский народ. А что до того, грядет ли «хам» или нет, выслушайте меня до конца.

Скоро два месяца, как я сижу в тюрьме. Да, конечно, сидя в тюрьме, видишь мало, как бы легок ни был режим. Но все-таки я неизмеримо больше знаю о положении в России, чем знал за границей. Чем мы питаемся в эмиграции? Статьями Милюкова, Чернова, Кусковой, в лучшем случае, Прокоповича и Брайкевича, еще в лучшем – донесениями наших агентов или агентов какой-нибудь контрразведки. Но «писатели» пишут вздор, не исключая Брайкевича, ибо пишут кабинетные измышления. Но агенты докладывают то, что нравится их начальству. И нарастает туман. А в этом тумане мы бродим вслепую, повторяя одни и те же избитые фразы. Мы малодушно уверяем себя и других, что большевики неизбежно падут. Третьего дня надеялись на Деникина, вчера на зеленых, сегодня на экономический и финансовый крах. Наши надежды лопаются, как мыльные пузыри, а мы продолжаем тешить себя, как тешит ребенок. Сколько сказок погребено для меня здесь, на Лубянке. Начну с малого, с ГПУ. Что такое «чекист»? Уголовный преступник и прирожденный палач... А[лександр] Ар[кадьевич] при аресте вполне серьезно задал вопрос: – А будут нас пытаться? Ну, так вот. Я встретил в ГПУ людей, к которым я привык с юности, и которые мне душевно ближе, чем бормотальщики из «Национального центра» или из «Заграничной делегации ПСР». Я встретил убежденных революционеров. Они расстреливают? Да. А мы не расстреливали? Но возьмите, напр., дело Гнилорыбова (я прочел его от доски до доски). Его расстреляли только после того, как выдавал, он оговорил множество невинных людей, разбил бутылкой голову следователю и потом пытался бежать, связав надзирателя в бане. А «мученики» эсеры? За подготовку террора их приговорили всего на 5 лет тюремного заключения, т.е. по здешним законам на 2½ года, и не посадили в тюрьму, а поселили в деревне, в совхозе. И что такое здешние тюрьмы? Больше 3 лет люди вообще не сидят, и, сидя, пользуются отпуском в город. В какой стране возможны такие порядки? Но я уже сказал: это мелочь. Вопрос не в ГПУ и не в тюрьмах. Вопрос даже не в том, получили ли большевики 70 миллионов германских марок. Нет, не получили... Бурцев не прав. Вопрос, конечно, прежде всего в том, восстанавливается ли Россия? Что народ за советскую власть, в этом нет никакого сомнения. Разве без поддержки народных масс можно победить белых, можно уничтожить

зеленых, можно преодолеть волжский голод, можно пережить убийственную блокаду и неудачную войну с Польшей? Подумайте, дорогой мой, об этом, подумайте, забыв о «Дневнике» Гиппиус, т.е. о «страданиях» интеллигентов. Да, было время, когда все, и в том числе интеллигенты питались супом «карие глазки», т.е. супом из воблы с шрапнелью, т.е. необмолоченной рожью. Но ведь для того, чтобы питаться так, не сдаваться, а отражать и Деникина, и Колчака, и Юденича, и потом Врангеля, нужен огромный подъем, и не у единиц, не у чекистов, даже не у красноармейцев, а в самой толще народной. Помните французских «Мари-Луиз»? Ну-ка, а ... теперь бы во время ... предложили французам такое «меню». Долго ли бы продержался Париж? Борьбу за существование, за право жить на земле большевики выдержали и в ней победили. Это не все, конечно. Предстоит другая задача – задача восстановления России. Приступила ли к решению ее советская власть?

В Москве магазины, театры, синема, автомобили, трамваи, электричество, извозчики, даже лихачи. Это не доказательство, разумеется. Доказательство только в статистических данных. Возьмите доклад Зиновьева на 13-ом съезде. Вы его не читали, конечно. А я утверждаю, что если в словах Зиновьева только четвертая доля правды, то и тогда совершенно ясно, что революционный развал закончен, что, пусть медленно, пусть с напряжением всех сил, но восстанавливается хозяйство России, и восстанавливается не вопреки, а с помощью советской власти и РКП. Вам за границей все снятся 1918–1919 г.г., т.е. вот эти самые «карие глазки», тьма, грабежи, «стенка», «бей его в морду», повальный тиф и проеденные вшами теплушки. Этого давно уже нет. В России порядок. Поля засеяны и засеваются с каждым годом все больше. Промышленность поднимается. Червонец стоит дороже фунта. Вы не верите? Вы думаете, что мне пыль пустили в глаза? Нет, говорю еще раз: перелом уже совершился. Уже доказано, что без помещиков и крупной буржуазии можно восстанавливать государство. А Вы все еще ждете, что не Россия, а «Совдепия» сама собой лопнет, потому что Англия денег не даст. Англия денег не дает, но год был закончен без дефицита. Растет новое, не похожее на европейское, государство. Я говорю «растет», я не говорю «выросло». Да, конечно, еще долг и долг путь, много и много труда впереди, много бедствий и много лишений. Но нас, русских, десятки миллионов. И эти десятки миллионов хотят жить человеческой жизнью, и непременно с советами, т.е. с советской, т.е. со своею властью, поймите это. Когда-нибудь, очень скоро, Вы убедитесь, что правы не Вы, а я.

Россия восстанавливается, а за границей говорят, что она окончательно гибнет, и что русский народ ожидает «мессии». По эмигрантским сведениям, рабочие голодают. Брайкевич писал, что большевики экспроприируют их. Это, конечно, вздор, как вздор, что большевики экспроприируют «нэп». С «нэпом» борются кооперати-

вы, а в Сибирь ссылаются не торговцы, а спекулянты, т.е. акулы, которых и следует высылать. Красная армия? Комсостав красный, конечно, а красноармейцы? Но где же, в какой стране о солдате заботятся больше, чем здесь? Остаются крестьяне, хорошо. Передо мной лежит книга «Старый и новый быт», этнографическое исследование Архангельской и Череповецкой губерний, т.е., в сущности, тех куличек, куда Макар гоняет телят. Когда я читаю, что самоед, возвращающийся домой, несет с собой книжку об авиации, или что на Кольском полуострове устраиваются избы-читальни, или что за северным кругом в рыбацьем поселке идут прения на тему, есть бог или нет, а ребятишки поют: «Ах мой бог, ах мой бог, чего ботаешь, с богородицей лежишь, не работаешь», то я не могу не сказать, что потрясены глубины крестьянской жизни, и что Россия переродилась до основания. Кстати, о религии и религиозном движении. Церкви полны, но бабами, стариками, старухами. Мужчин видно мало. В деревне теперь четыре религии: православная (все равно, тихоновская или «живая», различия не делают), колдовская (выявившаяся с большою силой, ибо язычество и колдовство не преследуются, как не преследуется никакая вера), бандитская (!) и «атеистическая» (!!). В «атеистической» почти вся молодежь поголовно. Вам это может не нравиться, но это неоспоримый факт, как факт, что теперь насчитывается более 600 тысяч коммунистов, около миллиона комсомольцев и свыше 300 тысяч пионеров, т.е. в общей сложности почти 2 миллиона взрослых, юношей и детей, объединенных в РКП. Надо правду сказать, советская власть завоевывает деревню. Она завоевывает ее потому, что искренно и честно стремиться к улучшению крестьянского быта. Сумели ли бы это сделать меньшевики и эсеры? Авксентьев и Дан, например! О монархистах говорить, конечно, не стоит.

Вернусь опять к своему вопросу. Несчастный Вишняк (слыхали ли Вы о таком?) написал, что моя «специальность» – всех предавать... Кого же я предал? Идею? Но белой, но зеленой идеи давно уже нет, она скомпрометирована не мною. Несуществующую организацию А[ндре]я П[авлович]а и Фомичева? Д[митри]я В[ладимирович]а, Арцыбашева, Португалова? Но ведь они не борются против большевиков, а в сущности просто живут и, кроме того, могут вернуться в Россию. Они обиделись на это мое предложение. Пусть. Они его примут, рано или поздно будут вынуждены принять, или станут вечными эмигрантами. Эсеров. Но эсеры несправедливо исключили меня из партии, в которой я пробыл 14 лет; в 1918 году давали в своих газетах мои приметы в надежде, что большевики арестуют меня; окружали в Казани шпионами; посылали на самые опасные предприятия, опять-таки в надежде, что я не вернусь; клеветали; травили. Кадетов? Но кадеты поступали так же, как эсеры. Помните ситстематическое вранье Милюкова о том, что я соглашался на разрушение русских церквей поляками, что у меня

украли бриллианты (?), что я – «Марков 2-ой»? Нет, ни с эсерами, ни с кадетами я давно не связан ни чем. Как же смеют они говорить, что я продал их? Кто же остается еще? Монархисты? Но ведь они сознательно и преднамеренно выдавали членов «Союза» большевикам, а обо мне говорили только с точки зрения расстрела. Иностранцев? Но разве я, русский, могу предать иностранцев? И разве я когда-нибудь сомневался, что они готовы помочь мне постольку, поскольку полагают, что я могу быть полезен им. Вы знаете, я люблю Францию почти так же, как Вы любите Россию. Но ведь Нуланс обманул меня перед Ярославлем. Надо же когда-нибудь громко сказать, что иностранцы преследовали свои и только свои интересы, и что благодарить их не за что нам. Я счастлив, что теперь независим, как я счастлив, что теперь не в эмиграции.

Вот, дорогой мой, что я хотел Вам сказать. Я не думаю, что Вас убедил, да этой цели и не ставил себе. Я хотел только, чтобы Вы знали, что именно произошло со мною в Москве, и еще, чтобы Вы знали, что Россия не та, какою кажется из Лондона и Парижа. Кончаю же я тем, что говорил Вам всегда: Вас я буду помнить и любить всегда, и если Вы даже от меня отречетесь и закидаете грязью, то и тогда я не отрекусь от Вас. Поклонитесь низко Вашей жене.

Мой адрес: гражданину В.В. Малиновскому. 1-я Мещанская, д. № 43, кв. № 1. Москва.

Прибавлять ничего не нужно, мне передадут.

Обнимаю Вас. Ваш *Б. Савинков*

P.S. С этим письмом делайте, что хотите, т.е., если найдете нужным напечатать в выдержках или целиком.

Н-1791. Т. 24. Л. 98–106. Рукописная копия.

22

Б. Савинков – А. Артузову

8.10.24 г.

Артур Христианович, благодарю Вас за письма и возвращаю их. Райсину ответить мне очень трудно: он хочет, чтобы я немедленно стал коммунистом. Что же до Родякова, то прилагаю ответ (адрес Родякова мне неизвестен). Ответ этот, разумеется, крайне банален и содержит только общие места. Но я думал, что лучше ответить, чем промолчать совсем. На Ваше усмотрение.

С приветом, *Б. Савинков*

Н-1791. Т. 24. Л. 119. Рукопись.

Б. Савинков – Родякову

Гражданину Родякову,
б[ывшему] рабочему-кочегару
фабрики Коммунистического авангарда

Гражданин Родяков,
я получил Ваше письмо. Я не могу исполнить Ваше желание, потому что приехал в Россию, не будучи послан никем, а по своей инициативе. На суде я сказал, что приехал я прежде всего для того, чтобы посмотреть своими глазами, насколько советская власть является действительно рабоче-крестьянской, то есть народной властью. Так оно на самом деле и было. Если я боролся с большевиками, то исключительно потому, что верил, что рабочие и, в особенности, крестьяне против большевиков, а не потому, что я защищал капиталистов. С весны 1923 г. я борьбу прекратил. Советскую же власть я признал потому, что для меня стало совершенно ясно, что рабочие и крестьяне поддерживают ее. Я знаю что в Ваших глазах я являюсь преступником, контрреволюционером. Но я бы хотел, чтобы Вы знали, что я мог ошибаться, но сознательно никогда не боролся против народа, потому что люблю его так же, как Вы. Я хочу надеяться, что мне дана будет возможность послужить рабочим и крестьянам, и тогда они убедятся в моей искренности и в готовности отдать все мои силы на пользу рабоче-крестьянской республики, которую вы создали и отстаивали от таких контрреволюционеров, каким был я. Меня радует, что Вы не пожелали моей смерти. В этом я вижу доказательство силы и величия СССР.

Желаю Вам всего лучшего. *Б. Савинков.*
Внутренняя тюрьма. 8 октября 1924 года.

Н-1791. Т. 24. Л. 120. Рукопись.

Б. Савинков – ответ на письмо

Уважаемый гражданин,
Газета «Юг» вышла всего в количестве 1-го номера. Насколько я припоминаю, переговоров о создании единой социалистической партии не было, а были лишь переговоры о совместном сотрудничестве некоторых с.-д. и с.-р. в газете «Юг», изданной по инициативе М.А. Туманова, грузинского с.-д. или с.-р.-ф., не помню. Состав сотрудников был довольно случайный, скорее по «местожительству». Плеханов и я жили в то время в San-Remo, Чернов в Alayio, Туманов в Ницце. Денег на продолжение газеты не нашлось.

С приветом, *Б. Савинков.*
10.10.24 г. Внутренняя тюрьма.

Н-1791. Т. 24. Л. 157. Рукопись.

Б. Савинков – В. Клементьеву

15.10.24 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

В.Ф. Клементьеву

Дорогой Василий Федорович,

я получил письмо Головщикова и отвечаю одновременно Вам и ему.

Я очень рад, что Вы хотите последовать моему примеру. Я не сомневался, что найдутся люди, которые не присоединятся к точке зрения «За свободу» и, поверив моей искренности, придут к неизбежному заключению, что надо закончить борьбу и честно признать советскую власть.

По-видимому, советское правительство разрешит Вам вернуться, предав забвению Ваши грехи. Я же советую Вам хлопотать о возможно скорейшем отъезде в Россию. Я хочу надеяться, что здесь Вы найдете себе работу, добросовестно исполняя которую. Вы сможете доказать Вашу любовь к русскому народу.

Заславский написал мне письмо. Я бы ему ответил, но не знаю, куда писать. Он совершенно прав: по моему глубокому убеждению, эмиграция обречена на вечное прозябание, если не найдет в себе мужества подчиниться советской власти. Он прав также и в том, что Родина не там, где хорошо платят.

Если увидите его, передайте ему мой привет.

Желаю Вам, дорогие друзья, всего лучшего.

Всегда Ваш *Б. Савинков**Н-1791. Т. 24. Л. 91–92. Рукопись.***Б.В. Савинков****о встрече с Г.В. Плехановым****(запись И.И. Сосновского во время допроса)**

26 октября Б. Савинков рассказал следующее.

Во время движения красновских частей на Петроград (ноябрь 1917 года), перед Пулковским боем, казаки красновских частей в лице председателя дивизионного комитета есаула Ажогина заявили, что они драться за Керенского не согласны. Дивизионный комитет решил в случае победы под Пулковым и свержения большевиков либо предложить Керенскому отречься, либо его арестовать и создать новое правительство.

Есаул Ажогин в беседе с Савинковым (в присутствии Ф. Клепикова) решил предложить формирование правительства Плеханову.

Савинков после этого разговора пошел к Плеханову, заготовив два текста постановлений: один – отказ Керенского от власти, другой – приказ об аресте Керенского.

Плеханов вполне согласился с этими проектами и внес в их текст собственноручные поправки.

Относительно формирования правительства Плеханов оговорился, что он боролся 40 лет за рабочих и поэтому воевать с ними не будет.

Савинков отметил, что ведь программа и тактика нового правительства будет зависеть именно от Плеханова.

Плеханов расспрашивал Савинкова подробно относительно казачьих войск. В конце разговора Плеханов дал свое согласие на формирование правительства под его председательством в случае победы казаков.

Савинков предложил Ажогину распорядиться приставить казачий караул к Керенскому, имея в виду арестовать последнего в случае победы казачьих войск.

Рассказывая это, Савинков подчеркнул, что инициатива свержения Керенского шла всецело от казаков, а не от Савинкова.

Нач. 6 от[деле]ния КРО ОГПУ *Сосновский*.

Декабрь 1924 г.

Н-1791. Т. 19. Л. 79. Машинописная копия.

27

Б. Савинков – В. Бурцеву

31 октября 1924 г.

Внутренняя тюрьма. Москва.

Дорогой Владимир Львович,

Вы наверное уже получили мое открытое письмо к Вам. Мне прибавить к нему нечего. С большевиками я не сговаривался и смерти не испугался. Не было ни «торга», ни «предательства», ни «измены», вопреки тому, что Вы утверждаете в Вашей статье. Вопрос гораздо сложнее и глубже.

Одно из двух. Либо большевики – захватчики власти, и русский народ ждет не дождется освобождения; либо большевики опираются на огромное большинство русских рабочих и крестьян, и их власть – русская, народная власть.

Вы утверждаете первое, я – второе.

Одно из двух. Либо большевики разоряют и разрушают Россию и в недалеком будущем доведут ее до окончательной гибели, либо они восстанавливают разоренное и разрушенное русское государство, и Россия вскоре станет сильнее и богаче, чем была до войны.

Вы утверждаете первое, я – второе.

Если Вы правы, права и вся эмиграция, и с большевиками надо бороться, я же – человек, покрививший душой, чтобы спасти свою жизнь.

Если прав я, то и Вы, и вся эмиграция делаете не только ошибку. Вы и вся эмиграция приносите вред не большевикам, а России, продолжая борьбу.

Вы мне сказали в Париже, что готовы ехать в Россию, даже рискуя тюрьмой.

Я предлагаю Вам следующее: приезжайте в Россию посмотреть своими глазами и, посмотрев, решите вопрос, кто из нас прав.

Вам, революционеру и человеку большой честности, Бурцеву, я доверяю вполне.

Большевики Вас не арестуют и дадут Вам возможность вернуться за границу, когда Вы того пожелаете. В этом заверил меня Менжинский. Он рассчитывает, конечно, что Вы будете преследовать исключительно информационные цели.

Вы не заподозрите меня в «заманивании» Вас в Россию, я в этом уверен. Мне кажется, что после эмигрантской совершенно необузданной клеветы по моему адресу я вправе предложить Вам, одному из виднейших эмигрантов, моему другу и автору уже упомянутой мной статьи, решить наш спор на основании не догадок и предположений, а подлинного знакомства с тем, что делается в России.

Вы можете получить паспорт в любой советской миссии. Если уже Вы этого не хотите, то телеграфируйте заранее, на какой пограничный пункт Вы приедете. В этом случае будет отдано распоряжение о пропуске Вас через границу на основании любого удостоверения Вашей личности.

Жду Вашего ответа по телеграфу: Борису Савинкову, Москва.

Искренно Ваш *Б. Савинков.*

Н-1791. Т. 24. Л. 126–127. Рукопись.

28

С. Рейли – В. Бурцеву

3.11.24 г.

Дорогой Владимир Львович!

Получил Ваше письмо от 18-го окт[ября]. Спасибо за присылку письма С[авиков]а. Возмутительно, но стоит ли отвечать ему? Ведь втянуть Вас в полемику – это как раз то, чего ему хочется. Зачем доставлять ему это удовлетворение? Пусть варится в собственном соку. Он добился того, чего так страстно желал: послужить «русскому народу», признав большевистскую сволочь, – ну и отлично! Чего же ему еще надо? Зачем он нас беспокоит? Хочется крикнуть ему: «П-шел вон!», да еще что-то прибавить.

Премного обяжете меня, если Вы копию письма С[авинков]а пошлете Орлову. Я как раз получил письмо от него; он все еще не вполне убежден и ждет чего-то. Сделайте это, пожалуйста. Орлов пишет, что Бартенев еще в отпуску, впрочем, прилагаю (исключительно для Вашего сведения) письмо Орлова.

Могу Вас порадовать. «Царский листок» от д-ра Ellsberga получил в полном порядке. Привезу с собою. Замечательный документ. Послал бы по почте.

Сидней Рейли.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 507. Л. 10. Рукопись.

29

Б. Савинков – Л. Савинкову

4 ноября 1924 г.

Милый мой Левочка,
если ходишь в русскую гимназию, то и ходи, хотя я бы предпочел французскую. Там зубрить надо больше, это правда, зато, отзубрив, будешь толком знать что-либо, а в русской, боюсь, что станешь лентяйничать. Но, брат, смотри, если действительно станешь лентяйничать, то извините-с. Никаких плаваний, стрельбы в цель, прочего не будет, а как раз наоборот. В Париже разбери марки и держи их в порядке. Марки, брат, хорошие, и я их для тебя долго собирал. Гектору кланяйся. Был молодец, и я его люблю. Будь здоров. Пиши, да не как курица, а как человек.

Крепко тебя целую. Будь здоров, милый мой.

Твой папа.

Н-1791. Т. 24. Л. 136. Рукописная копия.

30

В. Клементьев – Б. Савинкову

6.11.24 г.

Дорогой Борис Викторович!
Искренне благодарю Вас за то доверие, которое Вы оказали мне Вашим письмом. Должен сказать, что Ваш переход не был для меня неожиданностью – ведь я помню смысл той фразы Линкольна о служении народу, которая была Вашим лозунгом. Но все же вначале я этому не поверил, и вот почему: Вы никому о Ваших намерениях не сказали, даже не намекнули. Но очень скоро я имел данные, правда, словесные, что если бы Вы высказали хотя бы малейшие сомнения, то Вам бы в Россию не попасть.

Надо сказать, что Ваш мужественный поступок заставил шевелить мозгами и Ваших врагов, и Ваших друзей. Те, кто раньше играл в демократа, теперь постепенно яснее выявляет себя. Думаю, что недалеко уже то время, когда бранная в 1917 году фраза «кто не с нами, тот против нас» станет так же ценна широким кругам эмиграции, как теперь ценна мне.

Я на собственном опыте убедился, что никаких мостов между буржуазией с одной стороны и народом, будь то рабочий или крестьянин, или интеллигент, нет и быть не может. Еще отмечу, что во всех эмигрантских дебатах главным аргументом против Вашего призыва служит то, что Вы в тюрьме. «Если такому революционеру, как Савинков, не простили, то нам и подавно не простят». И начинаются рассказы о таких ужасах, которые им сорока на хвосте принесла, я же их в Бутырке не видел.

Да и кто они [такие], из хотя бы варшавской эмиграции действительно боролся, ведь все это – танцующие маменькины сынки. в большинстве политически неграмотные. Вспомните хотя бы, каким я был «слоном в посудной лавке», когда в 1920 году вернулся из России; помните, Ярославцев хотел арестовать меня «за большевистскую агитацию в эсеровском духе». Ну, да что об этом писать, ведь Вы же знаете меня и мое «боевое сердце».

О своем положении я должен сказать, что нахожусь теперь под стеклянным колпаком, а в отношении верхов ... в положении изоляции. Меня считают «савинковцем Савинкова». Да я этого особенно и не скрывал. А когда я тут 5 дней не приходил в контору, все решили, что я уже уехал в Россию.

А с возвращением в Россию вопрос у меня стоит плохо – совсем не верят. Возвращаться мне для того, чтобы быть поднадзорным, по-моему, не имеет смысла. Дело дошло до того, что в здешней миссии Головщикова предупредили быть со мной осторожнее, так как месяца 4 назад я вел активную работу. Хорошо бы я был савинковец, если бы сидел сложа руки. И хотя я «угрызался, как душа в чистилище», ведь Вы-то это знаете, а работу вел. Ведь Вы должны были приехать, и это я знал.

Вот я теперь и решил: не верят, ну и не надо, оружие складываю и остаюсь здесь, а там видно будет.

Во всяком случае, для меня ясно то, что как Французская революция сделала мир буржуазным, так Русская революция сделает мир народным – даст то братство народов, которое не дала Французская революция, равно как и даст равенство третьему классу. Жаль, что это сознание пришло не сразу, а путем борьбы и страданий.

Вот еще что! В одном из сентябрьских №№ «За свободу» было помещено «Из письма Бурцева» о Вас, там было много пропущено. Между прочим, и то, что Бурцев пишет о том, что к нему поступил ряд писем с предложением «Вам не помогать» и не писать о том,

что Вы советскую власть признали искренне, а наоборот. И, таким образом, Вам не поверят, и Вас убьют. Бурцев этим приемом был возмущен, но газета все это пропустила.

Ну вот, дорогой Борис Викторович, пока и все.

Крепко жму Вашу руку. Если можно сесть в тюрьму за Вас, готов в любую минуту.

Любящий, уважающий и преданный

Ваш по-прежнему В. Клементьев.

P.S. Простите, что коряво написал, плохое перо, и пишу без удобств.

Н-1791. Т. 24. Л. 141–145. Рукопись.

31

Я. Акимов¹ – Б. Савинкову

10 ноября 1924 года, Нью-Йорк.

Борису Викторовичу Савинкову,
Внутренняя тюрьма, Москва, СССР.

Дорогой товарищ, Борис Викторович!

Я от души рад, что Вы покончили счеты со всем старым прошлым и почетно сожгли весь старый хлам разбитых кораблей и иллюзий.

Все равно, рано или поздно, надо было отделить себя от всего того, что висело, как свинцовая туча, над многими из наших прошлых товарищей. Я говорю, понятно, о революционерах. Трудно себе представить, во что измельчали люди прошлого, и как подумаешь, так невольно восстает вопрос: стоит ли жить после всего? Сама жизнь становится сплошным мучением, ядом. Я даже допускаю мысль, что революционеров честных, искренних, из нашей прошлой среды, понимающих ход событий, больше не осталось, и особенно это сказывается за границей, где всякая революционность, всякие идейные побуждения связаны в сплошную личную борьбу, а подчас выливаются и в сплошное озорство. Вы, дорогой мой, все это поняли, пережили, а поняв, отряхнули с себя всю пыль, всю грязь. Правда, дорогой ценою Вы подошли к этому, но в этом все счастье, вся разгадка тому, чем мы жили долгие годы, а пожалуй, живем этими переживаниями и до сих пор.

Я нахожу, что несмотря на все наше прошлое после Октябрьской революции, после тех переживаний в Вас уцелела благородная душа старого друга, революционера. Это Вы честно и героически показали на деле.

Как бы враги наши по старому лагерю ни клеветали, все это – не что иное, как хватание утопающих за соломинку, а в душе своей и сами они осуждают себя и не верят в то, что творят.

Знайте, мой друг, что общественное мнение целиком на Вашей стороне, по крайней мере, это так сложилось за границей, а «мнения одиночек» для нас не представляют никакого значения, они угаснут так же быстро, как гаснут светляки в воздухе.

Спасибо Вам, дорогой, за Ваш честный поступок. Честь Вам и слава!

В Нью-Йорке ни одна лекция не привлекала столько слушателей, сколько их было, когда речь шла о Савинкове. Публика приезжала из провинции. Устраивались разного рода «суды», и публика выносила, как один, всякий раз оправдательный приговор, а иногда дело доходило и до того, что «прокурора» готовы были линчевать, и это не интеллигенция, а рабочие и крестьяне. Также интеллигенция из меньшевиков, большевиков и просто правых, и те при разборе Ваших литературных трудов признали за Вами не только человека сильной воли, но и незаурядного и талантливого писателя. Книжки Ваши расходились, как вкусные блины, и до сих пор спрос на них очень большой.

Вскоре после Вашего суда в прессе здесь появились крупные заметки, что Вас освободили с назначением, и народ обрадовался и легко вздохнул, а когда получилось Ваше письмо-призыв, в конце которого стояла подпись «внутренняя тюрьма», то народ огорчился, и настроение было тяжелое среди всех слоев, кроме «одиночек», старых противников. Это Берлин пошутил над нами.

Была заметка в одной белогвардейской газете, так наз. «Русск[ом] слове», что Вы письмом приглашаете В.Л. Бурцева вернуться в Россию. Это было бы неплохо, но я думаю, что советская тюрьма слишком хорошее убежище. Ведь сидеть за границей куда хуже, если применить к людям моральным, искренне болеющим за судьбу России. Для всякого порядочного человека сидение за границей (революционера, конечно) равносильно смерти, и не моментальной, а постепенной. Вы не подумайте, что я против В.Л. Бурцева имею «зуб», о нет, но я хочу только сказать, что у «Шерлока Холмса» не хватит для этого ни такта, ни совести, ни добропорядочности.

Итак, Вы в тюрьме. Хотелось бы и мне разделить участь с Вами. Прошлые царские дни обязывают по отношению к Вам.

Напишите пару слов о том, как живете. Все, что будет необходимым для Вас, я с удовольствием сделаю. Пишите и не откладывайте в долгий ящик.

О себе скажу только то, что я верил, что в Россию в 1918 году пришла настоящая революция из самых ее низов. В это я верил, да иначе оно и не могло быть. Сердце мое обливалось кровью против всех колчаков и ему присных. Жаль, что меня не было в передовых окопах, чтобы я мог бороться против этой царской гидры. Вот, как видите, дорогой мой, я был и против Вас в то время, а вот сейчас я просто люблю Вас за Ваш честный поступок, и как старому товарищу протягиваю и жму крепко руку.

Все это время налаживал, чтобы получить право на въезд в СССР, уж совсем сжился с мыслью, что вот-вот еду, а тут получаю извещение через Канаду, где черным по белому сказано, что НКВД не разрешает мне въезд в пределы СССР. Не знаю, почему, но чувство у меня осталось такое, что я попал в разряд прокаженных. Утешусь только фактом официального заявления со своей стороны, что я с русским народом, что я давно признал существующее положение в России.

И так идет день за днем, год за годом, а впереди все Россия, далекий СССР, и только мирный, ярко горящий серп и молот освещает к нему путь. Путь далекий и безусловно топкий, но лучше этот путь, чем вязать себя с тем, чего не было, не будет и не должно быть.

По получении от Вас ответа с обратной почтой, конечно, напишу Вам больше.

А пока жму крепко руки и с приветом
Я.С. Акимов.

P.S. Отдельным пакетом посылаю Вам мои статьи в связи с Вашим процессом. Пишите мне так: Mr. Y.S. Akimoff, c/o Russky Golos, 64 East 7th St. New-York, U.S. America.

Н-1791. Т. 24. Л. 151–152. Машинописная копия.

¹ *Акимов Я.С.*, эсер, убийца царского адмирала Чухнина. Жил в эмиграции в США. Несколько раз просил разрешения вернуться в Россию, но НКВД отказывал.

32

Я. Акимов – Б. Савинкову

14 ноября 1924 года, Нью-Йорк.

Борису Викторовичу Савинкову,
Внутренняя тюрьма, Москва, СССР.

Дорогой товарищ, Борис Викторович!
В моем письме от 10 ноября с.г. я писал, что получил отказ через Канаду на право визы в СССР. Между прочим, совсем забыл Вам написать, что после этого я обратился с кратким докладом на имя т. Чичерина, в котором указал и цели, почему я именно хотел бы получить визу на право въезда в СССР.

Из моих статей Вы, конечно, поймете меня больше, чем кто-либо другой. В самом деле, как можно сидеть за границей человеку, верящему в идеи торжества революции, когда Россия была окружена кольцом тех, против которых столько лет вели отчаянную борьбу. Мне даже жутко становится при одном только воспоминании. И не потому, что я не хотел. Нет. Просто не было средств,

а без этого, понятно, через океан не поплывешь. Объясняю я это еще и тем, что наши «прошлые» поплыли по ветхозаветному течению, и поддерживать этого я в своей душе не мог, а потому и остался один. Трудно мне, сидя здесь, говорить, почему, но из опыта прошлого я вынес, что если я в чем-либо заблуждаюсь, то и грех этот принимаю на себя сам один. Это по отношению к делам революционным при старых нелегальных способах. Другое дело, сейчас хочется быть между людьми в самой его гуще, работать, как и все, а сама жизнь становится приятной и морально и физически.

«Прошлые» меня обвиняют в том, что я так долго просидел, да и сейчас сижу за границей, и не понимают, почему это я, питаю симпатии к современному положению вещей, до сих пор не еду.

Что можно им сказать на это? Их точка зрения подчас наводит тоску и уныние, но я побеждал это чувство раньше и надеюсь победить его и на этот раз, какой бы цены это ни стоило!

Мне что-то не вериться и на этот раз, что я когда-либо увижу Вас, а так хотелось бы поговорить о всем хорошем, о том, что осталось святого в нас. Ведь годы идут, меняются и условия самой внутренней жизни. Запросы моральные, душевные настолько велики, что ответ на них можно только найти там, где живут все наши помыслы, от которых ни один русский человек отказываться не может. Кроме того, есть сильное желание заняться и общественной работой, безразлично на каком поприще, и уж, конечно, мирного характера. Опыта у меня – горы, и хотя здоровье здорово пошатнулось, но и это уж не так страшно; можно, так сказать, «починиться», а при моей энергии и все остальное можно будет вынести легко.

Посылаю Вам 11 номеров газеты «Р[усский] Г[олос]», в десяти номерах Вы найдете и мои статьи.

Весь этот материал я думаю «связать» в книжку и издать, и очень жаль, что это придется делать в Нью-Йорке, а не в СССР, где можно было добавить гораздо больше материала, которого здесь, к сожалению, не достать. Хотелось бы в этой книжке иметь от Вас передовицу в виде краткого воспоминания о Юге.

Дошло Вам и последующие номера. Воскресный номер помещает мою встречу с Азефом. Затем, пожалуй, будет открытое письмо местным эсерам и самым последним – письмо В.Л. Бурцеву. Последний, как Вам известно, нанес больше вреда, чем дела, и много из товарищей пострадало совершенно напрасно. Особенно он стал нападать на лидеров СССР, а это большая ошибка с его стороны, и всякий порядочный человек должен это действие осуждать, и осуждать самым беспощадным образом. Это моя точка зрения. Каков Ваш взгляд на это, я не знаю, но должен и Вам сказать, что все эти сторонники «демократии» – беспощадные, безжалостные враги, а раз так, то и долой всякое сентиментальничание, время этому прошло давно, надо бороться, и бороться до конца, какую бы ценою это ни обошлось.

Мне очень жаль, что Вы вот сидите за решеткой и связаны, так сказать, по рукам и ногам, и конца этому, как видно, не предвидится. Ну что же, в моих статьях Вы найдете ответ и на это. Мне все же кажется, что фронт должен быть единый, ибо враги внешние хотя и не сильны, но они живучи как кошки, и «царапание» их распространяется и на некоторых простаков, витающих в области неизвестного и носящих пену в своем рте. Особенно это наблюдается в берлинских «Днях». Вот тоже люди, – страшно при одной мысли о них. Несколько месяцев тому назад приехал сюда и редактор «Дней» Зензинов, он, так сказать, «освещал» американцев о положении в СССР, а что американцы знают о СССР вообще? – Ничего. И несмотря на это даже и сами американцы делали ему обструкции и из некоторых городов пришлось ретироваться. В русской же колонии он не имел успеха совершенно, и ни ему, ни другим не дали совершенно говорить. Народу было тысяч 8-10, и вся эта толпа прогнала их со сцены вон в то время. На этот раз З[ензин]ов говорил только между маленькой кучкой своих, да и там наполовину неверующих. Успеха не было совершенно. Вместо живых вопросов начали «точать» программу, которой, как выяснилось (это странно даже и для меня), не было раньше и нет сейчас. З[ензинов] почувствовал, что в такой среде можно и «позаняться», началось обсуждение Канта, да так проблематично, что у некоторых вызвало невольную улыбку, а у других – непонимание сути дела, а у третьих – и просто злобу. Послушали немногие речи Канта и решили, что на этой философии сейчас далеко не уедешь, и что ее легче разобрать в Берлине, и что Кант хорош после сытного обеда, и что революции из него не сделаешь. Поговорили об открытой дискуссии, но решили, что З[ензинов] для этого не годится, и что может еще больше разбередить зарубцевавшиеся раны. Собрав доллары, «предвестник бури» уехал – скатертью дорога, и в Берлине ее конец.

Между прочим, публика говорит о Вас очень много, и было бы большим счастьем для нее, если бы Вы могли сюда приехать и показаться. Я уверен, что в месте собрания грандиозного митинга обломились бы и все подпорки от тяжести. Наконец, вся Америка приветствовала бы Вас. Успех был бы грандиозный, сказочный. Я думаю, что от Вашей свободы и кругосветного тура СССР выиграл бы очень многое со всех точек зрения. О Вас знает весь свет, и любят Вас миллионы, и если бы Вам дали хотя бы временную свободу, то от нашей оппозиции не осталось бы и воспоминаний.

Вам, вероятно, известно, что в связи с 7-ой годовщиной Октябрьской революции многие из солдат – участников белогвардейских армий, проживающих в Канаде, получили амнистию. Это очень хорошо. Соединенных Штатов пока это не коснулось. Амнистии, понятно, многие ждут и здесь, особенно старые политические эмигранты.

Жду от Вас ответа в самом непродолжительном времени и крепко жму Вашу руку

Я.С. Акимов.

P.S. Настоящим письмом Вы можете пользоваться как документом, и если газеты не откажутся его поместить, то было бы желательным напечатать, и если не в целом, то выдержки, особенно те места, где я касаюсь Вас.

Я. Ак[имов].

Пишу Вам вчерне, т.к. времени очень мало, а потому извиняюсь за шероховатости. Адрес на газету «Русский Голос»: 64 East 7-th St. New York. U.S. America.

Дайте, пожалуйста, Ваш правильный адрес.

Н-1791. Т. 24. Л. 148–149. Машинописная копия.

33

Б. Савинков – В. Мягковой

24.10.24 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Милая моя Руся,
обо мне не беспокойся: я сижу очень хорошо. У меня есть все, что мне нужно и даже больше, чем нужно. Книг много, и газеты каждый день. Я на старости лет учусь. Учусь новой России. Только что закончил дело «селькора» (есть селькоры, рабкоры, военкоры – сельские, рабочие, армейские корреспонденты, – где это видано?...) Малиновского в Николаеве. Об этом деле эмиграция, наверное, ничего не слыхала. Оно интересно не тем, что убит селькор (это случается), и не тем, что он убит родным братом, и не тем даже, что в убийстве принимали участие члены РКП, а приговором. Коммунисты приговорены к расстрелу, т.е. советская власть не только не постаралась затушевать их виновность, но применила к ним высшую меру наказания. Вот это мужество признания своих ошибок, своих грехов и даже своих преступлений поражает в РКП. Ведь всюду, во всех государствах Европы, правительство постаралось бы выгородить своих агентов для ради «престижа власти». А в новой России этого нет... Эмиграция говорит и этому верит (и я говорил, потому что этому верил), что советская власть в «Правде» беззастенчиво врет и, в частности, заведомо ложно рисует положение в городе и деревне. Ну так вот. Прочти стенограммы заседаний ВЦИКа, но прочти внимательно и целиком, и ты убедишься, во-первых, в том, что Россия восстанавливается, хотя и медленно, и во-вторых, в том, что коммунисты не боятся критиковать сами себя. Сравни эти стенограммы со стенограммами заседаний француз-

ского парламента, например ... Во французском парламенте партийное подсиживание и партийная корысть, а здесь, в России, – искреннее и бескорыстное желание возможно разумнее и лучше устроить советское государство. С эмигрантской точки зрения это невероятно, но это именно так. Я не хочу сказать, что советская власть – рай. Нет, живется здесь трудно, в особенности «интеллигентам» и «бывшим людям» (они и ворчат, конечно), но не подлежит никакому сомнению, что самое тяжелое уже позади, и что чем дальше, тем будет легче. И это, прежде всего, благодаря РКП.

Прочел я и процесс эсеров Гоца, Тимофеева и К°. Не скрою, что все мои симпатии на стороне не ЦК, а «предателей», т.е. Дашевского и др. Господи, сколько было по поводу этого процесса вранья! На суде выяснилось, что эсеры устраивали покушения на Ленина, Троцкого и др. Но ЦК от покушений этих отказался: я не я, и лошадь не моя. Обычное лицемерие и обычное малодушие ЦК ПСР. Помню 1906 г., первую Думу и постановление Совета партий о прекращении террора. Террор на словах прекратили, а мне шепнули: «поезжайте в Севастополь, на Чухнина». Поехал, провалился. Из тюрьмы запросил, как быть. Ведь санкции не было, наоборот, было постановление о «прекращении». Ответ: «Чернов целует Вас в лоб...». Помню и царский процесс Никитенки, Прокофьевой и др. Провокация, провал. Никитенку вешают, а ЦК объявляет печатно: «ЦК никакого отношения к делу не имеет». Это к покушению-то на царя! Помню и многое другое, и не удивляюсь Гоцу, Тимофееву, Гендельману: они только следовали «традиции» Чернова: и капитал приобрести, и невинность соблюсти. На суде выяснилось еще и другое. ПСР в борьбе с коммунистами не брезговала никакими средствами: и деньги от иностранцев брала, и «сведениями» с ними делилась, и, в лице Шрейдера, Деникина поощряла, и с правыми заигрывала, и т.д. Хорошо. Я тоже стоял на точке зрения «хоть с чертом, но против большевиков». Но тогда за что же эсеры «презирали» меня (по выражению Лебедева)? Только за то, что делая то же самое, что и они, я не прятался за спины и брал ответственность на себя? Ведь разница единственно в этом. О, лицемеры!... А за границей они пускают пыль в глаза и говорят, что русский народ с ними. Русские рабочие и крестьяне не с эсерами, как и не с «савинковцами», а с большевиками, и только с ними. Русские рабочие и крестьяне будут драться и против них, и против нас, как грузинские рабочие и крестьяне дрались против меньшевиков. Нет, не зажжет эсеровская синица моря. Дураками-то оказались не большевики, а эсеры и мы. И с народом были большевики, а не эсеры и мы. Горько, конечно, сознаться в этом. Но по делам вора и мука, в том числе и мне.

Хожу по камере и думаю о Викторе и Соне. Сперва протесты «не может этого быть!»... Потом – «благородная поза». Соня дошла до того, что «опровергала» меня: Володя, мол, не отказы-

вался стрелять в рабочих; Надя, мол, расстреляна гораздо позже. Но я же и сказал на суде (хоть бы читала внимательно...), что «сестра расстреляна потом, а в самом начале революции ее муж, офицер, тот, который 9-го января» и т.д. 9-го января Соня не помнит, а Володиной биографией, видимо, не интересовалась никогда. А туда же, «опровергает»... Сначала «опровергла», а потом пишет: «подлый и глупый», «я из-за тебя место потеряла» (видишь-ли, из «благородства» ушла из «Свободы»..). Ну и Виктор... Ему бы думать о том, что его подчиненные натворили в России, да замаливать свои грехи, а он, следуя примеру Д[митрия] В[ладимировича], «пригвождает меня к позорному столбу». «Пригвождает» печатно, даже не уяснив себе, как на самом деле все было... Ума у них у обоих мало... Что я не сговаривался ни с кем в Париже, они бы могли догадаться сами, и что Д[митрий] В[ладимирович] не догадался, это для них оправданием служить не может. Значит, что же? Либо я искренно говорил на суде, либо я испугался смерти. Допустим, что испугался. Так, по-ихнему, это они, брат и сестра, будут меня судить? Судить во имя «белой идеи»? А что они сделали для нее? Виктор, тот хоть в войсках служил, а Соня?!... И жалко мне их и стыдно за них. А главное, как было не подумать о том, что я говорил на процессе, как, зная меня, было не понять, что к признанию советской власти я пришел не из страха расстрела, а долгим и тяжким путем, и что Павловский, Фомичев и др. явились только последней каплей? И если они не согласны со мной, то пусть так и скажут: он, мол, признал, а мы по-прежнему признавать не желаем. Но ведь они говорят другое: «предатель, подлец». А Соня еще добавляет великолепно: «милый Боря, я тебя очень люблю». Вот дураки.

Почему я поехал в Россию? Милая Руся, ты-то знаешь, что я почти не сомневался, что провалюсь. Но будь я снова в Париже, я бы опять поехал. Я не мог не поехать. От эмиграции меня тошнило; в ее борьбу я уже не верил давно; свою ответственность за организацию чувствовал (я не знал, да и знать никогда не мог, что ее не существовало вовсе); главное же, мне необходимо было увидеть все своими глазами: я жил последнее время со смутным, но тусклым сознанием своей, – нашей общей, – ошибки. Это сознание мне не давало покоя. Я не находил себе места. В 1920, в 1921 г.г. можно было еще говорить, что русский народ борется против большевиков, но в 1923 г.? Знаешь, придти в мои годы к мысли, что я, может быть, виноват перед русским народом, поистине тяжело. И я решил: все равно, жить так, с таким сомнением я не могу... А тут Андрей Павлович и Фомичев... Ну, а когда приехал в Россию, то стало все ясно, ясно уже потому, что никакой организации не оказалось, и я очутился у того же разбитого корыта, что и в Париже. Да, это был действительно «фарс». Не дай бог никому... Так я ехал в Россию. А с легкой руки Д[митрия] В[ладимировича] пошла легенда, что я «сговорился», эмигранты подхватили ее, а

сегодня я прочел в «Речи Посполитой» даже подробности этих «переговоров»...И выходит так, что тот «Иуда», «Азеф», «подлец», «злодей» и т.д., кто задумался над своей жизнью и спросил себя, был ли я прав? А если бы я, не задумываясь и пряча, как страус, голову под крыло, промолчал на процессе, то я был бы «мученик» и «герой», а Виктор с Соней удостоили бы меня похвалы. Знаю я цену и похвале, и травле, и порицанию, и клевете. Знаю и то, что те, кто сегодня ругают, завтра придут к тому же, к чему пришел я, ибо жизнь заставит придти.

Правда, – еще раз говорю тебе, – в том, что не большевики, а русский народ выбросил нас за границу, и что мы уже давно боролись не против большевиков, а против России. И единственное мое, наше общее оправдание в том, что была такая буря, и валился такой бурелом, что можно было легко заблудиться. Заблудиться легко, а вот выйти на большую дорогу трудно.

Хожу по камере и думаю и о тебе, и об А[лександре] Г[еннадьевиче], и о детях. Спасибо тебе еще раз, что не ошельмовала, а поддержала меня. Я уже писал, что думал перед судом только о тебе (и А[лександре] Г[еннадьевиче]), Д[митрии] В[ладимировиче] и С[иднее] Г[еоргиевиче], и только вашего суда боялся. Д[митрия] В[ладимировича] и С[иднея] Г[еоргиевича] я, по-видимому, потерял навсегда, хотя по-прежнему люблю их обоих и гнева против них у меня нет, в особенности против С[иднея] Г[еоргиевича]. Но, слава богу, ты не заподозрила меня ни в какой «глупости» или «подлости», и в самую трудную минуту моей жизни была со мной. Этого я никогда забыть не смогу и всегда буду твоим должником. Как я ни привык к ругани, но здесь, на Лубянке, после суда, когда я читал «За свободу», писания Д[митрия] В[ладимировича], Виктора и Сони, мне было, по правде говоря, тяжело. Тут я понял, что за рубежом, кроме Левочки, ты одна у меня есть на свете, и что только ты одна по-настоящему и любила меня. Другие же любили то, что я мог им дать, а когда увидели, что с меня взятки гладки, то и навалились на меня всем, с позволения сказать, «миром». Ничего. Убедятся когда-нибудь, что я был прав и, чего доброго, снова «полюбят». *C'est la vie.*

Прости за длинное письмо. У меня времени много, и потому я пишу тебе не письма, а целые послания. Я пишу тебе четвертое письмо, да послал тебе письмо к С[иднею] Г[еоргиевичу], да копию письма к Д[митрию] В[ладимировичу], да Л[юбови] Е[фимовне] писала тебе и через тебя Виктору. Получила ли? Напиши о своем и Левочкином материальном положении. Еще раз напоминаю адрес: Гражданину Малиновскому, 1-я Мещанская, 43, кв. 1. Москва. Больше ничего. Мне передадут.

Теперь о моих делах. Во-первых, прошу тебя, узнай у С[иднея] Г[еоргиевича], выйдет ли американское издание «Коня вороного», и если нет, то нельзя ли такое издание устроить иначе. Во-вторых, я получил письмо от некоего Дмитриева-Мамонова, который просит

разрешить перевести «Коня вороного» на английский язык. Я пишу ему, что ничего не имею против, но чтобы он списался с тобой. Поставь ему обычные условия и получи гонорар. Адрес: Herrn Dmitrieff-Mamonoff, 19 severin gasse Tur 16, Vien 9.

От Левочки я вчера получил письмо (второе), но от тебя до сих пор было всего одно от 19.09. Я получил также несколько писем из-за границы от людей, сочувствующих мне, в том числе из Варшавы. Получил два слова и от Ярославцева, и от Chabaux. Вот это верные друзья... Кстати, «Конь вороной» издан здесь Госиздатом и уже в продаже. За границей меня в литературу не пускали: твое, мол, дело – подполье, не суйся с неумытым рылом в калашный ряд, а здесь я впервые почувствовал, что я и писатель немножко. До свидания, милая моя сестра. Крепко тебя целую, поклон всегда дорогому А[лександр] Г[еннадьевичу], поцелуй от меня ребят. С письмом, как всегда, делай, что хочешь, но непременно покажи Виктору и Соне. Им писать не хочу, но хочу, чтобы они знали, что я думаю о них.

Твой брат *Б. Савинков*.

Н-1791. Т. 24. Л. 78–81. Рукопись.

Опубликовано в сокращенном и отредактированном виде:

Б. Савинков. Посмертные статьи и письма. М., 1926. С. 24–30.

34

Б. Савинков – В. Мягковой

21 ноября 1924 г.

Внутренняя тюрьма. Москва.

Милая моя Руся,

Твои письма для меня истинная радость, я их получил три, последнее от 2 ноября. Спасибо, что не забываешь. Глубоко ценю твое доброе и по-настоящему братское отношение. Привязанность узнается в трудные дни. Когда от меня могла быть «польза», то весьма многие были моими друзьями, но здесь выяснилось, что только два человека (не говорю об Л[юбови] Е[фимовне] и А[лександре] А[ркадьевиче]), конечно, действительно любят меня – ты и мой сын Витя. Вот того, что ты не оставила меня, когда для этого надо было много мужества и самоотвержения, ибо все меня рвали на части, я никогда не забуду. Спасибо и милой Лядиночке¹. Поцелуй ее очень крепко. Желаю ей хорошего жениха и много-много счастья в жизни. Поцелуй и Адика², которого очень люблю. Что до А[лександра] Г[еннадьевича], то я тронут до глубины души, что он отказался присоединиться к статье Д[митрия] В[ладимировича], тронут тем, что родной брат Виктор счел для себя это возможным. Ну пусть бы ругали меня. А то ведь выруга-

ли еще и Л[юбовь] Е[фимовну]. Я спрашиваю, во-первых, чем Л[юбовь] Е[фимовна] провинилась? Тем, что поехала со мной в Россию? И еще я спрашиваю, почему Виктор, который спокойно сидит в Праге, или Д[митрий] В[ладимирович], который также спокойно сидит в Варшаве, считают себя вправе бросать грязью в женщину, которая решилась на то, на что они не только не решились, но никогда и не решатся? Вот эти гнусные оскорбления Л[юбови] Е[фимовны] ни за что, ни про что, только за то, что она поделила мою участь, я понять не могу. Ну, я – «предатель», «изменник» и проч. А она?... Ведь она только следовала за мной и ничего больше. Нет, милая моя Руся, чего-то в жизни я не понимаю. Мне кажется, что если я в чем-либо искренне убежден, то я обязан защищать свое убеждение, не взирая ни на какие последствия для себя. А им кажется, что это «измена» и «подлость», и что лучше соврать, чем признаться в своей ошибке. Соврать, мол, красивее... Мне кажется также, что гнусно публично ругать женщину, в особенности сидя у себя в кресле и спокойно покуривая папироску, и уж окончательно мерзко, когда в вину ей можно поставить только одно – ее личную привязанность, хотя бы даже и к «изменнику» и «предателю». А вот они не постеснялись-таки... И не постеснялись по отношению к кому? К Л[юбови] Е[фимовне], которую еще вчера считали другом. Знаю, что Д[митрий] В[ладимирович] совершенно растерялся и, вероятно, и испугался. Ну а Виктор? Ведь он не мог же не знать, что А[лександр] Г[еннадьевич], например, не одобрил статьи Д[митрия] В[ладимировича]. Что же, и Виктор растерялся и испугался?... Ищу для Виктора оправдание и нахожу только одно: самоуверенное и безграничное легкомыслие. Ах, Кашон, Кашон!... (от фр. cochon – свинья. – *Ред.*) Гнева у меня на Виктора, да и на Д[митрия] В[ладимировича], нет. Есть недоумение и глубокое сознание, что я для них – не живой человек, а только визитная карточка. Они этой карточкой щеголяли, а когда я от них ее отобрал, стали меня поносить на чем свет стоит. *C'est tris humain*. За себя не сержусь, хотя и больно было, а за Л[юбовь] Е[фимовну] сержусь очень. Ну, да и это пройдет. Бог с ними.

Я писал тебе в прошлом письме о своем обращении к Бурцеву. Теперь отыскал черновик и прилагаю. Не знаю, решится ли Бурцев приехать (а вдруг «заманиваю»? А вдруг я – Рейс? А вдруг посадят во Внутреннюю тюрьму?), но знаю, что я бы на его месте приехал. Ведь вопрос не в том, «изменник» ли и «предатель» ли я, а в том, права ли эмиграция или нет? Ну, хорошо, пусть лично я, Борис Савинков, – отъявленный негодяй, «один из величайших злодеев истории», как с легкой руки Д[митрия] В[ладимировича] писала «Речь Посполита». Заклеймить меня так, значит ли решить эмигрантский вопрос? Ведь надо же, наконец, понять, что эмигрантам предстоит вечная эмиграция, если они не признают советской власти.

Надо это понять и перестать тешить себя надеждами на «нашествие двенадцати языков» на Россию или новую, третью, революцию, в которую я долго верил. Вот непременно поняв это, надо подходить к эмигрантскому вопросу. Да, я понимаю, бывают правительства, которых никогда и ни при каких обстоятельствах признать нельзя. Таким правительством было правительство царское. Почему? Потому ли, что царь сажал нас в тюрьмы? Конечно же нет. Ведь только потому, что русский народ с царским правительством боролся, т.е. его не признавал. А я не устану повторять, что русский народ против большевиков не борется и их признает по той простой причине, что рабочему и крестьянину, т.е. народу, живется теперь лучше, чем при царе и при Керенском. Хуже живется только нам, т.е. буржуазии и интеллигенции. Но ведь мы для народа, а не народ для нас...

Развал 1918 – 1920 г.г. прошел. Революция в стихийном смысле уже окончилась. Теперь настал период не разрушения, а строительства. А эмигранты все еще живут старым, и все больше и больше отрываются от России и от народа, и все больше и больше погрязают в своей суете, своих пустяках, своих несчастных иллюзиях. Ну, что же? Так и помрут на чужбине?... Я вот в тюрьме, а радуюсь, что в России. Радуюсь даже снегу и морозным узорам на окнах.

Я писал тебе, что вышлю 300 руб. для Левочки и Ксенички. Сегодня узнал, что за границу можно посылать только 200 руб. в два месяца. Поэтому сегодня же тебе на твой адрес через Гос[ударственный] банк посылает 200, а не 300 руб. Валентин Иванович Сперанский, который ведет здесь мои литературные дела. Напиши точно о денежном положении.

Крепко тебя, моя милая сестра, целую и обнимаю, детей тоже. Привет дорогому А[лександр] Г[еннадьевичу]

Твой брат Б. Савинков.

Н-1791. Т. 24. Л. 159–160. Рукописная копия.

¹ Лыдиночка – Лидия, дочь В. Мягковой.

² Адик – Геннадий, сын В. Мягковой.

35

Б. Савинков – В. Мягковой

29 ноября 1924 г.

Внутренняя тюрьма. Москва.

Милая моя Руся,
я был очень тронут твоей доброй заботой обо мне, но право же, ты с ума сошла, посылать деньги. Я знаю, что стоят для тебя эти три фунта, и тем более ценю твое внимание. Однако, я

решительно и бесповоротно рассержусь на тебя, если ты их не вычтешь из тех 200 руб., которые я послал для Левочки и Ксенички. Я теперь богат. Помимо того, что мне заплатили за «Коня вороного», я получу еще за «Коня бледного», «То, чего не было» и «Воспоминания» (1903–1907), которые у меня покупает Ленгиз (Лен[инградское] госуд[арственное] изд[ательство]). Если бы я был лишен прав, то, разумеется, ничего бы заработать не мог, но ведь я прав не лишен. Должен тебе сказать еще раз, что и до получения своих собственных денег я не нуждался решительно ни в чем, даже в теплой одежде. Напиши мне подробно и точно о денежном положении Левочки, Ксенички и своем. К сожалению, как я уже писал, за границу можно посылать только по 200 руб. в 2 месяца, т.е. по 1000 фр[анков] в месяц. Хватит ли этого пока?

Ты, по-видимому, имеешь неправильное представление о моем «сидении». Ты, вероятно, думаешь, что меня «мучают». Уверяю тебя, что мне сидеть хорошо: у меня есть книги, папиросы, свидания. Уже 2 раза из Петрограда приезжал Витя и раз приехала В[ера] Г[лебовна]. Танечка приехать не могла, ибо кормит сына Алешу. О Вите я уже писал, что касается В[еры] Г[лебовны], то наша беседа была исключительно денежная, настолько денежная, что меня это даже удивило. В[ера] Г[лебовна] очень постарела, стала совсем старушкой, похожей на свою покойную мать Александру Васильевну. Танечка написала мне одно письмо. Все они сочувствуют коммунистам. Живется им трудно.

Ты пишешь о Соне, о ее бедственной нужде. Я на нее за ее глупое письмо не сержусь и готов ей помочь, но как? У тебя есть несколько моих грошей. Распоряжайся по своему усмотрению. Затруднение, еще раз говорю, в том, что высылать больше 200 руб. нельзя. Кстати, за границей 200 руб. – большие деньги, а здесь – маленькие. Жизнь здесь дорогая, в особенности дорога одежда. Впрочем, В[ера] Г[лебовна] мне говорила, что на 80 руб. один человек может жить безбедно. В[ера] Г[лебовна] получает пенсию 75 руб. как дочь Глеба Ивановича. Витя работает. Танечкин муж студент и дает уроки. Почему Соня не напишет отцу Павла, чтобы он выслал на его содержание? Где этот отец Павла? Что он делает? Может быть его можно как-нибудь убедить ей помочь? Ведь, в конце концов, это черт знает что. Сколько уже лет он совершенно не заботится о сыне, думаю, что в этом виновата и Соня. Она делает из себя страдальцу, а защитить права Павла не может или не хочет. Ведь при всем желании ты не можешь уже содержать Павла. А я? Ведь у меня и М[ария] А[лександровна]¹, и Левочка, и Ксения с Ксеничкой, и Витя с Таней. Пусть бы и Соня подумала об этом и написала бы своему супругу.

Обо многом я, милая Руся, думал в тюрьме. Тюрьма имеет одно прекрасное качество. За решеткой ты так далеко от «тревог мирской суеты», что можешь спокойно и беспристрастно думать. Еще мальчиком я пошел в революцию. Почему же на старости

лет я оказался в рядах контрреволюционеров?... Я задавал себе этот вопрос сотни раз и нашел только один ответ: потому что я был оторван от масс, от народа. Ведь февральская революция «comme il faut» народу ничего не дала. Я это знал. Но понимал ли я это? Понимали ли мы это? Одно дело знать, что рабочий живет в нищете и 10 часов стоит у станка, а другое дело самому жить в нищете и работать, как негр. Одно дело знать, что крестьянин перебивается с хлеба на квас и что становой его порет, а другое дело самому ломать шапку и не знать, чем накормить детей. Все это до очевидности ясно, а вот поди же... А ведь сущность, последняя сущность октября и заключается в том, что голые и голодные восстали. Они имели право восстать, они должны были восстать, на их месте ты бы тоже восстала. А мы пошли против них.... Во имя России? Но ведь они-то и есть Россия. Во имя свободы? Но ни Деникин, ни даже Чернов свободы не несли, а если и несли, то только для нас, а не для них. И чтобы оправдать себя, мы бессознательно начали выдумывать разное: и «культура»-то на нашей стороне (это то есть Милюков и Кускова!), и национальную честь-то мы храним (это Драгомиров и Чернов-то хранят!...), и «красные – звери, а мы очень благородные люди» (это Климовичи, напр., очень благородные люди!...), и еще всякий вздор. А правда была в том, что мы или не поняли или испугались революции, испугались «воблы» и матроса с ручной гранатой и думали только о себе, а не о народе. Мне стыдно это писать. В мои годы не делают таких ошибок. Но лучше сознаться и ошибку исправить, чем продолжать бормотать ерунду и делать то, что вредит народу. А эсеров я уже совершенно не понимаю. Ведь они о своем социализме кричали и кричат на всех перекрестках, а вместе с тем борются против тех, которые именно и хотят воплотить в жизнь социалистическую программу. Что же это за [несусветное] вранье, вранье 2-го Интернационала? Нет, мол, переживаем такое суровое время, когда надо понять, что между двух стульев сидеть невозможно. Либо с народом, либо против него. С ним – до конца, и против него – до конца. То есть либо с фашистами, но никак не с беззубыми бормотальщиками – керенскими, макдональдами, кусковыми и т.д. А что лично нам может быть и плохо, об этом, пожалуй, можно забыть. Чего же мы стоим, если будем думать только о своем брюхе?... Я шел с фашистами, а теперь меня совесть мучает. Да, да, не смейся. Вот я почти старик, а мне стыдно думать о том, что я заблудился в трех соснах, и черт знает, куда забрел, когда была прямая и правильная дорога. На этой дороге много крови, жестокости и т.д. А на нашей? Не знаю, что со мной дальше будет, но знаю, что русский народ – мой народ, и что я пойду с ним, и еще знаю, что ну их к черту всех носителей «культуры», которые только и умеют, что «сладко есть и сладко спать, а на [остальное] наплевать».

От Левочки давно нет писем. Я писал на Mougrus, потому что М[ария] А[лександровна] забыла мне написать адрес. То, что ты о Левочке пишешь, смущает меня. Я знаю, что пока никакой опасности нет. Ну, а когда ему будет 16 лет? И почему его непременно было тащить в Париж? Жил бы на юге, на юге бы и учился, и окреп бы окончательно. Ведь в заработок Е[вгении] И[вановны]² я не верю. А если ему придется ездить каждый день из Медона в Париж и обратно, то он совсем скиснет. Да и старухе ведь лучше на юге.

От Ксении письма не получал. Поклонись ей, когда будешь писать. Прилагаю: 1) удостоверение для Левочки, 2) письмо к нему и 3) письмо к Лыдинке.

Будь здорова, моя милая сестра. Крепко тебя и ребят целую. Поклон дорогому А[лександру] Г[еннадьевичу] Что Виктор?

Твой всегда Б. Савинков.

Н-1791. Т. 24. Л. 181–186. Рукописная копия.

¹ Мария Александровна – мать Евгении Ивановны и бабушка Льва Савинкова, воспитывавшая его.

² Евгения Ивановна – вторая жена Б.В. Савинкова.

36

Я. Акимов – Б. Савинкову

14 декабря 1924 года, Нью-Йорк.

Борису Викторовичу Савинкову,
Внутренняя тюрьма, Москва, СССР.

Дорогой товарищ, Борис Викторович!
Послал Вам два заказных письма, одно от 11-го, другое от 14-го ноября с.г. Кроме того, отдельным пакетом (заказным) послал 11 номеров «Русского голоса» с моими статьями, в которых я выступил официально в сторону тех идеалов, которые Вы высказали в своем письме «Почему я признал советскую власть». Ваш поступок и идеи, проведенные в «Конь вороной», произвели большое влияние в сторону сдвига, и толкует народ всякий и до сих пор. Об этом я писал Вам в своих первых письмах. Если Вы получили посланные мною газеты, то увидите из них и мое отношение к поднятому вами вопросу.

Меня только одно беспокоит – Ваше молчание; и думаю, что Вы или больны, или общие условия не позволяют Вам писать так, как это мы «вольные» можем это делать.

Писал я Вам, что хотел издать весь тот газетный материал книжкой, а вот сейчас выяснилось, что издательство стоит больших

денег, по крайней мере 250 долларов на 2000 экземпляров. Редакция упустила из виду с самого начала наличие всего материала, и если бы она это предвидела, то и издание книжки стоило бы очень мало. Мне очень жаль, т.к. материал этот более или менее полный, конечно, в тех рамках, в которых мне это приходилось писать, находясь за границей, и после стольких лет давно минувших событий.

Сейчас предо мной стоит задача вот какого рода. 1) Добиться права на въезд в СССР с целью легализации. 2) Будучи на месте, собрать полный материал по моему прошлому делу, если это будет в рамках возможного, и издать его на месте при Вашем ближайшем участии, если Вы против этого ничего не будете иметь.

Что касается первого вопроса, то на это я уже получил отказ через Канаду, но еще не теряю надежды, т.к. обратился письменно в Наркоминдел, откуда еще не получил ответа.

Ввиду длительности переписки я нахожу, что время не терпит отлагательства с изданием моего материала, тем более это еще своевременное, поэтому необходимо войти в переговоры с Госиздатом или другим учреждением, которое согласилось бы пустить этот материал в дело. Надо действовать, ибо «бывшие» не спят, и отпор им необходим.

В № 3153 от 12 окт[ября] редакция перепутала порядок статьи, Вам я посвятил, так сказать, предсмертную ночь с теми переживаниями, которые у меня в это время были, остальное идет к самому факту. В дальнейших статьях – полемика в защиту Вашего и моего выступления. Времени у меня было очень мало, и писал вчерне, не имея материала, по памяти давно прошедшего, и много пробелов, но с этим приходится мириться, если принять обстановку и время, когда с этим пришлось столкнуться.

3-го декабря с.г. послал Вам заказным пачку газет и вырезок, в двух номерах вы найдете и мои статьи, т[ак] сказ[ать], конец всей полемики.

Не дожидаясь от Вас ответа, я посылаю весь материал в Государственное издательство в том порядке, в котором я его распределил здесь, по адресу: Москва, Воздвиженка, 10. В письме к редактору – издателю я прошу, чтобы они снеслись с Вами по поводу передовицы, которую, я надеюсь, Вы не откажете дать. Прошу их и о том, чтобы они дали Вам проредактировать, хотя [бы] по тому материалу (газеты), который я Вам за это время послал.

Жду от Вас вестей. Пишите, как Вы себя чувствуете, и что Вам необходимо послать?

Будьте бодры как всегда. Жму крепко руки.

Ваш Я.С. Акимов.

Адрес: Y.S. Akimov, c/o Russky Golos, 64 East 7-th St. New York. U.S. America.

В вырезках из газеты «НРС», т.н. «демократической», обратите внимание на статьи Зензинова, это перевод из «социалистической» газеты «Форвардц», издающейся на еврейском языке.

В газете «РГ» от 1 октября Вы найдете начало моего письма к эсерам, которого в первой посылке, кажется, не было.

Книжек Ваших не хватает на рынке, т.к. спрос на них очень большой. Колония всколыхнулась после долгой спячки и деятельно интересуется событиями как внутреннего, так и внешнего характера.

Сейчас я налаживаю несколько лекций для провинции, запросов много. Открыто я выступать, отчасти, сомневаюсь, т.к. здесь сейчас больше монархистов, которые преследуют свои цели. Ввиду моей предстоящей лекции я получаю и письма с заголовком «Милостивый государь» и проч., цель этих г.г. ясна. На одно из таких писем я пришел под псевдонимом прямо в квартиру без предупреждения; тип черносотенника, которому Акимов наступил на самое горло. Таких типов у нас сколько хотите, начиная от генерала Череп-Череповича и кончая «Иванами» из духовенства. Благо, что признание С[оединенными] Ш[татами] нашей страны длительно, а это дает возможность «кичиться» и разным людям, не научившимся еще и до сих пор никакой другой грамоте, кроме старой, давно ушедшей в вечность.

Н-1791. Т. 24. Л. 172. Машинописная копия.

37

Б. Савинков – В. Бурцеву

20.12.24 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Владимир Львович!

31.10 я написал Вам письмо. Я предлагал Вам приехать в Россию, чтобы на месте решить, кто из нас прав, Вы ли, в числе весьма многих, пригвоздивший меня к «позорному столбу» за признание советской власти, или я, признавший советскую власть? Я уведомлял Вас, что принимая мое предложение, Вы не рискуете арестом: Менжинский заверил меня, что Вы можете свободно приехать, свободно жить в Москве и свободно вернуться за границу при условии, конечно, что поездка Ваша будет поездкой только информационной. Мне казалось, что Вы не можете не посчитаться с моим предложением. Уже не говоря о том, что только в России можно узнать истину о Советах, добросовестный обвинитель не отказывает обвиняемому в средствах защиты. Вас я считал именно добросовестным обвинителем, – не прокурором, во что бы то ни стало, а человеком, ищущим правды и способным признаться в своей ошибке, в ней убедившись. Черновы, Лебедевы, Арцыбашевы, даже

Философовы к таким людям не принадлежат. Поэтому я и обращаюсь к Вам, к беспорочному революционеру Бурцеву. Ошибся ли я?

Боюсь, что да. Вы на письмо мое не ответили. Если это не случайность и не недоразумение, то какой вывод должен я сделать? Только один. Значит Вы, Бурцев, способны, как и все, необузданно обвинять, но в Вас нет ни мужества, ни желания уяснить себе, восстанавливается ли Россия и поддерживает ли русский народ советскую власть, как в Вас нет мужества и желания проверить политически неприемлемое для Вас утверждение человека, вся жизнь которого прошла на Ваших глазах и которого Вы не можете заподозрить ни в корысти, ни в малодушии, и тем менее в «заманивании» в Россию. Дело Ваше, Владимир Львович. Но я имею право сказать: даже и Бурцев оклеветал меня.

Борис Савинков.

P.S. 2.12.

Только сегодня я прочитал Ваш ответ от 11.11 на мое «Открытое письмо» к Вам. Меня больше всего удивило не Ваше утверждение, что в России и Грузии восстания (в России восстаний никаких нет, а что касается Грузии, то Вам не может не быть известно заявление грузинского паритетного комитета и, в частности, Джугели, о признании советской власти ввиду того, что население не поддержало восставших), и даже не Ваше сравнение Короткевича, Павлова и Павловского с Азефом (Короткевич и Павлов с большевиками никогда не работали, а Павловский до осени 1923 г. включительно действительно «убивал комиссаров» и т.д., а не «врал», и ему верил не только я, – верили и Вы). Меня больше всего удивило, что Вы так уверены, что я не мог искренно признать советскую власть. Хорошо, я под расстрелом, т.е. под давлением признал ее. Ну, а если бы я признал ее не под давлением, в Париже, напр., т.е. если бы я поступил так, как приписал мне Философов? Ведь такой поступок Вы в Вашем ответе называете «мелкой гадостью», а Философов называет «предательством». Итак, под давлением – «ренегат» и «большевицкий раб», без давления – «мерзавец» и «предатель»; иными словами, по-Вашему, никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя признать советской власти. Владимир Львович, будущее покажет, что Вы ошибаетесь, и Вам придется жалеть о своем заблуждении. Вы ничего не понимаете из того, что происходит в России, как долго не понимал и я. Кстати, да, я сижу во Внутренней тюрьме, т.е. на Лубянке. И еще кстати, нет, я не сговаривался, а после процесса просил разрешения вернуться моим товарищам в Россию, если они того пожелают (желающие есть). Это мне и было обещано.

Б.С[авинков]

Н-1791. Т. 24. Л. 174–175. Рукопись.

Б. Савинков – Д. Философову

20.12.24 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Дмитрий Владимирович!

Вы напечатали мое первое письмо к Вам. Но Вы не решились напечатать ни второе, ни третье. Я не сомневаюсь, что Вы не решитесь напечатать и это.

В Вашей статье «Предатели» Вы оклеветали меня. Вы оклеветали также А.А. и Л.Е. Дикгоф-Деренталей, «вина» которых состоит единственно в том, что они последовали за мной в Россию. Вы остались в Варшаве, и Ваша статья дала тон всей последующей необузданной травле. Меня травили прежде всего за то, что я «сговорился с большевиками». Ведь это со знанием дела утверждали Вы – мой друг и товарищ!... Я долго ждал, что Вы поймете Вашу «ошибку». Этого не случилось. Наоборот, мне известно из письма Веры Викторовны, что Вы настаивали, чтобы мой брат Виктор и А.Г. Мягков подписались под вашей статьей, и что Вы отказываетесь читать мои письма. Почему? Потому, что, прочитав их, Вы лишитесь того последнего оправдания, которое находите еще для себя. Пока Вы можете повторять: «не знаю». Ознакомившись с фактами, Вы были бы вынуждены сказать: – я оклеветал своих вчерашних друзей, я обязан вслух заявить об этом. Но признаться вслух в своем, хотя бы невольном, грехе Вам не дано. Для этого нужно мужество, а у Вас его нет.

Сказать, что не было сговора с большевиками, значит сказать, что я либо испугался смерти, либо искренно признал советскую власть. В первом случае стыдно Вам, никогда не рисковавшему жизнью, клеймить меня, прошлое которого Вам известно. Во втором – еще хуже. Во втором случае Вам предстоит задуматься над очень страшным вопросом, а что, если прав оклеветанный Вами человек?... Но в Вас нет той потребности в правде, которая сильнее житейских расчетов и политических комбинаций. Вы предпочитаете обманывать себя и других.

Я Вас любил и уважал. Во мне нет больше любви, как нет, разумеется, и уважения. Когда-нибудь наши дороги встретятся снова, и тогда мы сочтемся. На прощание позвольте Вам дать совет. Пока было имя, пока была легенда, пока была организация (пусть только в воображении чекистов), словом, пока был некий политический вес, было возможно, хотя и не без унижений, договариваться с иностранцами. У Вас нет ни имени, ни легенды, ни организации, ничего, кроме газеты. Ну, так сделайте газету провинциальным листком и прекратите «политику». Станьте «скромным эмигрантом». Иначе Вы превратитесь в наемного слугу иностранцев.

Б. Савинков

Н-1791. Т. 24. Л. 171. Рукопись.

Б. Савинков – Л. Савинкову

20.12.24 г.

Милый мой аука – сынок Левочка, поздравляю тебя с наступающим Новым Годом и желаю: 1) десятки по всем наукам, 2) десятку по поведению, 3) много пуля, 4) много марок, 5) много удачной охоты на тигров, львов и прочих млекопитающих и птиц, 6) много курей, утей, свиней и прочего и 7) чего ты сам себе желаешь. Жалко, что я не могу провести с тобой праздники, а то бы мы, брат, с тобой пошли в синематограф, а потом пить шоколад. Да-с. Поздравь от меня и бабушку, да пиши отцу, кавалер. Будь здоров. Крепко тебя целую.

Твой отец *Б. Савинков*.

P.S. Спасибо, что не был штанами и написал умное, длинное и обстоятельное письмо.

Н-1791. Т. 24. Л. 169. Рукопись.

Б. Савинков – В. Мягковой

20.12.24 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Милая моя Руся,

это письмо ты получишь, вероятно, уже в 1925 г. Поэтому поздравляю тебя, А[лександра] Г[еннадьевича], Льдинку и Адьку с Новым годом и желаю вам всем всего самого наилучшего: тебе и А[лександру] Г[еннадьевичу] вернуться скорее в Россию, Льдинке хорошего жениха, а Адьку поменьше зубристики и побольше здоровья. Ребятам Новый год радость, а мы, старики, стареем, – не успеешь оглянуться, как совсем уже пойдешь к черту... Ты пишешь, что вспоминаешь маму. Я тоже ее помню всегда. Ровно 2 года назад под Новый год она писала нам перед смертью письмо. Сохрани его. Пусть не только мы знаем мать, но и внуки знают бабушку и любят ее.

Три недели я не имел от тебя ни строчки и соскучился. По твоему письму от 6.12. вижу, что ты, вероятно, получила не все мои письма (пишу я тебе три и четыре раза в месяц). По крайней мере, ты не отвечаешь на мои вопросы. Повторяю их на всякий случай: 1) Сколько именно денег у Левочки и Ксенички до марта и хватит ли им до мая с теми деньгами, которые я послал тебе через Госбанк (из них непременно вычти свои 3 фунта, а то я рассержусь)? 2) Получила ли ты доверенность на получение гонорара за заграничное издание «Коня вороного», а также свидетельство для Левочки? Я выслал то и другое еще в ноябре. 3) Можно

ли через Дмитриева-Мамонова устроить американское и английское издание «Коня вороного»? 4) Что Виктор и А[лександра] Ю[рьевича]¹? Не бойся меня «огорчить». Разве это теперь вообще возможно после всей той ругани, которой я наглотался? 5) Каково твое денежное положение?

На все эти вопросы ответить немедленно и непременно.

Кроме этого, у меня к тебе множество просьб. К этому письму прилагаю: 1) письмо Л[юбови] Е[фимовны], 2) письмо к Левочке, 3) письмо к Философову, 4) письмо к Бурцеву, 35 письмо к Chabaux, 6) французскую рукопись Л[юбови] Е[фимовны] «L'arrestation de Boris Savinkoff» и мое к ней тоже французское предисловие. Письма пошли по назначению заказными. Адрес Бурцева: Mr. Bourtzeff, Redaction du journal «La Victoire», B^d Bonne Nouvelle, Paris. Впрочем, бульвар я, может быть, путаю, но все равно заказным дойдет. Адрес Chabaux: Mr. Chabaux, 9 rue Rronchet, Paris 9. С рукописью сделай так: подлинник (с моим предисловием) пошли Шабо с письмом от себя, где ты просишь в случае невозможности напечатать рукопись вернуть тебе, копию (сними ее) попробуй напечатать по-чешски и через Дмитриева-Мамонова по-немецки и по-английски. Гонорар, будет, – родителям Л[юбови] Е[фимовны]. Русский перевод пришлю тебе впоследствии. О получении этого письма со всеми приложениями меня извести. Черновики писем к Бурцеву и к Философову сохрани. Если Бурцев не ответит (напиши ему, что он может ответить мне через тебя), то постарайся мое письмо к нему напечатать, хотя бы в L'Humanite. Для этого обратись в L'Humanite к Ch. Rappoport, который когда-то меня хорошо знал. Разумеется, и рукопись, и письма к Бурцеву и к Философову покажи, кому хочешь, и непременно Виктору. Все, что я пишу Философову, относится и к нему. Гнева у меня на них обоих нет и, разумеется, я не перестал их любить. Но пишу я резко, ибо есть же в самом деле мера. Они не соблюдают ее по отношению ко мне. Почему же мне соблюдать ее по отношению к ним? Тем более, что печатно я их не ругал и не собираюсь ругать. Пусть знают, что не все сходит с рук, и что у меня тоже есть зубы.

«Ленгиз» купил у меня некоторые мои сочинения, в том числе и рассказышко, который я от нечего делать написал здесь. Для «Ленгиза» я пересмотрел свои «Воспоминания» (1903 – 1909 г.г.). Как я в этих воспоминаниях шадил ЦК ПСР – всех этих Черновых!... Ведь история моих отношений с ПСР вкратце такова: пока я лез головой в виселицу, я был нужен, когда перестал лезть за упразднением таковой, мне сказали «позвольте Вам выйти вон». Предлог – дело Корнилова. Но ведь это только предлог: эсеры прекрасно знали, что ни в заговоре, ни в «полузаговоре» я с Корниловым не был. Началось с разногласий с ЦК о терроре: ЦК то отменял, то возобновлял террор – семь пятниц на неделе, и ответственность не всегда решался брать на себя (напр[имер], дело

Татарова, дело Гапона и, в особенности, царский процесс Никитенки, Синявского и др.). Продолжилось «Конем бледным» – «соблазнительной» книгой. Кончилось «Тем, чего не было» – «карикатурой» и «пасквилем» (теперь-то ведь даже слепому видно, что я в «То, чего не было» не сгустил, а смягчил краски). После «То, чего не было» я уже был отверженный и оглашенный. Когда я приехал в 1917 г. в Россию, меня бойкотировали и на фронт послали единственно для того, чтобы я не мозолил глаза. Сколько горечи я принял тогда... В эсерах (не в большевиках, конечно) я разочаровался очень давно и, может быть, поэтому и стал толкаться всюду, ища людей. Ну, и нашел: Милюкова, Маклакова, кн. Львова и прочих, которые еще дряблее, еще малодушнее, еще лживее Черновых и Керенских. А кроме Милюкова и Маклакова – Балаховичей. Балаховичи разбойники, но они, по-моему, в известном смысле все-таки лучше вышепоименованных милостивых государей: Балаховичи хоть собой рискуют и хорошие солдаты. А эти?... А коммунистов я не знал, не хотел знать. Черт его знает, может быть, во мне действительно говорило то, что они называют «классовым инстинктом», т.е. происхождение, воспитание и проч. И вышло так, что я, революционер до мозга костей, пошел против революции. Ах, Руся, милая, хожу по камере и непрестанно думаю об этом, и очень мне больно. А мои «соратники»?... Чего же, в самом деле, стоит Филосовов, если у него нет даже мужества сознаться в своей ошибке? А все эти несчастные Брандты из «таверны поэтов»? А «бандиты»? Нет, не замолить мне своих грехов, а тебе, прожившей жизнь в стороне от революции, не понять меня, – не понять, что я никогда не забываю не только о маме, но и о Сазонове и Каляеве. Крепко тебя обнимаю.

Твой брат *Б. Савинков*.

P.S. За копии с рукописи Л[юбови] Е[фимовны] вычти из моих денег.

Б.С[авинков]

Н-1791. Т. 24. Л. 166–167. Рукопись.

¹ Александра Юрьевна – жена Виктора Савинкова.

41

Б. Савинков – И. Сосновскому

23.12.24 г.

Уважаемый Игнатий Игнатьевич,
посылаю Вам: 1) письмо к Ионову и «Коня бледного» для него же, 2) письмо к сестре со вложением: а) письма к Бурцеву, в) письма к Филосовову, с) письма к г. Шабо, d) письма к моему

сыну, е) письма Л[юбови] Е[ефимовны] к моей сестре, г) рукописи Л[юбови] Е[ефимовны] с моим предисловием, 3) письмо к Ярославцеву, 4) письмо Л[юбови] Е[ефимовны] к ее родителям.

Прилагаю также письмо Л[юбови] Е[ефимовны] к Александру Аркадьевичу, которое прошу не отказать передать по назначению.

С приветом *Б. Савинков*

Н-1791. Т. 24. Л. 161. Рукопись.

42

Записка Б.В. Савинкова

С.В. Пузицкому с перечислением необходимых ему и супругам Дикгоф-Деренталь услуг в тюрьме

Гражданин Пузицкий,
очень Вас прошу не отказать переслать прилагаемые письма.

Благодарю за сочинения Ленина и очень прошу прислать других книг и шахматы, а также, если возможно, остальные мои вещи.

Деренталь очень просит:

1. бриться,
2. баню,
3. ножницы на 5 минут,
4. белья,
5. книг (беллетристику).

Искренне благодарный *Б. Савинков.*

1. Прогулка.
2. Баня (если возможно, 1 раз в неделю).
3. Бритье и стрижка (если возможно, бритье 3 раза в неделю).
4. Белье и одежда (если возможно, просто вернуть вещи).
5. Стирка?
6. 2 обеда, 1 бут. мол. (вместо 2), 1 белый хлеб (вместо 2),
булок, немного колбасы или ветчины или сыра, ежедневно.
7. Папиросы, спички.
8. Шахматы.
9. Книги (Конституция, революция, вообще, советская литература, беллетристика; не очень популярная книга по астрономии и геологии). Журналы (Былое, Новая деревня, еженедельники). Газеты (всякие). Шахматный учебник.
10. 2 прибора (2 ножа, две вилки, две маленькие ложки).
11. Соль, перец, горчица.
12. Зеркальце.
13. Карандаш, бумага, перья, чернила.
14. Тушить электричество ночью.

15. Разрешить свидание не только мне, но отдельно Л[юбови] Е[фимовне] с Ал[ександром] Арк[адьевичем] без свидетелей.

16. Сахар, чай.

17. Часы.

18. Снять занавеску.

19. Пиво.

Осень 1924 г.

Н-1791. Т. 17. Л. 39–40. Рукопись.

43

Письмо Б.В. Савинкова Р.А. Пиляру

Гражданин Пиляр,
я просил гражданина Гендина передать Вам мои стенограммы. Их я исправил только грамматически, за исключением двух неясных мест, которые я бы просил выкинуть совсем. Я их отметил.

Очень благодарю Вас за 2 тома сочинений Ленина и позволю себе просить Вас:

1. Разрешить Л[юбови] Е[фимовне] в ближайшие дни свидание с А[лександром] А[ркадьевичем] наедине.

2. Разрешить после этого свидания наше свидание втроем (если угодно, при свидетелях).

3. Прислать книг А[лександру] А[ркадьевичу] и нам. А[лександру] А[ркадьевичу] по беллетристике, нам – по беллетристике, по геологии и астрономии, а также советскую Конституцию.

Очень извиняюсь за беспокойство и заранее благодарю.

Б. Савинков.

P.S. Я пишу статью; А[лександр] А[ркадьевич] сказал мне, что в конце своих показаний сделает заявление о признании советской власти.

Б.С[авинков]

Начало 1925 г.

Н-1791. Т. 17. Л. 41. Рукопись.

44

Б. Савинков – В. Мягковой

4.1.25 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Милая моя Руся,
спасибо за письмо и за карточки. Адька очень хорош, но мама больше похожа на маленькой фотографии. Жаль, что ты не присла-

ла карточки Льдинки. Когда я ее увижу?.. А когда увижу, то она уже будет другой. Спасибо молодцу Адьке за письмо. Оно очень обстоятельное и деловое, без лишних слов. Марок, к сожалению, у меня нет; и рад бы в рай, да грехи не пускают.

Милая моя Руся, что-то в деньгах я сбился. Ты как-то писала, что до марта Левочка и Ксеничка обеспечены. Мне важно знать, протянут ли они до мая с теми деньгами, что я прислал и с мелочами за переводы «Коня вороного»? Выходит, что как-будто бы нет, если ты послала в сентябре и в октябре за январь и февраль. До января у них деньги были, но я не сомневаюсь, что то, что ты прислала, они не сберегли, а расточили. Да и какой именно заработок у Е[вгении] И[вановны]? И платят ли ей жильцы (любит она даровых жильцов!)? Ответь мне точно, по твоим соображениям, хватит ли им до мая? Ответь также точно, каково твое денежное положение теперь? Если плохое, прошу тебя, не стесняйся и возьми у меня. Не то рассержусь. Деньги для Сони мои – возврат долга. Разумеется, перешли их ей для Павла единовременно или в разные сроки по твоему усмотрению. Делаю это не для нее, а для покойной мамы. У меня вчера был Витя, и я узнал от него, что Соня ни разу не была ни у него, ни у Танечки, не была даже, когда уезжала. Выходит так, что я 5 лет, сначала вместе с мамой, а потом вместе с тобой, заботился о ее сыне, а она не нашла нужным даже взглянуть на моих детей, хотя бы для того, чтобы рассказать мне о них, зная, что я не видел их с 1917 г. Я нахожу, что это «se foutre des geni». А в письмах объяснялась в любви... Ее нежные чувства – одна бормотня, как бормотня и «чувства» Виктора. Для них обоих я брат постольку, поскольку им от меня «маленькая польза». Виктор очень хорош. С грязью смешал, вслед за Д[митрием] В[ладимировичем], Л[юбовь] Е[фимовн]у, а говорит, что ему отвечать нечего, ибо Л[юбовь] Е[фимовна] его «ругает»! Что же, ей надо было его благодарить? С[идне]ю Г[еоргиевич]у я нахожу оправдание: он России и русских понять не может. Д[митри]ю В[ладимирович]у тоже нахожу оправдание: он в тисках и потерял голову. Да и оба они мне не братья. А Виктору ищу оправдание и не нахожу. Просто болван. Вот, век живи, век учись. Я-то ведь думал, что они все трое и привязаны ко мне, и неспособны на клевету. А оказалось!... Глупее всего то, что я их всех все-таки люблю, и в глубине души гнева у меня нет. Может быть это оттого, что я совершенно уверен, что прав, и что рано или поздно им придется признать свою «ошибку». Милая Руся, не нужно быть «гениальным», не нужно «пронзительно», что «борьба окончена». До очевидности ясно, что эмигранты «машут после драки кулаками», и если рассчитывают на

Чемберленов, то по глупости. Во-первых, Чемберлены русским (белым или красным, все равно) никогда не помогут, ибо в России видят врага, а во-вторых, Чемберлены эти защищают свой карман и ничего больше. На остальное им наплевать. Знаю это по опыту. Бурцев смешон, когда пишет «в России происходят восстания». Никаких восстаний нет и не будет, и это по той простой причине, что Россия, хотя и медленно, но восстанавливается, и что огромному большинству русского народа, т.е. рабочим и крестьянам, живется при коммунистах лучше, чем при царе и при Керенском. А кроме того, каждый в России мог сравнить красных с белыми – с Деникиным, Юденичем, Врангелем. Урок был жестокий, но показательный. Если быть честными, то надо сказать: не горсть коммунистов, а русский народ создает с великим трудом свое новое государство; коммунисты только уловили желание народа и, руководя им, следуют его воле; борьба окончена; каждый русский должен помочь восстановлению России. Нет, причем тут «гениальность»? Это позволительно было не понимать в 1918 г., в 1920 г., даже, пожалуй, в 1922 г., но не теперь. А ведь были люди, которые поняли это в 1918 г. Я-то не был в их числе... Как аукнется, так и откликнется.

Витя являлся на призыв. Его забраковали из-за болезни сердца (здесь все больные, – пока мы, эмигранты, в Лондонах и Парижах потрясали стены, здесь люди питались воблой и валялись в тифу и дизентерии: у Вити, напр., было два тифа и две дизентерии). Он все еще без работы. Я уже писал тебе, что он был и чертежником, и машинистом, и чернорабочим, – не гнушался никаким трудом, защищал Петроград от Юденича. Он высокого роста, но очень худой и без кровинки в лице. Я в нем чувствую сына. Танечка целиком в семье, в муже и в сыне. Муж ее кончает Политехникум в этом году. Живет она бедно. Что и говорить, и ей, и Вите пришлось куда тяжелее, чем, напр., Виктору, уже не говоря о Е[вгении] И[вановне]. Послал им еще немного денег.

Витя – новое поколение. В нем еще много старого, «интеллигентного», но и много нового – «комсомольского», хотя официально он и не в комсомоле. Нечего и говорить, что все симпатии его на стороне Советов. Юность у него была очень тяжелая, да и рос он без отца, т.е. без мужского влияния. Но мне кажется, что из него выйдет крепкий человек, а не лодырь и бормотальщик. Он довольно близок с Глебом, сыном Нади. Глеб женился на одной из дочерей тети Оли и живет хорошо благодаря тестю. Учится он тоже в Политехникуме. Маленькая Танечка на его попечении. Теперь ей 12 лет.

Еще раз спасибо, что не забываешь меня. В декабре послал тебе рукопись Л[юбови] Е[фимовны] и письма к Бурцеву, Д[мит-

ри]ю В[ладимирович]у и Шабо. Получила ли? Я становлюсь книжной крысой. Страшно сказать: я ведь в первый раз читаю Ленина. А Д[митрий] В[ладимирович] его читал? А Виктор его читал? Я-то хоть Маркса знал, а они?... Вот так и судим, не зная... Будь здорова. Крепко тебя, моя милая сестра, целую. Ребят тоже. Дорогому А[лександр]у Г[еннадьевичу] привет.

Всегда твой брат *Б. Савинков*.

P.S. Возьми у Сони и пришли мне непременно адрес отца Павла. Может быть, можно его заставить посылать деньги сыну. Пора, чтобы и он позаботился, не только мы.

Б.С[авинков]

Н-1791. Т. 24. Л. 204—205. Рукопись.

45

Б. Савинков – И. Сосновскому

6.01.25 г.

Уважаемый Игнатий Игнатьевич,
я был бы Вам очень обязан, если бы Вы не отказали мне сообщить, посланы ли по назначению письма и пакеты, переданные мною Вам 28.12, и если бы Вы взяли к отправлению написанные в последние дни мною и Л[юбовью] Е[фимовной] письма, в том числе одно деловое к гр. Ионову.

С искренним уважением *Б. Савинков*

P.S. Прилагаемую записку Л[юбови] Е[фимовны] прошу Вас передать А[лександр]у А[ркадьевичу] [Дикгоф-Дерента-лю].

Б.С[авинков]

Н-1791. Т. 24. Л. 201. Рукопись.

46

Б. Савинков – В. Мягковой

9.1.25 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Милая моя Руся,
тюрьма хороша тем, что дает возможность думать. Не только есть много времени, но и нет «житейской суеты», той ежедневной сутолки, которая из-за деревьев мешает видеть лес. За это

достоинство тюрьме можно простить многие недостатки. Читаю и думаю, что, собственно, произошло с нами, интеллигентами, в последние годы? Все мы, революционеры и «сочувствующие», эсеры, эсдеки, даже кадеты, при царе мечтали об освобождении народа, о России, построенной на свободном волеизъявлении народных масс, т.е. крестьян и рабочих. За эту нашу мечту мы шли на виселицу и в каторгу, и этому нас учили все наши «учителя», до стариков из «Русского богатства» включительно. Многие из нас отдали этой мечте всю свою жизнь. Хорошо. Настал час. Пришла долгожданная революция. Что мы сделали? Все, кроме большевиков, испугались ее. Все, кроме большевиков, бросились в кусты. А наиболее решительные из нас даже начали воевать, кто пером, а кто и мечом.

Как могло это случиться? Если в 1918 г. у нас было некое оправдание – Брест-Литовский мир и наше провидение (провидение-то на поверку оказалось довольно глупым) о реставрации при помощи немцев (после большевиков придет Вильгельм 2-ой!!...), то теперь этого оправдания нет. Если в 1919 – 1921 г.г. у нас опять было некое оправдание – большевики, мол, не восстанавливают, а разоряют Россию, то теперь ясно, что мы ошибались: стихийное разорение, вызванное, прежде всего, гражданской войной, принимали за программы РКП и в творческие силы большевиков не верили. Принимали – черт его знает, почему, и не верили, так, здорово живешь. Об Учредительном собрании я не говорю. Его не было. Была «Учредилка».

Я понимаю, когда какой-нибудь великий князек борется против большевиков (имение, 200 тыс. дохода и проч.). Я понимаю, когда какой-нибудь московский купец поддерживает его (опять имение и 200 тыс. дохода). Но я в тысячный раз задаю себе вопрос, почему борется интеллигенция, почему боролся я? В сущности, спор между нами и большевиками сводится к следующему. Мы говорим: «Вы не добьетесь освобождения трудящихся масс, а разорите вконец Россию; а вот мы добились бы и России бы не разорили». Они отвечают: «Вы были у власти и умели только бормотать; русский народ с нашей помощью уже добился освобождения, и Россия не разоряется, а восстанавливается; пошли вон, дураки!...». Согласись, что большевики правы. Согласись, что нам для того, чтобы удерживать свои позиции, остается только врать. Мы и врем, сознательно или бессознательно, но всегда неистово. Ведь вот Бурцев же врет о восстаниях в России, и сам верит своему вранью.

А между тем Бурцев искренен. Искренен и несчастный Керенский и какой-нибудь Дан. Был искренен и я.

В чем же дело? Стоит нам задуматься, и мы видим, что ошибались, и ошибкой тяжело согрешили и перед Россией, и перед русским народом, и перед собственной своею мечтой. Но мы не задумываемся. Не смеем, не можем задуматься. Почему? Большевики правы: потому, что наше происхождение, наше воспитание, наши обывательские интересы не позволяют нам принять народную революцию. Мы мечтали о ней на словах. На деле мы стремились лишь к такой революции, от которой выиграли бы мы, интеллигенты, а не рабочие и крестьяне. Не даром в ПСР было так много богатых людей, не говоря уже о кадетях.

Ты скажешь: свобода. Я тоже говорил это слово. Но надо спросить себя, понимаем ли мы свободу так, как понимают ее рабочие и крестьяне? Для нас свобода – это «Matin» по утрам, 10 лет тюрьмы за воровство и участок для коммунистических манифестантов. А для рабочего и крестьянина свобода – это отсутствие нас, бар, господ, людей, которые всегда ездили на чужих спинах. Вот тут-то и неразрешимое противоречие. Вот тут-то и надо сделать выбор, чего я искренно и до конца хочу: сладко есть и сладко спать, и чтобы городской охранял мой сон и мой обед, или, может быть, не есть и не спать, но знать, что родной народ живет не по-холоушки, а по-человечески? Второе выбрать трудно. Опять происхождение, воспитание и пр. Да и требовать геройства нельзя. Но если геройства требовать нельзя, то по крайней мере, можно требовать честности. Ну, с народом, скажем Керенский идти не может. Пусть же, по крайней мере, не идет против него.

Трудно, милая Руся, все это писать. Я боролся против большевиков упорно и долго. Не мне, казалось бы, осуждать борьбу. Но что же мне делать? У меня раскрылись глаза, окончательно раскрылись здесь, в тюрьме. Как ни стыдно на старости лет, а все-таки лучше, поняв свое заблуждение, признаться в нем, чем врать – врать уже вполне сознательно. Убежден, что в тайниках души многие, очень многие чувствуют, что не правы. Да, смелости не хватает, подумаешь. Трудный и мучительный это процесс, а кому же хочется себя мучить? Вот и отмахиваются до поры до времени. Но ведь совершенно не отмахнешься... Рано или поздно, придется себя проверять. Чем раньше, тем лучше.

Будь здорова, прости «теоретическое» письмо. Хотел, чтобы ты знала, о чем я думаю здесь, когда за решеткой идет снег и вечера длинные, без конца. Кланяйся А[лександр] Г[еннадьевичу] и поцелуй детей.

Любящий тебя брат Б. Савинков.

Б. Савинков – И. Сосновскому

Уважаемый Игнатий Игнатьевич,
одновременно я прошу А.Х. Артузова принять меня. Если
А.Х. Артузов все еще болен, то не откажите мне об этом сообщить
и указать, когда приблизительно он сможет побеседовать со мной.

С приветом *Б. Савинков.*
Понедельник, 12.1.1925 г.

Н-1791. Т. 24. Л. 203. Рукопись.

Б. Савинков – И. Сосновскому

23.2.1925 г.

Уважаемый Игнатий Игнатьевич,
я прошу Александра Аркадьевича передать Вам два письма: одно
к моей сестре, другое к моему сыну. Я был бы Вам чрезвычайно
обязан, если Вы вручите А[лександр]у А[ркадьевич]у доверенность
на имя моей сестры для отсылки ей. Доверенность эта имеет для
меня большое значение. Кстати, сестра мне пишет, что не получила
рукописи Л[юбовь] Е[фимовны], посланной в начале января.

Я жалею об этом тем более, что в одном конверте с рукописью
были письма к Бурцеву и к Философову.

Ввиду ее предстоящего освобождения Л[юбовь] Е[фимовна] про-
сит Вас отдать распоряжение о том, чтобы ей возвратили отобранные
у нее при аресте вещи, как то: обручальное кольцо, кольцо с сапфиром,
серебряную сумку, коричневый короткий зонтик и пр.

Простите, что затрудняю Вас, и заранее благодарю.

С приветом *Б. Савинков.*

Р.С. Если рукопись Л[юбови] Е[фимовны] затерялась в дороге,
то, мне кажется, было бы уместно послать другой экземпляр. Буду
Вам благодарен, если Вы не откажете сообщить Ваше мнение.

Б.С[авинков]

Н-1791. Т. 24. Л. 212–213. Рукопись.

26.2.1925 г.

Уважаемый Игнатий Игнатьевич,

Ал[ександр] Ар[кадьевич] сообщил Л[юбови] Е[фимовне] и мне, что Вы любезно устроили ей возможность выйти в санаторию. Она просит меня поблагодарить Вас, но воспользоваться Вашим предложением, к сожалению, не может. Во-первых, пребывание в санатории лишит ее возможности часто посещать меня. Во-вторых, не привыкнув к жизни в санатории и, главное, почти не зная России, она не сможет долгое время приспособиться к новой для нее во всех отношениях обстановке. В-третьих, если мои выходы в город породили множество нежелательных слухов и даже вызвали донесения, одинаково неприятные для Вас и для меня, то появление ее среди больных неизбежно вызовет такие же слухи и такие же донесения. Она просит Вас поэтому устроить ее освобождение так, чтобы она могла жить в Москве на частной квартире, не возбуждая ненужных разговоров и имея возможность часто навещать меня. Так как такое устройство потребует некоторого времени, а она чувствует себя плохо, она надеется, что ей в ожидании освобождения будет разрешено выходить в город не раз, а два раза в неделю, тем более, что она хотела бы посоветоваться о своем здоровье с женщиной-врачом.

Простите за беспокойство и заранее Вас благодарю.

С приветом Б. Савинков.

P.S. Вы мне ничего не ответили относительно затерянной рукописи Л[юбови] Е[фимовны], не следует ли ее снова послать? Нету ответа.

P.P.S. Посылаю доверенность на имя моей сестры.

Б. С[авинков]

Н-1791. Т. 24. Л. 210. Рукопись.

6.3.1925 г.

Уважаемый Игнатий Игнатьевич,

26.02 я написал Вам письмо, в котором сообщал, что Л[юбовь] Е[фимовна] не может воспользоваться Вашим любезным предложением выйти в санаторию уже потому, что это лишило бы ее

возможности бывать у меня на свиданиях. В этом же письме я выражал надежду, что Вы не откажетесь устроить так, что Л[юбовь] Е[фимовна] будет жить на свободе, в Москве, как живет А[лександр] Ар[кадьевич].

Если я позволил себе выразить эту надежду, то только потому, что и В.Р. Менжинский, и А.Х. Артузов, и С.В. Пузицкий, и сами Вы говорили, что Л[юбовь] Е[фимовна] может выйти из тюрьмы, когда захочет. Я понимал эти слова так, что ей во всяком случае будет предоставлена возможность часто посещать меня в тюрьме.

На мое письмо Вы не ответили, как, к сожалению, не ответили и на предыдущие мои письма. Я знаю, что Вы весьма заняты, тем не менее, ввиду важности для меня вопроса об освобождении Л[юбови] Е[фимовн]ы, я решаюсь Вас беспокоить и прошу не отказать сообщить мне 1) по-прежнему ли освобождение Л[юбови] Е[фимовн]ы зависит исключительно от ее желания, 2) могу ли я рассчитывать, что ей будет предоставлена возможность жить в Москве и бывать у меня на свиданиях и 3) когда приблизительно можно рассчитывать на ее освобождение?

Очень извиняюсь за беспокойство и надеюсь, что это мое письмо Вы не оставите без ответа.

С приветом Б. Савинков.

Н-1791. Т. 24. Л. 208. Рукопись.

51

Б. Савинков – А. Артузову

16.3.1925 г. Внутренняя тюрьма.

Многоуважаемый Артур Христианович,

12.01 я передал Вам прошение о помиловании с просьбой представить его в ЦИК СССР. Ответа на это прошение я не имел. Я догадываюсь, что раньше, чем принять какое-либо решение, необходимо выяснить точку зрения на него РКП. Это естественно: мой случай слишком сложен, и мое имя возбуждает слишком много вражды. Кроме того, я не только не заслужил помилования, но даже и того приговора, который был вынесен Верховной коллегией. Но как я неоднократно Вам говорил, тюремное заключение, то есть вынужденное бездействие, для меня хуже расстрела. С другой стороны, я верю, что ЦИК СССР даст возможность мне, бывшему террористу, открыто признавшему свою вину перед рабочими и крестьянами, искупить ее служением трудящимся массам.

22.04 состоится конференция РКП. Я хочу надеяться, что вопрос о моем ходатайстве будет в частном порядке обсужден именно ею,

не ожидая очередного партийного съезда. Я понимаю, что это возможно лишь при условии полного доверия ко мне – к тому, что я совершенно порвал с моим контрреволюционным прошлым. Я позволяю себе просить Вас позтому передать гр. Дзержинскому и гр. Менжинскому мою просьбу быть принятым ими. Я уверен, что личная беседа поможет мне рассеять сомнения в моей искренности, если сомнения эти еще существуют.

Извиняюсь за беспокойство и заранее Вас благодарю.

С искренним приветом *Б. Савинков.*

Н-1791. Т. 24. Л. 209. Рукопись.

52

Б. Савинков – Д. Философову

31.3.1925 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Господин Философов, когда я был арестован, Вы написали статью «Предатели», в которой утверждали, что я тайно сговорился с большевиками еще в Париже, т.е. обманул своих друзей. Узнав подробности моего ареста, то есть убедившись, что оклеветали меня, Вы не нашли нужным клевету свою опровергнуть.

Ныне Вы, один из редакторов «За свободу», напечатали статью Арцыбашева «Записки писателя XLVIII», которая содержит обвинение Любви Ефимовны и Александра Аркадьевича в том, что они предали. Вы, господин Философов, не можете не знать, что это ложь, и что Л[юбовь] Е[фимовна] и А[лександр] Ар[кадьевич] разделили со мной мою участь. Значит, Вы сознательно приняли участие в новой, еще худшей клевете. Политическая ненависть не оправдывает такого рода поступков. Как они именуются – Вы знаете сами. Рано или поздно А[лександр] Ар[кадьевич] и я с Вами сочтемся. Вы предупреждены.

Б. Савинков.

Н-1791. Т. 64. Л. 186. Рукопись.

53

Б. Савинков – М. Арцыбашеву

31 марта 1925 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Господин Арцыбашев, Вы напечатали в «За свободу» статью «Записки писателя XLVIII». Вы пишете о людях, которых видели, по собственному признанию,

один раз в жизни, и награждаете их разными качествами по своему усмотрению. Едва ли это достойно Вас. Но Вы не ограничиваетесь этим: Вы обвиняете Л.Е. Деренталь и А.А. Деренталь в том, что они предали меня.

Чтобы обвинять кого-либо, да еще печатно, в предательстве, надо иметь неопровержимые доказательства.

Я, которого, по Вашим словам, Л.Е. Деренталь и А.А. Деренталь предали, утверждаю, что у Вас никаких доказательств нет и быть не может. Вы оклеветали единственных людей, которые не побоялись разделить со мной мою участь. Судите сами о Вашем поступке.

Б. Савинков.

Н-1791. Т. 64. Л. 187. Рукопись.

54

Б. Савинков – И. Сосновскому

31 марта 1925 г. Внутренняя тюрьма. Москва.

Уважаемый Игнатий Игнатьевич,
я позволю себе еще раз беспокоить Вас. Если я это делаю, то потому, что возбуждаемые мною в этом письме вопросы имеют для меня очень большое значение.

1. В январе м[еся]це я обратился к Вам с ходатайством о засвидетельствовании доверенности, которую я намереваюсь послать моей сестре В.В. Мягковой в Прагу на предмет ведения моих литературных дел за границей. Я Вам буду очень обязан, если Вы не откажете сообщить мне, в каком положении находится это дело.

2. В январе м[еся]це с Вашего разрешения были посланы той же В.В. Мягковой : 1) рукопись Л[юбови] Е[фимовн]ы на французском яз[ыке] об обстоятельствах нашего ареста и суда надо мною, 2) мое письмо к Бурцеву и 3) мое письмо к Философову. Ни то, ни другое, ни третье по назначению не дошло. Так как ознакомление с рукописью Л[юбови] Е[фимовн]ы предупредило бы появление таких статей, как, например, последняя статья Арцыбашева в «За свободу», а мои письма к Бурцеву и Философову окончательно определяли наши взаимоотношения, то потеря их, в моих глазах, заслуживает сожаления. Ал[ександр] Ар[кадьевич] сообщил мне, с Ваших слов, что Вы любезно нашли нужным предпринять розыски указанных материалов. Я буду Вам чрезвычайно благодарен, если Вы не откажете поставить меня в известность, в каком положении находится это дело.

3. В феврале месяце Л[юбовь] Е[фимовна], оставляя в стороне вопрос о мелких вещах, которые случайно могли затеряться, возбудила

ходатайство о возвращении принадлежащих ей: 1) обручального кольца, 2) кольца с сапфиром, 3) ручной серебряной сумки и 4) зонтика. Первые две вещи ей были тогда же возвращены, сумка же и зонтик не возвращены до сих пор. Я буду Вам очень обязан, если Вы не откажете отдать распоряжение об их возвращении.

4. 19-го марта ко мне на свидание прибыл из Ленинграда мой сын Виктор Успенский. В предшествовавшие его приезды (в сентябре, октябре, январе) он пользовался свиданием со мной два дня подряд, по два часа каждое. Этот раз мы виделись только однажды в течение часа, причем гр. Уркис в присутствии В.И. Сперанского объявил мне, что таково было распоряжение высшего начальства. Не позволяя себе входить в обсуждение этого распоряжения, я очень прошу Вас не отказать сообщить мне, остается ли оно в силе и впредь? Вы легко поймете, что поездка из Ленинграда в Москву и обратно, требующая и времени, и денег, может быть предпринята лишь в надежде, что свидания будут даны так, как раньше.

5. В январе м[еся]це я позволил себе обратиться к Вам с просьбой выслать из принадлежащих мне находящихся у Вас денег 100 рублей моему сыну в Ленинград и 60 руб. родителям Любви Ефимовны в Париж. В феврале я дважды напомнил о своей просьбе. Так как деньги эти все-таки не были посланы, и мне об этом сообщено не было, то я заключаю, что, к сожалению, я с некоторого времени ограничен в правах распоряжения своим имуществом. (В ноябре по моей просьбе было выслано моему сыну 400 руб. В.И. Сперанским и моей сестре 200 руб. гр. Уркисом и в декабре моему сыну 100 руб. Вами). В этой мысли меня укрепляет и то обстоятельство, что с начала января м[еся]ца Л[юбови] Е[фимовн]е при ее выходах в город выдавались суммы в 10, 15, 20 рублей, несмотря на ее повторную просьбу дать ей единовременно 100 руб. для необходимых покупок белья. Я не знаю, чем объяснить это ограничение. Быть может тем, что я и Л[юбовь] Е[фимовна] получаем улучшенный паек, за который надлежит платить полностью или частично. Как бы то ни было, я Вам буду чрезвычайно обязан, если Вы не откажете разъяснить мне мое денежное положение, пока же, для точности, прилагаю при сем счет моих доходов и расходов по 1-е апреля 1925 г. Я прилагаю его еще потому, что в случае полной невозможности найти для Л[юбови] Е[фимовны] комнату, пожалуй, наилучший исход из ее положения состоит в том, чтобы вручить ей остаток принадлежащих мне денег, поселить ее временно в гостинице, о чем, в крайнем случае, я и предполагаю возбудить ходатайство. Согласно прилагаемого счета у меня еще остается 220 руб. (для простоты я все копейки откинул). Не откажите сверить счет с Вашими данными. Возможно, что Вами были произведены для меня еще и другие расходы. В этом случае не откажите их вписать. Позволю себе просить Вас о результатах сверки поставить меня в известность.

7. 1-го февраля Л[юбовь] Е[фимовна], опираясь на слова В.Р. Менжинского, А.Х. Артузова, С.В. Пузицкого и Ваши, что она может выйти из тюрьмы, когда того пожелает, обратилась к Вам с просьбой не отказать устроить техническую возможность ее освобождения не позднее 1-го марта, причем, само собой разумеется, расходы по найму комнаты я брал на себя. Ваше любезное предложение, сделанное 27 февраля, поселить ее временно в санатории, она вынуждена была отклонить, так как это лишало ее свиданий со мной, ибо выходы из санатории крайне затруднены. С тех пор она продолжает находиться в тюрьме, несмотря на расстроенное состояние здоровья. В самое последнее время с Вашего ведома Ал[ександр] Ар[кадьевич] стал заботиться о приискании ей комнаты, но, как Вы понимаете сами, ему в его положении комнату эту без Вашей любезной помощи найти почти невозможно. Я буду Вам чрезвычайно благодарен, если Вы, со своей стороны, не откажете ускорить упомянутые поиски, дабы Любовь Ефимовна не была вынуждена поселиться просто в гостинице.

Я знаю, уважаемый Игнатий Игнатьевич, что Вы чрезвычайно заняты, и объясняю этим и то, что почти не имею удовольствия видеть Вас, и то, что Вы не отвечаете на мои письма непосредственно, а на некоторые не отвечаете и совсем. Но, повторяю, ответы на поставленные мною вопросы столь для меня существенны, что если недостаток времени препятствует Вам уделить им необходимое внимание, то не откажите, прошу Вас, указать, к кому мне надлежит обратиться: к А.Х. Артузову, С.В. Пузицкому или к кому-либо другому? За это указание я буду Вам искренне благодарен.

Извиняясь за беспокойство, остаюсь с приветом

Б. Савинков.

P.S. В феврале м[еся]це гр. Уркис сообщил мне, что на мое имя есть письмо, адресованное в Бутырскую тюрьму. Недавно он поставил меня в известность, что письмо это возвращено отправителю за неразысканием адресата. Я не знаю причин моего неразыскания и, конечно, не могу входить в их обсуждение. Но я не могу не выразить сожаления, что письмо мне доставлено не было.

Б. С[авинков]

Н-1791. Т. 24. Л. 221-224. Рукопись.

55

Б. Савинков – С. Пузицкому

1 апреля 1925 г.

Многоуважаемый Сергей Васильевич, с благодарностью возвращаю Вам статью Арцыбашева «Заметки писателя XLVII». По поводу этой статьи я с Вашего разрешения напишу и автору ее, и редактору «За свободу» Философову.

Если бы рукопись Л[юбови] Е[фимовны] дошла по назначению, появление подобного рода статей было бы невозможно. Но рукопись эта, посланная при любезном содействии И.И. Сосновского моей сестре В.В. Мягковой в Прагу в начале января м[еся]ца, к несчастью, затерялась в дороге. И.И. Сосновский обещал ее разыскать. Не найдете ли Вы уместным, пока продолжаются розыски, послать по тому же адресу второй экз[емпляр] на русском или французском яз[ыке]? Буду Вам очень благодарен за ответ.

Пользуюсь случаем, чтобы обратиться к Вам с покорною просьбой. Так как и В.Р. Менжинский, и А.Х. Артузов, и Вы сами, и И.И. Сосновский не раз разъясняли мне, что Л[юбовь] Е[фимовна] может выйти из тюрьмы, когда пожелает, то Л[юбовь] Е[фимовна] в феврале обратилась с просьбой к И.И. Сосновскому не отказать устроить техническую возможность ее освобождения не позднее 1-го марта. В конце февраля И.И. Сосновский любезно предложил временно поселить ее в санатории в окрестностях Москвы. К сожалению, Л[юбовь] Е[фимовна] не смогла принять это предложение, ибо оно лишало ее возможности свиданий со мной, так как отлучки из санатории крайне затруднены. Она осталась в тюрьме несмотря на свое расстроенное здоровье (не спит и не ест). Во второй половине марта Ал[ександр] Арк[адьевич] с ведома И.И. Сосновского занялся приисканием для нее комнаты, что, как Вы знаете, очень трудно. Наконец, сегодня, благодаря объявлению, помещенному по ходатайству Л[юбови] Е[фимовны] гр. Уркисом в «Известиях» от 31.03, комната, по-видимому, найдена (окончательный результат будет известен сегодня вечером). Так как комнату необходимо взять немедленно, ибо иначе она наверное будет сдана другим лицам, то я позволяю себе очень просить Вас о следующем:

1. Урегулировать формальности по освобождению Л[юбови] Е[фимовны], если такие имеются, и, в частности, заготовить ей документ. Разумеется, в рассмотрение вопроса об ее документе я входить не могу, но могу передать ее просьбу. Она просит, если с Вашей стороны к этому нет препятствий, выдать ей документ на имя Эмэ Ефимовны Сторе¹, русской гражданки, родившейся от отца – русского и матери – француженки в Париже 31.08.1898 г. «Эмэ Сторе» – литературный псевдоним Л[юбови] Е[фимовны]. От этого же вымышленного имени будут вестись переговоры с хозяевами комнаты.

2. Вчера я послал И.И. Сосновскому счет моих расходов по 1 апреля. Согласно этого счета у меня после отсылки денег моей сестре, уплаты за купленные для Л[юбови] Е[фимовны] и для меня И.И. Сосновским шубы, уплаты за заказанные для меня сапоги и костюм гр. Уркисом, уплаты за таможду и за выходы Л[юбови] Е[фимовны] в город с Ал[ександром] Арк[адьевичем] и гр. Ибрагим-беком и проч. остается из 2027 руб. еще 220 руб. Возможно, что этот счет ошибочен, о чем я и пишу И.И. Сосновскому. Возможно, напр., что я должен полностью или частично платить за

улучшенный паек, которым пользуемся Л[юбовь] Е[фимовна] и я. На эту мысль меня наводит то обстоятельство, что я еще в конце января, а потом в феврале просил выслать 100 руб. моему сыну в Ленинград и 60 руб. родителям Л[юбови] Е[фимовны] в Париж, но деньги эти не были высланы. Как бы то ни было, я очень прошу Вас, если действительно у меня остается около 200 руб., вручить их Л[юбови] Е[фимовне] для уплаты за комнату и другие расходы, если же моих денег больше нет, то авансировать эту же сумму с тем, что она будет покрыта мною из ближайшего аванса от Госиздата, о котором любезно хлопочет В.И. Сперанский.

Простите, многоуважаемый Сергей Васильевич, что отрываю Вас от Ваших занятий и беспокою своими «делами». Буду Вам чрезвычайно обязан, если Вы не оставите моих ходатайств без последствий, а письма без ответа.

С искренним приветом *Б. Савинков.*

Н-1791. Т. 24. Л. 214–215. Рукопись.

¹ Так в тексте письма. Эмма Сторэ – девичья фамилия Л.Е. Дикгоф-Деренталь.

56

Б. Савинков – С. Пузицкому

2 апреля 1925 г.

Многоуважаемый Сергей Васильевич, в дополнение ко вчерашнему моему письму позвольте Вам сообщить, что комната для Л[юбови] Е[фимовны] найдена на Арбате и нанята за 50 р. в месяц. Эти 50 р. (или во всяком случае задаток в 25 р.) надо внести завтра, 3-го апреля, в пятницу.

Я буду Вам чрезвычайно обязан, если Вы не откажете в моей просьбе и вручите эту сумму Ал[ександру] Ар[кадьевичу], который придет на свидание к 1 ч. дня, и завтра же внесет ее хозяевам комнаты. Остальные деньги было бы очень желательно передать Л[юбови] Е[фимовне] в понедельник 6-го апреля, когда она собирается выйти из тюрьмы, если к тому с Вашей стороны не будет препятствий. Я бы очень также просил Вас не отказать отдать распоряжение, чтобы ей в понедельник уже были возвращены ее вещи (ручная серебряная сумка и зонтик). Об этих вещах было возбуждено ходатайство еще в феврале и о них я писал третьего дня И.И. Сосновскому.

Еще раз извиняюсь за беспокойство, заранее благодарю и остаюсь с искренним приветом

Б. Савинков.

Н-1791. Т. 24. Л. 216. Рукопись.

Б. Савинков – С. Пузицкому

3 апреля 1925 г.

Многоуважаемый Сергей Васильевич, В.И. Сперанский сообщил мне вчера, что И.И. Сосновский захворал. Поэтому позволяю себе послать Вам копию моего письма к И.И. Сосновскому от 31.03. Некоторые из возбужденных мною в этом письме вопросов были возбуждены и в моих письмах к Вам от 1 и 2.04. Поэтому извиняюсь за повторение. Позволяю себе также присоединить копию моего счета. Следует отметить, что 1-го апреля Л[юбовь] Е[фимовна] получила при выходе в город с Ал[ександром] Арк[адьевичем] и гр. Ибрагим-беком 10 руб. от гр. Уркиса. Таким образом, к расходам надо прибавить еще 10 руб. Если я решаюсь Вас беспокоить снова, то исключительно потому, что ответы на поставленные мною вопросы имеют для меня очень существенное значение.

Ввиду болезни И.И. Сосновского я прошу Ал[ександра] Ар[кадьевича] представить на Ваше усмотрение мои письма к 1) моей сестре В.В. Мягковой, 2) моему сыну Льву, 3) моей свояченице К.К. Зильберберг, 4) Философову и 5) Арцыбашеву, а также письмо Л[юбови] Е[фимовны] к Арцыбашеву. Если с Вашей стороны не встретится препятствий к их отправлению, я бы просил разрешить А[лександр] Ар[кадьевичу] послать их почтой в одном конверте на имя В.В. Мягковой, как это делалось до сих пор.

Простите мою назойливость.

С искренним приветом *Б. Савинков.*

Н-1791. Т. 24. Л. 220. Рукопись.

Рапорт

**В.И. Сперанского С.В. Пузицкому
о беседе с Б. Савинковым
27 апреля 1925 года**

Тов. Пузицкому

27-го апреля я был у Б.В. Савинкова по вопросу об его литературных делах в Ленгизе.

Во время беседы Борис Викторович сказал мне следующее:

– Позвольте, В[алентин] И[ванович], чисто по-товарищески (!!) узнать Ваше личное мнение о сроке моего заключения. Имеет ли действительное основание моя надежда, что предстоящий партий-

ный съезд меня амнистирует, или имя мое настолько сложно, что благоприятный отзыв ГПУ на этом съезде не будет достаточным для амнистии?

Я отвечал на это неопределенно и заметил, что имя Савинкова действительно очень сложное, особенно для периферии – провинции и окраин, которые связывают с именем Савинкова наиболее активную борьбу с советской властью.

Далее Борис Викторович продолжал:

– Я говорю с Вами, В[алентин] И[ванович], совершенно откровенно потому, что Вы не являетесь официальным лицом, и если заходите ко мне и любезно принимаете участие в моих делах с Ленгизом, то это исключительно от Вашего доброго расположения ко мне. То, что я скажу Вам, я не скажу Пузицкому или Сосновскому. Скажите пожалуйста, В[алентин] И[ванович], почему теперь меня при выездах (правда выездах очень редких) так усиленно охраняют – пять и более человек. Разве боятся, что я убегу?!!

– Насколько мне известно, Б[орис] В[икторович], такой боязни нет... А много народа Вас сопровождает просто потому, что приятно проехаться за город.

– Я, В[алентин] И[ванович], не собираюсь бежать потому, что все время ждал и жду своего освобождения. Если бы я хотел бежать, то это мог бы сделать неоднократно. Правда, я не думал, что мне придется так долго сидеть, но сейчас я жду решения моего дела от партийного съезда. Кстати, когда он будет, состоится ли до осени?

Я ответил, что, по всей вероятности, состоится.

После этого Б[орис] В[икторович] прибавил:

– Если же съезд меня не освободит, то я, В[алентин] И[ванович], сидеть не буду...

При дальнейшей беседе Б[орис] В[икторович] просил меня устроить ему поездку куда-нибудь за город, на дачу и сказал:

– Я очень хотел бы поехать без такой многочисленной охраны, как последний раз, разве нельзя, например, поехать только с Вами?

Я сказал, что по правилам это не допускается.

– А неужели Вы, В[алентин] И[ванович], сами думаете, что я имею намерение бежать?

Я ответил:

— Какой же смысл Вам бежать, раз Вы ждете освобождения до осени?

– Да, – прибавил Б[орис] В[икторович], – я думаю, что ГПУ даст обо мне благоприятный отзыв... Я же все эти месяцы у них на глазах был, а раз ГПУ даст такой отзыв, съезд вряд ли будет возражать.

При прощании Б[орис] В[икторович] еще раз сказал, что ему очень хотелось бы подышать воздухом где-нибудь за городом, причём совершить эту прогулку с возможно меньшей охраной, а после поездки – побывать у меня на квартире.

28.04.25 г. Сперанский

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 26–27. Машинопись.

Письмо Б.В. Савинкова А.Х. Артузову

05.05.25

Многоуважаемый Артур Христианович, сегодня я узнал, что съезд РКП назначен на декабрь м[еся]ц. Позвольте говорить с Вами совершенно откровенно. Когда меня арестовали, мне казались возможными только два исхода. Первый (98%) – в мою искренность не поверят и меня расстреляют; второй – поверив, что я действительно пережил душевный переворот, дадут мне возможность послужить русским рабочим и крестьянам. Третий исход, т.е. долговременное тюремное заключение казался мне исключительным. Его половинчатость осуждала его. В мысли, что третий исход исключен, меня укрепили и мои беседы с В.Р. Менжинским, Вами и Р.А. Пиляром. Сначала я надеялся, что меня помилуют в ноябре, потом в январе, потом в феврале, потом в апреле. Но все время я был убежден, что мне верят, и что вопрос моего помилования, т.е. моей работы (все равно, какой, но для Советов) – вопрос короткого времени. По-видимому, я ошибался.

Для меня ясно, что если бы мне верили, то не было бы отсрочки до съезда РКП: партконференция и, в особенности, съезд Советов, разумеется компетентны в решении моей судьбы. Отсрочка до съезда РКП внушает мне мысль о новых, неизбежных, отсрочках...

Вы скажете, что я должен был быть расстрелян и что каждый мой день – сверхсметный. Я это знаю. Но я знаю также, что «повинную голову меч не сечет». То, о чем я позволяю себе просить Вас, заключается только в следующем: я хочу точно определить свое положение. Не откажите мне, прошу Вас, и сообщите, действительно ли предполагается предать мое прошлое забвению, или я осужден и просто-напросто отбываю наказание?

Простите, многоуважаемый Артур Христианович, за беспокойство. В ожидании Вашего ответа, остаюсь с искренним приветом

Б. Савинков

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 40.

Рапорт

**В.И. Сперанского С.В. Пузицкому
о беседе с Б. Савинковым 5 мая 1925 года**

Секретно. Лично

т. Пузицкому

Сегодня, 5 мая, я был у Б.В. Савинкова.

Первое, о чем начал говорить со мной Б[орис] В[икторович], это о предстоящем съезде.

– Я прочел, В[алентин] И[ванович], что партийный съезд будет только через 6 месяцев. Это говорит Каменев в своей заключительной речи на партийной конференции. Но эта оттяжка на меня впечатления не произвела.

– Почему?

– Потому, В[алентин] И[ванович], что я уже потерял всякую надежду на мое освобождение. Если бы меня хотели освободить, то это могли бы сделать хотя бы сейчас, во время партийной конференции. Я не знаю, почему меня решили держать в тюрьме, но съезд партийный меня не освободит. Это ясно. И это я говорил Любови Ефимовне, когда видел ее в последний раз. Я, В[алентин] И[ванович], могу быть или против вас, или с вами, но не могу быть в промежуточном положении, сидеть без конца в тюрьме и строчить рассказы. Я думал сначала, что меня продержат 2–3 месяца и освободят. А теперь получается то, что для меня совершенно неприемлемо – сидеть и сидеть без конца. Знаете, В[алентин] И[ванович], если бы роли переменялись, я был бы на месте Дзержинского, а он на моем месте, даю Вам честное слово, что я освободил бы его нелегально и дал бы работу. Да, у меня нет теперь надежды на освобождение. А сидеть я не могу и не буду. Или я разобью голову о стену, или лучше бы меня расстреляли... И потом, Вы представляете, В[алентин] И[ванович], какое сейчас впечатление производит за границей среди эмиграции мое длящееся заключение?

– Какое?

– Я написал письмо Философову, и оно было напечатано, где я зову эмигрантов сюда и гарантирую им безопасность, а меня самого держат и держат... Долгое время, В[алентин] И[ванович], я не могу добиться свидания ни с Дзержинским, ни с Менжинским. Пусть мне скажут окончательно, освободят меня или нет. И, потом, совсем другое дело, если бы меня продержали 2–3 месяца и освободили, а теперь выходит, что я сижу чуть ли не год. Повторяю, В[алентин] И[ванович], что я могу быть или с вами (о чем я заявил на суде), или против вас. Сидеть же в бездействии между двух стульев, находиться в тюрьме и строчить рассказы – я не могу... и не буду.

При дальнейшей беседе Б[орис] В[икторович] просил меня передать Вам его просьбу о разрешении поехать за город.

– Попросите Сергея Васильевича [Пузицкого] вывезти меня за город... я же здесь живу совсем без воздуха... во дворе, где я гуляю, совсем нет солнца... только попросите без усиленного конвоя, я не убегу. Вообще мне хотелось бы иногда отсюда выезжать. Нельзя ли устроить у Романова чтение моих новых двух рассказов. У меня, В[алентин] И[ванович], сейчас никого не бывает из ГПУ, поэтому простите, что я обращаюсь к Вам. Мне хотелось бы перейти в другую комнату, где на окнах нет решеток. Это на четвертом этаже, и я убежать в окно все равно не смогу.

В конце разговора Б[орис] В[икторович] сказал:

– У меня теперь, В[алентин] И[ванович], нет доверия, что меня освободят. Но я же раньше говорил Менжинскому, что сидеть в тюрьме я не способен. Я не для того признал советскую власть, чтобы сидеть в этой камере и строчить рассказы.

При прощании Б[орис] В[икторович] еще раз повторил свою просьбу о вывозе за город на природу.

Сперанский

05.05.25 г.

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 20–21. Машинописная копия.

61

Рапорт

В.И. Сперанского С.В. Пузицкому

о беседе с Б. Савинковым

6 мая 1925 года

Лично. Секретно

Сегодня, 6 мая, я виделся с Б.В. Савинковым в его камере.

Первый вопрос, который задал мне Б[орис] В[икторович], был о времени его выезда за город «подышать свежей землей и листвой».

При этом Б[орис] В[икторович] сказал:

— Затруднительность вывозов меня за город, очевидно, объясняется сложностью организации конвоя. Если бы меньше меня конвоировали, можно было, вероятно, легче устраивать эти поездки.

После этого Б[орис] В[икторович] сообщил мне, что вчера он «послал заявление Артуру Христиановичу о бессмысленности своего сидения» в тюрьме, и в заявлении просил дать категорический ответ: будут ли его дальше держать как обычного срочного заключенного, или же нет. – Я, – прибавил Б[орис] В[икторович], – ничем и никак не могу объяснить себе причин моего дальнейшего сидения в тюрьме. Карать меня незачем, исправлять меня не нужно, т.к. я признал советскую власть... Для чего же меня держат? Говорю Вам откровенно, В[алентин] И[ванович], я думаю, что против меня есть оппозиция в ГПУ... Кто-то тормозит мое освобождение. Помню, как-то раз я был у Менжинского, и присутствовал Артузов и Пиляр. И Менжинский мне сказал: «Вы нас обманываете». Что я на это мог ему сказать. Мне определенно не доверяют. А сейчас и я не доверяю. Что от меня хотят? Не знаю, помните ли Вы или нет, я как-то раз за столом упомянул в частном разговоре о чекисте, который хотел мне помочь. А потом этот частный разговор хотели использовать и добивались у меня, чтобы я назвал фамилию этого чекиста. Я, конечно, этого не сделал, потому что я не могу подводить людей, которые мне доверены...

В дальнейшем Б[орис] В[икторович] опять говорил о том, что он попал в «третье положение», которое для него совершенно неприемлемо.

– Меня, – говорил он, – можно или расстрелять, или освободить, но не держать долго в тюрьме. Ну хорошо, В[алентин] И[ванович], скажем, что мне не доверяют, как говорит Менжинский, я вас «обманиваю», но если меня освободили бы, что я могу сделать вредного для советской власти? Я надеялся выйти в ноябре, потом в январе, потом в феврале, марте, потом в июле, а теперь у меня никакой надежды нет, и в перспективе – годы сидеть в тюрьме. Этого я не могу принять, не могу по своей натуре вынести, о чем я и раньше говорил, и теперь говорю...

Б[орис] В[икторович] сегодня, так же, как и вчера, производит впечатление человека очень угнетенного и расстроенного.

– Ведь Вы понимаете, В[алентин] И[ванович], я старик, а здесь особенно постарел, и не только годы сидения, а даже месяцы кусочки остатков моей жизни... Кстати, Вы не забыли передать Сергею Васильевичу мою просьбу о переводе меня в камеру без решеток на окне?

Я сказал, что передал.

– Я понимаю, В[алентин] И[ванович], что для моего освобождения совсем не надо ждать партийного съезда. Освободить меня могла конференция, освободить может съезд Советов, а просто этого не хотят.

При прощании Б[орис] В[икторович] еще раз просил о вывозе его за город.

06.05.25 г. Сперанский

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 30–31. Машинопись.

62

Б. Савинков – Ф. Дзержинскому

7.05.25 г. Внутренняя тюрьма.

Гражданин Дзержинский, я знаю, что Вы очень занятой человек. Но я все-таки Вас прошу уделить мне несколько минут внимания.

Когда меня арестовывали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный, – меня поставят к стенке; второй – мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т.е. тюремное заключение, казался мне исключенным: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, «исправлять» же меня не нужно, – меня исправила жизнь. Так и был поставлен вопрос в беседах с гр.гр. Менжинским, Артузовым и Пиляром: либо расстреливайте, либо дайте возможность работать; я был против вас, теперь я с вами; быть серединка-на-половинку, ни «за», ни «против», т.е. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем я не могу.

Мне сказали, что мне верят, что я вскоре буду помилован, что мне дадут возможность работать. Я ждал помилования в ноябре, потом в январе, потом в феврале, потом в апреле. Теперь я узнал, что надо ждать до партийного съезда, т.е. до декабря – января... Позвольте быть совершенно откровенным. Я мало верю в эти слова. Разве, например, съезд Советов недостаточно авторитетен, чтобы решить мою участь? Зачем же отсрочка до партийного съезда? Вероятно, отсрочка эта – только предлог...

Итак, вопреки всем беседам и всякому вероятию, третий исход оказался возможным. Я сижу и буду сидеть в тюрьме, сидеть, когда в искренности моей едва ли остается сомнение, и когда я хочу одного: эту искренность доказать на деле.

Я не знаю, какой в этом смысл. Я не знаю, кому от этого может быть польза.

Я помню наш разговор в августе м[еся]це. Вы были правы: недостаточно разочароваться в белых или зеленых, надо еще понять и оценить красных. Я многое передумал в тюрьме и – мне не стыдно сказать – многому научился. Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно, какую, пусть самую подчиненную. Может быть и я пригожусь, ведь когда-то и я был подпольщиком и боролся за революцию... Если же Вы мне не верите, то скажите мне это, прошу Вас, ясно и прямо, чтобы я в точности знал свое положение.

С искренним приветом *Б. Савинков*.

Н-1791. Т. 64. Л. 142. Рукопись.

Письмо частично опубликовано: Ардаматский В. Возмездие. Повесть // Нева. 1967. С. 84; Шенталинский В. Свой среди своих // Новый мир. 1996. № 8. С. 191. Письмо полностью опубликовано: Служба безопасности. М., 1992. Пробный номер. С. 19.

63

Акт о смерти **Б. Савинкова**

7 с[его] мая в 23 ч[аса]¹ нами в присутствии пом[ощника] прокурора РСФСР т. Катаньян осмотрен труп Бориса Савинкова, причем при наружном осмотре трупа оказалось:

незначительные ссадины на спине в области грудных позвонков; спереди в области, начиная от 5–6 ребер слева и переходя на брюшную стенку с той же стороны, значительных размеров подкожное кровоизлияние; верхние и нижние конечности каких-либо повреждений не имеют; при осмотре черепа обнаружено полное раздробление затылочной кости, части теменных костей и височных.

Смерть несомненно последовала мгновенно от тяжелой травмы головы с нарушением целостности важнейших центров головного мозга, вследствие падения с 5 этажа на асфальтовую площадь.

Нач. санчасти ОГПУ врач *Кушнер*
Врач тюрем ОГПУ *подпись*

Осмотр произведен в моем присутствии.
Прокурор при ОГПУ *Катаньян*

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 16. Рукопись.

¹ Так в тексте документа.

64

Рапорт С.В. Пузицкого о смерти Б. Савинкова

Сов. секретно

Заместителю председателя ОГПУ

Доношу, что 7-го сего мая в 23 ч. 30 м. содержащийся во В[нутренней] Т[юрем]е ОГПУ Борис Савинков покончил жизнь самоубийством. Вышеуказанное происшествие сопровождалось следующими обстоятельствами.

В 20 часов того же числа, согласно установившемуся обычаю, Савинков был затребован из В[нутренней] Т[юрем]ы ОГПУ в помещение КРО (5 этаж, к[омна]та 192).

Отсюда на автомобиле в сопровождении меня, т. Сперанского и т. Сыроежкина был вывезен за город для прогулки. Последняя была произведена до Царицына и обратно. По возвращении с прогулки Савинков был препровожден в комнату № 192. Прохаживаясь по комнате в ожидании прихода надзирателей ВТ ОГПУ, Савинков неожиданным прыжком вскочил на подоконник открытого окна и быстро выпрыгнул из него. Вызванные по производственной тревоге нач[альник] санитарной части ГПУ и тюремный врач в присутствии прибывшего прокурора тов. Катаньяна произвели медицинское освидетельствование Савинкова и констатировали смерть, происшедшую от падения с высоты, что засвидетельствовано соответствующим актом.

Путем осмотра платья и костюма Савинкова никаких записок, указывающих на причины, толкнувшие его к самоубийству, найдено не было.

Пом. нач. к[онтр]-разв[едывательного] отдела *Пузицкий*

08.05.25 г. г. Москва

т. Фельдман.

Срочно проведите детальное расследование, выясните виновных в халатности охраны.

08.05.25 г. Г[енрих] Я[года].

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 14-15. Рукопись.

Указание Фельдману – карандашом на документе.

65

Рапорт

**В.И. Сперанского С.В. Пузицкому
об информации, полученной
от А.А. Дикгоф-Деренталья**

Секретно

Тов. Пузицкому

А.А. Дикгоф-Деренталь сообщил, что Б.В. Савинков был подвержен «боязни пространства» и высказал предположение, что пустое пространство за окном его так неудержимо манило, что он бросился. Дикгоф-Деренталь рассказал про один случай в Порт-Саиде на большом пароходе, когда он и Савинков подошли к борту парохода, и Савинков оттащил Дикгофа за руку от борта, говоря, что его манит пустое пространство, и он боится за себя.

09.05.25 г. *Сперанский*

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 36. Рукопись.

66

**Показания Г.С. Сыроежкина
по поводу самоубийства арестов[анного]
Б.В. Савинкова**

7 мая вечером по предложению тов. Пузицкого я прибыл в ГПУ для сопровождения за город арестов[анного] Савинкова совместно с т.т. Пузицким и Сперанским. На автомобиле мы выехали в Царицыно, где пробыли 1-1½ часа и затем вернулись обратно в Москву.

Зашли в комнату №192, откуда должен быть направлен во внутреннюю тюрьму Б. С[авинков]. Мне казалось, что настроение у него обыкновенное.

В тот момент, когда тов. Пузицкий вышел в соседнюю комнату, кажется, за водой, Б. Савинков ходил по комнате и что-то рассказывал и вдруг совершенно неожиданно выбросился в окно.

Я тут же вскочил, сделал прыжок к окну, но было уже поздно. Я увидел у двери (соседняя с окном, куда выбросился Б. С[авинков]) тов. Пузицкого. В продолжение нескольких секунд мы оставались в недоумении. Затем т. Пузицкий выбежал из комнаты для того, чтобы сделать тревогу.

Я тут же также выбежал во двор, где увидел Б. С[авинкова], который был уже мертв.

Сыроежкин
9 мая 1925 г.

Показания снял Фельдман

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 13. Рукопись.

67

Показания В.И. Сперанского в связи с самоубийством Б.В. Савинкова

С[овершенно] секретно

Начальнику КРО

Согласно предложения тов. Пузицкого излагаю обстоятельства как предшествующие, так и сопровождавшие самоубийство срочного заключенного Б.В. Савинкова.

6 мая, когда я был в камере у Савинкова, он говорил мне, что послал заявление на Ваше имя с просьбой дать ему категорический ответ, будут ли его годы держать в тюрьме или освободят. Савинков в этот раз, как вообще последние недели, производил на меня впечатление крайне изнервничавшегося человека и неоднократно повторял, что для него лучше немедленная смерть, чем медленная в тюрьме.

В тот же день он сказал мне, что пишет заявление Ф.Э. Дзержинскому, где ставит определенно вопрос о своем освобождении. При этом он обратился ко мне с просьбой передать это заявление т. Пузицкому и прибавил: «Я отношусь к Артузову с уважением, к Пузицкому с уважением и симпатией, а к Вам, Валентин Иванович, по-товарищески...».

7 мая утром я заходил к Савинкову в камеру и взял от него заявление на имя т. Дзержинского, которое передал т. Пузицкому.

В тот же день, 7 мая, в 20 часов по служебной записке т. Пузицкого я получил из внутренней тюрьмы Савинкова для поездки за город (по усиленной просьбе Савинкова о вывозе его за город) и доставил его в комнату №192.

В 20 часов 20 минут Савинков на автомобиле в сопровождении т. Пузицкого, т. Сыроежкина и меня выехал за город в Царицыно. Савинков, сидевший между т. Пузицким и мной, чрезмерно

почему-то нервничал, непрестанно закуривал папиросы, на что т. Пузицкий обратил внимание и спросил его, почему он так нервничает.

Доехав до Царицына и пробыв там некоторое время, в 22 ч. 30 минут мы поехали обратно. Между прочим, когда мы шли по шоссе в Царицыно, Савинков взял меня под руку и так шел со мной. Это меня, помню, удивило, так как раньше он никогда меня под руку не брал, и я это объяснил его нервозностью в этот вечер и «товарищеским» отношением ко мне.

В Москву мы вернулись в 23 часа и вместе с Савинковым вошли в комнату № 192 – в ожидании прибытия конвоя из внутренней тюрьмы. У меня очень разболелась голова, и я прилег на диван. В комнате были Савинков, т. Сыроежкин и т. Пузицкий, последний из комнаты на некоторое время выходил. Савинков то сидел около меня и говорил что-то о своей первой вологодской ссылке, то ходил по комнате, подходил к окну, вдыхал свежий вечерний воздух, говоря, что в камере так душно, и так приятно вдохнуть в себя некамерный воздух.

Я взглянул на свои часы – было 23 часа 20 минут, и в этот самый момент около окна послышался какой-то шум, что-то очень быстро мелькнуло, я вскочил с дивана, в это время из двора послышался как-бы выстрел. Передо мной мелькнуло побелевшее лицо т. Пузицкого, несколько растерянное – т. Сыроежкина, и т. Пузицкий крикнул: «Он выбросился из окна... надо скорее тревогу ...», – и с этими словами выбежал из комнаты. Вскоре после него вышел из комнаты и т. Сыроежкин.

Прыжок Савинкова в окно был так неожиданен и быстр, что в первые минуты невозможно было осознать происходящего.

При встречах моих с Савинковым в апреле и мае он почти каждый раз говорил мне, что тюремное заключение для него совершенно не приемлемо «и психологически и физически», и что он лучше разобьет голову о стену, а сидеть не будет. Приняв эти слова за шутку, я, помню, как-то ему сказал: «У Вас, Борис Викторович, камера настолько маленькая, что нельзя разбежаться, а без разбега нельзя и голову о стену разбить...», – на что он сказал: «Вы все шутите, Валентин Иванович, а в мои годы мне не до шуток».

Со второй половины апреля Савинков как-то совершенно «пал духом», говорил, что он изверился в возможности своего освобождения, очень часто просил о вывозе его за город «посмотреть на весенние деревья» и раза три просил меня передать т. Пузицкому его просьбу о переводе в камеру без решеток. Как теперь я думаю, мысль о самоубийстве зародилась у Савинкова давно, но он все надеялся, что его освободят. В конце апреля – начале мая он пришел к заключению, что его не освободят и искал наиболее верного способа покончить с собой.

Сперанский

9 мая 25 г. г. Москва

ПФ-9489, Т. 1. Ч. 2. Л. 37–39. Рукопись.

Показания С.В. Пузицкого по делу о самоубийстве Бориса Савинкова

7-го сего мая в 23 часа 30 м. содержащийся в ВТ (Внутренняя тюрьма) ОГПУ Борис Савинков покончил жизнь самоубийством. Обстоятельства дела таковы.

В 20 часов дня согласно установившемуся обычаю Савинков был затребован из ВТ ОГПУ в помещение КРО (5-й этаж, к-та № 192).

Отсюда на автомобиле в сопровождении меня, т. Сперанского и т. Сыроежкина был вывезен за город для прогулки. Последняя была произведена до Царицына и обратно.

По возвращении с прогулки Савинков был препровожден обратно в комнату №192.

Прохаживаясь по комнате в ожидании прихода надзирателей вн[утренней] тюрьмы, Савинков неожиданным прыжком вскочил на подоконник открытого окна и быстро выпрыгнул из него.

По вопросу о причине самоубийства определенного вывода сделать не представляется возможным. Наиболее вероятная, полагаю, является следующая.

В продолжение двух-трех последних месяцев Савинков определенно ставил вопрос о своем освобождении из тюрьмы и предоставлении ему работы в СССР. Сотрудники КРО, соприкасавшиеся с ним, конечно, дать ему исчерпывающего ответа не могли.

В разговоре с т. Сперанским Савинков указывал, что он признает два приемлемых для себя положения – или освобождение, или смерть.

5-го сего мая Савинков подал на имя нач[альника] КРО т. Артузова заявление, в котором он резко ставит вопрос о своем освобождении и запрашивает определенного ответа.

На обращенный ко мне вопрос Савинкова во время поездки о моем личном отношении по существу поданного им заявления я отвечал, что отношусь совершенно скептически в отношении положительных последствий от него, что считаю освобождение его, Савинкова, вопросом по меньшей мере несвоевременным и что даже не исключается возможность перевода его из Москвы в Челябинскую или другую какую-либо тюрьму.

Вышеуказанные обстоятельства, возможно, и послужили причиной самоубийства.

Пузицкий Сергей Васильевич,
член ВКП(б), пом[ощник] нач[альника]
контрразведыв[ательного] отдела ОГПУ.

9 мая 1925 г., г. Москва.
Показания снял *Фельдман.*

**Показание В.И. Сперанского по делу
о самоубийстве срочного заключенного
Бориса Савинкова**

6 мая, когда я был в камере у Бориса Савинкова, он говорил мне, что послал заявление на имя начальника КРО Артузова с просьбой дать категорический ответ, будут ли его годы держать в тюрьме, или же освободят и дадут возможность работать. Савинков на этот раз, как и вообще последние недели, произвел на меня впечатление крайне нервничавшего, пессимистически настроенного человека и неоднократно повторял, что для него лучше немедленная смерть, чем медленная в тюрьме. В тот же день он сказал мне, что пишет заявление Ф.Э. Дзержинскому, где ставит определенно вопрос о своем освобождении из тюрьмы. При этом он обратился ко мне с просьбой передать это заявление т. Пузицкому и прибавил: «Я отношусь к Артузову с уважением, к Пузицкому с уважением и симпатией, а к Вам, Валентин Иванович, по-товарищески...».

7 мая утром я заходил к Савинкову в камеру и взял от него заявление на имя Ф.Э. Дзержинского, которое я передал т. Пузицкому. Савинков очень просил меня вывезти его за город в тот же день. Просьбу его о вывозе за город я передал т. Пузицкому.

В 20 часов 7 мая по служебной записке т. Пузицкого я получил из внутренней тюрьмы Савинкова для поездки с ним за город и доставил его в комнату № 192, где уже находились т. Пузицкий и уполномоченный КРО т. Сыроежкин.

В 20 часов 20 минут Савинков на автомобиле в сопровождении т. Пузицкого, т. Сыроежкина и меня выехал за город в Царицыно.

Савинков, сидевший на автомобиле между т. Пузицким и мною, чрезмерно почему-то в этот день нервничал, непрерывно закуривал и бросал папиросы, на что т. Пузицкий обратил внимание и спросил его, почему он так нервничает.

Доехав до Царицына и пробыв там некоторое время, в 22 ч. 30 м. мы поехали обратно в Москву. Между прочим, когда мы шли по шоссе в Царицыно, Савинков взял меня под руку и так шел со мной. Это меня, помню, удивило, так как раньше он меня никогда под руку не брал, и я это объяснил его нервозностью в тот вечер и «товарищеским» отношением ко мне.

В Москву мы приехали в 23 часа и вместе с Савинковым вошли в комнату № 192, в ожидании прибытия конвоя из внутренней тюрьмы.

У меня очень разболелась голова, и я прилег на диван.

В комнате были Савинков, т. Сыроежкин и т. Пузицкий, последний из комнаты на некоторое время выходил. Савинков сидел около

меня и говорил что-то о своей первой вологодской ссылке, то ходил по комнате, подходил к открытому окну и глубоко вдыхал воздух, говоря, что в камере так душно, и так приятно вдохнуть в себя не камерный воздух. Я взглянул на свои часы – было 23 часа 20 минут, и в этот самый момент около окна послышался какой-то шум, что-то очень быстро мелькнуло в окне, я вскочил с дивана, и в это время из двора послышался как-бы выстрел. Передо мной мелькнуло побледневшее лицо т. Пузицкого и несколько ратерянное лицо т. Сыроежкина, стоявшего у самого окна. Т. Пузицкий крикнул: «Он выбросился из окна... надо скорее тревогу...» и с этими словами выбежал из комнаты. Т. Сыроежкин тоже выбежал, и я остался в комнате один.

Прыжок Савинкова в окно был так неожиданен и быстр, что в первые минуты невозможно было осознать произошедшего.

При встречах моих с Савинковым в апреле и мае он почти каждый раз говорил мне, что тюремное заключение для него «совершенно неприемлемо и психологически и физически», и что он лучше разобьет голову о стену, а сидеть не будет. Приняв эти слова за шутку, я, помню, как-то раз ему сказал: «У Вас, Борис Викторович, камера настолько маленькая, что нельзя разбежаться, а без разбега и головы не разбить», на что он сказал: «Вы все шутите, Валентин Иванович, а в мои годы мне не до шуток».

Со второй половины апреля Савинков как-то совершенно «пал духом», говорил, что он изверился в возможности своего освобождения, очень часто просил о вывозе его за город «посмотреть на весенние деревья» и раза три просил меня передать т. Пузицкому его просьбу о переводе в камеру без решеток. Как теперь я думаю, мысль о самоубийстве зародилась у Савинкова давно, но он все надеялся, что его освободят. В конце апреля – начале мая он пришел к заключению, что его не освободят и искал наиболее верного способа покончить с собой.

Сперанский
Показания снял *Фельдман*
10 мая 25 г. г. Москва

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 10–12. Рукопись.

70

Заключение В.Д. Фельдмана по факту самоубийства Б.В. Савинкова

7 мая в 23 ч. 30 м. осужденный Военной коллегией Верховного Суда СССР Борис Савинков покончил жизнь самоубийством посред-

ством прыжка из окна комнаты № 192, находящейся в ОГПУ, Лубянка, 2, на высоте 5-го этажа здания (окна в асфальтовый двор).

Произведенным расследованием обстоятельств, при которых Б. Савинков произвел этот акт, установлено:

Б. Савинков был доставлен в комнату № 192, упомянутую выше, с прогулки, которую он совершил в сопровождении сотрудников КРО т.т. Пузицкого и Сыроежкина, а также в сопровождении т. Сперанского. Эти же лица находились с Б. Савинковым и в комнате № 192, ожидая все вместе вызванных из внутренней тюрьмы конвоиров, коим сопровождающие Савинкова лица должны были сдать его, Савинкова, для водворения в камеру вн[утренней] тюрьмы, где он содержался под стражей. Ввиду теплого времени года окна комнаты № 192 были открыты. Находящиеся в комнате вели мирную беседу. Савинков подходил к окну, дышал свежим воздухом и возвращался обратно. Тов. Пузицкий на минуту отлучился из комнаты за водой для питья. Сыроежкин в это время стоял у стола письменного комнаты, расположенного рядом с тем окном, в которое выбросился Савинков. Сперанский полулежал на диване, находящемся у противоположной от окна стенке с левой стороны. Савинков сидел за круглым столиком против Сперанского. В момент выхода Пузицкого и в середине разговора Савинков быстро вскочил и прыжком в открытое окно в течение нескольких мгновений и совершенно неожиданно выпрыгнул в это окно и разбился насмерть.

Установлено далее, что Савинков за последнее время тяготился своим положением человека, лишенного свободы и неоднократно высказывал мысль: либо освобождение, либе смерть. В роковой для него день во время прогулочной поездки в Царицыно на автомобиле заметно нервничал.

На основании изложенного считаю:

1) Если бы было окно закрыто, то по всей вероятности возможность такого способа самоубийства при данных условиях в комнате № 192 для Савинкова отсутствовала.

2) При наличии решимости Савинкова покончить жизнь самоубийством при самой тщательной охране устранить до всех тонкостей все способы для этого не предоставляется возможным.

А посему полагаю, что какой-либо халатности со стороны лиц, имеющих в данный момент обязанность его охранять, т.е. т.т. Пузицкого и Сыроежкина или признаков этой халатности не усматривается и дознание подлежит прекращению.

11.05.25 г. Фельдман

Запрос Военной коллегии о смерти Б. Савинкова

Военная коллегия. Дело № 84-24 г.

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР просит прислать точную справку о смерти заключенного вверенной Вам тюрьмы Савинкова Бориса Викторовича для приобщения к делу.

Член Военной коллегии Верховного суда Союза ССР *подпись*
Секретарь *подпись*

Ответ на запрос Военной коллегии

Союз Советских Социалистических Республик.
Объединенное государственное политическое
управление при Совнаркоме.
Отдел контрразвед[ки]

Секретно. Срочно. Литер А.
7 декабря 1925 г.

Председателю военной коллегии
Верхсуда СССР тов. Ульриху.

Согласно запроса при сем препровождается удостоверение врача тюремного отдела ОГПУ от 3-го декабря с.г.

Приложение: упомянутое.
Пом. нач. КРО ОГПУ Пузицкий

Удостоверение врача тюремного отдела ОГПУ о смерти Б. Савинкова

Сим удостоверяю, что смерть гр. Б. Савинкова последовала 7-го мая 1925 г. вследствие тяжелых травматических повреждений головы (полное раздробление затылочной кости, части теменных и височных) с нарушением целостности важнейших центров головного мозга, в результате падения с большой высоты.

Врач тюрем ОГПУ *подпись*
3 декабря 1925 г.

Н-1791. Т. 66. Л. 160–162. Машинописная копия.

Дневник Бориса Савинкова

9 апреля.

Сегодня освободили Л[юбовь] Е[фимовну]. Я остался один. В опустелой камере стало грустно.

Последние дни она читала «Афрайю» в «Journal pour tous» 1856 г. Этот роман мне подарили на именины, когда мне было лет 12. Я до сих пор помню его. Но перечитать его я не решаюсь почему-то... Может быть, потому, что я боюсь испортить свое воспоминание. Знает ли его Левочка?

Короленко длинен и не умен. Но он чувствует природу и умеет ее описывать, т.е. передать свое чувство. Медведица с двумя медвежатами, которые бухаются в воду ночью на Креженце, остаются в памяти навсегда. Даже слышен тяжелый плеск. Так природу умел описывать только Тургенев.

10 апреля.

Открыли окно и унесли, по моей просьбе, ковер. Камера стала светлее, но неуютнее, строже. День длинный, вечер еще длиннее.

Л[юбовь] Е[фимовна] очень взволновалась статьей Арцыбашева. Ал[ександр] Арк[адьевич] тоже. Я привык ко всему. Кроме того, мне кажется, что люди устроены так: когда им выгодна честность, они бывают честны, когда она им невыгодна, они лгут, воруют, клеветают. Арцыбашев и Философов – как все. Если бы о них написали такую статью, они бы возмутились, но о нас они и пишут, и печатают, и, вероятно, искренно считают, что правы, особенно Арцыбашев. В своей жизни я видел очень мало действительно честных, то есть бескорыстных дюдей – Каляева, Сазонова, Вноровского¹... Должно быть, был бескорыстен Ленин, может быть, бескорыстен Дзержинский и еще некоторые большевики. Под бескорыстием я не понимаю только простейшее – бессеребренность, но и очень трудное – отказ от самого себя, т.е. от своих всяческих выгод. Этот отказ возможен лишь при условии веры, т.е. глубочайшего убеждения, если говорить современным языком, коли это не одно и то же. У Арцыбашева и у Философова нет ни веры, ни твердого убеждения. И тот, и другой прожили безжертвенно свою жизнь.

Из своего опыта я знаю также и то, что цена клевете, как и похвале, – маленькая. «Молва быстротечная». Когда я был молод, я тоже искал похвалы и возмущался клеветой (помню, как меня обрадовало, что Мережковский похвалил «Коня бледного», и как я негодовал на Колосова за его статьи о «То, чего не было»). Но теперь, если я буду совершенно и до конца искренен, я должен сказать, что клевета меня трогает только, если она исходит от очень близких людей (напр., С[идней] Г[еоргиевич]), а похвала не трогает совершенно. Все забывается. Мама умерла два года

назад. У нее была не совсем обыкновенная жизнь. Пока живы Руся и я, жива и память о ней. Мы умрем, и о ней никто никогда не вспомнит. Даже внуки. Сколько лет будет жить не имя Ленина, а память о нем на земле? Пятьдесят? Может быть, сто? Керенский, адвокат, никогда не знавший нужды, защищавший в политических процессах и ухаживающий за дамами, то есть человек, не имевший, за что мстить, когда пришла революция, простил всем – царю, жандармам, каторжному начальству, урядникам, земским начальникам. А большевики не простили, а рабочие не простили, а крестьяне не простили. Я тоже не простил, но меня ослепила война. Я думал: после войны. Сперва необходимо победить. В этом «необходимо» все дело. Отсюда все, что было потом. Но откуда оно? Большевики правы: дворянин, интеллигент, потомок бунчужных полковников, я не мог примириться с мыслью о поражении. Солдаты были рваные, во вшах, по 45 человек в роте. А я звал на бой. Я не мог не звать. В сущности, я был против народа, за фикцию, за Россию Иловайского².

Куприн в уста вора вкладывает предчувствие социальной революции («Обида») и в уста самоубийцы «к черту нас» («Река жизни»). Но теперь Куприн работает в «Русской газете», которая пахнет погромами, городскими и великим князем Николаем Николаевичем. Если ему напомнить о прошлом, он найдет тысячу объяснений и оправданий... Я тоже запутался черт знает где, и сидел рядом с Сазоновым и Гурко. Сколько крови и слез понадобилось, чтобы я выпутался из этой паутины. Опять, – дворянин, интеллигент, бунчужный полковник. А Философовы обвиняют меня в «предательстве», и Куприн распинает меня.

11 апреля.

Была Л[юбовь] Е[фимовна] Она потрясена своим освобождением, неуютностью комнаты, чужими людьми, самостоятельностью, тем, что у дверей не стоит часовой. Но если бы она здесь осталась, она бы окончательно потеряла здоровье.

Я знаю свой недостаток – сухость не языка, а описания. Но и язык тоже враг. Каждый день я борюсь с ним: подыскиваю описания, выщипываю рифмы, подчеркиваю ритм. Как мало людей, которые чувствуют ритм и даже подозревают о существовании его. А между тем, в сущности, «Герой нашего времени» написан белыми стихами. Куприн, Короленко, даже Тургенев пишут со множеством эпитетов, – бросаючи их пригоршнями. Среди многих найдется один настоящий. Он заставляет забыть об остальных. Лучшие эпитеты – у Тютчева.

Помню: вечер, мороз, Туров или Петрикевичи, или Мозырь. Два балаховца нагайками гонят еврея к мосту. Он упирается. На нем картуз и рваный, с торчащими клочьями меха полушубок. Увидев меня, он кричит и машет руками: «Господин генерал! Ваше превосходительство! Только пере-но-чевать! Только пере-но-

чевать! Замерзну в поле! Замерзну!»... И у него глаза такие, точно хотят выскочить из орбит. А балаховцы мне говорят: «Шпион».

12 апреля. Воскресение.

Воскресные дни – самые длинные. Вероятно потому, что в коридоре полная тишина. В будни часто проводят арестованных, слышны шаги и иногда голоса. По воскресеньям – ни звука.

У меня на столе – пушистая верба. Спасибо Л[юбови] Е[фимовне] Прочел в «Правде» воспоминания Крупской о жизни Ленина в Лондоне. Кто из нас, эмигрантов, при царе интересовался рабочей жизнью на Западе? Иногда, очень редко, ходили на собрания послушать Жореса, иногда, еще более редко, совсем случайно забредали в рабочие кварталы Парижа. Варились в собственном соку, рукоплескали разным Черновым или отходили в сторону, в свое «слогово», как я. А он проводил все дни среди рабочих, на их митингах, в их обжорках, в их читальнях. И Бурцев продолжает верить, что Ленин мог взять деньги от немцев на революцию! Это значит, ничего не понимать ни в психологии Ленина, ни в психологии рабочих. Но ведь и я этому верил. Почему? Не потому ли, что ЦК ПСР обманул нас, боевиков, взяв деньги от японцев? Но ведь в ЦК был Чернов...

Очень хочется солнца. Сегодня я сказал надзирателю: «Мы с Вами гуляем в колодце». Он засмеялся. Отсюда юг, горы, море кажутся сном – видел во сне, но не прожил. Читаю гимназический «Тропический мир» какого-то бездарного немца. И все таки, как будто бы вижу юг. Как обрадовалась покойная мама, когда я неожиданно пришел к ней в канун Рождества в Ницце...

13 апреля.

Были Л[юбовь] Е[фимовна] и А[лександр] Ар[кадьевич] Заходил Сп[еранский]. Л[юбовь] Е[фимовна] все еще взволнована и не может придти в себя. Ал[ександр] Ар[кадьевич] побледнел и очень похудел. С 1-го апреля он получил 3 руб. Сидит без чаю. Его положение по-своему не лучше моего. Ежеминутная зависимость и полная неизвестность.

Получил письмо от Лыдинки и письма от Вити и Танечки. Лыдинка – ребенок. Танечка – мать. Витя? Боюсь, что на него легло интеллигентское воспитание. Вина (если есть вина) прежде всего моя.

14 апреля.

Был в Сокольниках с Пуз[ицким], Сос[новским], Ген[диным], Ибр[агимом]. Еще только предчувствуется весна. Воздух туманный и влажный. Пахнет мокрой землей и перегнившим листом. На прудах – полурастаявший лед, сало. В лесу все видно насквозь – белые стволы берез, сероватые ветки, серо-голубые – осин, коричневые – сосен и елей. Небо низкое, темное. И полная тишина, как здесь.

Андрей Павлович, вероятно, думает, что «поймал» меня, Арцыбашев думает, что это – «двойная игра», Филосовов думает –

«предатель». А на самом деле все проще. Я не мог дольше жить за границей. Не мог, потому что днем и ночью тосковал по России. Не мог, потому что в глубине души изверился не только в возможности, но и в правоте борьбы. Не мог, потому что не было ни угла, ни покоя (ведь впервые я жил с Л[юбовью] Е[фимовной] – здесь!). Не мог еще потому, что хотелось писать, а за границей что же напишешь? Словом, надо было ехать в Россию. Если бы я наверное знал, что меня ожидает, я бы все равно поехал. Почему я признал Советы? Потому, что я русский. Если русский народ их признал (а это было для меня почти очевидно еще в Париже – сбил с толку Ан[дрей] Пав[лович]), то кто я такой, чтобы их не признать? Да, нищая, голодная, несчастная страна. Но я с нею. Был против Советов, когда думал, что народ их не хочет. Когда я колебался? Мне кажется, в походе на Мозырь. Жулики, грабители и негодяи с одной стороны (за редким исключением – Ярославцев, Матвеев, Цырквич), с другой – неприветливый и полувраждебный крестьянин. Когда я увидел эту неприветливость и эту враждебность, я понял, что народ не с нами. Да и может ли он быть с Балаховичем?

А тут я понял еще и другое. Ведь большевики проводят в жизнь то, о чем мы мечтали – Каляев, Сазонов, Швейцер, я. Что за бесовское наваждение? Кто меня спутал и почему я заблудился в трех соснах? Война и происхождение. А ведь покойный брат Саша был бы, наверное, большевиком. Я об этом говорил Русе в Париже. Как удивительна и неожиданна жизнь.

15 апреля.

Была Л[юбовь] Е[фимовна]. Все еще взволнована – не может привыкнуть к Москве.

Когда она писала и делала чернильные пятна на скатерти, я сердился. А теперь я с удовольствием смотрю на них. Как бы частица ее.

Когда Мюргис умирал – за несколько дней до смерти у него отвалилась губа. В то время, как его брили... Бальзак был невыносимо грязен и проводил свое время в публичных домах. Флобер 7 лет писал один и тот же роман и гордился этим. Гонкуры предсказывали социальную революцию через 75 лет (в 1858 г.).

Французская литература яснее, прозрачнее, я бы сказал, целомудреннее нашей. Французский писатель не выплескивает на бумагу все, что приходит ему в голову после обеда. Русский – писал, ежели писал – все глупости, весь вздор, весь мусор, все непродуманное, все необработанное. Писательство – «подвиг». За этой ложью скрывается право утомлять читателя и глушить его скудостью собственного ума. Пример – Леонид Андреев.

После июньского поражения, когда решалась судьба России. Керенский вечером сел в автомобиль и приказал мне сесть вместе с ним. Катались по галицийским полям. Была луна. Керенский

сидел, откинувшись на спинку автомобиля и закрыв глаза. От времени до времени он говорил одни и те же слова: «И она изнемогла, расставаясь»... В эти часы он думал о женщине.

Когда приехали в армию (VII), он поужинал, а после ужина, не посоветовавшись ни с кем, подошел к командарму Бельковичу и сказал: «Вы отставлены, генерал». А старик Белькович перед наступлением исползал на коленях все окопы. Он был храбр, честен, богобоязнен и слеп. За его спиной воровали, били в морду, смеялись над ним. Но других Керенский не отставил.

Я пришел к Бельковичу. Он сказал: «За что вы меня фукнули?» – и не поверил, что я не при чем. А я послал вдогонку Керенскому мотоциклиста с донесением, что Белькович лучший из всего штаба.

16 апреля.

Чехов похоронен в Новодевичьем монастыре, в тесноте. Со всех сторон жмутся чужие могилы. Рядом – могила его отца. Памятник дурного вкуса – затейливый в простоте, хуже чего, по-моему, нет. Узкий мрамор, на верху тонких железных три креста на крыше. Под крышей распятие в виньетке мюнхенского стиля! Под виньеткой стертая надпись: Антон Павлович Чехов.

В Новодевичьем монастыре лестницы, по которым всходил еще Петр. Окна кельи царевны Софьи. Зубчатые, красные, точно из пряника, башни. Под башнями Москва-река. Пуз[ицкий] сказал про царевну Софью: «Противилась веку и потому погибла». И только? Еще нет зелени на деревьях. Но она уже предчувствуется в ветвях. Нет ничего очаровательнее предчувствия весны. Таков в Париже февраль.

Два года назад я пришел к Левочке на урок. Позвонил. Никто не отпирает. Тишина. Было 5 часов. Я в беспокойстве вышел на улицу (Boulevard Exelmans). Смотрю – Левочка в огромном картузе. – «Почему ты не дома?» – «Звонил, не открыли». Я прошел к консьержке. Вместе поднялись в шестой этаж, к «bonne». Та, мертвая, лежала на полу. Я сходил за доктором, констатировал смерть. Левочка, со школьными книгами, ждал меня у консьержки. Помню его лицо – недоумевающее, не испуганное, а какое-то напряженное. Он впервые почувствовал смерть.

Великий четверг. Звонят колокола. Днем кто-то где-то дудел на трубе – две ноты. Эти две ноты наполняли всю камеру.

Расставил шахматы и стал играть партию Капабланка – Алехин. И, как живая, встала Л[юбовь] Е[фимовна]

17 апреля.

«Строго воспрещается выражаться».

«Гражданин, будь культурный,
мусор и окурки бросай в урны».

Чехов называл свою жену «лошадка», «собака». Его неумеренные почитатели найдут в этих словах что-то особенное, трогательное. А по-моему, просто грубость земского врача. Чехов очень талантлив – он умел рассказывать то, что видел. Но он видел только серое в жизни – грязноватого цвета, грубоватого оттенка. Вся «Народная воля» вдохновила его на один рассказ – «Записки неизвестного человека». Все, что выходило за границу маленькой провинциальной жизни, не интересовало его. Выпить, закусить, сыграть в картишки, Чебутыкин, Лаптев, ноющие интеллигенты – вот и вся жизнь. Была ли тогда Россия только такой? Конечно, нет. Уже рождалось то, что есть теперь, и уже писал Блок. Но он ни того, ни другого не замечал. Очень милый, исключительно даровитый, простой, добрый земский врач.

Чехова любят – Сп[еранский] и Пуз[ицкий]! По закону контрастов?

Л[юбовь] Е[фимовна] не пришла.

Целый день звонили колокола.

19 апреля.

Пасха. Я спросил надзирателя: – «Были в церкви?». Он ответил: – «Нет, я был на комсомольском собрании».

Сп[еранский] говорит: – «Вы никогда не подойдете к нам близко. Выйдете из тюрьмы и больше не захотите встречаться с нами». Это неверно. Коммунизм меня привлекает, во-первых, потому, что социализм – мечта моей молодости, во-вторых, потому, что в нем много справедливого, умного и честного, и в-третьих, и наконец, потому, что выбирая из всего, что есть, я выбираю коммунизм. Не царя же? Не республику же Милюкова? Не эсеровское же бормотание? Но Сп[еранский] говорил и о людях. Люди? Я их не знаю. Знаю едва ли десяток, да и то в разговорах, не на работе. Да, русские, все русские, мне кажется, вовсе не похожи на европейцев. У европейца есть чувство меры, у русского его нет. У европейца есть мудрость человеческих отношений – приличие, вежливость, уважение к женщине, уважение к чужой личности, у русского на это нет и намека. У европейца есть деловитость, точность, практичность, русские ленивы, неаккуратны, не понимают, что значит реальность. Европейец бреется и моется каждый день, русские грязны. Европейец сдержан в словах, ибо познал силу слова, русские болтливы, неряшливы в выражениях, многословны. Европейец застегнут на все пуговицы, памятуя, что не только тело, но и душа, но и ум уродливы у большинства людей, русский – за милую душу, все, что придет в голову, то и произносит вслух, обо всем – об искусстве, о жизни, о любви... С русскими европейцу трудно. Но... Но русский отдаст последний грош, а европейец не отдаст ничего. Но русский спрыгнет с Ивана Великого, а европейец, когда идет дождь, наденет кашне, чтобы не простудиться, и раз в неделю будет принимать

касторку на всякий случай. Но русский пожалеет так, как не пожалеет европейская мать. Но русский лениво и глупо выпрет из себя Достоевского, а европеец будет радоваться Мольеру. Но русский размахнется так, что небу станет жарко, а европеец, если и размахнется, то высчитав заранее шансы против и за. Но русский совершил величайшую социальную революцию, а европеец стоит, разинув рот, и либо трясется, либо учится ей. Черт знает, с востока свет!

20 апреля.

Левочку в Париже лечат горным солнцем, а дача в Мужене стоит пустая. А из этой дачи выгнали Флегонта... Материнская любовь заключается в том, чтобы целовать и обнимать мальчика, когда он не мешает. Или иметь его при себе, когда ему нужен юг, и когда дом полон гостей, т.е. когда он на задворках. Опять моя вина. Боюсь за здоровье Левочки в 16–17 лет. Почему я боюсь, а мать и бабушка не боятся?

Коммунисты раскрепостили женщину в экономическом отношении, по крайней мере в городах, по крайней мере в идее. Это очень хорошо. Но когда Сп[еранский] говорит о «новом» отношении полов, то мне становится очень скучно. «Новое» в том, что женщины отдаются на ковре по очереди всем гостям или в том, что мужчины меняют женщин как грязное белье? Но это было всегда. Правда, первое – только в публичных домах... Все подобные рассуждения – детская болезнь революции, болезнь, которой заражены и взрослые люди. Это пройдет. Ни любовь, ни ревность, ни измену из жизни вычеркнуть нельзя. И в конце концов все-таки самое ценное в жизни – любовь.

21 апреля.

Беготня и суeta в коридоре. Потом молчание. Потом голос: «Который этаж?». Потом кого-то проносят в амбулаторию...

Однажды в марте – выстрел. Потом стоны. Потом молчание. Л[юбовь] Е[фимовна] бледна, как полотенце. Сос[новский] говорит: «надзиратель случайно выстрелил в себя».

Однажды в декабре я вышел с «парашей». Так как ремонтировали, то надо было идти к канцелярии. На площадке вижу: поднимается по лестнице молодой человек, лицо белее снега, папах, шинель, в руках – вещи, корзинка. Сзади надзиратель. Пришел, рассказал. Л[юбовь] Е[фимовна] вышла и увидела, как он спускался вниз без вещей, не с одним надзирателем, а с тремя. Через 15 минут (по часам) – глухой выстрел.

Однажды в августе – два выстрела подряд. Однажды... Однажды...

Я был убежден, что меня расстреляют – по суду или без суда, все равно. Я спросил Пил[яра]: «По суду или без суда?». Он ответил: «Этот вопрос еще не решен». Когда ждешь смерти и уверен в ней (в Севастополе я почему-то не был уверен), думаешь о самом главном. Вероятно, так. Я думал очень много о Л[юбови]

Е[фимовне] и Левочке, немного о Русе, немного о покойной маме. Готовясь к расстрелу, я себе говорил: «Надя, женщина, прошла через это. Пройду и я». В этой мысли я находил поддержку. Кроме того, я много думал о малости человеческой жизни. Мама мне как-то сказала: «Помни, Борис, на свете все суета. Все.» В последнем счете она, конечно, права. А утешали меня книги по астрономии. Особенно Венера, ее жизнь. В душе не было никакой надежды и немного равнодушия. И в то же время отчетливое сознание – «не за что умирать». Именно «не за что». Не за Филос[офова] же. В то время я бы, пожалуй, отдал свою жизнь, чтобы его спасти, но не для того, чтобы он разглагольствовал в «Таверне поэтов».

А идея умерла уже давно – в Варшаве.

22 апреля.

Дневник Гонкуров – дневник сытых французских буржуа, любящих искусство. Потому, что они любили искусство и хорошим языком писали романы, которых давно никто не читает, они, разумеется, воображали себя исключительными людьми. А кто себя таковыми не воображает? Даже не любя искусства, даже умея говорить только «матом»...

Гонкуры пишут:

- О женских глазах и взглядах – в повесть.
- Театр – грубое искусство.
- Я предпочитаю молчание музыке.
- Вольтер – совершенство посредственности.
- Когда неверие становится верой, оно глупее религии.
- После хорошего обеда говорят обычно о бессмертии души.
- Всякий литературный спор сводится к тому, что «у меня больше вкуса, чем у вас».
- Литературная критика состоит в том, чтобы говорить все, что взбредет в голову.
- История? Это 50 лет. Рассказы людей, знавших лично.
- Хорошо можно написать только то, что видел или пережил.
- После пива можно написать монографию о Гегеле; после шампанского можно говорить глупости; после бургундского можно их делать; после сидра единственное, что можно – подписать договор.
- Русские женщины странные существа. В них все – каприз.
- Лучшее воспитание писателя в том, чтобы он от 25 до 30 лет описывал только то, что видит своими глазами, забыв все книжки, которые он когда-либо читал.
- Гораздо хуже сознания смерти сознание ничтожества человеческой жизни.

Со всем этим я согласен.

Гонкуры пишут еще: «Лживые фразы, высокие слова – вот чем занимаются политические деятели нашего времени». Через 60 лет то же самое мне повторил monsieur Jean, парикмахерский подмастерье.

Сила коммунистов в том, что они не говорят лживых фраз. Этим они и победят.

23 апреля.

Все то, что я написал, мне кажется написанным из рук вон плохо. Сегодня переписывал и переделывал «Дело № 3142» и грыз от злости перо – не умею сказать так, как хочу! Не умею даже намекнуть.

Меня ругали за все мои вещи. Хвалили только за «Во Франции во время войны». А это – наихудшее из всего. В особенности, рассказы.

Я работаю, переделывая по 15 раз, не для суда читателей (читатель чувствует только фабулу в огромном большинстве случаев: интересно – неинтересно...), еще меньше для суда критиков (где они?) и, во всяком случае, не для удовольствия. Я работаю потому, что грызет, именно грызет желание сделать лучше. А я не могу.

Когда я читал у Сос[новского] свой рассказ, один ушел, другой заснул, третий громко разговаривал. Каков бы ни был мой рассказ, это настоящая дикость – полное неуважение к труду. А надзиратели, видя, как я пишу по 8 часов в сутки, ценят мой труд... Так называемые «простые» люди точнее, добрее, честнее, чем мы, «интеллигенты». Сколько раз я замечал это в жизни. От Милюковых и Мережковских у меня остался скверный осадок не только в политическом отношении (в политике просто дураки), но и в житейском. Чванство, бессердечие, тупость... А даже в балаховцах (рядовых, конечно) рядом с буйством, пьянством и грабительством я видел скромность, сердечность, смекалку. Милюковы и Авксентьевы не буйствуют, ибо у них рыба кровь, и не пьянствуют, ибо «что скажет княгиня Марья Алексевна», не грабят, ибо не для чего – живут подачками от банкиров, с барского стола. Одно из самых ярких и самых лучших моих воспоминаний – рабочие Дулебов, Двойников, Назаров.

24 апреля.

Во дворе, где я гуляю, набухли почки. Кое-где показалась трава.

Сменили надзирателя, который был со мной с первого дня. Поставили другого – огромного, с грубым лицом. Он громко кашляет, громко сморкается и то и дело заглядывает в «глазок».

В Париже во мне живет Москва, в Москве – Париж. Я знаю, что для меня главное в Москве: русский язык, кривые переулки, старинные церкви, убожество, нищета и ... музей революции, и ... Новодевичий монастырь. Но что главное для меня в Париже? Не знаю. Кажется, цветы на каштанах, прозрачные сумерки, февральские оголенные деревья с предчувствием весны, яблони в цвету по дороге в St. Cloud, туман утром в Булонском лесу. Во всяком случае, прежде всего, в памяти это, а уже потом – гробница Наполеона, rue des Martyrs, Pere Lachaise, avenue Kleber и Magdebourg...

Необычно в 8 1/2 ч. открыли дверь. Я ждал. Что такое? – «Вам сахар»...

Впервые я был в Париже, когда мне было 20 лет. В^д S^л Michel, Hotel des Mines, S^л Ouen, затерянность в огромном городе и – «Ca ira»... Потом нелегальным, нищим, вместе с И.П. Каляевым, у Gage de Lyon. 7 фр. в день от Азефа! Да и то не всегда. Приходилось искать его, ловить в «Olimpia» у выхода. Закладывали револьверы... Потом, опять нелегально, с В.М. Сулятицким³. Снова Азеф, Конни Циллиакус⁴, конспирация, шведский паспорт. Потом – rue Lafontaine, Марья Алексеевна, «Конь бледный». И Мережковские, которым я тогда, только тогда верил. Потом война, журнализм, Bercy, Marechal, Soulie, Braslerte del'Est, La Victoire rue Lalo, Эренбург, художники и «juzqu' au bout»⁵. Потом – Л[юбовь] Е[фимовна] и Union. И, наконец, Гаресы и снова Л[юбовь] Е[фимовна]. Полжизни – в Париже. Сп[еранский] насмехается: «француз». Нет, не француз, а русский, но русский, который видел то, чего не видел Сп[еранский]. И наоборот?

Помяловский (не в «Очерках бурсы») длинен, скучен, главное, – не умен. И это – классик?... О языке я не говорю. Языка нет.

25 апреля.

В тюрьме время идет не так, как на воле. В тюрьме каждый день длинен, а оглянешься назад – как быстро прошли месяц, три месяца, полгода! Не оглянешься, будет июнь, а до вечера дожить – десять лет.

Когда была жива мама, я о ней думал, конечно. Даже заботился, как мог. Но теперь, когда она умерла, когда ее уже нет, мне кажется, что я вовсе не думал, совсем не заботился, не пожалел ее старости, не сделал все, что было в силах. Как это огромно – мать... Мне 46 лет. А я горюю о матери. Она не была со мною нежна (кроме последних лет) и любила меня, наверное, меньше, чем Соню, чем Сашу, даже чем Русю. Но вот она умерла. Смерть отца, сына, брата, сестры, М[арии] А[лександровны], И[вана] П[латоновича] [Каляева] для меня меньше, чем ее смерть. О ней я думаю всегда. Почему?

На могиле отца в Варшаве что-то кольнуло в сердце. Я положил венок (был вместе с Л[юбовью] Е[фимовной]). Вернулся в «Брюль» и ... забыл. А вот мама, как живая, всегда передо мной. В Париже возвращаюсь в 1 ч. дня, она меня ждет в черном платье, в черной наколке. Стол накрыт. Е[вгения] И[вановна] пошла спать, М[ария] А[лександровна] тоже, Левочка спит давно. Она не ест, сидит передо мной: «Выпей рюмочку»... и ждет тоскующими глазами, расскажу ли я свой день? И в Ницце, суется и не зная, куда меня посадить. И у Плехановых в Boulogne на балконе, ожидая меня, провожая меня, слушая мои шаги по безлюдной улице. И на rue d'Antenil в окне, прощаясь. И последние дни.

Я был нелегальным. Зашел к Макарову (тоже уже нет) в 1906 г. Он говорит: «Ваш покойный отец... Ваш покойный брат... Ваш покойный сын...». Я не знал ничего. Вышел на улицу и шел, пошатываясь, не понимая.

Никто и никогда не поймет, что пережил я 15 июля 1904 и 4 февраля 1905 г. Теперь это обычно. Тогда – совершенное исключение. Мне было 25—26 лет... Ивановская в своих воспоминаниях написала: «Точно наводнение прошло по лицу». Оно и прошло. И не только по лицу.

Когда казнили И[вана] П[латоновича] [Каляева], я был в Париже. Я не спал ни минуты четыре ночи подряд.

Как я мог идти против коммунистов?

26 апреля.

Левочка зажег костер и прыгал через него. А потом пускал пятикопеечный фейерверк и смеялся, не хотел идти спать. Ему было 12 лет. Когда я его увижу, ему будет сколько?... И ни костер, ни фейерверк не повторятся...

Почему я думаю именно о Левочке, а не о Вите, не о Тане? Потому, что он меньше, т.е. беспомощнее? Но я ведь не думаю о внуке... Люблю их всех, а думаю только о нем. Потому, что он похож на меня? Но ведь и Таня похожа... Или потому, что я выносил его на руках, когда он умирал, ребенком? Не знаю...

Когда Ан[дрей] Пав[лович] покраснел, смутился, и у него забегали глаза, я сказал себе: «Арестуют». Когда он бросил Русе: «Долго же Вам сидеть в эмиграции» – тоже. Когда он заговорил о Рогове, коммунисте, с симпатией – тоже. И так много раз. А Фомичева я решительно заподозрил. У самой границы, ночью, когда он шмурыгнул носом и отошел в кусты, на мое слово «предатель», я одну минуту хотел взять его за шиворот. И не взял. Почему я поехал?... Я шел к Бурцеву, уверенный, что меня арестуют. Он выслушал все и сказал: «Нет, нет оснований предполагать...». Я понимал, что вздор, но хотел ему верить. Как нарочно, не слушал А[лександра] Ар[кадьевича] и Л[юбовь] Е[фимовну]. Ехал инстинктом, слепо, ибо не мог оставаться, ибо замучила совесть (против народа!...), ибо Балахович, Макаковы, Авксентьевы, Милюковы, ибо не было ни угла, ни крыши, ибо травля, ибо случай с Флегонтом, ибо, ибо... Миллионы причин. Замечательно, что не отговаривал никто. Все (кроме Руси) нашли, что так и должно быть – «привези нам золотое руно, или пусть тебя расстреляют». А теперь клеветают, даже С[идней] Г[еоргиевич] Так устроены люди. Но ведь Каляев не был таков.

Целый день бился над одной страницей – попробуй, опиши парижскую улицу в начале апреля, вечером, да не на 200-х строчках, как Гонкуры, на 10-и, и чтобы чувствовался воздух Парижа. Не умею. Опускаются руки.

Боюсь за Л[юбовь] Е[фимовну]

Читал Бальзака. Скучно.

27 апреля.

Руся пишет, что 12-го скончалась Шура... Бедная, маленькая женщина! Не думаешь о человеке вовсе, а когда он умирает, то становится жаль, что знал мало, не интересовался, не заглянул глубже. И уже непоправимо.

И вот еще непоправимо. На острове Пасхи нашли следы очень древней культуры – каменные памятники, идолы. Не узнали, не могли узнать, к какому веку, к какому народу они относятся. Два года назад ост[ров] Пасхи исчез во время землетрясения. Весь целиком.

Когда М[ария] Ал[ександровна] умирала, я не поверил, что это смерть, – думал, что обычный припадок. До 8-и я играл в шахматы с ...⁶, в 8 лег спать – был уже день давно. В 10 ¹/₂ меня разбудила Е[вгения] И[вановна] Я вошел, М[ария] А[лександровна] была еще жива, лежала тихо, с закрытыми глазами. Я взял ее за руку, она посмотрела на меня и слабо пожала руку. Потом сказала: – «Какие вы все добрые... Спасибо». И умерла.

А потом я каждый день ходил на кладбище, в склеп и смотрел через окошко в гробу, как медленно, медленно разрушалось лицо. Темными тенями. Синеватыми пятнами. Провалом около губ.

А теперь я об этом вспоминаю почти спокойно.

28 апреля.

Почти все русские писатели страдали одним и тем же недостатком – длиннотою. Длиннен Мережковский, Куприн, Короленко, не говоря уже о второстепенных. Кстати, Сергеев-Ценский – испорченный Куприн. Из нынешних, тех, которых я читал, остались в памяти Лебединский, Бабель, Семенов.

Кое-где на кустах распустились листья (на дворе). Сегодня была гроза, и сильно пахло дождем в камере, а на прогулке – сырой землей.

В жизни бывает несколько таких ярких дней, что их невозможно забыть: ярких в своей простоте, в том, что ничего не случилось. Вот, помню, мне года 3–4 (еще в Вильне), я иду от сквера вверх по Большой улице с кем-то, может быть, с мамой. У меня в руках барабан, а солнце горит в небе, и на стеклах фонарей, и в дождевых лужах. А мне очень, очень радостно и хорошо. А вот другой день: мы возвращаемся с Л[юбовью] Е[фимовной] из Umbelay пешком через мост. Я покупаю ландыши у старухи. Потом сидим внизу у берега в café и смотрим на солнце. Оно на небе и реке, и у Л[юбови] Е[фимовны] в глазах. И мне также радостно, как тогда, ребенком в Вильне.

Ан[дрей] Пав[лович] – честный и стойкий солдат, Фомичев – мразь, С[ергей] Эд[уардович] [Павловский] – зверь.

29 апреля.

Письмо от Русиной Ярославцевой]. Я так изверился в человеческих отношениях, что мне странно думать, что есть люди, которые сохранили дружбу, Ярославцева], напр[имер]. А Виктор – друг «Димы»⁷!...

Лет пятнадцать назад в Ильфракомбе меня поразило море. Очень высокий скалистый берег, почти замкнутым кругом. Внизу совсем глубоко кипящая сине-белая расплавленная масса, которая ходит ходуном и рычит. Надо всем – совершенно свинцовое небо. Свинцовое небо в Гаммерфесте и в Варде, но море другое, не рас-

плавленное, не металлическое, а водяное, и не рычит, а свистит и воем. В Индийском океане – индиго и золото наверху. Слепнут глаза. В Северном – муть, белесые волны, и дождик наискосок... После Индийского океана Красное море – серого цвета, Средиземное – грязновато. После Зунда то же Средиземное море – как Индийский океан. *La relativite du choses!*⁸

Первые листья во дворе – акации!

Ландыши, которые принесла Л[юбовь] Е[фимовна], уже отцвели.

Я очень долго жил совсем дураком, не подозревая интриги. Теперь для меня ясно, что когда я был в Воен[ном] мин[истерстве], интриговал Терещенко, интриговал Барановский, интриговал Гальперин, интриговал Некрасов. А тогда я все принимал за чистую монету. Кончилось тем, что болван Керенский поверил, что интригую я, а не они. Поверил в это и Корнилов. А я был абсолютно честен по отношению к ним обоим. Даже не только честен, а упрямо и правдиво туп. Я думал тогда, что много людей думает не о себе, а о русском народе! А мне было уже 38 лет!...

Очень лживые и хитрые люди ходят в улыбке, как в маске. Но когда улыбка случайно сойдет, видишь харю – новую, неожиданную, и уже нельзя ошибиться.

Старуха Плеханова пнула меня в тюрьме. Но ведь она не могла не знать, что Плеханов согласился составить правительство, если бы мы победили под Пулковым. Ведь он исправлял текст постановления об аресте Керенского, написанный мной по соглашению с комитетом казачьей дивизии (вероятно, с ведома Краснова) и переписанный Флегонтом. Она поступила так почему? Потому, что Госиздат купил сочинения Плеханова, потому, что она имеет право въезда в Россию. Пусть так. Я не хочу осуждать. Но зачем же играть в благородство? Зачем же через дочерей просить меня похлопотать о визе во Францию? И я ходил унижаться к этому сукину сыну Манделю...

30 апреля.

Во дворе за ночь выросло три лютика, все три рядом.

Гонкуры, конечно, сытые буржуа, но необычайна и почти единственная в своем роде их братская любовь. Необычайны по силе и записи Эдмона о болезни и смерти Жюля.

– Вероятно, больше всего глупостей говорится в музеях.

– Когда женщина неправа, она всегда сердится.

– Мужчина может не поддаться влиянию слов, которые произносит. Женщина, которая говорит цинично, грубыми словами, всегда унижается и грубеет.

– Приближаясь к старости, испытываешь потребность в том, в чем не нуждался всю жизнь: в молчании.

– Никогда читатель не поймет отчаяния, когда хочешь написать и не можешь.

– Любят страстно не за добродетели, а за недостатки.

– Революция без гильотины была бы смешной, без крови – ничтожной. (Керенский!...)

– Иногда бываешь доволен, что кругом нет людей, ибо люди ранят, и в то же время грустно, что нет никого.

– Все неповторяемо в жизни. Все бывает только один раз.

– Рисунок губ, линия жеста, блеск взгляда притягивает мужчину к женщине, как планету к планете. Эта тайна не будет разгадана никогда.

– Музыка в театре, в концерте оставляет меня равнодушным. Я чувствую ее немного только на воздухе, только когда она случайна.

– Судьба крупных людей такова, что наступает день, когда нет выхода. Тогда они бросаются в море.

– Жизнь такое горе, такой труд, такая работа, что умирая, спросишь себя: «Жил ли я?».

– Женщина, которая не была красивой, не знала молодости.

– Всякая женщина от природы таинственна и темна.

– Я следую по дороге своей жизни, как на лошадях, которые понесли.

Со всем этим я тоже согласен.

1 мая.

Целый день за окном музыка – демонстрации. У меня болят глаза, голова всегда тяжелая, в ушах всегда звенит. Нет воздуха и движения. С трудом заставляю себя писать. Попишешь час – и как неживой.

Я не то, что поверил Павловскому. Я не верил, что его могут не расстрелять, что ему могут оставить жизнь. Вот в это я верил. И в том, что его не расстреляли – гениальность ГПУ.

В сущности, Павловский мне внушал мало доверия. Помню обед с ним в начале 1923, с глазу на глаз, в маленьком кабаке на rue de Martyrs. У меня было как бы предчувствие будущего. Я спросил его: – «А могут ли быть такие обстоятельства, при которых Вы предадите лично меня?». Он опустил глаза и ответил: «Поживем – увидим». Я тогда же рассказал об этом Л[юбови] Е[фимовне]. Но я не мог думать, что ему дадут возможность меня предать... Чекисты поступили правильно и, повторяю, по-своему гениально. Их можно за это только уважать. Но Павловский? Ведь я с ним делился, как с братом, делился не богатством, а нищетой. Ведь он плакал у меня в кабинете... Вероятно, страх смерти... Очень жестокие люди иногда бывают трусливы. Но ведь не трусил же он сотни раз? Но если не страх смерти, то что? Он говорил Ген[дину], что я «не поеду», что я «такой же эмигрантский генерал, как другие». Но ведь он же знал, что это неправда. Он-то знал, что я не «генерал» и «поеду». Зачем же он еще лгал? Чтобы, предав, утешить себя? Это еще большее малодушие.

Я не имею на него злобы. Так вышло лучше. Честнее сидеть здесь в тюрьме, чем околачиваться за границей, и коммунисты лучше, чем все остальные. Но как напишешь его? Где ключ к нему?

Ключ к Ан[дрею] Пав[ловичу] – вера, преданность своей идее, солдатская честность. Ключ к Фомичеву – подлость. А к нему?... А если бы меня расстреляли?...

В свое скорое освобождение я не верю. Если не освободили в октябре–ноябре, то долго будут держать в тюрьме. Это ошибка. Во-первых, я бы служил Советам верой и правдой, и это ясно. Во-вторых, мое освобождение примирило бы с Советами многих. Так – ни то, ни се... Нельзя даже понять, почему же не расстреляли? Для того, чтобы гноить в тюрьме? Но я этого не хотел, и они этого не хотели. Думаю, что дело здесь не в больших, а в малых – в «винтиках». Жалует царь, да не жалует псарь... Недаром я слышу, что у меня «дурной характер». Дурной характер в том, что я не хочу называть людей, которые верили мне и которые теперь уже не могут принести никакого вреда?...

Танечка прислала свою фотографию с мальчуганом. Л[юбовь] Е[фимовна] посмотрела и сказала «Votre fille n'est pas jolie»⁹. Зачем она так сказала? Может быть, это и правда, но зачем?

На прогулке шел дождь. Пахло теплой и влажной землей.

2 мая.

Виктор однажды сказал про Русю и А[лександра] Г[еннадьевича] «навозные жуки». Да, но эти «навозные жуки» создали крепкую и честную семью, воспитали добрых и честных детей, всегда работали, никогда никому гадостей не делали, всегда заботились о других, и в тягчайшие дни оставались верными, благородными и мужественными друзьями. А Виктор?... А я?... Но у меня хоть есть оправдание (или мне так кажется): я, в сущности, всю жизнь определил не семьей и не личным счастьем, а тем, что называется «идеей». Пусть в «идее» этой я сбился с пути, но никто меня не упрекнет, что я добивался личного благополучия. А Виктор?...

Я написал «никто не упрекнет»... Упрекнут и в этом. Во всем упрекали, и упрекают, и упрекнут – и в том, в чем виновен, и в том, в чем не виноват; и в том, что было, и в том, чего не было; и в моих слабостях, и в моей силе; и в дурном, и в хорошем; и в бездарном, и в небездарном. Не одни, так другие. Но больно, когда упрекает свой, близкий, родной, любимый. Больно, когда и он со всеми...

Который год я не вижу весны, почти не вижу природы. В городе – стены, но все таки иногда зеленые дни, хотя бы в Мужене. А в тюрьме только запах отшумевшего по мостовой дождя, да чахлые листики во дворе.

Как огненно-солнечно здесь, за решеткой, вспоминается Шанхай – Марсель. Холодное небо в Шанхае, голубые холмы в Гонконге, Сайгон с ослепительными лучами, Сингапур с ливнем, Коломбо с камфарным деревом и сахарным тростником, пустыня Джибути и лучезарный, сияющий, бесконечный, бездонный Индийский океан. Дельфины и полет рыб. И Л[юбовь] Е[фимовна].

Под Сайгоном я с Л[юбовью] Е[фимовной] зашел в деревенский дом. Полуголая мать, голые дети. Тростник вышиною в сажень. Каменный колодец. Голубая корова. А дома, на стене, французская раскрашенная картинка и календарь.

В Джибути белые стены, палящее солнце, крохотные ослы, такие, на которых ездил Христос, пыль и голые камни. А в пустыне, в стороне от дороги, труп верблюда и грифы на нем – длинношеии, желтые, рвущие кровавое мясо.

3 мая.

Помню: Левочке 2 года. Утро. Южное солнце затопило всю комнату. Я лежу в кровати, а Левочка слабыми ножками карабкается по железной спинке, смотрит на меня и смеется.

Теперешняя новая Россия мне кажется похожей на Левочку: слабые ножки, детство. Но уже радостный смех – предчувствие будущего. Смех, несмотря на разорение, нищету, расстрелы, голод, гражданскую войну, – все бедствия, какие есть на земле. Смех – потому, что впереди большая, широкая, не омраченная пока ничем дорога. Сукин я сын, что понял это так поздно...

В эмиграции вершат дела 80-летняя Брешковская, 78-летний Чайковский, 70-летний Милюков, 55-летний Кутепов, 55-летний Бурцев, 53-летний Философов. Самый молодой – Керенский, 44 лет. А в России? Менжинский, Дзержинский, Каменев, Сталин считаются стариками. А молодые не знают нас. Мы, революционеры 1905—1906 гг. для них – миф. Савинков – бандит, едва ли не польский шпион, но Савинков-террорист? А кто такой Чернов? Где-то кто-то когда-то... кажется, контрреволюционер... Авксентьев? – Не знаю... Фундаминский? – Не знаю. Гоц? А это тот, которого судили, эсер, балда... Да что Авксентьев и Гоц? Забыты Сазонов и Каляев. Совершенно забыт Гершуни. Больше. Царское время? Не помню, я был мальчонком... Пилсудский как-то жаловался мне, что польская молодежь не знает истории и не хочет знать. Получила все на дармовщинку и довольна, и пафоса в ней нет... Но в русской молодежи пафос есть. Заслуга большевиков?

Кстати. Мой приговор, в общем, правилен, т.е. правильно, что я признан виновным (я бы себя расстрелял...). Но неправильно и несправедливо одно: я признан виновным в шпионаже в пользу Польши. Неправда. Шпионом я никогда не был. И это суд понимал. Понимало и ГПУ. Иначе шпионы и Колчак, и Деникин, и кн. Львов, и даже Фундаминский. Почему же меня по этому пункту не оправдали? Житейская суета?

4 мая.

Когда парикмахер стриг меня, я поднял клочья волос, – было больше белых, чем черных. Старость.

Нефедова я не мог прочитать... Тимковский совершенно бездарен. Гнедич бездарен, длинен, но иногда интересен. Авсеенко –

плохой Гнедич. Станюкович не то что без языка, а с отвратительным языком, но его моряки – живые. Сургучов – Сергеев-Ценский второго сорта. Зайцев – скучен, с претензиями... Но у каждого, даже у Нефедова, есть одна, две, несколько страниц с божьей искрой.

Романов безусловно талантлив, но в недостатках очень типичен, я бы сказал, банален: длинен до бесконечности и неряшлив в языке. Почему он не работает над языком? Незрелось дарования? Лень? «Жаль себя»?

Келлерман пишет грубыми мазками, нервно, претенциозно и все-таки сильно и даровито. Но ведь были Бальзак, Флобер, Стендаль... Как же можно так писать?

Без отчетливого, ясного, прозрачного языка не может быть настоящей изобразительности. Вот этого-то и не понимают. Как не понимают того, что над языком надо работать, языку надо учиться, как художник учится технике, рисунку. Хотят писать для масс. Это правильно. Но массы, как и отдельный человек, скорее воспримут ясную речь, чем несвязное бормотание. Зачем же все эти выверты, вскрики, звукоподражания, охи и ахи? Разве в этом новое? Новое должно быть в содержании. Но и такого нового я вижу мало. Дело не в том, чтобы князя Болконского заменить матросом-большевиком, а в том, чтобы описать толпу, народ, движение, размах, жизнь фабрики – труб, доменных печей, ткацких станков, жизнь деревни – поля, скота, крестьян (единого целого), словом, в том, чтобы не копаться исключительно в индивидуальности, а выявить, говоря новым языком, «коллектив». Но этого-то и нет. По крайней мере, нет до сих пор.

Звенит труба.

5 мая.

Л[юбовь] Е[фимовна] потрясена «отсрочкой». Я думаю, что таких «отсрочек» будет еще много... Себя мне не жаль, но жаль ее. Ее молодость со мной проходит в травле, в нищете, потом в тюрьме, потом в том, что есть сейчас... А я так хотел ей счастья.

Витя прислал свой переделанный рассказ. Не плохо, но и не хорошо. Можно напечатать, но можно и не читать. Это еще ничего не доказывает, конечно. Надо работать... Умеет ли он? Он вырос в интеллигентской полунищете, т.е. в самой худшей школе жизни. Папиросочки, разговорчики, психология, нервы... Бедный мальчуган.

Болят глаза, и в голове копоть. Пишу со скрежетом зубным, и ничего не выходит. Просижу еще год и совсем одурею, и выйду стариком.

Весь вечер поют за окном.

6 мая.

По совету Сперанского написал Дзержинскому.

Во время суда, в перерывах, когда я сидел в комнате, где было 5 красноармейцев, и потом в 4-х часовом ожидании приговора со мной разговаривал маленький белокурый «на правах полкового

командира» Кандонистов. Он говорил о ценах на сапоги и селедки, о жилищной площади, о кооп[ератив]ах, о том, что все стало дешевле и о своей маленькой дочке: «папа, пой бам! бам!»... Он даже принес мне бутербродов и винограду! Иногда приходил и Пузицкий. Я был совершенно уверен, что меня расстреляют, но было все – все равно. Так я устал.

В Париже я хотел запереть двери на ключ, посадить перед собой Фомичева и сказать ему: «Сознавайтесь». Так я когда-то заставил сознаться Кирюхина. Хотел и не хотел. Что-то говорило: «не надо, все равно»... Плохо ли, хорошо ли, пусть будет, что будет, но надо было прыгнуть с этой колокольни. Дело не только в «организации» Андрея Павловича, дело еще и в том, прежде всего, что я чувствовал неправоту своей борьбы и несправедность своей жизни. Кругом – свиные хари, все эти Милюковы, и я сам – свинья: выгнан из России, обессилен, оплеван... И не с народом, а против него!...

«Братья Земмгано» не то, что Гусев-Оренбургский или Сергеев-Ценский или даже Куприн. Но почему Гонкуры так много пишут о природе. Неужели они не понимают, что о природе надо писать скупо, – не только мало, но и кратко, в двух-трех строках. Нагромождение образов только мешает. В жизни не видишь всех деталей леса, реки, моря, но воспринимаешь их (не зрением, так слухом, не слухом, так обонянием, даже осязанием: трава, даже вкусом – сорвешь колос ржи и жуешь). А у Гонкуров видишь и не воспринимаешь, и остаешься равнодушным. То же и у Бальзака... По правде говоря, природа меня трогает только у Пушкина, у Лермонтова (в «Герое нашего времени»), у Тургенева, да в стихах – у Тютчева. А в жизни природа меня трогает всегда, даже лопух на тюремном дворе.

Был Александр Аркадьевич. Бледный, худой и тоже взволнованный отсрочкой. Бедный взрослый ребенок, не умеющий ни жить, ни бороться за жизнь.

Н-1791. Т. 64. Л. 1—50. Рукопись (тетрадь).

Дневник опубликован полностью: Гласность (Еженедельное приложение к журналу «Известия ЦК КПСС»). 1990. № 1–5. 14, 21, 28 июня, 5, 12 июля. Публикацию подготовили В. Виноградов, И. Курилов, В. Сафонов. Дневник опубликован с купюрами и комментариями: Шенталинский В. Свой среди своих. Савинков на Лубянке // Новый мир. 1966. № 8. С. 178–191.

¹ Вноровский-Мищенко Б. У. (1881–1906), член боевой организации партии эсеров. Погиб при совершении теракта против московского генерал-губернатора Дубасова.

² Иловайский Д. И. (1832–1920), историк и публицист. Автор «Истории Рязанского княжества», многотомной «Истории России», гимназических учебников по русской и всеобщей истории.

³ Сулятицкий В. М. (1885–1907), эсер. Повешен после участия в покушении на жизнь премьер-министра Столыпина.

⁴ Циллиакус К. В. (1885–1924), один из лидеров партии «активного сопротивления» Финляндии.

⁵ До конца (франц.) – выражение, означающее экстремистов.

⁶ В тексте документа неразборчиво.

⁷ Дима – Д.В. Философов.

⁸ Все относительно! (франц.)

⁹ Ваша дочь не хороша собою (франц.)

73

Дневник Л.Е. Дикгоф-Деренталь

Предисловие Б. Савинкова

Этот дневник – не литературное произведение. Это простой и правдивый рассказ одного из членов нашей организации, арестованного вместе со мной и Александром Дикгоф-Деренталем. Госпожа Дикгоф-Деренталь силою вещей была очевидицей всего, что произошло в Минске и в Москве в августе этого года. События, о которых она говорит, разрушают много легенд. Я бы хотел, чтобы иностранный читатель, читая эти страницы, отдал бы себе хоть до некоторой степени отчет в том, что в действительности происходит в России, – в той России, которая после разоривших ее войны и революции восстанавливается мало-помалу из развалин. Я бы хотел также, чтобы иностранный читатель хоть немного любил великий народ, который после всех испытаний находит в себе силы выковать новый государственный строй, в основу которого он кладет равенство и справедливость.

Борис Савинков.

Октябрь 1924. Внутренняя тюрьма. Москва.

Москва.

Пятница, 29 августа 1924 г.

Сегодня в полночь будет пятнадцать дней с тех пор, как мы перешли границу.

В воскресенье будет две недели, как мы на Лубянке.

Эти факты запечатлелись в моей памяти с точностью фотографической пластинки. Я хочу их передать на бумаге, хотя цели у меня нет никакой.

15 августа.

На крестьянской телеге сложены чемоданы. Мы идем за ней следом. Ноги наши вымочены росой. Александр Аркадьевич двигается с трудом: он болен.

Сияет луна. Она сияет так ярко, что можно подумать, что это день, а не ночь, если бы не полная тишина. Только скрипят колеса. Больше ни звука, хотя деревня недалеко.

Холодно. Мы жадно пьем свежий воздух – воздух России. Россия в нескольких шагах от нас, впереди.

– Не разговаривайте и не курите!

На опушке нас окликают:

– Стой!

Польский дозор. Он отказывается нас пропускать. Мы настаиваем. Люди в черных шинелях, видимо, колеблются. Борис Викторович почти приказывает, и мы проходим.

Толмачев¹ вынимает часы. Без пяти минут полночь. Чемоданы сняты с телеги. Возница, русский, плохо соображает, в чем дело. Но он взволнован и желает нам счастья. Теперь мы в мокрых кустах. Перед нами залитая лунным светом поляна. Толмачев говорит:

– Сначала я перейду один. Иван Павлович ждет меня на той стороне. Я вернусь с ним, и он поможет нам перенести чемоданы.

Он уходит. Он четко вырисовывается на белой поляне. Вот он ее пересек и скрылся. Через минуту вырастают две тени. Они идут прямо на нас.

– Иван Павлович? – спрашивает Борис Викторович, близоруко вглядываясь вперед.

Двенадцать часов назад Иван Павлович в Вильне расстался с нами. Он поехал проверить связь с Андреем Петровичем, красным командиром и членом нашей организации.

Мы берем в руки по чемодану и гуськом отправляемся в путь.

Из лесу выходит человек. Это Андрей Петрович. Звенят шпоры – он отдает по-военному честь. Сзади кланяется кто-то еще.

– Друг Сергея², Васильев. – представляет Иван Павлович. – Он проводит нас до Москвы.

Мы выехали в Россию по настоянию Сергея. Он должен был приехать за нами в Париж. Но он был ранен при нападении на большевистский поезд и вместо себя прислал Ивана Павловича и Толмачева. Толмачев – член ПСР и связан с Борисом Викторовичем с 1917 г.

Я смотрю на Васильева. Он похож на офицера. На молодом, почти безусом лице длинная, клинышком, борода ярко-красного цвета.

Мы идем быстро, в полном молчании. За каждым кустом, может быть, прячется пограничник, из-за каждого дерева может щелкнуть винтовка. Вот налево зашевелилось что-то. Потом направо. И вдруг всюду – спереди, сзади и наверху – шумы, шорохи и тяжелое хлопанье крыльев. Звери и птицы.

Пролетела сова. Это третий предостерегающий знак: утром разбилось зеркало, и сегодня пятница – дурной день.

Мы идем уже больше часа, но усталости нет. Мы идем то полями, то лесом. Граница вьется, и мы мало удаляемся от нее. Но вот в перелеске тарантас и подвода. Лошади крупные, «казенные» – говорит Андрей Петрович. Иван Павлович и Васильев достают шинели и полотняные шлемы. Шлемы по форме напоминают германские каски.

Борис Викторович, Александр Аркадьевич и Иван Павлович переодеваются. Их сразу становится трудно узнать. Я шучу:

– Борис Викторович, вы похожи на Вильгельма 2-го.

Александр Аркадьевич лежит на подводе. Рядом с ним на своих вещах – Толмачев. В дождевике и нашьлепке, он говорит, не умолкая ни на минуту. Он типичный пропагандист. Андрей Петрович, с револьвером на поясе, садится на козлы.

Борис Викторович, Васильев и я размещаемся в тарантасе. Иван Павлович правит. Маленького роста, широкоплечий и плотный, с круглым, заросшим щетиной лицом, в слишком длинной шинели, он имеет вид заправского кучера. Я смотрю на него и смеюсь.

До Минска нам предстоит сделать 35 верст.

Деревня. Лают собаки. Потом поля, перелески, опять поля, и снова деревня. И опьяняющий воздух. А в голове одна мысль: поля – Россия, леса – Россия, деревни – тоже Россия. Мы счастливы: мы у себя.

Высоко над соснами вспыхнул красноватый огонь. Что это? Сигнал? Нет, это Марс. Но он сверкает, как никогда.

Дорога скверная, в ямах. На одном из поворотов тарантас опрокидывается. Мы падаем. Иван Павлович, по пословице, «на все руки мастер». Он починяет сломанную оглоблю, и мы снова едем. Так, не останавливаясь, мы едем всю ночь.

16 августа.

На заре мы сделали привал в поле. В небе гаснут последние звезды. Толмачев объявляет со смехом:

– Буфет открыт, господа.

Он предлагает водки и колбасы. Мы браним его за то, что он забыл купить хлеба.

Андрей Петрович стоит в стороне. У него на губах насмешливая улыбка. Или это мне показалось?

Лошади трогаются. Вот, наконец, и дома. Приехали. Минск. Борис Викторович и Александр Аркадьевич снимают шинели и шлемы и отдают Андрею Петровичу свои револьверы. Андрей Петрович въедет в город с подводой и тарантасом. Остальные войдут пешком.

Мы идем, разбившись на группы. Толмачев озабоченно снует между нами. Пригородные улицы пусты. Редкие прохожие оборачиваются на нас, хотя в Вильне мы оделись по-русски: мужчины в нашьлепках, я в шерстяных чулках и т.д. Мы идем и кажется, что пригороду не будет конца. Бессонная ночь внезапно дает о себе знать.

Васильев служит проводником. Но он Минска не знает, и мы долго блуждаем в предместьях. Навстречу попадают верховые красноармейцы знаменитой дивизии Гая. [Если поляки попробуют атаковать Минск, то встретят достойный отпор].

Я устала. Заметив это, Васильев нанимает извозчика. На извозчике он говорит:

– На нас обращают внимание. Это из-за моей бороды.

Мы останавливаемся у одного из домов на «Советской». Здесь мы отдохнем и вечером уедем в Москву. Поднимаясь по лестнице, я говорю:

– В этой квартире живет кто-нибудь из членов нашей организации?

– Да, – улыбаясь, отвечает Васильев.

Мы звоним. Нам открывает молодой человек в белой рубашке. У него бледное, очень суровое, хотя и с мелкими чертами лицо и холодные небольшие глаза. Я колеблюсь. Такими за границей представляют себе комиссаров.

Молодой человек не в духе. Вероятно, он не доволен, что его разбудили так рано. Он идет доложить о нашем приходе. Кто он? Вестовой?

Из передней мы проходим в столовую, большую комнату с выцветшими обоями. На столе остатки вчерашнего ужина. Мои товарищи направляются на кухню, чтобы почиститься и помыться.

Я чувствую смутное беспокойство. Я присаживаюсь к столу. На пороге стоит человек огромного роста. Он в военной форме, почти великан, с приятным лицом. Он удивлен. Это, наверное, хозяин. Я встаю и подаю ему руку.

Приносят завтрак. Александр Аркадьевич не ест ничего. Он ложится в этой же комнате на диван. Я несколько раз прошу хозяина сесть вместе с нами за стол. Но он отказывается. Он говорит:

– Визита дамы не ожидал. Позвольте, я сам буду прислуживать Вам.

Я спрашиваю Ивана Павловича, почему с нами нет Толмачева?

– Он в гостинице с Николаем. Он вечером придет на вокзал.

Бывший адъютант Бориса Викторовича, Николай служит теперь в Красной армии. Он приехал в Минск из Москвы встретить нас. Он уже взял билеты на поезд. Иван Павлович показывает мне их. Потом он поднимает рюмку водки и говорит:

– За ваше здоровье. Мне нужно быть в городе. До свиданья.

За столом остаемся мы трое: Борис Викторович, Васильев и я. «Вестовой» приносит яичницу. Вдруг распахивается двойная дверь из передней:

– Ни с места! Вы арестованы!

Входят несколько человек. Они направляют револьверы и карабины на нас. Впереди военный, похожий на корсиканского бандита: черная борода, сверкающие черные глаза и два огромных маузера в руках. Тут же в комнате «вестовой». «Это он предал нас» – мелькает у меня в голове, но в то же мгновение я в толпе узнаю ... Ивана Петровича! Васильев сидит с невозмутимым лицом. Со стороны кухни тоже появляются [вооруженные] люди. Обе группы так неподвижны, что кажется, что они восковые.

Первые слова произносит Борис Викторович:

– Чисто сделано! Разрешите продолжать завтрак?

Красноармейцы с красными звездами на рукавах выстраиваются вдоль стен. Несколько человек садятся за стол. Один, небольшого роста, с русою бородой, в шлеме, располагается на диване рядом с Александром Аркадьевичем. Он хохочет. Он хохочет так сильно, что содрогается все его тело, и колени поднимаются вверх.

– Да, чисто сделано... Чисто сделано... – повторяет он. – Неудивительно: работали над этим полтора года!..

– Как жалко, что я не успел побриться, – говорит Борис Викторович.

– Ничего, Вы побреетесь в Москве, Борис Викторович, – замечает человек в черной рубашке с бритым и круглым, спокойным лицом. У него уверенный голос и мягкие жесты.

– Вы знаете мое имя и отчество? – удивляется Борис Викторович.

– Помилуйте! Кто же не знает их? – любезно отвечает он и предлагает нам пива.

Человек с русою бородой переходит с дивана за стол. Он садится от меня справа. У него умное и подвижное лицо. Я говорю:

– Нас было пятеро. Теперь нас трое. Нет Ивана Павловича и Толмачева.

– Понятно, – говорит Борис Викторович.

– Значит, ... все предали нас?

– Конечно.

– Не может этого быть!...

Но я должна верить Пиляру. Он один из начальников ГПУ.

... Все... Иван Павлович... Толмачев... Николай... А Сергей? Сергей, наверное, уже расстрелян.

– Им много заплатят? – вежливо осведомляется Александр Аркадьевич.

– Иван Павлович никогда не работал против нас. Он убежденный коммунист. А другие... У других у каждого есть грехи... Ну, получают прощение грехов.

Входит Васильев и снова садится за стол.

– Вот один из ваших товарищей, – иронически замечает Пиляр, обращаясь ко мне.

– Да... И он даже обещал мне сбрить свою бороду.

– Он не сбрит ее, – говорит Пиляр [с раздражением]. «Друг Сергея» Васильев – не кто иной, как Орлов, его ближайший помощник.

– Кажется, Вы недавно написали повесть «Конь вороной»? А раньше «Конь бледный»? – спрашивает Бориса Викторовича Пиляр.

– Целая конюшня, не так ли?

– А теперь, – смеется Пиляр, напишете еще одну повесть: «Конь последний».

– Лично мне все равно. Но мне жалко... их.

Александр Аркадьевич протестует. Чекист Пиляр опускает глаза и говорит почти мягко:

– Не будем говорить об этом...

Я прошу разрешения взять из сумочки носовой платок. Мне отказывают. Но молодой военный, который стоял, разрешает.

– Почему вы тотчас же арестовали нас, не дав возможности предварительно увидеть Москву? Мы были в ваших руках.

– Вы слишком опасные люди.

Нас уводят в разные комнаты. Обыск.

Меня обыскивает молодая белокурая женщина. У нее сконфуженный вид. Я рассказываю ей о том, что носят теперь в Париже. Так как я уверена, что мне больше ничего не понадобится, я прошу ее принять маленькое ожерелье из слоновой кости. Она отказывается вежливо, но решительно. Через несколько минут она возвращается с моими вещами, даже с 12-ю долларами, которые нашли зашитыми в подол моего платья.

Я выхожу в столовую. Из другой комнаты появляется Борис Викторович. У него повязана голова. Это для того, чтобы на улице не узнали...

– Но это самое лучшее средство для того, чтобы обратить на него внимание, – говорит Александр Аркадьевич.

Как-никак, Борис Викторович в роли современной «Железной маски» садится в один из автомобилей, ожидающих нас внизу.

Я смеюсь. Мне вспоминаются другие слова. Я слышала их в Варшаве, где мы остановились на день под чужими именами, так что поляки не знали о нашем приезде. Вечер мы провели с несколькими знакомыми и друзьями. За обедом [эмигрант], очень известный писатель А., проповедующий в своих статьях террор и пребывающий за границей, наклонился ко мне, к женщине, и спросил: «И вам не страшно ехать в Россию?»

Нас везут в Москву. Мы путешествуем с удобствами. Спальные места, папиросы и провиант в изобилии. Но охраняют нас очень строго. Мы занимаем два отдельных купе. Несмотря на жару окна закрыты и занавески спущены. В коридоре два часовых. Кроме того, вагон полон красноармейцами. Я ложусь на верхнюю полку и засыпаю. Жарко невыносимо. У меня кружится голова. И я падаю вниз. Александр Аркадьевич мочит мне виски одеколоном. Рядом с ним молодой военный. Я вступаю с ним в разговор:

– Вы офицер?

– Теперь офицеров нет. Нет больше чинов.

– Я не понимаю.

– Есть командиры полков, дивизий, армий... Но это должности, а не чины.

Красный командир очень молод. Он полон веры. Он говорит о коммунизме с энтузиазмом.

Гудин – самый молодой и строгий из наших стражей. Он говорит о зверствах белых. Один из его братьев расстрелян Колчаком, другой повешен Деникиным.

Мне и Александру Аркадьевичу разрешено навестить Бориса Викторовича в его купе. Гудин нас провожает. Бориса Викторовича караулит «хозяин дома».

Мы молчим. Быть может, это последнее наше свидание. Гудин говорит о прошлом:

– 1918 и 1919 годы миновали. Тогда во время разрухи много нежелательных элементов проникло в наши ряды. Уголовные преступники, агенты охранок... Мы начали расстреливать своих на второй же день после Октябрьской революции. И мы очистили партию.

Кто-то из нас затрагивает крестьянский вопрос.

– Продолжать говорить, что крестьянство против нас – абсурд. Нам смешно, когда читаем эмигрантские газеты. Крестьянин получил землю. Нет сомнения, что ему живется лучше, чем при царе. Вначале деревня действительно была против Советов из-за реквизиций, неизбежных при гражданской войне. Но Деникин, Врангель и другие оказали нам большую услугу. Они таскали за собой бывших помещиков, они показали крестьянину, кто такие «белые». Крестьянство не допустит реставрации, «белым» оно не верит. Что же, по-вашему, крестьянство может быть за вашу [теоретическую] программу? Нет. [Эти теории хороши для интеллигентов, но не для рабочих масс].

Эта простая истина – то колумбово яйцо, о котором эмигранты не думают вовсе.

Гудин продолжает говорить о крестьянстве. Он не сомневается в своей правоте. Он с уверенностью ждет социальной мировой революции.

Проходит час. Мы возвращаемся в наше купе. Теперь нас сторожит Елагин, человек в черной рубашке. Он уже не очень молод. У него есть революционное прошлое до 1917 г. Еще в Минске он говорил с нами любезно и добродушно. Его наружность дышит спокойствием. Я уверена, что он любит философию и восторгается Эйнштейном... Еще один симпатичный «враг».

Мало-помалу мы засыпаем.

17 августа.

– Москва!

5 часов утра. Мы выходим поодиночке. Около каждого из нас караул. Борис Викторович садится в закрытый автомобиль с опущенными занавесками на окнах. Александр Аркадьевич и я – в другой, открытый. Гудин, «хозяин дома» и несколько человек красноармейцев садятся с нами. Мы покинули Москву в 1918 г., мы возвращаемся прямо в тюрьму.

В поезде Гудин с гордостью сообщил, что мы делаем 65 верст в час. Теперь он обращает мое внимание на чистоту города.

Театральная площадь. Огромный портрет Ленина, сделанный из цветов. Потом здание.

– Это и есть знаменитая Лубянка, – говорит Александр Аркадьевич.

Лубянка. Тюрьма, из которой «никто не выходит». Бесконечная лестница. Бориса Викторовича уводят, а меня и Александра Аркадьевича помещают в чей-то кабинет. Елагин, «вестовой» и Ибрагим остаются с нами. Я не понимаю, чего мы ждем.

Александр Аркадьевич начинает разговор о Кавказе. Ибрагим оживляется. Я спрашиваю его, танцует ли он лезгинку. Он отвечает, что нет. Но «вестовой» его тут же опровергает:

– Он прекрасно танцует. С кинжалами и стрельбой.

Александр Аркадьевич и Ибрагим находят общих знакомых. Они говорят о Топе Чермоеве. Ибрагим считает, что Топа Чермоев и «контрреволюционер», и «хороший мальй». Александр Аркадьевич кончает этот «светский» разговор, обращаясь к Елагину:

– А что, у вас пытаются?

Елагин смеется.

– Невероятно, что Вы в 1924 году можете этому верить. Да, в первые годы был террор. Да, тогда изредка встречались садисты. Но они уже давно расстреляны все...

Нас проводят в комнату вроде передней. На скамейке сидит Борис Викторович. Мы оба садимся рядом. Как всегда, кругом караул. Борис Викторович говорит:

– Я только что видел картины Виктора.

Виктор – брат Бориса Викторовича, художник. В 1920 и 1921 г. он работал с нами в Варшаве.

Я удивлена. Кто-то мне объясняет любезно:

– Мы нашли эти картины при обыске. Они подписаны таким именем, что пришлось их перенести в ЧК. Это дало нам возможность показать их Борису Викторовичу. Борис Викторович их не знал...

– Вы действительно очень предупредительны, – замечает Александр Аркадьевич.

Один из надзирателей мне говорит:

– Следуйте за мной.

Я жму руки моим товарищам. Коридор, еще один коридор. Дверь. В комнате женщина с суровым лицом. Она отдает приказания:

– Снимите шляпу. Снимите платье. Снимите юбку. Снимите кольца...

– Даже обручальное?

– Да.

Она запускает руки в мои волосы. Потом собирает вещи.

– Вы не имеете права носить собственное платье.

Но надзиратель просовывает в дверь узелок: туфли, шелковые чулки, ночную рубашку. Эту рубашку приняли, очевидно, за платье. Все мое собственное. Женщина передает мне каждую вещь отдельно. Она, видимо, недовольна.

У меня нет подвязок, и чулки мои поэтому падают. В ночной рубашке и падающих чулках я иду за надзирателем по коридору. Открывается дверь. Я вхожу и слышу, как меня запирают на ключ.

В первый раз в жизни я нахожусь в тюрьме.

Я осматриваю мое жилище. Камера высокая и большая, но в ней темно, несмотря на солнечный день. Я подхожу к окну. С внутренней стороны – решетка, с наружной – железный щит. Он закрывает окно спереди и с обеих сторон. Свет проникает только в отверстие наверху.

На полу паркет. Стол. Электричество. Но нет табуретки. Дошатая койка с соломенным тюфяком. В дверях «иуда» – глазок.

Я хожу взад и вперед, и кругом. Я слишком хорошо знаю, что ожидает нас. И поэтому я спокойна. Чтобы себя испытать, я пробую думать о прежних обитателях этой камеры. Я припоминаю статьи, которые я переводила, о зверствах «Лубянки». Но это не производит на меня впечатления. Мне только очень хочется спать. От времени до времени открывается «глазок». Иногда я вижу только два глаза. Иногда металлическая дощечка отодвигается совершенно, и тогда мне видно чье-то лицо.

Приносят обед: суп, в котором плавают небольшие кусочки мяса, и тарелку каши. Приносят также и чай.

Приносят воды. Я умываюсь в ведре:

– Вам еще не разрешено выходить в уборную.

Я прошу погасить огонь. Надзиратель, видимо, изумлен и оставляет мои слова без ответа. Я начинаю дремать, несмотря на электрический свет. И вдруг вздрагиваю от внезапного шума. Мыши. Я боюсь мышей. Я бросаю в них туфлей, но они продолжают скрестись. Мне хочется плакать.

18 августа.

Понедельник. Я второй день в тюрьме. Каждое маленькое событие принимает размеры большого: шаги в коридоре, визит надзирателя и т.д. Неизвестно, почему время идет очень быстро...

В камеру входят Гудин и Орлов – бывший «друг Сергея». Оба в белых рубашках. Вероятно, на улице жарко. Они спрашивают, нет ли у меня заявлений. Гудин выходит и возвращается с надзирателем. Надзиратель несет мой ручной саквояж. Я отбираю большой красный шелковый платок, подарок моей подруги Пепиты, пудру и зеркало. Гудин говорит:

– Эти вещи должны сперва пройти через администрацию тюрьмы.

Чтобы развлечься, я занимаюсь гимнастикой. Я не чувствую ничего: ни желаний, ни страха. После обеда я засыпаю.

19 августа.

– В уборную!

Я вскакиваю с койки. Я радуюсь, что в первый раз могу выйти из камеры. В уборной сколько угодно воды. И «глазок» не открывается вовсе.

У моих дверей дежурит надзиратель на табуретке. У соседних дверей такого дежурства нет. Я заключаю из этого, что мои товарищи далеко.

Уборная в двух шагах. Я слышу, как мимо меня проходят все арестанты. Я стараюсь узнать шаги Бориса Викторовича и Александра Аркадьевича. Напрасно. Узнать их я не могу.

Приносят «Правду» – их официальный орган. Ни слова о нашем аресте. Это странно. Приносят также две книги. Одна из них – «Три сердца» Джека Лондона. С каким наслаждением я начинаю читать! Герои романа – действительно герои: они красивы, храбры и благородны. Они не похожи на Ивана Павловича! Я читаю весь день.

Я просыпаюсь. Кто-то вошел в мою камеру. Надзиратель. Он худ, высок, у него маленькая голова и он одет чище, чем остальные. Почти каждый человек похож на какое-нибудь животное. Этот человек похож на змею. Почему такой поздний визит?

Он подает мне красный платок Пепиты. Пудры и зеркала администрация не разрешила.

Я кладу платок в изголовье, чтобы не чувствовать жесткого тюфяка. Мысленно я вижу Пепиту, молодую, очаровательную жену нашего друга Рейли. Она со слезами умоляла нас не ехать с Иваном Павловичем в Россию.

– Он коммунист! Коммунист! – повторяла она.

Меня будят снова.

– На допрос!

Передо мной стоит тот же надзиратель. Да, это в «их» привычках допрашивать людей ночью.

Мы идем по пустым коридорам. Открытая настежь дверь. По выбеленной камере ходит рыжий человек в белой блузе. Мне приходит на ум: «под рукой имеется доктор, на всякий случай... на случай, если «допрос» произведет на меня слишком сильное впечатление».

Лестницы, опять коридоры. Опять лестницы. Лабиринт. Надзиратель отворяет, наконец, дверь. В большой полуосвещенной комнате вокруг стола сидят три человека. Один из них Пиляр.

Пиляр указывает мне на кресло напротив себя. Стоячая лампа с желтым абажуром освещает моих следователей. Из них старшему 30 лет. На стене, в тени, портрет Ленина. Ленин читает «Правду».

– Мы вас не будем допрашивать. Мы хотим с Вами побеседовать и ничего не запишем. Расскажите Вашу биографию.

Я рассказываю.

– Значит, Вы больше парижанка, чем русская?

Да, я всегда жила во Франции и во Франции же училась в одном из лицеев Парижа. Я была в России только однажды, в 1917 г., после революции.

– Вы говорите, что были членом «Союза защиты родины и свободы», а товарищи Ваши отрицают это. Что же, значит, они говорят неправду! – строго перебивает Пиляр.

– Да. Они хотят меня спасти. На их месте вы, вероятно, сделали бы то же.

Допрос продолжается. Меня расспрашивают о ярославском восстании и о нелегальной работе в Москве. Но я не чувствую никакого давления: никто не требует, чтобы я называла фамилии. [Называть их я отказалась сразу...]

Об Иване Павловиче, о Толмачеве и Николае я спокойно говорить не могу. Я спрашиваю:

– Что вы сделали с Сергеем?

Пиляр молчит, но я догадываюсь по выражению его лица. Сергей не расстрелян. Он на свободе.

Я должна знать, в чем дело:

– Сергей тоже... товарищ Ивана Павловича?

– Он не товарищ Ивана Павловича, потому что Иван Павлович – старый коммунист. Но он работает с нами. Впервые с момента нашего ареста я чувствую слабость. Я закрываю лицо руками.

Допрос возобновляется.

– Вы говорите, что вы патриоты. Как же вы могли идти против России вместе с поляками? Сообщать полякам наши военные тайны и исполнять обязанности шпионов. Я не патриот, но этого я понять не могу, – говорит Пиляр с негодованием.

Я возражаю:

– Мы не шли против России. Мы шли против вас. Во время русско-японской войны многие русские революционеры радовались победам японцев. Они полагали, что эти поражения ослабляют царизм и подготавливают революцию. Так и мы. Борясь против коммунистов, мы боролись за родину и свободу.

– Аналогия довольно эффектна, но едва ли убедительна, – иронизирует Пиляр.

– Я не пытаюсь вас убедить и не хочу защищаться.

Он улыбается. Мне кажется, что высокопоставленный чекист смеется надо мной. Я начинаю сердиться. Я говорю:

– Ваша вечная улыбка меня смущает. Я бы предпочла, чтобы меня допрашивал кто-либо другой.

И я поворачиваюсь к моему соседу направо.

– Вы, например. На Вашем лице не написано ничего.

Пиляр соглашается.

– Знали ли Вы о готовившемся покушении на Раковского в Берлине?

– Я узнала о нем потом, после неудачи.

– Знали ли Вы, уезжая, что Борис Викторович мог приступить к террористическим актам в России?

– Я это знала.

Пиляр многозначительно произносит: «Гм...». У него бледное лицо, вздернутый нос, русая борода и тонкие белые руки. У него кошачьи движения. Он похож на сиамского кота. Он грызет ручку. Его глаза горят фосфорическим блеском. Не находит ли он, что довольно допрашивать меня в «бархатных перчатках»?

- Много народу знало о вашем отъезде?
- Нет, очень мало.
- Почему?
- Из конспирации.

Я говорю «из конспирации» и невольно улыбаюсь: я вспоминаю Ивана Павловича, Толмачева, Николая и Сергея.

Мои следователи смеются. Смеется даже Горский, бывший начальник минской ЧК, молодой человек с бледным и строгим лицом, который до сих пор не произнес ни одного слова.

- Есть у Вас жалобы?

– Нет. Наоборот. Признаюсь, я поражена той корректностью, которую встретила здесь.

- Вы нас принимали за диких зверей?

– Почти. Я очень боялась пыток и хамства. Я даже хотела взять с собой яду, чтобы не отдаться живой в ваши руки. Я не успела вовремя его получить.

- Тем лучше. Было бы жалко.

Меня уводят. Вероятно, час ночи.

20 августа.

В тюрьме образцовый порядок. Утром вас будят и просовывают через дверь метлу. Вы подметаєте камеру. Потом Вы идете в уборную. Потом Вам приносят чай, сахар, папиросы и черный хлеб. Около полудня (часов у меня нет...) обед. Вечером суп и снова чай. Через час снова уборная. В 10 часов – спать. В коридоре ни звука, ни одного грубого слова. Кроме пайка я получаю булку, молоко и «Правду».

Сегодня среда, но в газете все еще нет ничего. Не думают ли они «ликвидировать» нас втихомолку?

Гудин и «вестовой» входят:

– Вам придется исполнить одну формальность. Вас нужно сфотографировать.

Я иду вместе с ними к фотографу.

- Сначала en face.

Не знаю, почему, но мною овладевает бешенство. Мне хочется разбить все кругом.

- Ваши волосы падают слишком на лоб, – говорит Гудин.

Я с ненавистью смотрю на его молодое и симпатичное лицо.

- Теперь в профиль.

21 августа.

Я прочла все книги. Я мечусь по камере, как по клетке. В газете нет ничего.

22 августа.

На столе стоит обед, но мне не хочется есть. Не хочется ничего. Отворяется дверь.

- На допрос.

Может быть, я что-нибудь, наконец, узнаю!

Я иду по тем же узким коридорам, что и прошлой ночью. Один надзиратель идет впереди меня, другой – сзади. Меня вводят в большой кабинет. За столом сидит человек, тот самый, который по моей просьбе заменил во вторник Пиляра. Его зовут Иваненко. Он просит садиться. В открытое окно сияет веселое солнце и видна часть Москвы. Это очень приятно после темной камеры со щитом. Мой следователь [очень] крепкого телосложения. Он украинец. У него черные, живые глаза. Перед ним лежит моя сумочка. Ее отобрали при входе в тюрьму.

– Вы парижанка. Вы не можете обойтись без пудры... Я буду читать газету и ничего не увижу... В Вашей сумочке есть все, что Вам нужно.

Я не верю своим ушам. Я открываю сумочку и достаю зеркальце. Я шесть дней не видела своего лица. Оно мне кажется странным – более молодым, потому, что без косметики. Как можно так похудеть в такое короткое время!...

Несмотря на «сумочку», Иваненко допрашивает меня с соблюдением всех правил. Он записывает мои ответы.

– Какова была Ваша роль в Москве в 1918 г. в тайной организации? В Рыбинске во время восстания? В Париже в 1919 и 1920 г.г., в бюро антикоммунистической пропаганды «Унион»? В Варшаве в 1920 г., в Русском политическом комитете? На фронте во время Мозырского похода?

Я говорю о себе правду, но не называю ничьих фамилий.

– Были Вы уже арестованы?

– Нет... Впрочем, да.

– Где?

– В первый раз в Ядрине в 1918 г. вместе с Борисом Викторовичем. После Рыбинского восстания мы из Петрограда пробирались в Казань, которую только что взяли чехи. Надо было пройти через ваш фронт. Недалеко от него мы были арестованы и препровождены в Совет. К счастью, председатель Совета был молодой человек. Он был неопытен. Борис Викторович сказал ему комплимент насчет городских порядков – нас арестовали, как только мы появились на улице, и попросил указаний, какой дорогой идти, чтобы не попасть в руки белых. Получив эти указания, получив также настоящие советские документы, на чужие фамилии, конечно, и отказавшись от предложенных денег, мы выехали из города. Во второй раз я была арестована из-за вас.

– ?

– В Варшаве. За то, что я без разрешения поляков раздавала папиросы пленным красноармейцам. Вы в это время были в нескольких километрах от города. Правда, через несколько часов меня поляки освободили.

– Я должен пока прекратить допрос. Мы продолжим его завтра в 2 часа... – Иваненко берет телефонную трубку:

– Уведите № 55.

23 августа.

Я читаю и перечитываю «Правду», включая объявления. Если «они» делают для народа только одну десятую долю того, что пишут, то и это уже очень много... Я пробую курить. Но я не умею проглатывать дым, и курение мне не доставляет никакого удовольствия.

День тянется без конца. Вероятно, допрос отложен. Уже сумерки, а Иваненко мне сказал: в 2 часа.

24 августа.

Меня разбудили колокола. Воскресение. Сейчас же после обеда меня зовут на допрос.

– Я был занят вчера, – говорит Иваненко, – продолжим. Где Вы жили в Москве в 1918 г.?

Я молчу.

– Вы вправе не отвечать. Но этот адрес имеет теперь только исторический интерес: Ваша квартира служила штабом «Союза защиты родины и свободы».

Кого я могу скомпрометировать? Камни? Я говорю:

– Гагаринский переулок, 23.

– Где жил Борис Викторович?

– Не знаю.

– В таком случае, как же он держал связь с Александром Аркадьевичем?

– Через одного офицера.

– Кто был этот офицер?

– Я не желаю отвечать.

Иваненко смеется.

– Любовь Ефимовна, Вы не хотите называть даже Флегонта Клепикова, знаменитого Флегонта, который отказался подать руку министру-председателю Керенскому и который как тень сопровождал Бориса Викторовича. Но ведь это уже история...

– А если вы к Флегонту пошлете другого Ивана Павловича? Иваненко смеется еще громче.

– Теперь, когда Борис Викторович в наших руках, никто из его организации нас больше не интересуется. С «савинковцами» покончено... Кстати, Иван Павлович хотел бы поговорить с Вами...

– Я не хочу видеть этого господина.

– В таком случае, я не настаиваю.

Входит Орлов.

– Борис Викторович попросил свидания с Вами. Свидание состоится в 2 часа в моем кабинете.

Допрос продолжается еще около часа. Потом меня уводят обратно в камеру.

Я определяю время приблизительно – по медному чайнику. Вода сохраняет свою теплоту в продолжение 3-х часов. Она уже холодна. Час, назначенный для свидания, наверное уже прошел. Я хожу из угла в угол, хожу без конца.

– На допрос.

Опять бесконечные коридоры. А надзиратель, который идет впереди меня, не торопится и волочит ноги.

В комнате несколько человек. Я с трудом узнаю того, который поднимается мне навстречу. В казенном, смятом, слишком широком костюме без воротника, без пуговиц на рубашке...

Я жму ему руку. Я смотрю на его лицо. Оно похудело. Но нет ни подергиваний, ни тика. Оно дышит полным спокойствием. Раньше, чем Борис Викторович заговорил, я уже поняла все.

– У Вас довольно мужества?

Я шепчу:

– Да.

– Военная коллегия судит меня через день или два. Вас с Александром Аркадьевичем будут судить отдельно. Я счастлив: меня заверили – он оборачивается к кому-то – что ни Вам, ни ему не грозит смертная казнь.

Я закрываю лицо руками.

– Но Вы же сказали, что у Вас достаточно мужества.

Мужество у меня было. В камере. Когда я думала, что нас всех троих ожидает одинаковая судьба. Но это неравенство лишило меня его.

В Париже Вера Викторовна, Рейли и его жена, провожая нас, тревожились больше, чем мы. Теперь мне надо пережить смерть Бориса Викторовича...

– Успокойтесь, – говорит Борис Викторович почти сердито.

– Любовь Ефимовна, выпейте пива. Пиво лучше, чем валериановые капли, – советует Елагин.

Кроме Елагина в комнате находится Орлов. Мы сидим за столом. Я с трудом овладеваю собой.

– Вы очень похудели, – говорит Борис Викторович. Вы должны быть довольны. В Париже для того, чтобы похудеть, Вы делали бог знает что...

Он шутит. Я знаю, что он хочет, чтобы я была на высоте положения, чтобы я не заплакала.

– Очень тяжело в тюрьме? – спрашивает он меня. – Щит? Одиночество?

– Нет, не очень.

– Тем лучше. Ведь Вам, вероятно, долго придется сидеть... И у Вас никого нет в России. Ни родных, ни друзей. Я не могу себе простить, что я согласился на Ваши просьбы, что я позволил вам обоим ехать со мной... Любви Ефимовне и Александру Аркадьевичу будет разрешено писать, когда меня больше не будет? – спрашивает он, обращаясь к Елагину и Орлову.

– Конечно.

Мы беседуем. Минутами я перестаю понимать, о чем говорят, и слезы мешают мне видеть. Тогда Борис Викторович смотрит на меня строго.

Он говорит о своем сыне, маленьком Льве.

– Я взял с собой одну фотографическую карточку моего сына. Но у меня ее отобрали.

Орлов встает и уходит в соседнюю комнату. Он приносит фотографическую карточку:

– Вот она, Борис Викторович.

Борис Викторович доволен. Он показывает Елагину маленького мальчика с голыми ногами. Мальчик стоит у стога сена. А я думаю: «Тому, кто должен умереть, не отказывают ни в чем даже в Совдепии».

– Мне не разрешают свидания с Александром Аркадьевичем, потому что его еще не начали допрашивать. Но, может быть, эти последние дни мне разрешат видаться с Любовью Ефимовной возможно чаще? Например, сегодня вечером после допроса?

К моему удивлению, Орлов кивает головой в знак согласия. Допрос должен начаться в 9 часов и, значит, окончится не раньше 11-и.

Свидание кончено. Меня уводят. Борис Викторович целует мне руку. Он так спокоен, что мне хочется громко кричать.

Я выхожу из комнаты, я прохожу через другую, ноги мои подкашиваются, и я хватаюсь за ручку двери. Я не падаю потому, что меня подхватывают чьи-то сильные руки. Надзиратели почти относят меня в мою камеру. Мне дают воды.

Сколько времени я лежу без чувств, я не знаю. Надзиратель входит с ужином и ворчит:

– Надо есть.

Как много доброты вкладывают простые русские люди в слова и в жесты. Я спрашиваю себя: а если этот так называемый допрос не что иное, как суд над Борисом Викторовичем? Быть может, Борис Викторович хотел избавить меня от напрасного ожидания?

Уже, наверное, очень поздно. Никто не пришел за мной. У меня нет сил. Я ложусь. И сейчас же – кошмар.

Четырехугольный двор, высокие стены. Лестница. На лестнице человек в смятом, слишком широком костюме без воротника, без пуговиц на рубашке – Борис Викторович.

– Он бежит из тюрьмы!

Я вижу: двор наполняется солдатами и людьми в черных капюшонах. Их видит и Борис Викторович...

Меня разбудили два выстрела.

Я вскакиваю. Я схожу с ума. Я не знаю, где кончается сон, и где начинается явь. А если действительно его судили сегодня? Сколько раз я читала, что «они» не расстреливают, а убивают сзади из револьвера!

25 августа

Бессонная ночь, потом заря, потом утро, потом уборная, потом надзиратель с чаем. Я лихорадочно ожидаю «Правды».

Обыкновенно ее приносят вместе с обедом. Вот, наконец, и обед. Но «Правды» не принесли. Я спрашиваю надзирателя:

– А газета?

– Сегодня ничего не передавали для Вас.

«Они» не хотят, чтобы я знала. Значит, ночью Бориса Викторовича...

Я не схожу с койки весь день. Ежеминутно приоткрывается «глазок». Я слышу в коридоре шепот, шаги...

Вечером кто-то входит:

– Идите за мной.

Без мысли, как автомат, я иду вслед за кем-то. Отворяется дверь, и передо мной стоит Борис Викторович.

В моих первых словах нет смысла:

– Вы живы?

– ?

– Вас не судили вчера?

– Нет, только допрашивали.

– Я слышала два выстрела ночью, и утром мне не принесли «Правды». Я подумала...

– Выстрелы были довольно далеко. Я их тоже слышал. Что же касается газеты, то она по понедельникам не выходит.

Мы одни, но я не смею говорить. Разоблачения парижской «Русской газеты» о приемах ЧК еще свежи в моей памяти. А что, если автоматический аппарат будет записывать наш разговор?

– Басни... – говорит Борис Викторович.

Мы говорим о 9-и днях, которые только что пережили, – об аресте, об Иване Павловиче, обо всем.

– Вы знаете, я рад Вас видеть, но...

– Но что?

– Пиляр мне обещал дать с Вами свидание наедине перед расстрелом.

Радость видеть Бориса Викторовича исчезает. Я молчу.

– А Александр Аркадьевич? Ведь он ничего не знает...

– Когда Вас судят?

– Позавчера Тарновский, очень молодой человек с большими голубыми глазами, кстати сказать, прекрасно воспитанный, вручил мне обвинительное заключение.

– И?

– Обвинительное заключение требует моей казни не один, а десять раз.

Молчание. Потом Борис Викторович говорит:

– Знаете ли Вы что-нибудь о Сергее? У меня не хватило духу спросить про него Пиляра. Мне не так страшно было бы узнать, что он нас предал, как то, что он расстрелян.

– Это он написал письмо. И он на свободе.

Борис Викторович только что говорил о своей смерти, как будто речь шла о постороннем человеке. Но известие о Сергее потрясает его.

– Я все предвидел. Я не предвидел одного, что организация, которая была моей последней надеждой, существовала только в воображении чекистов, и что Сергей мог нас предать.

Борис Викторович ходит по камере.

– Вы не понимаете... Когда 18 лет назад я, как сегодня, ждал смерти в царской тюрьме, я был спокоен. Я чувствовал, что вся Россия со мной. Если я мог бежать из севастопольской крепости, то единственно потому, что простые люди, солдаты мне помогли. А теперь! Дзержинский мне сказал, что 100 000 рабочих без всякого давления с чьей-либо стороны придут и потребуют моей казни, казни «врага народа»! Горский, бывший начальник минской ЧК, дал мне прочитать показания наших агентов в Белоруссии. Сожженные деревни, расстрелянные крестьяне, звезды, вырезанные на теле коммунистов... Это превосходит все, что можно вообразить. И подумайте. Ведь до сих пор отряды, прикрывающиеся моим именем, «действуют» в белорусских лесах!

Борис Викторович не столько разговаривает со мной, сколько думает вслух.

– Еще в 1923 г. я отдал себе отчет в поражении не только «белых», но и «зеленых». Это отразилось на «Коне вороном». Но Иван Павлович и Толмачев приехали из Москвы. Они рассказывали о «новых» людях, которые ведут борьбу против коммунистов. Я знал, что монархисты побеждены, что кадеты побеждены, что социалисты-революционеры побеждены, и что мы побеждены тоже. Но как я мог прекратить борьбу, зная, что в самой России, не за границей, а в России русские люди, демократы продолжают бороться и что они надеются на меня – на мою помощь и руководство. А в Минске мне в одну минуту стало ясно, что вся эта организация – не что иное, как умная ложь, ловушка, расставленная чекистами на меня! «Новые» люди не борются против коммунистов. Они с ними. Даже Сергей...

26 августа.

Я спрашиваю:

– Нет никакой надежды?

Борис Викторович улыбается:

– Мне 45 лет. Какое имеет значение, 10 лет больше или меньше?

Он говорит о людях, встреченных нами, о чекистах.

– Они имеют вид честных и фанатически убежденных людей. И ведь каждый из них не раз рисковал своей жизнью. Пиляр... Он из помещичьей семьи, и у него два брата убиты красными в начале террора. Когда поляки взяли его в плен во время польской войны, он выстрелил себе в сердце и не умер только случайно.

Орлов... он бывший офицер. В октябре он стал на сторону коммунистов и сражался вместе с ними на баррикадах. Гудин... Он сын врача и с 16 лет в боях, сначала в Москве, потом против Деникина и Врангеля. В таком же роде и остальные. Они плохо одеты, жалование получают маленькое, и работают по 12 часов в сутки. Вместо отдыха в воскресенье они уезжают в деревню для пропаганды. А эмиграция представляет их себе как злодеев, купающихся в золоте и крови, как уголовных преступников! Кстати, заметили ли Вы, что мы не видели ни одного еврея? Вот еще одна разрушенная легенда...

Начальники? Жизнь Дзержинского и Менжинского достаточно известна. Они старые революционеры, и при царе были в каторге, в тюрьме, в ссылке. Я их видел вчера. Менжинского я знаю по Петрограду. Мы вместе учились в университете. Он умный человек. Что же касается Дзержинского, он сделал на меня впечатление большой силы.

Борис Викторович говорит:

– Александра Аркадьевича еще не допрашивали, и поэтому я его не увижу до моего процесса. И после процесса тоже не увижу, конечно. Бедняга! Он ничего не знает и, разумеется, каждый день ожидает расстрела. Но Пиляр сказал мне, что жизни его не грозит опасность, и что вам угрожает самое большее 3 года тюрьмы. Я измучился мыслью, что из-за меня вы оба попали в ловушку! Помните ли Вы «Колчака» – старого крестьянина, который назвал коммунистов чертями?

– Да.

– Он был взят в отряде «зеленых». Я был уверен, что он расстрелян. Он сослан всего на 3 года. А здесь 3 года, в сущности, всего один год.

– Каким образом?

– Все приговоры автоматически уменьшаются наполовину. Кроме того, амнистии. Возьмите, например, пресловутый процесс эсеров. Два года назад смертная казнь была заменена 5-ю годами тюрьмы. Но некоторые из них, как, напр., Донской, уже на свободе. Что же касается Гоца и других, то они живут в совхозах почти свободно и имеют выходные дни. Тарновский мне объяснил, что настоящей тюрьмы в России теперь не существует, кроме предварительного заключения. Но предварительное заключение не может продолжаться больше 2-х месяцев.

– А за границей на эсеров смотрят как на мучеников!

– Но Гнилорыбова они расстреляли...

– Почему? Ведь ему было разрешено вернуться в Россию.

– Это очень сложно. Я читал показания Гнилорыбова. Он был арестован приблизительно через месяц после своего возвращения. Он мечтал стать своего рода «Донским диктатором». Когда

его арестовали, он рассказал все, что знал, и запутал много невинных людей. Очевидно, он испугался, что его расстреляют, потому что, пытаясь бежать, разбил голову следователю. После второй попытки побега его расстреляли... Не знаю, но мне кажется, что у коммунистов две меры. Одна для тех, кто был связан с царизмом, другая для рабочих и крестьян, напр., для «Колчака» и для тех, кто при царе участвовал в революционном движении, напр., для эсеров. Посмотрите, как они обращаются со мной, с их злейшим врагом! Елагин мне говорил, что до сих пор никто из социалистов не был казнен, за исключением Фанни Каплан. Правда, были случаи, когда социалистов расстреливали на фронте, но взятых в бою с оружием в руках.

Но тут же Борис Викторович, заметив впечатление, произведенное на меня его словами, прибавляет:

– Не увлекайтесь иллюзиями. Я не эсер и не меньшевик. Ко мне это относится не может.

Отворяется дверь:

– № 60!

Борис Викторович выходит и возвращается через минуту.

– Суд назначен на завтра в 10 часов утра.

Он шагает из угла в угол.

– Кстати, знаете ли Вы, кто сидел раньше в этой камере? Патриарх Тихон... Передо мной стоит дилемма. Для меня ясно, что я ошибался, что мы все ошибались. Ясно уже давно, с 1923 года. Одно из двух: либо умереть, не признаваясь в своей ошибке, и смертью своей снова звать на борьбу. А борьбу эту я считаю уже бесплодной, если не вредной. Или иметь мужество умереть, признавшись в своем заблуждении. В первом случае за границей заклеят моих «палачей». Но еще тысячи русских людей погибнут зря, без пользы для России. Во втором случае – заклеят мою память. Чтобы понять, что мы совершенно побеждены, надо бороться так, как боролся я, надо пережить крушение последних надежд, как я его пережил в Минске, и быть здесь, в России. Пусть в тюрьме, но в России. В 1922 г. почти остановился приток эмигрантов. В 1924 г. русские не покидают России, хотя наркоминдел выдает теперь заграничные паспорта. Что же до эмиграции, то она живет воспоминаниями о терроре и гражданской войне. Люди, приезжавшие в последнее время из России, в один голос рассказывали, что многое изменилось, но мы считали, что они «куплены Москвой». Мы не верили ни фактам, ни статистическим данным. «Ах, Советы экспортируют хлеб!» – прогнозировали мы. – «Какой же может быть экспорт, если крестьяне не засевают полей?» Но поля засеяны, и 1924 год не похож на 1920-й...

Да, завтра судят меня... И для меня, старого русского революционера, ясно, что я шел против народа, то есть против рабочих и крестьян.

27 августа.

Борис Викторович, наверное, уже в зале суда. Приговор будет объявлен не раньше, чем завтра вечером.

В «Правде» по-прежнему нет ничего. Значит, Александр Аркадьевич не знает, кого судят сегодня.

Я в моей камере, как зверь в клетке.

Снизу слышатся удары молотка. Кто-то поет. Очевидно, ремонт. Мне кажется, что вечер никогда не наступит.

Я беру книгу по астрономии. Я перечитываю несколько раз одну и ту же страницу. Иногда я по чайнику стараюсь определить время.

Вероятно, теперь часов восемь.... Щелкает ключ. Я вижу, как в коридоре Борис Викторович прощается с Орловым. Орлов в длинной военной шинели.

– Я очень устал.

Он вынимает из кармана сандвич и виноград.

– В перерывах меня караулили 5 красноармейцев и молодой командир. Он был очень любезен. Это он принес мне поесть.

Молчание. У него такой утомленный вид, что я не решаюсь его спрашивать ни о чем.

– Зал заседаний был полон. Был Калинин, несколько членов ЦИКа и много рабочих. Процедура очень проста. У меня нет защитника, и, так как я не отрицаю ничего, то в свидетелях нет нужды. Когда я расскажу до конца все 7 лет моей борьбы с коммунистами, суд вынесет приговор. Председатель Ульрих придирается ко мне. Он ловит меня на ничтожных противоречиях. Как будто я могу помнить все мелочи моей жизни! Да и к чему меня ловить, раз я принимаю ответственность за все? Пока я не назвал себя, большинство присутствующих не знало, кого будут судить. Сообщение о моем аресте появятся в газетах одновременно с приговором. Вероятно, это делается для того, чтобы избежать скопления народа около здания суда. Я отказался назвать фамилии. Я называл только умерших. Но об иностранцах я говорил откровенно. Кто тот русский, который меня осудит за это? Многие из нас пользовались помощью иностранцев в борьбе против коммунистов. Нам казалось, что все способы хороши, чтобы свергнуть тех, кто во время войны захватил власть, не брезговал золотом неприятеля. Но Дзержинский категорически заявил мне, что это клевета, и что большевики не получали германских денег. Они начали Октябрьскую революцию с пустыми карманами. Нуждаясь во всем, истощенные блокадой, они сломали «белых». Они победили нас потому, что русский народ был с ними, а с нами? Кто был с нами? Иностранцы! А иностранцы, кто бы они ни были, прежде всего думают о себе, в ущерб России. Вы знаете, как я люблю Францию, но я не забыл, как вольно или невольно обманул нас ее представитель перед ярославским восстанием. Поляки... Они

посадили наших солдат за проволоку. Они разрешали отправляться членам нашего «Союза» в Россию только при условии шпионской работы. Меня они выслали за границу с жандармами. Все это вопреки, конечно, Пилсудскому. Я сегодня говорил 5 часов. Мне нужны силы на завтра. Но я не смогу уснуть: передо мной стоит все та же дилемма...

28 августа.

Борис Викторович мне сказал: «Во всяком случае, мы увидимся еще раз после приговора. Пиляр обещал мне это».

Я лежу без движения на койке. Такое ожидание ужасно. В тюрьме оно ужасно вдвойне.

Я не знаю, сколько времени я лежу. Скрипит замок. Я притворяюсь спящей. Ведь это, наверное, надзиратель. Входит Борис Викторович.

– Перерыв до 8-и часов.

Он долго молчит. Потом говорит внезапно:

– Я признаю советскую власть. Народ с Советами. Это моя обязанность, как моей обязанностью было ехать в Россию. Когда меня больше не будет, напишите Философову, Вере Викторовне и Рейли и постарайтесь объяснить им то, что издали им кажется необъяснимым. Я очень мучился эти дни. Но теперь я принял решение и я спокоен. Я постараюсь заснуть до конца перерыва.

Опять ожидание. Где-то, вероятно, в соседнем доме, кричит граммофон, и каждую минуту приоткрывается «глазок». Чтобы не думать, я считаю до тысячи. Кончив, я начинаю сначала.

Я единственный близкий Борису Викторовичу человек, который знает, что его ожидает сегодня. Все остальные узнают «после». Даже Александр Аркадьевич. А ведь Александр Аркадьевич здесь, в двух шагах, в той же тюрьме.

Смена. Значит, 10 часов. Я снова считаю до тысячи, и снова начинаю сначала, и опять сначала...

Тихо. Умолкли все звуки. Который же теперь час? Замок давит меня. Если бы я была на свободе... Если бы я была на свободе, я все равно была бы бессильна. Но, по крайней мере, не было бы одиночества.

Наверное, очень поздно. А если после приговора Бориса Викторовича повели прямо на место казни? Я не в силах больше считать.

В коридоре многочисленные шаги. Борис Викторович входит в камеру. С ним надзиратель.

– Вы спите? Уже 3-й час.

Я молчу.

– Какая Вы бледная! Конечно, расстрел. Но суд ходатайствует о смягчении наказания.

Надзиратель приносит горячего чаю.

– Суд совещался 4 часа. Я был уверен, что меня расстреляют сегодня ночью.

29 августа.

6½ часов вечера.

«ВЦИК заменил осужденному Борису Викторовичу Савинкову смертную казнь 10-летним лишением свободы».

Внутренняя тюрьма. Сентябрь 1924 г.

Н-1791. Т. 64. Л. 282–326. Рукопись. Там же. Л. 1–21.

Машинописная копия. Рукописный вариант более полон. Дневник опубликован с купюрами: Шенталинский В. Свой среди своих. Савинков на Лубянке // Новый мир. 1966. № 7, 8.

¹ Л.Е. Дикгоф-Деренталь в дневнике изменила многие фамилии участников событий. На самом деле это были следующие лица:

Толмачев – И.Т. Фомичев; Иван Павлович – Андрей Павлович Федоров; Андрей Петрович – Иван Петрович Крикман; Васильев, он же – Орлов – Сергей Васильевич Пузицкий; Николай – Л.Н. Шешеня; Гудин – Семен Григорьевич Гендин; Иваненко – Николай Иванович Демиденко; Елагин – Валентин Иванович Сперанский; Тарновский – Игнатий Игнатьевич Сосновский.

В квадратных скобках указаны вычеркнутые в рукописи слова.

² Сергей – С.Э. Павловский.

³ Так в тексте документа.

74

Рассказ должен был быть передан в «Ленгиз» тов. Ионову, но не передан по цензурным условиям¹.

Дело Савельева

– Софья Васильевна? Вы? Зайдите ко мне на минуту. Когда? Что за вопрос? Конечно, сейчас.

Иван Лукич положил телефонную трубку и опять обмакнул перо. Он дописывал «Обвинительное заключение по делу гражданина Сергея Макарова». Дело было обычное, скучное: принадлежность к контрреволюционной организации. И день был такой же скучный: пасмурный и холодный. «... Вся деятельность Сергея Макарова органически связана с империализмом Антанты и была работой ее прямого агента...». «Прямого агента...» – повторил Иван Лукич вслух и рассеянно посмотрел в окно. Он увидел то же, что и всегда: крыши и стены. На крышах нависли сосульки, а грязно-желтые

стены на высоте подоконника обрывались вниз, в колодец. В соседней комнате, в канцелярии, трещал на машинке Рубис. «Опять настучит ошибок» – с досадой подумал Иван Лукич.

«В-третьих, в ведении пропаганды, направленной к поддержке выступлений капиталистических государств, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 70-й Уголовного кодекса...». Когда он дописал последнюю строку, в дверь постучались.

– Войдите.

Софья Васильевна вошла и, не здороваясь, села в кресло. Иван Лукич вытер перо суконкой, встал и прошелся по кабинету. Ходил он так, как ходят в тюрьме – неторопливым и размеренным шагом. Он был в рубашке. Башмаки были рыжие, на толстых двойных подошвах.

– Слушайте, Софья Васильевна... Вот что. Дело в том, что есть тут один, по фамилии Савельев. Просится к нам. Парень толковый, бывший контрразведчик у белых. Его бы за границу послать, в ихний штаб. Он у них на хорошем счету. Но черт его знает... Семь раз примерь, один раз отрежь.

Он говорил резко и быстро, как уверенный в себе и умеющий приказывать человек. И тем страннее казались рубашка, «тюремный» шаг и лохматая голова.

– Вы понимаете? Да?

Софья Васильевна улыбнулась. Когда она улыбалась, у губ ее расходились морщины. Но глаза были молоды. Молоды были и руки, узкие, с крепкими пальцами, почти мужские. Она курила. Синий дым тяжело вился к потолку.

– Что же тут понимать? Познакомиться надо.

– Надо проверить.

– Ну да, конечно проверить.... Бывший офицер?

– Капитан Генерального штаба... Я скажу, что Вы – «белая».

– Ладно... Ничего больше, Иван Лукич?

Иван Лукич кивнул головой. Когда захлопнулась дверь, он снова взял телефонную трубку:

– Савельев идет? Пришлите его.

Он перечитал «Заключение» и остался доволен. Темнело, но за стеной все еще пощелкивала машинка. «Пьяница этот Рубис... Надо бы выгнать или на монгольскую границу послать» – Иван Лукич потрянул волосами. В сумерках и обложки «текущих дел», и чернильница, и карта России, и помутневшее, уже серого цвета окно напоминали о ежедневной, трудной работе. Он отодвинул написанные листы и зевнул.

Савельев был высокого роста, в коричневом френче. Войдя, он почтительно изогнулся, как сгибался полгода назад перед своим начальником генерал-майором фон Роде. Вчера – фон Роде, аксельбанты и серебряные погоны. Сегодня – Иван Лукич, окурки

и рыжие башмаки. «Бог не выдаст, свинья не съест», – утешился он, – «наверное, рабочий. Куда ему? Обьеду на вороних». Он выпрямился и стал на пороге во фронт.

– Садитесь. Хорошо, гражданин Савельев, забудем прошлое. Я Вам поверю. Я Вам дам поручение, – постукивая карандашом по столу, начал Иван Лукич. – Вот. Софья Васильевна Воронова. Советская, 43. Есть основание предполагать, что она состоит в белогвардейской организации. В связи с заграничным штабом. Выясните и доложите.

– Слушаюсь, – поспешно сказал Савельев.

– Это будет экзамен для Вас. Сумеете – хорошо, не сумеете – Вам же хуже. Если что-нибудь утаите или соврете, помните: для наших сотрудников суда нет. В случае чего – постановление тройки Коллегии. Предупреждаю.

Иван Лукич говорил так же резко и быстро, как с Софьей Васильевной четверть часа назад. Савельев учтиво слушал. На его остром, с землистым оттенком лице была написана преданность и беззаветная готовность служить. Так он слушал всегда. Он по опыту знал, что людям нравится лесть, и не верил, что могут быть исключения. «Масло каши не испортит», – говаривал он еще на школьной скамье. Он заранее не сомневался, что «краснокожий» Иван Лукич, как и все начальники, как фон Роде, оценит его усердие. Иван Лукич даже больше, чем всякий другой: «холую гораздо лестнее». Но Иван Лукич отвернулся. «Должно быть, большой мерзавец», – брезгливо подумал он.

– Разрешите идти, товарищ?

– Идите.

Был шестой час – время обеда. Иван Лукич вышел вслед за Савельевым в канцелярию. Рубис, румяный, щеголевато одетый латыш, складывал бумаги в портфель. В прокуренной комнате было душно. Слева висел запыленный плакат «Дети Германии голодают», справа – портрет Карла Маркса. В углу, у стола с графином воды, скучал надзиратель в шлеме и с ним молодой человек. Иван Лукич взглянул на него: «Ах да... ведь еще Макаров... № 17? Пусть войдет», – сказал он громко и, горбясь, усталой походкой вернулся назад в кабинет.

На улице у церкви Зосимы Мокрого Савельев перекрестился. Он крестился не потому, что верил, а по привычке, и еще потому, что повредить молитвой нельзя. После оттепели ударил мороз. Было скользко...

Савельев видел себя у фон Роде в штабе «его высочества великого князя». Он уже слышал свой обстоятельный и всесторонний доклад, доклад генштабиста, о Красной армии, о церковном движении, о «НЭПе»... А дураков сажают в клоповку. И поделом! Надо голову иметь на плечах.

Он свернул за угол, на Советскую. «Позвоню и войду. Если она действительно «белая», мы в два счета пойдем друг друга».

Он позвонил. Ему открыла женщина в черном платье. На секунду им овладело смущение. Он снял папаху и поклонился.

– Что Вам угодно?

– Извиняюсь. Я слышал, что здесь продается мужское пальто.

Софья Васильевна усмехнулась. Он не заметил этой усмешки и уже настойчиво продолжал:

– Или, может быть, полушубок? Если недорого, я бы купил.

– Что Вы? Откуда Вы взяли? Впрочем, это неважно. Скажите, Вы... офицер?

Он опять поклонился.

– Я сразу узнала. Я тоже из военной семьи.

Она рукой пригласила его войти. Он прошел в ее комнату и сел на диван. В комнате было пусто: стол, два стула и книги. На столе лежал журнал «Большевик». Он бросил взгляд на четкое, в две краски, заглавие, и вопросительно посмотрел на нее. Она засмеялась:

– Вот, читаю. Какую чепуху они пишут!

Савельеву было приятно, что у Софьи Васильевны большие ласковые глаза, что она, несомненно, «белая», и что он так легко познакомился с ней. Он с удовольствием стал рассказывать о себе. Он рассказывал об Академии, о фронте и о своей службе в Крыму. Выходило, что он – храбрый и образованный офицер, один из лучших в царской армии и в «белых» частях. И еще выходило, что он ненавидит «красных» не потому, что «красные» преследуют его, капитана Савельева, а потому, что они «продали и разорили Россию».

– Вы понимаете, – говорил он, – погоны срывали, из окопов уходили домой, а теперь торгуют родиной, как купцы. У них нет совести, нет ничего святого. А мы бездействуем! Мы молчим!

Софья Васильевна слушала с напряжением. И у нее было то же самое выражение лица, какое было у него, когда он разговаривал с Иваном Лукичем в кабинете, – выражение преданности и готовности послужить. Но лести он не увидел.

– Подождите. Кажется... Алексей Петрович?

Она встала и нагнулась к столу. Она долго шарила в ящике, не находя и сердясь. Наконец, из-под груды ленточек, конвертов и пузырьков она вынула фотографический снимок и села рядом с Савельевым на диван. Он почувствовал прикосновение ее плеча.

– Узнаете?

Перед ним стоял молодой генерал в черкеске, с георгиевским крестом на груди.

– Господи! Да ведь это главнокомандующий! Откуда же он у Вас?

– Не спрашивайте. У меня брат на юге убит.

Она вздохнула. Он молча поцеловал ее руку. А когда поздно вечером он возвращался домой по безлюдным и глухим переулкам, ему казалось, что он помолодел на пять лет. Сверху, из черной

мглы невидимо падали хлопья, на мгновенье сверкали в мерцании матовых фонарей и снова гасли, касаясь темного тротуара. «Объехал... И его, и ее объехал», – повторял он, легко шагая по снегу, – «Молодец! Лови, Алеша, момент!»

Прошел месяц. Савельев и Софья Васильевна встречались теперь каждый день. Он узнал, что она институтка, «смолянка», что отец ее – тайный советник, и что в Тамбовской губернии крестьяне разграбили их усадьбу. Она не жаловалась. О личных несчастьях она говорила просто и со смирением, но о «позоре России» – с негодованием. В Савельеве она видела «белого рыцаря», одного из «героев, поражающих змия копьем». Он находил, что если вдуматься хорошенько, она, пожалуй, права. Он вовсе не заурядный «белый» и не ремесленник-контрразведчик. Ведь он мог бежать за границу, как бежали многие, почти все. И, однако, он не бежал. Его служба у «красных», в сущности, патриотический подвиг. Он добьется, что его пошлют к главнокомандующему в Берлин. В Берлине он получит инструкции от фон Роде и приедет назад. В глубине души он подозревал, что Софья Васильевна неравнодушна к нему. Ну что же? Это естественно. Ведь он умен и талантлив, то есть не похож на других. «Пришел, увидел, победил». Он снисходительно разговаривал с ней и уверенно, по-мужски, заглядывал в ее голубые глаза. Но дальше улыбок и рукопожатий дело не шло. Он неизменно встречал отпор. Он чувствовал его в тяжелом молчании и в упрямой складке бровей. Он не понимал и сердился. И тогда он не видел ни бесцветных, вьющихся на затылке волос, ни увядшей преждевременно шеи, ни вечной папиросы во рту, а видел только узкие руки и молодые искры в глазах.

Но дружба дружбой, а служба службой. По субботам он приходил к Ивану Лукичу, здоровался с Рубисом и часами ожидал в канцелярии, рассматривая в десятый раз плакат «Дети Германии голодают». А потом Иван Лукич хмурился и, постукивая карандашом, говорил:

– Факты нужны. Понимаете, факты... А Вы докладываете о пустяках.

«Пустяками» были и расстрелянный брат-полковник, и «позор России», и «белый рыцарь», и даже бережно хранимый портрет. «Черт в заплатах», – возмущался Савельев, искоса глядя на рыжие башмаки. – «И чего тебе надо? Не могу же я, в самом деле, родить». И он еще усерднее «ел глазами начальство» и еще ниже кланялся, выходя...

Безошибочным женским чутьем Софья Васильевна давно разгадала его. Ни глуп, ни умен. Ни холоден, ни горяч. Верить можно только с опаской. Лучше не верить совсем. Но о «деле» она все еще не решалась заговорить. В ней проснулась охотничья страсть, желание завлечь в западню. Она приручала его, как приручают медведя – терпеливо и осторожно. Иван Лукич ее торопил:

– Год нам канителиться, что ли? – спрашивал он, шагая по кабинету. – Либо так, либо этак. Либо хочет честно работать, либо врет. Ну, и надо кончать. А все эти папиросочки и разговорчики – одна ерунда!

И однажды он изложил ей план «Заговора белогвардейцев».

В воскресенье Софья Васильевна и Савельев вышли на одну из своих обычных прогулок – за город, в парк. Был февраль. Намело сугробы. В парке за чугунной решеткой чернел памятник «Борцам революции» – остроконечная, из финляндского гранита, колонна. На березах пушился иней, а нерасчищенные дорожки сверкали той ослепительной белизной, какая бывает зимним утром в лесу. Софья Васильевна улыбнулась. Он увидел, как у губ ее разошлись морщины.

– Им памятники. А нам?

– Подождите, будет и на нашей улице праздник, – притопывая ногами, угрюмо ответил Савельев. Он был мрачен. Вчера Иван Лукич снова сделал ему замечание за «пустяки», да и Софья Васильевна стала, как будто, менее любезной. «Если догадалась, пропал. Все пойдет к чертовой матери», – подумал он и с неприязнью взглянул на нее. В шубе и в бабьем платье она показалась ему старухой.

– Долго будете любоваться?

– Алексей Петрович. Мне надо с Вами поговорить.

– О чем?

Она подошла и положила ему руку на плечо.

– Слушайте. Мне не к кому обратиться. Я поэтому обращаюсь к Вам. Видите ли..., – она замялась, – не удивитесь. У нас здесь организация. На днях многих арестовали. И я... Собственно, я должна бы уехать...

Чем дальше она говорила, тем легче становилось ему. Слава богу, его опасения напрасны. Слава богу, наконец, будут «факты». Наконец, этот «краснокожий болван» убедится, что он умеет исполнять поручения, и пошлет его за границу. Он уже ласково, сверху вниз, посмотрел на нее.

– Да, собственно, я должна уехать в Берлин с донесением. Я должна в Берлине получить деньги. Для работы, конечно. Но ехать не могу. Теперь, когда организация разбита, я обязана оставаться здесь. Я обязана продолжать наше дело. Вы – свой. Я знаю. Вы мне поможете? Алексей Петрович!...

Она стояла близко к нему, почти касаясь грудью его шинели. От ее дыхания шел пар, и редкие, как иглы, сухие снежинки таяли у нее на лице. Щеки и нос были мокры.

– Что нужно делать?

– Что делать? Алексей Петрович, поехать вместо меня в Берлин.

Он покраснел. Он не ожидал ее предложения. «Елки зеленые! Дело в шляпе!» Он поднял голову, вдыхая морозный воздух. Помолчав, он спросил:

– Много денег?

– Да, много. Я дам рекомендательное письмо и напишу донесение. И Вы свезете вот это.

Она расстегнула шубу, вынула из кармана конверт. Он раскрыл его и прочел: «Дислокация войск Московского военного округа». Он держал перед глазами бумагу, и пальцы его слегка тряслись. Она заметила эту дрожь и медленно, в ботиках, отошла к решетке. На снегу остались рыхлые, глубоко вдавленные следы. Она, подпольщица, работавшая на многих фронтах, презирала теперь его, «золотопогонного офицера». Не только белогвардеец, но еще и шпион... Доложит он Ивану Лукичу или нет? Доложит – предаст. Не доложит – обманет. Предаст, потому что ведь она «белая». Обманет, потому что ведь сам напросился к «красным». В обоих случаях – дрянь. И зачем Иван Лукич возится с ним?

– Поедете? Да?

Он дочитал и бережно спрятал конверт. Потом повернулся к ней. Она уже не казалась ему старухой.

– Хорошо, я поеду.

Дома Савельев как был, во френче и сапогах, лег на кровать. За окном крутились снежные вихри – разыгрывалась метель. У соседей за дощатой перегородкой, надрываясь, плакал ребенок, и женский голос однообразно тянул: «А-а-а... бай, баю-бай». В углу потрескивала дровами «буржуйка». Савельев долго рассматривал потолок, потом паутину на потолке, потом замызганные, в бурых пятнах обои – все знакомое, опротивевшее давно. Строго говоря, наплевать. «Белые», пускай «белые». «Красные», пускай «красные». У «белых» взяточничество и воровство; значит можно кое-как жить. «Красные» сначала травили, а теперь Иван Лукич поверил ему; значит, тоже можно кое-как жить. Разумеется, лучше царь и фон Роде, чем «рачьи и собачьи». Но что поделаешь? С «рачьиими и собачьиими» необходимо мириться: плетью обуха не перешибешь. На то, что проходило в России, Савельев смотрел единственно с точки зрения собственных выгод. Так он с детства привык смотреть. Что он такое? Щепка. Лес рубят – щепки летят. Чтобы зря не погибнуть, надо много, очень много ума. Ум у него, слава богу, есть. Шалишь, его не надуешь. Его на мякине не проведешь. Он рассмеялся. Он вспомнил, как однажды, еще гимназистом, он встретил на Дворцовом мосту семипудового в синей поддевке купца и крикнул: «Самовар, дай дорогу!». Купец ответил: «В тряпочку молчи, щепка». Он опустил ноги с кровати и сел. «В тряпочку молчи... Но как тут молчать? Софья Васильевна просит поехать в Берлин. На такую же поездку намекал и Иван Лукич. Но тогда Софью Васильевну арестуют и, чего доброго, расстреляют». Он поморщился: «Вот тебе и белый рыцарь, поражающий змия копьем... Ну, а если я промолчу, меня расстреляют наверное. Ее – может быть, а меня – наверное. Он же сказал: постановление тройки Коллегии». Выходило, что выбора нет. «Значит, такая судьба». Он не смел признаться себе, что для него поездка в Берлин важнее жизни Софьи Васильевны,

и что без соглашения Ивана Лукича он ехать боится. Он встал и свернул папиросу. Закурив, он задумчиво подошел к окну. Мелкий снег кружился справа налево, внезапно менял направление и ураганом несясь назад. В глазах рябило от белой пляшущей сетки. «Эка метет», – подумал Савельев, – «а у меня нет калош»....

«Значит, такая судьба. Во всяком случае, надо, чтобы об этом никто не узнал, и еще надо, чтобы фон Роде остался доволен. О дислокации Ивану Лукичу ни слова. О деньгах, разумеется, тоже. Если даже и донесут, я буду уже в Берлине. Эх, кабы побольше денег! Бросить бы все к свиньям и уехать, куда Макар телят не гонял, хоть на северный полюс! Имение купить и жениться...» Он взял зеркало и взглянул. Он увидел изможденное, с проваленными глазами лицо и снова лег на кровать. Вспомнились далекие годы. Бал, хрустальная люстра, «Волны Дуная» и он, юнкер Павловского училища, первый кавалер и танцор. А теперь? Теперь «буржуйка» и паутина, синяки под глазами и волосатый Иван Лукич. Да, необходимо мириться. Но какое мне до них дело? Рабоче-крестьянская власть. Я не рабочий и не крестьянин. Интернационал. Я не немец и не японец, я – русский, Алексей Петрович Савельев. В преисподнюю их! В болото! Он отвернулся к стене. Он уже снова искренно ненавидел «красных».

За перегородкой все громче и громче надрывался ребенок, и женский голос по-прежнему однозвучно тянул: «Баю-бай, баю-бай, а-а-а ». Савельев вскочил и, накинув шинель, хлопнул дверь. «Анафемы! Жить не дают!», – пробормотал он сквозь зубы. Он вышел на улицу и утонул в снежной мгле.

На другой день с утра он звонил у Софьи Васильевны. После вчерашней метели утро встало тихое и солнечно-ясное. И положение тоже казалось ясным. В конце концов, никто не тащил ее за язык. А если она проболталась, – сама виновата. При чем тут он? Не будь его, был бы Иванов или Семенов, или Петров. Охотники найдутся всегда. Лес рубят, щепки летят.

Софья Васильевна еще из приемной зорко, точно ощупывая, оглядела его. Вечером накануне она сообщила Ивану Лукичу подробности разговора в парке. Иван Лукич сам сочинил «рекомендательное письмо» и «донесение главнокомандующему». «Вот Вам и пробный камень...», – проворчал он, не переставая шагать. «А вы ругаетесь: дрянь... Мало ли дряни кругом? В хозяйстве-то каждый гвоздик годится. Будет честно работать – выйдет большая польза; надует – туда ему и дорога». Она выслушала и согласилась. Разве Иван Лукич так богат, чтобы швыряться хорошим «спецом»? Швыряться из-за прошлой службы у белых? – Какой же «спец» у них не служил... Но теперь, разглядывая Савельева, она невольно сравнивала обоих. Один – неладно скроенный и неладно сшитый настоящий кремневый мужик. Другой – породистый, но изнеженный и уже расслабленный барин. Один – революционер. Другой

шкурник, заботится исключительно о себе. Он готов обмануть, готов и предать. И обмануть, и предать», – решила она, но сделав над собою усилие, улыбнулась и протянула руку.

– Здравствуйте, Алексей Петрович.

Он услышал ее приветливый голос, закашлялся и вынул платок.

– Написали письмо?

– Написала.

Он присел к столу и начал читать. В письме было сказано, что «капитан Савельев оказал много услуг и, рискуя жизнью, работал для восстановления отечества и престола», что он «уполномочен делать доклады, вести переговоры и собирать в пользу организации деньги» и, наконец, что Софья Васильевна «позволяет себе обратить внимание его высокопрвосходительства на самоотверженную многопользную деятельность капитана Савельева». Письмо было подписано «Соня». Внизу золотом блестела печать: двуглавый орел и над ним императорская корона.

Прочитав, Савельев забыл о своих сомнениях. Он был счастлив. На этот раз раскрывались все двери. Его примет главнокомандующий. Может быть, даже великий князь. Его произведут в подполковники. А главное... главное, он получит деньги. Он встал и благодарно взглянул на нее. Она полулежала на диване, в углу, и курила. В ее глазах горели задорные, незнакомые огоньки. «Чему она рада?» – удивился он и спросил:

– Но какие же услуги я оказал?

Она бросила папиросу на пол и потушила ее ногой. Потом засмеялась. Ему не понравился этот слишком веселый смех. «Что это с нею сегодня?» – опять забеспокоился он, но сейчас же нашел ответ: «Женщина... Женские нервы». Он повторил:

– Какие же за мною услуги?

– Ах, не все ли равно? Я Вам верю. И, кроме того, Вы согласны ехать. Разве это не большая услуга?

Он помолчал.

– А донесение?

– Готово.

Он, не читая, сунул его в карман. На дворе хрипела и задыхалась шарманка. Софья Васильевна недовольно пожала плечами:

– Ах, всегда одно и то же. Всегда. «Слезам залит мир безбрежный». И как им не надоест? Так вот что, милый Алексей Петрович, Вы уедете, а я здесь останусь. На прощание я хотела Вам что-то сказать. Но слушайте, это величайший секрет. Да, да, величайший, – она приостановилась, точно боясь доверить заветную, не ей одной принадлежащую тайну. – Алексей Петрович, если Вас... если Вас, не дай господи, арестуют, помните, в тройке есть один человек...

– Какой человек?

– Наш... из нашей организации, – шепотом договорила она.

Он не поверил своим ушам.

– В тройке?

– Да, в тройке.

«Черт возьми! Перша клясса!» – с восхищением подумал он. – «Так вот отчего она волновалась. Понимаю. Значит, с гарантией. Значит на Ивана Лукича, в крайнем случае, наплевать. А может быть, это именно он? Нет. Где ему? Неумытое рыло!»

– Спасибо.

Она не ответила. Веселые огоньки потухли. Она поджала ноги в белых чулках и опустила голову на подушку. Она сделала свое дело и желала теперь одного: чтобы он скорее ушел. Уйти он не мог. Ему очень хотелось спросить о деньгах. Но он не решался. Было совестно поднимать такой второстепенный вопрос. Второстепенный! Денег много. Тысяча? Десять тысяч? О тысячу и мараться не стоит. Он прошелся взад и вперед и стал спиной к ней у окна. Он с минуту прислушивался к шарманке. Потом, как бы нечаянно, сказал:

– Кстати, сколько там денег?

– Тысяч сто.

– Марок?

– Долларов... Долларов, милый мой.

Он повернулся на каблуках и долго, пристально смотрел на нее. Ее волосы растрепались, и жидкие беловатые пряди падали в беспорядке на лоб. Но она казалась ему молодой и красивой. «Сто тысяч долларов! Двести тысяч рублей!» Он не мог освоиться с этой цифрой. Она поймала его восторженный взгляд и опять засмеялась:

– Ну идите... Идите теперь, Алексей Петрович. До завтра.

Он низко поклонился и вышел.

Дело было государственной важности. В руках, наконец, были «факты». Поэтому Савельев по телефону попросил у Ивана Лукича свидания не в очередь. Иван Лукич принял его в тот же день и даже не заставил ожидать в канцелярии. Он посадил его у стола, лицом к свету и, взъерошив свои лохматые волосы, произнес:

– Ну-с?

Савельев подробно и точно рассказал о предложении Софьи Васильевны. Закончив свой рассказ, он «позволил себе подчеркнуть», что если предложение поехать в Берлин является косвенной уликой, то прямыми уликами служат: донесение главнокомандующему и рекомендательное письмо.

– Разрешите доложить, – с достоинством сказал он, – я счел своей обязанностью согласиться. Если бы я отказался, я бы не получил документов.

Он торжественно положил «подлинные документы» на стол. Он был уверен, что Иван Лукич обрадуется докладу и оценит его старания. Но Иван Лукич, глядя в сторону, буркнул:

– Это все?

«Вот животное», – выругался в душе Савельев. – «Ему еще мало? Попрыгал бы ты с мое...». Но вслух сказал:

- В существенных чертах все, товарищ.
- Вы ручаетесь?

Савельев помнил про «дислокацию». Но он решил оставить ее для фон Роде. Без дислокации, пожалуй, и денег-то не дадут... Да и зачем валять дурака? Ведь в тройке свой человек. Он ответил:

- Ручаюсь.

Иван Лукич мельком взглянул на него. «Так и есть... Утаил, негодяй. И отчего он стрижется наголо, как татарин? Сразу видно, что офицер». За стеной затрещала машинка. «Старается Рубис, не хочет в Монголию угодить...» – зевнул и постучал карандашом по столу.

- Хорошо, Вам надо ехать в Берлин.
- Как прикажете.
- А ее мы сегодня же арестуем.
- Разрешите доложить. Если ее теперь же арестовать, то в Берлине на меня может пасть подозрение. Не лучше ли, когда я уеду?

Ему было весело. Хотелось запеть или по-мальчишески пошутить. Прислать, например, Ивану Лукичу новые башмаки «шевро» на память от неизвестного или выйти и объявить Рубису, что он назначен начальником отделения и привлекает его к суду за пьянство. Ведь он добился... Ведь он едет в Берлин... И Софью Васильевну не расстреляют, конечно. И все устроилось, точно в сказке. Иван Лукич посмотрел на часы. Лицо у него было серое, хмурое, ему было обидно, что он ошибся.

- Пожалуй, Вы правы. Но уезжайте скорее.
- Слушаюсь.
- Можете послезавтра? Деньги и паспорт у Рубиса. Инструкции дам потом. Поняли? До свидания.

Вечером Савельев зашел в пивную. По пивным он не ходил никогда – не было денег. Но сегодня можно кутить. Не дома же радоваться. Детский плач, «буржуйка» и изъеденные мышами обои. Разве это не насмешка над ним? Кроме того, все-таки надо подумать. В самом деле, точно бабушка ворожит. По щучьему веленью исполняются все его желания. Он не смел заговорить о поездке – заговорила Софья Васильевна. Он обязан был сделать доклад – и сделал. А там пошло, как по маслу. И все в один миг: деньги, паспорт, рекомендация, донесение и снова деньги. Да еще и в тройке неизвестный покровитель. «Бывают же такие случаи в жизни», – размышлял он, наливая себе холодного пива, – «как утопленнику везет». Он не спрашивал себя, что значит «везет», и «щучье» ли это веление. Было плохо. Стало, наоборот, хорошо. Это понятно. Понятно уже потому, что каждый человек – кузнец своего счастья. Даром ничего не делается. И ему поездка вышла горбom. Сколько ума, сколько выдержки, сколько настойчивости, сколько терпения нужно было, чтобы «объехать на вороных». «Софья Васильевна... Какая женщина! Ведь не выдержала, предупредила. Двести тысяч рублей! А Иван Лукич? Лохматый дурак! Вижу его насквозь.

Обрадовался до полусмерти, а туда же, корчит китайского бонзу. Ему бы к фон Роде. Фон Роде бы его научил»... Он вытер ладонью губы и осмотрелся. Было шумно и очень грязно. Гости сидели в мокрых пальто, в калошах и шапках. Слева, за большим, залитым пивом столом, визжала густо накрашенная девица и ругались пьяные голоса: «Леонард!... Леонард! Отстаньте!» – «Я тебе покажу! Я тебе морду разобью и нос вычту!» «Черт знает, что», – процедил с отвращением Савельев. – «Народец! Рабоче-крестьянская власть!»...

На эстраде, покрывая кабацкий гул, пели в синих блузах певцы.

Он выпил бутылку, потом вторую. Отвращение исчезло и захотелось смеяться.

*Славное море, священный Байкал,
Славный корабль, омулевая бочка.
Эй, Баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалеко...*

«И как им не надоест?» – вспомнил он Софью Васильевну и улыбнулся блаженной улыбкой. «Милая Софья Васильевна... Милая... Посидит и отпустят. Он... этот... Он выручит. Ее достанет!» Теперь девица казалась смешной. И Леонард казался смешным. И одинокий, на костылях, сосед. «Моссельпром» – по складам прочел он кривую надпись. «Они здесь будут в луже купаться, а я... в Берлине с девочками под ручку. И у великого князя. И имение куплю. И вообще, с шестого этажа на все наплевать!» Он встал и, слегка пошатываясь, высокий и бритый, направился к двери. Он видел лиловый туман и в тумане черные пятна. «*Плыть молодцу недалеко...* Врете, далеко! Очень далеко! Прощай, Россия!»...

Перед отъездом Савельев зашел к Софье Васильевне проститься. Она была в том же бесхитростном платье, в каком он встретил ее впервые. И диван был тот же – потертый, в рыжих и зеленых узорах. И так же на столе валялся журнал «Большевик».

Но ему все показалось новым. «Как можно жить в такой конуре? И как можно так одеваться?» – с пренебрежением подумал он. – Все готово. Еду сегодня.

Она знала, что он «надул» – утаил от Ивана Лукича «диспозицию». «Надует, – туда ему и дорога». Она помнила эти слова. Значение их было ясно. Он стоял перед ней, доверчивый и спокойный. Неожиданно для нее самой ей стало не по себе. Он уже не был для нее «золотопогонною только дрянью». «Запутался», привыкла к нему... Она села и, потупясь, начала разрезать книгу. Книга была толстая, с цифрой вместо названия: «1917».

– Опять читаете чепуху?

– Да, чепуху. Алексей Петрович, Вы будете смеяться... Вы в предчувствия верите?

– И в привидения?

– Не шутите, мне все кажется, что когда Вы уедете, меня арестуют.

– Вздор, Софья Васильевна. Нервы...

- Нет, не вздор и не нервы. Я знаю.
 - Знаете? Ну, а если даже и арестуют... Разве тот человек из тройки... Он ведь, Вы говорите, свой?
 - Да, свой. Но, к сожалению, мне он помочь не сможет.
 - Почему?
 - Не спрашивайте. Я не могу Вам сказать.
- Он слегка покраснел.
- Что это за тайны?
 - Да, милый мой, тайны. Во всяком случае, если меня арестуют, то расстреляют...

«Расстреляют?» – Савельев чиркнул спичкой и закурил папиросу. Он сосредоточенно смотрел на голубые дымные кольца. Они не разрывались и не таяли в воздухе, а медленно, вереницей плыли к окну. Софья Васильевна молчала. Нож вздрагивал у нее в руке и неровно скользил по страницам. «Сколько ей лет? Двадцать пять или сорок?», – подумал он, не спуская глаз с одного большого ... кольца. Потом внезапно решил: «Сантиментальности... Ведь не оставаться же мне».

- Полноте. Зачем черные мысли?

- Алексей Петрович, Вы слышите: меня арестуют и расстреляют.

Она все еще не теряла надежды. Пусть намекнет. Пусть посоветует скрыться. Неужели он, «белый», действительно предаст ее, «белую»? Ведь он любит говорить о долге и чести. Ведь он носит перстень с мальтийским девизом... Или Иван Лукич прав, и глупо и смешно их жалеть? Он встал и засунул руки в карманы.

- Ах, боже мой, Софья Васильевна, как это скучно. Предчувствия, настроения. Нас, ей богу, всех расстреляют.

- Хорошо, Алексей Петрович. Прощайте.

Они вместе вышли в прихожую. Но на лестнице он оглянулся. Она взглядом провожала его. Он махнул ей рукой и, спустившись вниз на площадку, крикнул, сам не зная, зачем, по-немецки:

- Auf Wiedersehen!

Арестовали Савельева вечером, когда он садился в поезд. К нему подошел румяный, в меховой шапке, Рубис и вежливо предложил «отправиться с ним». С Рубисом был незнакомый кавказец. Кавказец выразительно мотнул головой. Савельев не испугался. Он был убежден, что произошло недоразумение, одна из тех нелепых ошибок, от которых уберечься нельзя. Когда узнает Иван Лукич, он, конечно, освободит. Да и Рубису попадет за усердие. Ох, уж это головотяпство! Стоило революцию делать? Разве лучше, чем при царе?...

В автомобиле он попробовал объясниться. Но Рубис сухо сказал: «Ничего не знаю», и на все вопросы хранил молчание. Когда приехали, Савельева отвели в тюрьму. В тюрьме обыскали. Обыскав, заперли на ключ и оставили одного.

Вышло дышло. Из-за дурацкой случайности, из-за путаницы, из-за ничтожного пустяка... Он вспомнил о «дислокации». Ее нашел Рубис

у него в подкладке. Нет, на этот раз чертовски не повезло! Что сказать? Заявить, что Софья Васильевна передала ее уже на вокзале? Софья Васильевна, вероятно, арестована тоже. А если она расскажет, как было дело? Да и когда он успел зашить? ...Он прошелся по камере. Пахло карболкой, парашей. На койке не было ни подушки, ни одеяла. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Сколько труда, и все даром! Все к свиньям... И Берлин, и великий князь, и деньги». Денег было жалко до слез. «Хватило бы на всю жизнь. А теперь начинай сначала! Ну, да ладно. Нечего хныкать. Авось выпутаюсь. Этот, из тройки, поможет».

Он лег и укрылся шинелью. Сильно под полом заскреблась и заерзала крыса.

Проснулся он на рассвете. В окне на грязном ровном фоне отчетливо чертилась решетка. Наверху у низкого потолка горела лампа. Он выпил чаю. Что же делать с собой? Этак и со скуки умрешь. Он зашагал из угла в угол, как шагают все заключенные, как шагал когда-то Иван Лукич. Ходил он долго. Потом снова лег. «Почему этот болван не вызывает меня? Вместо того, чтобы немедленно доложить, наверное строчат бумаги. Записывают входящий и исходящий? Исходящий – с вокзала, входящий – в тюрьму?» – он плюнул, – «Чинодралы тупоголовые! Иван Лукич сказал: по постановлению тройки Коллегии... Смешно. Да ведь в тройке свой человек! Хорошо смеется тот, кто смеется последним».

В полдень щелкнул замок. Он встал.

– На допрос.

Иван Лукич встретил Савельева так, как будто он был не в тюрьме, а по-прежнему у него на службе. Собственно говоря, ничего не случилось Савельев хотел «надуть» и «влетел». Довольно скучная, в общем, история. Но Савельеву арест все еще казался ошибкой. Он взволнованно рассказал о «странном случае на вокзале» и прибавил, что, конечно, не смеет настаивать, но был бы счастлив получить разъяснение.

– Так... А что Вы скажете насчет дислокации?

– Насчет дислокации? Разве я не показывал Вам?

– То-то и есть, что нет.

– Извиняюсь. Забыл.

– Забыли? Вы кому же ее везли?

– В Берлин...

– Хорошая мысль! Да ведь это же шпионаж! Вот что я должен сказать. Я предупредил, суда для наших сотрудников нет. Вы обманули. Сами и виноваты.

– Я не понимаю, товарищ...

Для Ивана Лукича разговор не представлял ни смысла, ни интереса. К тому же он завален работой. Дело Макарова. Дело «семи». Дело немецких фашистов... «Да, но гвоздик-то в хозяйстве не пригодился», – с неудовольствием вспомнил он и провел рукой по взлохмаченным волосам.

– Не понимаете? Да и нечего понимать.

– Разрешите доложить. Вы как-будто усомнились во мне, товарищ. Это очень обидно и очень несправедливо. Я готов доказать. Я говорю совершенно секретно. Я имею сделать чрезвычайно важное сообщение.

– Какое?

– Я не знаю, кто состоит в тройке Коллегии, но мне известно, – он помолчал, потом dokonчил отрывисто, почти грубо, – что один из членов ее – белогвардеец.

Он смело поднял глаза. «Хотел запугать, собака? Не запугаешь... Либо ты и есть этот свой, либо... В обоих случаях твоя карта бита. Не на того напал». Но Иван Лукич даже не удивился. Он откинулся в кресле и побарабанил пальцами по столу.

– Фамилия?

– Не знаю.

– Эх Вы, конспиратор! Ну, а если это, например, я?

– Вы?!

– Надо полагать, что именно я. Допустим, Софья Васильевна – «белая». Я тоже – «белый». А Вы предаете нас. Значит, Вы – «красный»?

– Я «красный»? Я предаю? Я только Вам сказал, своему человеку.

– Своему? Вы уверены в этом? Нет, предатели нам не нужны. – Он взял телефонную трубку. Уведите № 10-й.

– То есть, куда уведите? – не понимая, спросил Савельев.

– Как куда? Обратно в тюрьму.

Спускаясь с надзирателем вниз, Савельев не замечал ни коридоров, ни железных дверей. Он был растерян. «Головоломка», – бормотал он, – «бесовское наваждение». Звякнул ключ. Он снова остался один. Он остановился перед окном и тупо уставился на решетку. Восемь продольных прутьев, пять поперечных.... Софья Васильевна говорила правду. Зачем ей лгать? Иван Лукич, конечно, белогвардеец. Но тогда почему в тюрьму? Почему он допрашивал? Почему с ножом к горлу приставал с дислокацией? Он обязан был ее разорвать, а Рубиса цикнуть так, чтобы небу сделалось жарко. Предатель... Кого он предал? Кому? Софью Васильевну? Но арестована ли она? И в чем предательство? Ведь он докладывал своему человеку...

На решетку сел воробей, отряхнулся и начал клювом чистить крыло. «Глупая птица!» – со злобой вслух произнес Савельев. – «А я не болван? Заблудился в трех соснах. Разве мог Иван Лукич до конца раскрыть свои карты? Он – свой. Но ведь есть еще двое других... Пройдет неделя, ну две...» Он бессильно опустил на койку. Но сейчас же вскочил. От электричества было больно глазам. Он зажмурился. Если Иван Лукич «красный», то «дислокация» и «шпионаж»... Но Иван Лукич не «красный», а «белый». Если

«белый», то Софья Васильевна и «предатели нам не нужны». Что значит «предатели не нужны»? В расход?... Он упал лицом на шинель. «Головоломка! Не понимаю... Ничего ровно не понимаю!» Он попытался уснуть и не мог.

В этот вечер Иван Лукич поздно пришел к себе в кабинет. Дело Савельева было закончено в «тройке». Сдать в архив и поставить крест. Он взял листок почтовой бумаги и из экономии разорвал его пополам. Он секунду подумал. Потом посмотрел на стенную карту России, по привычке поморщился, скользнув по границам Польши, и обмакнул в чернила перо. «Товарищу Ляпину. Прошу постановление тройки Коллегии привести в исполнение в отношении гражданина Савельева Алексея». Чтобы не вышло ошибки, он подчеркнул «Савельева Алексея» и подписался: «17 февраля. Бондарчук». Подписавшись, он сейчас же приступил к текущим делам.

*Н-1791. Т. 64. Л. 154–179. Рукопись.
Публикуется полностью впервые.*

¹ Помета на документе.

Операция «Синдикат-2»

Из показаний полковника Орлова

Подробное описание моего пребывания в Польше с 1920 года по 1921 год

Делегация.

После отступления поляков от Минска в ноябре 1920 года я проживал в деревне Петковичи Станьковской волости Минского у[езда] у родственников моей жены, урожденной Анны Моисеевны Гуштин, а впоследствии, за неимением свободного помещения, переехал к Мезиным на ферму Гай. В это время крестьяне окрестных деревень Мошеного, Гаерки, фермы Гай, как мне стало известно, стали собирать подписи на предмет посылки делегата в Варшаву в Польский Сейм с просьбой о присоединении указанных деревень к Польше. Это желание крестьян, как было видно из прошений, основывалось, главным образом, на том, что большей частью они католики, и потому желание их быть присоединенными к Польше было для каждого понятно. Миссия передачи этих прошений была возложена на меня, как давно уже проживавшего и раньше в указанной местности, а также и на другого делегата, католика Станислава Монкевича, проживавшего (и теперь, кажется, проживающего) в деревне Мошеное, Койдановской волости. Вопрос заключался в том, как бы проехать через границу, а от просьбы и желания крестьян я и раньше никогда не отказывался, и теперь не считал возможным отказаться. Четвертого декабря 1921 года я с Монкевичем проехали в Негорелое и далее в Столбцы, откуда были препровождены заведующим постом заграничной разведки поручиком Осташевским в Варшаву, при чем получили от местного начальника района Осиповича пропуска в Варшаву. В Варшаву мы ехали четверо суток и только 12 декабря туда прибыли. Предъявив 14 декабря в польском Сейме ходатайства крестьян, мы были приняты председателем сейма Тромчинским в его кабинете, но, так как он по-русски не говорил, приглашен был переводчик. На наш вопрос о результате ходатайства крестьян, нас уполномочивших привезти и сдать эти прошения, Тромчинский ответил, что он и вообще Польша ничего сделать не может, ибо воевать далее она не в силах, так как каждый день войны Польше стоит сто десять миллионов марок, а пособия она уже ниоткуда получить не может; что же касается молодых людей, подлежащих

призыву в Красную армию и находящихся на территории советской Белоруссии, Тромчинский сказал, чтобы они переходили на территорию польскую, прибавив: пусть там останутся только старики. Я высказал ему свое удивление по поводу такого ответа и просил его доложить о нашем желании видаться с Пилсудским. На это он, Тромчинский, ответил, что Пилсудский совершенно то же самое скажет, что и он, так как уже у него были делегации из других местностей, обращавшихся лично к Пилсудскому. Сообразив, что с поляками не столкнешься, и видя, что они сами находятся в какой-то рассеянности, во время которой им было совершенно безразлично, будет ли та или иная местность под их влиянием или влиянием советской Белоруссии, я решил более к ним не обращаться, а постараться найти человека, который бы мог дать тот или иной совет. Тут в Варшаве я совершенно случайно встретил бывшего своего однополчанина поляка генерала Белинского, занимающего в настоящее время должность инспектора кавалерии польских войск, который сказал мне, что в Варшаве, в отеле «Брюль», проживает Б.В. Савинков, председатель Русского политического комитета в Польше, к которому и посоветовал мне обратиться. Не получив никаких результатов в польском Сейме, я, с согласия своего товарища по поездке Монкевича, на другой день, т.е. 15 декабря, пошел к Б.В. Савинкову.

Б.В. Савинков.

Около 4-х часов дня Савинков принял меня в своем рабочем кабинете в отеле «Брюль», комната № 35. Изложив цель своего приезда в Варшаву и результаты моих переговоров с Тромчинским, я получил предложение от Савинкова обратиться к его брату Виктору, как после я узнал, начальнику информационно-агитационного отдела Русского политического комитета. Последний принял меня тотчас же, так как его брат Борис приказал ему меня не задерживать. Виктор помещался с своей канцелярией в соседнем номере 38. Общее впечатление, которое произвела на меня и товарища моего Монкевича обстановка, в которой работали Савинковы, было, сознаюсь, довольно благоприятное для них, и я чувствовал, что попал в какую-то сильную организацию, имевшую вид государственного военного учреждения, так как постоянное бегание из комнаты в комнату бывших русских офицеров с крайне деловым видом, стук нескольких пишущих машин с сидящими за ними нарядными барышнями действительно могли произвести и не на меня одного благоприятное для Савинковых впечатление.

Моя беседа с Виктором Савинковым продолжалась около одного часа и касалась, главным образом, настроения белорусского населения по отношению к советской власти. Здесь Виктор Савинков определенно заявил мне, что советская власть должна будет в самом непродолжительном времени уступить свое место более реакционной части русского населения, представителем которого является его брат Борис и вся его организация. Тут же вкратце он

ознакомил меня с теми мерами, которые будут приняты для свержения советской власти, и желание крестьян, которые меня делегировали, будут удовлетворены ихней, савинковской, организацией. В то же время он предложил мне занять должность заведующего информационно-агитационным пунктом в м. Рубежовичах на польской территории и сказал, что все документы по проезду из Варшавы и обратно я буду получать от польского Генерального штаба через него, т.е. Виктора. Тут же я познакомился с несколькими офицерами, работающими у Савинковых, из которых помню поручика Рудина, капитана Васильева, секретаря Бориса Савинкова – Васильева и заведующего контрразведкой Савинкова, его ближайшего друга – Земеля. Не получив пока никаких инструкций от Виктора, мы с товарищем Монкевичем в тот же день выехали из Варшавы и прибыли в Рубежовичи, жена же моя осталась пока на советской территории, на ферме Гай. Около 20-х чисел декабря я получил от Виктора Савинкова письмо, в котором он просил меня прибыть в Варшаву к первому января 1921 года на съезд, имеющий быть в отеле «Брюль». К указанному числу я прибыл в Варшаву и в самый Новый год застал в «Брюле» незнакомых мне лиц, представлявших полномочия от разных организаций как в советской России, так и за границей. Тут были представители от Кубани – 2 человека, Дона – 2 человека, Украины – капитан Некрашевич, Белоруссии – атаман Дергач, представитель латвийской антисоветской организации полковник Данилов, кроме того, полковник Энвельгрэн, Дикгоф-Деренталь, генерал Ярославцев и несколько других лиц, мне неизвестных, а также в полной парадной форме польский полковник Сологуб Девойно как представитель Пилсудского. На этом заседании председательствовал Борис Савинков, секретарем был Земель, Виктор же Савинков занимался общим знакомством с лицами, впервые прибывшими и от какого количества населения они уполномочены. Вопросов существенных не разбиралось, и планов пока никаких не намечалось, но Борис Савинков в своей вступительной речи высказал, что он надеется имеющимися в его распоряжении силами при содействии собравшихся представителей разных организаций и населения на местах, развить в разных местах советской России, Белоруссии и Украины летом 1921 года большие военные действия для свержения советской власти. В то же время он заметил, что польское правительство, с своей стороны, окажет всяческую материальную поддержку для развития планов, предполагаемых на лето 21 года.

Полковник Сологуб Девойно от имени польского правительства подтвердил слова Б. Савинкова и в короткой речи сказал, что все, зависящее от польского правительства, для проведения планов Савинкова будет сделано, конечно, при полной конспирации.

Тут же было высказано Б. Савинковым, что кроме 15 миллионов марок, уже полученных им от поляков, ему обещана в ближайшем будущем еще денежная поддержка, тем более, что он хлопочет о взятии под свое покровительство всех интернированных в Польшу

солдат разных армий: Балаховича, Пермикина, Бредова и отдельных казачьих частей и бригад. В общем заседание, продолжавшееся около трех часов, произвело на меня впечатление довольно слабое, а сам Б. Савинков с его заискивающей улыбкой перед полковником Сологубом, производил впечатление человека, ожидающего какой-то особенной милости от Сологуба и в то же время держащего себя по отношению к присутствующим остальным хотя и вежливо, но свысока. Это мне не понравилось, и во время состоявшегося в тот же день обеда участников съезда я некоторым высказал свою мысль, что, очевидно, было передано Б. Савинкову, который в следующий мой приезд в Варшаву удвоил ко мне свое внимание, как я опишу после. На другой день я посетил Виктора Савинкова, который обещал прислать мне в помощь несколько офицеров, лично ему известных, и просил меня зайти к нему на другой день. Действительно, на другой день я встретил у него полковника Павлова, бывшего командира личной сотни Балаховича, но потом за какие-то грязные дела выгнанного последним и после войны проживавшего в Варшаве со своей содержанкой. Эти сведения я узнал впоследствии. Материальной поддержки, которую мне обещал Виктор Савинков, я от него не получил, а получил только на проезд от Варшавы до Столбцов 3000 польских марок. В двадцатых числах января в Рубежевичи с документами польского Генерального штаба, с надписью «тайно», прибыли в мое распоряжение полковники Павлов и Леда, и капитан Афанасьев с прапорщиком Ивановым. Письмо, которое привез с собой Павлов от Виктора Савинкова на мое имя, гласило, что он посылает мне сорок тысяч марок с Павловым, но почему-то денег этих Павлову не дал, а сказал последнему, что деньги будут высланы специальным курьером. Курьер этот, прапорщик Снежко, действительно получил в Варшаве от В. Савинкова 50 000 марок, но до меня их не довез, а прокутил их в дороге и частью в Варшаве. Этого Снежко польские власти по моему заявлению разыскивали, нашли, арестовали, но, опять же, за небольшое угощение отпустили, и я оправдывался перед Савинковым только тем, что Снежко прислал мне извинительное заказное письмо, реабилитировавшее меня перед Контрольным отделом Русского политического комитета. Проживя около недели среди присланных ко мне офицеров, снабженных савинковской инструкцией принимать все меры к постоянному беспокойству советских властей разными террористическими актами на указанной территории, я понял, что работа предстоит не только несогласная с моими взглядами, но и преступная по отношению к моей родине. Узнав до некоторой степени биографию присланных в свое распоряжение офицеров, даже Балаховичем выгнанных из армии, я решил выехать в Варшаву с целью отказаться от подобной работы.

Прибыв в Варшаву 8 февраля, я явился к Борису Савинкову, который настолько любезно принял меня, уверив, что поляки все равно будут воевать, и что наша цель – только узнать намерения

советских властей и их предложения на ближайшее будущее, для чего мне нужно захватить документы какого-либо ревкома, находящегося при границе, и что от меня будет зависеть, как я буду действовать, открытым ли боем или тайно, без убийств.

Во время разговора он попросил меня написать свои предложения, в какой срок я мог бы доставить в Варшаву документы ревкома Койданово. Я написал краткую заметку, не помню, в какой форме, что для этой работы нужны средства, так как имеющиеся в моем распоряжении беженцы из советской России крайне нуждаются, болеют и требуют поддержки, которой я до того времени не получал. Тогда Борис Савинков дает мне карточку на имя капитана Дераж, заведующего контрразведкой при французской миссии, в отеле «Народовом» по Иерусалимской аллее, № 61, к которому я и явился в тот же день. Капитан Дераж принял меня немедленно и просил выполнить просьбу Савинкова достать документы ревкома в самый кратчайший срок. Я сказал, что постараюсь и выполню в том случае, если получу для людей материальную поддержку, ибо Савинков ничего не дает, и если мне представится возможность взять документы Койдановского ревкома без убийств охраняющих его красноармейцев. Прибыв в Рубежевичи с полученными от капитана Дераж 50 000 польских марок, я прежде всего оказал помощь самым нуждающимся беженцам, а на другой день сделал тайное совещание на квартире полковника Павлова в Рубежевичах и высказал присутствующим Павлову, Леда, Афанасьеву, Иванову и Драковичу желание Савинкова достать документы Койдановского ревкома. При этом я предупредил, что никаких убийств красноармейцев не допущу под страхом расстрела, и если удастся взять документы без выстрела, я согласен на эту операцию. К моей величайшей радости операция действительно была выполнена без выстрела и убийств и довольно блестяще. Документы были привезены в Варшаву и сданы Савинкову, но вот тут-то и начинается со мной игра в прятки. Савинков немедленно телефонирует капитану Дераж во французскую миссию, и последний на автомобиле прилетает в отель «Брюль» за документами. Дераж крепко жмет мне руку и просит меня заехать к нему в миссию на другой день в 4 часа дня. На другой день я прихожу в миссию, и Дераж выдает мне за эту операцию 150 000 польских марок, каковой суммы мне едва хватило на уплату жалования состоящим при мне офицерам и беженцам. Я, конечно, ничего не мог сделать, как получить хоть эту незначительную сумму, и обратился к Савинкову с вопросом, что же я должен делать с людьми, крайне нуждающимися, согласившимися пойти на эту авантюру. Борис Савинков с весьма любезной улыбкой сказал мне, что по получении от французов денег он вышлет мне более крупную поддержку, и просил меня в тот же день (5 марта 1921 г.) посетить их заседание, имеющее быть в 7 часов вечера. Я поблагодарил и пришел на это заседание. Тут были уже генералы Махров, брат Балаховича, Ярославцев, Иванов-

ский, Матвеев и много других полковников новейшей формации, в числе около 10 человек, и заседание началось. Что это было за заседание, трудно себе представить, и я никак не мог угадать и представить суть дела и результаты этого заседания, между прочим, это заседание являлось одним из деловых, как мне потом объяснили, а деловитость его заключалась в том только, что почти два часа вырабатывали правила для контрольного отдела Русского политического комитета, причем в образец были взяты правила, как я ни был поражен, Рабоче-крестьянской инспекции, введенные в советской России. Результат этого заседания вызвал с моей стороны в тот же день поздно письмо на имя Бориса Савинкова, в котором я высказал мысль, крайне печальную для него, о крайне тяжелом впечатлении, произведенном на меня заседанием. На мое письмо Борис Савинков через своего адъютанта сотника Шешеню передал, чтобы я пришел к нему на другой день. Я пришел, был крайне любезно принят, и Борис со своей подобострастной улыбкой, видя во мне человека серьезного, стал жаловаться, что у него очень мало людей – истинных работников, а генералы в последнее время лезут к нему, как клопы из щелей, и что он не знает, как от них отделаться, ибо все преследуют шкурный интерес. Беседа продолжалась более двух часов, причем главный и существенный вопрос заключался в том, кем бы Б. Савинков мог возглавить его будущую армию. На это я ему ответил: – только не генералом, – и прибавил, что действовать можно только в том случае, если он вполне уверен в сплоченности своей армии, в противном же случае не стоит заводить авантюры и губить массы русского народа. Возглавить армию я лично никогда не принял бы на себя, а помогать советами я не отказываюсь. В это же время он сделал мне намек относительно т.т. Червякова и Адамовича, об их «изоляции». Я категорически отказался от каких бы то ни было террористических актов и сказал, что в открытом бою я готов быть ему полезным постольку, поскольку это не будет расходиться с врожденными мне принципами и той дисциплиной, которая вкоренилась во мне за время более двадцатилетней службы. В тот же момент я понял, что имею дело с авантюристом крупного масштаба, несмотря на то, что мне были обещаны чуть ли не все блага земные, и что Борис Савинков неоднократно напоминал мне о своих близких отношениях с Пилсудским, у которого он бывает во всякое время и чуть ли не входит к нему без доклада. Кстати скажу, я на другой же день поверил о его тесной связи с Пилсудским, так как узнал от капитана Васильева, служившего в контрразведке Северо-западной армии Юденича, будто в свое время Савинков с Пилсудским ограбили в поезде, кажется в 1906 году, отца Васильева, за что последний ищет момента отомстить как одному, так и другому.

После этого разговора Борис Савинков начал меня упрашивать, чтобы я принял меры для разрыва рижских переговоров о мире между поляками и советской Россией. Я ему высказал свое мнение,

что мир этот все равно будет подписан, с одной стороны, потому, что советская Россия вообще не хочет воевать, а с другой стороны, поляки не могут воевать, ибо у них нет денег, а французы и прочая нечисть не дают уже больше денег и повторил ему свой разговор с Тромчинским. Несмотря на это Борис Савинков уговорил меня сделать попытку, ибо у него уже иссякли средства, а поправить их он может только тогда, когда кто-нибудь будет воевать, и он присоединится к одной из воюющих сторон, и именно к Польше. В тот же вечер в Краковском отеле, в тайной канцелярии Виктора Савинкова, в №12 было дружеское собрание донских казаков, куда был приглашен и я. На этом собрании казаки пели свой гимн, и было выпито немало разного вина. В два часа ночи я ушел спать, а собрание еще не расходилось и просидело до утра.

После всего этого я понял, что моя связь с савинковской организацией кроме вреда мне самому и страдающему русскому народу не принесет и окончательно решил при первой же возможности разорвать эту связь. Но вопрос заключался в том, как это сделать, ибо я знал, что Б. Савинков при своих связях в Варшаве много мне может сделать неприятностей. Я согласился поэтому пойти на такую комбинацию: зная, что в Койданове хотя и солидный гарнизон, я сказал Савинкову, что попробую сделать демонстрацию на это местечко, чтобы громким налетом заставить поляков и советскую Россию разорвать или, по крайней мере, отложить рижские переговоры. Савинков был крайне рад этому обстоятельству и пожелал мне полного успеха, но я раньше знал, что будет ли успех, или не будет, во всяком случае, – это мое последнее выступление против советской России. С такой мыслью я отправился из Варшавы в Рубежевичи, куда и прибыл 14 марта 1921 года. Собрав всех бывших в моем распоряжении офицеров, большею частью бывших балаховцев, из которых кроме указанных Павлова, Леда и Афанасьева были еще Латунин, Крючков, Панов, Михайлов, Дроздов и некоторые другие, я предложил им собраться 16 марта вечером для экспедиции на Койданово. Оружие мне было дано польским вахмистром Туора с разрешения польского поручика Рогальского в количестве 20 винтовок с 500 патронами, и я, имея с собой 18 человек, произвел известный уже налет на Койданово, причем все бывшие со мной люди были мной предупреждены, что в случае грабежа или бессмысленного убийства кого-либо в Койданове со стороны членов отряда последние будут строго наказаны. Операция произошла благополучно, и последствия ее известны, но когда я прибыл на польскую территорию, то был тотчас арестован, по-видимому, без всякой причины. Все вещи, оружие, привезенные отрядом из Койданова, были арестованы и забраны поляками, а потом, как я узнал, разделены между ними.

Мой арест заставил меня передать людям отряда, чтобы они все немедленно оставили Рубежевичи, что они и выполнили в тот же день. Меня привезли сначала в Столбцы, потом в Слоним и, наконец,

в Варшаву, в Генеральный штаб. Везде допрашивали, но нигде не хотели записать в протокол, что я оружие получил от польских властей. Генеральный штаб в лице поручика Добровольского отправил меня в Варшавскую цитадель, где я просидел 32 дня, не имея представления, за что же меня обвиняют поляки. Впоследствии оказалось следующее: Савинков, не будучи доволен моими действиями в Койданове, думая, что не только Койданово, а и вся окружающая местность, чуть ли не вплоть до Минска, должна быть мной занята, и поднято восстание, настоял в Генеральном штабе, чтобы меня держали побольше и чтобы меня совершенно выселили из пределов Польши. Действительно, перед моим освобождением из цитадели с меня была взята подписка об оставлении пределов Польши с требованием выехать или во Францию, или в Литву. Я согласился ехать во Францию, и меня освободили из крепости 28 апреля под надзор дефензивы. Тут, при моем посещении Б. Савинкова, последний уже довольно холодно со мной обошелся, но просил все же продолжать работу, если я буду согласен идти с отрядом за фронт. Здесь я категорически отказался, заявив, что сидение в цитадели за мою связь с Вами заставляет меня окончательно прекратить всякие действия против своей родины и даже бросить всякую работу в этом направлении. Савинков на этот раз сухо со мной простился, но все же приказал своему брату Виктору выдать мне 7000 польских марок. Я стал требовать от Виктора полного расчета за себя и за жену, у которой я взял в разное время 213 000 польских марок, но в этом мне было отказано, а предложено, чтобы моя жена прибыла в Варшаву, и с ней, якобы, будет произведен расчет. Жена моя действительно по моему вызову прибыла в Варшаву и после крупного разговора с Борисом и Виктором Савинковыми она получила всего лишь 15 000 польских марок. Остальные деньги так и пропали, а жене еще раньше было выдано Б. Савинковым письмо, в котором он, не указывая суммы, уверяет жену, что она будет по заслугам вознаграждена, но суммы в этом письме не указал. Когда я, не имея никаких средств, должен был жить в Варшаве и являться на регистрацию через каждые три дня, явился к Борису Савинкову с требованием уплатить мне деньги, он сказал, что никаких денег он мне не выдаст, ибо у него самого их нет, и тут-то произошел окончательный разрыв мой с организацией Савинкова, чему я лично был очень рад.

Из моего личного знакомства с братьями Савинковыми я вынес некоторые воспоминания, характеризующие этих двух авантюристов. Привыкшие жить на чужой стороне и на чужой счет, они благодаря своей изворотливости настолько умели обманывать даже солидных дипломатов – иностранцев, что те долго не могли разобраться, действительно ли эти «русские» так преданы своей родине, или они квалифицированные жулики. Впоследствии я их расшифровал перед французским генералом Нисселем, жившим тогда в Варшаве.

Борис Савинков всегда умел присосаться к уже сформировавшейся организации, как то было с армией Балаховича, Пермикина и другими, и из этих армий высосал все возможное не только для личных своих выгод, а уделил небольшие средства и для поднятия своего престижа среди русских эмигрантов не только в Польше, но и в других странах. После ссоры с Балаховичем Б. Савинков хлопотал через Пилсудского у польского правительства полномочия взять под свое покровительство всех интернированных бывших русских со всем принадлежащим им имуществом, вооружением, снаряжением, движимым инвентарем. Так, от одного Балаховича к нему перешло разного имущества на 230 миллионов польских марок, и он начал его распродавать. Из его отчета, прочитанного на одном из заседаний в «Брюле», видно, что в первое время, ноябрь и декабрь, им было израсходовано около 150 миллионов марок на содержание, якобы, интернированных. Громадный штат служащих, получающих солидные оклады, разные траты на представительство для угощения видных польских офицеров, в той или иной степени нужных Савинкову, израсходовано также немало средств, и, в конце концов, к первому февраля у Савинкова осталось уже самое незначительное количество денег, что и побудило его обратиться к польскому правительству через Пилсудского о денежной помощи. Помощь эта выразилась прежде всего в 15 миллионах марок, выданных ему в конце января, и обещано было на март, апрель и май еще 36 миллионов, но получил ли он эти деньги, мне узнать не удалось. Во всяком случае, Савинков для поддержания своего престижа не стеснялся средствами для получения или высасывания денег, где только возможно. Особенно тесную связь он имел с французской миссией и с капитаном Дераж, в частности. Миссия эта крайне интересовалась секретными документами советской России и платила очень крупные суммы за них. Сколько миллионов перешло к Савинковым от французов, трудно сказать, но, полагаю, что немало. Но ведь Савинкову не всегда удавалось достать подлинные документы из советской России, и он стал прибегать к более легкому способу их добычи. Так как у него было очень много людей самых разных направлений, ищущих легкого труда, Савинков нанимает в разных частях Варшавы несколько конспиративных квартир и широко поставил дело подделки советских документов для продажи их иностранным миссиям. Такие квартиры были: Холодная, № 4 – общежитие для приезжающих из лагерей людей, работающих для Савинкова, «Краковский» отель на Белянской, комната № 12, где была тайная канцелярия Виктора Савинкова и где составлялись сводки о положении советской России, Братская, 17 – тоже общество прибывающих из лагерей людей, Железная, 93, где постоянно проживали агенты Савинкова Колчак и Строганов, занимающиеся тайной разведкой и агитацией в лагерях, Маршалковская, № 68, где были все отделы савинковского комитета; Хмельная, 5, где в разных номерах проживали и проживают деятели Савинкова

по информации; Долгая, 49 и 31, в отелях «Немецком» и «Польском», где собираются и живут савинковские офицеры, и много других частных квартир, где работали бланки, печати и подписи советских лиц и учреждений. Вообще, работа была поставлена весьма широко и особенно интенсивна была в прошлое лето, когда им высылались из Варшавы отряды для маршрутов в советскую Россию.

Долго Савинковым удавалось обманывать как польский Генштаб, так и французскую миссию, но летом в июле месяце мне наконец удалось его расшифровать перед французами. Я добился через одного знакомого офицера достать два образца подделанных Савинковым документов и представил их сначала в Генеральный польский штаб, а потом во французскую миссию. Эти два документа, не заполненные, но с подписями и печатями на соответствующих бланках, сыграли довольно крупную роль в отношениях как Генштаба, так и миссии к Савинкову. По этому поводу со стороны генерала Нисселя был официальный запрос генералу Сикорскому, начальнику Генштаба, о том, известно ли Генштабу о подделке Савинковым советских документов и что по этому поводу Генштаб предпримет. В запросе указано, что подложные документы представлены для расшифровки Савинкова мной. Таким образом, вопрос о снабжении Савинкова деньгами из французской миссии настолько обострился, что никакие просьбы Бориса и Виктора Савинковых не были исполняемы, и Борису пришлось даже перед своим выселением из Варшавы ехать в Париж улаживать дела. Эта поездка не увенчалась успехом, и Борису Савинкову волей-неволей надо было искать спасения где-либо в другом месте. Это место он нашел у Бенеша в Чехословакии, но там материальной помощи он получить не мог. В общем, к концу лета 1921 года, когда все начинания Савинкова в смысле поднятия восстаний в советской России не увенчались успехом, не удалось как с моральной, так и материальной стороны, он старается присосаться поближе к Врангелю, зная, что последний начинает что-то предпринимать, собирая свою армию и выслав даже в Польшу 3500 комплектов обмундирования для бывшей третьей армии. Это обмундирование было роздано через Красный Крест, и раздачей его заведовали полковник Деманьян и генерал Новиков. Конечно, большая часть этого обмундирования была продана получившими его, но часть попала в надежные руки и действительно была роздана людям, оставшимся в лагерях и даже уехавшим на работы.

В настоящее время Савинков хотя сам и находится в Праге, но работа его в Польше продолжается, и я уверен, что весной настоящего года она выльется в какую-либо демонстрацию на советскую Россию, или же будут посланы такие же отряды в глубокий тыл для поднятия восстаний, как это проделывалось Савинковым в 1921 году. Скажу более: у Савинкова есть теперь тверже почва для своей работы в России, ибо он заключил условие с Врангелем и Петлюрой, которые действуют со стороны Румынии. Савинков

имеет связь с Латвией через полковника Данилова, Леда и некоторых других неизвестных мне лиц, он связан с Финляндией до сих пор через полковника Энвельгрена, в Польше он имеет все: поддержку Генштаба в лице майора Кияшковского, в Югославии также имеет своих агентов, в Болгарии его агенты, несомненно, работают в соответствующем направлении, с Доном и Кубанью он имеет также связь, с Владивостокским правительством также общий контакт, и вообще Савинков еще рассчитывает сыграть роль «спасителя» России. Повторяю, что работа Савинкова в Варшаве продолжается, и главное действующее лицо – это полковник Павловский-Суевский, который был в прошлом году с отрядом в советской Белоруссии. Этого Павловского даже польское правительство искало для ареста, и даже летом он был однажды арестован, но благодаря хлопотам Савинкова его скоро освободили, и он гуляет на свободе, вероятно под новой фамилией. Какой состав теперь при нем находится, мне, конечно, неизвестно, но полагаю, что из прежних деятелей остались немногие, ибо большая часть офицеров, работавших у Савинкова, разочаровалась в нем за его постоянные обманы и, наверное, пристроились так или иначе где-нибудь в Польше. Но это не значит, что люди эти при первом призыве с чьей-либо стороны постараются еще раз попытаться счастья попасть на родину.

Резюмируя отношения Савинкова к варшавским общественным и частным группам, должен сказать, что в Сейме в последнее время было немало запросов по поводу работы Савинкова и много было голосов за то, чтобы работу его прекратить в корне, но сила Пилсудского делала свое дело и никто кроме наружной высылки Савинковых с друзьями из Польши ничего с ним сделать не мог. Конечно, свой престиж Савинков потерял уже настолько, что последователей его осталось в Польше немного, а когда узнали, что он вошел в тесные отношения с Врангелем, имя последнего вернуло Савинкову его последователей. Это был очень умный шаг со стороны Савинкова как авантюриста. Что из этого выйдет, пока предугадать трудно, но, во всяком случае, он еще на некоторое время обеспечил свое существование, хотя и при условиях подчинения Врангелю, но все же как видный деятель последнего. Еще в августе 1921 года на одном из ужинов, устроенных Савинковым для своих близких сотрудников, он произнес речь, как мне передавали, в которой сравнил себя с Наполеоном и пил за здоровье присутствующих, как за своих маршалов. Этот маленький штрих довольно метко характеризует Бориса Савинкова как человека властолюбивого. Действительно, он с твердой волей, недюжинным умом, умеет брать в свои руки массы, и если бы только не его низменные наклонности, прежде всего, обеспечить себя и своих близких материально, за ним шло бы очень много людей. Его обманы, резкие средства для изолирования неудобных ему людей при содействии польских властей, а также его отказ, в конце концов, поддерживать средствами интернированных, с которыми он

простился не лично, а через письмо, – все это отвратило от него людей хороших, и при нем остались только прохвосты, имеющие в Варшаве название комитетчиков. В конце 1921 года все оставшиеся в лагерях интернированные были собраны в один общий лагерь ..., откуда и началось поголовное бегство их в Германию. Борис Савинков до того довел интернированных, что они в большей части совершенно отшатнулись от него, и осталась только часть приверженцев Гнило-рыбова, которых последний хотел увезти также в Чехословакию, но выполнил ли он это, я сказать не могу.

Еще до моего полного разрыва с Борисом Савинковым, когда я убедился в его отрицательных качествах, мной было написано Балаховичу письмо, в котором я высказал свою мысль о савинковской организации, как о мыльном пузыре, и выразился, что организация эта построена на песке. Письмо это, переданное мной одному часто заходившему ко мне капитану Козлову (как впоследствии оказалось, что этот Козлов состоит на службе в польской дефензиве полиции), было перехвачено Савинковым и произвело на него громадное впечатление, ибо, когда я в последний раз пришел к нему, он прежде всего стал упрекать меня за это письмо и процитировал мне указанные выше фразы. Мне осталось только выразить ему свое удивление по поводу средств, какие он предпринимает в борьбе со своими противниками даже в мирной обстановке, ибо при разговоре со мной он вынул револьвер, и, назвав его мерзавцем, я вышел из его кабинета. Это было в начале лета 1921 года, и я решил принять все меры, чтобы расшифровать всю работу Савинкова. А так как мне пришлось после ареста регистрироваться в дефензиве два раза в неделю, я случайно встретил во время одной регистрации польского офицера, бывшего в штатском платье, который, узнав вкратце мою историю и разрыв с Савинковым, предложил мне работу против Савинкова. Я, как не имеющий средств к жизни в Варшаве, тем более, что тут же с меня была взята подписка о невыезде из Варшавы, с удовольствием принял предложение этого офицера по фамилии Грюдигера Болеслава, который мне указал, что надо мне явиться в отель «Виктория», комната № 51. Это было в конце июня 1921 года. Я явился туда на другой же день.

Работа в Генштабе в Варшаве.

Первый рапорт, который я подал Грюдигеру, это было описание моей связи с Савинковым, разоблачение его действий по отношению к советской России, к французской миссии, разоблачение и установление факта составления Савинковыми подложных документов, их попытки продать подложные документы разным иностранным миссиям, в том числе и советской миссии в Варшаве, что мне удалось показать в ближайшие же дни моей связи с Генштабом. Расшифровав Савинкова, я невольно ознакомился с работой, конечно, отчасти, и польского Генштаба. По моему мнению, работа эта далеко не ушла от работы

того же Савинкова. Постоянные провокации, постоянная ловля одним отделом штаба агентов другого отдела, взяточничество, аресты, обман иностранных миссий продажей фальшивых документов, – все это навело меня на мысль, как бы скорее найти возможность уехать из Варшавы и постараться пробраться на родину, захватив туда же свою семью. Я все же в это время ухитрился увидаться в Варшаве с одним из сотрудников Репатриационной комиссии доктором Мирским, но наши отношения не наладились, вероятно потому, что он мне мало доверял, а тогда, когда я мог бы ему доказать свое искреннее желание быть полезным родине, доктора Мирского в Варшаве уже не было.

Еще когда я был связан с Савинковым, должен указать на один факт отношений между ним и Генштабом. Для меня нужны были проездные документы, документы на право ношения оружия и документы об оказании мне на местах полного содействия со стороны польских военных и гражданских властей. Савинков познакомил меня с одним офицером Генштаба подпоручиком Эмиссарским, которого посоветовал мне пригласить ужинать. В тот же вечер 28 февраля я пригласил Эмиссарского в ресторан «Полонию», угостил ужином, и документы на другой день мне все были сделаны. Впоследствии я узнал, что почти все офицеры Генштаба, которые имели то или иное отношение к организации Савинкова, были поддерживаемы материально Савинковым, и особенно пьянствовал с Виктором Савинковым полковник Менжинский, заведующий дефензифой в министерстве Справ войсковых, через которого проходили все мероприятия Савинкова (этот Менжинский, кажется, уже в отставке). Борис, Виктор Савинковы и Деренталь были постоянными спутниками своих кутежей с польскими офицерами, и если Борис мало пил, то за него отличался Виктор и Деренталь. Был случай, когда за один ужин заплачено около 600 000 польских марок. Когда я связался с Грюдигером и доктором Скрудликком, также офицером 2-го отдела Генштаба, я подал рапорт, что при моем аресте у меня были отобраны очень хорошие серебряные часы и часы эти я просил вернуть мне вместе с другими незначительными вещами. Мне ответили устно после наведения справок, что часы и вещи пропали в Штабе, между тем, как я отлично видел эти часы на подпоручике Добровольском, принявшем при аресте вещи. Конечно, мне пришлось смолчать, ибо я мог быть вторично арестован без всякой причины. Это незначительный, но показательный факт. С Грюдигером и Скрудликком моя работа касалась сначала исключительно разоблачений Савинкова, но в то же время я узнал, что параллельно с этим Савинков работал с теми же офицерами штаба Матушевским, Кияшковским и другими, к которым попадали мои рапорты, и Савинков, конечно, знал, кто именно пишет рапорты. В то же время я узнал, что Генштаб крайне нуждается в средствах для своей контрразведки, плохо платит жалование сотрудникам, так как я и сам получал не определенное жалование, а только небольшие подачки по тысяче марок, но должен был молчать, как поднадзорный.

И вот Генштаб решается на добычу средств тем же путем, как и Савинков. Однажды Грюдигер передал мне несколько документов, взятых из дел Генштаба и, зная мои довольно приличные отношения к французской миссии, просил эти документы передать капитану Дераж (уже теперь майору) и постараться получить от него приличную сумму денег. Я, как подчиненный, поехал к майору Дераж, был им тотчас же принят и передал ему документы. Это было в июле 1921 г. Дераж просил меня зайти к нему за ответом в 4 часа дня, и когда я явился, то он вместе с майором Марино позвали меня в отдельную комнату, предъявили мне совершенно такие же документы из Генерального штаба и сказали, что принесенные мною документы подложны. С своей стороны, я стал уверять, что подложные документы – те, которые у них, а не те, которые я принес, и откровенно сказал им, откуда я получил принесенные мной документы. Они были поражены, что так попались на удочку, и просили меня принести еще какие-нибудь документы. Больше я уже приносить документы отказался. В то же время от того же Грюдигера я получил еще документы для передачи в Репатриационную комиссию советскую, взявши их, я на другой день сказал Грюдигеру, что документы эти для Комиссии не важны, и возвратил их обратно, между тем, как эти документы я совершенно доктору Мирскому не носил. Известная история с поручиком Масловским, полковником Леснобродским и некоторыми другими, которых майор Кияшковский послал к т. Карахану с подложными документами, была вызвана нижеследующими обстоятельствами. Так как Виктор Савинков через Масловского и других продал для изыскания средств советской миссии действительно настоящие документы, как своего брата, так и польского Генштаба, и эти документы попали в Красную книгу, нужно было спровоцировать т. Карахана каким-либо способом, и фабрикация документов началась. Но эта провокация, по признанию самих офицеров Генштаба, не удалась, и Кияшковский пережил много очень неприятных минут для объяснения в Сейме, откуда было сделано несколько запросов. Я и некоторые из моих единомышленников искренне был рад такому обороту дела и уже отказывался сам от всех подобных поручений, даваемых Генштабом через своих агентов нашему брату.

По всей Варшаве рассеяны частные конспиративные квартиры польского Генерального штаба, которые имеют различные назначения, и, главным образом ведают делами контрразведки и разведки за фронтом. Сидят в этих квартирах особые офицеры, а впридаток к ним нанимаются офицеры, большей частью – офицеры бывшей русской службы для работы против советской России. Я был сам рад, что попал работать в такую конспиративную квартиру, где не работы антисоветской, а если она и попадалась, то в самом незначительном размере. Вообще, эта квартира по работе была более внутренней политики, а если касалось, то политики французской, немецкой, английской и американской, вообще, политики западных границ¹. Главную же работу по политике на восточной советской

границе вел капитан Братковский, имевший конспиративную квартиру на Маршалковской, 152 и перешедший впоследствии на Братскую, 17. Здесь был целый кадр бывших русских офицеров, которые вместе с польскими жандармами ловили коммунистов, как местных, так и приезжих из России. Были случаи задержки даже советских курьеров, переносящих почту из Репатриационной комиссии в советскую миссию. Например, Кияшковский приказал задержать одного такого курьера, арестовать его, прочитав всю почту и потом с извинением отпустить. Вероятно, с этих писем были сняты фотографии. Самое большое количество агентов, которых польский Генштаб послал на восточную границу, это в нижеследующие пункты: в Глубокое, Молодечно, Барановичи, Лунинец, Сарны, в направлении на Шепетовку. Через эти пункты проходили савинковские отряды, а до указанных пунктов Генштаб выдавал Савинкову [документы] на целый отряд, который составлялся большею частью в Варшаве. Фамилии членов отрядов и их предводителей были большею частью изменены. При этом должен заметить, что сам Савинков кроме документов от Генштаба, которые оставались при штабах соответствующих армий, выдавал каждому члену отряда особое от себя удостоверение на полотне, и это удостоверение при переходе границы должно быть зашито где-либо в платье, а большей частью в кармане на френче или рубаше. Это практикуется, кажется, и сейчас, но во всяком случае будет практиковаться будущей весной и летом.

В то время, когда поручики Скрудлик и Грюдигер убедились в моей серьезности работы и зная, что французская миссия мне доверяет, они возложили на меня обязанность связать их с майорами Марино и Дераж при помощи устройства общего ужина. На это я согласился и тотчас же отправился для переговоров в миссию. Марино сообщил мне, что еще две недели тому назад, приблизительно в десятых числах июля, он вошел в соглашение с полковником Матушевским, чтобы документы, получаемые непосредственно Генштабом, доставлялись в фотографии им в миссию, а документы, попадаемые непосредственно в миссию, доставляли в таком же виде Генштабу. Несмотря на то, что миссия уже несколько таких документов препроводила Генштабу, со стороны последнего не поступало ни одного, и Марино крайне был удивлен действиями Матушевского, почему и просил с своей стороны дать ему из Генштаба такого офицера, который давал бы эти документы, хотя бы за плату. Я предложил им Грюдигера и Скрудлика. От Грюдигера он и майор Дераж категорически отказались, зная его прошлое, а на свидание со Скрудликом вполне согласились. Я назначил им свидание в миссии на другой день и тотчас же отправился к Скрудлику с целью передать ему предложение Марино. Скрудлик немедленно согласился, и на другой день мы в 4 часа были вместе в миссии. Познакомив Скрудлика с Деражем и Марино, я хотел было уйти, но Марино меня остановил, всех пригласил в другую

комнату на совещание. Эта конференция продолжалась около двух часов. На ней были принципиально решены следующие вопросы:

1) В самом непродолжительном времени Скрудлик должен пригласить генерала Сикорского для частной беседы с Марино и Деражем в какое-либо нейтральное место (обед, ужин – все равно).

2) Скрудлик должен через меня доставлять Марино интересные их документы, имеющиеся в Генштабе и касающиеся положения в советской России, за что он, Скрудлик, будет получать денежное вознаграждение, и на что Скрудлик согласился.

3) Скрудлик должен был устроить, чтобы агенты французской миссии, посылаемые последней на восточный фронт с французскими документами, не арестовывались польскими властями на местах, а пропускались бы беспрепятственно. Этим миссия хотела гарантировать пропуск до границы своих отрядов, состоящих из русских офицеров, которые доставляли бы ей документы по примеру Савинкова. Скрудлик согласился.

4) Все передачи документов и разных сообщений должны производиться через меня как доверенное лицо с той и другой стороны.

Эта конференция, хотя и не принесла существенных результатов, но Скрудлик, как имеющий доступ во всякое время к генералу Сикорскому, передал последнему желание Марино встретиться где-либо в нейтральном месте, на что Сикорский согласился. Это согласие Сикорского было передано мной майору Дераж. Состоялась ли встреча, я не знаю.

Несколько раз Скрудлик передавал мне некоторые незначительные документы, по моему мнению, не имеющие никакого значения, и, конечно, за них денег не получал. Когда же я отказался от роли посредника в этих делах, был выбран для этой цели кто-то другой, по-видимому, Рукавишникова, так как в это время она уже состояла официально на службе Кияшковского и получала определенный оклад жалования. Рукавишникова раньше состояла confidentкой в дефензиве, но за сокращением штатов была уволена вместе с Ольгой Берг, которая была ее секретарем. Эта Рукавишникова была мне незнакома и пришла по рекомендации некоего Георгия Александровича Тромпета в отель «Виктория» для свидания с генералом Асановым. Асанова тогда не было, а случайно был в комнате я и польская машинистка Вера. Вера сказала, что Асанова она не знает, и его здесь не бывает. Когда Рукавишникова выходила, вышел за ней и я. Она остановила меня, и мы разговорились. При выходе на улице Ясной мы встретили Грюдигера, с которым я и познакомил Рукавишникову. Тут началось знакомство, последствием которого было поступление на службу Рукавишниковой и дальнейшая ее интимная связь с Грюдигером. Рукавишникова женщина маленького роста, светлая блондинка, очень умная и хитрая. Уроженка² Одессы, она развелась со своим мужем, оставшимся в Москве. Он поэт. Работа на Рукавишникову была возложена чисто прово-

каторская. Ей было предложено составить монархическую группу в Польше, для чего ей было дано право пригласить в эту группу известных ей людей. Возникает вопрос, для чего же эта группа нужна была польскому Генштабу. А нужна была она исключительно для провокации советской миссии, чтобы отплатить т. Карахану и Чичерину за те правдивые ноты, которые в изобилии посылались советским правительством польскому правительству.

Рукавишникова энергично принялась за работу. Зная из русской эмиграции лиц, сочувствующих монархической партии и имеющих ту или иную связь с берлинской группой монархистов, Рукавишникова избрала, прежде всего, генерала Асанова как председателя этой группы. Асанов, как бывший врангелевец, пользующийся довольно большой популярностью среди казачьей группы, отделившейся от Гнилорыбова, принял это предложение и со своим адъютантом капитаном Васильевым начал среди оставшихся в лагерях казаков пропаганду. Сочувствующих нашлось довольно много, ибо в тот момент Савинкова престиж и престиж Гнилорыбова начал уже падать. У Асанова начались собрания прибывающих казаков и их командиров, ему удалось получить некоторое количество обмундирования, присланного Врангелем для III-й армии, и работа началась. На первом заседании группы монархистов присутствовал и я. Здесь были генерал Асанов, Скрудлик, Грюдигер, Рукавишникова, Ольга Берг и капитан Васильев. Асанов был выбран председателем, Васильев – секретарем. На этом заседании были выработаны правила приема в члены группы по рекомендации от 2-х до 5-и членов, и были в первую очередь намечены лица, долженствующие войти в группу. Из этих лиц следующие: Адамович-отец, председатель так называемого Белорусского комитета в Польше, генерал Новиков, генерал Сулковский, Гершельман, Пермикин, де Маньян, Немцов, Угрюмов и некоторые другие лица, фамилии которых я не помню, но мне не известных. Переговоры с Пермикиным оказались неудачными, ибо когда к нему поехали Грюдигер и сотник Голубев, Пермикин их принял, выслушал и тотчас же написал рапорт генералу Сикорскому с доносом, что в Польше образуется монархическая организация во главе с офицерами Генштаба. Генерал Сикорский вызвал к себе Скрудлика и выругал его за неумелость работы. Таким образом, эта монархическая группа, не выдержав даже организационных заседаний, провалилась в своем зачатии и ничего существенного для провокации советской миссии сделать не могла. Как курьез, должен сказать о факте, когда Адамовичу и Новикову было предложено составить смету для работы в Белоруссии, они представили таковую более чем на 80 миллионов польских марок и были убеждены, что эти деньги им будут немедленно отпущены. Кроме того, по отношению к самой группе была также пущена провокация, а именно, Грюдигер и Скрудлик уверили членов группы,

что им разрешено конспиративно получить из Познани 4000 винтовок и четыре миллиона патронов, также два пулемета. Вопрос заключался только в том, где бы найти на границе склады для этого оружия. Часть оружия предполагалось отправить в Сарны для передачи атаману Ангелу-Рожнову-Алешину, который в то время был за фронтом от 4-го отдела польского Генштаба, а часть оружия с пулеметами должна была быть отправлена на границу Белоруссии в барановичском и молодеченском направлениях. Оружие должно быть отправлено с документами второго отдела Генштаба и идти под видом имущества Красного Креста. Конечно, никто из членов группы, а тем более я, не верили в это, и я сразу сообразил, что это обыкновенная и очередная провокация Генштаба для обмана советской миссии в Варшаве. Вообще, должен сказать, что польский Генштаб в моих глазах играл очень низкую роль и в своих отношениях к иностранным миссиям вообще делал такие промахи, которые только компрометировали его же самого. Возьмем случай с английской контрразведкой. Один из польских офицеров по фамилии Иваницкий продал английской контрразведке очень важные документы и был за это расстрелян. Имевший с ним связь по покупке этих документов русский полковник Мерцалов был также арестован польскими властями и посажен в крепость. Мерцалову, как агенту английской разведки, удалось из цитадели уведомить о своем аресте некоего Липского, помощника капитана Маршала из английской контрразведки. Последний через британское посольство требовал освобождения Мерцалова, уверяя, что никаких польских документов они не покупали, доказательств не было никаких налицо, и в конце концов польскому правительству пришлось принести официальное извинение перед англичанами. А Иваницкий все же был расстрелян, Мерцалов долго сидел, его пытали, угрожали расстрелом, и в конце концов он не выдержал и, говорят, зарезался бритвой в тюрьме. В отношениях Генштаба с советской миссией были, по моему мнению, глубокие разногласия, происходящие исключительно по вине польского Генштаба. Если Генштабу хотелось бы получить какую-либо сумму денег, он готовил очередную провокацию, и первые разы эти провокации удавались только потому, что продавались действительно настоящие документы и, конечно, получались за это деньги, а потом, когда т. Карахан увидел, что Генштаб слишком далеко зашел в своих действиях, просто стал гнать всех присылаемых из Генштаба агентов и передавал их досье дефензиву полиции. Вот, в общем, работа польского Генштаба в Варшаве. Такая же политика велась и в отношении прочих миссий и посольств. Эта политика, по выражению одного моего знакомого представителя эстонской миссии полковника Юнкурса, гнилая и может привести к очень печальным последствиям.

В то же время разыгралась и другая трагикомедия в штабе. Случайно мне удалось достать копию телеграммы Гнилорыбова Энвельгрону в Финляндию и представителям Савинкова в Латвии

и Эстонии, в которой, кроме сообщения о посылке денег, уведомлялось о моменте выступления прошлым летом, а именно в ночь на 31 августа, всех действующих на восточной границе савинковских отрядов. Копия телеграммы этой была передана мной Грюдигеру, а последним – майору Кияшковскому. Кияшковский вызвал Савинкова Виктора и Гнилорыбова и потребовал от них объяснений. Тем ничего не оставалось сделать, как сознаться, что эта телеграмма подложна, между тем, как она была послана через эстонского представителя нарочным курьером и доставлена по назначению. Следовательно, Савинков все же сумел надуть и польский Генштаб. Копия этой телеграммы была мной прочитана в Варшаве т. Мирскому в Репатриационной комиссии. За это время мне удалось узнать всю заграничную агентуру Савинкова, но так как я не рисковал вновь явиться к тов. Мирскому и передать ему список заграничных агентов, я попросил одного знакомого, сотника Голубева, передать этот список, написанный моей рукой, и он действительно был доставлен в Репатриационную комиссию, а кому сдан, мне неизвестно. Работа моя совместно со Скрудником и Грюдигером продолжалась до момента, когда советская миссия расшифровала Леснобродского, принесшего тов. Карахану подложные документы. Это было, кажется, в конце сентября 1921 г. Принимая же во внимание, что дальнейшая провокация советской миссии не удастся, мне было отказано в работе, тем более, что я не соглашался ни на какие провокации по отношению к тов. Карахану. Генеральный польский штаб, прислав однажды ко мне в отель своего агента, по фамилии не помню, и передал мне от имени Кияшковского, что я у них не служу и даже не служил. Это было сказано для того, чтобы я не рассчитывал на получение какого-либо вознаграждения за мою антисавинковскую работу в Штабе, ибо я выполнял и другие поручения. Я сразу понял всю бесполезность моих ходатайств по поводу жалования, получение которого и Грюдигером и Скрудником как-то замалчивалось, и решил в конце концов, что поляки даже по отношению к своим сотрудникам держат себя как бы забронированными, т.е. каждый высший хочет оторвать какой-либо кусочек от низшего сотрудника или совсем его не удовлетворить. Когда мне нужно было, например, к своей семье, от которой я получил телеграмму, что жена и все дети больны, мне едва-едва удалось выпросить у Грюдигера 5000 польских марок и проездной документ, и этих денег мне едва хватило, чтобы доехать до места назначения в Рубежевичи, приняв во внимание, что и подводу от Столбцов я должен был нанять за свой счет. Кроме того, мне было поставлено условием, чтобы я собрал материал по восточной границе. Когда же по приезде в Варшаву я не представил никакого антисоветского материала, со мной почти не хотели разговаривать и уже очень подозрительно стали относиться ко мне. Во время этой моей поездки был арестован генерал Асанов, капитан Васильев и поручик Литовченко за сношение, якобы, с тов. Караханом. Тот же Грюдигер получил сведения от Бек-Манжиева,

будто Асанов несколько раз был у т. Карахана и будто бы продал последнему за 30 000 немецких марок какие-то документы. Всех арестованных держали при штабе и через два месяца выпустили и переслали в лагерь интернированных. Я уверен, что если даже Асанов и был у тов. Карахана, то в силу тех обстоятельств, что к нему Генштаб стал относиться подозрительно, и если бы не его арест, то мы, наверное, совместно открылись бы тов. Карахану, кто мы есть на самом деле. Очень часто между собой мы с Асановым ругали поляков за их гонения на нас и за то, что они пользуются нашим безвыходным положением и заставляют нас работать если и не против своей родины, то во всяком случае в пользу их. В это время у меня созрела мысль явиться тайно к т. Карахану и попросить его устроить меня в миссии, но несколько раз, как я хотел зайти в Римский отдел, всегда встречал кого-либо из агентов дефензивы польской или переодетых жандармов и не рискнул ни одного раза быть арестованным вновь. В это же время ко мне в Генштабе еще более стали относиться подозрительно, так как я уже совершенно перестал ходить в отель «Виктория» и даже прекратили мне выдачу тех несчастных по 1000 марок, которые я изредка получал от Грюдигера. Наконец, я стал хлопотать, чтобы мне разрешили выехать вместе с семьей, бывшей тогда в Варшаве, в Рубежевичи, и с большим трудом удалось мне добиться разрешительного документа от Кияшковского (этот документ отобран у меня на границе и находится при моем деле). Явившись в Рубежевичах к коменданту полиции для регистрации документа, я через некоторое время узнал, что обо мне из Генштаба написано в Штаб II армии, к новогрудскому воеводе и полиции в Столбцах, чтобы за мной следили крайне усиленно. В результате мне была выдана карта мельдункова, на основании которой я два раза являлся в неделю на постерунок, что я и выполнял очень аккуратно, боясь каких-либо репрессий. Не имея никаких средств для поддержания своей семьи, мне пришлось с ноября 1921 года до самого последнего времени работать на хуторах, резать сечку, рубить дрова и вообще выполнять чисто физические работы, чтобы получить хотя кусок хлеба. Так, конечно, долго продолжаться не могло, и мы с женой решили рано или поздно перейти на советскую сторону, чтобы заявить о своем прибытии. Вопрос заключался только в том, что если бы я поехал официально, заявив о том коменданту, меня арестовали бы поляки и держали бы меня, а может быть и семью мою, неопределенное время. Но та причина, что мне и в советской Белоруссии не нашлось бы места, долго удерживала меня от этого шага. Должен отметить, что всем русским эмигрантам и, в особенности, тем из них, которые принимали какое-либо активное участие в антисоветской работе, угрожало при переходе границы наказание высшее, и несмотря на это, я с полным раскаянием в душе пошел на этот рискованный шаг. Подробности моего захвата известны.

Генерал Балахович.

Во время моего пребывания в Варшаве мне пришлось столкнуться с некоторыми заслуживающими внимания лицами, а именно: генералом Балаховичем, генералом Зелинским, Русским Красным Крестом, Русским комитетом и некоторыми другими личностями, игравшими видную роль в русской эмиграции.

Главное лицо – это генерал Балахович. С ним меня познакомил сын Адамовича, известный атаман Дергач-Адамович. Приехали мы с ним к Балаховичу на автомобиле на Кручую улицу, дом № 3. Здесь Балахович занимал роскошную квартиру и принимал лиц, только ему лично известных. Представив меня, Дергач сказал, что я приехал с границы из Рубежевич. Принят я был Балаховичем довольно любезно, и расспрашивал меня о настроении местного населения по отношению к нему лично и по отношению к советским властям. Я ему откровенно сказал, что погромы, произведенные его армией в разных местах советской территории, создали ему имя, отчасти неблагоприятное, но все же прихода его ждали с нетерпением, и беспокоилось только еврейское население. Он меня начал убеждать, что слухи, распространяемые печатью и, в особенности, органом Савинкова «Свободой», далеко уклоняются от истины, так как он сам немало отдал под суд офицеров, замешанных в погромах. Зная отлично некоторые факты погромов, рассказанных мне лицами нейтральными, я несколько не доверял словам Балаховича и уже после того, как он стал мне жаловаться на Савинкова и других его недоброжелателей, старавшихся опорочить его имя, я решил до известной степени поддерживать с ним связь, твердо будучи убежден, что связь эта мимолетная и долго продолжаться не будет. Меня поразило более всего то обстоятельство, что Балахович так неодобрительно отзывался о Савинкове, между тем, как я думал, что их связывает неразрывная дружба и общая работа против советской России. Оказалось совершенно иначе. Я старался примирить этих двух враждующих между собой «героев», но никакие уговоры не помогли. Балаховичу я сказал, что Савинков не прочь с ним примириться, а Савинкову сказал, что Балахович такого же мнения, и, может быть, примирение и состоялось бы, но на другой же день после этого разговора появилась в «Свободе» статья Б. Савинкова «Еще о погромах», в которой Савинков обрушился на армию Балаховича за ее недавние действия в Пинске. Тут уже Балахович с Савинковым окончательно разошлись. Немного времени спустя, Савинков получил разрешение польского правительства принять под свое подчинение всех интернированных армии Балаховича, а главное, то имущество, которое осталось у Балаховича после интернирования. Имущество это в большей части было расхищено чинами Отдела армии Балаховича и, главным образом, его начальником снабжения неким Елиным Михаилом Семеновичем, впоследствии Савинковым арестованным через полковника Менжинского. Елина обвиняли в присвоении 39 миллионов марок, посадили в Варшавскую цитадель.

Впоследствии, благодаря изворотливости Елина, он был освобожден и теперь живет в Варшаве. О нем будет речь впереди. Балахович произвел на меня впечатление крайне неуравновешенного человека, но умного. Во время разговора его речь, несвязная, перескакивает с одного вопроса на другой, и трудно уловить ее общий смысл. Он главным образом добивался того, чтобы как можно более собрать подписей населения восточной границы Белоруссии, которые удостоверяли бы, что он действительно является военным вождем Белоруссии, несмотря на свое чисто польское происхождение. Подписи эти привозили ему офицеры бывшей его армии и, насколько мне известно, довольно в значительном количестве. Пачку этих подписей Балахович мне показывал, но не сказал, от каких местностей Белоруссии. Полагаю, что большая часть подписей была из Лунинецкого района, так как там в это время жил Дергач со своим штабом.

Балахович, на вид 35-38 лет, производит впечатление энергичного человека, и когда я его немного поближе узнал, готов был пойти со своей денежной помощью навстречу всякому, кто выскажет ему свое подчинение. Офицеров бывшей его армии к нему приходило очень много, и всех он удовлетворял, главным образом, советскими деньгами, которых у него было в изобилии. В то время за сто тысяч советских денег выдавали в варшавских конторах 6000 польских марок. Большая часть получивших от Балаховича деньги его офицеров в тот же день пропивала и опять оставалась ни при чем. Попутно должен отметить, что в январе и, отчасти, в феврале балаховские офицеры беспробудно кутили на те деньги, которые остались у них после погромов, но, конечно, этих денег у них не хватало и на месяц, и в конце концов они нищенствовали. Неоднократно являвшихся к нему несколько раз офицеров Балахович попросту выгонял, а при мне был даже случай, что Балахович выпорол какого-то своего полковника за то, что тот перешел на службу к Савинкову. Часто Балахович порол на своей конюшне и солдат бывшей своей армии за то же самое, но солдаты ведь не знали, что он поссорился с Савинковым и были крайне удивлены таким обращением его. Когда Савинков выхлопотал себе перед польскими властями полное подчинение чинов армии Балаховича, последний воспротивился и с своей стороны начал в Генштабе и через Соснковского, министра войны, хлопотать о том, чтобы интернированных вывезти из лагеря и послать на лесные и другие работы. Для последней цели он через своего бывшего начальника снабжения Елина вошел в соглашение с инженером Путятю, который взял концессию на разработку Беловежской Пуши (большая часть разработанного леса была продана поляками англичанам) и стал давать ему своих чинов бывшей армии на работу. В выводе людей Балаховичу помог, главным образом, генерал Соснковский и польский Генеральный штаб в лице начальника штаба Сикорского. Елин же ухитрился получить некоторую часть имущества, часть лошадей, мотоциклетку и два автомобиля.

Быть может, он получил и какое другое имущество, оставшееся после интернирования армии. Во всяком случае, как мне известно, посылка на работу была приведена в систему Елиным и бывшим офицером армии Балаховича полковником Жгуном. Работы производились и производятся в настоящее время в следующих местах: в Беловежской Пуще, в 30 верстах под Брестом, и при станции Лесной около Барановичей. Быть может, и даже наверное, рабочие посылались и в другие места ближе к восточной границе Польши. Рабочие-солдаты распределялись по роду оружия и были приведены в систему рот, батальонов и полков, артиллерия работает отдельно. Имеется ли у них оружие, трудно сказать, ибо это содержится в большой тайне, но полагаю, что Балахович не оставил еще своей мысли еще раз выступить в нужный момент со своими людьми, тем более, что его связь со штабом польских войск продолжалась до последнего моего пребывания в Варшаве. Таким образом, несмотря на то, что Балахович как бы совершенно отказался от своей политической работы, все же эту работу производят за него другие лица, а именно знаменитый Елин и полковник Жгун. Кроме того, у Балаховича осталось еще несколько офицеров, которые не отказались от мысли дальнейшей антибольшевистской работы и всячески помогают ему в проведении своих замыслов. Все они довольны, рабочие-солдаты также довольны тем, что одеты, обуты и зарабатывают довольно приличные деньги, и, конечно, преданы своему вождю Балаховичу. В каких отношениях находится сейчас Балахович к Савинкову, сказать не могу, но полагаю, что они в конце концов сойдутся на какой-либо общей мысли. Возможно же, что Балахович будет действовать самостоятельно, ибо Врангеля, по моему мнению, он никогда не признает, а если будет бороться с советской властью, то исключительно за самостоятельность Белоруссии и за Учредилку. Часто во время своих бесед с Балаховичем я наводил его на мысль войти в соглашение с советскими белорусскими властями, но мысль эту он всегда отвергал, зная, конечно, что ему угрожает в России. В последнее время моего пребывания в Варшаве, когда Балахович узнал, что я связан с Генштабом, чего я никогда от него не скрывал, он стал крайне подозрительно относиться ко мне. Только через его секретаря я узнал, что Балахович в своих отношениях к Савинкову несколько не изменился в сторону примирения и даже подал рапорт генералу Соснковскому, напечатанный на 28 листах в нескольких экземплярах. Копии с его рапорта он послал: Савинкову, в Сейм, генералу Сикорскому и некоторым другим видным деятелям Польского Сейма. В этом рапорте Балахович, выставя свою позицию, просил предать его суду и во многом выяснил и расшифровал действия Савинкова перед польскими властями. Результат этого рапорта был таков: Балаховича суду не предали, даже не выселили его, как польского подданного, из Польши по требованию советской миссии, а дали ему возможность, хотя и через третьих лиц, вывести своих людей на работы. Балахович в последнее время крайне нуждался, и

его поддерживал Елин, у которого он и жил на Хмельной, № 29. В последнее время он почти никого не принимал, но секретаря своего держал, главная же контора по посылке людей была занята Елиным на Зеленой улице, № дома не помню, недалеко от Саксонского сада. Таким образом, Балахович свою подпольную работу тайно продолжает.

**Адамович,
председатель Белорусского комитета.**

Адамович Вячеслав Антонович, председатель Белорусского политического комитета в Польше, проживает в настоящее время в Варшаве в «Саксонском» отеле на Козьей улице вместе со своей женой и работает нелегально, тайно от польского правительства. Имеет постоянную связь с Балаховичем и на какие средства он живет, трудно сказать. С ним также я познакомился в январе 1921 г., в то время, когда этот комитет состоял из него самого, Сенкевича и Смолича. Кто из других лиц участвовал, мне не известно. В то время у них были довольно крупные суммы, и они снабжали своих агентов деньгами в полной мере. Главная база их была в Лунинце, где действовал его сын Дергач. Он имел свой автомобиль, впоследствии проданный, и покровителем этого комитета был польский поручик, служивший в Генштабе (фамилию не помню). Этот поручик снабжал членов Комитета всеми документами по их различным поездкам, и члены Комитета снабжались даже оружием. Оружие это в довольно значительном количестве было летом отобрано, но, по всей вероятности, не все, так как Дергач еще летом говорил мне, что оружие у него сохранено. Это подтверждается тем обстоятельством, что начальники закордонных отрядов Короткевич и Хведошениа были снабжены им во время своих действий на территории советской Белоруссии, причем в отряде их было не менее 60 человек. Да и теперь сам Дергач проживает или в Молодечне или Лиде, очевидно, сохранив при себе часть оружия. Адамович-отец имеет тесную связь с капитаном Федоровым, имеющим свои отряды в Гродно, с генералом Новиковым, связавшимся с другим, считающим себя белорусским деятелем, Алексюком, проживающим в Вильне, и вообще продолжает свою анти-советскую работу до сего времени. Адамович – личность заурядная, стремящаяся к Учредилке в Белоруссии, хотя в душе как он, так и его жена, монархисты. Со Смоличем и Сенкевичем он едва ли имеет какую теперь связь, ибо последние перешли на сторону Алексюка, с которым Адамовичи, отец и сын, во вражде из-за власти. По моему мнению сам Адамович большого вреда принести не может, и его работа заключается только в группировке разных мелких, считающих себя белорусскими деятелями, людей. Все же боевые единицы у Адамовича есть, ибо сын его не даром проживает вблизи границы, ища момента выступить против советской Белоруссии. Адамович не последователь Савинкова, но он не запрещает своим офицерам поль-

зоваться денежной поддержкой последнего. Так, например, капитан Федоров в конце лета получил от Савинкова 150 000 польских марок на свою работу в Гродне, и Савинков даже через Гнилорыбова обещал ему выдать еще один миллион марок. Кроме того, Адамович имеет тесную связь с неким Порембским, живущим в Варшаве на Гожей ул. в доме № 62, кв. 12. Этот Порембский играет очень большую роль в КОК (Комитет обороны кресов), находящемся в Варшаве по Длугой улице в доме № 50, в отеле «Пассаж», и очень часто приезжает в Новогрудок для каких-то совещаний. Мне известно, что Дергач во время своих каких-то недоразумений со штабом II армии в Лиде обратился в конце лета к Порембскому, и последний своей поездкой уладил эти недоразумения. С Порембским я встретился только один раз. Он мне сказал, что его стремление – это освободить Белоруссию от коммунистической власти, и потому он готов всячески помогать Адамовичу, с которым он вполне солидарен по взглядам на какую-то будущую власть в Белоруссии.

Во всяком случае, Адамович, хотя величина и небольшая, но старающаяся принять все меры к противодействию советским белорусским властям. С Адамовичем у меня были большие недоразумения по чисто принципиальным вопросам. Он никак не мог согласиться с тем, что я без всякой задней мысли проживаю в Рубеживечах, и думал, что я предендую на что-то и хочу конкурировать с ним, несмотря на то, что я ему представил массу неоспоримых доказательств моей аполитичности, и только тогда, когда у него уже не было никаких средств, и когда он увидел, что я совершенно устранился от какой бы то ни было борьбы с советскими властями и разошелся по этому поводу с Савинковым, Адамович стал более терпимо относиться ко мне, и если я у него бывал, то только как обыкновенный знакомый. По моему глубокому убеждению этот Адамович и рад был бы возвратиться в Минск, но боится репрессий. Возможно, что в настоящее время район своих действий он перенес в Вильну, где находится Алексюк и генерал Новиков. Хотя с первым он разошелся, зато со вторым тесно связан и признал его командующим всеми белорусскими частями, находящимися на территории Белоруссии. Под его ведением находилась даже какая-то белорусская бригада, формируемая с разрешения штаба бывшей IV польской армии в Несвиже и уже носившая свою форму. Эта бригада была летом прошлого года, по-видимому, расформирована, но все же сохранила втайне свою организацию. Адамович до сего времени находится в близких отношениях с Балаховичем и докладывает последнему о всех новостях, происходящих на границе Белоруссии.

Генерал Зелинский.

С генералом Зелинским, председателем Украинской ликвидационной комиссии в Варшаве, я познакомился у Бориса Савинкова и дважды посетил его в его канцелярии на Длугой улице в отеле

«Польском». Это пожилой генерал старой царской армии, весьма хладнокровный, но особенно ярый противник советской власти. Работая на Украине со Скоропадским, он получил назначение быть председателем ликвидационной комиссии и, конечно, всецело придерживается взглядов Скоропадского. Характеристика, следовательно, его ясна.

В беседе со мной он крайне интересовался положением на белорусской границе и просил меня держать связь с ним для совместных антисоветских действий. Познакомил меня с прибывшим летом в Варшаву на съезд к Савинкову генералом Тютюником и его начальником штаба, каким-то полковником. Так как в это время я уже совершенно отказался от работы против советских властей, разговор наш с Тютюником был крайне неинтересен, но все же произвел на меня впечатление какой-то внутренней уверенности, что к концу лета они будут на Украине хозяевами положения. Его связь с Петлюрой несомненна, и начальник его штаба, очень развитый полковник, не развивая передо мной своих предстоящих действий, выражал желание связаться с белорусскими антисоветскими деятелями и с теми частями отрядов, которые уже работают на советской территории Белоруссии. Я ему указал, что оставил свою политическую работу против Советов, и если интересуюсь этой работой, то только исключительно как русский патриот, любящий свою родину. Я ему высказал, между прочим, что все начинания Савинкова и других не могут привести к каким-либо реальным результатам, на что он ответил, что на этих днях произойдет полное соглашение между всеми закордонными антисоветскими деятелями для общего выступления против Советов. Мне, конечно, оставалось только пожелать ему успеха и выразить сомнение, что работа с Савинковым не даст желанных результатов. На этом наш разговор прервался, так как Тютюник позвал к себе своего начальника штаба. Больше я Тютюника не встречал. Слышал только, что он подписал договор с Б. Савинковым, который обязался оказывать ему материальную поддержку и выступать против Советов совместно.

Генерал Зелинский, как устаревший уже человек, мало что предпринимает против Советов, но его связь с украинскими действующими отрядами несомненна. При нем находятся до сего времени: его начальник штаба полковник Бондаревский и его личный адъютант капитан Драценко. Остальные сотрудники, которых было летом до двадцати человек, большей частью разъехались и, вероятно, вступили в какие-либо действующие отряды на Украине. Зелинский до самого последнего времени обладал большими средствами, ездил на своем автомобиле и занимал роскошный номер в отеле «Брюль», где проживал до последнего времени. Полагаю, что он еще находится в Варшаве.

Генерал Новиков.

Одним из видных антисоветских деятелей в настоящее время является генерал Новиков. Происхождение его таково: когда войска

генерала Врангеля садились в Крыму на суда, полк генерала Новикова запоздал для посадки, и Врангель предложил ему посадить на свой транспорт только 50 человек. Новиков отказался оставить свой полк и вернулся в горы. При прощании Врангель произвел его в генералы, и он появился в июле 1921 года в Польше. Здесь он быстро сориентировался, познакомился с Савинковым, Балаховичем и Адамовичем, влез в Русский Красный Крест, и когда Врангель прислал обмундирование для чинов третьей русской армии генерала Пермикина, Новиков тотчас же представил себя посланцем Врангеля, и ему было поручено контролировать раздачу одежды. Первый раз Новикова я встретил у Адамовича, грязного, оборванного, в какой-то тирольской шляпе и с Георгием на груди. Быть может, через неделю после этой встречи я встретил Новикова на улице довольно прилично одетым, в новом врангелевском плаще и уже обладающим кое-какими средствами. Это на меня произвело угнетающее впечатление, так как при первой встрече он жаловался мне, что ему негде ночевать, и денег нет ни одной марки. Узнав, что Новиков заведует выдачей обмундирования, я хотел помочь некоторым из беженцев, находящимся в Рубежевичах, и попросил его помочь мне получить для них какую-нибудь одежду. Он обещал и просил меня составить список. Список я составил, передал ему, но до сего времени этой одежды не получил, несмотря на то, что слышал от служащих Красного Креста о получении Новиковым одежды для знакомых мне нуждающихся беженцев. Впоследствии я узнал, что Новиков вошел в тесную связь с Савинковым, Адамовичем, Алексюком и Балаховичем, хотел также примазаться в польский Генштаб, но удалось ли ему последнее, мне узнать не пришлось. Уже в Рубежевичах я узнал, что Новиков приезжал на границу и выяснял вместе с Калечицем, какие силы находятся на польской стороне, могущие выступить совместно с ним против советской власти. Результаты этого выяснения мне не известны, но так как я близко знаком с беженским элементом на границе от Радошковичей до Столбцов, полагаю, что старания Новикова произвести полную регистрацию сил не увенчались успехом. Дело в том, что все беженцы, будучи уже несколько раз обмануты, а именно Савинковым, Костиным, Калечицем и другими многочисленными савинковскими агентами, крайне недоверчиво относились к новым посланцам из Варшавы и просто не хотели никуда записываться, предпочитая голодать и ожидать декрета советских властей о беспрепятственном и безнаказанном возвращении их к своим домам. К сожалению, декреты эти вовремя туда не доходили, а если и доходили, то срок возвращения уже истекал, все же большая масса беженцев возвратилась на родину, и судьба их в большей части не известна другим, оставшимся там, в Польше. Таким образом, Новиков потерпел фиаско в своих стремлениях и принял другие меры для воздействия на беженцев. Пользуясь правом получения обмундирования, он через Калечица объявил, что тем только будет выдавать обмундирование и

белье, кто запишется у Калечица и вступит в Белорусские комитеты на местах. Об этих Комитетах будет сказано ниже. В настоящее время Новиков находится в Вильно, и совместно с Алексюком создали уже два белорусских съезда в Вильно. Один съезд был перед Новым годом, а другой в середине февраля. Съезд этот вошел в связь с Лигой народов и вынес резолюцию о немедленном объявлении самостоятельности Белоруссии в пределах Рижского договора, была даже дана телеграмма Лиге народов, чтобы последняя воспрепятствовала рубке лесов по всей территории Белоруссии. Представителем белорусского населения от местностей, лежащих к северу от восточной границы, выбрал себя Калечиц Павел. Как я еще ранее указал, Новиков был на двух заседаниях группы монархистов в Польше, и вместе с Адамовичем представил смету более, чем [на] восемьдесят миллионов марок на антисоветскую работу. Эта смета в свое время вызвала смех и была сокращена, кажется, до четырех миллионов. Результаты этой сметы мне неизвестны. В общем, мое впечатление о Новикове таково, что это авантюрист школы Савинкова, но как боевой офицер, он, по рассказам, хороший. С своей стороны полагаю, что если бы советское правительство предложило Новикову явиться и гарантировало его безопасность, он не замедлил бы это сделать, но потребовал бы обязательно материального обеспечения.

Российский Красный Крест в Польше.

Помещающийся в Варшаве на Подвальной улице в доме № 5 Российский Красный Крест в Польше со всеми его складами представляет из себя самое убогое учреждение, какое только когда-либо существовало в России. Конечно, все то, что я буду говорить о нем, бездоказательно, за исключением явно сфабрикованных отчетов, оглашенных в газетах, но все же доля правды в моих словах будет. Председательствует Любимова, разъезжающая в своем автомобиле со своими приближенными лицами. Бывает в Комитете почти ежедневно, но свое участие мало чем выказывает, положась всецело на своих помощников из старой русской реакционной знати. Главным ее помощником является Гершельман, а потом баронесса Тизенгаузен, полковники де Маньян, Угрюмов и Немцов. Штат служащих весьма многочисленный, и оклады приличные. Служащие большей частью с протекцией. Обыкновенному смертному не попасть. Я хотя и зарегистрирован был как безработный и по своей новой специальности бухгалтера должен был бы найти работу, но, узнавши, что я прекратил всякую антисоветскую работу, заправилы Красного Креста даже и свободные вакансии давали другим, чтобы я не мог попасть на службу. Я много терпел, ходил ежедневно, выстаивал часами очереди, и уже впоследствии один из моих доброжелателей предупредил меня, что рассчитывать на получение должности в Красном Кресте, хотя там и нужны бухгалтеры, мне нечего, и что я напрасно теряю время в очередях.

То же самое мне говорили и другие страдальцы. Кто получает слишком много, а кто еще ни разу ничего не получал. Только и пользовался в столовой обедами, довольно скудными. Обращение в столовых со стороны барышень-генеральш, подающих кушанья, крайне грубое. На нашего брата смотрят, как на паразитов, и только нахальством можно было добиться получения обеда после долгой очереди, а то все обеды, приготовляемые в недостаточном количестве, расхватывались своими служащими. Трудно представить себе положение людей, прибывших из лагерей по каким-либо своим делам в Варшаву и ищущих дешевую столовую. Им приходится становиться в очередь с самого раннего утра и ждать до двух-трех часов дня. Вообще, трудно описать порядки в Русском Красном Кресте в Варшаве, для того, чтобы иметь представление, надо самому испытать. Но правящие Красным Крестом живут припеваючи. В последнее время Русский Красный Крест получал помощь от Американского общества методистов и Британского Красного Креста, куда обыкновенно нашему брату выдаются записки от Гершельман[а], но получить-то эту записку не всякому удастся. Нужно проявить себя в той или другой степени, представив доказательства своей антисоветской деятельности. И конечно, было немало счастливых, которые в этих учреждениях с запиской Гершельман получили довольно приличную помощь, но помощь получали именно только те, кто в ней мало нуждался, а самые несчастные, не имеющие возможности проявить свою антисоветскую работу, совершенно не получали.

Красный Крест имеет несколько мастерских с разным производством, но в ограниченных размерах, устраивает базары своего производства и вообще питается самыми разнообразными путями для добывания средств, к сожалению, расходуемых так безалаберно. Даже Савинкову, и тому завидно, что Красный Крест, опубликовав свой отчет, показал довольно значительные суммы, израсходованные на содержание персонала. Он потребовал контроля и прошлым летом в газете «Свобода» через своего сотрудника Савинков пустил критику на Красный Крест, вследствие чего сделался личным врагом Гершельмана. Таким образом, Красный Крест далеко не аполитичен, каким он должен был бы быть. Когда в Варшаве с приездом Репатриационной советской комиссии стала издаваться газета «Варшавский голос», Любимова и Гершельман воспрепятствовали продаже этой газеты на Подвале, и об этом даже был протест в названной газете. А когда Рукавишникова намеревалась издавать газету монархического направления, то даже Гершельман выразил желание сотрудничать в ней. Мне кажется, это есть довольно веское подтверждение мнимой аполитичности Русского Красного Креста в Польше. Будучи непосредственно связан с Американским Красным Крестом и Американским обществом методистов, Русский Красный Крест всецело подчинялся требованиям последних, несмотря на то, что все организации, которые получали какую-либо помощь от указанных

американских учреждений, обязывались быть совершенно аполитичными, и инструкция этих учреждений ставила первым условием помощи то, чтобы как организации, так и отдельные лица, которым они помогают, были далеки от какой бы то ни было политики, но это только на словах. На деле же получалось совершенно иное. Если бы, например, мне потребовалось получить для себя или для нуждающихся беженцев что-либо из одежды или белья, я должен был представить, кроме записки Гершельмана, записку какого-нибудь более или менее видного политического работника, например, Савинкова, Балаховича, Новикова или др., и тогда и американские учреждения, и Британский Красный Крест выдаст мне все, что бы я ни попросил. Был я однажды на Новолинской улице в доме № 8 в Британском Красном Кресте, где спросили меня, чем я занимался во время войны с Польшей, и когда я сказал, что в белогвардейских армиях я не служил, а только временно был связан с Савинковым, с которым быстро разошелся, передо мною пожали плечами и после получасового ожидания отказали. Разве это аполитичность. В другой раз жена моя с четверыми детьми пришла в Русский Красный Крест, и ей дали записку на получение из Общества методистов некоторых вещей для детей, ей же самой и мне категорически отказали.

Было бы полбеда, если бы такое отношение проявлялось ко мне одному, а то нет. Какой-нибудь бывший балаховец или чин из белогвардейской армии предъявлял свое требование на получение вещей, то не только ему, но и всем тем, кому он скажет, будто это его отряд, выдавалось и платье, и белье, а некоторым была даже помощь деньгами.

Вообще, трудно описать работу Русского Красного Креста в Польше, а еще труднее найти какие-либо положительные стороны этой работы. В конце концов, я уже перестал добиваться какой-либо от него помощи.

Русский эмигрантский комитет в Польше.

Комитет этот помещается на Праге, Зигмунтовская, 5 и председательствует в нем бывший сенатор Рейнеке. Сотрудниками Рейнеке являются также бывшие русские офицеры, а главный воротила всех дел – это киевский адвокат Николаев. Этот Николаев со своей содержанкой живет на Электоральной улице в отеле «Ренома», комната № 20. Все средства, которые Комитет откуда-то получает, идут на содержание громадного штата, и только часть попадает некоторым нуждающимся интернированным чинам бывших армий.

Мне только один раз пришлось обратиться к содействию Русского комитета и именно за юридической помощью, и впечатление, которое я вынес оттуда, очень печальное. Я не только не получил от адвоката помощи, но мне было сказано, что указанный Комитет вообще существует только номинально и делает какие-то свои дела.

не входя в нужды эмигрантов. Я выругался и ушел. Впоследствии я узнал, что за денежной помощью к этому Комитету обращался даже Борис Савинков, и ему было выдано в июне прошлого года один миллион марок заимообразно. Вместе с тем, мне стало известно, что бывший член Комитета киевский мировой судья Савицкий Николай Ипполитович, продавший свое громадное имение в Луцком уезде за триста миллионов марок, пожертвовал Комитету один миллион марок для их кооператива и сто тысяч марок для нуждающихся интернированных русских солдат. Комитет этот, в свою очередь, выдавал паспорта, карты побыта для проживания в Варшаве, и эти паспорта обменивались в Комитете Савинкова на другие с визой польских властей через какого-то майора, служившего в польской дефензиве и получавшего от Савинкова довольно приличное вознаграждение. Фамилию этого майора я не помню, но в лицо его хорошо знаю, и знаю также, что он живет в роскошном отеле «Бристоль». Полагаю, что для жизни в этом отеле требовалось немало средств.

Дефензива полиции.

После того, как меня выпустили из цитадели 28 апреля 1921 года, мне пришлось, как я уже говорил, регистрироваться в дефензиве 2-го отдела Генштаба, а через некоторое время все дело мое было препровождено в министерство внутренних дел. Тут-то мне пришлось по вызову явиться на Братскую, 17, где начальником экспозитуры Варшавского округа дефензивы был и есть доктор Снарский. Главным помощником его по русским политическим делам был тогда русский офицер полковник Богуславский из Киева (жена его, кажется, и теперь находится в Киеве). После допроса Богуславский, и после сам Снарский предложили мне сотрудничать также по русским делам, но я категорически отказался, считая для себя совершенно неподходящей такую должность, несмотря на то, что пост мне был предложен довольно хороший, и в то время я крайне нуждался. Дело мое о выселении из пределов Польши, таким образом, перешло в гражданское ведомство, и мне стало в Варшаве жить еще хуже, тем более, что Богуславский приставил ко мне одного опытного сыщика капитана Козлова, о котором речь будет отдельно. Богуславский сам часто заходил ко мне и однажды даже угощал меня ужином, стараясь принять все меры к тому, чтобы я примирился с Савинковым и продолжал бы у него работать. Когда же Богуславскому через своих тайных агентов стало известно, что я прекратил всякую антисоветскую работу и собирался даже написать в варшавских польских газетах открытое письмо к Борису Савинкову с просьбой выяснить главный существенный вопрос, чего именно добивается Савинков от русской эмиграции и чем он руководствуется, когда по его ходатайствам арестовывают сотни русских офицеров, отказавшихся работать вместе с ним, Богуславский явился ко мне в 10 часов утра в гостиницу и потребовал, чтобы я свое письмо показал ему и ни в коем случае

в газетах его не публиковал. При этом он мне грозил таким местом, откуда выхода быть не может, если я не выполню его требования. Обо всем этом мной был написан рапорт Генштабу и подан через Грюдигера. В конце концов и Богуславский стал относиться ко мне как к коммунисту, хотя, откровенно сказать, я даже и до сего времени не совсем знаком с коммунистической программой. Стало жить мне еще хуже. Кругом польские и русские (на польской службе) шпионы стали следить за каждым моим шагом. Как курьез расскажу один случай. Выхожу я около 11 ч. утра из отеля и захожу в ближайшую кофейню выпить кофе. За мной входит подозрительный тип и просит кофе. Я отказываюсь от кофе и выхожу, направившись в другую кофейню. Субъект – за мной, и таким образом я обошел ровным счетом 11 кофеен, наказав его на 10 стаканов кофе, им не выпитых. Богуславский с Козловым жили вместе на Подвале, № 17 в отеле «Славянском», где было еще несколько номеров, занятых тайными агентами. Вся работа этих агентов заключалась в ловле русских и польских коммунистов, и если кто из последних попадал к ним в лапы, то надолго не видел света. Я сужу по тому обстоятельству, что со мной в цитадели сидело несколько коммунистов, из которых я знал двух братьев Богиных из Минска (кажется, имели мануфактурную торговлю на Соборной площади), латвийского подданного Кальфу, отправленного еще при мне в советскую Россию, одного коммуниста-француза и бывшего киевского студента-медика Гринберга, захваченного Балаховичем и оставленного в качестве врача при армии последнего. Этих коммунистов держали более чем по девяти месяцев, не предъявив им никакого обвинения, и только благодаря тому, что они поддерживались в смысле питания каким-то существовавшим тогда в Варшаве обществом, которое присылало им еженедельно продукты. Во время моего сидения эти коммунисты объявляли голодовку, предъявив совершенно справедливые требования об улучшении пищи, совместной прогулке, открытии камер, разделении от уголовных и некоторые другие. Голодали они 7 дней, и я сам видел младшего Богина, 16 лет, едва волочившего ноги по окончании голодовки. Отправили ли их в Россию, чего они желали, я не знаю. Это было еще в апреле 1921 года. Я был выпущен, а они, за исключением Кальфы, остались там. Таким образом, в культурном государстве и «культурное» обращение с политическими заключенными. Полковник Богуславский был особенно рьяным защитником польской системы защиты государства от «происков» коммунистов, и все таки впоследствии он, кажется, добился своего и был отправлен со своими сотрудниками, русскими офицерами, в лагерь для интернированных.

В одно и то же время полковник Богуславский работал против 2-го отдела Генштаба и даже накануне моего отъезда из Варшавы 20 ноября 1921 года просил меня дать ему материал для расшифрования указанного отделения, в чем я ему также отказал. В общем,

дефензива полиции в Польше также работала системой провокаций и ловлей не столько действительных преступников, ни и ловлей своих же агентов. Кто из них даст материалы против своих людей, считался сотрудником, заслуживающим внимания.

Другой известный в Варшаве сотрудник Снарского – капитан Козлов – куда дальше ушел в своей антисоветской работе от полковника Богуславского. Бывший контрразведчик Северо-западной армии Юденича, этот Козлов вместе с каким-то другим авантюристом ухитрились вывезти из Гатчины бывшие кареты дворца и продать их неизвестно кому. На вырученные от продажи деньги они открыли в Риге театр и до тех пор его держали, пока не прогорели совершенно. Оттуда Козлов попал в Вильно, где был арестован и препровожден в Варшаву. Здесь после недолгого сидения его выпустили и предложили работать в дефензиве полиции. Козлов в свое время был чиновником особых поручений при бывшем виленском губернаторе Любимове, а так как [его жена] оказалась в Варшаве, то и стала протектировать Козлову. Она устроила его в Датский Красный Крест к графине Альбрехт-Лаурвиц, жене бывшего датского посла. Она сделала его главным уполномоченным склада одежды и обуви, помещающегося на Праге, и тут Козлов начал возами вывозить имущество для продажи с целью наживы. Несмотря на все, Козлов денег не имел, потому что сильно пил и поил своих сотоварищей по краже, также бывших офицеров разных белогвардейских армий, и в конце концов поступил шофером во французскую миссию в Варшаве, где его быстро расшифровали и уволили. Дальнейшая судьба Козлова мне неизвестна, но он, по всей вероятности, в Варшаве, и, быть может, пристроился где-нибудь в советской миссии под другой фамилией.

Попутно укажу вкратце о работе Датского Красного Креста, которым заведовала графиня Альбрехт-Лаурвиц. Выдача обмундирования и обуви производилась исключительно чинами бывших белогвардейских армий по запискам Савинкова, Балаховича и Русского Красного Креста. Выдавалось обыкновенно в достаточном количестве, и многие из чинов армий питались на полученные оттуда вещи. Впоследствии этот склад был передан польскому правительству, и графиня помогла тогда деньгами. Графиню я лично знаю и часто встречал ее с польским полковником Сологубом Девойно. Этот последний, как бывший русский офицер Генерального штаба, никогда в общественном месте не говорил по-русски. Он сказал: «мы в Польше и должны говорить по-польски». К моему счастью, я польский язык знаю очень плохо и продолжал с ним говорить по-русски, а он по-польски. В конце концов он даже грубо прервал разговор, и я с ним расстался, напомнив, что на заседаниях у Савинкова он великолепно объяснялся по-русски. Приблизительно в конце августа 1921 года мне было предложено организовать покушение на Савинкова, а потому связь с дефензивой полиции у меня несколько затянулась.

Комедия с покушением на Б. Савинкова.

У полковника Гнилорыбова был личный адъютант Управления казачьих войск в Польше. Это Управление поместилось на Электоральной улице в отеле «Ренома», комната 28. Фамилия адъютанта – сотник Голубев, как говорят, племянник бывшего председателя Государственного совета Голубева. Этот Голубев бежал из киевской Лукьяновской тюрьмы и прибыл в Польшу в начале 1920 года. В первую очередь, продав советской миссии Гнилорыбовские документы, как говорят, за пятьсот польских марок, Голубев хотел подкопаться к Гнилорыбову и выдумал историю с покушением на Савинкова, желая обвинить в этом деле Гнилорыбова. Ко мне в номер вечером является Голубев, отлично зная, что я смертельный враг Савинкова, и предлагает мне убить Савинкова, организовав дело это во время поездки последнего на казачий съезд в лагерь Остров Ломжинский. Я, как человек осторожный, выслушал предложение Голубева и не дал ни положительного, ни отрицательного ответа до следующего дня. Но в тот же день я вызвал к себе по телефону генерала Асанова и его адъютанта капитана Васильева и рассказал им, в чем дело. Так как Асанов и я в то время были по принуждению сотрудниками польского Генштаба, я же, кроме того, противник всяких террористических выступлений, мы совместно решили прежде начатия переговоров с Голубевым по этому поводу дать знать рапортом майору Кияшковскому о предполагаемом покушении. Рапорт был написан Асановым и, помнится, подписан был также и мной. После этого мы позвали Голубева и выразили согласие на это дело, ожидая, что произойдет. Голубев угостил нас хорошим ужином и дал 28 тысяч польских марок мне для передачи Асанову. Об этих деньгах мы также донесли в Генштаб через Грюдигера. Вероятно, из Генштаба Савинкову стало известно о готовящемся на него покушении, и он немедленно через своего друга Земеля сообщил обо всем Снарскому на Братскую, 17. Голубева вызвали туда для показаний, а на другой день вызвали и нас с Асановым. Я от показаний отказался, а Асанов совершенно не пошел на вызов. Я сослался на майора Кияшковского, которому, как я сказал, было известно все дело, и меня от допроса освободили. Что же делает Савинков? Он запиской на имя капитана Васильева просит генерала Асанова прибыть к нему в отель «Брюль» для личных объяснений. Асанов с Васильевым на другой день приходят к нему и объясняют Борису Савинкову в присутствии Гнилорыбова, представителя от польской дефензивы и нескольких других свидетелей, что покушение организовано было самим Гнилорыбовым, о чем им якобы сообщил Голубев. Савинков потребовал позвать Голубева, и тот, несмотря на явную ложь, в присутствии всех подтвердил, что действительно, Гнилорыбов дал ему деньги на покушение. Скандал произошел форменный. Савинков, узнав, что я причастен к этому

делу, в тот же день написал Пилсудскому письмо с просьбой меня арестовать. Пилсудский переслал это письмо генералу Сикорскому, начальнику Генштаба, а последнему уже была известна вся эта комедия, и он, конечно, не сделал никакого распоряжения о моем аресте, так как майор Кияшковский показал ему мой рапорт. Гнилорыбов же должен был проглотить пилюлю от Савинкова и оправдываться в своей причастности к покушению. В это время как раз, кстати, у Гнилорыбова был недочет савинковских денег около трехсот тысяч польских марок, и скандал еще более увеличился. Дело едва не кончилось разрывом Гнилорыбова с Савинковым, но последнему ничего не оставалось делать, как постараться заглушить разыгравшийся на всю Варшаву скандал и примириться с Гнилорыбовым хотя наружно. Голубева, конечно, уволили, но он не горевал, у него еще были деньги, полученные за продажу документов Савинкова и Гнилорыбова. Вся эта история еще более разгневала Бориса Савинкова против меня, и он стал искать более удобного случая меня арестовать, но так как я был забронирован связью с польским Генштабом, он ничего не мог сделать, и сам должен был оставить пределы Польши по настоянию советской миссии.

Французская миссия.

О французской миссии, помешающей а Варшаве на Иерусалимской аллее в отеле «Народовом», я уже упоминал в моем описании польского Генштаба. Во главе миссии в то время стоял генерал Ниссель, теперь – генерал Дюпо, а начальником контрразведки был майор Марино, и его помощником – майор Дераж. Эта миссия всеми имеющимися в ее распоряжении средствами старалась достать какие угодно документы из советской России и платила за них сначала громадные деньги. Когда же была обнаружена подделка Савинковыми документов, в обилии доставляемых последними в миссию, французы стали формировать свои отряды из русских офицеров бывших белогвардейских армий. Эти отряды снабжались французскими документами на право проезда до границы, и на обязанности их было переходить границу, нападать на советские учреждения, захватывать документы и доставлять в миссию. Так, например, полковник Павлов и прапорщик Орлов, найдя для себя более выгодным работать непосредственно от французов, разорвали с Савинковым и стали привозить документы прямо французам. Но Савинков почувствовал, что упускает благодаря этому довольно крупную сумму денег, вошел в сношение с польским Генштабом и просил последний арестовывать на границе русских офицеров с французскими документами, что Генштабом и выполнялось. Вот тут-то и произошел конфликт между штабом и миссией. Чем он в конце концов кончился, мне неизвестно, но во всяком случае генерал Ниссель ушел, а генерал Дюпо намеревался произвести серьезные перемены в контрразведке французской миссии.

По моему мнению, как французская миссия, так и другие миссии Антанты принимали все меры к тому, чтобы считать Польшу перегородкой от советской России, да и понятно, сколько и какие средства Антанта употребляла уже в течение более четырех лет для того, чтобы с корнем вырвать в России коммунизм. До сих пор это ей не удалось...

В общем, работа французов в Польше сводится к одному: как можно более иметь сведений о советской России и действовать в этом направлении, не стесняясь средствами. Много, по-видимому, важных сведений дал капитану Дераж некто Упельниц-Селянинов, перешедший советскую границу в конце февраля 1921 года. От французов, как мне известно, он получил в первый раз пятьсот тысяч царских денег, что в переводе на польские марки тогда составляло около трех миллионов польских марок, а во второй раз он получил два миллиона польских марок. Мне передавали савинковские офицеры, что в последнее время Упельниц-Селянинов, кроме французов, продавал документы другим миссиям, и будто бы капитан Дераж, назначивший за ним в Варшаве слежку, поймал его в том, что Упельниц был в английской и японской контрразведках. Лично Упельница я мало знал, не знал его намерений, но, по-видимому, он близко сошелся с Савинковым, и его целью было поднять восстание в Гомельской, Смоленской и Тверской губерниях. Говорят, что большая часть инструкций, разосланных Савинковым по советской России от имени «Защиты свободы и родины», были составлены Уппеллинцем, и этому я вполне верю, ибо при первой же встрече моей с ним в Варшаве он развивал план восстания, опубликованный в газете «Свобода» уже впоследствии. Летом в Варшаве разнесся слух, что Уппеллинг расстрелян в советской России.

Английская контрразведка.

С английской контрразведкой мне пришлось столкнуться вот по какому случаю. Один из офицеров польского Генштаба, тогда поручик, а теперь капитан Братковский, заведующий дефензивой на восточной окраине в направлении Сарны – Шепетовка, захотел спровоцировать других офицеров Штаба Скрудлика и Грюдигера. Для этой цели Братковский подсылает ко мне своего агента, бывшего русского офицера Некрашевича, с предложением продать англичанам важные документы. Я быстро сообразил, что тут дело нечисто, и в тот же момент, когда Некрашевич сидел у меня, я вызвал по телефону к себе поручика Грюдигера и просил его притвориться англичанином. Грюдигер приехал ко мне и, притворяясь англичанином, сговорился с Некрашевичем о покупке документов. А документы эти заключались в том, якобы, что в Сарнах через польскую границу были переотправлены в Англию и Францию сорок коммунистов для пропаганды коммунистических идей, и Некрашевич обещал достать фотографии этих коммунистов и номера паспортов, по которым они проехали. Сторговались. Через два дня

Некрашевич вместе с каким-то мадьяром, как оказалось, тоже сотрудником Братковского, явились ко мне, и мадьяр из кармана показал мне какие-то документы, причем сказал, что карточки у него будут в тот же день в три часа дня, и что их принесет некто Красик, также агент Братковского. Этот мадьяр просил меня указать, где живет и работает Липский и Маршал, члены английской контрразведки. Я повел его в нашу конспиративную квартиру в отеле «Виктория» и показал ту комнату, в которой, якобы, занимаются указанные лица. Мадьяр поверил, я же решил, что не лишним будет указать ему и действительное помещение английской контрразведки в отеле «Бристоль», куда и повел его. Там мы встретили Липского, который после доклада своему начальству Маршалу сути дела, просил мадьяра принести фотографии и копии паспортов в 4 часа того же дня. Когда мы с мадьяром вышли из «Бристоля», я повел его в Саксонский сад и сказал: «если ты и поручик Братковский не дадите мне, а не англичанам, фотографий и паспортов, я подымаю целый скандал, и Вас обоих тотчас же арестуют». Он обещал мне принести в 4 часа дня, но до сего времени ни его, ни документов, которых совершенно не было, я не видел, Липский и Маршал в настоящее время из Варшавы куда-то выехали, и кто у них теперь работает в контрразведке, я сказать не могу. Это еще один характерный факт для отношений офицеров польского Генштаба к работе и друг к другу.

Политическое движение в Польше в 1921 году.

После заключения мира с советской Россией Польша первое время торжествовала победу над непобедимым врагом, и в варшавских ресторанах только и было разговора о бывших случаях разбития вражеской армии. Но пыл этот скоро прошел и, в особенности, тогда, когда марка польская начала падать, и когда вопрос о Верхней Силезии был еще не решен. Заговорили о войне с немцами, стали записываться добровольцы в партизанские отряды, и даже мне было предложено поехать туда. Я, конечно, отказался и остался в Варшаве. Первого и третьего мая 1921 года появились на улицах Варшавы первые демонстранты с красными флагами, и религиозные процессии смешались вместе с процессиями политическими. Польские власти взволновались, в особенности, когда узнали, что были довольно серьезные столкновения рабочих с полицией в Лодзи. В Варшаве также в эти дни было несколько столкновений, хотя и кончившихся без крови, но арестов было произведено очень много. Трамваи и электричество забастовали. Положение действительно было крайне тревожное, но реакция на этот раз взяла перевес, и нормальная жизнь восстановилась, по крайней мере, наружно. Другая вспышка была летом, кажется, в конце августа. Тут уже более рельефно стало выражаться желание рабочих освободиться от правительства, произносились на театральной

площади зажигательные речи, и толпа коммунистов с флагами и коммунистическими девизами демонстративно шла по улице Новый Свет. Полиции было приказано разогнать, что она и исполнила. Серьезных последствий этого столкновения хотя и не было, но все же были раненые. Арестов произведено было множество. В последующие дни, почти в течение целой недели я сам наблюдал, как рабочие собирались толпами на улице и обсуждали свои материальные и духовные потребности. Однажды около одной такой кучки остановился и я, чтобы послушать, чего хотят рабочие. Из их разговоров я понял, что они крайне недовольны настоящим правительством, доведшим их до бедственного положения, и высказывалась мысль потребовать через Сейм смены всего правительства.

Люди, среди которых я остановился были довольно прилично одеты, голоса их были совершенно трезвы, и я тут подумал: не миновать и Польше того, что произошло в России в 1917 году. А тут как раз появились известия в газетах, что сеймовый депутат Домбаль начал произносить даже в Сейме речи, в которых требовал смены правительства. А марка все падала и падала. Жить становилось не вмоготу. Произошла вторичная, более упорная забастовка трамваев и продолжалась более двух недель, до тех пор, пока требования рабочих не были удовлетворены. Как раз в то же время появились претензии бывших участников минувшей войны с советской Россией на то, что польское правительство не выполняет обещания и не дает солдатам, уволенным от службы, земли. Хотя некоторые и получили эту землю, но большая часть осталась не при чем. Положение становилось еще серьезнее с того момента, когда начались предположения о новой войне. Как только в Польше произвели набор 1901 и 1904 годов уже в текущем году (первый набор был в декабре 1921 года), и как только вывешены были объявления о призыве пяти лет, начиная с 1906 года, тревожные голоса стали раздаваться уже чаще и громче. А тут вдруг подошла и так называемая *данина*, т.е. особая единовременная подать, которую должны платить не только торговцы, но и трудящееся крестьянство. Мне рассказывали курьезный факт при распределении данины. Когда была определена сумма взносов, которые должны были платить все жители Польши, то при общем подсчете предполагаемой суммы сбора оказалось, что в Польше не напечатано столько денег, и данину сейчас же уменьшили до минимума. Во всяком случае, эта данина вместе с утвержденным уже налогом на скот приводит крестьян в негодование, и я сам от многих из них слышал ропот на польское правительство, которое, по слухам, уже слетело. Надо отметить, что в Польше правительство постаралось по всей территории назначить такое значительное количество полиции, большею частью прежних жандармов, что последние строго следят за политическим настроением жителей, и каждого проговорившегося немедленно сажают на неопределенное время или просто выселяют из пределов Польши. Мне самому пришлось испытать на себе весь гнет польского надзора: в

Варшаве почти 8 месяцев и во время моей жизни в Рубежевичах. Мало того, что я являлся два раза в неделю на регистрацию, ко мне почти ежедневно приходил тот или другой полицант и под видом доброжелательности выводил, что я намерен делать, и не распространяю ли я каких-либо вредных для Польши идей. Полиция наводила справки обо мне у всех соседей, в каких я с ними отношениях нахожусь, и счастье мое, что ни один из них не выдал меня, отозвавшись самым лестным образом обо мне. Столпецкий староста граф Чапский также интересовался моими взглядами, и меня вызывал к себе начальник местного района Осипович на допрос.

При таких условиях жизнь в Польше стала настолько тягостна, что жители не находят выхода и готовы пойти на все, чтобы облегчить свое положение.

И если бы в настоящее время вспыхнула война, то революция в Польше обеспечена. Дезертиров появится такая масса, что им деваться некуда будет. Пятого марта была произведена регистрация всех офицеров и солдат, бывших на войне, для того, чтобы учесть количество готовых в бой. Регистрация производилась в Столбцах для Столпецкого уезда и, как мне передавали, явилась на регистрацию только одна треть, тогда что говорить о действительном призыве. Будут бежать в Россию, в Литву, в Латвию, в Германию, или просто скрываются у себя дома. В это самое время крайне необходимо, насколько возможно более, усилить агитацию среди населения, хотя бы приграничного, и полякам самим придется уйти подальше вглубь своей страны.

При всем том, на самой границе у поляков стоит самое незначительное количество войск, по-преимуществу - пограничная стража, но зато полиция в изобилии. По-видимому, эта полиция должна сыграть роль бойцов в первую минуту войны.

Белорусские комитеты.

В последние дни моего пребывания в Рубежевичах от приехавшего туда Калечица я узнал, что ему поручено Алексюком и генералом Новиковым сформировать так называемые Белорусские комитеты в пограничной полосе, и такие комитеты Калечицем основаны в Столбцах, Рубежевичах и Ракове. Эти комитеты должны играть роль отделов, и заведующими отделами назначены в указанных местах особо уполномоченные лица, из которых я знаю одного - сотника Голубева, живущего в Рубежевичах и открывшего в компании 8 человек столовую, помещающуюся в бывшем ресторане Рыдлинского на Раковской улице. Кроме Голубева участниками этой столовой являются: Каминка, три брата Александровича, Емельянчук, а фамилии двух остальных я не знаю. Во всяком случае, это все оставшиеся беженцы из советской Белоруссии. Полагаю, что столовая эта играет роль информационного отдела, ибо посещается прибывающими и местными лицами в изрядном количестве. В столовой всегда бывают и лица местной полиции, большею частью из секретного отделения.

Калечиц в свое последнее пребывание в Рубежевичах привез несколько комплектов белья, полученного им от американцев, причем раздача этого белья обуславливалась, между прочим, инструкцией, которую Калечиц мне прочитал. Эта инструкция по своему содержанию ничего особенного не представляет, кроме указаний порядка раздачи белья, и, между прочим, в ней строго обусловлено, чтобы политическая сторона дела была совершенно устранена «ввиду могущих произойти крайне тяжелых последствий», если кто-либо из членов местного комитета стал играть политическую роль в отношениях польского правительства с правительством советской Белоруссии.

Кроме белья Калечиц привез на 15 человек и денежное пособие по 150 марок в сутки на человека, но роздал только по 100 марок за десять дней с 10 по 20 марта сего года. Моя жена также получила на троих малолетних детей это денежное пособие, а получила ли она в дальнейшем что-либо, я не знаю. Кто именно назначен в Ракове и Столбцах уполномоченными местных комитетов, я не знаю, знаю только, что Калечиц является общим начальником всех организуемых комитетов и возглавляет их, давая отчеты Алексюку и генералу Новикову. Об этих комитетах, можно с большой уверенностью сказать, хорошо знаком начальник повета граф Чапский, так как Калечиц от него получает документы на право перевозки разных вещей, а так как у Чапского в настоящее время сосредоточена вся разведывательная служба по информации из-за границы, ясно, что местные комитеты с своей стороны должны будут информировать Чапского о положении на границе.

Эта организация разведывательной службы на восточной границе в руках гражданского учреждения началась еще с конца прошлого года, когда были ликвидированы по границе посты оффензивы и дефензивы, т.е. так называемые Б.И. и Б.В. (бюро информации и бюро выведовцев). Эти функции в настоящее время возложены на чинов из полиции, которая в каждом случае выделяет из своего состава особых чинов на правах помощников местного коменданта, которые и информируют самостоятельно свой центральный орган. В сущности, контрразведка и разведка остались во всей силе, но только вместо военных этим делом стала заниматься гражданская полиция. Все же при Столпецком Старостве осталась и военная жандармская власть в виде особого поста. Эти жандармы выполняют особо секретные поручения. Таким образом, если такой порядок установлен на восточной границе, примыкающей к Столпецкому уезду, ясно, что он существует и в других местах.

В то время, когда я оставил пределы Польши, на восточной границе не слышно было формирования каких-либо закордонных отрядов, но Калечиц делал намеки, что все оставшиеся дезертиры и беженцы должны теснее сплотиться, и если кто из них не войдет в состав комитетов, будет лишен как белья и платья, так и денежного пособия. Если же принять во внимание, что Калечиц собирается выехать в

Чехословакию к Савинкову, связь последнего с восточной границей и, в частности, с Алексюком и генералом Новиковым, несомненна.

Отдельные рабочие дружины.

Отдельные рабочие дружины из бывших интернированных в Польше русских офицеров и солдат, кроме указанных уже ранее и выведенных Балаховичем в Брест и Беловеж, еще имеются вблизи Барановичей, Несвижа и около станции Лесной. Здесь работают большею частью казаки под командой полковника Писарева, есаулов Ушакова и Иванова и штабс-капитана Марчевского. Дружины эти состоят из количества не менее 75 человек, но в последнее время они увеличены до 150 человек. Сначала было среди дружин недовольство, но оно уладилось с того момента, когда людям было выдано обмундирование, присланное в Польшу Врангелем. Вполне уверен, что дружины эти, в конечном итоге, возглавляются генералом Новиковым и имеют с ним непосредственную связь. Я лично видел в Варшаве полковника Писарева, ведущего какие-то переговоры с Новиковым, неоднократно и, конечно, разговоры эти и все предположения хранятся в полной тайне.

Дополнительные сведения.

Проживающий в Варшаве *полковник Павловский-Суевский*³ занимает в настоящее время пост заместителя Савинкова и держит с ним постоянную связь. Под какой фамилией он проживает сейчас, мне не известно.

Особенно деятельное участие в организации отрядов предстоящим летом до последнего момента моего пребывания в Варшаве принимал *полковник Власьев*, ходивший еще в мае прошлого года в Россию с полковником Павловским и с ним разошедшийся. Этот Власьев все время стремился получить от французской миссии документы для проезда до границы и, по его словам, ему это было обещано. Где теперь Власьев, мне не известно.

Проживающий в Рубежевичах *сотник Голубев* был ранее в деникинской армии, был захвачен в плен под другой фамилией и бежал из киевской Лукьяновской тюрьмы в Польшу, где был в лагере для интернированных в Острове Ломжинском назначен поляками лончным, т.е. наблюдающим за интернированными чинами офицером. После его взял к себе Гнилорыбов и сделал адъютантом Управления казачьих войск. После продажи Голубевым документов Савинкова и Гнилорыбова, а также после описанной выше провокации с покушением на Бориса Савинкова, Голубев вошел в связь через генерала Асанова с 2-м отделом Генштаба в Польше и работал вместе с Грюдигером и Скрудликком. По выезде моем из Варшавы Кияшковский послал Голубева для наблюдения за мной, и чтобы вообще от него избавиться. Голубев имел также связь со Снарским и полковником Богуславским. Последним он доносил на 2-й отдел Генштаба и, в частности, на Скрудлика и Грюдигера.

Доктор Снарский, начальник экспозитуры дефензивы полиции Варшавского округа, бывший охранник, имеет занятия в Варшаве на Братской, 17. Это особенно ретивый гонитель коммунистов в Варшаве и имеет неисчисленное количество агентов. С коммунистами он обращается особенно сурово и часто ловит последних посредством провокационных предателей. Раскинув по Варшаве сеть провокаторов, Снарский добирается даже до 2-го отдела польского Генштаба и через своего помощника по русским политическим делам полковника Богуславского предлагал мне расшифровку чинов Генштаба. Несмотря на то, что летом прошлого года Снарский был арестован по подозрению в покушении на Пилсудского, он все же остался при своей должности, но ему по настоянию майора Кияшковского пришлось расстаться со своим помощником Богуславским и посадить его в лагерь.

Полковник Бек-Манжиев, со своим полком перешедший на польскую сторону в 1920 году, по его же рассказам, приказал при переходе вырезать всех коммунистов. Проживал в Варшаве летом 1921 года и был связан со вторым отделом Генштаба, где считался самым честным человеком (в каком отношении, не знаю). По крайней мере, я знаю, что Бек-Манжиев прошлым летом, не имея средств к жизни, все время думал сделать какое-либо ограбление и отличался удивительным нахальством находить себе пропитание. Он первый выдал доверившегося ему генерала Асанова, который поведал Беку о своих посещениях тов. Карахана, последствием чего был арест Асанова и высылка его в лагерь интернированных. Бек дружил все время с Голубевым.

Генерал Асанов прибыл в Польшу в январе 1921 года и прошел через советскую Россию от Врангеля. В Варшаве его задержали и нашли у него шифры генерала Врангеля, каковые шифры Асанов должен был передать генералу Махрову или полковнику Гофману. Полякам он шифры не расшифровал, несмотря на всяческие угрозы со стороны последних, и был посажен в цитадель. Отсюда второй отдел Генштаба по просьбе Савинкова выдал Асанову одежду и белье, которых у Асанова совершенно не было, и отправил его в лагерь интернированных в Остров Ломжинский, где он и сидел под арестом. Савинков предлагал несколько раз Асанову принять на себя командование каким-либо отрядом для зафронтной экспедиции в советскую Россию, но он категорически отказался работать с Савинковым, отчасти под моим влиянием. После, в июле 1921 года Кияшковский предложил Асанову сотрудничать у него и выдал ему документы на право проживания в Варшаве. В этом документе было даже сказано, чтобы все военные и гражданские чины оказывали Асанову всяческое содействие. Асанов пользовался довольно большим авторитетом среди казачьего населения в лагерях, и у него было очень много последователей. Репутация Гнилорыбова среди казаков-интернированных сильно пала благодаря Асанову, тем более, что последний сумел часть из них, около 4000 человек, послать

на работы, так что люди были и сыты, и одеты. Кияшковский и Грюдигер воспользовались авторитетом Асанова и спровоцировали группу русских монархистов, выбрав Асанова председателем этой зарождающейся еще тогда группы. Асанов – человек храбрый, имеет хорошие средства, в войсках Врангеля он командовал Осетинским дивизионом, но что его заставило пробраться в Польшу, сказать трудно. По словам Грюдигера, Асанов имел несомненную связь с тов. Караханом, но что его побудило завязать эту связь, мне не известно, ибо я в тот момент в Варшаве не был. За эту связь Асанов был арестован Кияшковским, просидел два с половиной месяца и был отправлен вновь в лагерь, откуда в декабре бежал в Варшаву и вновь был арестован при встрече на улице с Кияшковским. Асанов был связан также через Елина с Балаховичем, но связь эта касалась исключительно посылки казаков на работы, каковые предоставил ему Елин через инженера Путятю. Неразлучным спутником Асанова был капитан Васильев, с которым он и жил в Варшаве.

Капитан Васильев имеет, очевидно, вымышленную фамилию, служил в Красной армии на северном архангельском фронте во время действий там англичан. Во время Юденича перешел на сторону последнего и служил там в контрразведке. Весь архив контрразведки Северо-западной армии скрыт у него в Финляндии. В Варшаву продрался тайком и связался с генералом Асановым. Человек недюжинного ума, Васильев во всем направлял Асанова и играл у него роль путеводной звезды. Он все время не оставлял Асанова и был вместе с ним арестован. Некоторое время он также был связан со вторым отделом польского Генштаба и так же, как Асанов, не принимал работы против большевиков-коммунистов. Васильев все таки величина незначительная.

Елин Михаил Семенович проживает в Варшаве по Хмельной улице в доме № 49. Был начальником снабжения армии генерала Балаховича, и когда Савинков принял под свое попечение армию, был отдан последним под суд за похищение 39 миллиардов марок. Был посажен в цитадель, где сидел три с половиной месяца и выпущен под залог, за бездоказательством состава преступления был освобожден от суда. В советской России служил в 1919 году комиссаром продовольствия и снабжал Московский областной продком мукой с Кавказа. Нажил громадные деньги и выехал в Ревель, где женился на местной уроженке. В настоящее время жена его в Берлине, но родные ее и недвижимая собственность остались в Ревеле. Приезжала к мужу в Варшаву. Елин, как большой друг Балаховича, связался с инженером Путятю, который получил концессию от польского правительства на разработку Беловежской пуши и отправил туда на работы чинов бывшей армии Балаховича, приблизительно до 5000 человек. Елин живет в Варшаве роскошно, имеет свою мотоциклетку и даже автомобиль. С Балаховичем поддерживает постоянную и непосредственную связь.

Дергач-Адамович, атаман «зеленодубцев», проживает в настоящее время в расположении второй польской армии в направлении на Молодечно – Глубокое, в каком и работает против советской России. В 1921 году все время жил с небольшой частью своих приверженцев и членов своей партии в Лунинце и находился под покровительством польского поручика Блонского, заведовавшего дефензивой на Лунинецком фронте. Часто снабжался из Американского Красного Креста продуктами и одеждой для своего отряда и вывозил эти продукты из Варшавы вагонами. В настоящее время связан со штабом второй армии, т.е. находится под его покровительством и имеет также связь с неким Порембским, одним из видных сотрудников в Варшаве Комитета обороны Кресов. Организация Дергача чисто белорусская, и он, по моему мнению, тесно связался с генералом Новиковым и Калечицем для совместных действий. Дергач – хромой, не очень энергичный человек, раньше сотрудничал в газетах. По убеждениям – монархист.

Полковник Сизых, генерального штаба, врангелевец, перешел на службу к Савинкову в феврале 1921 года. Работал в конспиративной квартире Виктора Савинкова на Белянской, отель «Краковский», комната № 12, и занятия его заключались в составлении сводок о положении в советской России по иностранной печати. Он делал выдержки из польских и иностранных газет, дополнял эти сведения из документов, получаемых из советской России или фабрикуемых Савинковыми, и таким образом группировал все эти сведения в одно, после чего сводки эти печатались в определенном количестве экземпляров и продавались иностранным миссиям. Генеральный же польский штаб и польская репатриационная комиссия получали эти сводки бесплатно. Обладая знанием иностранных языков, полковнику Сизых не составляло большого труда комбинировать сведения иностранных газет, но за это он получал от Савинкова хорошие куши, если последнему благополучно удастся продать составленную Сизыхом сводку.

Прапорщик Орлов, бывший агент Второго отдела штаба Четвертой армии в Слониме. Летом прошлого года был связан с Савинковым, получал от него большие средства на организацию закордонных отрядов, но потом с ним разошелся и связался с капитаном Дераж во французской миссии. В начале сентября 1921 года прибыл в Варшаву для получения документов от Генштаба на провоз своего отряда, находившегося тогда в Калише, и в штаб Второй армии в Лиду для дальнейшего следования за кордон. От капитана Дераж Орлов получил некоторую сумму денег и несколько полотен для отправки пакетом на имя генерала Нисселя в Варшаву. Орлов все время со дня своего отъезда из Варшавы там не появлялся и, по моему мнению, он в настоящее время находится со своими людьми на советской территории около Витебска или Полоцка, так как он мне лично говорил, что он выберет именно эти направления.

Фамилия его, очевидно, не настоящая. Высокого роста, с чистым лицом, светлый блондин, совершенно лысый, Орлов производит впечатление борца, каким он в действительности и был в мирное время. С французской миссией он связан до настоящего времени, и, по всей вероятности, имеет и документы из указанной миссии, так как в Генштабе он тогда документов не дождался.

Костин-Прудников в настоящее время, по слухам, проживает в Слониме, ибо граф Чапский не разрешил ему жить в Столбцах, боясь расшифрования его работы со стороны советских властей.

С какой целью он прибыл из Варшавы в Слоним, точно сказать трудно, но принимая во внимание его продолжающуюся связь с организацией Савинкова, оставшейся в Варшаве, цель приезда его ближе к границе ясна. В прошлом году он был заведующим информационным пунктом в Столбцах, но за какие-то провинности был Штабом армии арестован, препровожден в Генштаб, отправлен в лагерь и через пять дней снова появился в Варшаве. Был, как и прапорщик Орлов, сотрудником Второго отдела штаба Четвертой армии и получал оттуда и средства, и документы. Работал он вместе с братом и прапорщиком Пименовым. Сами они – уроженцы, кажется, Могилевской губернии. Вполне уверен, что Костин-Прудников предстоящим летом сыграет видную роль в организации закордонных отрядов, посылаемых савинковской организацией из Варшавы. Он, очевидно, связан с генералом Новиковым и Калечицем.

Так называемый *Колчак*, крестьянин Псковской губернии, фамилия неизвестна. Живет в Варшаве на Железной, № 93, один, из видных сотрудников Савинкова по формированию закордонных отрядов. Он подбирает людей, выписывает их из лагеря и уговаривает поступить в тот или иной отряд, уверяя всегда и всех новеньких, что вот-де, мол, Борис-то Викторович Савинков будет главным министром России и прогонит большевиков, а Вы ему будете помощниками. Малоопытных очень много попадало ему на удочку, но потом большею частью разочаровывались. Агитирует Колчак и в столовых, и в чайных, и где только есть возможность, везде восхваляет достоинства своего обожаемого Бориса Викторовича. Но все-таки Колчак себе на уме и собирает денежку на черный день, а от Савинкова он тоже получал немало. Колчак – вылитый портрет Распутина.

Вместе с Колчаком проживает и *поручик Строганов*, который так же, как и Колчак, агитирует в пользу Савинковых. Он также собирает отряды, наводит справки о лицах, записавшихся в отряд, чтобы не попали в него провокаторы. Сам бывший балаховец, Строганов не разбирается в подыскании средств к жизни, торгует патронами для револьверов, играет почти постоянно на биллиарде, не прочь выпить, он все же считается у Бориса Савинкова примерным офицером и очень твердо держится у него.

Одним из видных деятелей и сотрудников Савинкова является *генерал Матвеев*. В его генеральство я мало верю, ибо знаю его далеко не генеральские проступки, но он, кажется, балаховского производства, так что удивляться ничему нельзя. Этот Матвеев сосредоточился где-нибудь около Лунинца и действует, вероятно, с полковником Войцеховским в контакте. В чем выльется их будущая работа, покажет ближайшее будущее.

Атаман Ангел, Рожнов-Алешин, сотрудник 2-го отдела Генштаба, получил функции перейти границу вблизи Сары в направлении на Шепетовку. О его действиях я мало осведомлен, только знаю, что летом прошлого года он сообщал письменно Грюдигеру, что в его распоряжении есть около 7000 партизан и просил выслать ему оружие. Об этом атамане более точные сведения может дать Грюдигер, ибо последний вел с ним переписку. Я знаю, что польский Генштаб вызывал неоднократно Рожнова-Алешина телеграфом, но тот не приезжал, ибо был за фронтом. О нем я знаю, что это бывший ветеринарный фельдшер, но человек довольно развитой. Он в прошлом году рассорился с Савинковым и пристроился у Грюдигера.

Капитан Некрашевич, агент 2-го отдела Генштаба, работает под руководством капитана Братковского, Варшава, Братская, 18. Некрашевич проживает на границе в направлении на Сарны и занимается закордонной разведкой в указанном направлении. Человек без всяких убеждений, лишь бы деньги, он добывает их разными путями. Или занимается перевозом богатых людей из советской Украины в Польшу и тут хлопочет о праве жительства, или же попросту берет взятки, обвиняя того или иного жителя в принадлежности к советской разведке, и все это дает ему возможность безбедно существовать. Сам он киевлянин, и по его словам у его родных в Киеве есть недвижимая собственность.

Кроме указанных лиц мне очень много приходилось встречаться и в Варшаве, и в других местах с офицерами и солдатами бывших русских белогвардейских армий, но фамилии их мной забыты. Часто даже в Варшаве встречаешь знакомого офицера, с ним разговариваешь, но фамилию его не знаешь. В общем, в Варшаве реакционного элемента осталось немного. Почти все убедились, что борьба с советской Россией русским же людям бессмысленна и не приведет к желаемым результатам, что власть Савинкова или Врангеля кажется им уже не такой заманчивой. Большая часть реакционного старого офицерства полевела, и если бы им была возможность вернуться на родину, многие из них счастливы были бы послужить в рядах Красной армии, но боязнь репрессий еще останавливает их, ибо в них еще твердо держится закоренелая мысль, что коммунисты не люди, а звери и расстреливают всякого свежего человека. Эта мысль, внушена русским эмигрантам отчасти печатью, а отчасти агитацией в лагерях, куда Савинков и Гнилорыбов в достаточной мере посылали своих агентов, которые в свою очередь доносили о всех чинах армий

коммунистическими наклонностями, и Савинков делал распоряжение через полковника Менжинского немедленно арестовывать таких лиц.

С подлинным верно: Начальник Особого
отдела Западного фронта (*подпись*).

7 апреля 1922 г.

Н-1791. Т. 27. Л. 1-16. Машинописная копия.

¹ Так в тексте документа.

² Так в тексте документа.

³ Здесь и дальше в тексте документа курсив составителей.

76

Из показаний полковника С. Павловского О покушении на Чичерина

Покушение на тов. Чичерина должно было состояться в Берлине во время проезда советской делегации на Генуэзскую конференцию.

Инициатором покушения был Б. Савинков. Участниками - А.А. Дикгоф-Деренталь, генерал Энвельгрэн, Б.А. Васильев (секретарь Б. Савинкова в Варшаве в РПК), Клементьев и Голощеков.

Финансировано это покушение было русскими капиталистами, проживающими в Париже, братьями Гукасовыми, Нобелем, Денисовым и еще несколькими другими, фамилии которых не знаю.

Для выполнения своих намерений участники покушения Савинков, Деренталь, Энвельгрэн из Парижа, Клементьев, Голощеков и Васильев из Варшавы к назначенному незадолго до приезда Чичерина сроку съехались в Берлин под фальшивыми паспортами. У Энвельгрэна оказался знакомый офицер из немецкой политической полиции, которой в этот момент была поручена охрана совдегации.

Энвельгрэну удалось подкупить этого офицера, и благодаря этому организаторы покушения были хорошо осведомлены относительно расположения и движения по улицам Берлина членов делегации.

Со стороны организаторов покушения было также и наружное наблюдение за членами делегации. Несколько раз удалось покушавшимся видеть рядом с собой т. Чичерина.

В Берлине Савинков и Деренталь встретили как-то на улице одного из своих знакомых, благодаря чему им долго пришлось ездить по Берлину, чтобы скрыть свои следы, дабы не навести на них немецкую полицию. Это им удалось, но, кажется, делегация в это время была предупреждена о том, что в Берлине находится Савинков. В назначенный день для покушения были расставлены участники по тем улицам, где до этого проходил и прогуливался т. Чичерин.

Обстоятельства благопрятствовали заговорщикам: Чичерин вышел на ждущего его Клементьева, и в тот момент, когда Чичерин поравняется с ним, [тот] должен был убить его.

Но Чичерин прошел спокойно мимо Клементьева, и последний не выстрелил. Когда позже Савинков спросил его причину, по которой Клементьев пропустил Чичерина мимо себя, не выстрелив в него, Клементьев ответил, что у него нервы были так напряжены, [что] готов был убить любого человека, но что то время, которое ему пришлось ждать прохода Чичерина, окончательно подорвало его решимость. Попросту он испугался.

Голощеков, стоявший на другом посту, сбежал с него, думая, что за ним кто-то следит. Мимо третьего застрельщика, который, по-моему, самый серьезный, Б. Васильева, Чичерин не прошел.

Когда он узнал, что Чичерин уже прошел, он поехал искать его, но неудачно. Это было как раз накануне отъезда Чичерина из Берлина.

В это время Энвельгрэн получил от своего знакомого полицейского офицера сведения, что за ними следят и догадываются о покушении.

Также стало известно немецкой охране, что в Берлине находится Савинков.

По-видимому, сообщил тот, который встретил Савинкова на улице Берлина.

Вторая версия – Савинкова, что полицейский офицер сам доложил по начальству, догадываясь о намерениях Энвельгрена. В тот же день неудачного покушения участники разъехались, одни в Париж, другие в Варшаву.

После 17 сентября 1923 г.

Н-1791. Т. 28. Л. 27. Машинописная копия.

«Конь вороной»

Роман «Конь вороной» – сюжет взят из личных впечатлений С[авинкова] в походе на Мозырь, частью из моих рассказов, частью из рассказов лиц, находящихся с С[авинковым] во время похода 1920 г., а также позднее из варшавских его знакомств.

Большинство фактов искажены и преувеличены в их «устрашающем» значении. Так, например, сцена в бобруйской ЧК с Тетериной взята со слов Балаховича. 13 марта Балахович при мне рассказывал С[авинко]ву эпизод из псковской ЧК, где (ст. 32–33), якобы, какая-то Нина, комиссар ЧК, издевалась подобным образом над арестованными белогвардейцами. Что касается сосисок и «пробки», то это прямо взято из голословных рассказов интеллигентов-бормотальщиков-мазохистов.

Юрий Николаевич, главный герой рассказа, частью списан с полковника П.¹, частью в его рассуждения заложены личные взгляды автора. Чтобы легче и понятнее разобрать роман, начнем рассматривать его по частям.

Эпизод с Назаренко списан с действительно взятого коммуниста с бронепоезда «Ленин». Повешен он был не за то, как объяснено в романе. С бронепоездом было взято около 250 ч., человек 50 было коммунистов. Сразу после сдачи я объяснил им, что для меня не важно, кто из них партийный, кто нет. Кто хочет служить, пусть остается, кто не хочет, пусть идет на все четыре стороны. Все остались служить без всяких возражений. Через месяц, как раз перед генеральным наступлением, обнаружилась измена в 1-м партизанском полку, который входил в мою группу. Сами бывшие товарищи выдали виновника, и он был повешен (ст. 9). Обороты речи, некоторые взгляды на землю, на «бар», на коммунистов, – целиком взяты с Колчака. Факты деятельности Егорова в большем количестве вымышлены автором.

Федя Мамонкин списан с вестового полковника П[авловского]. – *Машина*. Тип срисован довольно правдоподобно. Он бывший красноармеец, взятый Балаховичем под Псковом в 1918 г. У полк[овника] П[авловского] он был ординарцем с 1919 г. с осени, после побега П[авловского] из юденической тюрьмы.

Машин действительно из мещан г. Пскова, воспитывался в приюте ген[ерала] Карамышева, а затем занимал всевозможные должности: цветочника, булочника, служил в прачечной, кондитером и т.д.

Ольга – тип вымышленный, полагаю, что создан для полноты романа.

Вреда – тип вымышленный. Таких офицеров в армии Балаховича было очень мало.

Ст. 19, последний абзац, 7 строчек – это личное впечатление автора, которое он не раз высказывал мне в мое пребывание в Париже.

Ротмистр Жук (ст. 20) – тип весьма распространенный в белой армии. Таких офицеров и солдат довольно много было расстреляно, и это не дало никаких результатов. Грабежи и убийства продолжались.

Ст. 22–23, эпизод в д. Бухчи списан автором с натуры во время похода с полковником П[авловским]. Колчака там не было, но был другой старик, который выступил к крестьянам с теми словами, как приписаны автором Егорову.

Ст. 25–26, эпизод списан автором из личных переживаний. После атаки автор подъехал к П[авловскому] и привел двух красноармейцев, которые действительно благодарили его за спасение.

Ст. 29. «24 ноября» списано автором с натуры так, как оно было.

Ст. 24–35. Полк[овник] Мейер – тип штабного офицера. Мейеров в белой армии было больше, чем фронтовых солдат. Так, одно время армия Балаховича состояла из 25 тысяч. Из них не больше 6 тысяч было на фронте, остальные в тылу.

Эпизод «10 декабря», ст. 40–42 с Тетериной – вымысел автора.

II

Вторая часть романа, описание лесной жизни взято автором со слов П[авловского]. Что касается фактов и действующих лиц, то многие из них взяты фантазией автора. Так, поп Груша, Иван Лукич, Кузьма – типы вымышленные. Что касается рассуждений автора, вложенных в уста Ивана Лукича и крестьян, то это в большинстве отражает личные взгляды автора.

Многое зарисовано со слов участников «лесного бандитизма» во время пребывания С[авинкова] в Варшаве в 1920–21 г.

Случай, описанный с Коплюгой, не раз случался в лесной жизни П[авловского].

III

Часть третья – сплошь вымысел автора.

Осень 1923 г.

Н-1791. Т. 28. Л. 45–46. Рукопись.

¹ Полковник П. – по-видимому, Павловский С.Э.

То, что было

В народный союз ЗРиС я поступил после ликвидации белой армии ген[ерала] Булак-Балаховича в 1921 г., в феврале.

В белой армии я последнее время занимал должность начальника кав[алерийской] див[изии]. Во время ликвидации армии я находился в Лунинце, где заболел тифом и был отправлен в Родом вместе с кав[алерийской] див[изией], где я был назначен начальником русского гарнизона. По выходе из госпиталя я поселился в Радоме в гостинице. В один прекрасный день у меня польская контрразведка произвела обыск, как я потом узнал, искали у меня какие-то деньги. Но денег, конечно, не нашли, а отобрали все оружие: маузер и шашку. На мой протест и требование вернуть мне шашку, так как это «дедовское оружие» (шашка была выделана в серебро и представляла из себя ценность не как оружие, но вообще как драгоценная вещь), начальник польского гарнизона ответил, что, конечно, мне шашку вернут, но, конечно, так и не вернули.

Дней через пять после этого случая я уехал в Варшаву, где явился к Б. Савинкову, который меня назначил в распоряжение В. Савинкова.

Б. Савинков в это время был председателем Русск[ого] политического ком[итета], а В. Савинков – нач[альником] Информбюро.

Заходил я и к Балаховичу, который уже как будто забыл, что он еще недавно был командующим армией, и чувствовал он себя в Варшаве великолепно. Занимался в это время Балахович покупкой и продажей лошадей, приводили ему лошадей откуда-то из

имения под Варшавой и т.д. Когда он мне показывал этих лошадей, то во многих я узнал быв[ших] казенных лошадей, вывезенных из Эстонии. Он дал один миллион польских марок в Татерзаль и сделался совладельцем одного из больших манежей в Варшаве.

Каждый раз, когда я приходил к Балаховичу, он мне начинал ругать Савинкова. Причина этому, как потом выяснилось, оказалась следующая. Б. Савинков при помощи польских властей посадил в тюрьму бывшего интенданта армии Балаховича – Елина. Балахович был против этого, хотя у Елина при сдаче интендантства недоставало около 22 миллионов польских марок.

Когда я объяснял как Савинкову, так и Балаховичу, что сейчас не время ссориться, а что наоборот нужно быть как можно дружнее, ибо главная задача у нас общая, убеждения мои ни к чему не привели. Ген[ерал] Балахович объявил себя начальником «белорусского паньства» и знать ничего не хотел. «Паньство» это заключалось в том, что к нему приходили какие-то неряшливо и грязно одетые люди, которых он угощал водкой, давал 100 марок и выпроваживал вон, в чем ему сильно содействовала его жена, и в том, что он продавал, покупал и менял лошадей.

Как-то мне даже удалось свести вместе Б. Савинкова, В. Савинкова и Балаховича, но «мировая» не состоялась. Каждый хотел быть первым, в чем и где – не знаю.

До марта месяца я сидел безо всякого дела. Бывал на заседаниях РПК, который вскоре был переименован в Русский эвакуационный комитет. Председателем оставался Б. Савинков.

На этих заседаниях кроме Б. Савинкова участвовали Д.В. Философов, В. Савинков, А. Деренталь, Одинец¹, генерал Махров (представитель Врангеля), Мягков, Ульяницкий и др. На эти заседания допускались посторонние: приезжали делегаты из лагерей, живущие в Варшаве и т.д. На этих заседаниях иногда присутствовал и брат ген[ерала] Балаховича – Иосиф Балахович.

Задача этих заседаний была упорядочить дела в лагерях, доклады о политическом положении вообще и в России в частности.

Вообще на этих заседаниях старались показать «широким массам», что савинковская организация еще не умерла, что она работает и т.д.

Нужно это было для того, чтобы каким бы то ни было образом достать деньги. И деньги доставались. Такие заседания назывались «Большие РЭК».

Кроме «больших», были «малые РЭК». На этих заседаниях участвовали уже «посвященные»: Б. Савинков, Д. Философов, В. Савинков, А. Деренталь, Ульяницкий, Махров, Одинец.

Я на этих заседаниях до 1921 г. августа месяца не бывал.

В начале весны в Варшаву приехал поручик Орлов. В. Савинков познакомил меня с ним в своем кабинете, рекомендовал мне Орлова как очень деятельного и энергичного революционного работника НСЗРиС.

Оставшись вдвоем с Орловым, последний мне заявил, что он слышал обо мне как о боевом хорошем офицере, сказал, что у него с Столбцах есть отряд, и что он рад бы видеть меня начальником этого отряда.

До встречи своей с Орловым я слышал, что на границе Польши с Россией при помощи 2-го отдела Генштаба формируются из бывших интернированных и беженцев из Белоруссии отряды, которые с наступлением весны должны перейти русскую границу и поднять восстание в Белоруссии. Зная, что из себя представляет такая война и не будучи знакомым с положением на границе, я поблагодарил Орлова за предложенную честь и отказался от его предложения.

Еще одна из причин моего отказа была та, что я не видел Орлова за все время пребывания в Варшаве трезвым. На меня он произвел впечатление самое неблагоприятное.

Когда я ему задал вопрос прямо, чтобы выяснить обстановку и положение у него на «фронте», он все старался или, я думаю, не мог и сам знать этой обстановки, но все старался отговориться. Говорил о своей связи с французами, что французы обещали Орлову финансовую помощь, что он им достает какие-то документы и т.д. Но в чем главная задача и цель его работы, я так и не узнал.

В апреле месяце я был вызван В. Савинковым, и он мне сказал следующее. В районе м. Столбцы Орлов вместе с Павловым и Данилой Ивановым сделали набег на мес. Кайданово. Что сов[етское] правительство прислало ноту, и что могут быть крупные неприятности с стороны польского министерства иностранных дел. Мне, мол, необходимо сейчас же ехать в Столбцы, взять все в свои руки и ликвидировать этот инцидент.

Я собрался и через несколько дней был в Столбцах, где я застал следующую картину: Орлов был арестован польской жандармерией и препровожден в Слоним. В Столбцах остался за Орлова Павлов. Из опроса местных жителей и по показанию Павлова и его партизан выяснилось следующее.

Поручик Орлов с благословения начальника пункта II отдела Генер[ального] штаба поручика Пухальского устроил набег на мест. Кайданово, находящееся на территории РСФСР, верстах в 13 от границы. Забрав там документы и ограбив несколько евреев, отряд перешел на польскую территорию и расположился в м. Рубежевичи, где тут же днем стал делить Орлов награбленные вещи между участниками набега, забрав, по словам партизан, львиную долю себе. Часть вещей была отдана полякам в виде «лапувки», как мне заявил Павлов.

На следующий день Павлов был отправлен в Варшаву в распоряжение В. Савинкова. Позже я узнал, что Павлов не только не был удален из Союза, но получил от В. Савинкова новую задачу и отправился в Россию.

В конце Пасхи 1921 г. в Столбцы прибыл из России Сельянинов (Оперпут-Упельниц) вместе с каким-то командиром полка. Они

ехали в Варшаву к Вик[тору] С[авинкову]. Селянинов посвятил меня частью в свою работу, и когда я заявил ему, что в скором времени собираюсь идти в Россию, он дал мне соответствующие явки.

Селянинов произвел на меня самое приятное впечатление. Видно было, что он все близко принимает к сердцу и большие надежды он возлагал на помощь ЦК НС ЗРиС в Варшаве. Вечером на следующий день по прибытии из России Селянинов уехал в Варшаву.

Недоразумение Орлова было частью улажено, и после Пасхи я сам отбыл в Варшаву для личного доклада В. Савинкову о положении пунктов НС ЗРиС в районе м. Столбцы. Прибыв в Варшаву и изложив лично положение в районе Столбцов, я получил от В. Савинкова новое задание. Я был назначен начальником всех партизанских и повстанческих отрядов в полосе от польской границы до реки Березины, по фронту приблизительно около ста верст. Мне был выдан документ с подписью Б. Савинкова на имя полковника Суевского.

3 мая 1921 года я с 31 белорусским партизаном отправился в Игуменский уезд. Оружие у нас было 5 винтовок, выданных поляками, и у нас было еще три револьвера. Офицеров в отряде кроме меня были: капитан Тронов, поручик Морецкий.

Направление я выбрал в Игуменский уезд, ввиду того, что это был как раз самый лесистый район и находился приблизительно в центре моей полосы.

В. Савинковым при моем отъезде было сказано мне, что восстание (общее) предполагается 1 июля, и чтобы во всяком случае я держал связь с Варшавой, чтобы быть в курсе общих событий. В двадцатых числах мая я прибыл на заранее назначенное место в район жел[езно]-дор[ожной] ветки Вереиды – Гродзянка. По дороге мы обезоружили заставу около ст. Тойма, достав 8 винтовок. Таким образом, у нас оказалось на 30 человек 13 винтовок и 3 револьвера.

В это время я вошел в связь с отрядом поручика Михайлова и Войнюнского, который был расположен в районе дер. Дубровка. У него в отряде было 8 человек при двух офицерах. Все были вооружены винтовками и у половины были револьверы.

Поручик Михайлов посвятил меня, что в г. Игумнове имеется организация НС ЗРиС, и что во главе этой организации стоит местный уездвоенком Жилинский и уездвоенрук Конопацкий, что желательно было бы как можно скорей наладить с ними связь. Через 2 суток после этого разговора связь с Жилинским была налажена. Выяснилось, что в Игумнове имеется организация «пятричной системы». Всего там было около 70 человек. Большинство из членов организации занимали ответственные посты.

Кроме того, к западу от г. Игумена была крестьянская организация около 4 тысяч человек и, второе, Жилинским была налажена связь с отрядом доктора Н., в котором было около 500 чел., часть партизан скрывалась в лесу, а часть жила по деревням.

Кроме того, среди комсостава расположенных вокруг Игумена войск также были члены НСЗРиС.

В последних числах мая отрядом был сделан набег на д. Погорелое, где были расположены батареи и около 400 человек пехоты. Набег кончился удачно. Было достано около 80 винтовок, гранаты и много патрон. Красноармейцам была выдана литература.

В конце мая мною были посланы в Варшаву два курьера к ВС [Виктору Савинкову] для выяснения, когда назначен день общего выступления, и для получения общих директив.

Люди эти благополучно добрались до Варшавы и благополучно вернулись обратно, но кроме папирос, которые я им заказал привезти, никаких директив прислано не было. Вообще, о общей работе, о положении в Польше и т.д. мне никаких сведений прислано не было. Полагая, что тут вышло какое-нибудь недоразумение, мною вторично были посланы курьеры. Но результат получился тот же, за исключением того, что на границе курьеры были перехвачены каким-то французским офицером, который подговаривал моих курьеров, чтобы они держали связь не с В. Савинковым, а непосредственно с французской военной миссией. Тогда мне это показалось странным, и только впоследствии я узнал, что это было результатом недоразумения между французской военной миссией и В. Савинковым.

Посланные в третий раз курьеры попали в руки сов[етской] власти.

В конце июня тогда я сам решил идти за границу в Польшу, чтобы восстановить связь во что бы то ни стало.

Нужно заметить, что перед самым своим отъездом в Польшу в Гомель для связи с Савинковым были посланы поруч[ик] Михайлов с Сикорским. Они прибыли в Гомель благополучно, но уже в Гомеле узнали, что организация провалилась, что в городе идут массовые аресты. Только случайно они не попались сами и прибыли благополучно в отряд.

Так, в последних числах июня я благополучно прибыл в Варшаву. В Варшаве было все по-старому, как будто ничего особенного не случилось. В Варшаве я уже узнал, что было заседание ЦК НСЗРиС, где участвовали делегаты из России. И несмотря на то, что уже восстание было намечено, что уже кровь лилась рекой не только по Белоруссии, но и в России, ЦК ни к каким результатам не пришел, не вынес ни одной решительной резолюции.

Когда я явился к В. Савинкову и доложил ему о положении дел у меня, он к этому отнесся как-то холодно, как будто это его мало касалось. Когда я ему заявил, что организация Оперпут-Упельница провалилась, он ответил, что он об этом первый раз слышит, настолько «хорошо» была поставлена связь. Когда я ему заявил, что это настолько важный вопрос, что его нужно сейчас решить, В. Савинков не мог мне на это ничего ответить. Заявил лишь, что вот, у нас будет заседание штаба, тогда и решим.

Б. Савинков как-то стоял вне этой работы. Когда я ему объяснил положение вещей в настоящий момент, он не переговорил со мной, а отослал к Вик[тору] Вик[торовичу], говоря, что В. С[авинков] более в курсе дел.

В это время я узнал, что между Б. Савинковым, с одной стороны, и Петлюрой, с другой, были составлены договоры, в которых они обязывали друг другу помощь в борьбе с соввластью.

В Варшаве я застал также лиц, которые были до моего отъезда. Из новых был Гнилорыбов, представитель демократической казачьей группы. Дня через 3 после моего приезда в Варшаву, прибыли туда же Жилинский, Конопацкий и поручик Михайлов. Выяснилось, что игуменская организация провалилась. В Игумене арестовали около 30 человек. Многие бежали в лес.

Причина этому была следующая. Я подготовлял восстание к 1 июля, как было постановлено ЦК НС ЗРиС и передано мне через В. Савинкова, чтобы вести всю работу, базируясь на 1 июля. Но, как я уже говорил раньше, на связь со мной в Варшаве не обратили должного внимания, и никаких директив и распоряжений не прислали. Даже то, что день восстания, назначенный на 1 июля, отменяется, я и это узнал только по прибытию лично в Варшаву. Таким образом, игуменская организация была предоставлена самой себе и, с одной стороны, опираясь на 1 июля, а с другой – на мои воззвания продержаться до момента связи с Варшавой, безусловно должна была быть обречена на провал, но выхода другого не было, ибо центр как будто даже не хотел связаться со мной, несмотря на трехкратную попытку. Таким образом, для меня стало ясно, что все дело провалилось, не только игуменская организация Савинкова, но вообще все.

Что же происходило в это время в Варшаве? Управление всем «восстанием» во имя третьей России велось из кабинета В.В. Савинкова. По своем приезде в Варшаву, что мне бросилось в глаза, это масса народу в канцелярии у В. Савинкова. Что нужно было этим людям здесь делать, не знаю. Во всяком случае, тут велась самая конспиративная работа, тут в руках у В. Савинкова, а в частности, у его адъютанта, находились все явки и связи и, по моему, не только всем посторонним, но не всем своим можно было заходить сюда без разрешения. Тут были и резиденты, приехавшие из России и снова собирающиеся ехать обратно, было много людей из лагерей, была масса вообще неизвестных.

Штаб В. Савинкова состоял в то время из Рудина – адъютанта; у Рудина на руках были все явки работников на территории России. Смолянинов – помощник Рудина. Минаев – казначей. Ярков – офицер для поручения и много других не известных мне.

Что мне сразу бросилось в глаза по моем приезде, это то, что все думали не о деле, разговоры были только о том, «какая лошадь пришла первая, какая была выгода, где мы сегодня будем ужинать»

и т.д. О том же, что в России льется кровь, что люди за что-то жертвуют своей жизнью, об этом как-то никто и не думал, как будто это их не касалось.

Помню, в это приблизительно время я познакомился с «знаменитым» поручиком Масловским. Это было как раз в то время, когда Масловский выкинул свою провокацию, думая скомпрометировать советскую миссию в Варшаве. Вся эта история, как потом выяснилось, была сфабрикована В. Савинковым и майором Кершковским. Не знаю, кто больше был здесь скомпрометирован, но убежден, что такая «работа» не могла принести пользы в общем деле.

Вечером того дня, когда я приехал в Варшаву, я был принят Б. Савинковым. Объяснив ему обстановку, которая создалась к моменту моего отъезда, я заявил ему, что так халатно относиться к делу, как это делает бюро информации, невозможно. Что благодаря тому, что моим курьерам, несмотря ни на что, не было дано никаких разъяснений, никаких директив. Рассказал последствия такого халатного отношения к делу – провал игуменской организации. На это мне Б. Савинков ответил, что в революции всегда будут жертвы, что они есть, были и будут.

Вечером я был приглашен на ужин Б. Савинковым. За ужином были Б. Савинков, Д. Философов, В. Савинков, Л.Е. Деренталь, Гнилорыбов и я. Разговор все время велся о высших интересах. Гнилорыбов был влюблен в какую-то С. Вообще, за ужином было весело и непринужденно, как будто ничего особенного не случилось, и все обстоит благополучно. В конце ужина В. Савинков мне заявил, чтобы я завтра утром зашел к Гнилорыбову, который теперь «управляет» всеми партизанскими отрядами.

Утром я был у Гнилорыбова, который меня познакомил с «атаманом» Моничем. Гнилорыбов долго беседовал с нами о тактике партизанской войны, но в конце концов сказал: «Вы, господа, сами здесь рассудите лучше» и ушел.

Монич, как уже потом выяснилось, никаким «атаманом» не был. Он сам дезертир, дезертирничает с 1918 г. Сначала скрывался по лесам, а потом, когда пришло плохо, когда своя деревня пошла против него, он убежал за границу, чтобы здесь «формировать» отряды. Знаю, что ему выдавались деньги на формирование, но деньги эти, конечно, тут же пропивались. Тогда Монич шел в Белорусский комитет – там то же самое. Последний раз я видел Монича, когда был начальником штаба. Он пришел просить денег на работу, представил свою смету, безграмотно написанный проект работы. Денег он просил двести тысяч п[ольских] м[арок]. Когда я ему в деньгах отказал, он пошел на меня жаловаться к Балаховичу, а затем в польский Генеральный штаб. Дело тем и кончилось, что он до сего момента пишет доносы. Между прочим, это был ответственный работник В. Савинкова.

Дня через два после моего приезда в Варшаву прибыли Михайлов вместе с Жилинским и Конопцким. От них я узнал подробности

провала игуменской организации. Таким образом, провал всего восстания был окончательно выяснен, но не для всех, как это покажут дальнейшие события.

Приблизительно через неделю по моем приезде в Варшаву было заседание штаба. Заседание это было чрезвычайной важности и весьма конспиративное. На этом заседании участвовали Б. Савинков, В. Савинков, Д. Философов, Гнилорыбов, Деренталь, Ульяницкий и не помню, сколько еще, но, кажется, человека 3 или 4, кроме меня. На этом заседании должно было решить, продолжать восстание или ликвидировать ввиду провалов работу на территории России.

Большинством голосов было решено продолжать восстание.

Таким образом, мне опять было приказано собрать отряд из интернированных и идти с ним на территорию России. Деньги на это были достаны через 2-й отдел генерального штаба. Поляки дали на все восстание 30 миллионов п[ольских] м[арок].

Во исполнение моей задачи я послал Михайлова в лагерь для того, чтобы он набрал подходящих людей. Михайлов это сделал, и со 100 людьми, вооруженными винтовками, через поляков перешли границу и двинулись к Игумену между Борисовым и Минском.

Поход этот, конечно, был неудачен, т.к. восстание фактически было уже ликвидировано, крестьяне отказывались поддерживать, и отряд, не дойдя до Игумена, распался. Часть перешла на сторону соввласти, часть прямо разбежалась по лесам, а часть вместе с Михайловым вернулась в Польшу, где частью были интернированы, частью остались на границе в распоряжении полковника Эрдмана – нач[альника] северной пограничной полосы.

Что касается меня лично, то я через несколько дней после выступления Михайлова приехал в Столбцы, где думал набрать человек 10 и с ними, перейдя границу, двигаться на соединение с Троновым, который остался в Игуменском уезде. Приехав в Столбцы, я узнал что Тронов уже перешел границу вместе с 35 партизанами, и сам он, раненый случайным выстрелом, лежит в госпитале в Столбцах.

Набрав охотников 35 человек, я вместе с поруч[иком] Прудниковым-Костиным перешел границу и пошел по направлению к Игумену. Вместе с нами был Жилинский. Не доходя до Игумена, мы захватили обоз, не помню, какого полка, и, севши на подводы, стали двигаться дальше. Придя в Игуменский уезд, уже было видно, что о восстании, конечно, не может быть никакой речи. Крестьяне все были настроены против, весь уезд был наводнен войсками, шагу нельзя было ступить, чтобы не нарваться на красноармейский пост.

Проплутав две недели по Игуменскому уезду и отправив Костина-Прудникова в его район, в Горецкий уезд, я вернулся обратно и, оставив отряд на границе, сам лично поехал в Варшаву для доклада В. Савинкову.

В Варшаве я Б. Савинкова не застал. Он уехал в Париж, где якобы должен был достать какие-то деньги. За Б. Савинкова остался Философов. Тогда я объяснил Философову общее положение, обрисовал ему картину, которую видел в России и заявил, что, конечно, о восстании не может быть никакой речи. Он сразу со мной согласился, как будто предвидел это заранее.

В это время как раз русское советское посольство послало польскому правительству ноту, в которой требовало немедленного удаления с территории Польши следующих лиц: Б. Савинкова, В. Савинкова, А. Деренталя, Ульяницкого, Гнилорыбова, Рудина, А. Мягкова.

С часу на час ожидали приезда Б. Савинкова. Все так были растеряны, что не знали, что им делать, и все полагались на приезд Б[ориса] В[икторовича]. Польское правительство сначала дало недельный срок, но затем увеличило.

В это время стали из России прибывать партизаны. Грязные, оборванные, голодные, они целый день толпились перед помещением В. Савинкова в надежде получить деньги. Но средства к этому времени иссякли, так что их приходилось прямо без удовлетворения их насущных потребностей отправлять в лагерь.

Вскоре после меня приехал в Варшаву небезызвестный полк[овник] Эрдман – знаменитый организатор. Полк[овник] Эрдман участвовал в Московской организации НСЗРиС в 1918 г. и поэтому пользовался большим доверием Б. Савинкова. Не знаю, каким он был раньше, но на меня в Варшаве он произвел впечатление человека не совсем нормального. Так, он все лето подготавливал восстание, вложил в это дело массу денег. Когда я увидел его в Варшаве и спросил у него, как дела, он мне ответил: «все хорошо, вот, на днях собираюсь идти на Москву через Витебск». Когда я его спросил, с какими силами он думает взять Москву, он ответил, что у него на границе в районе м. Глубокое есть 500 человек партизан, что у него связь с 5-й совет[ской] дивизией, что у него весь его район от Глубокое до Витебска засыпан литературой, что крестьяне только ждут, чтобы он, Эрдман, появился в России, как сразу все примкнут к нему. Я ему пожелал успеха. Он получил 500 тысяч п[ольских] м[арок] от В. Савинкова и уехал в Глубокое.

И вот такая картина получилась в районе полк[овника] Эрдемана. Деньги он по приезде в Глубокое дал на хранение желез[но]дорож[ному] стрелочнику, который, конечно, эти деньги взял себе, и Эрдман их больше не видел. Что касается той литературы, которую он, якобы, распространял на территории России, то с ней случилось следующее. Агитационной литературы на пункте в Глубоком скопилось около 100 пуд. Конечно, эта литература туда, куда предполагалось, не посылалась. Подготавливая восстание, Эрдман собрал в Глубоком массу всякого безработного народа и объявил им, что они его партизаны. Такого народа собралось у него около 300 человек.

Денег они не получали, обмундирование и продовольствие тоже нет. Естественно, таким образом, они должны были прибегнуть к следующим способам, чтобы не умереть с голоду: либо грабить, либо куда-нибудь идти искать работы. Но в большинстве случаев это был элемент совершенно отвыкший от работы, и, обнадеженные словами Эрдмана, что вот-вот, скоро пойдем, они ждали. Грабежи и разбои в районе Глубокого приняли необыкновенные размеры. Тогда польские власти стали рассылать их по лагерям. Что касается литературы, то те, кто заведовал ею, пудами продавали ее местным торговцам, т.е. когда я уже в 1922 г. был в Глубоком, мне завернули купленную коробку консерв в «Воззвание к красноармейцам».

Наконец, Эрдман предпринял свой набег на Москву. Он собрал 25 человек из оставшихся бандитов, отошел от границы верст 15 и стал окружать деревню, в которой была расположена рота красноармейцев. Затем сам лично, не доходя до деревни шагов сто (дело было ночью) выстрелил из браунинга и с криком «спасайся, кто может» побежал по направлению к польской границе вместе с проводниками, бросив свой отряд. Отряд на другой день тоже перешел на польскую территорию. Таким образом закончилась эрдмановская эпопея.

Впоследствии Эрдман уехал в Данциг, и в последнее время находится там. По слухам, он работает у монархистов.

В последних числах августа прилетел на аэроплане из Парижа Б. Савинков вместе с А. Деренталем. Б. Савинков сразу заявил, что он так просто не покинет территорию Польши, и что если и выселят, то пусть выселяют насильно. Кроме того, он заявил, что он был принят Бенешем (министр-презид[ент] Чехослов[акии]), и что Бенеш ему обещал не только убежище в случае высылки, но и обещал дать деньги на ведение работы по свержению соввласти. Что деньги эти будут поступать периодически, и во всяком случае, организация обеспечена на 6 месяцев.

По приезде Б. Савинкова я был назначен, ввиду возможного отъезда В. Савинкова, на место последнего начальником информбюро. Было сразу приказано составить новые сметы на жалование и на работу. Сметы были составлены в один день, но денег по этим сметам до сего момента не получили.

Оказывается, после отъезда Б. Савинкова из Праги бабушка Брешковская пошла лично к Бенешу и «написала»², т.е. по словам Б. Савинкова, хотела деньги, предназначенные НС ЗРиС, получить для эсеров. Но Бенеш никому ничего не дал.

На следующий день по приезде Б. Савинкова в Варшаву было заседание «большого РЭК», на котором была вынесена резолюция, что Б. Савинков со своими товарищами отказывается выехать с территории Польши, и что если польское правительство хочет выселить, то пусть выселяет силой. Было отправлено соответствующее письмо мин[истру] Скимунду. Скимунд ответил, что высылка – уже дело

решенное, утвержденное на заседании Совета министров, так что если Б. Савинков и его друзья не хотят выехать добровольно, то польское правительство должно будет прибегнуть к полицейским мерам. В конце концов Скирмунд согласился на то, что все, кроме Б. Савинкова, должны выехать немедленно, а последнему дается 3 дня срока для ликвидации личных дел. Вечером того же дня в отель «Брюль» приехал помощник правительственного комиссара Белецкий с двумя полицейскими офицерами и заявили, что по приказанию министра Скирмунда все назначенные к отъезду должны быть готовы, и что он едет с ними на вокзал, и что до границы их будет сопровождать полицейский офицер. Таким образом покинули территорию Польши В. Савинков, М. Гнилорыбов, Ульяницкий, А. Деренталь, А. Рудин и Мягков. Перед самым отъездом выше-названных членов НС было заседание малого РЭК, на котором было постановлено, что я остаюсь начальником штаба НСЗРиС, начальником информационного бюро; пред[седателем] Областного комитета НС, представителем Союза перед польским правительством и политическим руководителем Союза был назначен Е.С. Шевченко.

За три дня пребывания Б.В. Савинкова никаких особых перемен не было. Я его сопровождал во время отъезда до границы. До поезда его сопровождал комиссар Белецкий, а до границы – полицейский офицер. Через несколько дней по отъезде Б. Савинкова уехал в Париж и Д.В. Философов. Таким образом, в Варшаве, несмотря на отъезд, все отделения, которые раньше вели работу, остались, только газета «Свобода» стала называться «За свободу», и оттуда были вычеркнуты имена отъехавших как официальных сотрудников газеты.

Перед своим отъездом в Париж Д. Философов, чтобы сблизить отношения между поляками, с одной стороны, и Е. Шевченко и мной, с другой, устроил нам через Вендзягольского (пилсудчик) конференцию с представителями 2-го отдела Генерального штаба. В числе офицеров Ген[ерального] шт[аба] были майор Кершковский, майор Шецель, фамилию третьего забыл. Генштаб в лице этих офицеров выразил нам свое сочувствие по поводу отъезда Б. Савинкова и предупредил, что они, как и прежде, будут нам во всем помогать и всячески в их силах нас поддерживать.

Что касается внутреннего изменения организации, то, за исключением небольших сокращений, особенно существенных перемен не было. Информационное бюро было перенесено из «Брюля» в «Саксонский» отель. Адъютантом ко мне был назначен вместо Рудина Смолянинов.

Только по отъезде наших вождей мы поняли, в каком положении нас оставили. Денежный вопрос всегда хромал. По отъезде денег было оставлено в самом ограниченном количестве. Все суммы проходили через заведующего финансовым отделом Буланова. Буланов выдавал деньги по предписанию из центра, т.е. из Парижа, т.е. от Б. Савинкова. В это время как раз начался прилив работников из

России. Всех нужно было рассчитать и обеспечить на первое время. Кроме того, были большие расходы с переездами и эвакуациями. Для выяснения этих вопросов были посланы в Прагу Е. Шевченко и Буланов, которым удалось лишь в самых малых размерах определить бюджет. Кроме того, еще тормозило дело то, что Буланов не хотел признавать Шевченко, а Шевченко – Буланова....

В Париже я пробыл осень, зиму, весну и часть лета 1922–23 г., так что всех тонкостей событий в Польше, смену министерства и т.д. сам лично очевидцем не был, но знал о них по письмам Философова к Б. Савинкову в Париж.

Знаю, что вместо бывшего начальника 2-го отдела Генерального штаба был назначен полковник граф Девойно Сологуб. Сологуб – бывший русский офицер, служил в Петрограде в одном из гвардейских полков. Я Сологуба первый раз увидел в кабинете у Б. Савинкова в 1921 г. зимой. Он в то время был представителем от польского правительства при Русском политическом комитете в Варшаве. Он часто, почти каждый день, бывал у Б. Савинкова, и я думаю, что они вдвоем в то время вырабатывали проект договора НСЗРиС с польским и украинским правительством.

Сологуб был в хороших отношениях с В. Савинковым, и я часто заставлял его в кабинете В. Савинкова. По-видимому у них были какие-то дела, связанные с финансовым вопросом. В. Савинков был с ним в очень коротких отношениях и, по-видимому, часто снабжал его деньгами, которые через Сологуба же выхлопывались у польского правит[ельства], в частности, через Пилсудского и 2-й отдел Генер[ального] штаба.

Сологуб на меня произвел [впечатление] человека несерьезного. О делах он никогда не говорил, все мысли его были направлены утром к тому, чтобы к вечеру достать денег для того, чтобы иметь возможность попасть в ресторан. Вообще, вся его жизнь в то время, все интересы сводились [к] ресторанам и кутежам.

Не знаю, чем он мог выделиться у Пилсудского, к партии эсеров он не принадлежал, а был монархистом, что показывает занятие им того поста, какой он занял при правом правительстве Витуса. Вообще Сологуба я лично знаю мало, но на меня он произвел впечатление светского пустого человека, для которого личные интересы важнее, чем служба. Думаю, что через его друзей, с деньгами, с ним можно сделать многое; говорю это к тому, что он, занимая в данный момент серьезный пост, может оказать большое значение.

Начальник контрразведки и разведки в настоящее время – майор Братковский. Братковский бывший русский офицер, пехотинец, в каком полку служил, не знаю, но знаю, что он кадровый офицер. На вид ему лет около тридцати. Первое впечатление, которое он на меня произвел, – человека серьезного, вполне сознающего ту работу, которая на него возложена. Он сумел поставить дело и

выйти из хаоса, который был налажен Кершковским (Кершковский, майор, был на должности Братковского до осени 1922 г.).

Главный помощник Братковского – капитан Талиховский. Собственно говоря, вся работа в России по разведывательной части лежит на Талиховском. Талиховский работает в штабе уже 3-й год. Он бывший русский офицер, хорошо говорит по-русски. Все агенты, которые посылаются Генштабом, проходят через Талиховского. Он же, кроме специальной задачи, всегда дает общую разведывательную задачу. Всех людей, которых приходилось посылать в Россию, проходили через Талиховского². Все возвращающиеся агенты из России прежде, чем дойти до штаба НСЗРиС, проходят через Талиховского. Кроме общих задач, Т[алиховский] выдает им деньги на ведение работы. Деньги, как я заметил, выдаются в долларах, от 30 до 100 долларов, смотря какому агенту.

С отделением штаба капитана Братковского имеют тесную связь французы. Когда я был последний раз там, то каждый раз встречал французского офицера (в драгунской форме, фамилии не знаю). Французы держат там себя довольно развязно, и видно, что они являются там господами, думаю, что и средства на работу, главным образом, отпускают они. Часть документов, во всяком случае тех документов, которые поляки получают через своих агентов из России и Германии, передаются французам. Раньше это было поставлено иначе. Французы сами непосредственно покупали документы у агента. При В. Савинкове они (французы) выдавали деньги непосредственно В. Савинкову. Но впоследствии у них произошло какое-то разногласие, и французы решили непосредственно покупать документы у агентов В. Савинкова, т.е., другими словами, стали перебивать у него людей, т.к. могли заплатить больше. То же самое было предпринято со стороны французов по отношению к полякам. Но уже после Кершковского у них восстановились опять нормальные отношения, т.к. все люди, посылаемые в Россию, сначала проходят через Талиховского, т.е. через польский штаб.

Из таких видных агентов, которые служили у французов, я знал Бораца и Павлова.

Борац при помощи французских денег устроил на границе Волынской губ[ернии] пункт, откуда он переправлял людей в Россию. Главное направление его было Жмеринка – Киев. Существует ли сейчас этот пункт, не знаю.

Про Павлова я сказал, что будто бы он убит в Холмском уезде Псковской губ[ернии]. Французы очень доверяли Павлову как человеку, который открытой силой может сделать многое. Он у них пользовался большим кредитом. Деньги, конечно, пропивались тут же рядом в соседнем кабачке.

Какое теперь взаимоотношение между французами и штабом, я не знаю, ибо последнее время проживал во Франции в Париже.

В Париже, я знаю, есть польская военная миссия, начальник этой миссии – майор Довбор-Мусницкий, племянник генерала Довбор-Мусницкого. Она (парижская миссия) имеет связь с 2-м отделом штаба в Варшаве. Переписка происходит через дипломатических курьеров. Майор Довбор-Мусницкий в дружественных отношениях с Б. Савинковым и оказывает ему все содействия, какие только в силах выполнить. Парижская военная миссия помещается на улице (хорошо не помню) Виктора-Эммануила (недалеко от Place Etoile).

Осень 1923 г.

Н-1791. Т. 28. Л. 62–73. Рукопись.

¹ *Одинец Д. М.* (1883–1950), профессор, историк, министр культуры в правительстве С. Петлюры. С 1920 г. в эмиграции, член Русского политического комитета в Варшаве. С 1921 г. в Париже, один из основателей Русского народного университета. В 1946 г. получил советское гражданство, с 1948 г. жил в Казани, преподавал латинский язык.

² Так в тексте документа.

77

С. Павловский рассказывает

В конце февраля 1920 г. я приехал в Варшаву и явился в Русский политический комитет; председателем комитета был Б. В. Савинков. Б. Савинков принял меня лично, и тут я узнал, Русский пол[итический] ком[итет] намерен вести борьбу с соввластью под флагом Народного союза защиты родины и свободы во имя «третьей» России. Б. Савинков предложил мне вступить в ряды НСЗРиС. Предложение это я принял и был назначен в распоряжение информационного бюро, начальником которого был брат Б. Савинкова – Виктор Савинков.

Балахович в это время тоже проживал в Варшаве. Он объявил себя начальником «Белорусского паньства» и собирался весной идти завоевывать Белоруссию. Занимался он в то время покупкой и продажей лошадей, причем среди них я видел и немало бывших казенных; в один из самых больших манежей Варшавы он внес пай и сделался одним из главных совладельцев. В этом манеже главным образом производилась купля - продажа. Бывая у Балаховича, я заметил, что он с Савинковым поссорился. Через несколько дней он мне открыто начал ругать Савинкова, обвиняя его в том, что он погубил армию, что он не хочет выпускать ее из лагеря и т. д. Причина расхождения Савинкова с Балаховичем была Елин – интендант армии.

Елин после ликвидации армии не сдал в РПК какие-то недостающие 22 миллиона польск[их] мар[ок], и Савинков посадил

его в тюрьму. Балахович написал ему письмо с требованием освободить, Савинков отказал. Сила была на стороне Савинкова, т.к. за ним стоял Пилсудский. Они сделались заклятыми врагами. Как-то я старался их примирить и устроил им свидание на нейтральной почве в английском ресторане, но это свидание не дало никаких примирительных результатов.

Русс[кий] пол[итический] ком[итет] состоял в то время из следующих лиц.

Б.В. Савинков – председатель комитета.

Д.В. Философов – зампред комит[ета].

Ал. Ар. Дикгоф-Деренталь – секретарь Б. Савинкова и был часто представителем при иностр[анных] мисс[иях].

В.В. Савинков – нач[альник] информац[ионного] бюро и нач[альник] штаба Союза.

Д.М. Одинец – заведующий интернированными.

М.Я. Росселевич – завед[ующий] агит[ационным] отделом.

А. Мягков – зав[едующий] хоз[яйственной] част[ью].

Н. Буланов – зав[едующий] финансовой частью.

Ген. Симанский – контролер.

Ген. Ивановский – зав[едующий] юридическим отдел[ом].

Португалов – редактор газеты «Свобода».

Информбюро состояло, кроме В. Савинкова, из следующих.

А. Рудин – адъютант, Минаев – казначей, Кочевский – помощник Смолянинова, Орлова и друг[их] офицеров для поручения.

До марта я сам сидел без всякого дела, бывал иногда на заседаниях РПК.

На заседаниях часто бывал ген[ерал] Махров – представитель Врангеля, приезжали представители из лагерей. В лагерях в то время образовалось два течения: республиканское и монархистское. Большинство членов НСЗРиС набирали из республиканцев. Для этого в некоторых лагерях были образованы местные комитеты для вербовки членов.

Сильная сплоченность жизни в лагерях, бездеятельность, отсутствие всякой духовной жизни создало между этими двумя партиями такой антогонизм, что нередко оба лагеря ходили друг на друга врукопашную. Конечно, идейные вожди поддерживали это и всячески старались, пользуясь интернированными как орудием, наделать друг другу как можно больше мерзостей.

Кокаин, водка и самый голый неприкрытый разврат – вот что осталось тем, кто вовремя не избавился от лагеря каким бы то ни было способом.

Вот таким-то элементом нередко пополнялся состав членов НСЗРиС.

В феврале В. Савинкову удалось с помощью польского генштаба, а в частности, через майора Бека создать в приграничной полосе с Россией несколько информационных пограничных пунктов. Так, были организованы пункты в Рубежевичах, где заведовал пунктом поруч[ик] Орлов, в Лунинце – Микуловский.

Кроме поляков, В. Савинков вошел в связь с французской миссией, которая обещала поддерживать информбюро деньгами, с условием, что весь материал, касающийся Красной армии, будет доставляться им, хотя бы в копиях.

Приблизительно в это время в Варшаву приехал Орлов. Привез он какие-то документы. В. Савинков познакомил его с французами. Когда я спросил у В. Савинкова, давно ли он знаком с Орловым и является ли Орлов членом Союза, В. Савинков ответил мне, что знаком он с Орловым месяц или два, что это известный повстанец и что в настоящее время он является членом НС. О его (Орлова) характеристике В. Савинков мне сказал, что это один из энергичнейших и верных работников. В Варшаве Орлов куда-то все время бегал, суетился и был все время навеселе. Как-то встретя меня в «Брюле», он познакомился со мной и сразу начал говорить, что у него на границе имеется свой отряд, что он с этим отрядом делал набеги на русскую сторону.

«Таким образом», – говорил он, – «мне удастся там доставать документы, которые я загоняю французам. Благо они хорошо платят. Не хотите ли поехать ко мне и принять командование?». Я отказался, и через несколько дней Орлов скрылся с варшавского горизонта.

В конце марта или в начале апреля В. Савинков вызвал меня и рассказал мне следующую историю.

В районе м. Столбцы Орлов вместе с 14 партизанами сделали набег на мест. Кайданово, разгромили там волисполком и, захватив все бумаги там, вернулись на польскую территорию. Советское правительство узнало о виновниках этого набега и прислало ноту польскому правительству. Министерство иностранных дел запросило по этому поводу Генштаб, и что теперь может выйти крупная неприятность. РПК дабы уладить этот конфликт и предупредить дальнейшие выступления отрядов мне предложил немедленно ехать в Столбцы, взять все отряды и пункты под свое руководство, а слишком скомпрометированных арестовать и передать в руки польских властей. Варшавское отд[еление] Генштаба предупредило своего офицера в Столбцах, где мне должно быть оказано всякое содействие.

В. Савинков познакомил меня с майором Беком, который дал мне соответствующие докумнеты, и я через неделю после этого был уже в Столбцах. Помощником мне был назначен капитан Тронов, который выехал вместе со мной. В Столбцах я застал следующее. Орлов был арестован польской жандармерией, препровожден в Слоним, где в то время находился Штаб армии (польской). В Столбцах вместо Орлова остался Павлов.

Произведенным мною следствием выяснилось: поручик Орлов с благословления нач. пункта 2 отд[ела] Генштаба поруч[ика] Пухальского устроил набег на мес. Кайданово, лежащее на территории РСФСР верстах в 12 от польской границы. В набеге участвовали кроме Орлова – полк[овник] Павлов, поруч[ик] Иванов

и около двадцати партизан, набранных Орловым из расформированных польских частей. Подойдя к Кайданову, они окружили волисполком, забрали там всю переписку волисполкома, дали залп по местечку, пользуясь паникой, ограбили несколько человек граждан и, нагруженные шубами и всяким награбленным добром, вернулись на польскую территорию, перейдя границу в районе м. Рубежевичи, находящемся на самой границе. Расположившись в м. Рубежевичи, тут же днем началась дележка награбленного имущества между участниками набега, часть вещей была отдана польским пограничникам в виде взятки.

Павлова я отправил в Варшаву в распоряжение В. Савинкова. Позднее я узнал, что Павлов не только не подвергся никакому порицанию, но был отправлен с отрядом в Россию при помощи В. Савинкова.

В первых числах мая прибыл из России Селянинов (Оперпут-Упельниц) вместе с каким-то комполка... Они направлялись в Варшаву к Савинкову. Селянинов обрисовал мне всю ту работу, [проведенную] Западным областным комит[етом] НСЗРиС, говоря, что момент настал, и что организация находится накануне выступления. Я его спросил, имеют ли положительное значение партизанские отряды в поднятии восстания. Он мне ответил утвердительно и сослался на пример с Галаном, который оказывает большую помощь Гомельской организации, в районе которой он действует. Утром на следующий день по переходе границы Селянинов вместе с компанией отправились в Варшаву к Б. Савинкову.

Конфликт с набегом на Кайданово был на месте улажен, и я через несколько дней после Селянинова поскакал в Варшаву для личного доклада В. Савинкову. В Варшаве я заметил какую-то лихорадочную суетливость. Все шептались по углам, появилось много новых, до того мне не известных лиц, которые собирались ехать для работы в Россию. Все разговаривали полу-фразами, полу-намекami, все что-то конспирировали. Но эта конспирация в конце концов свелась к тому, что члены союза, скрывая друг от друга даже не необходимое, выносили все это в кабак, и ресторан «Польской гостиницы» можно было бы с большим правом назвать Информбюро НСЗРиС, чем то бюро, где заседал В. Савинков, и откуда велась «самая конспиративная работа».

Сам я в «Польской гостинице» не бывал, но слышал, что там с музыкой и с тостами отправляли на работу в Россию. Причем тут же присутствовали совершенно посторонние женщины, которые все эти случаи разносили по городу, а может быть, и дальше. Вообще, впечатление было такое, что «Брюль» открытой войной собирался идти завоевывать Москву.

Я получил новое назначение. Мне были выданы документы, где я назначался руководителем восстания в полосе от польской границы до реки Березины включительно. Во исполнение этой задачи

я вернулся в Столбцы, набрал около трех десятков белорусских партизан, собрал с помощью поруч[ика] Пухальского пять винтовок и, оставив для связи с Варшавой Костина-Прудникова, сам с отрядом в последних числах мая перешел польскую границу и отправился в свой район. Общее выступление было назначено на первое июля; дополнительно об этом, согласно моего разговора с В. Савинковым, должно было быть мне сообщено на месте через курьера. Как наиболее удобный район для партизанской войны я избрал местный Игуменский уезд.

После двухнедельного перехода мы прибыли в намеченный район между ст. Вереицы – Гродзянка.

По дороге мы обезоружили заставу около ст. Талька, где достали восемь винтовок. В районе ст. Уборок я совершенно случайно встретился с поруч[иком] Михайловым и Войнюнским; у них было 8 человек партизан, все были вооружены, даже у некоторых были гранаты. Когда они узнали обо мне и шли для связи, им повстречался на дороге нач[альник] карательных отрядов, который ехал со своей невестой и красноармейцем. Нач[альника] отряда они убили, а невесту и красноармейца отпустили: невеста после этого посидела около месяца в тюрьме, ее подозревали в убийстве своего жениха. Михайлов привел меня в свой район около хуторов Возрище, где мы и разбили свой лагерь.

Дня через два после нашей стоянки в Возрище из Игумена пришел человек для связи. Его привели крестьяне. Оказалось, что в Игумене имеется какая-то организация, которая никаких активных выступлений не предпринимает, но если нужно для общего дела, она может выступить.

По намекам от связи мне удалось узнать, что во главе игуменской организации стоят военные, военрук и много других ответственных работников. Ввиду того, что у нас на сорок человек была двадцать одна винтовка, я решил сделать набег на расположенную в районе ст. Уборок артиллерийскую бригаду. Штаб бригады находился в д. Жорновка. Всего в бригаде было около 2500 человек, причем 400 приходилось на пехоту - прикр[ытие] артиллерии.

Ночью мы подошли к деревне, обезоружили часовых и стали ходить из хаты в хату, набрав таким образом около 400 человек. Все погрузились по две, по три винтовки. Красноармейцам были розданы прокламации. После того, как в деревне был открыт арт[иллерийский] огонь, мы благополучно вернулись на стоянку. С обеих сторон были убит один человек, как я узнал впоследствии, красноармеец, и тот случайно. Таким образом, мы достали оружие, даже больше, чем нужно.

Между тем, в нашем районе оказалось много мелких отрядов от 5 до 8 человек, которые через крестьян присылали к нам свою связь. Таким образом, в течение меньше трех недель нам удалось собрать и сгруппировать в одном месте около ста человек. В свою

очередь, удалось связаться с игуменской орг[анизацией]. Во главе этой организации стояли Жилинский – военком и Конопацкий – военрук. В игуменской организации в самом городе было около 70 членов НСЗРиС. Они попросили наши воззвания и, кроме этого, была установлена периодическая связь.

С игуменской организацией было связан отряд из 500 чел. под началом какого-то доктора Н. Большая часть этого отряда жила легально по деревням, и только кучка в 30 – 40 ч[еловек] скрывалась в лесу за рекой Березиной, поддерживая связь непосредственно с Игуменом.

Продовольствие приходилось доставать из совхозов. Кроме того, нами было захвачено на ст. Гродзянка несколько сот пудов соли, которую обменивали у крестьян на продовольствие.

Во время набега на ст. Гродзянка был убит один милиционер. Остальные сразу разбежались.

Крестьяне, узнав, что на станции раздают даром соль, приезжали с подводами за несколько десятков верст. Так как соли было около трех тысяч пудов, им пришлось растаскивать ее около двух суток, когда, наконец, пришел со ст. Осиповичи броневи́к и разогнал их.

После восстановления связей, вооружения и обеспечения продовольствием была послана связь в Варшаву для выяснения общего положения и для восстания. Были посланы два курьера, которым в течение двух суток удалось добраться до Столбцов, откуда один из них должен был следовать в Варшаву. Но находящийся в Столбцах Прудников сам лично поехал в Варшаву для доклада. Ему ничего не удалось там выяснить, и он с ничем отправил курьеров обратно. Посланные вторично курьеры вернулись с тем же результатом, за исключением того, что в Столбцах с ними беседовал какой-то французский офицер, который отговаривал их от подчинения НСЗРиС, Савинкову и предлагал вступить в непосредственную связь с французской военной миссией в Варшаве, обещая при этом финансовую поддержку всему отряду. Посланные в третий раз курьеры попали в руки соввласти.

В конце июня я решил лично съездить в Варшаву для выяснения всей обстановки. Перед отъездом за границу кап[итан] Тронов был послан за реку Березину для налаживания связи с мелкими отрядами.

В м. Пуковичи, верстах в 20 от Игумена, сорганизовалась дружина местной самообороны. Я послал им приказ немедленно разоружиться. Приказ этот выполнен не был, и я, взяв 25 человек, разоружил дружину, наложив контрибуцию и взяв заложников. В назначенный день на месте получения контрибуции была устроена засада. Контрибуцию получал Войнюнский вместе с шестью партизанами. Увидя себя окруженным, Войнюнский прорвался через цепь и расстрелял всех заложников. В это время было получено

сведение из Игумена, что на нас идет отряд в 150 человек. Окружив нас, отряд издали открыл стрельбу, и таким образом удалось нам прорваться. Из отряда захвачено ничего не было. Красноармейский отряд сжег хутор Возрище и вернулся в Игумен.

Вечером после боя под Возрищем я соединился с Троновым, вернувшимся из-за Березины. Переправив отряд за Березину в район д. м.¹, я отправился за границу.

Через 4 дня я был в Радашковичах на польской территории. Из Радашковичей я проехал в Лиду, где в это время был штаб армии, при котором нашел нашего представителя Орлянинова. Орлянинов сказал мне, что в Варшаве все по-старому, никаких перемен не произошло. Когда я его спросил относительно предполагаемого восстания, он ответил, что он относительно восстания ничего не знает. Я уехал в Варшаву.

В Варшаве действительно все было по-старому, за исключением того, что было заседание Всероссийского съезда делегатов НСЗРиС, что восстание временно отложено, что Селянинов арестован, и что несколько делегатов из России оказались агенты ГПУ.

На докладе у Б. Савинкова я ему объяснил обстановку в моем районе, рассказал ему случай с Михайловым, который был послан в Гомель для связи с местной организацией. В Гомеле Михайлов только благодаря предупреждению какой-то девочки не нарвался на засаду на квартире одного из членов – гомельского губернского ком[иссара] НСЗРиС Моисеенко. На первой станции от Гомеля к Жлобину он был арестован и, отстреливаясь, спасся и прибежал в наш штаб в Возрище. Я заявил Савинкову, что Гомельскую организацию я считаю проваленной.

Через 2 или 3 дня после моего приезда в Варшаву сюда приехал Михайлов с Жилинским и Конопацким. Оказалось, что игуменская организация, в свою очередь, была провалена. Выяснилось, что в Игумене арестовано около 30 человек, что весь уезд наводнен красноармейскими частями, и что о восстании не может быть никакой речи.

Из новых лиц в РПК я познакомился с полк[овником] Гнилорыбовым. Он был председатель казачьей секции при РПК и редактором газеты «Казачий голос» и, кроме того, «заведовал» всеми партизанскими отрядами на территории РСФСР. У Гнилорыбова в кабинете на стене висела десятиверстка, где флажками были намечены отряды, судя по моему району, самым фантастическим образом. Когда я попросил его дать более конкретные данные о расположении отрядов, он этого не смог сделать. Видно было, что это его мало касалось.

У него я познакомился с атаманом Моничем, как мне его представил Гнилорыбов. Монич, как я знал, сначала дезертировал около своей деревни, затем, преследуемый своими же односельчанами, убежал в Польшу. Отрядом он никогда никаким не командовал.

Когда я спросил Гнилорыбова, откуда он знает Монича, он сослался на рекомендацию В. Савинкова. В. Савинков прямо так на слово поверил «знаменитому атаману Моничу». В разговоре с Моничем выяснилось, что он уже больше года не был у себя, но что у него есть 500 партизан, и что он теперь ждет денег, чтобы вернуться к себе и поднять восстание, причем он обещал захватить штаб 4-й дивизии в Борисове.

С французами у В. Савинкова прервались всякие отношения. Выяснилось, что члены союза, доставая документы военного характера, передавали их не В. Савинкову, а французской военной миссии. В. Савинков обвинил их в том, что они перебивают у него агентов, французы обиделись и перестали давать деньги на Информбюро. Из-за этого прекратились всякие отношения.

В это время из России прибыл полк[овник] Павлов. Павлов где-то около Полоцка сделал налет на поезд, захватил какие-то документы и деньги. Документы он продал французам, за что был исключен из СЗРиС.

Партизаны из его отряда пришли ко мне с жалобой, что он им ничего не заплатил из полученных от французов денег.

Такими ландскнехтами в этот период наполнен был НСЗРиС.

В это время я познакомился со «знаменитым» поручиком Масловским.

В двадцатых числах июля было заседание ЦК и штаба. На этом заседании было постановлено, что восстание откладывается до середины августа. На основании этого мне было приказано сформировать отряд в сто человек и переправить его в район Игумена, где и поднять восстание с помощью крестьян.

Район моих действий расширился до Борисова включительно, таким образом, Монич входил в мое распоряжение. Но я его так и не увидел до конца осени, после того, как он попросил у меня 200 000 п[ольских] м[арок], в которых я ему отказал. В первых числах августа отряд был сформирован. Состоял он, главным образом, из интернированных, собранных из лагерей под командой поруч[ика] Михайлова и помощника его Конопацкого. Отряд был вооружен винтовками, у многих были револьверы. В этих же числах августа он перешел границу. Задача ему была дана соединиться с Троновым и ожидать моего прибытия.

Отряд перешел границу у м. Радашковичи и взял направление на Борисов. К этому времени Минская губ., по которой пришлось проходить Михайлову, была наполнена частями 5-й и 4-й сов[етских] дивизий. Отряду пришлось двигаться все время с боями. По мере приближения к месту назначения он постепенно таял. Придя в Игуменский уезд, Тронова Михайлову не удалось найти, так как Тронов под давлением 4-й дивизии был вынужден перейти границу, приблизительно в то время, когда Михайлов выступил из Радашковичей.

Проплутав около месяца по Минской губ., оттесненный 4-й дивизией в Борисовский уезд, Михайлов, признавая бесполезность дальнейшего пребывания на территории Белоруссии, перешел польскую границу. Часть людей была интернирована в лагеря, часть же разбежалась на границе, большая часть сдалась в руки 4-й дивизии.

В первых числах августа я с Жилинским, Шешеней, бы[вшем] адъютант[ом] Б. Савинкова, и некоторыми другими приехали в Столбцы, где должен был перейти границу и идти на соединение с Троновым в Игуменский уезд. Приехав в Столбцы, я узнал, что Тронов с тридцатью партизанами перешел границу и находится в Столбцах.

От Тронова я узнал, что Игуменский уезд занят частями 4-й дивизии, что настроение крестьян против нас. Он рассказал мне, как трудно было с продовольствием. В какую деревню ни загляни, всюду сразу доносили в волисполкомы, и оттуда немедленно выезжал отряд. Но ввиду того, что Михайлов уже выступил, я считал, что мое присутствие необходимо там, на месте.

Для этого я отобрал охотников из пришедших с Троновым. В Столбцы в это время приехал Костин-Прудников. В десятых числах августа, набрав около 35 партизан, я перешел границу и направился в Игуменский уезд. Прудников пошел со мной. Когда у нас вышло продовольствие и пришлось обращаться к крестьянам, тут я заметил, что настроение крестьян против нас. В тех деревнях, где весной нас встречали чуть ли не хлебом-солью, не только с нами не разговаривали, но сразу бежали в волисполком сообщать, что появились бандиты. Дней через пять пришлось послать несколько человек для реквизиции продовольствия, так как продукты все вышли. Приходилось двигаться ночами, дабы не навлечь на себя внимания отрядов 4-й дивизии.

Под Шацком нами был захвачен обоз одного из полков 4-й дивизии. Мы повернули его обратно и приказали ехать к переправе через реку Птичь. Красноармейцы не сопротивлялись, да у них всего было 5 или 6 винтовок. Когда проезжали через деревню, где был волисполком, навстречу мне вышел председатель волисполкома и, приняв меня за начальника отряда из 4-й дивизии, передал мне прокламации, которые утром мы раздавали в одной из деревень их волости. Оказывается, крестьяне, как только получили листовки, сразу же их передали в волисполком. Настолько были крестьяне настроены против нас. Я объяснил предволисполкому, кто я такой, и приказал ему наклеить немедленно листовки в деревне на стену. Наклеил он или нет, мне так и не удалось узнать.

На рассвете мы подъехали к переправе. Взяв с собой необходимые продукты из обоза, я приказал обозникам-красноармейцам дожидаться утра, и только тогда двигаться в Шацк. Между прочим, в одной из деревень мы захватили агента по продналогу. Он нам всю дорогу оказывал всевозможные услуги: перервал провода

телефона, помогал строить мост через Птичь, и потом, как я узнал, первый же донес на нас в Шацк. Пройдя версты полторы от реки, мы расположились на ночлег.

Утром, когда стало светать, к нам подошла разведка, должно быть из Шацка, но, заметив нас, она бросилась бежать. Мы двинулись дальше. Когда пришли на какой-то хутор, оказывается, что с этого хутора только что ушла красноармейская рота. Нас уже ловили, и только большой лес по берегам Птичи дал возможность незаметно скрыться.

При переправе через р. Случь у нас утонул один человек. Наконец, после 10-дневного перехода мы пришли на назначенное место, где должны были встретиться с Михайловым. Пошли по явкам. Но явки все уже были провалены.

Подходя к дер. Дубравно, мы надеялись хоть здесь найти, наконец, приют и отдых. Эта деревня всегда была расположена к нам благоприятно. Но и здесь настроение переменялось. Как только мы подошли к деревне, крестьяне забегали в избы и закрывались, так не добившись от них ни одного слова, пришлось двигаться дальше. След Михайлова не удавалось найти. Мы обошли все старые стоянки, но это не дало никаких результатов.

Между Игуменом и Погорелым мы захватили агентов по борьбе с бандитизмом 5 человек. Следствие выяснило, что они посланы специально для ловли нашего отряда. Назначенный суд приговорил их к расстрелу.

В конце концов мы оказались окружены со всех сторон. Двигаться возможно было только ночью, и то небольшими дорогами. Во время стоянки в лесу около дер. Французская Гребля прямо на нас по просеке вышла красноармейская разведка из 15–20 человек. Одного красноармейца нам удалось захватить. Из его слов мы узнали, что лес, где мы находимся, окружен, и что утром здесь будет облава. Командованию известно, что мы находимся в этом лесу.

Снабдив его литературой, переждав полчаса, мы двинулись из лесу. Благодаря наступившей темноте нам удалось пройти незаметно между постами, и таким образом выбраться из ловушки. Дальнейшее пребывание здесь я считал бесполезным. Михайлова нам не удалось найти, да и чем мы [могли] помочь Михайлову со своими 100 партизанами при таком отношении со стороны крестьян.

Решили идти обратно в Польшу. Прудников с пятью партизанами пошел в свой район в Смоленскую губ[ернию], Горецкий уезд.

При обратном возвращении мы благополучно, не евши двое суток, добрались до р. Птичь. Птичь оказалась вся занята красноармейскими частями, и только поднявшись вверх по реке верст на 30, нам удалось незаметно переправиться через реку и, таким образом, хоть временно скрыть свой след. Отсутствие продовольствия и четырехдневная голодовка заставили нас еще раз при-

бегнуть к реквизиции. Но не успели еще разделить продукты, как мы снова были окружены. Цепь подошла почти вплотную, и только густые кусты дали возможность отойти незаметно и без потерь, несмотря на открытый по нам огонь. Цепь продолжала нас преследовать, впереди нас была река с единственным бродом, если брод занят, мы погибли. Выйдя из кустов к броду, я заметил, что у брода стоит засада человек около пятидесяти, между тем цепь шла сзади и теснила нас к реке. Единственное спасение было броситься в атаку и сбить заставу.

Шешеня, Кольцов, Малинин и я бросились вперед с криком *ура*. Остальные, пока мы бежали к заставе, спрятались в кусты. Застава разбежалась, должно быть, приняв наши маузеры за пулеметы. Мы переправились. Впереди нас была еще река Перетуть, а там оставалось 6 верст до границы.

Попавший навстречу крестьянин объяснил, что в м. Ужач (верстах в 10 от нашей переправы) согнаны подводы со всех деревень, и что в них собирается ехать отряд к Перетути, чтобы перехватить каких-то бандитов.

Теперь вопрос заключался в том, кто скорее доберется до Перетути, и мы почти бегом бросились к Перетути, до которой оставалось еще верст 10. Благодаря наступившей темноте нам незаметно удалось переправиться через Перетуть вброд, и через часа два мы были уже на польской территории, двигаясь без всяких проводников, только по компасу и по 25-верстной карте.

Приехал в Варшаву. Б. Савинкова в Варшаве не было: с А. Деренталем уехал в Париж. Его заменял Философов. В Варшаве я узнал, что восстание везде кончилось неудачно, за исключением участка полков[ника] Эрдмана.

Вместе с Эрдманом я приехал из Лиды в Варшаву. В вагоне по дороге он мне развивал всевозможные планы своего выступления. Он собирался идти через Витебск на Москву. По его словам, вся пятая советская дивизия, расположенная на его участке, была на стороне Эрдмана. С ее помощью он собирался захватить Витебск, произвести мобилизацию и двигаться на Москву. Он теперь приехал в Варшаву получать деньги на вооружение и подготовку к выступлению своего отряда. Отряд, по его словам, состоял из пятисот человек. В это время стало известно, что Б. Савинкова и некоторых других членов НСЗРиС польское правительство по настоянию правительства РСФСР намеревается выселить из пределов Польши.

Ввиду этого В. Савинков, как подлежащий высылке, сдал мне всю работу по информбюро. Как я заметил выше, выступления все были провалены, за исключением Эрдмана, по той причине, что он не выступал. В это время посыпались ко мне, как к нач[альнику] информбюро, всевозможные жалобы и анонимные доносы на Эрдмана. Его обвиняли в том, что он вытаскил людей из лагерей,

обещая их устроить и обеспечить, ничего этого не сделал. В районе Глубокого (штаб-квартира Эрдмана) шатается масса народу без всякого дела. Эти люди прибегали к всевозможным способам для того, чтобы не умереть с голоду. Грабежи и разбой в районе Глубокого приняли небывалые размеры. Изголодавшиеся партизаны шайками выходили на большие дороги, где проезжали неосторожные купцы. Ограбленные деньги тут же пропивались. К этому времени в Глубоком было сосредоточено до полутора пудов агитационной литературы, которую Эрдман должен был переслать на территорию РСФСР. Но за отсутствием соответствующего аппарата он этого не мог сделать. Да, я думаю, что он об этом и не знал. Люди, оставленные в Глубоком на произвол судьбы, стали продавать литературу местным торговцам для обертки товаров в мелочных лавках.

Когда я уже через год был в Глубоком, мне завернули купленную банку консерв в воззвание к красноармейцам. Таково было общее положение в Глубоком.

Между тем, сам Эрдман, находился в Варшаве в ожидании денег, и со всяким встречным и поперечным развивал свои мысли о захвате Москвы. Даже совершенно посторонние люди, не имеющие никакого отношения к НС ЗРиС знали все детали плана Эрдмана завоевания Москвы. Наконец, Эрдман получил деньги, около миллиона польских марок, и уехал к себе. Началось и окончилось его выступление следующим.

Набрав около тридцати человек из шатающихся без дела по Глубокому, он прошел с ними верст пятнадцать вглубь по тер[ритории] РСФСР и, узнав через проводника, что в какой-то деревне находятся красноармейцы, решил, что это как раз те, которые подготовлены к выступлению на Москву. Не доходя шагов ста до деревни (дело было ночью) он выстрелил из револьвера и, бросив отряд на произвол судьбы, один с проводником прибежал в Польшу и, боясь репрессий со стороны брошенных им на произвол судьбы людей, в тот же день выехал в Варшаву. Отряд через двое суток вернулся в Глубокое.

В Варшаве через несколько дней вся эта история стала известна, и при личном свидании с Эрдманом я в довольно резкой форме потребовал от него объяснений. Объяснений этих он не смог, конечно, дать, после этого уехал в Данциг, поступил в какую-то антисоветскую организацию и письмами попытался реабилитировать себя в глазах Б. Савинкова, обвиняя во многом меня, т.к. я, дескать, не пожелал его даже выслушать.

В сентябре из Парижа на аэроплане прилетели Б. Савинков и А. Деренталь.

К этому времени окончательно стало известно, что выселению из Польши подлежат следующие лица: Б. Савинков, А. Деренталь, М. Гнилорыбов, А. Мягков, Ульяницкий, Рудин. Б. Савинков

заявил, что он возмущен действиями польского правительства, что он добровольно не уедет, и что если польское правительство желает настоять на высылке, то пусть выселяют силой.

В тот же день вечером было отправлено письмо с Е. Шевченко мин[истру] иностр[анных] дел Скимунду от Б. Савинкова о нежелании добровольно покинуть пределы Польши. На следующий день состоялось личное свидание Савинкова со Скимундом. После этого было заседание всех, подлежащих высылке. Кроме выселяемых присутствовали Философов, Шевченко, Буланов и я. На этом заседании было вынесено постановление о нежелании добровольно выехать. Копия протокола заседания была послана Скимунду. Ответ на это последовал в тот же день, что о выселении уже решено и что в случае нежелания подчиниться распоряжению польского правительства к выселяемым будут предъявлены соответствующие меры. Б. Савинкову давалось трое суток для ликвидации своих личных дел, выселение остальных требовалось на следующий день вечером, по получении письма от Скимунда.

В тот же день вечером ко мне приехал помощник правительственной комиссии г. Варшавы Белецкий, и мы с ним обсудили техническую сторону этого вопроса. На следующий день вечером явился Белецкий с двумя полицейскими офицерами, которые препроводили всех выселяемых на вокзал и сопровождали их до чешской границы. Через три дня то же самое было сделано по отношению Б. Савинкова, которого я проводил до границы.

Вскоре в Париж уехал и Философов.

Б. Савинков, Философов, Деренталь поселились в Париже, остальные в Праге. В Варшаве вся работа была возложена на Шевченко и меня.

Перед своим отъездом Савинков заявил, что ему удалось добиться согласия от Бенеша в размере до 20 000 франков ежемесячно на ведение работы. Были даже составлены по этому поводу сметы во франках. Впоследствии, за исключением того, что только живущие в Праге получали по две тысячи чешских крон, никакой финансовой поддержки от Бенеша не было.

Перед отъездом Б. Савинков имел свидание с Пилсудским, который ему обещал поддержку остающимся работникам НСЗРиС в Польше.

По отъезде Савинкова Философов устроил свидание между Шевченко, мной с одной стороны и представителями Генштаба майором Кершковским, майором Щецелем и еще одним офицером, фамилию которого не помню, с другой.

Вся работа информационного бюро была возложена на меня. Работа эта, главным образом, сводилась к ликвидации всех недоразумений и конфликтов, которые возникали в пограничной полосе. Вскоре по отъезде Савинкова возник следующий конфликт. Както ко мне пришел Орлов (быв[ший] офицер для поруч[ений] при

В. Савинкове) и заявил, что Масловский предлагал ему пойти в советскую миссию и продать там какие-то документы. На следующий день явился Масловский и заявил, что Орлов собирается идти в сов[етскую] миссию, продать там какие-то документы. Это дело я передал Шевченко как нач[альнику бюро]. Он тянул это дело больше месяца, никаких конкретных данных о виновности Орлова не было, но, несмотря на это, Шевченко настоял на том, чтобы его удалили. Орлов был удален и поступил на службу в польскую охранку. Через некоторое время я узнал, что и Масловский находится на службе в польской охранке.

Вскоре после отъезда из Парижа пришло письмо от Б. Савинкова, где сообщалось, что те финансовые предположения, о которых он говорил по приезде из Парижа, не осуществились, что денег нет, и придется приступать к сокращению штатов.

Из писем из Парижа я узнал, что Савинков виделся с Ллойд Джорджем, с Черчиллем; позднее я узнал, что у него было свидание с Красиным, что Красин ему предложил пост советского представителя в Париже. Кроме того он виделся с сербским царем и Пашичем. Сербский царь обещал дать ему на антисоветскую работу сто тысяч франков, но что все это кончилось ничем благодаря Пашичу, который обещал сделать все и не сделал ничего.

В Варшаве начались сокращения штатов, которые вызвали массу неудовольствия среди сокращаемых. Образовалась группа недовольных бюрократическим отношением к делу Шевченко. В Париж было послано письмо, в котором обвиняли Шевченко. Письмо это породило обильную переписку и массу интриг. Члены Союза, оставшиеся в Варшаве, резделились на два лагеря. Дело дошло до того, что оппозиция Шевченко стала искать поддержку и защиту у Генштаба.

Что касается работы Информационного бюро, т.е. той работы, которую раньше вел В. Савинков, то она благодаря отсутствию средств приняла самые малые размеры. Кроме того, немалое значение в этой работе играли подозрительность и бюрократизм Шевченко. К каждому прибывшему из России он относился с предубеждением и с канцелярской холодностью. Нередки были случаи, когда прибывшие из России прибегали ко мне с жалобами на Шевченко, упрекали его в том, что он ведет себя, как генерал по отношению к своим подчиненным.

В это время появились слухи о возможном заговоре. Так, на одном из свиданий с майором Кершковским он мне сказал, что на меня готовится покушение со стороны большевиков, и что в этом покушении участвуют подполковник Звягинцев (офицер балаховской армии), который будто-бы должен был угостить меня отравленными папиросами. Звягинцев бывал у меня несколько раз, но папиросами меня не угощал, может быть, оттого, что я ему предлагал первым.

Вся эта грязь и интриги через кабачные пьянства выносились на улицу и порождала еще большие недоразумения.

Перед самым отъездом В. Савинкова из России от армии Антонова, из Тамбовской губ. прибыл с тридцатью шестью всадниками полковник Серпуховский. Вскоре после него пришел с Украины атаман Струк. Оба они остались очень недовольны приемом, который им оказал Шевченко. Струк, между прочим, из Варшавы проехал во Львов, где тогда находился Петлюра. С Петлюрой они ни до чего не договорились, и кончилось дело тем, что Петлюра обвинил Струка в том, что он продался «москалям», и в день отъезда на Струка было устроено покушение: в него стреляли, но, к счастью для Струка, мимо. Струк в самом мрачном настроении приехал в Варшаву.

Струк мне не объяснил, с какими намерениями он приехал в Польшу, но у меня сложилось впечатление, что он был разочарован своей деятельностью и деятельностью украинских демократических вождей. Недели через две после свидания с Петлюрой он уехал на Украину, где погиб со всем своим штабом, будучи окружен в хате в совершенно бессознательном положении от выпитой самогонки.

Между тем, для конспирации было решено, что информбюро должно переехать из «Брюля» в другое помещение. Переехали в «Саксонскую» гостиницу. Отчасти это было сделано и затем, чтобы отвязаться от тех людей, которые приезжали из приграничной полосы, а главным образом из полосы Эрдмана, для всевозможных жалоб. Информбюро было реконструировано, оно разделилось на следующие отделы: пограничный – Клементьев, организационный – Шарин, оперативный – Росселевич, хозяйственный – Брант, канцелярия – Катогаров и комендант – Марков. Нач. КРО – Шевченко. Кроме того, были представители при отд[еле] Генштаба в Вильно – Балабинский, и во Львове – Гамалицкий.

Между прочим, антагонизм между всевозможными партиями достиг своих крайних пределов. Монархисты нападали на демократов, демократы – на монархистов.

Особенно сильно сказалось это в лагерях. По отъезде Савинкова была прекращена всякая официальная поддержка интернированных. Этим воспользовались монархисты, и в лице ген[ерала] Новикова прислали интернированным несколько комплектов обмундирования. Лагеря сделались самыми ожесточенными местами политических дискуссий, которые нередко кончались кровопролитными столкновениями. Начальство, конечно, пользовалось этим обмундированием и сбывало его частным лицам, конечно, за деньги. Так, например, Прудников, получив несколько десятков комплектов белья для своих людей, прибывших с ним из России, все это белье продал, а деньги пропил.

Работа информбюро вся, за редким исключением, сводилась к тому, что выдавала жалование и суточные. Суточные получали

прибывшие из России, для них была нанята дача в Зеленках. Ввиду общего развального состояния они не стремились обратно, и жили спокойно в Зеленках. Вся их работа сводилась к мелким личным интригам.

В этот период все были проникнуты каким-то подозрением друг к другу. Интриги достигли своих крайних пределов. Е. Шевченко при помощи КРО еще более усиливал развал. Все от него отвернулись. Ответ на письмо с жалобой на Е. Шевченко был получен на имя самого Шевченко. В этом письме Б. Савинков поддерживал линию Шевченко и просил его удалять всех непокорных. Доносы в Париж посыпались еще в большем размере. Не прошли эти доносы мимо и меня. Так, я впоследствии уже узнал, что меня подозревали в интриге с Балаховичем, с монархистами и т.д.

Весной 1922 г. приехали в Варшаву Строганов и Нейман. Нейман заявил, что он хочет работать в савинковской организации. Строганов отзывался о нем, как о дельном и опытном подпольном работнике. Но мне Нейман не внушил доверия с первого знакомства. Впоследствии это подозрение вполне оправдалось. Нейман, оказалось, занимается только шпионской работой и, по-видимому, был уверен, что савинковская организация ему поможет. Желая как-нибудь отвязаться от него, я согласился о свидании с ним в Великих Луках, на котором он настаивал. После этого он уехал в Ригу.

Придя к убеждению, что мне в Варшаве делать нечего, я решил отправиться в Россию. Перед самым моим отъездом из пограничной полосы приехал Конопацкий и рассказал мне следующее. Под Оршей во время отступления немцев, в четырех верстах от города зарыто несколько пудов золота. План места нахождения золота находился у Курковского (быв. атаман банд[итской] шайки). Курковский согласен пожертвовать золото в савинковскую организацию с тем, чтобы ему дали 1 или 2 пуда. Я проехал на границу и получил этот план. Строганов к этому времени в Варшаве набрал отряд, с которым намеревались пойти в Псковскую губ. Часть людей была послана через Латвию. Со мной пошло семь человек. 22 мая мы перешли границу севернее м. Докшицы и недели через две благополучно добрались до Орши. Отряд состоял из следующих лиц: полк[овник] Серпуховский, капит[ан] Тронов, Строганов, Колчак, Ефремов, Машнин, жит[ель] Опочецкого уезда Псковской губ[ернии] Х.

Подойдя к Орше, я с Колчаком пошел прямо через город. Остальные переправились через Днепр на лодке, и на следующий день вечером мы договорились встретиться на кладбище в четырех верстах от Орши, место, где находилось золото. Переночевав с Колчаком в деревне около кладбища, на следующий день вечером мы встретились, как было условлено, на кладбище.

Разрыв в указанном на плане месте, мы ничего там не нашли. Раскопки по соседству с этим местом тоже ни к чему не привели.

Я с Серпуховским и с Колчаком вернулись в деревню и объяснили тому крестьянину, у которого ночевали предыдущую ночь, кто мы такие и зачем пришли. Он очень удивился и сообщил нам, что неделя, как уехали из их деревни 6 агентов из местного ГПУ. Они с взводом каждую ночь дежурили на кладбище, ожидая прихода каких-то людей из Польши, и только неделя, как они уехали обратно, никого не дождавшись.

После этого разговора мы отошли в лес, где и расположились на ночлег. Наутро я с Серпуховским отправились в город, а остальные должны были переправиться восточнее Орши, место сбора назначили на Могилевском шоссе на 15 версте от Орши к Витебску.

В Орше встретили того крестьянина, который накануне нам приносил продукты в лес. Он шел под эскортом двух милиционеров. К счастью, он нас не заметил, и мы, позавтракав в городе, благополучно встретились в условном месте.

Деньги у нас кончились, и приходилось позаботиться об этом, чтобы не умереть с голоду. Для этого решили сделать налет на мельницу, где, по сообщению крестьян, должны были быть казенные деньги у хозяина, который во время революции с помощью связей реквизировал эту мельницу от старого владельца. На мельнице денег не достали, но зато достали лошадей и продукты.

На двух подводах, разместившись по 4 человека, мы продолжали двигаться к Витебску. Конечная цель нашего следования была ст. Чикачево. Не доезжая верст двадцать до Витебска было решено, что мы достанем деньги в волисполкоме в селе З. С этой целью, отослав подводы в лес около села З., я с пятью человеками пришел в волисполком. В волисполкоме в это время шел сбор какого-то налога. Все помещение было набито пришедшими платить налог крестьянами. Придя в канцелярию, я спросил председателя. Мне секретарь ответил, что он ловит рыбу. Я заявил, что я приехал для ревизии из губ[ернии] и просил немедленно послать за председателем. За председателем послали. Тогда я приказал запереть двери и объявил, кто я такой. Секретарь тут же по приказанию выдал мне всю кассу, около миллиарда, отобрав из них частные деньги. Узнав, что двое из чинов волисполкома коммунисты, я взял с них подписку о выходе из партии. Они тотчас же согласились. В это время в комнату вошел председатель в сопровождении еще одного человека. Увидев меня и поняв, в чем дело, он выхватил револьвер и хотел выстрелить в меня, но я предупредил его выстрел, и он упал, раненый в голову. Шедший сзади его тоже выхватил наган, его убил кто-то из наших, находящихся позади комнаты.

После всего этого мы вышли из помещения и с помощью крестьян, которые предоставили нам подводы, довели до леса, где находились наши подводы.

Мы продолжали путь, выйдя на шоссе Витебск–Опочка. Не доезжая Ново-Сокольников, Серпуховский и Строганов сели на поезд, чтобы заранее предупредить на месте о нашем приезде.

Не доезжая Ново-Сокольников, нас окружили на ночлеге в лесу и открыли по нас стрельбу. В этой перестрелке мы потеряли одну повозку, кроме того, Колчак был ранен в ногу. Усадив его на оставшуюся подводку и все время под угрозой преследования, мы прорвались сквозь идущую на нас из Старых-Сокольников цепь и отправились к границе Псковской губ. Во время прорыва Ефремов с Х. бросились справа от нас, и с тех пор мы потеряли их; на сборном месте их тоже не было. В первых числах июля мы благополучно приехали на намеченное заранее место и остановились в районе дер. Башуры.

Из Чихачева приехал Серпуховский и заявил, что он виделся с местными партизанами и что они просят меня приехать. Место свидания было назначено полустанок Плотовец. Вместе с Серпуховским я приехал в Чихачево, а оттуда на поезде в Плотовец. В назначенном месте мы встретились. Среди них были: Мокей Иванов, Миша Левицкий, Пима и Тереха, последних двух я не знал, они с 1919 г. скрывались от советской власти. От М. Иванова я узнал, что у них еще есть один бандит, который лежит раненый в сарае. Пима тоже был ранен в спину и лечился какими-то листьями.

Мокей мне заявил, что весь этот район настроен против советской власти, и в случае восстанут все; что у многих крестьян имеется оружие. Продовольствие ему обещали дать местные богатеи даже на пятьсот человек. Крестьяне жалуются на тяжелые налоги, которые они прямо не в состоянии вынести. Рассказал он мне, как крестьяне недовольны аграрной реформой, которая проводится у них на местах; все можно сделать, мол, за взятку, а у кого нет лишнего хлеба, чтобы выгнать самогонки, ничего не добиться.

Таково, по словам Мокея Иванова, было настроение среди крестьян в Порховском уезде. Вечером я в сопровождении Иванова отправился обратно в Башуры.

В Башурах утром, когда мы пришли, собралось несколько человек крестьян. Крестьяне сообщили мне, что из Латвии пришел Григорий Попенко, от которого они узнали, что мы должны прибыть к ним. Жаловались на продналог, на землемеров, которые, по их понятию, неправильно делили землю. У кого есть самогонка, тому, что надо, отведут, а у кого нет, так тому болото. Обещали мне всем помогать: продовольствием, оружием, людьми.

На следующее утро приехал Серпуховский и Строганов. На общем совете, который состоял из Серпуховского, Строганова, Тронова и меня, было решено, что в том районе, где мы находимся, не делать никаких выступлений. Первое выступление было

назначено днями. Дня через два к нам пришло человек 12 добровольцев. Из них я отобрал восемь или девять человек. Таким образом, у нас состоялся отряд из 14 человек.

Серпуховский был оставлен в Чихачево; ему была поставлена задача легализироваться в Чихачево, а затем по возможности наладить связь с Питером, Москвой и Воронежем. Колчак был отправлен на лечение к своим родным.

После недельной стоянки у Башуров мы собрались и двинулись по направлению к Холму. Перед самым Холмом встретили двух человек, которые сообщили, что Холм на военном положении, что по городу расставлены посты: ждут какую-то банду; без пропусков в город нельзя войти. Перед Холмом остановились на дневку. Переночевали в лесу, верстах в 4-х от Холма. В 11 часов двинулись. К городу подошли совершенно незаметно и прямо группой двинулись по главной улице к мосту. На мосту оказались часовые, которые, увидев нас, бросили винтовки и бросилсь бежать. Мы за ними бегом по мосту и очутились в центре города.

Был второй час ночи. Проходя мимо одного дома, оттуда раздался выстрел. Тронов вбежал туда, навстречу ему несколько красноармейцев из отряда ЧОНа, как потом выяснилось; они схватили его за руку, он вырвался, и в это время в него выстрелили. Я рассыпал цепь перед домом и открыл огонь. Через несколько минут из дома все выбежали, побросав винтовки. Мы двинулись дальше. Освободить тюрьму не удалось; на наши требования открыть – не открыли. Я приказал захватить казначейство. Казначей не оказалось, и таким образом, не имея ключей, посланный туда Тронов сообщил, что деньги находятся в кладовой, которую открыть невозможно.

Начинало рассветать. В это время я узнал, что у нас ранен Строганов легко в ногу навывлет.

По улице к нам начала двигаться цепь. Посланные туда 5 человек разогнали ее, убив одного человека, как потом выяснилось, Владимира, уездного компрода. Уже совсем было светло, когда мы на захваченных подводах двинулись из города. Захваченных пленных милиционеров двух и несколько человек из ЧОНа я приказал отпустить.

В это время, заметив, что мы уезжаем, с пожарной каланчи раздалось по нам несколько залпов. Очевидно, стреляла милиция.

Мы благополучно отъехали версты полторы, и огонь прекратился. Дабы скрыть силу нашего отряда, я приказал все подводы, едущие в Холм, возвращать обратно и присоединять к нашему обозу. Верст через двадцать у нас образовалось подвод пятьдесят, и издали можно было подумать, что движется большой отряд.

Верст через 30 мы приехали в село, где был волисполком, в котором находился телефон. Соединившись с Холмом, я сообщил туда от имени секретаря волисполкома, что на наш волисполком

двигаются какие-то бандиты, и что я прошу у них прислать военный отряд. На это мне ответили, что в городе сегодня у них были какие-то бандиты, но что они отряд вышлют часа через 2 – через 3.

К волисполкому собралась толпа крестьян. Они так же, как и остальные, жаловались на продналог, что у них берут хлеба, а взамен ничего не дают. Узнав, что у них в селе находится кооператив, я приказал раздать все товары крестьянам. Кооператив был разобран в одну минуту.

Пока мы стояли в селе и меняли лошадей, со всех соседних деревень сбежались крестьяне, узнав, что в селе даром раздают мануфактуру, серпы, косы и т.д. Образовалась толпа человек тысяч около двух. Когда мы двинулись, вся эта толпа пошла за нами. Некоторые бросились вперед, зная, что на шестой версте от села есть еще кооператив. По дороге крестьяне все время присоединялись, и таким образом, толпа увеличилась до 3-х – 4-х тысяч.

Дабы обмануть преследование, я распустил слух, что двигаюсь на Осташков. Раздав по дороге крестьянам еще один кооператив, я часть подвод отвел незаметно в лес, а остальные двинул по направлению к Осташкову. Вся толпа бросилась за ними, и таким образом мне удалось дать ложный след нашего направления.

Было решено ехать на Демьянск – уездный город Новгородской губ. Крестьяне везде нас принимали, сразу же давали подводы, тем более, что мы за это расплачивались захваченной в кооперативах мануфактурой. Так что если заказывалось десять подвод, то к назначенному часу собиралось штук пятьдесят.

Всюду слышались жалобы со стороны крестьян на продналог, на землемеров и т.д. Нас они принимали за авангард какой-то армии. В некоторых деревнях просились идти в добровольцы. В одном большом селе пришла делегация и сообщила, что она сможет в нужный момент выставить несколько сот вооруженных, говорили, что кроме пулеметов у них имеются дома и орудия. От всякой помощи, как людьми, так и добровольным продовольствием, отказывались. Такое настроение было в Старо-Русском уезде.

В Демьяновский уезд мы уже въехали под видом красноармейцев. С подводами было гораздо труднее, т.к. расплачиваться ситцем уже нельзя было, дабы не возбудить подозрения. Таким образом, незаметно, дней через 4–5 мы на рассвете подъехали к Демьяновску. Не доезжая 1 версты до города, навстречу нам попала подвода, на которой ехал надзиратель из демьяновской тюрьмы с одним из арестованных. От них мы узнали, что в Демьяновске все спокойно, что из города вчера только выехал отряд к Холму, где, по их сведениям, идет восстание. Узнав от них же, где располагается комендантская команда и милиция, мы так на подводах, предварительно перерезав провод телефона, двинулись прямо к казармам комендантской команды. Было часа 3 утра, и на улицах не было никакого движения. Около казарм часовых не было.

Комендантская команда была захвачена без всякого сопротивления – она вся спала.

После этого я разделил отряд на две партии. Одна часть пошла разоружать милицию, другая – тюрьму. В милиции один милиционер при входе наших выстрелил из винтовки, но не попал, наши открыли огонь, после которого один из милиционерских оказался убитым, а остальные, около десяти человек, сдались.

Тюрьма была захвачена без всякого сопротивления. Взятый нами надзиратель постучался, и ничего не подозревавший часовой открыл.

После этого был захвачен начальник тюрьмы эстонец-коммунист. Я его отправил с двоими из своих людей, чтобы он освободил всех политических заключенных. Он это сразу выполнил и выстроил на дворе тюрьмы заключенных. Я им сообщил, что они свободны и могут идти, куда хотят. Желющие могут взять оружие и присоединиться к отряду. Последних нашлось человек семь. Остальные пошли за ограду тюрьмы и расположились на траве, человек 7–8 пошли по домам.

После этого я пошел в казначейство. Туда же завели арестованных милиционеров и надзирателей из тюрьмы. Они были заключены в местную камеру, находящуюся при казначействе. Начальника тюрьмы под честное слово отпустили с приказом не отходить от казначейства. На нем были надеты кандалы, которые я приказал взять.

К этому времени привели казначея. Он сначала спросил у нас документ, когда я приказал ему выдать все деньги Тронову, но затем, узнав, выдал без сопротивления. Денег было взято около шестнадцати миллионов.

Для захвата военкомата был послан Тронов, он без всяких сопротивлений, захватив двух сторожей-красноармейцев, овладел военкоматом.

В это время на площади собралась громадная толпа, которая под предводительством выпущенных бандитов начала громить кооператив.

В городе мы пробыли часов до 9. Захватили и радиостанцию, и телефонную станцию. От членов местной комячейки я узнал, что из Демьянска только вчера выступил отряд по направлению к Холму, и что ожидается еще отряд со станции №2, находящийся в 30 верстах от Демьянска.

Около 10 часов приказал собраться, и двинулись по дороге на Старую Руссу. Верстах в четырех от Демьянска был задержан неизвестный, у которого нашли две бомбы и наган. На все вопросы он отвечал незнанием. Версты через две был пойман второй. Он объяснил, что он коммунист местной ячейки, и что он с товарищем – указал на первого – послан из отряда ЧОН на разведку. В отряде ЧОН, по его словам, уже знали, что мы движемся к Демьянску.

Первого я приказал расстрелять, второго, отобрав бомбы и револьвер, отпустил, взяв обещание никуда из назначенной мною деревни до вечера не уходить.

Мы благополучно добрались до реки Ловать и за Ловатью для наведения ложных следов отряд был разделен на три части. Одна часть с Мокеем Ивановым для демонстрации пущена на Старую Руссу. Другая – прямо в Порховский уезд в район Чихачево – Плотовец. Я с Троновым, Строгановым и двумя людьми из отряда поехал на заранее назначенное место в район Башурихи.

Придя в свой район, я узнал, что в район Чихачево–Плотовец Городовик прибыли кав[алерийские] части какой-то дивизии из Петрограда. Здесь уже было известно, что были набеги на Холм и на Демьянск.

К этому времени были пойманы несколько человек из участников нашего набега. Был захвачен и Колчак, раненый, в лесу. В нашем районе ходили всевозможные фантастические слухи относительно тех репрессий, которые принимает отряд по отношению к крестьянам. Ходили слухи о том, что разрушают те хозяйства, в которых принимались бандиты. Было разрушено только одно хозяйство.

Ввиду того, что весь район был наводнен войсками, я с 5 человеками (со штабом) перешел на один глухой остров, окруженный со всех сторон болотами. Через несколько дней к нам пришел Серпуховский и сообщил, что всех арестованных отправляют в Петроград. С Колчаком (он видел только Колчака) обращались вежливо. Дали ему чистое белье, доктор сделал ему перевязку.

На собранном заседании, состоявшем из Серпуховского, Тронова, Строганова и меня, было решено, что мы никаких активных выступлений пока делать не будем. Тут же было решено отправить Серпуховского в Москву и Воронеж для возобновления связи с старыми антоновскими организациями, с Союзом трудового крестьянства; другого человека послали в Петроград за продовольствием и патронами. Через неделю после совещания был послан еще один человек в Петроград для связи с Войнюнским, который находился в Петрограде и вел работу по организации НСЗРиС.

Весь июнь мы просидели в лесу, изредка меняя места стоянок. Занимались в это время охотой и верховой ездой.

В конце июня приехал из Москвы Серпуховский. Он сообщил, что воронежская организация сохранилась, что у них имеется где-то спрятанных около пятисот маузеров. Выступать организация не будет до того момента, когда восстание назреет во всероссийском масштабе.

Из Петрограда от Войнюнского никаких сведений не было, т.к. посланного по явке на квартире не приняли. К этому времени удалось наладить периодическую связь с Петроградом для снабжения необходимыми продуктами.

Приблизительно в это время я узнал, что один из наших бандитов, напившись самогонки в одной из деревень, убил парнишку. Пройдя полверсты, лег спать, тут же около деревни. Узнав о случившемся, отец убитого взял топор и убил этого бандита. Два находящиеся с ним, тоже пьяные, несмотря на мое предупреждение о том, что всех пьяных буду расстреливать, не уследили за своим товарищем, допустили это убийство и, боясь, по-видимому, репрессий с моей стороны, бежали в Латвию.

Мы продолжали жить в лесу в палатках. О месте нашего пребывания не знал никто, кроме доверенных крестьян. Однажды к нам зашел крестьянин, который собирал грибы. Он не подозревал о нашем местопребывании и был страшно удивлен и испуган. Пришлось его убеждать, чтобы он не проболтался. Прибегли даже к угрозе, что в случае, если разболтает, то ему не сдобровать. На следующий день он сам прибежал к нам и сообщил, что через их деревню прошел отряд в двенадцать человек.

Узнал я также от местных крестьян, как погибли Баринов и Михайлов. Они были в организации НСЗРиС и весной 1921 года отправились к себе. Михайлов, несмотря на предупреждение своих односельчан, жил у себя на дому вместе с женой. Однажды зимой в 1921 г. он был окружен прибывшим из Пскова отрядом в 6 или 7 человек. На приказание сдаться он залез на чердак, закрыв все двери. Был он очень сильно пьян. Когда красноармейцы стали открывать дверь, он открыл стрельбу и убил двоих. Отряд ушел за подкреплением, а Михайлов в это время сел опять пить самогонку. Приехало 30 человек. Он не сдавался и был убит около своей бани, куда побежал, как только отряд открыл по нем огонь.

Баринов был убит где-то на дороге, когда он возвращался из Пскова. Труп его валялся около трех дней на дороге. Его не приказывали убирать. Это производило неприятное впечатление на крестьян.

В середине августа Серпуховский второй раз поехал в Петроград, Москву и Воронеж. В это время кав[алерийские] части ушли, а из Петрограда было прислано несколько человек агентов из ГПУ для поимки нашего штаба.

В конце августа я, Тронов, Строганов и Мокей Иванов отправились на разведку к ст. Плотовец. Заночевали верстах в четырех от станции. Перед сном хозяин принес нам бутылку самогонки. Выпили и легли спать в риге. Ночью я проснулся от какого-то шума в ушах. Мокей кричал: «Господин полковник, бомбы бросают». Я вскочил и увидел, что окошко, которое было задернуто соломой, открыто, и там кто-то шевелится. Только я успел лечь, как бросили бомбу. Этой бомбой был убит Строганов, а Тронов и Мокей Иванов были ранены. Взяв их под руки, я вышел из сарая. Шагах в ста от сарая двигались какие-то тени, которые на мои слова «лови бандитов», бросились бежать. Оказалось, агенты ОГПУ узнали

про наш ночлег и ночью бросили 16 бомб, из них 4 или 5 взорвались. Думая, что мы убиты и увидя нас живыми, они бросились бежать в одну сторону, мы – в другую. Пришлось возвращаться на стоянку и начать лечить раненых.

В середине сентября переменили стоянку: перешли в Еловецкий лес, кругом окруженный болотами. Единственное сообщение с внешним миром были две кладки через болото: одна 4 вер[сты], другая 3. От Серпуховского никаких сведений не было. Впоследствии оказалось, что он приехал в Чикачево, где ему сообщили, что я убит в сарае бомбой. Не проверив слухов, он сел в поезд и поехал обратно в Петроград. К этому времени деньги у нас уже кончились. Серпуховский, посланный узнать об этом, не возвращался. Я решил устроить нападение на поезд между Петроградом и Витебском. Для этого собрал всех людей вместе в Еловецком лесу. Всего собралось девять человек.

Место нападения было выбрано полустанок.... Петроградский почтовый поезд приходил туда около двух часов ночи и стоял одну минуту. Налет был совершен в двадцатых числах сентября. Придя к станции, мы скрытно, не обнаружив себя, расположились у места остановки паровоза. Ровно в 2 часа подошел поезд. Согласно плану пять человек влезло в паровоз, остальные пошли со мной и с захваченным кондуктором отцепить от поезда три первых вагона. В это время ничего не подозревавший начальник станции дал свисток. Паровоз ответил. Второй – тоже. Начальник станции подошел вместе с частью бригады к паровозу, где был захвачен и посажен на площадку первого вагона вместе с пришедшими кондукторами. Проехав три версты от полустанка, я приказал остановиться. Оставив часовых у выходов вагона, я подошел у почтовому вагону и потребовал открыть. На это требование оттуда раздалось несколько револьверных выстрелов. Наши ответили, и вагон сразу открыли. В вагоне была захвачена вся денежная корреспонденция, около шести миллиардов.

После этого, проверив документы у пассажиров и отобрав у одного из них, который оказался заведующим госспиртом, документы и печать, я приказал ехать паровозу к ст. Бежанцы, а сам, обойдя полустанок Ашеву, где стояли отцепленные вагоны, двинулся по железнодорожному пути к Чикачеву.

Вернувшись на стоянку, я узнал, что в Ашеву приезжал отряд в пятьдесят человек со станции Дно под начальством Михайлова, того самого, который был со мной в Белоруссии. Ничего не найдя, отряд вернулся обратно на следующий день.

В день возвращения нашего на стоянку вдруг приехал Серпуховский. Он рассказал, что около Старой Руссы его чуть не арестовали, и он спасся только благодаря тому, что выпрыгнул из вагона. В Москве он был, но тех связей, о которых он думал, ему не удалось наладить. Рассказал, что в Москве совершенно свободно

можно жить в гостинице, документы не спрашивали; только плати хорошо. В Петрограде он завязал кое-какие связи с железнодорожниками, которые ему обещали сообщать все нужные сведения. В Воронеж он ездил с целью узнать относительно невесты своего варшавского знакомого, некоего Войцеховского.

Войцеховский в деникинской армии состоял в конвое Марии Федоровны – матери Николая II. В Крыму Войцеховский познакомился с некоей Ульянищевой – дочерью богатого воронежского помещика. Во время взятия Крыма Красной армией Войцеховский бежал в Армавир, а Ульянищева, которая сделалась его невестой за время пребывания в Крыму, уехала к себе в Воронеж к брату, который находился на советской службе. Войцеховский с Кавказа, как польский репатриант, вернулся в Варшаву, где познакомился через меня с Серпуховским, которого и просил привезти ему невесту. Оказалось, что она изменила своему жениху и была замужем за каким-то советским служащим. Все это Серпуховский узнал от прислуги Ульянищевой, боясь прийти к самой.

В последних числах сентября ввиду наступающих морозов было решено отправиться в Польшу. Я должен был ехать в Париж, в наш Центр, и узнать, каково положение нашего ЦК и вообще всей организации. За границу отправились двумя группами. Одна группа: Серпуховский, Тронов, Машнин, Паненко и я – по железной дороге, другая – походным порядком под началом Мокея Иванова. Один остался зимовать дома. Наша группа села в поезд на ст. Бежанцы и благополучно добралась до Невеля. В Невеле как раз происходила ликвидация бандита Воробья, т.е. весь город был набит войсками. Чтобы не возбуждать подозрения, мы разошлись, назначив место сбора у Полоцкого вокзала. В назначенный час я встретил там одного Серпуховского. Тронова и Паненко не было. У нас было условлено, что если не удастся добраться до вокзала, то новое место сбора – на двадцать пятой версте, Невель-Полоцк, на полотне желез[ной] дороги. Серпуховский пошел искать Тронова, я же с Машниным вернулся в город, и только на следующий день утром, не найдя Серпуховского, сел на поезд и поехал в Полоцк. На первой станции от Невеля, как раз на 25 версте, я встретил Серпуховского. Он нашел Тронова, который с Паненкой сидели в кустах около семафора на 25 версте. Я приказал Серпуховскому ехать со мной. Мы благополучно доехали до Полоцка, а там перебрались через Двину на лодке, в ту же ночь перешли польскую границу. Это было в первых числах октября. Тронов приехал в Варшаву приблизительно через неделю после нас.

В Варшаве во главе организации стоял Д. Философов. Я передал ему все материалы, привезенные из России, просил его достать мне заграничный паспорт. Я собирался ехать в Париж к Б. Савинкову. Через неделю у меня уже был паспорт со всеми визами.

В это время приехал мой брат из Риги, и я ему предложил ехать вместе в Париж. Он согласился. Перед отъездом из Варшавы я встретился с братьями Балаховичами.

Старший Балахович в то время служил по выборам в Сейм, ездил по Белоруссии с Крессом и собирал голоса за Пилсудского. Выборы эти, по словам Балаховича, были довольно оригинальны. Он возил с собой несколько человек из партизан своей бывшей армии. В городах, где он выступал, в случае демонстраций против его выступлений эти бандиты тут же, на месте произнесения речей, избивали своих политических противников. «Таким образом», хвастал Балахович, – «они ничего не могли со мной сделать, и везде, где я выступал, проходили наши выборные».

Вечером как-то я встретил младшего Балаховича на главной улице Варшавы – «Новый Свет». Он был в каком-то таинственном настроении. Оказывается, собирается ехать в Россию. Он связался с атаманом Воробьем, который прислал ему письмо с местом назначения свидания в Витебской губ[ернии]. Он собрал двадцать человек, и вот на днях выступает. Я ему объяснил, что Воробей в Невеле, уже недели две, как сдался сов[етской] власти. В тот вечер, гуляя вместе с ним, я встретил старшего Балаховича, который предложил поехать вместе поужинать. За ужином бывший главком, как кажется, изрядно выпив, расхвастался о своей большой роли. Он все может. Если мне нужны иностранные паспорта, документы для людей и т.д., все это можно устроить, и концессию на торговлю вином в пограничном районе. Я поблагодарил и сказал, что торговать водкой пока не собираюсь.

Ночью, когда в одном кабаке стало уже скучно, поехали в загородный ресторан. Присоединился к нам и Серпуховский. Балахович потребовал шампанского. Вместе со мной был портфель, в котором был паспорт и несколько писем. Младший Балахович спросил, что в этом портфеле. Я сказал, что деньги. В этот момент как раз вышел Серпуховский из кабинета. Балахович-младший, видя, что я занят разговором со старшим, незаметно взял портфель и направился из кабинета. Я заметил, дал ему выйти, и за дверьми догнал его и спросил, куда он несет портфель. Он страшно смутился, передал мне портфель, после чего пьянство продолжилось, и только часа в 4 разъехались по домам, с таким видом, как будто бы ничего особенного не случилось.

Через неделю после прихода Тронова вернулся Мокей Иванов вместе с остальными бандитами...

Осень 1923 г.

Н-1791. Т. 28. Л. 104–123. Рукопись.

¹ Так в тексте документа.

**Протокол допроса
Кошелева Дмитрия Васильевича**

Гор. Москва, 2 января 1923 г.
Отдел Контрразведывательный.

Показание по существу дела.

Вопрос. *Когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Б.В. Савинковым?*

Ответ. После ликвидации дивизиона я приехал из Москвы в Новочеркасск, где полковник Лисовой бывш[ий] на[чальник] шта[ба] див[изии] 28 поместил меня на жительство в общежитие №2 по Барочной ул. По вечерам комендант этого общежития полковник Вагнер обычно приглашал в свою комнату 5–6 человек пить чай, на одном из этих чаев, туда пришел вместе с Флегонтом Клепиковым Борис Савинков, с которым меня познакомили. Савинков носился в то время с идеей массового террора по отношению сторонников соввласти. Генералы, не доверявшие ему ни в чем и не знавшие, как его сплавить с Дона, так как он имел много сторонников среди тогдашнего левого крыла добрармии, дали ему право выбрать несколько десятков человек – охотников для организации под его начальством дружины террористов.

Вопрос. *Когда и зачем Савинков поехал в Москву?*

Ответ. Насколько помню, Савинков поехал в Москву один в конце первой половины января 1919 г., оставив для связи в Новочеркасске Флегонта Клепикова, со специальным поручением от генералов связать все белые организации, находящиеся в Москве и Петрограде, организовать отправку юнкеров и офицеров на Дон и со строгим запрещением предпринимать какие бы то ни было самостоятельные шаги; в последнем Савинков дал торжественное обещание, которое он впоследствии не сдержал. Для наблюдения за действиями Савинкова в центре России были посланы специальные люди в лице полковника Перхурова и штабс-капитана Кувшинникова Василия Федоровича. Перхуров очень быстро сделался савинковцем (убежденным). Он вместо того, чтобы сдерживать Савинкова, принял должность его начштаба, я в то время был на Дону; в конце января я выехал в Москву по поручению Особого совещания, как подручный полковника Страдцкого, который имел специальное полномочие поступать в центре России от имени генерала Корнилова по своему усмотрению. Вторично с Савинковым я встречался в Москве; первый раз, когда он ночевал у меня в Мясницких номерах, тогда я его даже не узнал ввиду того, что он был загримирован, а затем вечером как-то за мной был прислан Флегонт Клепиков, который и проводил меня на квартиру содержателя гостиницы «Юпитер» по Соболев[скому]

пер[еулку] (на Сретенке). Сын содержателя гостиницы был старый савинковский приверженец и там, на совещании, присутствовали: Перхуров, Страдецкий, Флегонт [Клепиков], Новиков и Савинков. С первых же слов стало очевидным, что Савинков своих обещаний не сдержит и желает самостоятельно действовать. Страдецкий категорически отказался поддержать Бориса Викторовича силою своих полномочий, а Перхуров объявил, что теперь не время рассуждать, а время действовать; о том, кто въедет в Москву на белом коне, будем сталкиваться позднее. Собрание продолжалось более трех часов, после чего все разошлись. На улице Страдецкий сказал мне, что он пошлет курьера с извещением, что Савинков желает играть в Москве первую скрипку, чтобы генерал Корнилов издал бы приказ о неподчинении Савинкову офицеров и юнкеров.

Показания записаны с моих слов
и мною прочитаны. *Д. Кошелев.*

Допросил нач[альник] 2-го отд[еления] КРО *Гендин.*

*Н-1791. Т. 66. Л. 28–29. Машинописная копия
приложена к делу 24 августа 1924 г.*

79

Выписка из показания Свежевского Виктора Ивановича

5 сентября 1924 года

Приблизительно в середине июня 1921 г. я написал письмо Б.В. Савинкову с предложением поступить к нему на службу. В это же приблизительно время в лагерь Торн прибыл б[ывший] полковник Гончаров, командированный Савинковым для вербования членов «Защиты Родины и свободы» и организации «пятерок». Гончаров мне сообщил, что Б.В. Савинков вызывает меня в Варшаву.

По приезде в Варшаву я явился к Б.В. Савинкову, который мне сказал, что передал мое письмо Гнилорыбову, к которому и просил меня зайти для переговоров. У Б[ориса] В[икторовича] я встретился с его братом Виктором Викторовичем, который просил меня зайти к нему после переговоров с Гнилорыбовым.

В своем письме к Б.В. Савинкову я указывал на возможность использовать меня орудием для производства террористического акта.

Беря на себя подобное поручение, я имел целью не выполнение его, а лишь воспользоваться им, как средством для самоуничтожения, но это обстоятельство я не говорил ни Гнилорыбову, ни Савинкову.

Гнилорыбов, состоявший начальником террористического отделения, мне говорил следующее:

1) раз я взял на себя обязательство, то должен его выполнить и при этом указал мне на Ленина;

2) ему все равно, из каких побуждений я беру на себя настоящее поручение;

3) ему не важно быстрое выполнение террористического акта, а гораздо важнее, чтобы я остался в Москве резидентом;

4) в случае моей измены я должен помнить, что меня найдут, хотя бы на морском дне, что даже Ленин и Троцкий пусть не боятся царских генералов, но «нас» они всегда будут опасаться.

Для поездки в Москву я получил от Гнилорыбова документы (советские) и два аттестата на денежное и приварочное довольствие.

После Гнилорыбова я виделся опять с Виктором В[икторовичем] Савинковым, который мне указал адрес Липеровской в Москве, на случай, если мне негде будет остановиться в Москве. При этом он мне сказал, что мог бы предоставить мне и более удобное помещение в Москве, но, что лучше, если я пока не буду бывать у его резидентов. Кроме того, он мне рекомендовал вообще поменьше иметь при себе каких бы то ни было записок и писем, но что, если мне обязательно потребуется отправить письмо в Варшаву, то опять таки, я смогу это устроить через Липеровскую.

Перед своим отъездом из Варшавы, я, по приглашению Б.В. Савинкова опять был у него. При этом, я имел с ним длительную беседу о предстоящей моей поездке, при чем он мне старался внушить приемы конспиративного характера.

Затем он мне сказал, чтобы я не торопился. Первые две недели, а то и месяц, я должен был употребить на изучение жизни в Кремле, какие нужно иметь пропуска, где бывают заседания Совнаркома и т. д. Затем я должен был подыскать в Москве какого-нибудь офицера-курьера в Варшаву, с указанием своего адреса и с извещением о ходе работы и наблюдения, при чем я не должен был открывать этому курьеру конечную цель своего пребывания в Москве. По получении от меня известия мне из Варшавы должны были бы выслать деньги и указания о дальнейшей работе. В случае невозможности выполнить террористический акт, я должен был собрать всевозможными способами сведения, могущие быть полезными, такие, как состояние армии, вооружение, состояние материальной части, запасы, пополнения, настроения в армии и населении, местонахождение штабов и пр.

С подлинным верно

**Протокол допроса
Павловского Сергея Эдуардовича**

21 сентября 1923 года

Примерно, в августе—сентябре 1917 г. я служил во 2-ом Павлоградском полку на должности ст[аршего] офицера эскадрона. В это время началось разложение царской армии и появилось выборное начало в армии. Так как я был противником выборного начала, я решил уйти из армии и приехал в г. Новгород, где жили мои родные.

С началом белого движения, я, как сторонник такового, решил переехать во вновь формировавшуюся Северо-западную армию и прибыл в г. Псков в октябре 1918 г. Явившись в штаб, я записался в армию и был назначен военным приставом г. Пскова, где, пробыв несколько дней, и будучи в принципе несогласным с этой должностью, я попросил своего перевода в строевую часть и был назначен рядовым в одну из рот. Когда армия стала отступать от Пскова, я вышел из армии и находился в г. Риге. Из Риги я бежал к эстонцам, где просидел в тюрьме 3½ мес[яца], будучи обвиненным в коммунизме. Мотивировали они это обвинение в силу того обстоятельства, что я находился в Риге в период пребывания там сов[етской] власти. По освобождении из тюрьмы, я прибыл в штаб генерала Родзянко, откуда был назначен в отряд подполковника Балаховича. С этим отрядом я находился вплоть до занятия им г. Пскова, сперва в качестве рядового, а затем я был назначен начальником сводного отряда, состоявшего из кавалерии и пехоты. Пробыв в Пскове примерно около 3—4 дней, я был назначен представителем Северо-западной армии в г. Ковно, где я пробыл около 2 месяцев. Когда я вернулся в г. Псков по вызову генерала Юденича, в это время начались трения между генералами Юденичем и Балаховичем на почве желания каждого из них взять верховную власть в свои руки. Во время этих трений я снова попал в тюрьму по распоряжению генерала Юденича, как сторонник Балаховича. В тюрьме я пробыл около 3-х месяцев и затем бежал из тюрьмы в Эстонию. Прибыв в г. Юрьев в 1919 г. зимой, я попал в отряд Балаховича и с этим отрядом в должности командира б[атальо]на пробыл вплоть до ликвидации этой армии. Как раз в это время по распоряжению Балаховича должен был быть арестован Юденич. Арестовывать его поехали ген[ерал] Балахович, ротмистр Галкин, капитан Смирнов, я и еще несколько человек. Прибыли мы в г. Ревель. Через день по прибытии нашем в Ревель я и поручик Савельев были арестованы эстонцами, узнавшими цель нашего приезда, а генерал Юденич был арестован Балаховичем и доведен до мест[ечка] Тайс, куда прибыла английская военная миссия, освободившая Юденича, а Балахович вместе с остальными офицерами

бежал в свой отряд в Мариенбург, откуда он эвакуировался в Польшу; я же вместе с пор[учиком] Савельевым был заключен в лагерь Алек. Пробыв в лагере 7½ месяцев, я бежал вместе с капитаном Савельевым и 8-ю коммунистами, сидевшими в лагере; я – в сторону Ревеля, а они – в советскую миссию. Придя в г. Юрьев, где я пробыл один день, я перебрался в Ригу в 1920 г. летом. В Риге я встретился с полковником, бывшим в то время представителем от русской армии в Польше. По его распоряжению я был эвакуирован в Варшаву в распоряжение штаба армии. По прибытии в Варшаву я был назначен в Народно-добровольческую армию генералом Балаховичем на должность начальника группы и через три дня отбыл на фронт в мест[ечко] Владав. Пробыв во Владаве 1 ночь, я пошел вместе с наступающей армией. После взятия мною деревни (названия не помню) я был отозван из группы и получил назначение к[оманди]ра полка. Вскоре после этого началось наступление на Пинск, где был [расположен] штаб Красной армии, вернее говоря, имущество и все учреждения штаба. Из Пинска армия пошла в наступление в район Давид – Городок – Туров, и я был назначен н[ачальни]ком авангарда. Красная армия отступила, и мы продвинулись до мест[ечка] Турова. Сзади нас шла польская армия, которая, дойдя до линии Турова, остановилась. В Турове мы тоже остановились, и началось переформирование армии. Из Турова я уехал в Пинск и хотел ехать в Варшаву, в отпуск. В вагоне познакомился с Борисом Викторовичем Савинковым, ехавшим на фронт. Савинков вернул меня обратно в Пинск, говоря, что теперь не время ехать в отпуск, что армия в скором времени перейдет в наступление. Им же было приказано через ген[ерал] Балаховича отбыть в Туров, где ждать дальнейших приказаний штаба армии. Через 2 дня по моем прибытии в Туров прибыли Балахович и Савинков. Армия к тому времени закончила свое переформирование и в скором времени перешла в наступление по направлению Мозырь – Речица. Я был назначен начальником правой группы осенью 1920 г., в ноябре месяце. С одним боем мы продвинулись до г. Мозыря. Савинков тоже находился с моей группой, вплоть до Мозыря. Не доходя до Мозыря, нами было взято до 500 пленных, из которых тут же, на месте, был сформирован Мозырский полк с прежним составом. Пробыв в должности начальника группы до занятия Речицы, мы были окружены 4 и 16 Красными армиями и, потеряв 1 пушку и до 800 человек из 2½ тысяч, мы пробившись к польской границе, где и были интернированы. Вместе со всей группой я был помещен в лагерь Радом, где я заболел тифом, а по выздоровлении поехал в г. Варшаву, удрав из лагеря. Приехав в Варшаву, я явился в русский политический комитет, помещавшийся в отеле «Брюль» где меня Борис направил к Виктору Савинкову, занимавшему в то время должность начальника Информационного бюро СЗРиС. Я явился к Виктору и заявил, что хочу ехать в Ригу, домой. Он мне заявил, что борьба не прекращается, и уговорил меня остаться в Варшаве.

Ввиду того, что я видел, что в Варшаве никакой борьбы, кроме пьянства, со стороны членов СЗРиС не ведется, я попросил об отправке меня в Россию для работы. Виктор Викторович Савинков сказал, что пока еще рано это делать, и назначил меня инспектором пограничных пунктов в районе мест[ечка] Столбцов. Работа моя заключалась в инспектировании пункта в Столбцах. Когда я приехал в Столбцы, я застал там полковника Павлова и поручика Орлова, которых я препроводил в Варшаву в распоряжение Инфбюро, ввиду того, что они слишком пьянствовали в Столбцах, а я собрал на границе отряд из белорусских партизан и с этим отрядом численностью 35 человек при 5 винтовках двинулся по направлению к Игумену. Перейдя польскую границу с разрешения польских властей в лице местной экспозитуры, недели через полторы я достиг район Игумена, где связался с городской и деревенской организациями, возглавляемыми Шилинским, перешедшим впоследствии на сторону поляков (в начале лета 21 г.). По донесениям Шилинского я узнал, что в городе находится организация в размере 70 чел., к западу от гор. Игумена находится крестьянская организация, связанная с городской, около 4000 чел. Мною был послан в ЦК запрос, какие шаги я должен принять в дальнейшем. Мне прислали папирос, но инструкций никаких не было прислано. Мною были посланы 2 человека в Гомель по явке Оперпута-Уп[ельница]. Они благополучно добрались до г. Гомеля, но, когда подошли к квартире, их какая-то девочка предупредила, что на днях тут были произведены аресты, и чтоб они скорей уезжали, иначе их арестуют. Они вернулись на станцию и, проехав одну станцию от Гомеля, были задержаны, но бежали и, каждый порознь, прибыли в Игумен. В это время организация в Игумене начала нервировать, и ко мне сыпались запросы, что делать. Отряд просуществовал на средства, вырученные от захваченной на ст. Гродзянко соли в количестве 3000 пудов (летом 1921 г.). Одновременно отрядом был произведен набег на артиллерийскую бригаду: я с отрядом в числе 18 человек вошли в деревню ночью и стали выгонять красноармейцев из изб, тут же раздавая им прокламации, и набрали нужное оружие. Таким образом нами было обезоружено около 400 человек. Все они были оставлены в деревне. Вскоре произошло замешательство между бежавшими, и открылась орудийная стрельба. Я с отрядом пошел в лес. Мною была послана вторичная разведка в Польшу, но курьеры были пойманы, и связи восстановить не удалось, вплоть до того момента, когда я сам лично пошел за границу (приблизительно в июле м[еся]це). Оговариваясь, после переезда нами границы был произведен налет на ст. Осиповичи, где был обезоружен крас[асн]ый пост на мосту (7 винтовок), а все красармейцы были отпущены. За границей я узнал, что организация Опер[пута]-Уп[ельница] провалилась, и что созвано заседание штаба СЗРиС, где было решено продолжать восстание. Пробыв 2 недели в Варшаве, в мое распоряжение придали еще 100 человек, которые выступили в Россию за неделю до моего отъезда туда под командой пор[учика]

Михайлова. Через неделю по отбытии отряда я приехал в мест[ечко] Столбцы, где застал уже свой отряд во главе с Троновым (отряд вернулся обратно в Россию). Я набрал добровольцев 18 человек и двинулся вместе с ними в район Игумена. В числе их был Жилинский, Иванов Арх[ип], Шешеня, Ирманов, Прудниковы, Михневич, Романовский. В районе мест[ечка] Шацка мною задержан был обоз, отобрали нужное продовольствие, а всех обозников обезоружили и, доехав на подводах до реки Птич, перешли реку по сгоревшему мосту. Расположились от П[тичи] приблизительно в 1 версте.

Придя в район дер. Дуброво, мы расположились на ночлег. Настроение крестьян уже сильно изменилось не в нашу пользу. Крестьяне неохотно принимали, и, по-видимому, были терроризированы. Утром в районе дер. Дуброво отрядом была задержана чрезвычайная комиссия по борьбе с бандитизмом. Был собран военно-полевой суд из Шешени, Ирманова и др., который приговорил 2-х из задержанных 6-ти чекистов к расстрелу, а остальных отпустили, ввиду того, что они оказались, по нашему мнению, невиновными. Виновность расстрелянных, по нашему мнению, заключалась в том, что они были особо яркими противниками бандитов и им сочувствующих. Приговор был утвержден мною, как начальником отряда, и они были расстреляны Прудниковым и Михневичем. После этого мы пошли по направлению к ст. Гродзянко, где Прудников с 5 человеками отделились от моего отряда и пошел в Горецкий уезд Смоленской губернии на соединение с частью отряда Прудникова, находившейся под командой Данила Яковлевича Иванова, а я с остальным отрядом пошел по направлению к границе, т[ак] как увидел, что из нашего дела на сей раз ничего не выйдет, ввиду оппозиции к нам крестьянского населения.

Примерно в конце августа или в начале сентября мы вернулись обратно в Польшу. Оговариваюсь, что на обратном пути у нас была стычка с Красной армией (заставой), во время перестрелки с которой были ли убитые или нет – не помню. Отряд по прибытии в Польшу был направлен в лагерь, а я с Шешеней, Михневичем, Пономаревым, Пановым прибыли в Варшаву. В это время в Варшаве я увидел, что все восстания, устраиваемые СЗРиС были – одна фикция. Я был назначен пом[ощником] нач[альника] штаба СЗРиС. В это время в Варшаву съехались все н[ачальни]ки пунктов и было постановлено ЦК временно приостановить посылку людей в Россию ввиду очевидности неудачи работ в Белоруссии.

Когда я ехал из Столбцов в Варшаву, со мной вместе ехал полковник Эрдман; последнему было поручено поднять восстание в Витебской губернии. Он пробился с отрядом верст 20 до границы и, бросив оружие и партизан, удрал в Варшаву. На меня он произвел впечатление человека ненормального. Знаю, что через 3 дня после своего прибытия в Варшаву он отбыл в Данциг.

В Варшаве я застал Виктора Савинкова, Философова, а Борис Викторович и Дикгоф-Деренталь были в Париже. В это время узнал, что поляки намерены выслать Савинковых и Деренталья, Мягкова, Рудина, Гнилорыбова, Ульяницкого за границу за какие-то, якобы, 10 000 000 р. золотом, которые им должно было уплатить правительство РСФСР. В скором времени из Парижа вместе с Деренталем прилетел Борис Савинков. Он всячески успокаивал организацию и говорил, чтобы все были спокойны, что ничего не случится. В это время я был назначен начальником штаба вместо Виктора Савинкова, так как все указанные выше лица были высланы поляками в Прагу. Я провожал Бориса Савинкова до чешской границы. Вести все дела организации было поручено Евгению Сергеевичу Шевченко.

За время моего пребывания на должности начальника штаба были отправлены в Россию для работы следующие лица:

1. Денисов, осенью 1921 г., из казаков Донобласти, подъесаул, убыл в Донобласть с заданием разведывательного характера и в связи с левыми эсерами юга. О дальнейшем знаю, что он вернулся в Варшаву с каким-то левым эсером в 1922 г. в сентябре месяце. Приметы его: высокого роста, голубые глаза, блондин, борода бритая, лет 30, прямой нос. Насколько мне известно, они оба в конце сентября уехали снова в Россию, кажется, в Донобласть.

2. Зимой 1922 г. выехал в Москву с явкой к Хаджи – есаул Гулин, по явке, данной ему женой Виктора Викторовича.

3. В 20 или 21 г. (точно не помню) В. Савинковым был послан в Херсонскую губернию украинец (фамилии не помню, начинается на «Б») с заданием организации ячеек по линии южных железных дорог. Спустя год с лишним он вернулся обратно. Он привез и передал мне карту, указыв[авшую на] сорганизов[анность] железн[одорожных] ячеек, и воззвания от этих железнодорожников. По его словам, работа на месте прошла довольно удачно, и было сорганизовано много ячеек (по карте могу указать районы). Он перешел в распоряжение Шевченко, каковым был направлен в Украинский лагерь; куда он девался затем, мне совершенно не известно.

Со слов полк[овника] Серпуховского, в Москве в казачьей секции ВЦИКа, кажется, секретарь этой секции (бывший сотник, казачий офицер) является представителем антоновской организации, и с ним предполагали связаться через Гулина.

Начальником Оперативного отделения при мне был Михаил Яковлевич капитан Росселевич, который ведал оперативной работой всей организации, в частности, составлял сводки о работе союза, вел разведывательную работу на территории России через лиц, посылаемых штабом. Борис Савинков относился к нему отрицательно, считая его за чиновника; то же самое и Виктор Викторович. Я считал его за хорошего офицера генштаба и вообще, по-моему,

он был человеком искренним. Почти все работники, отправлявшиеся в Россию, получали от него задания разведывательного характера и, таким образом, должны быть ему известны.

Начальником организационного отдела был Сергей Иванович Жарин. На нем много останавливаться нечего, так как он был человеком незначительным.

Начальником пограничного отдела был Клементьев. Он работал с Борисом Викторовичем еще в 1918 г. в Ярославле и после прибытия в Польшу, куда он бежал из Совроссии в 1920 г., получил это назначение. Отдел, которым он заведовал, делился на районы. Один район – северный – подчинялся Орленникову, а другой – южный – Гомалицкому.

Комендантом НСЗРиС был Марков – капитан, бывший начальник штаба дивизии армии Бредова. он тоже из себя не представляет ничего интересного.

Зав[едующий] хоз[яйственной] частью – полковник Брандт – бывший к[оманди]р дивизиона «Учр[едительного] собрания».

Моим адъютантом был капитан Смольяников, прибывший к нам из Врангелевской армии.

Начальником всего Информационного бюро был Евгений Сергеевич Шевченко, быв[ший] член Одесского окружного суда, действ[ительный] статский советник. О нем можно сказать, что он очень исполнительный, постоянно боится ответственности, не имеет своей инициативы, любит из себя корчить начальство, любит выпить, после чего становится болтлив, любит женщин, с чужим пить не пойдет.

В период моего пребывания на должности начальника штаба никакой особенной работы Е.С. [Шевченко] не вел, за исключением приезда из России полковника Серпуховского. На этой личности следует остановиться более подробно. Серпуховский Петр Иванович – бывший полковник, донской казак, кавалерист. В старой армии он служил в донских казачьих частях. В 1921 г. он был помощником командующего 2-й армией Антонова. После разгрома армии Антонова он с 36 всадниками пробился через всю Россию и пришел к польской границе, оставил своих людей, а сам приехал в Варшаву и явился ко мне. Им мне был сделан полный доклад об антисоветском движении, после чего он был оставлен при штабе, вплоть до моего третьего похода в Россию.

Весной 1922 г. в мае месяце я с 5 партизанами, а именно 1) Михей Григорьев, кличка Колчак, 2) поручик Строганов, 3) поручик Ефремов, 4) полковник Серпуховский и 5) партизан – фамилии не помню, 6) вахмистр Машнин – мой ординарец – с ведома 2 отдела Польгенштаба, по распоряжению Бориса Викторовича Савинкова пошли в Россию, в район Пскова, где мы должны были произвести разведку и организовать повстанческие отряды. Перейдя границу 22 мая, мы отошли от границы и прибыли через две недели в район Орши без всяких приключений. Мне было

известно от Курковского, находящегося в Польше, что в районе ст. Орша в месте, указанном на [карте], переданной им мне, зарыто комендантом ст. Орша в 1918 г. 6 пудов золота, захваченного им после Брестского договора при перевозке золота из России в Германию. Придя на указанное место, (я нашел его по [карте] и сделал расклейку), но никакого золота не нашел. Впоследствии я узнал, что за неделю до нашего появления из Москвы приезжал какой-то отряд, окруживший все это место и ждавший кого-то, кто должен был приехать из-за границы за этим золотом. Не дождавшись никого, отряд уехал обратно в Москву.

Пройдя Оршу, через которую прошли я с Серпуховским, а остальные обошли ее около мест[ечка] Дубровна, мы подошли за Витебск, за мест[ечком] Заранш, где вошли в Волисполком с целью экса. Войдя в Волисполком, мы наткнулись на сопротивление, после чего председатель Волисполкома был мною убит из револьвера, там же убит еще один представитель Волисполкома. Забрав 500 миллионов денег, забрав чистые бланки с печатями, учетные карточки и приказав им выдать крестьянам расписки в получении от них продналога, гужналога, мы, пробыв всего 15 минут, ушли по направлению к Неволю. Под Новосокольниками нас стала нагонять какая-то воинская часть, обстрелявшая нас, на что мы отвечали тоже стрельбой. У нас был ранен Колчак в ногу. После этого мы без дальнейших приключений добрались до Псковской губернии. Около дер. Бошурш, Покровского уезда, в лесу я встретился с Мокеем Ивановым, местным представителем партизан, известным мне еще по армии Балаховича. К Мокею Иванову нас привел Колчак, великолепно знавший эту местность. Мокей Иванов привел еще 4 человек бандитов – Мишу Левицкого, Пиму, Тереху и четвертого – фамилии не помню (хромой, на костыле).

Таким образом, нас собралось всего 14 человек, т.к. Мокей впоследствии привел еще 5 человек. Оговариваясь, что вместе с нами из Польши пришел капитан Тронов. На совещании нашего штаба, состоящего из меня как ком[андира] отряда, Тронова, нач[альника] штаба, Строгонова с Серпуховским, было решено взять город Холм Псковской губернии. Пошли все вместе по направлению к Холму.

От местных крестьян узнали, что в Холме находится около 500 человек отряда ЧОН. Когда мы вошли в г. Холм в 12 ч. ночи, на мосту нас заметил пост, но, увидевши, бросился бежать. Мы бросились за ним и ворвались в центр города. В это время из дома стали выбегать чоновцы. После небольшой перестрелки город был занят. Мы пытались захватить казначейство, но ввиду того, что нам это не удалось, двинулись по направлению к гор. Осташкову. По дороге к Осташкову раздали крестьянам 4 ограбленных нами кооператива и, не доезжая верст 60 до г. Осташкова, свернули по направлению к Демьянску. К Демьянску мы подошли на рассвете (июнь 1922 года) и сразу же разоружили местную комендантскую роту, захватили казначейство, выпустили тюрьму. Также нами был

разгромлен местный военкомат, захвачена радиостанция и сделано нападение на милицию, где был убит один милиционер. Пробыв в городе часа три, мы больше ничего не делали, мы ушли в направлении гор. Старая Русса. Идя по направлению к Старой Руссе, мы вернулись на прежнюю стоянку, так как считали поход законченным, ввиду того, что деньги у нас уже были, так как в Демьянске мы забрали 16 миллиардов рублей совзнаками. Раздав бандитам по 150 миллионов рублей, часть из нас под командой Мокея направилась в Ст[арую] Руссу, а я с остальной частью отряда пошел в Порховск[ой] уезд. В Порховском уезде мы просидели в Едоветском лесу около мес[яца], не предпринимая никаких выступлений. Серпуховский устроился в тресте (льняном) и жил у Якова Грибановского. Серпуховский несколько раз ездил в Москву, Воронеж и Петроград. В Воронеже он узнал, что организ[ации] не существует, но что еще остались зарытыми 500 маузеров, о чем ему известно от человека, который знает место, где они зарыты. В Петрограде он связался с каким-то станционным смотрителем, о котором он сказал, как о своем человеке, а в Москве ночевал у какой-то спекулянтки. В августе 22 г. в одну из ночей, когда я находился вместе с другими в риге, на меня было произведено нападение агентов ГПУ в числе 9 человек, было брошено 16 бомб, коими Строганов был убит на месте, а Мокей Иванов и Тронов ранены. Я лично, взяв их под руки, вышел из риги с криком «лови бандитов». После этого агенты разбежались, мы дошли до лесу, где перевязали раненых и вернулись в лагерь (в лесу).

Приблизительно через неделю после этого из Петрограда вернулся Серпуховский и вскоре выехал в Москву. В это время с отрядом в 9 человек был совершен набег на полуст[анке] Ошево на поезд (почтовый). Нами были отцеплены 2 вагона и с паровозом отправлены к ст. Бежанцы, при чем были забраны деньги около 6 миллиардов. При налете была перестрелка, но убитых не было. По прибытии вернулись на свою базу. Через неделю после этого вернулся Серпуховский, и мы решили возвратиться за границу. Для этого я, Тронов, Серпуховский, Машнин и Гришка (племянник «Колчака») проехали поездом от ст. Бежанцы до Невеля, а Мокей Иванов с остальными пешком перешел границу. Мы же, в свою очередь, с Невеля свернули до Полоцка, а затем также перешли границу. Возвратившись в Польшу, я пробыл там около 9 дней и отправился в Париж (конец октября 22 г.). В Париже я встретил Сиднея Рейли, англичанина, с которым уже был знаком в Варшаве. С. Рейли был до революции и во время революции при англ[ийском] посольстве в Петрограде. По-видимому, имел какую-то связь с убийством Урицкого, как видно из его слов. Обладал неограниченными средствами, несколько раз был крупным финансистом и несколько раз разорялся. Очень жалел, что не был знаком с Б. Савинковым до Ярославского восстания, т.к. мог снабдить бы крупной суммой, что Савинкову в тот момент было крайне необходимо. Между прочим, он, Рейли, в последнее время женился

в Лондоне (три мес[яца] назад) на американке, английского воспитания, но имеющей обширные связи в Америке. В Варшаву приезжал, как я думаю, только по торговым делам, но имел несколько деловых свиданий с Б[орисом] Викт[оровичем] С[авинковым]. Насколько мне известно, он имел коммиссионную контору в Лондоне. Обладал обширными связями в английских и американских промышленных кругах. Б. Савинкову он присылал некоторые суммы из Лондона и, уже будучи в Париже, он также ему передал какую-то сумму. Для поездки в Америку он имел свои задачи, но попутно с этим должен был сделать разведку в смысле получения нужных средств на политическую работу. Б[орис] В[икторович] рассчитывает на получение довольно крупной суммы и возлагает на поездку Рейли безусловно большие надежды и по получении средств поведет к[онтр]-р[еволюционную] работу в самом широком масштабе. Б[орису] С[авинкову] на его работу отпускались средства еще торгово-промышленными кругами (эмигрантскими), как, например, выдача 40 тыс[яч] франков Б[орису] В[икторовичу] в 22 г. в период Генуэзской конференции – Нобелем, Гукасовым и др[угими] русскими миллионерами на организацию покушения на т. Чичерина. В покушении должны были принять участие Клементьев, Васильев Борис Ал[ексан]дрович, Голощеков (был в Польше у Шевченко при к[онтр]разведке). В Берлин, где должно было быть произведено покушение, выехали в тот момент Б. Савинков и Деренталь. Покушение не удалось, т.к. нужные люди не были подобраны и подготовлены. После этого случая Б[орису] В[икторовичу] уже в меньшей мере стали выдаваться ссуды указанными пром[ышленниками]. Со слов Б[ориса] В[икторовича], последний возлагал надежды на Муссолини в смысле получения от него средств. Последний раз Б.В. Савинков встречался с Муссолини м[еся]цев 5 назад. Подробности этого свидания мне не известны. До этого случая мне не известно (за время моего пребывания в Париже) о том, бывал ли у Муссолини еще Б[орис] С[авинков]. Мне известно, что Б.В.С[авинков] знаком и в хороших отношениях с секретарем Мильтерана – Пти и с его женой, русской еврейкой, и последний оказывал Б.С[авинкову] всевозможные содействия. Еще в то время, когда Б[орис] В[икторович] был представителем армии Колчака в Париже, то Пти оказывал ему содействие в получении нужного оружия для армии.

Прибыв из Парижа в Польшу, я встретился в Вильно с Ивановым Аркадием и Яковлевым. Последний был в Сев[еро]-Зап[адной] армии, а затем в отряде Данилова, партизанском, происходит из Яночского у[езда] Псковской губ[ернии]. С ним перешел границу в районе дер. Стремехово. На 25 версте столкнулись с отрядом О[собого] О[тдела], который хотел нас арестовать, но мы отстрелялись и ушли в лес. Отряд, с которым вели перестрелку, был численностью прибл[изительно] около 200. Все они разбежались по избам. До станции Бешенковичи прошли без всяких приключений, около станции нас встретили чел[овек] 8, ехавших на подводе, которые, проехав мимо нас шагов

за 100, открыли по нас стрельбу. В общем перестрелка не дала никаких результатов, и мы прошли до Орши. Еще за день до встречи с 8-ю мы по дороге встретили одного старика, который заявил, что в районе находится банда в 20 чел[овек] (верстах в 40 сев[еро]-зап[аднее] ст. Бешенковичи). Мы хотели связаться с последними и с этой целью написали воззвание, на котором подписался псевдонимом *Миклашевский* и приложил печать БОНС и, не дождавшись никакого ответа, мы вечером пошли по направлению к ст. Богушевичи и в ту же ночь без всяких приключений пришли в Оршу. Каковую прошли ночью. Пост на мосту спал, мы благополучно перешли Днепр и переночевали в 5 верстах от Орши на хуторе под видом рабочих. Часов около 6 утра мы двинулись дальше и ночью пришли в деревню Ляховичи, где обратились к матери Иванова Данилы Яковлевича, спрашивая ее о сыне. Она заявила, что ничего не знает, и мы, назвавшись, вынуждены были уйти. В это время позади нас кто-то стал декламировать стихи. Аркадий Иванов узнал голос Данилы и продолжал стихи (им самим сочиненные), и мы по одному подошли к нему и вместе с ним отправились на стоянку в лес.

Как оказалось, у Данилы Иванова было еще двое местных партизан, один из них – Ваньев, а другой – Трофим. Данила Иванов рассказал, что они всю зиму провели в лесу. У них была запасена бочка с мясом, и они питались этим мясом, изредка во время снега уходили за хлебом в деревню. Занимались они тем, что стреляли белок и меняли их на хлеб. Мы просидели безвыходно в лесу одни сутки. Днем Иванов Данила рассказывал нам, что для раздачи рабочим налажена связь с одним из ж[елезнодорожных] служащих на ст. Орша (фамилию его я не знаю). Узнав о том, что артельщик выезжает с деньгами, этот, указанный выше, служащий, выехал за час раньше артельщика и передал на ст. Зубры, где у Данилы Иванова также были «свои» ж[елезно]дор[ожники], которые и передали нам через одного местного парня лет 19–20 о предстоящем приезде артельщика.

Мы сразу же все собрались и пошли к ст. Зубры. Это было около 2-х часов ночи. Прождав в лесу за 1/4 версты от станции появления поезда, мы услышали свисток приближающегося поезда и пошли на станцию. Зайдя в кабинет нач[альника] станции, я спросил, где артельщик, на что он, под угрозой револьвера, указал вагон, после чего я вышел и, забрав с собой Аркадия Иванова и Яковлева (остальные остались у поезда), пошел с ними в вагон. Предварительно мы попали не в тот вагон, затем вошли в соседний, где сидел артельщик. Аркадий Иванов и Яковлев вошли в вагон, я вошел за ними. Навстречу мне вышел милиционер. В это время Яковлев выстрелил, и милиционер упал мертвым. Навстречу мне выбежал другой милиционер, которого я тут же убил выстрелом из револьвера. Затем в купе ворвался Аркадий Иванов и схватил портфель. Я ему передал находившиеся в сундуке деньги затем мы вышли из вагона. Оговариваюсь, что Яковлев в вагоне произвел еще один выстрел в угол, которым был

убит милиционер, пуля прошла через стенку купе и убила н[ачальни]ка дороги, 60-летнего старика. Ходили слухи, что его хотели отвезти хоронить в Москву. Таким образом, экс был совершен с 4 убитыми. В результате оказалось около 500 000 руб[левых] зн[аков] 23 года. После экса все мы кинулись обратно в лес. Просидев в лесу суток двое, мы послали менять в Оршу дензнаки на червонцы. Путем обмена у нас оказалось до 100 червонцев. Раздав партизанам по 2 червонца, 5000 деньгами и по 2 облигации, мы просидели в лесу еще несколько суток, а затем Данил[а] Яковлев[ич] заявил, что тут есть агент, что его надо убить. Я отправился вместе с Даниилом Яковлевичем в ту деревню (не помню названия) имение Селец, где Иванов Данила нашел этого агента и в моем присутствии убил его. После этого мы вернулись в лес. Пробыв в лесу еще несколько дней, за какое время был убит еще один агент, один еврей, пойманный на дороге; при убийстве сего еврея присутствовал и я. 13 октября мы распрощались с отрядом Иванова, взяли подводу и доехали с Ивановым Аркадием до ст. Могилев. Перед отъездом я сообщил Данилу Яковлевичу, что еду в Москву к организации НСЗРиС (фамилии никакой не указал с целью разведать возможность крупного экса). Предупредил, что может быть придется всему отряду ехать в Москву для совершения экса и просил подготовить лапы для остановки поездов. Сев 13-го сентября на поезд в Могилеве, мы благополучно добрались в Москву 16 сентября в 6²/₅ вечера на Брянский вокзал, откуда пошли оба к Шешене. Дополнительно сообщаю следующее: 1) будучи в отряде Иванова, я предложил всему отряду пошить общую форму – черные рубашки и назваться фашистами; 2) вместе с Даниилом Яковлевичем мы проектировали совершить после моего возвращения из Москвы экс на скорый поезд Москва – Смоленск – Минск. Это предполагалось сделать на ст. Гусино. Технически хотели разобрать путь, остановить поезд красным фонарем, а если сойдет с рельс, после остановки отцепить дипломатический вагон с паровозом, отвезти версты за три от всего состава и уже тогда захватить дипломатический багаж и деньги. Багаж я по условию с Борисом Викторовичем, как советский, так и иностранный, должен был отослать к нему в Париж. В отряде были разговоры, что сделать с дипломатическими представителями для того, чтобы избежать осложнения в отношениях России и Польши, причем высказывались предложения убить их для вызова конфликта, другая часть отряда была против этого.

Перед отъездом из Парижа я получил от Б.С. следующие задания:

а) проинспектировать всю московскую организацию, т.к. у Бор[иса] Сав[инкова] зародились с приездом Андрея Павловича в Париж кое-какие подозрения, т.к. Ан[дрей] Павл[ович] слишком много наговорил о мощности моск[овской] организации, причем это лишь мое предположение, основанное на вопросе Б.С[авинкова] ко мне после съезда: Ан[дрей] Павл[ович] – доверяю ли я ему или нет, на что я ответил утвердительно;

б) связать на территории России между собой все партизанские отряды для борьбы с сов[етской] властью.

с) с помощью моск[овской] организации раздобыть путем эксов средства, каковые дать на усиление моск[овской] организации.

Категорически утверждаю, что больше никаких заданий я не получал.

4). Вспоминаю, что при нашем отъезде из Вильно я встретил там вернувшегося из России из Псковской губ. бывшего псковского резидента Веселова Василия. Он говорил, что у него имеется 10 партизан и еще несколько человек на границе с Латвией. С ним мы условились, что вскоре после моего отъезда он уезжает обратно в Псковскую губ[ернию], где мы должны будем встретиться у его отца, причем никаких явок не назначали, за исключением того, что Веселов должен был передать своему отцу мои личные приметы, и когда я явлюсь к его отцу по адресу: деревня, кажется, Осташкино (по карте найду) в четырех верстах от Карамышева. Там я должен был разыскать его отца и у него узнать местонахождение Веселова.

5). В России мне известны следующие отряды и организации:

а) в Горицком уезде отряд в данное время численностью в 4 человека, могущий быть увеличен в любое время до размера 15 человек за счет местных крестьян. Оружия в отряде всего 8 винтовок, 3 револьвера, много патронов, кроме того, я думаю, что имеется зарытыми еще небольшое количество оружия. Отряд живет на средства, добываемые грабежами, и полагает вскоре уйти в Польшу. Допускаю возможность совершения отрядом экса на указанный выше моск[овско]-минский поезд и в нашем отсутствии. Отряд оперирует во всем Горицком уезде и является остатком отряда Прудникова.

в) недалеко от этого же отряда в районе мест[ечка] Дрыбли Чауского уезда Гомельской губ[ернии] находится отряд Дрыблинский численностью в 6 человек. Очень хорошо вооруженный, занимающийся профессиональным бандитизмом. Отряд не держит ни с кем связи, но найти его можно по указанию Данилы Иванова.

с) Порховский отряд в Псковской губ., расположенный в районе ст. Чихачево Порховского уезда, численностью в 6–7 человек под командой Мокея Иванова.

д) отряд Веселова – совершенно мне не известный.

Из организаций мне известны: какая-то организация лево-эсеровского типа в Воронеже, с которой был связан Серпуховский, затем, по-моему, кое-какие остатки антоновской организации в Москве с базой; казачья секция ВЦИК, о ней также знает Серпуховский. Затем какая-то организация в среде питерских курсантов, возглавляемая бывшим штабс-ротмистром Мещаниновым, это сын известного питерского сапожника Мещанинова. Затем какая-то организация лево-эсеровского типа в Дон[ской] области, созданная Антоновым. О ней у нас были сведения такие: численность около 2¹/₂ [тысяч] человек, район действия – область войска Донского,

тактика НСЗРиС. Источником получения о ней сведений является Серпуховский и приезжавший с Денисовым эсер. После провала антоновского движения организация сохранилась. Последние сведения о ней были осенью 1921 г. через того самого левого эсера.

Затем что-то есть на Кавказе, что-то вроде боевого отряда, связанного с Чермоевым, находящимся в Париже. К Чермоеву летом 1921 г. через Персию приезжали какие-то 5 князей с Кавказа от боевой организации. При их приезде в Париж они хотели связаться с Б. С[авинковым], Чермоев с Б. С[авинковым] в приятельских отношениях.

Положение НСЗРиС в данное время и виды на будущее.

В настоящий момент положение НСЗРиС сводится к следующему: самый ЦК разбросан по всей Европе. Так, самый главный центр находится в Париже, где проживают Б. Савинков, Александр Аркадьевич Дикгоф-Деренталь, Любовь Ефимовна Дикгоф-Деренталь, являющаяся в то же время личным секретарем Б. С[авинкова], и я как член ЦК НС, и Фюрстенберг, министр финансов НС.

Б. С[авинков] проживает в Париже. Он сейчас занимается передачей информационных сводок русским капиталистам, находящимся во Франции, и в некоторые посольства, в частности, японское, польское, финляндское. Сводки составляются на основании материалов, получаемых из Варшавы, а часть из Берлина и от московской организации НС. Кроме того, он сейчас пишет какой-то роман. День его распределен следующим образом: встает он часов в 8, каждое утро отправляется в парикмахерскую бриться, на улицу за углом, на левой стороне. Одет он: на голове котелок или соломенная шляпа, темно-серого цвета костюм, серое пальто (однобортное), в руках – камышевая трость. Из парикмахерской отправляется домой и завтракает. За завтраком бывали почти ежедневно я, иногда Любовь Ефимовна, изредка заходил Фюрстенберг. Часов до 2 бывает дома, а затем перед обедом ходит на прогулку минут на 20. По возвращении читает корреспонденцию и роман из современной войны, который скоро должен быть закончен. Часов в 5–6 отправляется обедать, определенного места не имеет, часов в 9 вечера иногда отправляется к Дикгоф-Деренталь, откуда возвращается домой часов в 12 ночи.

С французами у Б. С[авинкова] великолепные взаимоотношения, хотя материальной поддержкой их он не пользуется. Зато в вопросах о получении виз и т.п. французы никогда Б. С[авинкову] не отказывают. Отношение Б. С[авинкова] к русской эмиграции безусловно отрицательное, за исключением тех, кто борется активно. Наиболее благосклонно Б. С[авинков] относится к Бурцеву, д-ру Пасконину (монархист) и к прибывшим кавказским князьям группы Чермоева, к Нобелю и др.

Наименьше всего Б. С[авинков] связан с английской миссией, причина мне не известна, но среди англичан у него много личных друзей: лорд Черчилль, Ллойд Джордж.

Хорошие отношения у Б. С[авинкова] с японской миссией, финляндской и польской.

Дикгоф-Деренталь вместе с женой проживают в доме 7, занимают две комнаты. Александр Аркадьевич служит в частном гараже на должности шофера. Жена его работает секретарем у Б. С[авинкова], живут оба очень скромно. При моем отъезде Дикгоф-Деренталь по распоряжению Б. С[авинкова] хотел ехать со мной с целью того же, что и я, и вместе со мной вернуться обратно, но ввиду тяжелого материального положения и непристройства на службу его жены он временно остался и должен был ждать моего возвращения, после чего он, Б. С[авинков] и я должны были вместе поехать в сов[етскую] Россию. Для этого я должен был выяснить, насколько серьезна в Москве организация, и каковы возможности развернуть работу.

Пражская группа.

Виктор Викторович Савинков, член ЦК НС, проживает где-то за Прагой со своей женой Александрой Юрьевной, приехавшей в 1921 г. Живет на 2000 крон в месяц, получает от чехов на существование. Сейчас никакой работы не ведет. Б. С[авинков] относится к нему как к брату – хорошо, как к работнику – неположительно. За все время ни Борис, ни Виктор друг к другу не ездили.

Мягков Александр Геннадьевич живет в Праге, получая также 2000 крон в месяц от чехов. Ничего в данное время не делает. Числится председателем Пражской группы НСЗРиС. Живой связи с Борисом не имеет, но переписку ведет регулярно.

Рудин Андрей Карлович живет в Праге и учится в университете, получает также от чехов ту же сумму. Политическую работу не ведет. Живой связи с Парижем не поддерживает, равно как и не ведет переписки, бывший адъютант В.В. Савинкова.

Профессор Бем Адольф живет в Праге, член НСЗРиС. Чем сейчас занимается, не знаю.

Варшавская группа.

Дмитрий Владимирович Философов, член ЦК НС и председатель варшавской группы НС. Редактирует газету «За свободу», и каковые средства и являются источником его существования. Живет: Сенная, 28, кв. 21. Он является идейным руководителем всей польской организации НС.

Клементьев служит в данное время во 2 отделе Генштаба. Член Варш[авского] обл[астного] к[омитета] НС. Человек безусловно трусливый, хитрый, держащийся, что называется «на уме». Должен был знать лично агентов, отправляемых в Россию.

Жарин Сергей Иванович работает сейчас в газете «За свободу». У него должны сохраниться связи с Россией и лагерями в Польше.

Шевченко Евгений Сергеевич, работающий в данное время в газете и являющийся одновременно н[ачальни]ком Информ[ационного] бюро НС в Варшаве. Чиновник по натуре.

Виленская группа.

Фомичев Иван Терентьевич. Н[ачальни]к виленского пункта №1 и председатель виленской группы. К работе ее относится поверхностно, не глубоко продуманно. Союзу предан. У Б. С[авинкова] не пользуется доверием, считается дураком. После поездки в Россию авторитет поднялся в глазах всего НС и, в частности, и Б. С[авинкова]. К полякам относится заискивающе. Пункт №1 несет чисто шпионскую службу для поляков.

Ориенинов Анатолий Николаевич, бывший нач[альник] северной пограничной полосы. В данное время работы в Союзе не несет, но членом состоит. Служит гувернером у какого-то еврея. Изъявил желание ехать в Россию со мной в последний раз.

Финансовые возможности НСЗРиС.

В данный момент организация почти никаких средств не имеет. Парижская группа питается средствами, черпаемыми за счет продажи информ[ационных] сводок. Кроме того имеются единовременные поступления от крупных капиталистов. Так, например, недавно было отпущено финансистом Манташевым на работу НС 24 000 франков, затем от Нобеля, дающего периодические суммы в 3–5 тысяч франков.

Возможности на будущее очень значительны:

1) от американцев, куда сейчас поехал в Нью-Йорк Рейли. Туда же повезено и воззвание и подписной лист российской организации.

2) от Форда; незадолго до нового съезда Б. С[авинков] уезжал на юг Франции для переговоров о получении крупной суммы денег (около 40 миллионов франков) от Форда;

3) Муссолини, с которым он, т.е. Б. С[авинков], лично знаком. Зимой или в начале весны 1923 г. Б. С[авинков] ездил в Италию, оттуда приехал с самыми радужными надеждами;

4) эксы, которые я должен был произвести в России.

При моем отъезде в Россию Б. С[авинков] сильно меня обнадежил в смысле того, что скоро НС ожидает получение периодически крупных средств, и что дальнейший прилив средств может зависеть от работы НС.

Все, что я дополнительно вспомню, постепенно будет мною дополнительно изложено. Показания записаны с моих слов и мною прочитаны.

С. Павловский

Допросил Уполномоченный 6 отд[еления] КРО ОГПУ (подпись)

С подлинным верно: (подпись)

Б. Савинков – С. Павловскому

Мой дорогой,
Я получил твои письма и радуюсь, что ты устроился, что твои дела идут хорошо, и что ты не забываешь меня. Хотелось бы повидаться с тобой и потолковать как следует о твоей будущности. Ты уже не маленький, а сам с усам, и пора подумать о подходящей невесте. Не думай, что я пишу зря, шутки ради. Нет, я все время думаю о тебе, подыскиваю тебе пару. Приезжай поскорее. Устроим смотрины, а там и под венец. А я буду посаженным отцом. Живем пока что плоховато, с хлеба на квас. Из моей торговлишки ничего, понятно, не вышло, ибо я не спекулянт и никогда им не буду. Ну и перебиваемся – день да ночь, сутки прочь. Приезжай же. Может быть сможешь помочь старику, а не сможешь, все-таки приезжай. Будь здоров. Пиши. Желаю тебе успеха во всех твоих начинаниях. Поклонись брату. Его письмо я тоже получил и фотографическую карточку. Он молодец. Его тоже надо женить.

Любящий тебя дядя

*А. Долгопольский¹.
Верно: А. Петров.*

Справка.

В бытность Искры² в Варшаве была послана Б.С[авинкову] фотограф[ическая] карточка: «Искра снят с собакой».

*А. Петров.
27 января 1924 г.*

Н-1791. Т. 7. Л. 23. Рукопись.

¹ Один из псевдонимов Б. Савинкова.

² Псевдоним Л. Шешени.

Б. Савинков – С. Павловскому

Дорогой мой.
Когда ты приедешь. Мы все очень соскучились за тобой и ждем не дождемся, когда увидимся, в особенности отец. У отца какие-то планы насчет тебя, но он не хочет ничего делать в твоём отсутствии. Помоему, если даже тебе трудно приехать, все-таки приезжай. Возьми отпуск, объясни свои семейные положения, скажи, что должен ехать. Я уже писал тебе о нашем житье-бытье, но не знаю, получил ли ты мое письмо. Ты ведь ничего не ответил. Будь здоров. Твой дядя Паша.

11 марта 1924 г.

Н-1791. Т. 25. Л. 161. Машинописная копия.

Б. Савинков – И. Фомичеву

Дорогой Иван Терентьевич, я получил Ваше письмо от 4.3. То, что мне известно о положении вещей, соответствует Вашим сведениям. Я думаю так же, как и Вы, что необходимо свидание нескольких лиц, и в особенности и непременно необходим немедленный приезд Сергея. Об этом приезде я дважды ему писал через Д.В. [Философова] и Вас, но ответа не получил. Прошу Вас сделать все от Вас зависящее, чтобы сообщить друзьям и ему о моей точке зрения. Я тем более настаиваю на ней, что имею в виду кое-какие планы, без встречи с друзьями не осуществимые. Рассчитываю на Вас, чтобы возможно скорее устроить все, что нужно для общей беседы.

Радуюсь сердечно Вашим успехам. Но информация Ваша, которую я получил, никуда не годится: использовать такой материал, к сожалению, невозможно.

Желаю Вам, дорогой мой, всего лучшего и крепко жму Вам руку.

Ваш душевно *Борис Савинков*.

14.03.24 г.

Н-1791. Т. 25. Л. 157. Машинописная копия.

С. Павловский – Б. Савинкову

Дорогой отец!

Не знаю, посвящали ли Вас во все подробности моей деятельности с момента выезда из Парижа. Нижеследующие строки дадут Вам понятие об этом. Из Парижа в Варшаву я добрался благополучно. В Варшаве с помощью Д.В. [Философова] мне удалось сделать все необходимое для немедленного отбытия в страну «белых медведей». В Варшаве я пробыл несколько дней, а затем отправился в Вильно к Ив. Т. [Фомичеву], который еще в Париже обещал достать 3, 4 человек, необходимых для добычи если не благородного металла, то, во всяком случае, эквивалента ему. Когда приехал в Вильно, то там не было ничего готово, и мне пришлось ждать 4 дня, пока прибыли люди. Это были Аркадий и Яковлев. Аркадия Вы знаете лично, что касается Яковлева, это бывший даниловский партизан, был у Короткевича, смелый, предприимчивый, но бандит в полном смысле этого слова. Перебравшись благополучно с помощью И.Т. [Фомичева] за границу, я отправился в Смоленскую губернию в район Данилы, с помощью которого и полагал достать необходимые для первого шага средства. По пути, конечно, ряд приключений. При Даниле оказалось 2 человека, что вместе с моими составило 6 человек, число вполне достаточное, чтобы

экспроприировать поезд. На 3 или 4 сутки по прибытии к Д[аниле], через ст. Зубры проходит поезд с артельщиком для раздачи жалования железнодорожникам. Сумма предполагалась 15–20 тысяч, в переводе на золото сумма вполне достаточная для первого времени. Экс был совершен, деньги достаны, хотя в количестве и не 20 тысяч, как предполагалось, а всего 2 000 рублей золота. Ввиду того, что на месте никаких источников не было, я решил ехать в М[оскву], полагая – с горы виднее. В М[оскву] приехал вместе с Аркадием 16.9.23 г. Это было мое первое путешествие со многими пересадками и, признаться, я был удивлен тому порядку, который на ж[елезных] д[орогах] СССР. Во всяком случае, в современной России гораздо больше порядка, чем в современной Германии, конечно, что касается ж[елезных] д[орог]. В М[оскве] без затруднения нашел Л[еонида] [Шешеню]. Первое впечатление от М[осквы] – большая деревня. На следующий день вечером я устроил свидание с членами Л.Д.¹, которое и состоялось за ужином у одного из членов. Дальнейшая совместная работа выяснила, что в местной организации существуют некоторые компромиссы, которые впоследствии могут породить большие недоразумения. Дело в том, как Вам должно быть известно, ЦК СЗРиС состоит из членов МК² и ЛД. Развернувшиеся в ноябре события, о которых я Вам уже писал, конечно, отразились и на нас. У нас, в нашем ЦК, создалось два лагеря, разногласия между которыми увеличиваются с каждым днем. Во время поездки Л[еонида] [Шешени] в Варшаву близкое соприкосновение с ЦК еще больше укрепило во мне мнение, что в нашем ЦК не все ладно. По возвращении в М[оскву] с моей поездки на юг, я был кооптирован в члены ЦК от МК. Мне этого крайне не хотелось, так как это слишком связывает, но пришлось покориться, так как момент был серьезен. Этот серьезный момент – дискуссия в РКП, закончившаяся в партийном съезде. Эти дискуссии породили в городе массу толков. Наш ЦК тоже, конечно, реагировал на это усиленной агитацией за поддержку оппозиции. Во всех этих пертурбациях верх взяли аппаратчики. Демократам заткнули глотку, а некоторых, как, например, Сапронова (секретарь ВЦИКа) выслали в почетную ссылку в Сибирь. Повторяю, этот момент был настолько острый, что в оценке тактики в настоящий момент ЦК разбился на два лагеря. Та трещина, которая была обнаружена мною вначале, приняла если не угрожающее, то, во всяком случае, близкое к этому положение. Замещая Л[еонида] [Шешеню] во время его пребывания в Польше, я очень близко сошелся с работниками ЦК, так что по возвращении Л[еонида] [Шешени] я был введен в ЦК НСЗРиС как третий представитель от МК. Мною, видно, очень довольны. Руководжу военным отделом. Вхождением меня в члены ЦК особенно довольны, когда в ЦК начали ощущаться разногласия на почве желания Л[еонида] [Шешени] и П[етра] Г[еоргиевича]³, второго нашего представителя

от МК и одного из ЛД, изменить тактику в смысле необходимости выявления наличия и сил организации. Зам[еститель] пред[седателя] ЦК и А[ндрей] П[авлович] очень сожалеют, что ничего существенного для ЛД слияние не дало: говорят, что предполагавшаяся Вами конференция не состоится, да она теперь и не нужна, лучше контактирование с антисоветскими демократическими группами в России, ни ответственных крупных работников, ни финансов, да еще пришлось допустить к руководству ЦК тем самым и Л.Д., таких слабых работников как Л[еоид] [Шешеня] и наш второй⁴. Было предложено ЦК о необходимости избрать ЦК СЗРиС, а не временный, как он в настоящее время. Это доказывало то, что кроме меня никто не был желателен. По моему настоянию вопрос этот оставлен открытым до возвращения А[ндрея] П[авловича] от Вас. Суть разногласий в том, что часть ЦК, Влад[имир] Георг[иевич]⁵, А[ндрей] П[авлович] и я, принимая во внимание состояние коммунистической партии, сравнительную слабость нашей организации, состояние антибольшевистского фронта к 1924 году, не видит в данное время никаких данных на проявление себя перед массами как большой антисоветской организации; что это проявление в том или ином виде ничего другого, кроме разгрома, не даст, а потому предпочитаем прежний метод работы ЛД: упорную организационную работу по накоплению демократических сил. Выступление может быть только при длительном изучении противника и благоприятных политических колебаниях. Считаем необходимым глубокое вхождение в экономическую жизнь России для фактического направления по определенному необходимому для нас руслу. Необходимо оздоровить финансовое состояние России, чтобы не брать в наследство только долги...

Необходимо усиливать национальные тенденции на окраинах в стремлении полной самостоятельности от России и считать базой нашей работы Москву, Петроград и окраины. В связи с признанием иностранцев еще более подтверждается принцип только организационной работы, внедрение в общественную жизнь и выжидание событий.

Вторая группа – один из ЛД, ЛД и наш второй считают: 1) что настал момент уже, когда для успешности дальнейшего развития организации необходимо показать ее лицо, показать массам, что дух антибольшевизма еще не замер в России, что есть еще борцы и т.д.; 2) что ввиду начавшегося признания западно-европейскими государствами, что усиливает большевиков, необходимо давать о себе знать, хотя бы даже частичными поражениями, мелкими выступлениями и т.д., что признание состоялось вследствие трусости и пассивности всех организаций в России и за границей, это их главный пункт обвинений против нас. Их дальнейшие основания:

а) Старый Л.Д., во главе с Вл[адимиром] Георг[иевичем], А[ндрей] П[авлович] и я переходим на эволюционную борьбу с желанием,

якобы, основать «государство в государстве», своим накоплением сил входим в экономическую жизнь страны и т.д. Не думаем ли мы поднять вопрос о легализации организации?

б) Необходимо нанести ряд мелких коротких ударов противнику, ибо сразу свалить не удастся – «все девятый вал решит».

в) Необходимо широкое контактирование со всеми антисоветскими элементами, вплоть до монархистов и даже отдельных банд.

г) Накопленных сил уже достаточно, необходимо объединиться и готовиться к выступлению в ближайший момент. Считают, что одним из моментов была смерть Ленина.

д) В связи с оканчивающимся подготовительным периодом необходимо стянуть все силы в центр для удара.

е) Необходимо начать подпольную издательскую деятельность от имени НСЗРиС листовками, прокламациями, вплоть до газеты.

Разногласия эти переносятся из ЦК и на руководителей в перифериях, так что фактически в ЦК создаются две фракции. Необходимо во что бы то ни стало объединить работу, выработать основную тактическую линию. Самое лучшее, если можно было прислать кого-либо из наших в ЦК вместо Л[ео니다] [Шешени] и другого; к тому же они сами считают себя слабыми для руководства работой в ЦК в данное время. Они, между прочим, уверяют, что Вы станете на их точку зрения. Словом, образовалась дыра, которую необходимо заткнуть. Если это удастся нам, то инициатива перейдет в наши руки. Хотя это происходит и болезненно, но, во всяком случае, мы должны добиться того, чтобы посадить своих людей. На фракционном собрании нашей группы некоторые высказывали мнение, что наиболее имманентной данному положению мерой будет кооптация членов ЦК и заграничной организации НСЗРиС. Вообще, здесь к заграничье относятся с большой надеждой, я эту легенду по мере сил и возможности поддерживаю. Вот, что касается этого вопроса.

Теперь другой вопрос, не менее важный и существенный, – наши средства. Недели 2 тому назад мы предприняли некоторый шаг для добычи средств. Этот эксперимент дал возможность сделать первый глубокий свободный вдох. Об этом Вам расскажет А[ндрей] П[авлович]. Этим мы, хоть на ноги не встали вполне, но, во всяком случае, сильно приподнялись, тем более, что впереди еще большие надежды в этом отношении, а Вы сами знаете, что это будет. Хотя корабль пока у нас не большой, а средний, то и плавание ему полагается среднее. В тех рамках, в которых мы плаваем до сего момента, – и узко, и не особенно продуктивно. Решили с Вашего согласия, заранее на которое надеемся, завязать с финнами связи. Полагаю, что будет удобнее во многих отношениях, чем через Польшу.

1) В Финляндию Вам можно проехать и жить там, когда и сколько удобно. 2) Связь через финнов для нас удобнее в настоящий момент. Думаю, что самое лучшее будет, если Вы лично, или Ал[ександр] А[ркадьевич] с А[ндреем] П[авловичем] поедете к финнам и на месте

заложите фундамент работы. Подробности – А[ндрей] П[авлович]. С нашей стороны в случае благоприятного исхода этого дела все сделано. Что касается наших в Польше, то персональное содержание Д[митрия] В[ладимировича] мы частично уже взяли на себя с декабря прошлого года. И[ван] Т[ерентьевич] [Фомичев] там больше не нужен: получает он ежемесячно 20 долларов, а пользы с него – как с козла молока, поэтому я думаю устроить его здесь возле нас, пусть паре[не]к немного потрудится. Так как Ваше личное существование тоже зависит от средств, а добыча их отнимает от непосредственной работы, наш ЦК постановил начать снабжение Вас по мере возможности; чтобы обеспечить работу без перебоев в дальнейшем, нами предпринято все, что можно и нужно: о местопребывании Аркадия [Иванова] Вы, конечно, знаете, а также и цель! После возвращения Л[ео니다] [Шешени] я сам ездил к нему, поездка эта укрепила во мне надежду на благоприятный исход дела. Теперь Вы понимаете, что я здесь сижу не даром, и можно подумать о большем масштабе нашей работы. С А[ндреем] П[авловичем] посылается Вам доклад ЦК об экономическом и политическом состоянии России: программа, тактика нашей группы и другие материалы, ознакомившись с которыми, Вы узнаете все интересующие Вас подробности.

Судовольствием посмотрел бы свою невесту, покажите ее А[ндрею] П[авловичу] и пришлите ее карточку. Конечно, с большим удовольствием я хотел бы увидеть ее лично, но сами понимаете, к чему может привести мое отсутствие. Поездка к Вам займет по крайней мере 3–4 недели, а за это время здесь может случиться такое, что и сам потом рад не будешь своему отсутствию. При данных обстоятельствах мне необходимо наладить с Вами периодическую связь. Техническую сторону данного вопроса разрешите с А[ндреем] П[авловичем]. Мы очень слабо информированы о Европе. Вы – о России. Взаимная информация данный вопрос исчерпает. Информировуйте подробно А[ндрея] П[авловича] о всем, что делается там у Вас. Самая пустячная весточка для меня имеет здесь большое значение, тем более, если она о Вас. Все, что я упустил в своем письме, что интересует, узнаете от А[ндрея] П[авловича]. Привет всем моим друзьям.

Ваш Сергей. 1924 г. 5.4.

P.S. В скором времени собираюсь съездить на юг повидаться вторично с Аркадием [Ивановым]. В последних номерах местных газет прочел маленькую информацию, чему, конечно, не поверил (у страха глаза велики).

6.4.24 г. С. П[авловский]

Н-1791. Т. 25. Л. 129–135. Машинописная копия.

¹ Л.Д. – организация либеральных демократов, от имени которых чекистами велась игра с Б. Савинковым.

² Московского Комитета.

³ *Петр Георгиевич Владимиров* – член мифического ЦК, подставное лицо от чекистов Б. Савинкову.

⁴ По-видимому, М.Н. Зикунов.

⁵ *Владимир Георгиевич Островский* – член мифического ЦК, подставное лицо от чекистов Б. Савинкову.

85

Л. Шешеня – Б. Савинкову

16.04.1924 года.

Глубокоуважаемый Борис Викторович.

Как вам уже известно из моих прежних докладов, что в М[оскве] образовался МКНС, который ведет «нашу маленькую работу», будучи в то же время на поприще этой работы связан на обоюдных условиях с ЦК НС и ЛД с организацией ЛД более крупной, чем МК; о ЛД я Вам ранее писал. В отношении ЛД: ранее образования ЦК МК ставил себе задачей приобрести ЛД (ЛД сольется с МК) или завязать самый тесный контакт с ЛД в общей работе. Если эти два положения задачей не решались, то МК ставил себе возможным влиться в ЛД...

Должен указать, пока в ЦК было единогласие по тактике, то позиция ЛД-цев была сильнее НС (нашей), хотя это несколько не мешало, в сущности, практической работе, которая велась согласованно – задания, утвержденные ЦК, обязательны для обеих сторон. Обстановка, сложившиеся обстоятельства, характер сферы работы и т.п. – все это есть те, естественно, компромиссы, которые позволяют иногда выполнять на деле принципиальные решения МК НС, хотя они и бывают большинством ЦК изменены.

С приездом Сержа [Павловского] у нас должна усилиться позиция в ЦК (декабрь 23 г.), а по возвращении моем в М[оскву] он был кооптирован в члены ЦК. В дальнейшем же вышло дело совсем наоборот: Серж перешел в противоположный лагерь. В данное время Серж руководит военно-оперативным отделом при ЦК.

Смерть Ленина, дискуссия в РКП, признание большевиков иностранцами, внутренние и внешние политэконом[ические] положения большевиков создали у нас в ЦК такую атмосферу, среди которой царят такие мнения (почти убеждения), что образовались две прямо противоположные

одна другой группы, т.е. правая и левая (накописты и активисты), и все это в вопросе дальнейшей тактики и действий ЦК.

Правые – Серж, Вл[адимир] Георг[иевич], Андр[ей] Павл[ович].

Левые – я, Петр Георг[иевич] Владимиров и Фиалковский¹.

Мы, левые, мотивируем свою тактику тем, что внутренний раскол и склока в РКП внесли резкую разноголосицу в верхи РКП, в ряды Кр[асной] армии, большое возбуждение и раскол на разные лагеря среди партсостава и комсостава, а в красноармейские массы – сильно поднятое возбуждение против диктатуры РКП. (Штаб М[осковского] в[оенного] окр[уга] почти всецело – полит[ический], ком[андный] состав – за группу Троцкого и против аппаратчиков). Как результат этого – большие пертурбации в М[осковском] В[оенном] Окр[уге]. В массу РКП (молодых) внесло это все «долой диктатуру старых, пора на покой, даешь дорогу, даешь власть», отсюда всякие почетные ссылки и высылки и, главное, подозрительность в возможность заговоров.

Смерть Ленина, внесшая в РКП растерянность и раздор между верхами, кому быть у руля; в обывательскую массу – надежду на возможность полного раздора и слабость в РКП, и отсюда – сдача и уступки РКП.

Признание советской России иностранцами – показатель того, что у большевиков внутри России нет антибольшевистских полит[ических] организаций, нет тех политических врагов, которые бы вели борьбу и смогли бы доказать иностранцам, что не вся Россия есть большевики, а есть и другая Россия, которая может столкнуть большевиков и придти им на смену. Все это мы, активисты, ставили в основу своей тактики как обстоятельства, которые нам диктуют выступления в ближайшее время. Активное выступление может нанести большевикам такой удар, от которого они или свалятся с своего олимпа (Кремль), или будут медленно издыхать, а тут, конечно, надо только суметь их добить. Не так ли это, Б[орис] В[икторович]? Результат зависит от Вашего мнения. Мое лично таково, как и остальных активистов: создавшееся положение действительно есть редкий и удобный случай для активного выступления, конечно, руководимого борцами за идеалы революции популярными и известными среди масс народа, в то же время, опытными и сумевшими бы справиться с поднятым русским народом, направив его в известный момент, который учесть может только опытный в руководстве революционер, в определенное русло политической жизни страны. Принимая это все как основу своего мнения, я считаю тактику левых своевременной и прошу Вас, Б[орис] В[икторович], разрешить это положение спора и недоразумений между мной и Сержем, дав свое резюме.

Серж очень близко сошелся с многими членами ЛД, в частности, с А[ндреем] П[авловичем], пользуясь среди них популярностью. Я, конечно, не отрицаю и не умаляю заслуги, таланты военно-партиз[анские], большой организационный опыт и т.п. в Серже, но все-таки в оценке момента он здорово ошибается.

Правые полагают так: все те политические и экономические положения внутренние и внешние сов[етской] России, которые я указал выше (для левых – возможность к активному выступлению) для правых есть как большая возможность подпольно-революционной работой усилить силы организации, укрепить ее и сделать мощной, используя все возможности к этому. Используя максимум энергии организации для подпольно-революционной работы: обострить дискуссию в РКП, воспользовавшись смертью Ленина, признание иностранцами использовать как агитсредство. Вхождение в экономическую жизнь страны, изучение масс, агитработа в Кр[асной] армии – что она есть национальная, работу по усилению национальных тенденций на окраинах, агитация за самостоятельное существование России и т.д. В общем, устроить «государство в государстве», чуть ли не вопрос о «легализации организации», в общем, черт знает что. О правых Вам Серж напишет, он правый.

Политическое и экономическое положение СССР я описывать не буду, так как Вам посылается общий обзор ЦК о сов[етской] России до 15.02.24 г., о работе Мос[ковского] бюро передаст Вам А[ндрей] П[авлович], писать об этом не могу, он подробно расскажет обо всем.

Считая недостаточной одну линию связи, я, Б[орис] В[икторович], прошу Вас помочь нам в налаживании связи через Финляндию. У нас со стороны России все сделано, но связываться с финнами из М[осквы] мы не хотим, ибо это рискованно, да и трудновато. Вам же, Б[орис] В[икторович], это не составит труда, как говорит Серж, устроить через фин[ского] воен[ного] атташе в Париже. Подробности у А[ндрея] П[авловича], и ему же это дело поручено. В Польшу я приехал ввиду необходимости, А[ндрей] П[авлович] объяснит.

Большая для ЦК НС необходимость иметь с Вами непосредственную переписку почтой, об этом условтесь с А[ндреем] П[авловичем], мы Вам дадим одно из средств.

Очень жалею, что не могу с Вами повидаться, так безумно хочется, но, к сожалению, не имею ни одного лишнего дня.

Шлю всем привет и желаю успеха в делах. Жду ответа.

Ваш Леонид.

Р.С. И[ван] Т[ерентьевич] [Фомичев] мне говорит о Имранове², что он хочет ехать в с[оветскую] Р[оссию] для работы и, кажется, в М[оскву]. Если действительно он имеет такое желание работать, то пусть приезжает, из Вильно он в М[оскву] доедет с моим курьером.

Леонид.

Н-1791. Т. 25. Л. 113–116. Машинописная копия.

¹ Члены мифического ЦК.

² Савинковец Имранов входил в одну из банд полковника С. Павловского.

86

Б.Савинков – А. Федорову

18.4.24 г. Париж.

Дорогой Андрей Павлович.

Я вынужден был уехать по делу и своего отъезда отложить не мог. Вернусь к 1-му мая. Очень прошу Вас меня подождать. За более подробными сведениями обратитесь к Любове Ефимовне Дикгоф-Деренталь 3 av. Malakoff Hotel, Malakoff en 20. в любой день, часов в 12.

Ваш Б. Савинков.

Н-1791. Т. 25. Л. 165. Машинописная копия.

87

Б.Савинков – С. Павловскому

5.5.24 г.

Дорогой мой.

Писал Вам много раз, настойчиво прося приехать. С этой же просьбой снова обращаюсь к Вам, приезд Ваш необходим. Почему необходим, Вам отчасти объяснит А[ндрей] [Павлович]. Вы знаете, что зря я бы не потревожил Вас, и если снова прошу о приезде, значит так надо. Все денежные надежды мои провалились. Спасибо Вам за письмо, оно очень порадовало меня. Не хочу Вам советовать из «прекрасного далека», но убедительно прошу быть осторожным в деле Вашего брата и держать себя в руках. Знаю, что это трудно, но необходимо.

Обнимаю Вас. Отец.

Н-1791. Т. 25. Л. 169. Машинописная копия.

5.5.24 г.

Дорогие друзья!

Сердечно благодарю вас за память и за помощь. В моих пожеланиях успеха вы не нуждаетесь: вы знаете, что я всей душой с вами.

В политпрограмме я особенно рад отметить два пункта. Первый – решение национального вопроса на началах признания независимости всех окраинных народов, второй – благожелательное отношение к фашизму. И тот, и другой, мне кажется, заслуживает развития, ибо, кратко отмеченные, могут подать повод к неправильным толкованиям.

В моих глазах, признание независимости окраинных народов является только первой ступенью. Последующим шагом должно явиться свободное соглашение всех государств восточной Европы (в том числе даже Польши) и образование Всероссийских соединенных штатов по образу и подобию Соединенных Штатов Северной Америки. К сожалению, такое единственно жизненное понимание будущего строительства России встречает сильную оппозицию со стороны эмигрантских демократических кругов. В частности, эсеры все еще думают, что учредительное собрание может продиктовать свою волю окраинным государствам и навязать им федерацию с Россией. Именно потому, что идея независимости Украины, Грузии, Белоруссии многим кажется покушением на «расчленение» России, необходимо наше решение национального вопроса подробно обосновать. Но это дело, разумеется, будущего. Если я сейчас останавливаюсь на этом вопросе, то только для того, чтобы не было недоговоренности между нами.

То же и о фашизме. Эсеровская пресса дурно понимает его. В нем нет элементов реакции, если не понимать под реакцией борьбу с коммунизмом и утверждение порядка. Фашизм спас Италию от коммуны. Фашизм стремился смягчить борьбу классов. Он опирается на крестьянство, он признает и защищает свободу и достоинство каждого гражданина; так наз[ываемый] империализм итальянских фашистов – явление случайное, объяснимое избытком населения в стране и отсутствием хороших колоний, такое же случайное явление и сохранение монархии. Фашистское движение растет повсеместно в Европе, в особенности в Англии, и я думаю, что будущее принадлежит ему. Это не удивительно. Европа переживает кризис парламентских учреждений. Люди разочаровались в болтунах, не сумевших предотвратить войну и не умеющих организовать послевоенную жизнь. Фашизм не отрицает народного представительства, но требует от народных избранников не прекрасноречивости, а действий и волевого напряжения. Парламент (у нас – Советы) не должен мешать правительству в его

созидательной работе бесконечными прениями и присущей многолюдному собранию нерешительностью. Если за парламентом остается право контроля, то на него возлагаются и обязанности, он не должен быть безответственным и бездейственным учреждением. Керенским и милюковым в фашизме нет места. Отсюда – их ненависть к нему.

В тактике я с вами согласен. Я подписываюсь под 6-ю параграфами «основ» и считаю их единственно разумными в современных условиях. Провалы происходят не только от неконспиративности отдельных членов, часто сама тактика неконспиративна. Надо копить силы. И еще раз копить силы. В этом смысле лучше пересолить, чем недосолить. Но, чтобы решить тот вопрос, по которому у Вас возникли столь серьезные разногласия, надо быть на месте, а не здесь. Достаточно ли уже накоплено сил? Каково их количество? Какова степень их организованности и дисциплины? Какова окружающая среда? Каково общее положение? Я не могу ответить на эти вопросы. Добросовестность позволяет только поставить их. А ведь в ответах все дело... «Эволюция» тут не при чем, короткие удары тоже. И боже сохрани контактировать с монархистами: уже не говоря о том, что гусь свинье не товарищ, они непременно и нарочно провалят. Я это знаю по опыту. Очень хорошо, что возникают смелые планы. Это свидетельствует о росте и организации, и настроения. Но лучше – «осторожнее на поворотах». Лучше семь раз примерить и один раз отрезать. Говорю еще раз: для решения конкретного, чисто практического, у меня нет достаточных данных, и я прошу подождать, если Вы хотите считаться с моим мнением (чего некогда ждать, А[ндрей] П[авлович] объяснит на словах). Сейчас могу сказать только одно, как результат всей моей предшествующей работы. Если организация выросла настолько, что в ее среде наблюдается определенное активное настроение, надо выделить людей с таким настроением в отдельную группу с точным посильным заданием и поставить их в такие условия работы, чтобы их провал не повлек за собой провала общего, всей организации в целом. Еще могу сказать: лучше даже и это сделать возможно позднее.

Выявляться в листовках и проч[ее] не следует. Игра не стоит свеч. Для выявления есть газета. Эта газета должна быть вашей. Вашей не только в смысле даваемой вами информации (вы до сих пор ее почти не давали), но и в смысле руководства. Нормально, редакция должна быть у вас. Нормально, газета должна быть вашим официальным органом. И нормально, вы должны ее поддерживать денежно. Мы неизбежно делаем ошибки, не зная в точности настроение. С другой стороны, мы изнемогаем от безденежья (все надежды провалились, говорю вам это с большой горечью, но вам нужно знать правду)... Газета в нынешнем своем виде может удовлетворить только отчасти. С величайшим трудом, ценой огромного напряжения удалось не дать ей погибнуть. Слава богу, она живет и является хорошей эмигрантской газетой. Но именно

эмигрантской. А должна быть русской. Пока присылайте, возможно чаще, информацию. Вопрос о руководительстве из России решим потом, отделив внутреннюю политику от иностранной и оставив последнюю в ведении заграницы. Оговорюсь, что высказываю свое личное мнение, и мнение редакционной коллегии еще не знаю. Надеюсь, что оно не разойдется с моим.

Вот все главное. Остальное А[ндрей Павлович] изложит вам на словах.

Всегда и сердечно ваш *Б. Савинков.*

Н-1791. Т. 25. Л. 173–176. Машинописная копия.

89

Б. Савинков – Д. Философову

5.5.24 г. Париж

Дорогой друг Дмитрий Владимирович!

Прилагаемое письмо передайте М[ихаилу] П[етрови]чу, возьмите у А[ндрея Павловича] мои письма в Москву (два, одно Сержу) и прочтите их. Кроме того, А[ндрей Павлович] Вам доложит кое-что на словах. Засим последующее пишу и для Вас, и для Арц[ыбашева], Порт[угалова], Шевч[енко]. Есть два вопроса: один главный об организации, которую представляет А[ндрей Павлович], другой о газете. А[ндрей Павлович] делает на меня хорошее впечатление. По его докладу, несомненно правдивому, организация растет. Доказательство ее роста, прежде всего, – ее бюджет. Она единственная, не просящая денег из-за границы, и я склонен возлагать на нее большие надежды. К разделившему ее членов вопросу я отношусь очень серьезно. Его решить из-за границы нельзя. Только на месте может быть видно, наступил ли момент активных действий. Вообще же я всегда за выжидание и накапливание сил.

Старые силы разбиты, теперь происходит процесс нарождения и накопления новых. Мне кажется, что процесс этот еще далеко не закончен, а тот факт, что такой боевой человек, как Серж, против открытого выступления, только укрепляет меня в этой мысли. Как видите, я несколько разошелся с Вами и ближе в этом вопросе к А[ндрею Павловичу], но говорю еще раз, из-за границы решить и даже решать невозможно. Невозможно уже потому, что не ясна степень чистоты организации. Ввиду всего вышеизложенного выписываю я Сержа. Его доклад очень важен. Только после этого доклада я буду иметь определенное мнение, опять-таки не по вопросу о выступлении, а только по вопросу о силе и чистоте организации. Когда он приедет, многое выяснится и для меня, и для Вас.

Нормально, газета должна быть органом ЦК НСЗР и Св, и редакция ее должна быть в Москве. Последнее невозможно. Однако

возможно руководство по вопросам внутренней политики, а также постоянная и подробная информация статьями, заметками, сообщениями и т.д.

Переговорите с А[ндреем Павловичем] о последнем. Дайте ему адреса для такого рода корреспонденций. Вообще, я бы считал очень полезным, чтобы редакционная коллегия обсудила вопрос о желательной связи газеты с Москвой. Буду ждать Вашего постановления с нетерпением. Очень бы хотелось, чтобы Вы вынесли его до приезда Сержа, чтобы вместе с ним не было тех неясностей с нашей стороны, которые были неизбежны в беседе с А[ндреем Павловичем].

Денежно газета должна быть обеспечена тоже Москвой. Постарайтесь подготовить приезд Сержа в Париж. Постарайтесь подготовить мой приезд к Вам. Мне кажется, что наше свидание необходимо. Писать мне можно либо на Бафа, либо (это лучше)

Monsieur Francois Lione 16 rue Colbert Crosne Seine et Oise France.
В обоих случаях внутри: «roug B.S.».

Неприменно отдайте 50 долларов А[ндре]ю [Павловичу]. Сие первостепенно важно для меня.

Обнимаю Вас, всегда Ваш Б. Савинков .

Н-1791. Т. 25. Л. 189–190. Машинописная копия.

90

Б. Савинков – М. Арцыбашеву

5.5.24 г. Париж

Глубокоуважаемый Михаил Петрович!
Д[митрий] В[ладимирович] прочтет Вам мое письмо к нему.

Простите сию мою вольность. Если я позволил ее себе, то только для того, чтобы не повторяться в письмах к Вам и к нему.

О фашизме, по-моему следует писать возможно больше. Моя неудача, мне кажется, не может иметь в этом отношении значения. Не знаю как Вам, но фашизм мне близок и психологически и идейно.

Психологически – ибо он за действие и волевое напряжение в противоположность безволию и прекраснодушию парламентской демократии; идейно – ибо он стоит на национальной платформе и в то же время глубоко демократичен, ибо опирается на крестьянство. Во всяком случае, Муссолини для меня гораздо ближе Керенского или Авксентьева.

Я знаю, что многие говорят: а где же С[авинков]? И я так же, как и Вы, глубоко тягочусь бездействием и словесной проповедью борьбы. Но для того, чтобы бороться, надо иметь в руках оружие. Старое у нас выбили из рук. Надо иметь мужество это признать. Новое только куется. Когда оно будет выковано, настанут «сроки»... Иногда надо уметь ждать, как это ни тяжело. Я повторяю это себе ежедневно.

а пока готовлюсь, готовлюсь, готовлюсь. Навербовать «желающих» легко. Организовать их труднее. Для последнего нужны люди и деньги. Первых очень мало, вторых нет. Поэтому я предпочитаю пока не вербовать, тем более, что я Вам уже писал, что «навозну кучу разрывая...». Уверен, что из 10 Ваших корреспондентов 8 – те, о которых можно сказать «суждены им благие порывы». Карпович застрелил Боголепова один, не советуясь ни с кем. Сержа незачем вербовать, Перхурова нечего было «убеждать». Проповедь нужна для массы. А массе нужны начальники. Накопим начальников, а по мере сил будем готовиться и, если хотите, бить в набат. Набат тоже очень и очень хорошая вещь, и дай Вам бог здоровья и сил за то, что вы так хорошо в него бьете. К А[ндрею Павловичу] и его друзьям я отношусь менее скептически, чем Вы. Поживем – увидим. Пока от них плохого ничего нет, а есть только хорошее. И разделение их свидетельствует не о дразгах, а об очень осторожном отношении к весьма важным вопросам. Писать мне лучше всего на адрес: Monsieur Francois Leone 16 rue Colbert Croshe Seine et Oise France.

Будьте здоровы. Всегда сердечно Ваш
Б. Савинков.

Н-1791. Т. 25. Л. 197–198. Машинописная копия.

91

И. Фомичев – Б. Савинкову

Дорогой Папаша!

Для Вас не могла быть неожиданной моя поездка к нашим друзьям, об этих причинах я уже писал Вам раньше, считал необходимым быть на месте и присмотреться к действительному положению работы и людям. Я воспользовался предложением и содействием Л[ео니다] [Шешени] для осуществления поездки, правда, при спешности поездки не имел возможности согласовать это с Вами и получить необходимые указания. Доехал до друзей благополучно и с удобствами, при содействии друзей устроился с квартирой, с документами, акклиматизировался и чувствую себя полноправным гражданином СССР. Кроме работы по своей линии, о которой говорил А[ндрей Павлович] (работа для друзей), встречаюсь с нашими общими друзьями, иногда принимаю участие на засед[ании] Главн[ого] правл[ения], что дает мне возможность знакомиться с работой и главными членами правл[ения], а также принять посильное участие в работе.

А[ндрей Павлович] доехал благополучно, Ваше письмо для Главн[ого] правления (т.е. ЦК) получено 20.05, на заседании Главн[ого] правления было прочитано и обсуждено, произвело хорошее впечатление, особенно Ваша поддержка осторожных в Центре по всем положениям, придала им много энергии и уверенности в правильности проводимой ими тактической линии; активисты до Вашего приезда

согласились не предпринимать ничего рискованного, работая по-старому с новой энергией. Прения по Вашему письму и докладу А[ндрея Павловича] были очень большие, все присутствующие приняли в них живейшее участие. Все объединились в одной мысли: организация проделала большую подготовительную работу, накопила много сил и энергии, создала благодаря имеющихся связей благоприятные условия работы, но нет опытного руководителя, т.е. Вас, который мог бы эти силы, энергию, преданность делу умело и целесообразно использовать в интересах нашей работы. Основные положения Вашего письма и доклада А[ндрея Павловича] разногласий не вызвали и полностью приняты. На национальный вопрос, как и на конфедерацию, все присутствующие на зас[едании] Главн[ого] правл[ения] и в ряде частных бесед с друзьями, смотрят здесь с большой симпатией, особенно активисты, среди которых фашизм начинает завоевывать много сторонников.

Газета Философова многих не удовлетворяет своей умеренностью, плохой информацией о местной жизни и народн[ом] движ[ении], уделяет мало места программным, тактическим вопросам экономического строительства и общественно-государственных форм возрождающейся России. Все считают ценным и необходимым иметь свою газету. Вопрос о газете оставлен открытым до Вашего приезда. До того времени снабжение и присылка материалов и корреспонд[енции] для Философова поручена мне.

Серж приехал 20.05 с юга, дела его обстоят хорошо. Делал доклад на засед[ании] Главн[ого] управл[ения], на этом заседании присутствовал и я. Работа на юге идет хорошо, перспективы богатейшие, как в казачьих районах юго-вост[очной] России, так и среди горцев – мусульман Сев[ерного] Кавказа. В ближайшем этот район нас поддержит активно, т.к. сил там достаточно. Серж на юге заработал 10 000 долларов, сделано было смело и красиво с коммерческой точки зрения. Многие за эти его способности и храбрость в коммерции ценят и уважают. Думает заработать еще больше, т.к. для коммерческого предприятия все подготовлено, и он выехал 1.06 на юг для работы. Я передал Ваше ему письмо, когда было принято постановление Главн[ого] правл[ения], согласие на Ваш приезд, тогда было мною высказано и обосновано, чтобы Серж безотлагательно выехал к Вам. Большая подготовительная работа, обеспеченный успех нового коммерческого предприятия задержали его отъезд до 15.06, хотя с этим я не был согласен. Серж, согласно решения Главн[ого] правл[ения], выедет во второй половине июня мес[яца] за Вами, возьмет меня с собой до моего старого местожительства для облегчения и содействия ему с технической стороны осуществления его поездки. Главн[ое] правл[ение] техническую сторону для Вашего приезда уже начало готовить: переправа, людей, деньги и т.д. Дача же мной при участии Главн[ого] правл[ения] найдена и нанята, очень уютная и с удобствами.

Полит[ическое] и экономич[еское] положение следующее: празднование первого мая происходило по установленному трафарету, но общая обстановка была бледна и менее торжественна, чем в прошлые годы. Участвовавшие в маниф[естации] организ[ации] рабочих и служащих по принуждению сверху и своих ячеек, благодаря чему настроение демонстрантов не было праздничным и не отличалось энтузиазмом. Благодаря нападению в Берл[ине] на торгпредство СССР, отношения между СССР и Германией стали враждебными, и пресса Союза ведет усиленную кампанию против экономического бойкота Германии, для чего предерж[ащими] властями во всех городах были организованы манифестации протеста против налета. Эти официально организованные протесты несколько не выражали действительного настроения граждан. Проводимая денежная реформа для укрепления сов[етского] рубля является несерьезной. Чеканится золото, выпущено небольшое количество денег серебр[яных] монет, но из обращения исчезли. Эта же участь постигнет вновь выпускаемое серебро и, если будет выпущено, то и золото. Ходят в обращении только бумажные деньги, только вместо миллионов стали считать копейки, рубли; так, напр[имер], 1 ф[унт] черн[ого] хлеба стоит 5 р. 14 коп., фунт сахару – 30 коп., фунт мяса – 50 к., месячный заработок рабочего – 15 р. и доходит максимум до 80 р. То же совслужащие и комсостав. Экономия средств и удержание твердости курса вынуждают сокращать расходы. Уменьшаются штаты учреждений, и промышленность ... все больше сокращается.

Происходит чистка ВУЗов (Высшие учебн[ые] завед[ения]). В Ленинграде исключено 8 000 студентов, в Москве – 7 000, и в других городах. Чистке подвергаются студенты, поддерживающие оппозицию во время дискуссии, и по социальному составу не принадлежащие к пролетариям, т.е. дети проф[ессоров], докторов, инженер[ов] и др[угих] интеллиг[ентских] проф[ессий], благодаря чему участились случаи самоубийств среди исключенных. Сокращение и упадок промышл[енного] производ[ства] изо дня в день увеличивает кадры безработных, количество которых доходит до 3 милл. чел[овек], в том числе в Ленингр[аде] 300 и в М[оскве] 400 тыс. чел[овек]. Среди этих безработных зреет недовольство, и вспоминают о военном коммунизме, т.к. тогда можно было получать голодный паек, а теперь даже этого не имеют. На происшедшем с 24.05 по 2.06 XIII съезде компартии победили сторонники прежнего состава ЦК. Оппозиция хотя и потерпела поражение, но совсем не раздавлена и с прежним упорством отстаивает свою линию. Прение на съезде и вынесение резолюции говорят за то, что трудности впереди предстоят еще большие. Кроме международного буржуазного окружения внутри страны растет собственная нэпмановская буржуазия. Промышленность, внешняя торговля и финансы – в руках пролет[арского] государства. Из национ[ализированной] промышл[енности] новая буржуазия выкачивает разными способами ее прибыль и обогащается, благодаря чему за-

хватила часть всей торговли в стране. Борьба с частной торговлей посредством кооперации поставлена первой и неотложной задачей.

Ленинский набор в компартию был использован для борьбы с оппозицией и для получения своего большинства для стар[ого] ЦК, это выражение доверия рабочих к РКП – в итоге – новый ленинский призыв будет балластом для компартии и будет разлагающим элементом в партии. Крестьянство за эти 2–3 года экономич[ески] поправляется и с каждым годом становится большим экономическим фактором в государстве, т.к. благодаря дефицитности нац[ионализированной] пром[ышленности] крестьянство, внося налог 400–500 милл. рубл[ей], содержит и кормит государство. Крестьянство при создавшемся положении – лишь податное сословие. В управлении государством [участия] не принимает. Всеросс[ийский] съезд советов стал совещ[ательным] учрежд[ением] при СНК ВЦИК тоже, в последнее время приостановлен прием крестьянства в ряды РКП – все эти факты крупного политического значения и не могут не учитываться крестьянством. Среди прав[ославного] духов[енства] началась полоса примирения. Популярность патриарха Тихона среди духов[енства] и верующих растет изо дня в день. Религия и духовенство среди крестьян и в городах пользуются влиянием. Антирелигиозная пропаганда, как то журн[ал] «Безбожник» вносит в крестьян[скую] среду озлобление и большую ненависть. Тихон созывает Всеросс[ийский] собор для разрешения церковных вопросов, куда приглашает представителей не только своих последов[ателей], но и обновленцев и другие образовавшиеся течения в православной церкви.

Душевно Ваш Терентий [И. Фомичев].

5 июня 1924 г.

Н-1791. Т. 9. Л. 13. Машинописная копия.

92

С. Павловский – Б. Савинкову

Дорогой отец!

Наконец и я дождался того, что всегда случается после слишком большого везения.

Я всегда удивлялся, как это меня еще земля держит. Последняя торговая операция не удалась; мы понесли небольшие убытки. К счастью, особо тяжелых по качеству потерь мы не понесли, и ближайшая ярмарка, я уверен в этом, пополнит наши временные убытки с лихвой. Одно мне неприятно – поездка на эту последнюю неудачную ярмарку приковала меня к постели. Я заболел, начал было поправляться, но тут какое-то осложнение с сухожилием, и врач говорит, что придется проваляться очень долго. Такая бездеятельность хуже, чем соответствующая для меня смерть.

Все это очень печально, т.к. не дает возможности ехать к Вам лично. Во всяком случае, И[ван] Т[ерентьевич] [Фомичев] и А[ндрей] П[авлович] [Федоров] передадут Вам это все на словах, и я думаю, они все сделают без меня так же, как и я. В осторожности, умении А[ндрея] П[авловича] я уверен так же, как и в себе, т[ак] что Вы от этой случайной замены ничего не потеряете.

Самое главное, страшно досадно, что я временно выбыл из строя и прикован к кровати в самое нужное время. Но и лежа я, пожалуй, сумею вместе с В[ладимиром] Г[еоргиевичем] [Островским] достаточно противодействовать активистам. Хотя все это – меры временные, капитал есть, но нужен мудрый руководитель, т.е. Вы.

Все уж из состава главной нашей конторы привыкли к этой мысли, и для дела Ваш приезд необходим. Я, конечно, не говорил бы этого, не отдавая себе полного отчета в своих словах.

И за Ваше здоровье и за успех торговли во главе с Вами я спокоен, а потому буду тихо лежать в постели, ощущая Вас здесь. А[ндрей] П[авлович] говорил мне о том, что Вы подробно расспрашивали и интересовались членами Глав[ного] управления. Во главе нашего Глав[ного] управления стоит Ваш зам[еститель] пред[седателя] В[ладимир] Г[еоргиевич], человек очень серьезный, осторожный, со здравым смыслом и очень сильной волей. Работал раньше в фирмах, подобных нашей, с самого начала гражданской войны. Привык к большим масштабам, залог этого – наша работа в настоящем.

Конечно, у него нет того, что есть у Вас.

Интересен его подход к фашизму, т.к. его взгляд отражает большинство взглядов членов нашей фирмы. В[ладимир] Г[еоргиевич] признает классический фашизм и отрицательно относится к разрозненному фашизму – ширме монархических выступлений.

В прошлом В[ладимир] Г[еоргиевич] – инженер.

В[алентин] И[ванович] и С[ергей] В[алентинович]¹ люди такого же размаха, как и В[ладимир] Г[еоргиевич]

Эти три – самые крупные, молодые, а также решительные и настойчивые.

П[етр] Г[еоргиевич] [Владимиров] прошел все войны, много раз ранен, единственный его недостаток – чрезвычайно нервен и чрезмерно решительный.

Что касается А[ндрея] П[авловича] и Л[ео니다] [Шешени], то Вы их знаете лично. К первому из них (А[ндрею] П[авловичу]) я стал относиться в тысячу раз лучше, и единственно у него и В[ладимира] Г[еоргиевича] я научился многому: выдержке и т.п.

Чтобы поехал к Вам он, настоял я; если Вы с ним, я спокоен.

И[ван] Т[ерентьевич] отчасти приспособился к работе, в дальнейшем предполагаем перебросить его на юг.

Ну, дорогой отец, всего доброго, всего хорошего. К Вашему приезду надеюсь встать на ноги. Кстати, кредит обеспечен. Меры к удобству в поездке приняты.

Горячо любящий Вас сын С[ергей].

10.07.24 года.

Н-1791. Т. 25. Л. 1–2. Машинописная копия.

¹ Чекисты В.И. Сперанский и С.В. Пузицкий, входившие в мифический ЦК.

93

Письмо А.П. Федорова Б.В. Савинкову (секретно)

Уважаем[ый] Борис Викторович!

Пользуюсь приездом в Варшаву, чтобы черкнуть Вам о положении работы нашей в России. Все положения, к которым мы пришли при нашей встрече в Париже, в Москве приняты. С Вашего благословения в Москве образовался из слияния двух известных Вам организаций – НС ЗРиС под Вашим председательством, заместители – уже известный Вам по докладу Ив[ана] Терентьича и моем – *Владим[ир] Георгиев[ич] Островский* и *Владимиров*, старый подпольщик, юрист. Ощущается острый пока недостаток в финансах и руководителях.

Условия в Германии поставили нас слегка в затруднительное положение, возможно, что будем вынуждены предпринять кое-что и раньше времени. Условия работы прежние, даже легче. Сельскохозяйственн[ая] выставка – гвоздь сезона.

Привет от Леонида.

А. Федоров.

29.10. 1923 г. Варшава.

Н-1791. Т. 16. Л. 48. Рукопись.

94

Доклад А.П. Федорова о 8-й командировке за рубеж

**Москва–Варшава–Париж
(по савинковской линии)**

С[овершенно] секретно

Переход через советско-польскую границу был произведен при непосредственном и исключительном участии упол[номоченного]

П[олномочного] П[редставителя] ОГПУ Зап[адного] края тов. Крикмана, помимо всяких постов и т.д. Доклад по польской линии (см. доклад Искры¹).

Данила Иванов и Яковлевич.

По приезде в Вильно Фомичев сообщил, что на днях собираются выехать в Совроссию Дан[ила] Иванов и Яковлевич, т.к. не дождались от «Сержа» приглашения, и что он, Фомичев, дал им письма по адресу «Михайловского»² и явку к нему, и быть может, они поедут в Москву. Я предложил Фомичеву дать им немедленно телеграмму, чтобы они по этому адресу в Москву не ездили, а ждали письма от «Сержа», что он немедленно и сделал (см. копию телеграммы Фомичева). Фомичев сообщил, что он, на всякий случай, обменялся с ними явками, паролями, адресами для писем и курьеров.

Польский заграничный паспорт.

В тот же день виделись с нач[альником] экспозитуры³ Майером и сообщили, для чего нужен срочно паспорт. Майер указал, что завтра будут готовы документы для получения паспорта, по которым выдадут срочно и бесплатно, как рекомендуемому учреждением.

Французский лейтенант Донзо.

Тут же мы узнали от него, что задания по авиации и химии, данные в январе с.г., исходят не от него, а от работающего при экспозитуре французского офицера – лейтенанта Донзо.

Узнав от нас, что с французской визой мне еще нужно будет провозиться в Варшаве, пока не получу, как в поездку 1923 г., он обещал оказать содействие – получить рекомендательное письмо от поручика Донзо к варшавскому франц[узскому] консулу. На другой день паспорт был за сутки мной получен без всяких препятствий.

Копия оглавления и нумерация польского паспорта и визы.

Ser D №268012. 290

№5434 IV E.W24

Pawlowich Andrew

Vilno, 1888, Franciy 15 october 1924.

Французская виза №3229 от 16.04.24г.

Немецкая транзитная №3553 от 16.04.24г.

Бельгийская [транзитная] №2259 от 17.04.24г.

По приезде в Вильно Фомичев показал нам письмо Савинкова к «Миклашевскому»⁴ с просьбой немедленно приехать и т.д. (см. письмо Б.С[авинкова] от марта с.г.).

Объяснив Фомичеву причину задержки «Сержа», наши разногласия в ЦК НСЗРиСв. и пр., мы рассказали ему нашу «легенду» о его необходимости в Москве для работы по авиа[ционной]

и хим[ической] части, за что он с удовольствием схватился и решил ехать в Москву. Получив паспорт польский, я решил не задерживаться в Вильно, и 15 апреля выехал в Варшаву.

Свидание с Философовым и др. в Варшаве.

По приезде в Варшаву 16 апреля утром же позвонил Философову на квартиру (тел. 256-26) и через час уже был у него. Объяснив ему кратко обстоятельства, вызвавшие необходимость поездки в Париж к «отцу», причину задержки «Сержа», наши разногласия в Москве и пр., я показал ему рекомендательное письмо лейтенанта Донзо к франц[узскому] консулу. Поговорив подробно обо всем, он предложил мне сейчас же ехать с ним в консульство, дабы окончить все для поездки в Париж за 2 дня, т.е. ввиду наступления польских праздников (пасха).

Отправились с ним в консульство французское мы, предъявив франц[узскому] консулу письмо Донзо, получили визу в Париж за 24 минуты. В тот же день получил немецкую транзитную визу, а на другой день, т.е. 17.04, получил Бельгийскую визу. 17.04 приехал из Вильно и «Искра».

Арцыбашев.

17.04 Философов предложил мне познакомиться с Арцыбашевым, который является членом редакционной коллегии газеты «За Свободу», но с которым он, Философов, во многом несогласен, но получив письмо от Б. Савинкова с просьбой не накладывать редакционную узду на Арцыбашева, вынужден пропускать в газете многое, с чем он не согласен, как напр., *призыв к террору* против большевиков и пр.

Я согласился на знакомство и решил вечером 17.04 встретиться в номере у Шевченко в гост[инице] «Брюль». Тут же Философов предупредил меня, что Арцыбашев глухой, особенно на правое ухо, т.ч. приходится кричать под ухо.

На мой вопрос, как же выехал Арцыбашев из России, он сообщил, что будучи в России, Арцыбашев получал финансовую помощь от дочери норвежского писателя Стринберга, и выехал из Совроссии официально, получив паспорт через чье-то посредство (видно, какого-то коммуниста), и что не обошлось дело без взятки. Подробности он не рассказывал, а спрашивать было неудобно.

В тот же день Философов сказал, что Португалов уехал в Прагу на съезд сельскохозяйственный, и что у них принципиальные расхождения по вопросу о редактировании газеты. Тут же я передал ему 35 долларов от «Сержа», за что очень благодарил.

Далее, он объяснил мне, что Б. Савинков должен срочно уехать из Парижа для переговоров с какими-то друзьями, и что я могу его уже не застать. Мы решили, что лучше ждать в Париже, чем в Варшаве, и дали телеграмму Б. С[авинкову], что 18.04 выезжает в Париж Андрей Павлович.

Легенда о «Серже».

В отношении «Сержа» пришлось пустить новую легенду: «Сержо» задержался, главным образом, по двум причинам: 1) подготовлен давно затеянный экс поезда, и нужно его скоро провести; и 2) «Серж» решил освободить своего брата, давно сидящего уже в Бутырках в Москве. «Сержу» удалось связаться с братом через надзирателей, и необходимо устроить побег до суда, т.к., по всей вероятности, расстреляют. Хотя, мол, я и не согласен с этим, что это не частное дело «Сержа», довольно опасное, рискованное и пр., но, мол, не имею нравственного права отговаривать «Сержа» от попытки освободить родного брата.

Эта аргументация о неприезде «Сержа» была для них вполне убедительна. Философов был очень [поражен], что мы, ЦК, в Москве имеем средства для работы и что мы недавно в марте подработали еще тысяч 20 (20 000 р.) спекуляцией на папиросах перед снижением цен при введении твердой валюты (легенда).

Вечером отправились к Шевченко, беседовали с Арцыбашевым по поводу разногласий наших в ЦК. Арцыбашев сторонник активистов: нужно делать, выступать, хоть и разрозненно, терроризировать и т.д., словом, давать знать всем, что в Совроссии вовсе не спокойно, что не все еще покорились соввласти, и что это будет иметь большое значение для иностранцев. Об организации, конечно, ему не говорилось ничего.

Ужин с Арцыбашевым, Философовым, Шевченко.

Часов в 10 все решили пойти поужинать в ресторан. Присутствовали Философов, Шевченко, Арцыбашев, Искра и я.

Беседа во время ужина была все на те же темы: положение в Совроссии, дискуссия в РКП, наши разногласия в ЦК и т.д. Арцыбашев говорил мне, что хотя он с Б. Савинковым лично и не знаком, а только по письмам, но ценит его как единственного борца против большевиков, знает его прошлое как террориста, поэтому он и стал сотрудничать вначале, а потом вошел и в редак[ционную] коллегия газет «За свободу». Ругал, конечно, большевиков, говорил, что нужно бороться, чтобы скоро свергнуть их и «ненавистное для народа иго» и т.д.

На мой вопрос, почему же он уехал из России, из центра борьбы, он ответил, что он был хорошо известен большевикам, что за ним по пятам ходили шпики и пр., и что при таких условиях он ничего не мог сделать в России. Женат он на артистке Княжевич, которая открыла в Варшаве в «Брюле» студию мелодекламации.

Разошлись после ужина часа в 2 ночи. Арцыбашев просил очень захватить к нему по возвращении от Б. Савинкова из Парижа. 18.04 я встретился утром с Философовым у него на квартире.

Полунин.

Он сообщил, что Савинков лично не знаком с Арцыбашевым, но ценит его как писателя и теперь ведет с ним переписку. Также Савинков переписывается и с Полуниным, хотя пока лично тоже не знаком; его он ценит как активиста, как дерзнувшего поднять руку на представителя соввласти.

Связь Савинкова с Пти.

Ввиду трудности вывоза из Польши валюты, строгих досмотров на границе, вплоть до всех бумаг и т.д., он предложил мне отправить все материалы для Б. С[авинкова], а также деньги, через франц[узское] консульство, по адресу: мин[истерство] иностр[ан-ных] дел, Евгению Юльевичу Пти для Савинкова.

Я согласился и дал ему все материалы, а также 300 долл[аров].

На 12-й день как документы, так и деньги были мной получены у Савинкова.

18.04 я выехал в Париж через Берлин, Кельн, Льеж.

Румын Бэнони.

В Париж я прибыл 21 апреля в 1 ч. утра. По пути из Берлина в Париж я познакомился с румыном, долго жившим в Одессе, бывшем очень близким к губерн[атору] Одессы Гришину-Алмазову, неким Бэнони.

По его словам, ему очень хочется вернуться в Одессу для коммерческих целей, но он боится коммунистов, т.к. его подозревали в службе в белой контрразведке, и он скрылся, а затем уехал в Берлин. В контрразведке, говорит, не работал, но спекуляцией крупной при содействии генер[ала] Гришина-Алмазова занимался.

Владеет хорошо немецким, русским, французским и польским, турецким, итальянским и английским языками.

Паспорт весь испещрен разными визами, думаю, что он франц[узский] разведчик. При его содействии я устроился в гостинице «Бристоль», т.к. все гостиницы были заняты, и случайно, после долгих поисков номера по телефону, нашелся номер в «Бристоле», который он уступил мне.

Париж. Свидание с Дик[гоф]- Дерен[таль] Л.Е.

Утром 21.04 я отправился к Б. Савинкову, которого дома не застал. На квартире у него мне вручили письмо, оставленное им перед отъездом, в котором он просил меня обязательно его подождать и т.д. (см. письмо от 18.04.24).

Прочитав письмо, я отправился к жене Деренталья Любви Ефимовне. Ее дома сразу не застал. В гостинице мне сказали, что м-сье Деренталь уехал из Парижа, а жена его вышла недавно.

При выходе из гостиницы как раз встретился с мадам Деренталь. Очень обрадовалась приезду, сказала, что Борис Викторович и Ал[ексан]др Аркадьевич уехали, но мне есть на квартире у Б[ориса] В[икторовича] письмо. Я сказал, что уже получил письмо, очень жаль, что не застал Б[ориса] В[икторовича] в Париже. С этого дня мы уже были почти все время вместе. Она сообщила, что поездку Б[орис] В[икторович] никак не мог отложить, что Ал[ексан]др Арк[адьевич] уехал раньше Б[ориса] В[икторовича] и совершенно в другое место и приедет не ранее середины мая. От нее же я в дальнейшем узнал, что они, т.е. Деренталь, перешли в гостиницу из-за назойливости большевиков в Париже: за Ал[ексан]дром Арк[адьевич]ем и за ней ходили по пятам, желая установить, видимо, квартиру Савинкова. Теперь они замели следы свои, перейдя в гостиницу, и их оставили в покое, и что большевики, безусловно, не знают их нового адреса, а также и квартиры Савинкова.

Рейли.

В день встречи после обеда 21 апреля она мне передала, что меня очень хочет видеть г-н Рейли, узнав о моем приезде. Не имею ли я что-либо против. Я согласился встретиться вечером в кафе. Л[юбовь] Е[фимовна] передала мне просьбу Савинкова не говорить Рейли об организации и организационных вопросах, ограничившись только информацией о сов[етской] России.

Вечером состоялось свидание с Рейли и его женой. Рейли очень интересовался работой в России, вопросами экономического строительства, о последней дискуссии в РКП, положением оппозиции, наличием за оппозицией масс и т.д., нашей позицией во время дискуссии, возможностью раскола в РКП и пр.

Далее он начал спрашивать об условиях жизни в России, необходимых для жизни документах, строгостях в прописке, езде по жел[езным] дорогам, проверке документов и переходе через границу. Тут же задал вопрос, возможна ли по техническим условиям поездка Б[ориса] В[икторовича] в Москву, по силам ли это Мос[ковской] организации и взгляд Мос[ковской] организации на это. У Б. С[авинкова], по словам Рейли, есть желание поехать в Россию. Я ответил, что по техническим условиям поездка возможна, также, как ездим и мы, что переправа у нас хороша, «Серж», как видите, живет более полугода и благополучно, и т.д., но что касается взгляда Мос[ковской] организации, то я его не знаю, ибо этот вопрос мы не поднимали никогда, а что касается лично моего взгляда, то это, конечно, дало бы максимум только пользы.

Очень интересовался жизнью «Сержа», его работой. Далее он сообщил, что он едет завтра, 22.04, в Америку, очень жалеет, что не застанет моего доклада Б. Савинкову, но надеется недели через 3—4 вернуться и быть в Париже к моменту приезда «Сержа». Вскоре

разошлись. На другой день мне Л.Е. Деренталь сообщила, что Рейли решил ждать Савинкова, может отложить поездку на 2 недели и хочет опять встретиться 24.04.

Я согласился.

На этом свидании очень интересовался возможностью, вернее, приемлемостью в России различных форм правления и, в особенности, монархизма. Он указал, что монархисты твердят о своей работе в России, о своей силе там и т.д. Я указал ему, что, конечно, есть легкая работа, есть монархисты, но монархизм в России больше быть не может, а будет только демократическая республика, власть демократических советов без коммунистов. Был очень доволен, даже переводил своей жене, не понимающей по-русски.

По его словам, в данное время никто из политдеятелей эмиграции не пользуется никаким доверием у французов, англичан, чехов, итальянцев и пр., кроме Б. Савинкова. Все пока к нему относятся с уважением, но все-таки финансовая сторона мертва, никто никому не дает ни копыя.

Ген[ерал] Ярославцев.

В тот же вечер Л. Деренталь предложила познакомить меня с генералом Ярославцевым и его женой, что очень симпатичные люди, хотя и генерал, но демократ и очень предан Б[орису] В[икторовичу]. На другой день устроили свидание на квартире у Деренталь с женой Ярославцева, который был приглашен вечером к ним.

Генерал Ярославцев, генерал производства Юденича, приехал в Париж в январе 1924 г. из Берлина, работает чернорабочим на заводе за 20 франков в день. Жена его служит в греческом банке, бывш[ая] дочь генерала, с удовольствием вспоминала службу в армии Юденича.

Вечером были с Деренталь у них. Беседа, конечно, вертелась все время вокруг России, все надеются на скорый переворот и возможность возвращения в Россию. Ярославцев был выслан из Польши вместе с Савинковым, а посему ни к каким другим группам не пристает. Видимо, я им очень понравился, просили бывать у них запросто.

27.04 на первый день пасхи тоже у Ярославцевых. Разговоры все те же: большевики, сов[етская] Россия, раскол в партии, «Серж» и пр.

Савинков.

28.04 приехал Савинков, и в тот же вечер в 6 часов свидание у него. Сразу же сказал, почему не приехал «Серж», что он писал ему несколько писем с просьбой приехать, что он очень нужен «для одного дела».

Я ответил, что из всех писем Серж получил одно «о невесте и пр.», а остальные письма были еще у И. Фомичева, а затем Серж

занят очень эксом, без чего не хотел ехать, и попыткой освобождения брата (та же легенда). Б. С[авинков] был, по-видимому, удовлетворен ответом, и перешли к сути дела: раскол в ЦК, активисты и накописты и т.д. (см. проект командировки, «наши разногласия», письмо «Сержа»). Савинков указал, что, по его мнению, есть 2 пути борьбы: 1) развитие организации так, как идет у нас в Москве сейчас; и 2) выделение особых отрядов, ничем почти не связанных с организацией, для производства исключительно терактов над верхушками партии, Совнаркома, ВЦИКа и пр. Этот путь дает хорошие результаты как устрашения, так и агитации, как пример, приводил убийство т. Воровского.

Далее, он указал, что газета «Свобода» д[олжна] б[ыть] руководящим органом ЦК НСЗРиС в Москве. Б. Савинков в претензии, что Москва до сих пор сама не сделала к этому попыток.

Я ответил, что «За свободу» удовлетворить нас не может при ее составе, что для газеты нужны большие средства, коих у нас до последнего времени было мало и пр., а по сему мы не делали никаких попыток к этому.

Вечером же, во время обеда, он указал, что теперь даже немецкий штаб говорит, что с большевиками нельзя ладить, а это есть показатель, ибо немцы об этом заговорили впервые.

Доклады и деньги еще не были получены от Философова.

29.04 при встрече в ресторане за обедом Савинков сообщил, что ознакомившись с письмом «Сержа», моим докладом, он делает следующие выводы:

- 1) Вопрос о центр[альном] комитете организации.
- 2) " о разногласиях.
- 3) " о газете «Свобода».
- 4) Связь через Финляндию и письменная.
- 5) Вопрос о конференции.

Все эти вопросы практически разрешить уговорились 30.04 на квартире Савинкова в 1^{1/2} ч. дня.

30.04 было исключительно деловое обсуждение: по первому пункту он устанавливает слабость ЦК НСЗРиСв. в Москве и необходимость пополнить его такими силами, которые могли бы руководить делом – оценка момента, риск ответственности за работу и пр., и начал давать характеристики своих работников.

1) Леонид Шешеня, конечно, молод, говорить о нем не приходится.

2) «Серж» очень боевой, храбрый, честный, но не политик.

3) Шевченко – может работать в спокойной обстановке, но не в подполье, где будет уделять больше [внимания] вопросам конспирации, чем работе, трусоват немного, непригоден.

4) Философов – «барин», стар, слишком выделяющаяся фигура, нерешителен и пр. Годен только для газетной работы, и то не в подполье.

5) Виктор Савинков – работник ценный, с размахом в работе, но рисковатый, может «переборщить». Из задания может выполнить 40% хорошо, а 60% – никуда не годится. Нужно держать в вожжах, и то, только в «борисовских». В руководители не годен.

6) Мягков – не революционер, подполья не знает и не приспособится. Стар, бывш[ий] землевладелец, может работать только в спокойной обстановке, «барин».

7) Деренталь – ценный работник, хороший политик, но не умеет отстаивать своих взглядов и легко поддается влиянию. Из-за своей мягкости свободно может под чьим-либо влиянием принять совершенно иное решение, чем сам думал. Незаменим при нем, при Б. Савинкове.

Вот и все, как видите, никого нет, как руководителя. Единственно кто может принять руководство, то это только он сам.

Ехать поэтому может он только сам, с кем-либо из вышеуказанных как помощником.

Но перед тем, как ехать, он должен, прежде всего, иметь на это согласие и желание Мос[ковского] ЦК НСЗРиС, т.к. он боится, не провалит ли он своим присутствием организации, что Серж должен приехать за ним с согласием от ЦК и с выполнением всех техн[ических] потребностей (паспорта для троих, деньги, переправа и пр.). Ехать собирается не на м[есяц], а на все время необходимой для подготовки восстания работы.

2) Что касается вопроса о «наших разногласиях», то указал, что сидя в Париже, не зная точно сил, не будучи самому на месте, – он, по своей откровенности и порядочности, никакого ответа дать не может, а просит подождать ЦК с разрешением этого и других организационных вопросов до его приезда в Москву (см. письмо Савинкова «дорогие друзья»).

Но его одно мнение, которое он может и сейчас сказать, – это необходимость выделения особого террористического отряда.

3) Газета «Свобода» с его приездом в Москву станет органом ЦК и будет руководиться им из Москвы, чего он из Парижа делать не может. Хочет, чтобы газета стала «русской», но не только эмигрантской.

При наличии средств необходимо иметь газету в Париже, но это дело будущего и средств.

4) Что касается вопроса о связи через консульства, то он никакой непосредственной связи ни с кем, кроме французов не имеет, да и никто не считается теперь с «бывшим послом Колчака», не имеющим даже средств для встреч и «хорошего фрака».

Да, вопрос этот отпадает с приездом его в Москву, что он твердо и бесповоротно решил осуществить при желании Моск[овского] ЦК, и в частности, «Сержа».

5) Все конференции, по его мнению, желаемого результата дать не могут, ибо он только на месте может решить (см. письмо «дорогие друзья»).

Далее опять возвратился к вопросу о террактах и указал на 2 объекта за границей: 1) проживающий в Италии как частный гражданин пред[седатель] Совнаркома Рыков и 2) полпред в Англии Раковский.

В России т.т. Калинин, Сталин, Зиновьев и др. На мой вопрос, что же даст практического убийство Рыкова, Раковского, он ответил, что, прежде всего, это легче выполнить за границей, чем в России, что за это расстреляют, а за границей, наоборот, станет героем, как Конради и Полунин, в-третьих, будет процесс, использованный как агитационный против коммунистов. Что касается Раковского, то при совершении этого акта в Англии большевики, безусловно, порвут также и с Англией, как с Швейцарией после процесса «Конради и Полунина», и тем самым сведутся на нет англо-советские переговоры.

В Париже же, куда может приехать т.Раковский, Савинков, по его словам, будет точно знать от одного из своих друзей, очень близкого с Раковским, с которым он будет обедать обязательно, время и место обеда и т.д.

На другой день я как раз прочитал в газете «Последние новости», что предсовнаркома Рыков возвратился в Москву и приступил к исполнению своих обязанностей. Это известие огорошило его и очень опечалило, как видно было по его настроению после моего сообщения.

В тот же день он опять просил передать Сержу, чтобы он не задерживался и приезжал к нему, ибо он срочно нужен для одного дела. Я указал Савинкову, что Серж никак не мог расшифровать «невесты» в первом письме от января с.г. Он сказал, что это один из таких террористических объектов. В тот же день во время беседы он сказал, что, конечно, лучше всех этот акт мог бы провести он сам, как террорист в прошлом, но теперь это нельзя, это будет для него «политическая смерть». Все тогда скажут, что у Савинкова никого нет, если он сам производит терракты. А доверить организовать работу такую можно только таким боевикам, как Серж.

Переговоры с Беренсом Гучкова и Савинкова.

Далее он говорит: «Как видите, я кое-что делаю здесь, в Париже. Кроме этого сейчас затеял переговоры с т. Троцким, но пока не знаю, чем они кончатся».

История переговоров этих, по его словам, такова: близкий к тов. Троцкому военный Беренс (работавший в прошлом с Ал[ексан]др[ом] Ив[ановичем] Гучковым в военно-пром[ышленном] комитете) вел переговоры с Гучковым от имени Троцкого «о перемене правительства в Москве».

На это предложение Беренса Гучков поставил условием 7 пунктов: свободу слова, печати, собраний, исповеданий, частная собственность и пр.

Ответ Беренса от имени Троцкого: поставленные пункты пока преждевременны.

Переговоры эти, якобы, еще продолжаются. Узнав об этом от Гучкова, он, Савинков, передал через Беренса товар[ищу] Троцкому: «Савинков желает говорить об изменении правительства». Беренс взялся передать это тов. Троцкому. Ответа еще нет. Беренс из Парижа уехал.

Гучков, по словам Савинкова, стоит на платформе советов без коммунистов и программу нар[одного] союза признает. Ведет в Совроссии маленькую работу через посредство своих бывш[их] работников военно-промыш[ленного] комитета, ныне в большинстве работающих в Кр[асной] армии и имеющих большие связи.

Результаты переговоров своих безусловно обещал немедленно сообщить нам в Москву.

Съезд монархистов.

Из последних политических новостей сообщил, что был тайный съезд монархистов в Париже, на котором решили вовсе отказаться от «блюстителя престола», вопрос о престолонаследии оставить открытым, руководство же военными силами подчинить Николаю Николаевичу. Кирилл Владимирович не подчиняется и ведет самостоятельную работу.

Врангель подчинил армию свою Николаю Николаевичу.

Остальные политпартии ничего не делают и только грызутся между собой и делят шкуру еще не убитого медведя.

Милюков все носится с проблемой «национальный вопрос в России», а, в сущности, читая лекции на эту тему, подрабатывает деньги. На Савинкова все они смотрят как на самого левого, близкого уже к большевизму, по их мнению, принимая его фашизм за большевизм.

Вечером 30.04 были в кафе. Было нас пять: я, Рейли с женой, Савинков с Л. Деренталь. Играли в шахматы и бильярд. Шахматист Савинков хороший, на бильярде играет плохо. Говорили об англо-советской конференции. Рейли говорит: «Большевики требуют кредитов, думая, что английское правительство может их дать. Ничего подобного. Крупных денег, кредитов у английского пр[авительст]ва нет. Их могут дать только комерсанты, но ничуть не правительство».

Макдональд м[еся]ца через два слетит, и вернутся к власти консерваторы.

Вскоре в Англии будут две борющиеся силы: консерва горы, к которым примкнут правые либералы, и рабочая группа, к которым примкнут левые либералы.

Макдональд ведет переговоры с коммунистами России в угоду ирландцам-коммунистам, членам рабочей партии, но ничего из этих переговоров, в конечном итоге, не выйдет, кроме дипломатической связи.

Взгляд Савинкова немного иной: пожалуй, могут сговориться и даже получить небольшие кредиты, все будет зависеть от исхода французских выборов.

2.05 виделся с Савинковым за обедом в кафе. Принес пакет от Философова – материалы по Л[иберальным] Д[емократам] и деньги. Я вручил Савинкову 100 долларов от имени ЦК НСЗРиС как содержание председ[ателя] ЦК. Был очень и очень благодарен и тронут вниманием. Дача ему ежемесячного содержания, по-моему, имела хорошие результаты, учитывая его письмо к Философову (см. копию письма от 5.05.24).

За обедом он мне рассказал, что в Париже есть масонская ложа и русская секция в ней, руководится Чайковским. Туда же в масложу входят такие «махровые», как Кистяковский и пр. монархисты. Но есть группа и либералов-демократов, которая пригласила и его, Савинкова, руководить ими. И вот, он спрашивает меня, есть ли смысл их разделить, выкинуть монархистов и пр. Я, конечно, посоветовал произвести расслоение, и тот элемент, который может нам понадобиться, взять в свои руки.

В этот день 2.05 Б. С[авинков] – именинник. Ездили в Булонский лес кататься, конечно, с Люб[овью] Ефим[овной] Деренталь, а вечером опять в кафе «Трокадеро», куда пришел и Рейли. Играли в шахматы и на бильярде. Темы бесед, конечно, все те же: сов[етская] Россия, англо-сов[етская] конференция, переворот в России, «Серж» и пр.

3.05 были вечером вместе с Савинковым у Ярославцевых. Вспоминали поход Белорусский, Пермикина, Балаховича, Матвеева генерала и пр.

Ярославцев, между прочим, просил Савинкова устроить постоянное получение нескольких экземпляров «Свободы», т.к. имеется возможность легко отправлять в Россию. Каким образом – спрашивать было неудобно. Савинков обещал написать Философову.

Так тянулось время до 8.05, на который день я назначил свой отъезд из Парижа.

8.05 с утра был у Савинкова. Подробно переговорил опять обо всем, и особенно о том, что необходимо для его поездки. Прежде всего, конечно, средства, т.к. он их сам не имеет и достать не может. Хочет он взять с собой Ал[ексан]дра Аркадьевича Дикгоф-Деренталья и его жену.

Итак, деньги на троих.

Второе – средства на содержание его семьи, приблизительно долларов 100 в м[еся]ц.

Третье: документы безукоризненные тоже на троих.

Далее он указывал, что если Москва будет иметь в будущем деньги, то нужно будет заплатить долг Нарсоюза – 50 000 франков, взятых на организацию терракта против Чичерина в Берлине, окончившегося неудачно. Провал этого акта, по словам Сав[инкова],

отсутствие денег. Затем вернулись опять к вопросу о газете, которой руководить должна Москва, но временно, чтобы не ударить по самолюбию Философова, Португалова, Шевченко и Арцыбашева, просить Москву давать информацию и руководить по вопросам внутренней политики России и по вопросам организации. Также просил по приезде в Варшаву переговорить с Философовым по этому вопросу и получить от него адреса, по коим можно будет посылать из Москвы корреспонденции и пр. Об этом же он написал Философову (см. письмо Б. С[авинкова] к Д. Ф[илософову] от 5.05) и в Москву (см. письмо «дорогие друзья»).

Кроме этого просил переговорить с Философовым по следующим вопросам:

а) Сообщить ему о решении Савинкова ехать в Москву, но чтобы об этом не знал никто – ни Шевченко, ни Арцыбашев и т.д.

б) Философов должен получить в Варшаве Савинкову разрешение на официальный въезд в Польшу на время.

в) Переговорить с Фил[ософовым] о документе «Сержа» - итальянский паспорт, не истек ли срок, а если истек, и нужно будет его восстанавливать, то просил меня достать для Сержа польский паспорт, что сохранит и время, и деньги, и избавит от необходимости для возобновления паспорта посылать или же ехать в Рим (Срок паспорта 30 июня 1924 г., выдан в Риме).

На вопрос, как же он, такая крупная величина, скроет свой отъезд из Парижа, он сказал, что замаскирует, якобы, поездкой в Японию, для чего устроит даже все формальности. Приехав в Польшу, в Варшаву, как будто вернется в Париж, а на самом деле уедет оттуда в Вильно, а оттуда в Россию. Вручив мне письмо в Москву в ЦК, Сержу, Философову и Арцыбашеву, попросив меня вновь предлагать Сержу не задерживаться, не увлекаться делом брата, а ехать за ним, мы втроем (Савин[ков], Л. Дерен[таль] и я) отправились в Булонский лес на скачки.

Очень боялся Савинков, что Фомичев может провалить организацию, как расшифрованный в Польше, и просил передать Сержу не подпускать близко к центру организации. Что касается предполагавшейся поездки Ирманова к Фомичеву, а оттуда в Москву, то это Савинкову тоже не нравится, т.к. он боится, что заграничные гости легче всего провалят работу, как не знакомые хорошо с условиями жизни и как известные за границей большевикам.

Безусловно, никакого содействия к поездке Ирманова Савинков не оказывал. Он его очень мало знает, а жена Деренталья даже не знает его наружности. Был, по ее словам, у них Ирманов несколько раз, но в комнату не заходил, а говорил только с Ал[ексан]дром Аркадьевичем, который его тоже не знает, по письмам Фомичева только знает. Оказать никакого содействия в поездке, конечно, не может.

Взгляд Савинкова: мелкоту из-за границы, конечно, не брать (все эти Клементьевы, Дорогунины, Ирмановы и пр.), ибо обычно провалы только из-за них. Вот, даже дело ЦД: пока не связались с заграницей, были целы, как связались, начала ездить всякая мелкота – провал.

После скачек в 6 ч. вечера я проводил на автомобиле Савинкова и м-м Деренталь в кафе «Трокадеро» (на пляс Трокадеро), расцеловался с ним и с ней и отправился на вокзал.

Отношение всех их в Париже было самое дружеское, как к своему человеку, и даже Л.Еф. Деренталь, державшаяся в первую мою поездку немного поодаль, на этот раз совершенно была иная, рассказывала, что в первый раз она немного мне не верила вместе с Сержем, но Б. Савинков их разуверил. Теперь они убеждены во мне, а посему меняется и отношение. В день отъезда она передала мне полученное только что письмо Ал[ексан]дра Арк[адьевича] к «Сержу» (см. письмо Деренталь). Где Деренталь, куда ездил точно Савинков – спрашивать было неконспиративно, но по общему тону, по разговорам с Рейли, Л[юбовью] Еф[имовной] и Савинковым я вывел заключение, что Деренталь в Лондоне, а Савинков ездил в Италию (он рассказывал о жизни эмигрантов-казаков на юге Франции и т.д.)

Взгляды и настроение Савинкова объясняют всецело его письма в Москву, Философову и Арцыбашеву. (См. письма и копии).

Что касается финансовой стороны жизни Савинкова и Деренталь, то она представляется мне, со слов Савинкова, так: он очень нуждается и за помощь Москвы очень благодарен. Деренталь после болезни пальца работал грузчиком на вокзале «Sant Lasage» и лишь последнее время удалось ему выдержать экзамен на шофера, да и то, ездил он только ночью, днем ездить он боится. Зарабатывал не более 30 франков, т.к. работал на процентах. Люб[овь] Еф[имовна] Деренталь дает уроки франц[узского] яз[ыка], но оплачивается неважно, да и непостоянный труд. Савинков же живет на получаемые от литературной работы в «Свободе», слегка от добрых друзей, ему еще приходится содержать жену, с которой не живет.

Философов и Шевченко живут по-прежнему очень стесненно, особенно второй.

Места, где бывает Савинков: завтракает дома, за комнату вместе с завтраками платит 350 фр[анков] в месяц. Обедает, вечером в кафе «Трокадеро»... Бывает везде с Л.Е. Деренталь.

Знакомство Савинкова с бывш[им] испанским премьер-министром.

За день до моего выезда они были на одном званом обеде у богатой американки, где был, между прочим, бывш[ий] испанский премьер-министр, которого прогнал генерал Де-Ривера. Знакомство, по словам Савинкова, бесполезное, на всякий случай. «Несчастье сближает», оба «бывшие министры».

История знакомства с Ирмановым.

Перед отъездом из Вильно в Париж Фомичев дал мне письмо для Ирманова (содержание – см. копию письма). По приезде в Париж я на другой день написал ему письмо с просьбой зайти за письмом. На другой же день он был у меня. Отправились мы с ним в кафе, поели, поболтали. Он, конечно, как савинковец, желающий ехать в Россию к «Леониду Николаевичу». Я свое инкогнито не открывал. Затем, дня через три, он пришел еще раз, погуляли с ним по городу часа три. Беседа та же о желании ехать в Россию, об отсутствии нужного разрешения польского, о «тете в Италии», от которой он ждет денег на дорогу и пр. 8.05 принес с утра мне письмо для Фомичева (см. копию письма от 6.06.24), а вечером пришел проводить на вокзал.

Особенно меня ни о чем не расспрашивал, а довольствовался только тем, что я ему говорил. Безусловно, был вполне уверен, что видит во мне настоящего савинковца. Зачем я ехал в Париж к Савинкову – не спрашивал. Рассказывал, что живет на «уроках», оплачиваются скудно, рассказывал о своих путешествиях по Европе, что его жена в России и пр. По савинковской линии он в Париже, по-моему, пользы никакой принести не может вследствие его отдаленности от Савинкова, Деренталья и пр. Лицо, которое ни Савинков, ни Деренталь почти не знают и, безусловно, ничего не скажут ему.

Использовать его можно было в эмигрантских офицерских кругах. По виду очень вял.

Возвращение в Варшаву.

10.05 я прибыл в Варшаву ночью. Утром на другой день виделся с Философовым. Очень обрадовался возвращению. По всем вопросам от Бориса, приведенным выше, сговорились. Да, внутри газеты, по его словам, идут нелады. Газета необеспечена, а тут подвели еще праздники (польская пасха, русская пасха). Дефицит в апреле 300 долл. Субсидия получается в размере 150 долл. от начальника политического отдела мин[истерства] вн[утренних] дел. Было заседание газетной коллегии, на котором решили принять все меры для связи с нами, для правильной информации и пр.

Что касается Арцыбашева, то он, по словам Философова, не член Нар[одного] союза, но пока газета еще самодовлеющая, он ценен постольку, поскольку есть опасность [перехода] Арцыбашева к монархистам. Его усиленно приглашает Ефимовский в Париж в «Русскую газету».

С Португаловым у Философова разногласия, чуть не кончившиеся разрывом и уходом Португалова, по вопросу о руководстве

газетой, по национальному вопросу и по вопросу об учредилке, от которой еще не может отказаться Португалов (бывш[ий] нар[одный] соц[иалист]).

В 5 час. было свидание с Арцыбашевым. Он, видимо, очень разочарован письмами Бор. Савинкова к нему и Философову (см. копии писем). На руководство Москвой не особенно согласен, но отказываться прямо не рискнул. Серьезных тем, особенно организационных, не затронули.

В 7 час. по просьбе Философова виделся с Португаловым. Беседа была о газете, об информировании, статьях и пр. Его очень интересует и просит руководить по экономическим вопросам, призыве, жел[езных] дорогах, хроника московская. На руководство вообще газетой организацией из Москвы вполне согласен⁵.

Дал он ряд адресов, по которым можно посылать информацию.

Адреса:

1) Grand Hotel, пос. № 11.

2) Ul. Wilcza 31, m 4. Ingernering Compagnei, p. Hornberg.

3) Nowy Swiat 22, m. 47 пос. Wasin.

Адрес для Философова:

Варшава, Senna 28. m. 21. Jadwiga Rohl.

Телефон Философова 2-56-26.

Адрес для Савинкова:

Monseur François Leone, 16 Rue Colbert Crosne. Scine et Oise France. Телеф. 95-18.

В тот же день я выехал из Варшавы в Вильно, откуда через 3 дня, получив необходимые документы от поляков, выехал в Москву. В день выезда по адресу Дарневича было получено письмо от «Сержа» из Ростова для Философова, каковое я в тот же день отправил.

Переход через границу прошел хорошо.

18.05 прибыл в Москву.

А. Петров⁶.

май 1924 г.

Н-1791. Т. 8. Л. 133–142. Машинописная копия.

¹ Псевдоним Л. Шешени.

² Псевдоним М.Н. Зекунова.

³ Поразделение 2 отдела Генштаба Польши.

⁴ Псевдоним С. Павловского.

⁵ Так в тексте документа.

⁶ Один из псевдонимов А.П. Федорова.

**Доклад А.П. Федорова
о десятой командировке за рубеж
Москва–Варшава–Париж**

Переход через границу.

Переход через советско-польскую границу был произведен при участии пом[ощника] нач[альника] КРО ОГПУ тов. Пузицкого и упол[номоченного] ПП ОГПУ Зап[адного] края тов. Крикмана помимо всяких постов, командиров взводов и т.д. Перейдя границу, я с Фомичевым явились на пост Гаище, а оттуда отправились к коменданту Турковщины. Границу перешли в ночь с 14 на 15 июля с.г.

Приезд в Вильно.

Получив необходимые документы для проезда, в тот же день выехали в Вильно, куда добрались 16-го утром. По приезде в Вильно я отправил Фомичева в Штаб экспозитуры № 1 сообщить о нашем приезде и сговориться о месте встречи с н[ачальни]ком экспозитуры № 1 капитаном Майером.

Недовольство Майера Фомичевым.

Вскоре Фомичев вернулся и сообщил, что Майер набросился на него, Фомичева, с бранью, якобы, за безделие его, Фомичева, за передачу материалов Мос[ковского] бюро через Философова в Генштаб Польши и т.д. и сообщил, что свидание мое с Майером должно быть в 2 часа на конспиративной квартире. Фомичев был очень взволнован, очень обижен на поляков за то, что они не умеют ценить людей и т.д.

Мое свидание с Майером.

В 2 часа я отправился на известную мне конспиративную квартиру, где уже меня ждали капитан Майер и его помощник по русскому отделу. Капитан Майер уже был предупрежден Фомичевым, чтобы он не говорил со мной так, как с ним, иначе я могу все бросить и немедленно вернуться в Россию. На Майера эта угроза, видимо, подействовала, т.к. он был очень корректен, вежлив и проч.

Сразу же мы перешли на деловую работу. Капитан Майер начал с оценки доставленных нами материалов, информации о Зап[адном] фронте, работе нашего конфиденнта Штиля и проч. и сообщил, что доставленные материалы почти никакой ценности не имеют, что по ним нельзя составить никакого абсолютно представления о состоянии войск Западного фронта. Качество материалов таково, что если бы он имел дело не с нами, Мосбюро, которому он абсолютно верит, то, безусловно, решил бы, что это есть

сознательная дезинформация со стороны большевиков и указал, что такие материалы он мог бы давать большевикам хоть каждый день, и никто бы не смог по ним оценить состояние польской армии. Далее он высказал недовольство, что мы, Мосбюро, передавали в копиях материал, доставляемый ему, во 2-й отдел Генштаба через Философова и сообщил, что хотел бы он иметь дело непосредственно только с нами, и чтобы наша работа оставалась для всех, в том числе и для Философова, неизвестной. Я, конечно, ему это обещал, объяснив это недоразумением, а отчасти и тем, что при бывшем нач[альнике] экспозитуры капит[ане] Секунде это допускалось. В общем, кончили беседу очень мирно, и Майер сразу же спросил, что мне от него нужно. Я сказал, что мне нужны два паспорта для поездки в Париж, а также разрешение на вывоз валюты из пределов Польши и содействие поручика Донзо (француза) для получения в Варшаве виз на въезд во Францию. Он обещал, что все это будет на следующий день готово. Действительно, на следующий день я получил два паспорта, письмо к консулу в Варшаву и отношение в Банк для вывоза денег, по коему я в тот же день получил официальное разрешение на вывоз иностранной валюты из пределов Польши. Тогда же он мне сообщил (кап[итан] Майер), что из Варшавы от Философова приезжал к нему Клементьев узнать, нет ли от нас из Москвы каких-либо сведений, и когда мы предполагаем приехать. Он, Майер, сообщил Клементьеву, что все в Москве обстоит благополучно, что имеет от нас письма, и что, по всей вероятности, в течение ближайших недель 2-х мы будем в Вильно. В тот же день я имел разговор по телефону с Варшавой, с Шевченко, которому сообщил о нашем приезде, о том, что все обстоит благополучно, и что на другой день мы выедем в Варшаву. В этот же день Фомичев устроил мне свидание с Ирмановым. Выяснилось, что Ирманов все еще ждет в Вильно, когда мы сможем перебросить его в Россию. Я указал Фомичеву, чтобы он давал пока уклончивый ответ, и что результат выяснится после поездки в Варшаву. Что касается Фомичева, то два дня, проведенные нами в Вильно, он употребил на писание докладов для пом[ощника] н[ачальни]ка политической полиции в Вильно Оленского. Оленский сам был в отпуску, Фомичев же встречался с кем-то другим, передал ему газеты, всякие книги по Белоруссии и свой обширнейший доклад.

Приезд в Варшаву и встреча с Философовым.

20 июля мы прибыли в Варшаву и отправились прямо на квартиру к Шевченко. Шевченко сообщил, что Философов, хотя и болен уже несколько дней, но ждет сегодня же нас к 12-ти час. дня. Шевченко очень интересовался, почему не прибыл Серж, на что я ему рассказал легенду о ранении Сержа. Никаких сомнений эта легенда в нем не вызвала, и только он выражал сожаление по поводу произошедшего. К 12 часам мы с Фомичевым отправи-

лись к Философову, который с нетерпением нас ожидал. Первым вопросом Философова был: почему не приехал Серж, что отец теряет всякое терпение и никак не может дождаться приезда Сержа, что он буквально засыпает Философова вопросами о Серже и о Москве. Ответом Философову явилась та же легенда о ранении Сержа, о неудаче экса и невозможности вследствие этого приезда Сержа минимум на месяца два. В остальном в Москве все обстоит хорошо, и я с Фомичевым командированы к «отцу» Б. Савинкову. Философов был очень расстроен ранением Сержа, неудачей экса и невозможностью свидания «отца» в скором времени с Сержем. Далее подробно мною было рассказано Философову о положении дел в Москве, о цели нашего приезда. Фомичев все это подтверждал как очевидец, рассказал о своей поездке на Юго-Восток для выяснения истории с Сержем, рассказал о всех свиданиях своих с Сержем, с членами ЦК и проч. Далее Философов спросил, какую он нам может оказать пользу в этой поездке. Я ему указал, что у нас имеется, как и в прошлый раз, письмо к французскому консулу от поручика Донзо, и что ему только нужно, как владеющего французским языком, поехать с нами в консульство. Мы сговорились сделать это на следующий день. Философов сообщил, что ему удалось с большим трудом устроить Борису Савинкову разрешение у поляков на въезд его в пределы Польши на недельный срок. Это разрешение удалось получить путем долгой беседы как с эндеками (правыми), так и с ППС¹ (левыми), по этому же поводу пришлось беседовать с Бауэром – начальником II-го отдела Генерального штаба, который предлагал ехать Савинкову по чужим документам, которые будут ему даны при посредстве II-го отдела с министерством иностранных дел, которое настаивало на приезде Савинкова официально. Министерство иностранных дел хотело видеть Савинкова для выяснения с ним русского вопроса в Польше. Мнение же самого Философова было таково: или Савинкову ехать инкогнито, ни с кем из поляков не встречаться и ехать дальше в Совроссию, или же ехать официально, видеться со всеми, с кем хочет, но в Россию не ехать. Я, конечно, согласился с мнением Философова. В тот же день нами была дана телеграмма Савинкову о нашем приезде для того, чтобы он успокоился. На другой день с утра я с Философовым отправился во французское консульство за получением виз. По пути мы встретили почтальона, который вручил Философову письмо. Письмо было от Савинкова опять с запросом относительно Сержа с просьбой принять все меры к приезду Сержа в Париж. Тут же в письме была записка к Сержу следующего содержания: «Бросай к черту всю свою торговлю, если не можешь приехать иначе, и приезжай немедленно; в противном случае я вынужден буду действовать самостоятельно. Твой отец». Философов решил, что теперь по получении телеграммы отец уже успокоится и будет ждать меня.

Получение французских виз.

Явившись в консульство, Философов вошел к консулу с письмом от поручика Донзо и с нашими паспортами, и ровно через 10 минут паспорта с визами были получены. Закончив с получением транзитных виз, на другой день я с Фомичевым выехал в Париж. Ни с Арцыбашевым, ни с Португаловым по пути в Париж я не встречался, конспирируя свою поездку к Савинкову. 24-го июля мы прибыли в Париж. Устроившись в гостинице, я немедленно позвонил Савинкову, но его дома не оказалось. Решив, что он пошел обедать, я с Фомичевым отправились в известный мне ресторан, где обычно обедал Савинков, надеясь его там застать. И действительно, Савинков с Любовью Ефимовной Деренталь обедали там. Для Савинкова встреча эта в ресторане была неожиданной. Оба они очень обрадовались, увидя нас. Первым вопросом Савинкова был: почему нет Сержа и каково положение в Москве. Я ответил ему, что все обстоит благополучно, а Серж не приехал потому, что легко ранен при выполнении экса и в данное время находится в безопасности в Москве, но пролежит, по всей вероятности, месяца полтора-два. Легенда эта о ранении Сержа и т.д. вполне его успокоила. Александра Аркадьевича Дикгоф-Деренталья в Париже не было. Где он был, выяснить мне не удалось. Мы решили с Савинковым о делах поговорить на другой день, сегодня же просто посидеть за бутылкой вина. В тот же день вечером в кафе я встретился и с Рейли. В кафе речь опять зашла о Серже, о московской организации и т.д., и пришлось подробно рассказывать Савинкову о положении дел в Москве, о ранении Сержа, о наших планах, о цели моего приезда и т.д. Мы сговорились встретиться на другой день на квартире у Савинкова. Здесь уже Савинков детально расспросил о всем, что делается в России вообще, о московской организации с характеристикой всех ее членов, о всей работе Сержа, о Фомичеве, насколько мы законспирированы в Москве и т.д. Докладом, видимо, остался доволен, т.к. сейчас же сообщил, что он едет со мной, но пока не знает, поедут ли Л.Е. и А.А. Дерентали. Вопрос этот выяснится на другой день, после чего можно будет говорить о средствах для поездки, ее технической стороне и т.д. На другой день он сообщил, что едут все трое, и тут же выяснили все, что нужно Савинкову для удовлетворения своей семьи, семьи Деренталья, бывш[его] вестового Виктора Савинкова, долг Клепикову и проч. расходы, кои он должен выполнить прежде, чем покинуть Париж. Тут же он мне сообщил, что ему нужно будет ехать через Прагу для свидания с своей сестрой Верой Викторовной Мягковой, но что эта поездка в Прагу ему не улыбается, т.к. чехи встретят его торжественно, и дальнейший его отъезд в Польшу не останется в секрете. Я посоветовал ему разрешить вопрос иначе: вызвать сестру в Париж, выяснить здесь все, что ему нужно, и потом ехать прямо в Польшу. С этим он согласился, и немедленно мы отправились на телеграф для вызова сестры в Париж. На другой день приехал Деренталь.

Опять было свидание с Савинковым, где он подробно мне говорил о предполагаемом плане работы, о необходимости параллельной террористической работы, о том, что он в Париже сидел не даром, а занимался изысканиями через одного специалиста-химика нового взрывчатого вещества. Изыскания эти дали положительный результат, и он на ближайших днях выяснит, когда он сможет получить это средство: теперь ли, до отъезда из Парижа, или через некоторое время, а также и то, где и когда смогут доставить ему это средство, каков будет его вес и проч. детали. На другой день, т.е. 30-го июля он сообщил, что средство еще не вполне готово, и только лишь можно взять не ранее сентября месяца, что ему предлагают доставить его прямо в Москву, но он, Савинков, боится, что не будет знать в Москве, от кого он их принимает, у него было опасение, что груз этот может попасть в руки ГПУ. Я ему посоветовал предложить доставить этот груз в Вильно по адресу экспозитуры №1 кап[итану] Майеру, который будет хранить до тех пор, пока мы его у него не возьмем. Этим проектом он остался очень доволен, подробно распросил адрес экспозитуры. Туда же в Вильно должен был приехать и второй химик Савинкова, эксперт по этому средству, и должен был обучить лицо, которое приедет из Москвы за этим грузом. Общий вес груза, как говорил Савинков, будет пудов до 2-х в двух чемоданах. При перевозке безопасен.

Дикгоф-Деренталь тотчас же по своем приезде занялся получением польских виз по итальянским паспортам. У Дерентала был паспорт на имя Александра Дорн.

1-го августа приехала Мягкова в Париж, и с этих пор все занялись подготовительными операциями для выезда из Парижа и поездки в Совроссию. Подробно обсуждали с Савинковым о переходе через границу, о взаимоотношениях с поляками, о перевозке багажа и оружия в пределах Совроссии от Минска до Москвы. Я объяснил Савинкову, что переход через границу произойдет при помощи поляков и командира роты на советской стороне, члена нашей организации некоего Ивана Петровича², что багаж и оружие мы, как обычно, оставим в Минске, а он уже доставит нам немедленно все в Москву. Савинков мне ответил, что уже с Варшавы он будет в полном моем подчинении, как сопровождающего эшелон.

Поэтому они все без всякого сомнения оставили на границе свои чемоданы, а под Минском сдали мне револьверы.

Т.к. мы все решили выехать 10-го августа, то я уже 6-го выслал вперед Фомичева в Вильно, чтобы он подготовил все необходимые для перехода границы документы, приготовил номера в гостинице к нашему приезду и т.п. 9-го августа Деренталь перевез все вещи, остающиеся в Париже, как свои, так и Савинкова, к родным своей жены, живущим где-то за Парижем. 9-го был устроен прощальный обед с участием Рейли. Рейли должен в конце августа опять выехать в Америку (из Америки он приехал в первых числах июля). 10-го августа мы выехали все из Парижа.

Между прочим, во время одного из обедов Савинков сообщил, что Бурцев собирается ехать в Россию нелегально, приехать в Москву, явиться куда-нибудь из центральных наркоматов и выступить с обвинениями против большевиков. На мое сомнение в возможности этого Савинков и Рейли сказали, что он старик сумасбродный и может это сделать.

В Варшаву мы прибыли без всяких приключений в пути 12-го августа. Немедленно по приезде, оставив Савинкова и других в одном из кафе, я отправился за Философовым. По прибытии Философова после радостного свидания отправились Савинков с м-м Деренталь на квартиру к Философову, я же отправился в гостиницу, куда еще раньше меня пошел Деренталь. Часа через 2 мы все собрались на квартире у Философова, где обсуждали вопрос о том, говорить ли о поездке в Совроссию Арцыбашеву, Португалову и Шевченко или нет. После долгих обсуждений пришли к результату, что лучше сказать, что Савинков едет в Совроссию, и от их болтливости в значительной степени он будет подвергнут риску, чем предстоит им делать догадки о том, куда делся Савинков. Приняли следующую легенду: все мы прежде всего едем в Финляндию, где остаются Деренталь для организации пункта, а я и Савинков следуем дальше в Россию. До 3-х часов Савинков имел беседу с Философовым. От 3-х до 5-ти был обед с участием Философова. От 5-ти до 7-ми Савинков беседовал с Арцыбашевым и Португаловым, а после 7-ми устроили прощальный ужин при полном ансамбле. Будучи еще в Париже, получены были письма из России с извещением об удачном эксе, проведенном в Ростове (см. письмо). Савинков остался этим очень доволен, т.к. значительная сумма давала возможность развернуть как организационную работу, так и террористическую, а также возможность издавать в Париже свою большую газету. В редакции «За Свободу» все время были нелады между Арцыбашевым, Философовым и Португаловым, которые и должен был разрешить Савинков. 12-го августа после прощального ужина мы все выехали в Вильно, куда прибыли 13-го. На вокзале нас встречал Фомичев. Тут же Савинков случайно встретился с братом Вендзягольского, бывш. соратника Савинкова. Поэтому Савинков решил увидится с самим Вендзягольским. В тот день он имел с ним свидание, сообщил ему, между прочим, о своей поездке в Россию.

В этот же день я имел свидание с поляками, выяснил с ними все вопросы, как относительно савинковского груза, так и о пропусках, о новом задании для Москвы и т.д. 14-го утром я выехал из Вильно на сутки раньше, чтобы перейти раньше границу и подготовить их переход. Условились, что их до границы будет вести Фомичев, с которым я и встречусь на самой границе ровно в 11 часов вечера. Перейдя границу, я вскоре встретил тов. Пиляра, Пузицкого и Крикмана, сейчас же выяснили план дальнейшего (поездка до Минска, багаж, оружие и ликвидация Савинкова).

На другой день ровно в 11 часов я с тов. Пузицким и Крикманом отправился на границу, куда вскоре прибыл Фомичев с Савинковым и Деренталь. Перейдя границу, Савинков вскоре встретился с тов. Пузицким, и дальнейший переезд до Минска, явка на квартиру и ликвидация были произведены при участии тов. Пузицкого. Под Минском согласно предварительного нашего разговора Савинков и Деренталь сдали мне свое оружие, чем была значительно облегчена операция ликвидации 16 авг[уста].

А. Петров.

23 августа 1924 г.

Н-1791. Т. 10. Л. 178–187. Машинописная копия.

¹ ППС – Польска партия социалистична. Польская социалистическая партия.

² Речь идет об Иване Петровиче Крикмане.

96

Докладная записка А.П. Федорова С.В. Пузицкому

Во время последней командировки в Париж Савинков опять поднял вопрос о террактах. Он указал, что он считает одной из своих задач террористическую массовую борьбу, на подготовительную работу посвятил уже около года времени. Работа эта заключалась в том, что изобретено новое взрывчатое вещество большой силы. Над этим работает специалист-химик. Он указал при этом, что работа пришла к концу, и ему обещали на днях дать ответ о времени доставки ему этого средства. Через 2 дня Савинков мне сказал, что работа слегка затянулась, и с собой захватить не удастся, и что, по всей вероятности, придется кому-либо приехать за приемом этого груза. Груз, по его словам, будет около 2-х пудов, в 2 чемоданах. Необходимо будет предварительно обучиться пользованию этим средством и испытать его действительную пригодность. Далее, он сказал, что груз этот могут доставить в Москву, где он может принять, но боится, т.к. не будет знать тех «холуев», от кого придется принимать. Может, это будут сотрудники ГПУ, могущие перехватить действительного сопровождающего груз. Он спросил, не сможем ли мы каким-либо иным путем доставить груз в Москву. Я указал, что если груз этот будет доставлен в Вильно к нач[альнику] экспозитуры кап[итану] Майеру и будет ему сдан, то оттуда мы уже легко его перебросим в Москву по своей связи. Сговорились с Савинковым на том, что к 1 ноября груз этот должен быть в Вильно у капитана Майера, куда должен приехать и химик, который должен проверить действие и обучить нашего человека, а мы к этому времени пришлем кого-либо из своих для приема, обучения обращению и доставки в Москву.

Террор массовый над верхами партии и Совнаркома и на этот раз признавался Савинковым одним из важных средств борьбы с коммунистами.

С подлинным верно: Пузицкий

23 августа 1924 г.

Н-1791. Т. 17. Л. 36. Машинописная копия.

97

Показания А.А. Дикгоф-Деренталья

1. Дикгоф-Деренталь.
2. Александр Аркадьевич.
3. Родился 27 марта 1885 г.
4. В городе Томске. Родители: отец – прибалтийский немец, мать – русская.
5. В качестве специального корреспондента «Русских Ведомостей» с 1908 года жил подолгу в Испании, Португалии, Марокко, Италии, Греции, Турции, Болгарии, Сербии, Албании и т.д., не имея постоянного местожительства. Последние годы жил в Париже.
6. С 1922 года, оставив журналистику и писательство как ремесло, занимался физическим трудом: мыл бутылки на фабрике, был носильщиком на вокзале St Lazare в Париже и т.д. Последнее время был шофером taxi в Париже.
7. Близкие родственники, как-то отец, мать, родные тетки и дяди умерли за время германской войны. Одна тетка Вера Павловна Стрелкова, по слухам, живет теперь в Шанхае, где занимается массажем. Сведений от нее и писем не имел.
8. До и после революции жил исключительно своим личным трудом, не получая ни от кого из родных никакой материальной помощи.
9. Окончил Томскую классическую гимназию. Учился затем в Военно-медицинской академии. После революции 1904–1905 года эмигрировал, оставив академию на 2-м курсе.
10. В 1903–1904 годах был эсером. Тогда же отошел от партии и больше не имел к ней никакого отношения. Абсолютно беспартийный.
11. В 1917 году был на французском фронте в качестве рядового французской армии (поступил добровольцем). После Февральского переворота подал заявление о переводе меня в русскую армию, на русский фронт, ибо, получив теперь эту возможность, предпочитал умереть на родной земле. В Россию приехал в конце июля 1917 года. По приезде убедился в том, что у нас война кончена, и что мы воевать больше навряд ли сможем. Считал в то же время совершенно необходимым для нас сделать послед-

нее героическое усилие для продолжения войны, ибо видел сам опустошенные германскими войсками департаменты Северной Франции и думал, что победа Германии – гибель России, обращение ее в германскую колонию. Просил меня назначить в армию на какую-нибудь должность, чтобы я смог помочь остановить начинающуюся разруху. Из этого ничего не вышло. Во время корниловского выступления был в Москве и в Петрограде. Роли никакой не играл. Был послан «Русскими Ведомостями» в Ставку в Могилев в качестве корреспондента. Там В.В. Вырубов, помощник главнокомандующего по гражданской части пригласил меня работать у него в канцелярии. Мне было поручено заведование печатью и информация союзных военных миссий о положении на фронте. Там я и пробыл вплоть до перехода Ставки в руки гр[ажданина] Крыленко, после чего я вернулся в Москву и продолжал сотрудничать в «Русских Ведомостях».

12. Роль во время корниловского выступления см. выше § 11.

13. Не столько Октябрьский переворот, сколько Брест-Литовский мир показался мне ужасом и началом гибели России. К октябрю я уже успел убедиться в дряблости и никчемности Временного правительства, в полном у него отсутствии так называемой «воли к победе». Более сильные, более волевые, знающие, чего они хотят, неизбежно должны были встать на его место. Но тогда для меня выход России из войны означал разгром Германией союзников и, следовательно, разгром России, ибо тогда я еще верил крепко в то, что союзники помогут нам восстановить нашу родину, сделать для нее все к возрождению в ней новой и лучшей жизни. Кроме того, не будучи ни коммунистом, ни даже социалистом, я считал, что скачок для такой отсталой в экономическом и в политических отношениях страны, как Россия, без всяких промежуточных этапов прямо к достижениям вершин социального переустройства приведет лишь к анархии и «пугачевщине» в самых ее жестоких и кровавых формах. И я слышал, что те, которые это делают, производят ужасающий «научный опыт» над моей родиной.

14. Союз защиты родины и свободы в 1918 году хотел именно защитить родину от новых, непосильных для нее, как нам казалось тогда, испытаний и восстановить свободу. Мы хотели также восстановить фронт, прерванный Брест-Литовским миром, дабы, закончив победоносно войну с Германией, впоследствии иметь право рассчитывать на помощь наших союзников в смысле восстановления и укрепления новой России.

15. В террористической деятельности Б. Савинкова в Москве в 1918 году я никакой роли не играл, будучи исключительно занятым порученными мне сношениями с иностранцами (см. ниже § 17).

16. Восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме и т.д. были лишь частью общего плана, представленного нам французами и имеющего главной целью восстановление боевого фронта с Германией. Предполагался в начале июля 1918 года междусоюзный десант

в Архангельске. Десант этот, по предположениям, должен был двигаться на Вологду, на Ярославль, соединиться с нашими силами и таким образом дать толчок к продолжению войны совместно. Мы предполагали, что воинские части по пути охотно пристанут к нам. Таким образом, временный выход России из войны после Брест-Литовска будет компенсирован, и Россия по окончании войны сможет занять подобающее ей место среди других союзных великих держав. Наша цель была, подняв восстание, удержаться до прихода союзников и привлечь на себя все силы. Доказательством того служит следующее: в Муроме нашим отрядом была арестована большевистская ставка. Когда арестованные заявили, что они заняты разработкой операционного плана на случай продолжения войны с Германией, их сейчас же оставили в покое и дали им полную возможность продолжать работу.

Но с междусоюзным десантом в Архангельске произошло недоразумение. Десант не высадился в назначенный срок. Восстание тем самым было обречено на неудачу. Когда я впоследствии видел в Париже ген[ерала] Лаверна, бывшего начальника французской военной миссии в Москве, он мне сказал: «Мы виноваты перед вами. Мы вас подвели». К сожалению, впоследствии мне неоднократно пришлось убедиться в том, что от чужой помощи добра не жди. Мое мнение насчет всяких иностранных вмешательств изменилось. Я слишком много и близко видел разных «друзей русского народа» и теперь думаю: пусть лучше русский народ обойдется как-нибудь без них.

17. В Москве в 1918 году я имел, главным образом, сношения с Гренаром, французским консулом, и генералом Лаверном, начальником французской военной миссии. Лаверна я еще раньше знал по Ставке. Они решили после очень долгих со мной переговоров поддержать материально нашу организацию, главным образом, ввиду выше указанного мной, т.е. образование нового антигерманского фронта. Для этой цели ими было через меня передано в организацию около 700 тысяч керенских рублей. По старым, еще от Ставки оставшимся связям, виделся несколько раз с генералом Ромей, начальником итальянской военной миссии. Но с ним никаких дел не имел. Разговаривали исключительно об операциях на итальянском фронте. Виделся также с Локкартом. Один единственный раз. С ним тоже дел не имел. Разговор шел на общеполитические темы. Разговор скорее «обывательский».

18. В Казани с чехословаками совершенно не работал и к деятельности их там относился определенно отрицательно. Вообще наша роль в Казани не была активной: когда мы с Б.В. Савинковым прибыли в Казань, там уже были чехословаки и эсеры. Б.В. Савинков распустил немедленно Союз, не желая мешать и быть обвиненным в «конкуренции». Члены Союза индивидуально вступили в Народную армию в качестве бойцов. Меня Б.В. Савинков

послал в Самару, дабы осветить там положение дела в Казани и информироваться самому. Во 2-м сборнике «На чужой стороне», издательство «Ватага» в Берлине, мною подробно описана эта поездка и мои от нее впечатления. Здесь же могу сказать, что ни в Казани, ни в Самаре я по-прежнему не видел ничего, кроме болтовни, громких слов и полного отсутствия «воли к победе». И тогда мне стало казаться, что ни с этими силами, ни с этими лозунгами не победишь.

19. У Колчака в Сибири я не работал и вообще лично с ним я дел не имел. Переворот его произошел в то время, как мы с Б.В. Савинковым находились в пути от Шанхая в Марсель. О перевороте я узнал, лишь приехав в Париж. Мы признали правительство Колчака, ибо о самом адмирале сведения были как об искреннем и честном человеке, любящем родину и совсем не собирающемся «повернуть назад колесо истории». То, что его всегда очень любили и уважали его матросы, было свидетельством его понимания и настроения. Мы думали, что Колчак, как человек волевой, сумеет прекратить анархию и выведет нашу родину на правильный путь к новой и лучшей жизни. Но Колчак не вынес непомерной тяжести, легшей на его плечи. Окружение его оказалось хуже всего возможного. Он пал жертвой своего окружения и стечения событий. Ни в Деникина, ни во Врангеля я не верил. Это уже «отметенные листья».

20. Во время войны Польши против Совроссии я сперва помогал Б.В. Савинкову в организации русского отряда на польской территории, и после был послан в Ригу и в Ревель эвакуировать оттуда в Польшу остатки армии Юденича. В Северо-западной армии я не работал. Технические затруднения по фрахтовке парохода, самой эвакуации и т.д. заняли очень много времени. Я отправил в три приема на пароходе «Саратов» из Риги и Ревеля в Данциг полторы тысячи человек, считая женщин и детей. Многие уехали лишь потому, что «хотя гирише, да инше». Когда я вернулся в Варшаву, мир с поляками был уже заключен. Отряды Балаховича и Пермикина были уже разбиты и отступили на польскую территорию. Таким образом, я в этом походе не принимал участия, ибо фактически меня там не было.

21. Русский эвакуационный комитет в Варшаве был создан с исключительной целью организовать помощь и поддержку интернированным в Польше после неудачного похода русским частям. Необходимо было уплатить жалование, разобрать наличные претензии, наладить жизнь в лагерях и т.д. Работа была техническая. Я присутствовал на заседаниях, иногда высказываясь по разным частным вопросам, но ввиду отсутствия у меня специальных для такого рода работы знаний и способностей (ликвидация оставшегося материала в виде автомобилей и т.д.) практически навряд ли был полезен. Здесь нужны были техники-специалисты, каковые и занимались своим делом. Кроме того, составлялась отчетность в израсходованных суммах, и эту работу проверял контрольный аппарат.

22. Договоры, заключенные Б.В. Савинковым в 1920 году с Петлюрой, Кубанской радой и Донским казачьим кругом составлены и редактированы мной.

23. Организация в Варшаве в 1921 году Всероссийского народного союза защиты родины и свободы произошла вне моего непосредственного участия, хотя я и был в нее автоматически включен как один из основателей Союза защиты родины и свободы в Москве в 1918 году. Произошло это по следующим причинам: во-первых, я в это время всецело отдался литературной работе: писал фельетоны в «Свободу», рассказы, обдумывал большой роман из имевшихся у меня материалов и т.д., и во-вторых, к этому времени у меня уже появилось, или, вернее, все сильнее стало появляться не покинувшее меня и сейчас скептическое отношение к попыткам эмиграции откуда-то извне «спасти Россию». И люди стали не те, и время не то. А за период моей работы в эмигрантской среде я насмотрелся достаточно на всякие картины. И поэтому все это казалось уже не тем, что было когда-то и когда были другие люди. Настоящие. Их больше уже нет. На заседаниях нового союза я не бывал кроме 2–3 раз, когда разбирались дела частного и личного характера между отдельными членами. Я был на этих собраниях председателем и пытался закончить дело миром. А потом нас выслали из Польши. Таким образом, последняя, весьма слабая моя личная связь с новым союзом оборвалась окончательно.

24. С польским Генеральным штабом я никакой связи не имел. Я знал лично полковника Медзинского и Матушевского. Обедал с ними иногда в компании разных третьих лиц, но дел с ними не имел. Вообще, ни к какому шпионажу я не причастен, ибо просто это не мое дело.

Что же касается Оперпута, или Упельница, как он назывался в Варшаве, – я с ним обедал несколько раз еще с другими лицами, причем разговор был с ним на нейтральные темы. Видел его на заседаниях Эвакуационного комитета, куда он приглашался в качестве гостя. Все мои с ним отношения этим кончаются. В книжке самого Оперпута-Упельница «Народный союз защиты родины и свободы», изданной в 1921–22 гг. в Берлине подробно описывается весь этот период. Там же можно найти подтверждение тому, что я пишу сейчас относительно моей роли за этот же период.

25. Относительно того, что «Русский попечительный комитет» переходил когда-нибудь в ведение Всероссийского НСЗРиС, слышу в первый раз. Мне кажется, это какое-то недоразумение.

26. Равным образом не имею ничего сказать относительно «организации на западном фронте партизанских отрядов бандитского характера из остатков банд Балаховича и Премикина», ибо ни технически, ни каким иным образом, могущем дать мне сведения о подобного рода организации, я к этому делу не причастен.

27. Относительно характера работы и тактики «савинковских организаций» я могу сообщить лишь то, в чем сам принимал участие, и что сам лично видел, т.е. о «Союзе защиты родины и свободы» в Москве в 1918 году. Остальные так называемые «савинковские организации» позднейшего периода мне неизвестны по причинам, изложенным выше. Мне кажется, что многие из них зарождались совершенно самопроизвольно, беря имя Савинкова как лозунг и действуя затем по собственной инициативе. Я знаю многие случаи, когда Б.В. Савинков узнавал о какой-нибудь «своей организации» из газет.

28. Информационным бюро заведовал В.Б. Савинков – брат Бориса Викторовича. Я не могу дать сведений по организации его, потому что совершенно определено к этому бюро никакого отношения не имел.

29. Моя роль в сношениях Б.В. Савинкова с Муссолини и с Пилсудским сводится к следующему: к Пилсудскому я был послан Б.В. Савинковым в мае 1920 года для того, чтобы получить у него сведения и узнать, разрешит ли он русские формирования на польской территории. Я виделся с Пилсудским. Передал ему поручение. По получении утвердительного ответа телеграфировал Б.В. Савинкову в Париж. Б.В. Савинков тогда приехал тоже в Варшаву по моей телеграмме. Мысль о свидании Б.В. Савинкова с Муссолини пришла мне в голову в связи с вопросом о необходимости перенесения нашей газеты из Варшавы в Париж и преобразования ее в большой политический и информационный орган, тесно и непосредственно связанный с Россией. За границей вообще нет большой и хорошо поставленной русской газеты. Эмиграция – говорю о широких массах рядового читателя, который зарабатывает себе хлеб и духовно голодает – принуждена читать то, что есть. А это весьма невысокого качества. О России в эмиграции мы имеем теперь такое же понятие, как когда-то о Китае. Благодаря моим прежним, еще по «Русским Ведомостям», связям я нашел среди итальянцев нужных людей. Муссолини хотелось видеть Б.В. Савинкова. Свидание состоялось. Но последствий от него никаких не произошло, как и вообще от всех обещаний и любезностей иностранцев и, в том или ином виде, «друзей России».

С Черчиллем я никаких отношений не имел и даже никогда его лично не видел.

30. Мои связи в Париже за период 1921–1924 годов с иностранными государственными деятелями – несомненно, продукт неправильной информации. В 1919–20 годах я действительно виделся со многими французами, итальянцами, англичанами и т.д. Например, Викхэм Стид, редактор «Таймса» Морис Палеолог, Гюстав Эрве Спалойкович, Нансен и т.д. Но это было еще тогда, когда я верил или хотел верить, что союзники что-то сделают для России. Но одесская эвакуация, наш польский провал и т.д. жестоким

образом меня в этом разубедили. С 1921 года – года нашей высылки из Польши – за одним только исключением (см. § 48) я совершенно отошел в сторону от всякой активной работы. Сперва пытался заняться литературным трудом. После бросил и это. Когда опустошена душа, не до писаний. Я перешел в ряды тех, кто в эмиграции физическим трудом добывает себе кусок хлеба. Эти годы в Париже я работал как чернорабочий, потерял на постройке палец указательный правой руки, таская бревна, чуть не потеряв руку. Постепенно выбился на более высшую ступень уже квалифицированного труда – стал парижским извозчиком-шофером, что очень трудно из-за экзаменов по знанию города, умению ездить и т.д. Все мои прежние связи с «государственными» и т.д. людьми были растеряны. Да я и не пытался возобновлять их. Не к чему.

31. Связи ни с «Центром действий» (Вакар, Чайковский), ни с «Русским демократическим объединением» никакой не имею. Об этих организациях мне ничего не известно уже потому, что я ими совершенно не интересовался, как вообще всеми эмигрантскими организациями. Чайковского знаю лично давно. Добрый старик – но навряд ли кому-нибудь опасный. Не видел его уже несколько лет.

32. Относительно моей «сознательной дезинформации Европы о СССР» могу сказать одно: я никогда никого сознательно не дезинформировал. Моя многолетняя работа в такой газете, как «Русские Ведомости», о которой можно сказать все, что угодно, кроме того, что она гналась за сенсациями и давала неверные сведения – равным образом, как личные свойства моего характера, приучили меня к тому, чтобы говорить правду. Я мог заблуждаться сам, и это часто бывало, но сознательно в заблуждение я никого не вводил. Если сведения, которые мы получали, будучи за границей, о происходящем в России были не верны или искажены, – это результат нашей оторванности от родной земли, отсутствие в ней взаимного понимания. Поэтому и предпочитаю я сейчас умереть лучше на родине, чем заново разлагаться на чужой стороне. Для меня родина выше партий. Я слишком долго жил среди чужих людей и на чужих землях для того, чтобы это не были пустые слова.

33. С французским Генеральным штабом у меня связи не было, кроме периода приготовления восстания в Ярославле в 1918 году (генерал Лаверн).

34. Моя деятельность в 1922–1924 годах уже описана мной в § 30. За это время я отошел от всякой политической работы, ибо понял, что за границей никакой работы вести нельзя, а можно лишь притворяться, что ее ведешь, обманывая и самого себя, и окружающих. Мое место было среди тех, кто сердцем в России, на родине, а пока что познает на практике, «как горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца».

35. Я не знаю, о какой работе НСЗРиС (замена лозунга *Учредительное собрание* лозунгом *Беспартийные Советы* и т.д.)

имеется в виду в вопросе § 35. Мне кажется, здесь опять недо-
разумение. Я знаю лишь, что сам Б.В. Савинков, как человек, искренне
и горячо любящий родину, чутко прислушивающийся к голосу родной
земли, поскольку он мог уловить его на чужбине, просто понял,
что «советы» вошли в плоть и кровь русского народа, в его сознание,
и что это должно быть так, что он и выразил в ряде статей в газете
«За свободу». А за «учредилровку», разбежавшуюся при первом на
нее окрике, мы вообще никогда не стояли. В газете «За свободу»,
несмотря на то, что имя мое стоит во главе ее в числе ближайших
сотрудников (это отчасти справедливо, ибо я один из ее основа-
телей), я за эти два последних года писал чрезвычайно редко за
неимением физически времени для писания. Было всего лишь не-
сколько фельетонов юмористического характера из жизни русской
эмиграции в Париже. А недавно послал свой, уже несколько лет
тому назад написанный роман фантастического содержания – «Под
иглом Дракона» о завоевании Европы китайцами.

36. По-моему, никакого ЦК НСЗРиСв. в июле 1923 года не было,
ибо фактически ему не из кого было быть.

37. Полковник Энвельгрэн вышел из ЦК по причинам чисто
личного морального характера, как человек, к нам во всех от-
ношениях не подходящий. Думаю, что вообще он больше не способен
к какой бы то ни было политической и общественной работе.
Дальнейшая судьба его мне не известна.

38. ЦК НСЗРиСв. распался вполне естественным путем, ибо
штаб невозможен без армии.

39. С монархистами в Париже никаких отношений не имел. Не
знаю, какую они там ведут работу и откуда черпают средства. То,
что слышал о их деятельности от моих товарищей по нагрузке
вагонов и т.д., скорее носит характер юмористический.

40. Относительно погранпункта с Россией, переданного Вакару,
не могу ничего сказать, ибо не в курсе этого дела. Самого Вакара
не знаю и никогда его не видел. К технической стороне отправки
людей в Россию из Варшавы никакого отношения не имел.

41. Керенский и Чернов, судя по эмигрантским газетам, про-
должают то же, что делали раньше, т.е. произносят речи. Ни того,
ни другого за период моей эмигрантской жизни не видел, ибо к
обоим отношусь глубоко отрицательно.

42. Чхенкели видел несколько раз в Париже, когда еще у
них была так называемая «грузинская миссия» в 1920–22 году.
Всякий разговор наш был не больше 5 минут и по вопросам столь
незначительным, что сейчас не могу даже вспомнить, в чем было
дело. Кажется, они жаловались на неполучение ими выписанной
«Свободы», и я приходил извиняться. Остальных не знаю и с ними
не знаком. Во всяком случае, связи у меня с ними деловой
никакой не было, и теперь – тем более. В 1923 году Чхенкели
не видел совершенно.

43. Средства мы ожидали в августе 1923 года в результате свидания Б.В. Савинкова с Муссолини. Не получили их, очевидно, потому, что Муссолини или забыл про нас, или вообще пообещал «на ветер». От бельгийцев мы никогда ничего не ожидали.

44. Полковник Павловский прожил несколько месяцев в Париже. Для эмигрантской жизни это человек абсолютно и безнадежно не приспособленный. Он все время собирался уехать в Россию, и не мог за неимением средств, а также технической возможности для переправы. Когда на нашем горизонте появился Иван Терентьевич Фомичев и сообщил, что переправа возможна, полковник Павловский воспользовался этим и уехал. Мы имели от того же Фомичева и не известного мне, именующего себя «Андреем Павловичем», сведения о том, что в России имеется новая самостоятельно возникшая организация Союза. Но что именно она делает, по их сообщениям понять было трудно. Кажется, пока что «накопляет силы». Рассказы Фомичева и «Андрея Павловича» были довольно туманны. Их нужно было проверить.

45. С Сиднеем Рейли я познакомился в Варшаве в 1920 году. После этого встречался в Париже. Нахожусь с ним в личных дружеских отношениях. Относительно его поездки в Америку знаю, что у него там очень большой судебный процесс, от которого зависит все его состояние. Процесс этот несколько раз откладывался (он тянется уже несколько лет). Теперь он окончательно назначен к разбирательству в сентябре этого года. За годы моего знакомства с Рейли (с 1920 г.) я видел его лишь исключительно занятым устройством больших коммерческих дел (монополия табаку в Чехии и Польше и т.д.). Эти дела по разным причинам не удавались. Всецело занятый коммерцией и устройством своих дел, по моему мнению, Рейли сейчас фактически не может вести никакой политической работы и не ведет ее.

46. Ни Б.В. Савинков, ни я никогда не имели никакого отношения к английской контрразведке. Что же касается до Рейли, он со мной никогда на эту тему не разговаривал. Личное мое впечатление, что во время войны он служил там или имел связи. Но теперь, судя по всему, навряд ли. Причины мне неизвестны.

47. Энвельгрэн работал у нас совершенно автономно по части своих финляндских дел. Поэтому мы не были посвящены в детали его организации. Я думаю, что теперь в Финляндии, после ухода Энвельгрена, ничего нет.

48. Берлинское «покушение» было последней попыткой сделать что-нибудь за границей, с заграничными же эмигрантскими силами. Результат несомненно должен был быть отрицательный. Из трех лиц, предложивших себя на это дело, только одно лицо – ныне покойный капитан Васильев – действительно был настоящий человек: прямой, твердый и честный. Остальные – Клементьев и, кажется, Гусельщиков, – неврастеники. Фактическим руководите-

лем был Энвельгрэн. Практически все свелось к хождению по улицам и к свиданиям в разных маленьких кафе. После этого «покушения» окончательно стало ясно, что на эмиграции и на всем, что исходит из нее, необходимо поставить крест. Я был послан в Берлин Б.В. Савинковым посмотреть, что делает Энвельгрэн. Но Энвельгрэн от моего контроля уклонился настойчиво, тем более денежного. Я вернулся в Париж. Через несколько недель Энвельгрэн вернулся тоже и заявил, что деньги все вышли, и что он ничего не смог сделать за неимением больше средств.

49. С Пасманниковым я познакомился давно, еще у Бурцева в «Общем деле». Но знакомство мое с ним было лишь «шапочного характера». Ближе узнал его и оценил как в высшей степени хорошего и благородного человека лишь впоследствии, когда я потерял на постройке палец, а Пасманников, будучи сам очень нуждающимся, лечил меня бесплатно. Пасманников – в последнем градусе чахотки. Его связь со мной, главным образом, личная. Практических дел я с ним не имел, ибо в этот период сам никакими делами больше не занимался.

50. О Полунине я узнал впервые из газет. Лично его никогда не встречал, где он, мне тоже не известно. С Полуниным я никогда по причине вышесказанного не работал.

51. Об Евгении Юльевиче Пти я знаю лишь понаслышке. В доме у него был единственный раз задолго до войны в 1908 году, кажется, когда там жила Вера Фигнер, но его там тогда не было.

52. В марте–апреле–мае 1924 года я ездил в Ниццу. Там я писал свой последний теперь роман из эмигрантской жизни под заглавием «И было их странствиям 40 лет». Уехал туда, ибо жить там дешевле, чем в Париже, и вообще я был измучен работой и хотел немного поправиться, чтобы снова начать работать в Париже как шофер. В июле, поработав в Париже у прежнего хозяина шофером такси, уехал опять туда же, ибо мне предложили место помощника садовника и шофера одновременно у одних французов в окрестностях Ниццы. Вернулся оттуда, ибо узнал, что Б.В. Савинков уезжает в Россию, и я считал, что мое место быть с ним и разделить до конца его судьбу, хотя к этой поездке я относился отрицательно.

53. Б.В. Савинков так настаивал на приезде «Сержа» в Париж потому, что у него были сомнения относительно правильности информации, привезенной И.Т. Фомичевым и «Андреем Павловичем». Вообще, ему казалось, что о происходящем в России мы имеем неверные сведения, и что здесь уже образовалась новая Россия, новый быт, новые отношения, которых мы за границей, по оторванности нашей, совершенно не знаем, и что нужно самому ему видеть все, дабы принять то или иное решение. Мне кажется, у Б.В. Савинкова последнее время был большой душевный кризис.

54. Никаких покушений ни на Рыкова, ни на Раковского не готовилось. Во-первых некому было готовить, а во-вто-

рых, незачем. Относительно того, что Рыков живет в Италии как частное лицо, было решительно во всех заграничных, как русских, так и местных газетах.

55. Сомневаюсь в том, что у Б.В. Савинкова был в Париже такой «друг», который мог бы ему дать сведения «о деталях поездки Раковского в Париж». Здесь кто-то что-то перепутал или солгал, желая показать «осведомленность». О том, что если советская делегация едет в Париж, то ей отведут Hotel Crillon писали и вообще все французские газеты. Нас же приезд Раковского и вообще кого бы то ни было не интересовал совершенно.

56. С Гучковым я случайно встретился раз у Пасманникова, где я обедал вечером, причем Гучков пришел часам к десяти, навряд ли даже расслышал тогда мою фамилию. Во всяком случае, он со мной лично не разговаривал. Ни о работе Гучкова, ни о его связях, ни о его переговорах я ничего не знаю. Это все совпадает с тем периодом, когда я уже ни политикой, ни политическими деятелями не интересовался, ибо ночью ездил по Парижу до 8 утра, а днем спал. Вообще эти годы в Париже я был далек от русской колонии, особенно, занимающейся политикой. Мне все это казалось никчемным.

58. С монархистами не имел никаких дел и о их делах знаю лишь то, что иногда приходилось случайно читать в «Вечернем времени» или «Русской газете», издающихся в Париже.

59. К масонам никогда не имел в жизни ни малейшего отношения и сам никогда таковым не был.

60. Генерал Ярославцев работал сперва на заводе, получал 2 ф. в час. Теперь работает на вокзале St. Lazare, где я раньше был грузчиком. Генерал Матвеев работает на автомобильном заводе у Рено маляром. Оба они решительно никакой политикой не занимаются, по той же причине, как не занимался ей я за эти два последние года. Когда приходишь домой, прежде всего, хочется спать. Ген[ерал] Ярославцев, а также Матвеев с момента нашей высылки из Польши не имеют отношения к Союзу.

61. Итальянские паспорта были получены мной через одного из моих прежних итальянских друзей, человека, к политике не причастного и занимающегося теперь коммерцией после журналистики. В Неаполе имеется целая фабрика паспортов для желающих эмигрировать в южную Америку.

62. Ирманова я раньше не знал. Он разыскал меня в Париже сам. Просил устроить ему поездку в Россию к его семье, которую он уже много лет не видел. «Работать», по его словам, он не собирался. Вообще, произвел на меня впечатление человека, измученного вконец эмиграцией, даже не вполне нормального и хотящего во что бы то ни стало попасть на родину, хотя бы нелегально. Я письменно навел о нем справку у Фомичева. Тот сообщил мне, что хорошо знает его. Тогда я письменно же передал Ирманова на попечение Фомичева и больше уже его судьбой не интересовался.

63. С марта до середины июня и затем весь июль я не был в Париже и с Б.В. Савинковым, таким образом, не встречался. Он вообще последнее время со мной не разговаривал о делах. Он был против моей с ним поездки в Россию, говорил, что это ни к чему, и что мне там нечего делать. Но я настаивал и настоял на своем, хотя и видел, что Б[орису] В[икторовичу] это было неприятно. Поэтому насчет «новых изобретений» для терактов и вообще насчет технических всяких вещей в этой области я ничего не могу сказать, ибо во все это не посвящен.

64. То же самое относится и к вопросу, каким путем груз должен был быть доставлен в Москву. Я не знаю, кто предлагал. И какой именно этот груз. Это может подтвердить и сам Б.В. Савинков.

65. Причины разногласий в редакции «За свободу» таковы же, какие бывают постоянно во всяких коллективах, где люди с разным темпераментом и воззрениями на жизнь принуждены делать вместе общее дело. Газета заметно приобретает общеэмигрантский оттенок, она оторвана от России, информация ее часто неверна, не отражает настоящей русской жизни. В статьях слишком часто повторяются общеэмигрантские лейтмотивы и т.д. Я думал, будучи в России, наладить более правильную информацию, дать иную, более интенсивную оценку многих вещей, о которых нам приходилось судить лишь понаслышке. Быть может, если бы в нашей газете зазвучал «голос с родины», разногласия бы прекратились. Но этому «голосу» теперь «зазвучать» не суждено.

А. Дикгоф-Деренталь.

Дополнения к первому показанию

Прежде, чем изложить, если можно так выразиться, «бытовую сторону» сношений СЗРиС в 1918 г. с иностранцами (общие линии этих сношений, характер и сущность уже очерчены очень ярко в речи Б.В. Савинкова на суде), должен указать на общее, господствовавшее тогда настроение среди антибольшевистских элементов. Настроение это было определено союзническое, за продолжение войны и возобновление фронта. Никаких компромиссов с Германией и, наоборот, самое искреннее «идеологическое» франкофильство. Очень большая тайная офицерская организация в Москве за этот период (конец 1917 – начало 1918 г.) распалась, как только члены ее узнали, что их руководители придерживаются германской ориентации. А русские солдаты, бежавшие из германского плена на французский фронт и возвращавшиеся вместе со мной на одном пароходе в Россию, между Ньюкастлом и Бергеном хотели выкинуть за борт ряд лиц из бывших эмигрантов, пытавшихся им говорить, что войны с Германией больше не нужно. Понадобилось очень энергичное вмешательство

для того, чтобы они это намерение не привели в исполнение. Поэтому программа Союза, содержащая в себе обязательство восстановления фронта вместе с союзниками, была встречена во всех антибольшевистских кругах чрезвычайно сочувственно.

У Союза были широкие перспективы, с каждым почти днем число членов его увеличивалось, но фактически он ничего не мог предпринять из-за отсутствия средств. Французы появились здесь на сцену следующим образом: я случайно встретился с неким Гокье, которого знал еще по Парижу. Он оказался, как бывший ученик известного французского слов[есника] Поля Бухле и знающий довольно хорошо русский язык, секретарем у французского консула в Москве Гренара. Последнего я мельком видел давно уже, когда он был консулом в Афинах. Гокье просил зайти меня к Гренару. В разговоре с Гренаром выяснилось, что французы в отчаянии от измены России, и что положение на французском фронте может улучшиться лишь в случае, если будут хотя бы даже не «полные войска», а какая-нибудь видимость их с русской стороны, ибо тогда там, во Франции, получится передышка. Гренар говорил мне, что его задача – найти здесь элементы, способные продолжать всякие операции против германцев, но что все русские стали «изменниками» и т.д. На это я ему возразил, что у нас есть люди, считающие Брест-Литовский мир преступлением, но что эти люди бессильны, ибо помощи им ниоткуда нет. Гренар сказал мне, что французский посол Нуланс, который тогда находился в Вологде, имеет не только возможность, но и прямое задание от французского правительства организовать восстановление русского фронта.

Я передал этот разговор Б.В. Савинкову. Он разрешил мне рассказать Гренару в общих чертах о нашей организации. Гренар пришел в восторг. Особенно от того, что во главе организации находится такой человек, как Б[орис] В[икторович], «выдающийся организатор и испытанный друг Франции», по его словам. Он обещал мне немедленно обо всем доложить Нулансу.

Нуланса самого я знал лично тоже, еще по Парижу. Перед тем, как отправиться в Россию в качестве посла, я имел с ним разговор по поводу того, что он в России намерен делать. По его словам, все дело очень просто: у вас не хотят больше воевать. Это вздор. Вы не умеете подойти к вашему солдату. Когда я приеду, я отправлюсь на фронт и скажу: «Эй, мой храбрец, ... перед тобой твой наследственный враг – Германия; нужно идти вперед, какого черта. А там, дальше, – твои друзья французы. Мы нажмем с двух сторон, и все будет кончено». Так как господин посол не знал ни слова по-русски, кроме, кажется, "la sacha", то тогда этот разговор произвел на меня странное впечатление. Но делать было нечего – мы теперь зависим от Нуланса и степени его понятия русских дел.

В ожидании ответа Нуланса Гренар все же по собственной инициативе и на свой риск и страх оказал нам первую денежную

помощь: ко мне явился один прикомандированный к Миссии офицер и принес от Гренара 20 тысяч керенских. Он сказал, что консул очень извиняется за столь малую сумму, но что сами они сейчас стеснены и т.д., и что это, так сказать, «дружеский тост». Вечером того же дня я встретился с Гокье. Он сказал мне следующее: «Консул очень извиняется, но пока что больше 40 тысяч мы дать не в состоянии».

Ответ Нуланса затянулся. Я несколько раз видел Гренара, но без результата. Потом я узнал, что за это время он вел переговоры с Авксентьевым, и что Авксентьев, сообщив уже о существовании, уже о сформировании на Волге эсеровской армии числом чуть ли не до 100 тысяч человек, советовал Савинкову денег не давать. Кроме того, велись переговоры с разными другими организациями, до анархистов и монархистов. Всем была обещана помощь. Все кое-что получили, но ... понемножку. Получили, наконец, и мы – те первые 700 тысяч керенских, которые прошли в Союз через мои руки, и о которых я писал в первом своем показании.

Более серьезное отношение к нам началось с момента появления генерала Лаверна, которого я случайно встретил у Гренара. С Лаверном я имел дела по службе еще с Ставки и, кроме того, на французском фронте мы были вместе на одном участке и имели много общих знакомых. Лично ко мне он относился хорошо. Про Лаверна я могу сказать, что он, как солдат, не финтил с нами и не вел игры. Когда французы подвели нас под Ярославлем, Лаверн был в отчаянии. Мне кажется, что искренности его я могу верить. Между военной миссией и Нулансом был большой антагонизм. Но мы уже были всецело в руках Нуланса. Он диктовал нам условия нашей тактики и нашей стратегии. Наш план захвата Москвы – на что мы тогда имели достаточно сил – был им категорически отвергнут. Лишь после пришлось узнать, что захватить Москву должны были левые эсеры. Мы начали эвакуацию наших отрядов в Казань. Но план захвата Казани был тоже отвергнут (ее вместе с золотым з[апасом], как оказалось, должны были захватить чехословаки). Нам было предложено поднять восстание на Верхней Волге: Рыбинск, Ярославль и т.д., ввиду междусоюзного десанта в Архагнельске, освобождения послов в Вологде и образования Северного фронта против Германии совместно с имеющими появиться французскими войсками. Финал этой ужасной истории известен. Десант действительно высадился, как было опять обещано, и между 7–11 июля, но во Владивостоке.

Оглядываясь назад на все это, не могу все же думать, что г-н Нуланс до такой степени плохо знал русскую географию.

За период приготовления нами восстания, переговоров с Гренаром и т.д. на нашем горизонте появился «второй посол Франции», посланный французскими социалистами, Шарль Дюма – депутат города Парижа. Он конкурировал и с Нулансом, и с Лаверном

по части устройства русских дел и имел прямое сношение с Альбертом Тома помимо миссии. Он все время настаивал на ... взрывах железнодорожных мостов, поездов со снарядами и т.д. Но, так как, будучи глубоко штатским человеком, он обо всем этом сам имел весьма смутное понятие, и так случайно мне проговорился, что ему необходимо послать телеграмму в Париж, из которой будет видна его энергия, я под разными предлогами уклонялся от его предложений.

Перед восстанием в Ярославле он просил меня, «когда что-нибудь начнется, предупредить его и дать ему три автомобиля, ибо у него есть даже секретарь и много багажа». Я сказал, что автомобилей мы дать не можем, и что лучше ему вообще уезжать, от греха подальше.

Он, кажется, тогда же и вернулся в Париж, не успев показать свою «энергию».

В это время мы получили через Гренара от Нуланса из Вологды категорическую телеграмму: «Теперь или никогда». Это означало, что мы или должны помочь союзному десанту немедленно, или больше уже нам с союзниками нечего делать, ибо помощь наша нужна именно теперь. И мы пошли «помогать»...

В Казани, когда мы с Б.В. Савинковым туда приехали, уже были чехословаки и с ними эсеры. Небезызвестный «морской министр» Керенского В. Лебедев был здесь «помощником военного министра [амарского] правительства» и распоряжался обороной. Распоряжались, впрочем, помимо его воли, и все остальные: чехи, полковник Степанов, номинальный «Главковерх», на самом деле – пешка в руках чехов, сербы и опять французы. Последние в лице капитана Мариуса и майора, фамилию которого не помню, в сущности и были самым активным элементом. Чехи уступили свое внимание на расхищение казанских интендантских складов и на захват подвижного железнодорожного состава на предмет своего дальнейшего следования на восток. Исключение составлял полк полковника Швеца, впоследствии застрелившегося. Эти еще дрались. Но потом и им надоело. Сербы, устроив свою контрразведку (кроме эсеровской, французской и чехословацкой), собирали обильную дань с арестованных по подозрению в большевизме и за мзду выпускаемых. В. Лебедев произносил речи на улицах Казани и на митингах в закрытых помещениях. Золотой запас кто куда перевозил. На телеги среди белого дня грузились ящики с золотом. Их охраняли русские солдаты, но среди распоряжающихся ими было много чехословацких офицеров. На боевых участках русские добровольцы дрались без смены, часто по два-три дня не получая даже хлеба. При мне французский майор отдал распоряжение по телефону выслать к одному участку заграждение из сербов, которые должны расстреливать каждого десятого из тех, что станут самовольно возвращаться. Мне он сказал: «Я крайне сожалею, что Вам пришлось случайно присутствовать при

сцене, тяжелой для Вашего национального самолюбия. Но что же делать. Я военный и должен исполнять мой долг. А Ваши компатриоты уже ослабели. Командный состав никуда не годится».

Б.В. Савинков распустил наш союз. Все члены его индивидуально поступили в народную армию. Из 7 боевых участков Казани 4 защищалось бывшими членами союза. Сам Б[орис] В[икторович] пошел в отряд Каппеля, действовавший в тылу возле Свияжска. Меня он послал в Самару для переговоров с самарским правительством о прекращении безобразий, творящихся в Казани, и о присылке немедленно подкреплений.

Я выехал на грузовом пароходе. Со мной ехал в Самару и «сам помощник министра» В. Лебедев. С ним я разговаривал мало, ибо знаю его давно и хорошо. Возле Симбирска нас встретил пароход «Стрежень», на нем ехали командующий флотом самарского правительства и военный министр генерал Галкин. Оба парохода встали борт о борт, В. Лебедев перешел на «Стрежень». Я остался в «Порте». Через несколько минут ко мне ворвался некто в растерзанном виде, в солдатской шинели и с винтовкой.

– Вас адмирал Ершов к себе требует.

– Я никакого адмирала Ершова не знаю и никуда не пойду.

Тот помешкался немного и исчез. Через несколько минут появился офицер.

– Адмирал Ершов просит Вас к себе.

– Передайте, пожалуйста, адмиралу Ершову, что я с ним не знаком, я к незнакомым людям в гости не хожу...

После ухода офицера через некоторое время в дверь постучали. На пороге стоял смущенного вида очень молодой человек в морской накидке.

– Разрешите представиться: мичман Ершов. И позвольте пригласить Вас к нам на «Стрежень» пообедать с нами.

В Самаре меня прежде всего празило обилие гуляющих по улицам офицеров с аксельбантами и со шпорами. Это оказались адъютанты членов Учредительного собрания. Из них свободно можно было бы составить роту. Кроме того, имелись еще знаменитые «300 прапорщиков товарища Роговского» – министра полиции самарского правительства, он же – Фуше русской революции. Назначение этих прапорщиков было прислушиваться в кафе и ресторанах к разговорам обывателей для выяснения элементов, критикующих деятельность комитета членов Учредительного собрания.

Исполнить возложенное на меня Б.В. Савинковым поручение было нелегким делом: дни шли за днями, я толкался по всем приходам, но никто из «власть имущих» меня не принимал, ибо все министры постоянно заседали. В ожидании волей-неволей пришлось «изучать нравы». Картина оказалась та же, что и в Казани: о борьбе, о фронте, об организации не думал никто. Одни «самоназначались» или хлопотали о назначениях – кто послом

в Японию, кто еще куда. Другие писали барабанного характера статьи в местных газетах на тему «Гром победы, раздавайся» или же совещались, совещались без конца. На фронте дрались все те же необутые, не одетые, голодные и очень немногие, большинство устроилось в Самаре, представлявшей из себя самый глубокий тыл со всей его психологией, нравами и обычаями. Фактически город был в руках чехов, прекрасно экипированных из русских складов, сытых и явно собирающихся «прекратить всю эту историю». Тон задавала французская военная миссия. Были какие-то формирования «итальянского легиона, по типу Гарибальди» на что были отпущены комитетом средства. Появился американский военный представитель в качестве «наблюдателя» и т.д. Самара все больше стала мне напоминать какой-нибудь из балканских уголков, которые раньше мне пришлось слишком хорошо изучить, и где все распоряжаются, кроме местных коренных жителей. Французская миссия самостоятельно от комитета при мне направляла разных бывших матросов, перебежавших от красных, на низовье Волги и на Каспийское море с заданием взрывать пароходы и вообще производить военный саботаж по своей специальности.

«Часть политическая» находится в руках французского консула Танно. Он встретил меня сухо, с места в карьер заявил: «Необходимо, необходимо, чтобы вы работали вместе с Черновым. Мы решили поддерживать Чернова и только его одного».

Сам Чернов, приехавший в Самару на другой день после этого нашего разговора, был встречен очень торжественно. Консул Танно произнес речь «от имени прекрасной Франции, которая приветствует в Вашем лице, господин министр»... и т.д.

В газетах было напечатано: «Прорвавшись сквозь большевистский фронт, В.М. Чернов прибыл. Работа закипела, немедленно по прибытии были организованы двухнедельные курсы эсеровских пропагандистов, на что отпущен наличными миллион рублей из средств Комитета».

Но первого выпуска не пришлось увидеть, ибо большевики заняли Самару, не дождавшись. Зато произошло другое событие: французский консул Конно объявил, что французский консул в Самаре Танно не имеет права говорить и действовать от имени «прекрасной Франции», ибо настоящий назначенный консул – это он, Конно. А Конно поддерживал сибирское правительство тоже от имени Франции и против учредителей. Между обоими консулами завязались перепалы. В этот момент случайно открылась неприятная для Танно история с поставкой им муки для эсеровской армии. Конно и сибиряки восторжествовали. Но это было лишь временно. Впоследствии Конно получил инструкции уже непосредственно от верховного французского комиссара из Иркутска поддерживать чехов и эсеров и принужден был «переменить убеждения».

Наконец, мне был назначен прием у «президента совета министров самарского правительства» Вольского. Утром меня встретил

адмирал-мичман Ершов и сообщил, что Казань сдана. «Но это входит в планы нашего верховного командования», – заявил он, – «эвакуация города совершена в полном порядке».

Я шел к Вольскому совершенно растерянный: пока меня выдерживали по прихожим, совершилось то, для предупреждения чего я сюда приехал. Вольскому я сказал, что главная цель моего к нему визита отпала, но что есть другое: у нас имеется несколько тысяч организованных людей в России, мы можем быть полезными в общей борьбе. Но необходимо сговориться, что и как. Вольский ответил, что сейчас «все это преждевременно», и спросил меня, где Б.В. Савинков.

– Был в Казани, если с ним ничего не случилось, поедет теперь в Уфу.

– Посоветуйте ему в Уфу лучше не ездить.

– Почему?

– Нечего ему там делать.

– А мне можно?

– Обратитесь к министру полиции.

На этом аудиенция кончилась. Для этого я и приезжал из Казани в Самару. «Министр полиции» Роговский послал меня опять к «президенту» за разрешением на выезд. А секретарь его мне сказал:

– Вы, товарищ, никуда не поедете.

– Почему?

– Во-первых, Вы работаете с Савинковым. Во-вторых, Вы – бывший корреспондент «Русских Ведомостей». Мы Вас никуда не пустим.

В тот же вечер я уехал в Уфу.

В Уфе определенно выявились две силы: чехословаки и совершенно почти слившиеся с ними эсеры и – сибиряки. Так как чехословаки входили в состав французской армии, и высшее командование ими было поручено французу, то Уфимское совещание, конечно, закончилось в пользу эсеров. В Париже впоследствии я узнал, что Франция уже признала Директорию и готовилась ее об этом известить, как Колчак внезапно арестовал «директоров» чуть ли не накануне их официального признания. Но чехословаки определенно стремились домой через Владивосток и кругом света. Вся Сибирская магистраль была забита их вагонами. Выходило не «40 человек или 8 лошадей» на один вагон, а чуть ли не вагон на одного человека: везли все, что попало под руки: ковры, диваны, предметы домашнего хозяйства и даже... девиц из местных домов веселого характера. Походило на первобытное переселение народов в условиях современной техники. На станциях повсюду распоряжались люди в иностранной форме: американцы, сербы, французы, японцы, чехословаки. Распоряжались, как у себя дома, или, вернее, как в только что завоеванной стране, которую нужно «прикрутить». В Омске преобладающую роль играли англичане. Главным образом, генерал Нокс – начальник английской военной миссии. Он же и был главным верховодителем колчаковского переворота. Французы, поставившие свою ставку на эсеров, интри-

говали против сибиряков. Англичане поддерживали сибиряков против французов. Японцы занимали Сибирскую магистраль до Читы. Американцы являлись немедленно за ними следом, по пятам. На одной и той же станции можно было видеть на одной стороне платформы японского часового, на другой – американского. И Омск, и вся Сибирская дорога напоминали мне Салоники во время войны: один сплошной вал, движущиеся люди, то иностранный военный лагерь. А сибирские мужики ловили, между тем, забредающие в сторону от железной дороги японские патрули. На станцию «Пограничную» пришел в составе товарного поезда вагон с надписью «Мороженное мясо». Когда его открыли, он оказался наполненным до крыши обледеневшими трупами японских солдат.

Во Францию мы приехали в момент, когда интерес французского правительства к восстановлению русского фронта исчез совершенно, ибо перемирие было уже заключено. Во главе правительства стоял Клемансо. Он русских и России вообще терпеть не мог и раньше, неизвестно, почему, и, как человек импульсивного характера («тигр» и т.д.), показывал это вполне определенно. Россия для него уже не существовала: во-первых, измена союзникам, Брест-Литовск, во-вторых, большевики, в-третьих, и самое главное, – опасность со стороны Германии исчезла и, следовательно, русское пушечное мясо больше не требовалось. На сцену выступил вместо провалившейся России новый «верный и вековой симпатией связанный с Францией союзник» – только что образовавшаяся Польша. На нее было обращено все внимание. Она должна была заменить Россию во всем: и как «ступень европейской цивилизации на Востоке против германского варварства», и как плотина на случай, если большевистские волны начнут нахлестывать на Европу. Польша стала любимым детищем Клемансо – его «Вениамином». Официальные газеты ежедневно печатали длинные статьи о франко-польских взаимных дружеских чувствах, о польской нефти (во Франции своей нефти нет), о том, что Мария Лещинская была когда-то королевой Франции, а Наполеон очень любил поляков. Появилась также из некоего географического пункта доселе невиданная «независимая Украина», где, оказывается, есть сахар, хлеб, и где все жители определенные франкофилы. «Посол независимой Украины» граф Тышкевич вращался преимущественно в французских консервативных кругах. Он ездил также в Рим, представлялся римскому папе, которому дал понять, что украинские мужики охотно станут униатами, а ведь от унии до принятия католичества почти что один шаг. Это тоже нравилось многим среди правых французских кругов. Если прибавить ко всему этому бесчисленные делегации, толпившиеся в Париже в прихожей министерства иностранных дел от всякого рода других новых государств, возникших на обломках прежней России, – все с данными статистического, экономического и политиче-

ского характера, отпечатанными на прекрасной бумаге и на французском языке, – то, быть может, нельзя винить французов, вообще очень слабых в географии и истории чужих стран, что у них, как говорится, «голова закружилась». А главное, Колчака у французов перехватили англичане, Деникина опекали англичане, Юденича опекали англичане, в Архангельске и на Мурмане – тоже англичане.

Помощь последних «русскому делу», впрочем, была довольно странная; на северном фронте неожиданный уход английских частей и оставление ими русских отрядов без снарядов и оружия, ибо все боевые материалы англичане топили в Двине и уничтожали, вместо того, чтобы их передать русским частям. А наш бывший поверенный в делах Саблин показывал мне в Лондоне телеграмму от Юденича: «Получил орудия, которые так долго ждал. Они без затворов. Примите срочно меры».

Французам удалось впоследствии отыгаться лишь на Врангеле, который был ими захвачен в клещи, покамест его еще не успели занять «англичане».

Наша цель была добиться возможности формирования русской армии для похода в Россию, армии, составленной исключительно из русских. Материалом для образования частей могли служить русские бывшие военнопленные в Германии и Австрии, откуда их можно было перевести хотя бы на чехословацкую территорию, а также оставшиеся во Франции после войны русские бригады. Хотя сам Клемансо и погрузился всецело в Польшу и в образование вокруг советской России «санитарного кордона», однако, удалось заинтересовать некоторые французские политические круги. От иностранцев мы хотели лишь денежной помощи и помощи вооружением и экипировкой. Опыт с чехословаками на Волге уже показал нам, во что превращается появление чужих войск на русской земле. Андре Тардьё, военный министр кабинета Клемансо, отнесся весьма сочувственно к этому плану. Были выработаны сметы, численность предполагаемого состава и т.д. Но французы ставили непременно условием привлечение в новую армию французских унтер-офицеров, оставшихся без дела по случаю окончания войны, и французских офицеров-добровольцев. Этот проект пришлось остановить.

Политическая работа в совещании послов в Париже отнимала у Б.В. Савинкова почти все время. Он добивался, кроме того, у иностранцев помощи материального характера (шинели, сапоги и т.д.) для Деникина и Колчака. Приходилось также много работать в смысле воздействия на французское и, вообще, заграничное общественное мнение для возбуждения в нем интереса к русским делам. В палате депутатов в Париже, в английском п[арламенте] был организован ряд запросов. В французской палате депутатов депутат Шанделен прогремел на всю Францию своим изумительным знанием не только русских дел, но и неведомой и непонятной для Европы и столь же таинственной «славянской души». Когда мне пришлось

беседовать с ним о материалах его предполагаемого запроса, в разговоре я заметил по поводу образования из Украины независимого государства:

– Архангельскому мужику, когда он приедет в Киев на поклонение мощам, трудно будет понять, что он находится за границей.

– Что это такое: «мощи»?

– Это то, что вы называете "les saintes reliques".

– Можете мне назвать имя какого-нибудь русского святого в Киеве?

– Сколько угодно. Вот, например, Нестор преподобный...

Он записал немедленно. В палате депутатов эти знаменитые "les moichis de saint Nestor" фигурировали в его речи двадцать раз и произвели потрясающее впечатление. На следующий день в газетах писали: «Г-н Шанделен обнаружил редкую для нас осведомленность не только о политических и экономических сторонах русского вопроса, но и о совершенно неведомых нам тайниках мистической души русского народа»...

Но со всем тем, с каждым днем определеннее выяснялось, что самостоятельно действовать нам не дадут, и что помощь нам может быть лишь при условиях, на каких чехословаки помогали эсерам на Волге. К этому же времени относится совершенно уже фантастический план интервенции на Севере (петроградское направление) добровольческой армии, составленной исключительно из скандинавов – шведов, норвежцев и датчан. Помню, что в разговоре с одним из англичан, в присутствии одного из вышеупомянутых скандинавов сказал, что шведам лучше вообще в Россию не ходить, ибо они уже были биты там под Полтавой.

И глубоко врезались мне в память слова того же самого англичанина на одном обеде, где присутствовал, между прочим, и Фритъоф Нансен. Это были первые и единственные искренние слова, которые я слышал за все время от иностранца, правда, были они сказаны «уже за десертом».

– Не понимаю, почему русские патриоты так хлопочут об интервенции. Возьмем, к примеру, хотя бы нас, англичан... Мы – раса моряков, морских разбойников в душе. У себя дома, в Англии, мы – джентельмены... А ведь Россия ваша для нас – колония. Если мы к вам придем с оружием в руках, да еще победителями, мы такого наделаем, что вы о ваших «кровавых» большевиках будете вспоминать как об ангелах.

О польском периоде нашей работы мне, оглянувшись сейчас на него, писать очень трудно. Во-первых, я был там сравнительно малое время в активной работе. Во-вторых, за это малое время имеется слишком мало «бытового материала». Но он однообразен: все то же каждый день, и последующий день был всегда лишь повторением предыдущего.

Мы думали быть самостоятельными и попали в чужие тиски. Мы хотели делать русское дело, а руки наши делали дело, враждебное России. А кругом – жулик на жулике, вор на воре. Как в кривом зеркале, все становилось искаженным: вместо светлых рыцарей идеи получались бандиты, вместо защитников угнетенного русского крестьянина выходили его грабители. «Самостоятельность» наша оказалась фикцией – за каждым из нас стоял некто чужой и палкой гнал по той тропинке, по какой ему это было нужно. В речи своей на суде Б.В. Савинков достаточно полно и отчетливо изобразил этот гнет, быть может, самый тягостный период. Самый тягостный уже потому, что здесь слишком ясно стало то, что было раньше затуманено – повязка спала с глаз. То, что мы увидели, было отвратительно и ужасно.

Возвращение в Париж после Польши, когда нас выслали оттуда – это уже крах полный и неприкрытый. Душевный крах. На суде Б.В. Савинков все сказал по этому поводу, что можно было сказать. Я ничего не могу ни убавить, ни добавить. Да, это было именно так. И из этого нужно было сделать вывод, вывод вполне определенный: мы стояли на ложном пути. Мы стояли на ложном пути. Мы боролись не с «захватчиками власти, исказившими идеи русской революции», не с «участниками и поработителями русского народа», а с самим этим русским народом, ибо он был с вами против нас.

Эту трагедию переживают сейчас за границей тысячи и тысячи русских людей. Я помню, как один из грузчиков на вокзале в Париже – бывший полковник гвардейской артиллерии, когда катил рядом со мной свою тачку, сказал мне:

– А ведь на Москву, помню, в это же время шли... слава богу, что не дошли...

– Почему же так?

– Да что бы мы там стали делать? Кроме глупостей – ничего. Как оглянешься назад – ужас берет: с чем шли. Кто шел. Кто нас вел... Нет, может тебе все лучше... Для России все лучше...

И вот и я сейчас, оглядываясь назад, на весь пройденный путь от февраля 1918 года, когда я начал активно работать, до марта-апреля 1922 года, когда я эту активную работу фактически прекратил, – могу сказать с совершенной искренностью человека, который думал только о своей родине:

– Я перед ней глубоко и тяжело виновен. Вместо того, чтобы помогать ей залечить раны войны и революции, я вольно и невольно наносил ей новые. Такова судьба... И будучи готовым искупить эту невольную и вольную вину мою перед родиной и русским народом, я признаю рабоче-крестьянскую власть, власть моего народа, во имя которого и для которого я боролся, признаю ее единственной и без оговорок.

Александр Дикгоф-Деренталь.
август 1924 г.

Н-1791. Т. 17. Л. 82–115. Машинописная копия.

Польская кампания

**Соглашение между
Б. Савинковым, Д. Философовым
и генералом П. Глазенапом**

По инициативе Б.В. Савинкова с Верховным польским командованием было заключено военное соглашение о формировании на территории Польской республики специального русского соединения.

Основы этого соглашения изложены в документе, подписанном генералом Соснковским.

Для того, чтобы руководить начатым делом, для того, чтобы достигнуть намеченной цели, подписавшие стороны создали секретный организационный комитет под председательством Б.В. Савинкова.

В интересах дела, принимая во внимание взятую на себя большую ответственность и сложность данного дела, Б.В. Савинков, генерал Глазенап и Д.В. Философов пришли к следующему соглашению, которое было ими подписано:

1. Специальное русское соединение, формируемое на территории Польской республики, будет действовать в тесной моральной связи с генералом Врангелем. Тем не менее, часто оно будет действовать совершенно самостоятельно.

3. Генерал Глазенап принимает командование специальным русским соединением и в своих решениях как военачальник является полностью независимым. Ввиду сложности обстановки и из-за политических соображений международного порядка во всех политических и дипломатических вопросах, касающихся и не касающихся армии, последнее слово принадлежит Б.В. Савинкову.

Б. Савинков.

Д. Философов.

генерал П. Глазенап.

3 июля 1920 г. Варшава.

Письмо Б. Савинкова У. Черчиллю

Варшава. 8 июля 1920 г.

Господину военному министру Великобритании
господину Уинстону Черчиллю.

Господин министр.

Я много раз имел случаи убедиться, что в Вашем лице большевики имеют непримиримого врага, а мы, русские патриоты, – искреннего друга. Мы обязаны Вам многим. В очень трудное для нас время Вы сделали для нас все, что было в Ваших возможностях и силах. Это дает мне право писать ныне Вам.

Я не имею целью просить у Вас помощи – я не сомневаюсь, что если бы Вы могли, Вы бы оказали ее и без моей просьбы. Я просто хочу поставить Вас в известность о том, что делается в Польше, рассчитывая, что моя информация может хотя бы в небольшой степени интересовать Вас.

Положение в стране и на фронте тревожно. Большевики многочисленны, они лучше вооружены, чем поляки. Польская доблесть переживает тяжкое испытание. Невероятный факт, что союзники, которые сами помогали Польше сделаться самостоятельным государством, покинули ее в решительную минуту, и даже ведут переговоры с ее противником Красиным, может сыграть решающую роль в этой войне. Если Польша не устоит против большевиков, ответственность за это поражение ляжет в значительной мере на союзников.

Что же касается последствий этого поражения, то они ясны: если большевики будут в Варшаве, они неизбежно будут и в Берлине. Большевизм же в Германии есть начало конца всей Европы.

Мы, русские патриоты-демократы, хотим помочь себе и Польше, или, что будет точнее, (потому, что мы слишком слабы, чтобы задаваться такими большими целями) маршал Пилсудский хочет, спасая Польшу, спасти и нас. 23 июня он разрешил мне формирование Отдельного русского отряда на польской территории. Разрешение это пока секретное и построено исключительно на личном доверии. Оно не обусловлено никакими политическими обязательствами (Вы легко поймете, господин министр, что я и не уполномочен их брать на себя), но маршал Пилсудский, давая его, заявил в приказе по армии и от имени Совета обороны, что он ведет войну не против России, а только против большевиков. Этим своим заявлением он открыл нам, русским, возможность с оружием в руках бороться на польском фронте.

Я вместе с г. Философовым и с ведома ген[ерала] Врангеля уже приступил к формированию Отдельного русского отряда из трех родов

оружия с техническими частями. Этим отрядом будет командовать русский ген[ерал] Глазенап, которого я знаю за разумного и доблестного генерала, не стремящегося к реставрации Романовых и проникнутого демократическими стремлениями. Формирование продвигается успешнее, чем я ожидал, и к середине августа первая русская часть, я надеюсь, появится на польском фронте. Но, само собой разумеется, недостаток в боевом снаряжении крайне затрудняет нашу работу. Боевое снаряжение дают нам поляки. Они великодушно делятся с нами тем немногим, что у них есть. Мы постараемся оправдать доверие маршала Пилсудского и доказать в бою, что в России еще есть люди, любящие свою родину. Но насколько бы наша задача была легче, если бы те, кто богат, уделили бы нам хоть малую часть ненужного им теперь своего или германского оружия. Я не смею, однако, рассчитывать на это. В Европе дует ветер безумия. Большевики умело пользуются им.

Я прошу Вас, господин министр, извинить меня за это неделовое письмо и принять уверение в моем глубоком к Вам уважении и совершенной преданности.

Б. Савинков.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 527. Л. 194–195.

Машинописная копия.

100

Б. Савинков – генералу П. Врангелю

Варшава. 16 июля 1920 г.

С разрешения начальника государства мною на территории Польши формируется Отдельный русский отряд трех родов оружия для самостоятельного действия. Командует отрядом генерал Глазенап. Разрешение подтверждено личным письмом ко мне от 10 июля генерала Сосновского со ссылкой на приказ по армии Пилсудского, в коем сказано, что Польша воюет не против России, а против большевиков, и с изложением следующих главнейших пунктов: 1) отряд финансируется и экипируется по польским нормам; 2) отряд ни в коем случае не будет выдан противнику; 3) отряд в случае заключения мира с большевиками имеет право с оружием эвакуироваться из Польши; 4) формирование отряда поручается мне; 5) отряд может быть употреблен исключительно для борьбы с большевиками; 6) отряд находится под русским командованием, но временно – в стратегическом подчинении польской главной квартиры.

Считаю этот отряд действующим параллельно с Вами. Во избежание недоразумений заявляю, что смотрю на Вас как на единственного ныне носителя русского национального знамени, а поэтому в

пределах моих сил готов и буду Вам содействовать. Прошу рассматривать отряд как морально с Вами связанный и стремящийся к общей цели освобождения России. Позволяю себе в заключение доложить, что, по моему мнению, Вашему представителю полковнику Долинскому надлежит срочно выехать к Вам для личного доклада, на время же его отсутствия совершенно необходимо командирование от Вас в Варшаву ему заместителя. Жду ответа.

Савинков.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 527. Л. 161.

Машинописная копия.

101

Б. Савинков – У. Черчиллю

Варшава. 23 июля 1920 г.

Великобританскому военному министру
господину Уинстону Черчиллю.

Господин министр.

Имею честь препроводить Вам копии обмена телеграммами между генералом-бароном Врангелем и мной. Из телеграмм этих Вы убедитесь, что:

1. Позиция моя и генерала Глазенапа по отношению к генералу-барону Врангелю вполне лояльна.

2. Отдельный русский отряд генерала Глазенапа, политически мне подчиненный, формируется на территории Польши из добровольцев, которые перенаправлены к генералу-барону Врангелю быть не могут, а потому отряд этот практически не является конкурирующим с армией генерала-барона Врангеля.

3. Отдельный русский отряд генерала Булак-Балаховича, действующий уже на польском фронте и тоже мне политически подчиненный, не может быть по не зависящим от меня обстоятельствам эвакуирован к генералу-барону Врангелю, даже если бы генерал Булак-Балахович того пожелал, а следовательно, пребывание генерала Булак-Балаховича на польском фронте, а не на крымском, если и ослабляет армию генерала-барона Врангеля, то помимо моего желания и воли.

4. Требования генерала-барона Врангеля не только невыполнимы, но ставят чинов находящегося в концентрационных лагерях русского отряда генерала Бредова, подчиненного генералу-барону Врангелю, в безвыходное положение, ибо вынуждают их, за неимением возможности эвакуироваться в Крым и ввиду запрещения генерала-барона Врангеля вступать в отряд генерала Глазенапа, к пассив-

ному пребыванию в концентрационных лагерях, что в случае победы большевиков почти равносильно их физическому истреблению.

5. Резолюция генерала-барона Врангеля, касающаяся отрядов генерала Глазенапа и генерала Булак-Балаховича, не только не может способствовать укреплению столь необходимых отношений между Россией и Польшей, но наоборот, может испортить отношения уже существующие, вселив в поляков убеждение, что генерал-барон Врангель не желает сближения с Польшей.

Я беру на себя, господин министр, смелость ввиду вышеизложенного, просить Вас не отказать, если Вы найдете это возможным, сообщить генералу-барону Врангелю, что резолюция его, касающаяся отряда генерала Глазенапа, не только ни в какой мере не может содействовать успеху его оружия, но даже может вредно сказаться на общерусском деле, которое он возглавляет.

Извиняясь за беспокойство и в надежде, что Вы не оставите это мое письмо без последствий, прошу Вас, господин министр, принять уверение в моем глубоком к Вам уважении и совершенной преданности.

Б. Савинков.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 527. Л. 192–193.

Машинописная копия.

102

Б. Медзинский – Б. Савинкову

Варшава, 7 августа 1920 г.

Господину Борису Савинкову.

Господин министр!

На основе наблюдений, которые я имел возможность сделать над организацией находящихся под Вашим руководством русских соединений, я возьму на себя смелость сделать Вам несколько предупреждений, которые, с моей точки зрения, имеют большую важность.

Тот факт, что некоторые высшие офицеры, которым поручены командные должности в одном организованном Вами соединении, слишком подчеркивают их связь со старой русской армией, безусловно неблагоприятно влияет на моральное состояние солдат.

Вы можете не знать, господин министр, какое огромное влияние имеет на боевой дух войск моральная связь между солдатом и его командованием.

Так как условия, в которых должны формироваться и сражаться организованные Вами соединения, являются чрезвычайно трудными и сложными, доверие солдата к его командованию окажется в большей степени гарантией боеспособности этих соединений.

Личность генерала Глазенапа, который находится во главе одного из сформированных Вами соединений, не является, по моему мнению, достаточной гарантией того, что изложенные выше условия будут в достаточной степени соблюдены.

Я боюсь, что генерал Глазенап будет очень далек от души простого солдата, и что его заботы будут направлены в основном на материальное снабжение. Равным образом необходимо считаться с тем фактом, что имя генерала непопулярно среди солдат и является для них, может быть, справедливо, синонимом «старого режима».

Я не стану обсуждать военные способности генерала Глазенапа, но я боюсь, что для благоприятного решения задачи, которую ставит перед собой командование русских соединений, некоторые характерные черты и особая линия поведения генерала Глазенапа не являются необходимыми.

Извините меня, господин министр, за мою солдатскую искренность, с которой я Вам изложил это дело. Я Вас прошу верить, что мной руководило только желание, чтобы мы достигли нашей общей цели в нашей общей работе.

Примите, господин министр, и пр.

Подполковник Богуслав Медзинский,
начальник 2-го отдела штаба
военного министерства.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 349–350. Машинописная копия.

103

Б. Савинков – П. Глазенапу

Варшава, 12 августа 1920 г.

Его превосходительству
генерал-лейтенанту Глазенапу.

Господин Генерал!

Как председатель НОК^{*)} и как лицо, ответственное за соединения, которые формируются и уже сформированы на территориях Польской республики и Литовской республики, я считаю своей обязанностью довести до Вашего сведения некоторые политические затруднения, которые возникли уже давно, но которые приняли сегодня острый характер.

Как Вы это сами знаете, большая часть польского правительства, высшего командования, парламента и влиятельных общественных кругов смотрит на русские формирования в Польше не очень

благосклонно и даже с недоверием. Правительственные и общественные круги, о которых идет речь, даже если они допускают возможность польско-русского соглашения, то только при неременном условии, чтобы оно было заключено с полностью демократическим лицом и при неоспоримо демократической русской правительственной программе. И если эти круги открыто не протестуют против русских формирований в Польше, то это потому, что маршал Пилсудский, разрешая их, гарантировал, так сказать, их демократизм. Не протестуя открыто, они воспрепятствуют ходу формирования этих соединений, что выразится в следующем:

1. В покровительстве инородческим формированиям, в том числе формированиям «независимой Кубани».

2. В оказании привилегий генералу Булак-Балаховичу, генералу, представившему, по мнению этих кругов, достаточную гарантию в своем демократизме.

3. В задержке отправки эшелонов в Скальмержицы, место формирования находящегося под Вашим командованием соединения.

4. В задержке передачи фондов в виде займа для нужд находящегося под Вашим командованием соединения.

5. В задержке снабжения продовольствием находящегося под Вашим командованием соединения.

6. В задержке ликвидации текущих дел, касающихся Вашего соединения.

Во время частных переговоров представители этих кругов мне дали понять в различных формах, что такое отношение с их стороны является следствием только одного факта. Они считают Ваше имя не приемлемым для всей польской демократии.

Считая это объяснение недостаточным и глубоко несправедливым, протестуя против него, я, тем не менее, не считаю себя вправе прятать его от Вас.

С другой стороны, командование соединениями, которые подчинены мне политически (соединение генерала Булак-Балаховича, соединение графа Палена, также соединение, во главе которого находитесь Вы) должны быть объединены с военной точки зрения в Вашем лице. Но генерал граф Пален, так же, как и генерал Булак-Балахович, отказались Вам подчиниться.

Не считая возможным изложить причины их отказа, я не могу, тем не менее, скрывать его от Вас.

Доводя вышеизложенное до Вашего сведения, я Вас прошу, господин генерал, принять и т.д.

Б. Савинков,

ПФ-9489. Т. 3. Л. 353–354. Машинописная копия.

¹ НОК – Народно-освободительный комитет

**Телеграмма
Б. Савинкова П. Глазенапу**

Скальмержицы, 19 августа 1920 г.
Генералу Глазенапу.

Я узнал, что Вы послали телеграмму польскому военному министру, где Вы выражаете от имени соединения Ваше желание эвакуироваться вместе с этим соединением в Крым. В связи с этой телеграммой я просил Вас прибыть в Варшаву для переговоров со мной. Вы отказались. Я обращаю Ваше внимание на следующее:

1) Эта телеграмма была отправлена без того, чтобы я был об этом информирован. Я категорически протестую против ее содержания.

2) Желание соединения, которое только получило приказ отправиться на фронт, быть эвакуированным может рассматриваться как желание уклониться от военного долга.

3) Этой телеграммой Вы показали, что не соблюдаете Ваше обязательство принять все необходимые меры для того, чтобы кризис командования прошел как можно более спокойно.

4) Опрос офицеров и добровольцев Вашего соединения не был проведен ни Вами, ни польскими властями, и теперь телеграмма, о которой идет речь, не может отражать настроение соединения.

Я считаю всякую задержку в сдаче Вами должности невозможной.

Еще раз прошу Вас, так же как генералов Трусова и Пермикина, прибыть в Варшаву для разъяснения недоразумения.

Б. Савинков.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 355. Машинописная копия.

Б. Савинков – П. Врангелю

20 августа 1920 г.
Генералу Врангелю.

Соединение генерала Глазенапа, формирующееся в настоящее время на польской территории, насчитывает в настоящее время по своим спискам 4000 человек, из которых 2700 человек представляют различные рода войск и в числе которых имеется 700 офицеров, находится в месте концентрации. Несмотря на свою немногочисленность, это соединение может играть важную роль на польском фронте вви-

ду растущих успехов польской армии и ввиду возможности увеличить свой численный состав пленными и добровольно сдающимися красногвардейцами, число которых достигает нескольких десятков тысяч.

Что касается его политической важности, то она огромна, так как в глазах поляков оно является залогом русско-польского союза между Вами и маршалом Пилсудским и дружбы двух народов.

Ваши телеграммы, в которых Вы, хотя и не высказываетесь против формирований в Польше, против русских солдат и офицеров, не желающих или не могущих перейти в Крым, но, тем не менее, призываете к себе все боеспособные части, рассматриваются офицерами как Ваш приказ покинуть Польшу и перейти в Крым. Такая трактовка является причиной, как бы, возникновения еще одного испытания нашей верности по отношению к Вам.

Те же офицеры, которые шесть недель тому назад свободно выражали свое желание сражаться на польском фронте, приведены сегодня в замешательство и желают быть переброшенными к Вам. А соединение получило приказ польской ставки, которой оно подчинено стратегически, немедленно отправиться на фронт, временно с численным составом в 1500 человек.

Этот приказ трудно выполним, так как соединение еще полностью не оснащено и не вооружено, но им был бы безусловно выполнен, если бы Ваши телеграммы не рассматривались как приказ перейти на юг. Отсюда положение, которое позволит впоследствии польскому верховному командованию сказать, что соединение отказалось выполнить боевой приказ, что неизбежно воспрепятствует возможности русско-польского союза и сильно повредит благоприятному польскому общественному мнению по отношению к русским. Я ходатайствую перед маршалом Пилсудским, чтобы этот приказ был отложен до получения Вашего ответа на эту телеграмму.

Я Вас прошу ответить, что должно сделать соединение. Или отправиться на польский фронт, или же, отказавшись от своих первоначальных намерений, эвакуироваться к Вам, что приведет к большой потере времени.

Офицеры с большим нетерпением ждут этого ответа, который должен избавить их от тяжелой неуверенности в том, что они должны делать.

Неоднократно в частных переговорах Верховное польское командование и сам маршал Пилсудский давали мне понять, что любой генерал русской службы был бы в Польше более на своем месте, чем генерал Глазенап, который не внушает никакого доверия большинству бойцов бывшей северо-западной армии и имеет у поляков незаслуженную репутацию германофила. Я информировал об этом Глазенапа. Он немедленно сдал командование генералу Бобошко.

Я утвердил эту смену, так как Глазенап, получив приказ идти на фронт и не ходатуйствуя, чтобы он был отменен, немедленно послал польскому командованию телеграмму с просьбой эвакуировать соединение к Вам, что было рассмотрено как отказ генерала Глазенапа выполнить вышеупомянутый приказ.

Я прошу или утвердить назначение генерала Бобошко командиром соединения, или же назначить генерала Пермикина или генерала Трусова.

На польской территории имеется еще русское партизанское соединение генерала Балаховича, уже действующее на фронте, и две казачьих бригады – Яковлева и Сальникова, которым предложено подчиниться генералу Балаховичу. Я Вас прошу меня информировать, не имеете ли Вы против этого возражений.

Я Вас прошу срочно ответить на все эти вопросы.

Ознакомившись с вашей политической программой, я готов поддерживать Ваше правительство. Я позволю себе привлечь Ваше внимание на тот факт, что Ваш призыв к подразделению, которое получило приказ отбыть на фронт, серьезно повредит Вашим переговорам с польским правительством.

Б. Савинков.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 356–358. Машинописная копия.

106

Соснковский – Б. Савинкову

Военное министерство. Варшава.
24 августа 1920 г.

Господину Борису Савинкову.

Господин министр!

Я имею честь послать Вам копию телеграммы, которую я получил от генерала Глазенапа, предупреждая Вас, что я оставил эту телеграмму без ответа.

Тем не менее, я считаю себя обязанным сделать некоторые замечания в связи с упомянутой телеграммой:

I). Передача снаряжения и вооружения не была задержана. Я точно знаю, что винтовки и одежда были поставлены полностью. Что касается нехватки пулеметов, пушек, лошадей и технических материалов, то это будет пополнено в самый короткий срок.

II). Русскому соединению отбыть на фронт был дан приказ, т.к. настоящий момент является наиболее благоприятным и может не повториться. Приказ касается только тех частей, которые в указан-

ный момент могли быть к этому готовы. Это нисколько не меняет ту точку зрения, что соединение представляет из себя неразделимое целое. Другие части смогли бы присоединиться к пехоте в самый короткий срок, как только они были бы в состоянии это сделать.

III). Как солдат, я не могу не удивиться тому, что генерал Глазенап на приказ отбыть на фронт ответил просьбой транспортировать соединение на юг. Я предполагал, что все политические вопросы, касающиеся соединения, зависят, господин министр, только от Вас.

Я Вам предоставляю решить, господин, допустимо ли, чтобы военный начальник соединения мог рассматривать с политической точки зрения полученный им оперативный приказ, и я прошу Вас в то же время решить своей собственной властью этот неприятный вопрос.

IV). Насколько мне известно, генерал Врангель не возражает против формирования русских соединений в Польше, и категорический приказ генерала Врангеля, касающийся эвакуации русского соединения из Скальмержиц на юг России, который упомянут в телеграмме генерала Глазенапа, мне до сих пор не известен. Я не могу верить в существование такого приказа. Не вызывает никакого сомнения, что генерал Врангель призывает к себе все боеспособные русские силы, еще не организованные и рассеянные по всей Европе. Но я не могу поверить, чтобы этот приказ мог касаться соединения, формирующегося в Польше и являющегося реальным показателем солидарности русских и польских интересов в борьбе с общим врагом. Соединение, нанося большевикам поражения под Варшавой, оказывает помощь генералу Врангелю в такой же степени, как победы генерала Врангеля влияют на ход военных действий на польском фронте. Польская армия желает генералу Врангелю от всего сердца удачи в достижении его великой цели, но в то же время я уверен, что генерал Врангель сможет справедливо оценить значение операций на польском фронте и перспективы, которые открываются перед его армией благодаря польским победам последних дней.

Таким образом, неоправданный, с Вашей точки зрения, отзыв русского соединения с польского фронта усилил бы причины и мотивы совершенно в другом направлении. Это не могло бы не повлиять на будущие польско-русские отношения и воспрепятствовало бы идее единства между двумя фронтами и армиями.

V). Приказ русскому соединению отправиться на фронт мог бы быть отдан немедленно. Вы понимаете, господин министр, что несколько тысяч даже отличных солдат не могут повлиять на настоящее положение на фронте. Речь идет о том, чтобы русское соединение смогло бы воспользоваться исключительно благоприятным моментом, когда дорога на восток открыта.

Следуя по этой дороге, в очень короткое время соединение может увеличить свой численный состав, поднять моральный дух и усилить свое материальное оснащение.

Военный министр *Соснковский*.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 359–361. Машинописная копия.

107

Е. Долинский – Б. Савинкову

Русский военный атташе в Польше.
26 августа 1921 г. № 851. Варшава.

Господину Борису Савинкову.

Господин,
23-го августа в Скальмержицах формирующееся там русское соединение в лице своего командующего генерала Глазенапа и высших офицеров, включая сюда командиров частей, выразило мне свое непоколебимое желание подчиниться верховному главнокомандующему вооруженными силами южной России.

Я считаю необходимым принять от имени генерала барона Врангеля это подчинение, и в качестве его представителя я подчиняю соединение себе вплоть до специального приказа верховного главнокомандующего.

Политические условия таковы, что инициатива формирования принадлежит Вам, и что условия формирования содержатся в Вашем частном, чисто военном соглашении с маршалом Пилсудским.

Ввиду этой ситуации, перед тем, как утвердить приказом подчинение соединения верховному главнокомандующему вооруженными силами южной России и перед тем, как послать ему донесение, я Вас прошу подтвердить с Вашей стороны те вопросы, которые в принципе были решены с Вами устно.

1) Ваше согласие с подчинением соединения верховному главнокомандующему.

2) В случае, если соединение будет действовать на польском фронте, признаете ли Вы в качестве одной из заключивших соглашение с маршалом Пилсудским сторон действительность в настоящих условиях параграфов соглашения, которые гарантируют:

- а) материальное обеспечение соединения;
- б) его судьбу в случае, если прекратится война между Польшей и советской Россией.

Примите, господин, и т.д.

Евгений Долинский.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 362. Машинописная копия.

Б. Савинков – Е. Долинскому

Председатель Русского политического
комитета в Польше.

26 августа 1921 г. № 201. Варшава.

Полковнику Долинскому,
русскому военному атташе в Польше.

Господин полковник,

С чувством глубокого удовлетворения я прочел Ваше письмо от 26 августа, в котором Вы мне сообщаете на основании заявления высших офицеров (в том числе командиров частей) специального русского соединения, формирующегося в Скальмержицах, желание соединения подчиниться верховному главнокомандующему вооруженными силами южной России и доводите до моего сведения, что Вы в качестве представителя верховного главнокомандующего берете соединение под свое подчинение вплоть до специального приказа.

Такое подчинение специального русского соединения, действующего на польской территории, в Вашем лице генерал-лейтенанту Врангелю приветствуется мной с политической точки зрения, так как я вижу в нем шаг к сближению между Россией и Польшей и к сближению между главой Польского государства маршалом Пилсудским и верховным главнокомандующим вооруженными силами южной России, генерал-лейтенантом Врангелем, к чему я стремлюсь.

С военной точки зрения, благодаря этому подчинению исчезнут все недоразумения, возникшие за последнее время в соединении в связи с сдачей генерал-лейтенантом Глазенапом своих функций командира соединения.

Я добавлю, что буду счастлив, если и другое соединение, которое подчинено мне политически, соединение генерал-майора Булак-Балаховича, выразит, в свою очередь, желание подчиниться генерал-лейтенанту барону Врангелю. Что касается поставленных Вами вопросов, то я имею честь ответить Вам на них следующее:

1. Из копии моей телеграммы от 20-го августа барону Врангелю Вы можете удостовериться в моей верности, как председателя Русского политического комитета в Польше, верховному главнокомандующему вооруженными силами южной России.

2. Копии писем, адресованных мне военным министром Польши генералом Соснковским (от 10 и от 23 июля) могут Вас заверить, что материальное обеспечение специального русского соединения, формирующегося в Скальмержицах, а также его судьба в случае прекращения войны между Польшей и советской Россией гарантирова-

ны специальными параграфами соглашения, которые остаются безусловно в силе в случае подчинения генерал-лейтенанту барону Врангелю.

Я Вас прошу принять, господин полковник, и т.д.

Б. Савинков.

P.S. Я Вам буду в высшей степени обязан, если Вы сооблаговолите послать копию этого письма с ближайшим курьером генерал-лейтенанту барону Врангелю.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 363–364. Машинописная копия.

109

Телеграмма Б. Савинкова П. Врангелю

Копии: князю Львову, Париж,
Чайковскому, Париж, Гирсу, Париж,
Горлову, Варшава, Долинскому, Варшава.
27 августа 1920 г.

Генералу Врангелю

Как председатель Русского политического комитета в Польше, русского соединения на территории Польской республики, я заявляю, что признаю Вашу власть и готов Вам подчиниться.

Б. Савинков

ПФ-9489. Т. 3. Л. 365. Копия.

110

Соглашение между Б.В. Савинковым и генералом С.Н. Булак-Балаховичем

27 августа 1920 г.

I. На основе секретного соглашения между Высшим польским командованием и Б.В. Савинковым все русские формирования на территории Польской республики подчинены политически Б.В. Савинкову.

II. На основе секретного соглашения с польским правительством средства, отпущенные польским правительством как натурой, так и деньгами, начиная с 1 марта 1920 г., также как и средства, которые будут отныне израсходованы для этой цели Б.В. Савинковым, будут считаться государственным долгом России Польской республике.

III. Принимая во внимание изложенное выше, Б.В. Савинков и генерал Булак-Балахович пришли к следующему соглашению:

1) Соединение генерала Балаховича принимает программу всех русских соединений на польской территории, во главе которых стоит Б.В. Савинков:

- а) Учредительное собрание.
- б) Земля народу.
- в) Демократия.
- г) Союз народов (Федерация).

2) Соединение Булак-Балаховича политически подчиняется Б.В. Савинкову, который стоит во главе Русского политического центра, имеющего своей целью возрождение России на демократической основе.

3) Соединение генерала Балаховича находится под финансовым контролем не польских властей, а Б.В. Савинкова.

4) Соединение Булак-Балаховича должно действовать, с оперативной точки зрения, независимо, но сохраняя, тем не менее, по мере возможности, стратегическую связь с другими соединениями, сформированными на территории Польши и подчиненными политически Б.В. Савинкову.

5) В случае, если все русские соединения и группировки будут объединены под единым командованием, вопрос стратегических взаимоотношений между генералом Балаховичем и другими соединениями будет разрешен в зависимости от обстановки, но политическое подчинение соединения генерала Балаховича должно остаться без изменений.

6) При соединении генерала Балаховича в случае, если оно вступит на русскую территорию, будут организованы орган самоуправления и местная администрация в соответствии с планом стоящего во главе русского политического комитета Б.В. Савинкова.

7) Б.В. Савинков берет на себя следующие обязательства:

а) представлять с политической точки зрения соединение генерала Балаховича при польском правительстве и при союзных странах;

б) оказывать по мере возможности свое содействие улучшению снабжения всем необходимым соединения генерала Балаховича;

в) организовывать совместно с генералом Балаховичем антибольшевистскую пропаганду как в русской армии, так и в районах, оккупированных в настоящее время большевиками.

Подписано: *Б.В. Савинков.*
Генерал-майор *Булак-Балахович.*
27 августа 1920 г., Варшава.

Соглашение между Б. Савинковым и представителем СБД В. Бриеде

6-го сентября 1920 г. в городе Варшаве было заключено соглашение между Русским политическим комитетом в Польше (РПК) в лице его председателя и представителем Северной военной группировки (СБД) в лице начальника его дипломатического отдела.

1) Соглашение было заключено с целью координировать действия обеих организаций для борьбы против большевиков.

2) Основы политической программы как РПК, так и СБД согласуются с политической декларацией генерала Врангеля, которому обе организации подчиняются. В частности, признается независимость сформированных на территории прежней русской империи государств.

3) Обе заключающие соглашение стороны должны будут по мере возможности доводить до сведения одна другой действия, которые они предполагают производить и взаимно обмениваться имеющимися сведениями и корреспонденцией.

4) До того, пока не будет установлена прямая связь с правительством генерала Врангеля, Северная военная группировка (СБД) в решениях политического порядка будет подчинена Русскому политическому комитету в Польше, оставаясь независимой в стратегических вопросах.

5) В случае, если обе группировки должны будут слиться, со стратегической точки зрения, стратегические взаимоотношения будут определены в зависимости от обстоятельств. Но политическое подчинение Северной военной группировки Русскому политическому комитету в Польше не может быть изменено.

6) Вопросы экономического и материального порядка должны быть решены, если это возможно, совместно и в зависимости от существующих условий.

7) В случае, если Северная военная группировка овладеет территориями, находящимися под властью большевиков, то там должно быть организовано местное самоуправление, отвечающее плану и указаниям Русского политического комитета в Польше.

Председатель Русского политического
комитета в Польше *Б. Савинков*.

Начальник дипломатического отдела
Северной военной группировки *В. Бриеде*.

Составлено в двух экземплярах.
Борис Савинков, В. Бриеде.

6 сентября 1920 г.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 370-371. Машинописная копия.

¹ Так в тексте документа.

**Б. Савинков – председателю
Совета министров Польши
о формируемых русских соединениях**

Председатель Русского политического
комитета в Польше.
10 сентября 1920 г. № 318. Варшава.

Господину председателю Совета министров.

Дорогой господин!

Формирование русских соединений в Польше быстро продвигается вперед.

В настоящее время имеются:

1) Соединение генерала Булак-Балаховича (различные рода войск), насчитывающее 5000 штыков и сабель в распоряжении генерала Булак-Балаховича и 2000 сабель, приданных ему командующим 3-й польской армии. Всего 7000 человек, находящихся в р[айо]не города Влдава.

2) Соединение генерала Бобошко -- бывшее соединение генерала Глазенапа (все рода войск), насчитывающее 4500 человек и находящееся в тылу в районе города Калич.

3) Находящееся в стадии формирования соединение генерала Пермикина (все рода войск).

4) Находящееся в стадии формирования кавалерийское соединение генерала Трусова.

Весь личный состав 2-х соединений, по моим подсчетам, достигает в ноябре 1920 г. 25 – 30 000 бойцов.

Отдельно от этих формирований соединение графа Палена, находящееся на территории Латвии, и военная группировка лейтенанта Бреде, находящаяся в Эстонии, изъявили желание подчиниться политически Русскому политическому комитету в Польше. Если это соединение и эта группировка, состоящие в большей части из остатков русской северо-западной армии генерала Юденича, будут эвакуированы в Польшу (в направлении чего уже приняты меры), весь личный состав находящейся в стадии формирования русской армии сможет достигнуть в ноябре 1920 г. 35 000 штыков и сабель.

Русский политический комитет в Польше подчиняется генералу Врангелю. Предполагается, что во главе находящейся в стадии формирования армии будет находиться военачальник, назначенный генералом Врангелем.

Русский политический комитет в Польше выразил желание, чтобы это был генерал Кирей.

В настоящее время имеется три основных затруднения, которые усложняют формирование русской армии в Польше.

I. Это формирование производится секретно.

Маршал Пилсудский, когда я ходатайствовал перед ним о разрешении довести до сведения широких масс формирование русских соединений для того, чтобы обеспечить его успех, заявил мне, что он понимает эту необходимость, но не может дать на это свое согласие, опасаясь, что это разрешение может быть истолковано союзниками как доказательство его нежелания заключить мир с большевиками.

Разделяя опасение маршала Пилсудского, я позволил себе, тем не менее, привлечь почтительно его внимание на следующие факты:

1. Франция, признавая правительство генерала Врангеля, стоит за необходимость поддерживать русские антибольшевистские силы, и с этой точки зрения русские формирования в Польше и даже союз маршала Пилсудского с генералом Врангелем может только приветствоваться Францией, т.к. противное будет означать отсутствие логики во французской политике, чего нельзя предположить.

2. Прекращение засекречивания формирования русских соединений в Польше и даже союз маршала Пилсудского с генералом Врангелем не может еще служить доказательством нежелания со стороны польского правительства заключить мир с большевиками, и действительно, одно и другое не означает, что Польша откажется от условий приемлемого мира, а свидетельствует только о вполне законном предвидении и об осторожности польского правительства, испытавшего уже коварство большевиков.

Несмотря на эти соображения, маршал мне заявил, что его ответ будет зависеть от отношения союзных правительств к русским формированиям в Польше.

II. Недостаточное снабжение.

Действующее на фронте соединение генерала Булак-Балаховича снабжается в достаточной мере. Тем не менее, во время одной инспекционной поездки в соединение я смог убедиться, что в резервных частях не имеются необходимые солдаты.

Что же касается соединения генерала Бобошко, хотя все люди там экипированы и обуты, там имеется в настоящее время только 1500 винтовок, 7 пулеметов, 700 пик, одна пришедшая в негодность пушка и недостаточное количество подвод.

Маршал Пилсудский делает все возможное, чтобы обеспечить русские соединения, но Польша сама испытывает недостаток в военных материалах и без великодушной помощи союзников русские солдаты в Польше рискуют остаться без оружия и даже без обмундирования.

III. Неопределенная позиция генерала Врангеля.

Генерал Врангель продолжает настаивать на том, чтобы все находящиеся в Польше боеспособные части были эвакуированы на юг и посланы в его распоряжение в Крым. Не касаясь в принципе того вопроса, что формирование русской армии на западе в высшей степени желательно, т.к. оно может играть решающую роль для военных операций генерала Врангеля, я позволю себе привлечь Ваше внимание к тому факту, что эвакуация на юг России уже созданных в Польше русских соединений могла бы рассматриваться Верховным польским командованием как акт, безусловно не направленный на укрепление дружественных русско-польских отношений.

Эти соединения были созданы с согласия их командиров для борьбы против большевиков на польском фронте, и только для этой цели они были оснащены и продолжают оснащаться. Что касается соединений, находящихся в стадии формирования, то в случае, если уже сформированные соединения будут эвакуированы на юг, их формирование будет безусловно приостановлено, т.к. польское верховное командование ни в коей степени не намерено, насколько мне известно, формировать и экипировывать соединения, предназначенные для генерала Врангеля.

Таким образом, выполнение предписаний генерала Врангеля может ухудшить и без того всегда затруднительные русско-польские отношения и дает генералу только 4600 бойцов – соединение генерала Бобошко, т.к. по имеющимся сведениям соединение генерала Булак-Балаховича не хочет быть эвакуировано в Крым. Для того, чтобы генерал Врангель уточнил свою позицию в благоприятном для русских формирований в Польше смысле и для того, чтобы укрепить таким образом русско-польскую дружбу, в равной степени необходима помощь союзников.

В этом частном письме, за которое я приношу мои извинения, я прошу Вас соблаговолить оказать содействие в трех вышеизложенных вопросах, имеющих, по моему мнению, огромную важность для создания русских соединений в Польше.

Прилагаемые документы Вам смогут показать состояние формирований и достойные сожаления инциденты с генералом Глазенапом, который не захотел выполнить оперативный приказ польского Генерального штаба и который после этого передал командование своим соединением генералу Бобошко.

Благодарю Вас заранее и надеюсь, что Вы не оставите мою просьбу без ответа, я Вас прошу верить, дорогой господин, в мое глубокое уважение и преданность.

Б. Савинков.

**Телеграмма
Б. Савинкова П. Врангелю**

15 сентября 1920 г.

Генералу Врангелю.

Я считаю своим долгом Вам сообщить, что не имеется никаких технических препятствий эвакуации в Крым русского соединения генерала Бобошко, сформированного в Польше при помощи поляков, и что польское верховное командование вероятно выразит свое согласие с этой эвакуацией.

Тем не менее эта эвакуация может иметь следующие последствия:

1. Ухудшение русско-польских отношений. В этой эвакуации польское верховное командование не может не увидеть отход от условий, согласно которым разрешено формирование русских частей в Польше, так как эти части были предназначены для совместных операций с польскими войсками на польском фронте, и только впоследствии для операций непосредственно в России.

2. Прекращение формирования других русских соединений. Что же касается соединения генерала Булак-Балаховича с значительно большим численным составом, чем соединение генерала Бобошко, это соединение не выразило желания быть эвакуированным в Крым.

Таким образом, за 4500 бойцов генерала Бобошко Вы должны будете заплатить значительным усложнением без того уже значительно плохих русско-польских отношений и потерей надежды на формирование важных русских вооруженных сил на территории Польши, которые смогут впоследствии или действовать под Вашим непосредственным командованием, или же соединиться с Вашей армией.

Доводя до Вашего сведения вышеизложенные факты, я позволю себе добавить, что эта эвакуация разрушила бы в политическом смысле всю русскую работу, проведенную за последние три месяца в Польше и направленную на создание возможности союза между Польшей и Вами. Подчиняясь Вам, я готов в любой момент передать свои функции тому, кому Вы укажете. Моя личность не должна ни в коей степени влиять на одно из важнейших русских государственных дел. Но до того, как это дело потерпит крах, я Вас настойчиво прошу взвесить все последствия. Как те, которые я Вам изложил, так и те, которые трудно сегодня предвидеть.

Савинков.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 376–377. Машинописная копия.

Декларация Б. Савинкова

Нижеподписавшиеся признают власть ген[ерала] Врангеля и его программу, изложенную в Декларации от 20 июня 1920 г., подписанной заведующим отделом иностранных дел южно-русского правительства П.Б. Струве и переданной им французскому правительству.

В связи с этим нижеподписавшиеся считают себя вправе заявить:

1) Что залогом успешной борьбы с большевиками, а также водворения в России правового порядка является тесный союз Польши с демократической Россией. От этого союза, по их убеждению, зависит дальнейшее преуспевание обоих государств.

2) Признавая право самоопределения народов и, в частности, факт независимости самостоятельных государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи, они полагают, что дальнейшие взаимоотношения этих государственных образований и России могут быть определены отнюдь не силой оружия, а свободно и полномочно проявленной волей самоопределяющихся народов.

3) Что они утверждают принцип перехода всей земли в частную собственность землевладельца. Изъятия из этого правила могут быть допущены лишь по постановлению русского Учредительного собрания, которому принадлежит также [право] установления размера вознаграждения бывшим земельным собственникам, уплачиваемого государством.

4) Что они не мыслят себе возрождения России иначе, как путем созыва русского Учредительного собрания на началах всеобщего, тайного, прямого и равного голосования всего населения России. В частности, только русскому Учредительному собранию может принадлежать право окончательного установления форм правления русского государства.

5) Что они не мыслят себе возрождения России иначе, как на началах введения гражданского управления в очищаемых от большевиков областях, построенного на основе организованного волеизъявления самого населения.

6) Что они не мыслят себе возрождения России на началах политической и социальной мести и полагают, что русские вооруженные силы должны нести с собой мир для населения и возможно более широкую амнистию для тех, кто является временным или слепым орудием большевиков.

Б. Савинков, Д. Философов, Д. Одинец,
В. Ульяницкий, А. Дикгоф-Деренталь,
Д. Мережковский, Н. Буланов.

2 октября 1920 года. г. Варшава.

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 527. Л. 174-175.

Машинописная копия.

**Телеграмма Б. Савинкова
и С. Булак-Балаховича
маршалу Пилсудскому
и генералу Врангелю**

Русская народная добровольческая армия, борющаяся против большевиков за свободу всех народов и за мир всему миру, призванная на помощь представителям свободного белорусского народа, перешла сегодня границу, установленную прелиминарным миром. Поддержанная восставшими белорусскими крестьянами и имея в своих рядах многочисленных белорусских добровольцев, она продвигается вперед для освобождения самостоятельной Белоруссии и для окончательного торжества над захватчиками власти – большевиками. В исторический день офицеры и добровольцы шлют свою горячую благодарность и свой братский привет свободному польскому народу, доблестной польской армии и ее верховному вождю маршалу Пилсудскому.

Да здравствует союз народов. Да здравствует свободная Белоруссия. Да здравствует русское Учредительное собрание. Да здравствует демократическая Россия.

Председатель Русского политического
комитета *Борис Савинков.*

Командующий народной добровольческой
армией генерал *Булак-Балахович.*

ПФ-9489. Т. 2. Л. 84. Машинописная копия.

3 ноября 1920 г.

Б. Савинков – генералу Нисселю

Мозырь. 19 ноября 1920 г.

Господину генералу Нисселю.

Господин генерал!

В Мозыре, который мы только что взяли, я имел удовольствие получить письмо от г. Философова, сообщившего мне об уча-

стии, которое Вы проявили к делу, которому я служу, и ко мне лично. Я глубоко благодарен за Вашу дружескую моральную поддержку.

Господин Философов также пишет, что Вы просите меня держать в курсе наших действий. Я счастлив иметь возможность сказать Вам после первого нашего успеха, что я питаю большие надежды на будущее.

Противник сражается вяло. Крестьяне с нами. Лишь недостаток военного снаряжения и финансовых ресурсов может помешать нам в достижении нашей цели. Если бы мы смогли вооружить всех крестьян в массовом порядке, которые просят о зачислении их в наш отряд, мы, конечно, смогли бы раздавить большевиков.

Моральный дух наших солдат превосходный, я принимал участие в битве за Мозырь как простой кавалерист и видел их в боях.

Плохо одетые, полуголодные, они сражаются с противником, несравненно превосходящем численностью, с неописуемым энтузиазмом.

Я знаю, что на нашу армию много клеветают. Конечно, известны некоторые злоупотребления, но это объясняется недостатком продовольствия, с одной стороны, и весьма сильной волной антисемитизма, вызванной нелояльным поведением евреев на занятой территории, с другой стороны.

Могу Вас заверить, что я принял самые энергичные меры, чтобы пресечь это зло, так искусно использованное большевистской прессой.

Я приказал, чтобы Вам послали все информации о делах на нашем фронте.

Вспоминая петроградские времена, я счастлив при мысли иметь возможность снова работать с Вами, что Вы уже столько сделали для России, и я позволяю себе считать Вас моим личным другом.

Примите и пр. Б. Савинков.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 257. Машинописная копия.

117

Отчет о поездке господина Кансона в ставку генерала Балаховича

1. Цель моей поездки. Повидать генерала Балаховича и добиться от него решения создать в Варшаве торговую палату, имеющую целью монополию импорта и экспорта в Белоруссии. Здесь прилагается копия этого документа.

Генерал Балахович утвердил и подписал его, также как и правительство Белоруссии, признанное генералом и господином Савинковым.

2. Поездка – отъезд из Варшавы 12 ноября в 11 ч. 20 м. вечера с капитаном Эллин, г-ном Сенкевичем, министром финансов правительства Белоруссии, через Брест – Литовск – Пинск – Лунинец. 14 ноября из этого последнего доехали до Ляхова, где мы встретили первый мост, разрушенный большевиками. В этом месте было собрано примерно 250 вагонов, вероятно, предназначенных Балаховичу. Отрезок пути от Ляхова до Мозыря, где я встретил генерала 17 ноября, ехали верхом или в экипаже. Дороги очень скверные. Наш маршрут: Ляхов, Казан-Городок, Давид-Городок, Туров (последние польские посты, проверка документов). 2-й этап – Макаричи, 3-й этап – прибытие в Мозырь.

3. Мозырь. Ставка. Генерал Балахович и Иосиф Балахович, главнокомандующий Савинков и его брат полковник Савинков.

Я обедал с генералом, который посоветовал нам вскоре выехать, т.к. он ждет послезавтра бомбардировки города большевиками (генерал очень нервничал, он мне сказал: Если бы при моих природных способностях я имел бы военное образование, дела шли бы лучше).

Иосиф Балахович очень сдержанный, кажется, очень ему помогает. В Мозыре и повсюду в других местах наблюдается сильный беспорядок, ни связи, ни телефона. Продовольственные обозы не достигают никогда места назначения, продукты захватывают войска районов, через которые они проезжают. Одним словом, это – анархия. Савинков объяснил мне свою политическую программу, и я могу себе представить, что она касается военнопленных, что все, кто хочет вернуться к себе, имеют эту возможность, они получают 100 марок и паек на два дня. Это касается военнопленных, проживающих в районах, освобожденных от большевиков. Я встречал их по дороге, у них вполне довольный вид.

В Мозыре с Савинковым была женщина – мадам Деренталь, я не могу гарантировать орфографию этого имени.

Все районы, которые я проезжал, богаты скотом, дубовым лесом, имеется лен, свиная щетина.

Члены белорусского правительства, которых я встретил в Мозыре.

Председатель – Адамович.

Министр внутренних дел и финансов – Сенкевич.

Офицер для связи польского штаба с генералом Балаховичем – полковник Мосьевич (бывший полковник уланского полка в Курляндии).

Капитан Эллин в очень хороших отношениях с генералом Балаховичем.

Комендант фронтовых районов Ражкевич, он один может разрешить покупку и перевозку различных товаров, предназначенных или вывозимых из этих районов.

По сообщению одного офицера, прибывшего вчера вечером, 26 ноября генерал Балахович должен был провести рейд на Гомель. Во время своей поездки он расстрелял 96 большевистских агентов, из них 3 командира дивизии.

Он должен быть в Турове, откуда он должен прибыть сюда в ближайшие 4–5 дней. Его войска удерживают еще один участок в 15 верст – Петраков–Туров.

Варшава. 27.11.1920 г.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 234–235. Машинописная копия.

118

Разведдонесение неизвестного источника

Французская военная миссия в Польше.
Штаб. Разведотдел. Русский отдел.
27 ноября 1920 г.

Отношения между Савинковым и Врангелем

Борис Савинков всегда очень гордился своей ролью в русских революционных организациях и своим нигилистским прошлым.

Он утверждает, и это действительно так, что его имя известно и почитаемо во всех фракциях партии эсеров.

Таким образом, Савинков, ставя свое имя на службу русского национализма, сознает, какую поддержку он окажет той политической группировке, в которой он будет состоять.

Очень гордый, он не допускает соперников, и понятно, что популярность Врангеля не могла ему нравиться. Между ними немедленно возникло соперничество.

Савинков признал Врангеля только потому, что программа последнего позволяла Савинкову повернуть вправо свою политику, якобы оставаясь в сравнении с Врангелем очень либеральным. На самом деле Савинков после соглашения с Врангелем проявил себя националистом гораздо в большей степени, чем это можно было предполагать.

Его отношения с Латвией, Украиной и т.д. охладились, оставаясь, однако, гораздо более дружественными, чем отношения Врангеля с этими странами.

Таким образом, благодаря своему союзу с Врангелем, Савинков сумел сохранить свою популярность, проводя, однако, политику, которая должна была бы лишить его симпатий пограничных государств России.

Савинков предвидел этот результат, и желание добиться его было главной причиной его соглашения с Врангелем.

После поражения последнего Савинков должен возвратиться к своей старой политике соглашения со своими друзьями – крайне правыми эсерами.

Кажется, что он уже сделал первые шаги в этом направлении своим признанием Украины.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 232–233. Машинописная копия.

119

Докладная записка Нисселя о возвращении Б. Савинкова в Варшаву

Французская военная миссия в Польше.
Штаб. Разведотдел. № 1913/2 Р.

Генерал Ниссель, начальник
военной французской миссии в Польше.

Господину военному министру. Генштаб.
Разведотдел. Господину маршалу Франции.
Председателю союзного военного
комитета в Версале.

Бульвар де Курсель, 34. Париж.

Содержание: Возвращение господина Савинкова из армии.

Господин Савинков, который недавно присутствовал при операциях Балаховича, по приезде был у меня и мне сообщил следующее:

Балахович располагает 12 000 бойцов, составляющих 3 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии. Все они направились в район Гурова. По намерению польского командования, он должен был занять Мозырь. Оттуда он направит свою 1-ю пехотную дивизию с отрядом кавалерии на Речицу, 2-ю пехотную дивизию на Жлобин, половину 3-й дивизии на Овруч. Другая ее половина останется в Мозыре. Затем он займет участок фронта Жлобин – Речица – Овруч. Балахович, напротив, намеревался прорвать фронт большевиков и идти объединенными силами на Москву, поднимая на своем пути крестьян. Но, однако, он подчинился плану польского правительства.

Балахович взял Мозырь. Затем 1-я пехотная дивизия взяла Речицы, захватив значительные трофеи, часть его 3-й дивизии заняла Овруч, остальная часть осталась в Мозыре, как и было условлено, но 2-я пехотная дивизия, которая должна была идти на Жлобин, сплывала.

Несмотря на то, что она была вооружена и оснащена, она отступила, открывая, таким образом, Мозырь и коммуникации между Мозы-

рем и Туровым. 3-я пехотная дивизия и остатки 2-й пехотной дивизии отступили на Туров. В настоящее время они разоружены поляками.

Между тем, партизаны, которые старались поднять крестьян, вошли в Бобруйск, но не сумели там удержаться.

Балахович со своей 1-й пехотной дивизией продолжает двигаться на восток. Он взял Гомель и предполагает, по последним сведениям, воспользоваться крестьянскими восстаниями к востоку от Гомеля, чтобы двигаться вдоль шоссе Рогачев – Заславль – Ниедин – Москва. Я думаю, что на деле, убедившись в своем одиночестве, он вскоре возвратится лесами в польскую зону.

По мнению Савинкова, крестьяне ненавидят большевиков, но они относятся очень недоверчиво и к Врангелю.

Что касается Красной армии, то она ничего не стоит и не хочет сражаться.

По мнению Савинкова, сейчас надо сделать одно из двух: или собрать русских, организовать их в каком-нибудь пункте нейтральной зоны и оказать им какую-нибудь поддержку, хотя бы продуктами, или все ликвидировать, но сделать это с достоинством. Надо, чтобы поляки относились к русским солдатам с уважением и надо заплатить им причитающееся жалование.

Если когда-нибудь возобновятся боевые действия, надо добиваться, сказал он, чтобы Пермикин был подчинен Балаховичу. Впрочем, у Антанты есть все основания доверять куда больше Балаховичу, чем Пермикину, так как последний окружен германофилами, в частности, Пален, компрометирующее письмо которого, адресованное в Берлин, перехватили французские власти.

Поляков, начальник штаба Пермикина, пользующийся, тем не менее, репутацией умного и энергичного офицера (весьма скомпрометировал себя в армии Юденича как германофил и денежными делами).

Следует сказать, кстати, что германофилы проникли даже к Балаховичу (бывшие офицеры Бермандта, например, начальник штаба Балаховича полковник Васильев, которого Савинков велел арестовать за трусость).

Сам Савинков весьма энергично заверял в своих профранцузских чувствах и о своем решении никогда не вступать в переговоры с немцами.

Я принимал участие в объединении Пермикина и Павленко, когда дело шло об операциях на Украине. Я постараюсь сохранить достигнутое единство, но теперь нет больше оснований, чтобы Пермикин полностью разделял мнение Павленко и был ему подчинен. Напротив, полный смысл объединить Пермикина с Балаховичем, чтобы они в случае необходимости действовали совместно как с украинцами, так и на др[угом] фронте. Я буду способствовать этому. Этому же желает и глава государства.

Ниссель.

Донесение неизвестного источника об аресте Б. Савинкова

Французская военная миссия в Польше.
Штаб. Разведотдел. № 1118.
Варшава. 1 декабря 1920 г.

Арест Савинкова.

30-го ноября польские власти арестовали Бориса Савинкова, мотивируя арест тем, что он не имеет права вернуться в Варшаву после отъезда вместе с антибольшевистской армией Балаховича, так как был предупрежден о последствиях этого.

Русский политический комитет больше не существует. 30-го ноября все сотрудники, все служащие были уволены. В Комитете остались только важные лица, начальники, которые являются членами Политического комитета и составят политическую партию. Газета «Свобода» будет выпускаться, пока в этом будет необходимость.

Несколько отрядов Балаховича (пехота) вошли в пределы Польши, были разоружены и отправлены в один из лагерей. Балахович (со своей кавалерией) вторгся в Россию, организуя новые банды.

При разоружении армии Балаховича присутствовали английские офицеры.

В настоящее время пропаганду ведет белорусский комиссар, а не Балахович.

Савинков сказал: «Если Вы лжете в Вашем журнале и хорошо отзываетесь о Балаховиче, тем лучше».

Прилагаем перевод листовки Балаховича.

Тираж – 30 000 экземпляров.

Начальник Русского отделения.
Получатели: Русский отдел генштаба, Париж.
Русский отдел военного министерства.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 221. Машинописная копия.

Донесение неизвестного источника о Б. Савинкове

2 декабря 1920 г.

Председатель Русского политического комитета в Варшаве. 45-ти лет. Родился в Варшаве в зажиточной семье. В Варшаве же окон-

чил гимназию. Высокого роста, полный, бритый, черты лица грубые, глаза невыразительные, улыбается редко и не очень приветлив.

В ранней молодости примкнул к партии эсеров, где играл важную роль. Принимал участие в террористических актах, направленных против царских министров. Играл главную роль в убийстве великого князя Сергея Александровича в Москве. Не будучи задержан, эмигрировал за границу. Его роман «Конь бледный» под псевдонимом В. Ропшина, в котором он критикует вождей своей партии, имел широкий отголосок. Этот роман был причиной его разрыва с эсерами.

После Февральской революции (1917) он вернулся в Россию, где стал военным министром в правительстве Керенского и затем политическим комиссаром Северо-западного фронта.

В ходе наступления Корнилова на Петроград он был посредником между Керенским и Корниловым. Его роль в это время не ясна, и лишь история сумеет ее осветить.

Судя по его собственным статьям, он якобы был на стороне Корнилова и стремился доказать Керенскому необходимость оказать поддержку последнему.

Русское общественное мнение (мнение офицеров) приписывает ему убийство генерала Крымова (один из офицеров, известный как приверженец Корнилова). Смерть этого последнего сыграла большую роль в отступлении войск Корнилова.

После большевистской революции (по его словам) он принимал участие в восстаниях в Казани и Рыбинске, которые закончились провалом. Затем он эмигрировал за границу. Его имя часто упоминается в русских журналах в Париже. Я не знаю ничего о его деятельности в Париже. В течение весны 1920 г. (в феврале) он приехал в Варшаву, где вел переговоры с Пилсудским о русских делах. С Пилсудским его связывала старинная дружба еще со времени юности и также совместная конспиративная работа во время царизма. Они были «на ты». В Варшаву он приехал в сопровождении своего друга Дикгоф-Деренталя. Целью его поездки в Польшу была организация русских войск из числа военнопленных, которые после перехода границы были разоружены и отправлены в концентрационные лагеря.

Это были остатки армий Юденича и генерала Бредова (армия Деникина).

Весной эти переговоры привели к конкретному результату – созданию «эвакуационного комитета». Настоящая цель этого комитета не была известна (польские круги абсолютно ничего не знали о существовании соглашения между польским правительством и Савинковым). Однако, все разведотделы повсеместно получили указания, предписывающие содействовать агентам упомянутого русского комитета в эвакуации русских офицеров, проявивших желание поступить в распоряжение эвакуационного комитета.

Для организации в провинции центров по вербовке эвакуационного комитета Савинков отправил в Вильно Дикгоф-Деренталя, прибывшего туда 7 июля. Капитан Эксе был начальником центра в Вильно и затем вплоть до взятия Гродно большевиками оставался на этой должности.

В это время в Варшаве организовался комитет. Эршельман, бывший прокурор, руководил службой мобилизации, Д.В. Философов, Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус руководили службой пропаганды.

Савинков не умеет подбирать сотрудников и не умеет завоевывать их расположение.

Конспиративная работа, которой он занимался долгие годы, сделала его подозрительным и малообщительным. Он лишь применяет в своих отделах старинную русскую бюрократическую систему. Добиться у него приема труднее, чем у любого министра. Он очень доверяет своим секретарям и своему личному штабу. Это вызвало недоверие остальных сотрудников и ненависть офицеров. Отношение к нему офицеров отряда, сформированного в Скальмержице, нескрываяемо ироническое, если не враждебное.

Савинков, как штатский и бывший революционер, ненавидит русских офицеров и даже не может скрыть этого в своих статьях.

Савинков одинаково непопулярен и среди русских гражданских эмигрантов, которые не могут простить ему участия в правительстве Керенского. Савинков явно враждебно относится к Врангелю, как представителю вооруженной силы, который опирается не на революционные элементы, а на офицеров старой армии.

Враждебность Савинкова по отношению к Врангелю пока еще официально скрывается, но она стала проявляться внутри его политической организации с начала августа.

12 августа я как агент службы контрразведки получил от Савинкова приказ изучить отношения лагеря в Скальмержице с Врангелем и вести в том же лагере пропаганду в пользу Савинкова и враждебную Врангелю.

Чтобы поднять свой престиж в лагере в Скальмержице, Савинков отправил солдатам папиросы и санитаркам 10 000 марок и приказал отметить, что это подарок от Бориса Викторовича. Чтобы привлечь симпатии офицеров, Савинков отдал приказ пригласить многих из них на обед в Калиш. На обеде присутствовали дамы, было шампанское.

Во время обеда офицерам давались деньги для пропаганды против Врангеля. Эти деньги с официальным отчетом были переданы этими офицерами генералу Глазенапу.

Савинков, долгое время бывший конспиратором, привык пользоваться сомнительными средствами для достижения своей цели. Он не в состоянии сыграть крупную политическую роль, но, как и все, кто его окружает, он всегда готов к интригам, полон недоверия и политически неблагонадежен.

Результатом этого является то, что любое политическое мероприятие, взятое Савинковым, приобретает характер политической авантюры. Позиция генерала Глазенапа была аналогична позиции Врангеля. К концу августа после долгих интриг его отстранили от командования. Временно он был заменен генералом Бобошко. Позднее командование было доверено генералу Борису Пермикину.

Любой отряд, проявлявший симпатию к Врангелю, считался неблагонадежным и в виде наказания не получал больше ни теплой одежды, ни другого довольствия. Такое положение вещей продолжалось до октября.

С начала сентября Савинков перестал скрывать свою враждебность по отношению к Врангелю и опубликовал в газете «Свобода» целую серию статей, направленных против Врангеля («Союз орлов», № 61).

ПФ-9489. Т. 3. Л. 199–201. Машинописная копия.

122

Отчет о беседе майора д'Обиньи с Б. Савинковым

Французская военная миссия в Польше.
Штаб. Разведотдел. Русский отдел.
Варшава. 2 декабря 1920 г.

Я видел господина Савинкова сегодня утром в его кабинете в отеле «Брюль». Он сообщил мне следующее:

Армия Балаховича. В отряд, действующий с Балаховичем, входят:
3 пехотных полка 1-й пехотной дивизии.

2 -«- -«- 3-й -«- -«-

2 кавалерийских полка (конных егерей и гусаров).

Всего 5 пехотных полков плюс два кавалерийских полка, т.е. 3 500 штыков и сабель.

По последним сообщениям, полученным от крестьян, 26 ноября Балахович взял Гомель. Его первоначальным планом, с которым не согласился польский штаб, был совместный поход на Москву по Рогачевскому шоссе.

Русские войска в Польше.

18 000 русских (Балаховича и Пермикина) перешли границу. Из этого числа 3000 солдат могут быть демобилизованы. Остается 15 000 человек. Польское правительство из-за отсутствия средств не может обеспечить более, чем 5000, так заявил министр Соснковский Савинкову.

Савинков не хочет разрешить интернировать остальные 10 000 и, наоборот, хочет обеспечить их содержание до будущей весны.

Этот расход составит за 6 месяцев 150 миллионов польских марок или 5 миллионов франков. Господин Савинков пока еще не знает, где раздобыть эти средства.

Встреча Савинкова с деятелями польского правительства.

Савинков вчера имел свидание с главой государства и позавчера с военным министром, он остался очень доволен оказанным ему приемом.

Русский политический комитет.

Савинков снова принял руководство Русским политическим комитетом, значение которого вырастает в связи с исчезновением Врангеля.

Савинков и русские круги в Париже.

После участия в русской делегации в Париже в качестве представителя Колчака, после перехода в подчинение Врангелю, Савинков теперь склонен рассматривать себя как независимого. Он считает, что конференция русских партий в Париже ни к чему не приведет и что связь с этими партиями может только заставить приносить жертвы без всякой выгоды для себя.

Эти русские круги – «трупы». Он – человек действия.

В основу своих последующих планов он хочет поставить признание националистов, а для пропаганды в России – демобилизацию.

Господин Савинков добивается приема у генерала Нисселя. Цель – средства для содержания русских войск в Польше.

Можно ли надеяться получить от Франции часть «врангелевского наследства», в частности, для войск Пермикина, которые признали Врангеля?

ПФ-9489. Т. 3. Л. 214–215. Машинописная копия.

123

Заметка о пребывании Б. Савинкова в отряде С. Балаховича

Варшава, 4 декабря 1920 г.

Борис Савинков в армии Балаховича

Борис Савинков не интересуется больше делами Русского политического комитета. Он весь отдался пропаганде в армии Балаховича.

Он пытается внушить крестьянам, что Балахович – их отец, «батька», борющийся за их добро, в то время как Врангель – подлинный тип дворянина и борется он за дворянство.

Но крестьяне не очень-то верят этим словам и прячутся от войск Балаховича в лесах.

У Савинкова есть 2 специально приставленных к нему корреспондента: Надеждин и В....., которые «прославляют» его в газете «Свобода».

ПФ-9489. Т. 3. Л. 182. Машинописная копия.

124

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского политического
комитета в Польше.

4 декабря 1920 г. № 1143. Варшава.

Генералу Ниссель, главе французской
военной миссии в Польше.

Господин генерал!

Как бы в продолжение нашей беседы с Вами от 3-го декабря этого месяца, я позволяю себе привлечь Ваше внимание на 3-ю русскую армию генерала Пермикина. Эта армия, перейдя польскую границу и готовясь стать интернированной, была подчинена генералу Врангелю. Она рассматривалась генералами Врангелем и Пермикиным, а также Русским политическим комитетом как часть вооруженных сил юга России, временно действующая на западном фронте.

В связи с этим я Вас очень прошу ходатайствовать перед соответствующими властями в Париже о материальной помощи людям этой армии. Я прошу это сделать по 2-м причинам: во-первых, потому, что Польша, несмотря на свою доброжелательность, не может взять на себя эту работу, а во-вторых, потому, что Франция взяла на себя эту благородную задачу помощи остаткам армии генерала Врангеля. Заранее благодарю Вас за Вашу помощь.

Примите, генерал, и проч.

Б. Савинков

ПФ-9489. Т. 3. Л. 165. Машинописная копия.

Официальная шифрованная телеграмма

Французская военная миссия в Польше.
Штаб. Разведотдел. № 1938/28.
Варшава. 4 декабря 1920 г.
Генерал Ниссель, глава французской
военной миссии в Польше.
Маршалу Фош. Штаб. Разведотдел. Париж.

Текст.

Просьба передать Философову – гостиница Шаталь, улица Донон, и Чайковскому – 82, проспект Моцарта, следующую телеграмму:

Русские армии перешли польскую границу и разоружены. В принципе они будут изолированы, в действительности – интернированы, принимая во внимание финансовое положение Польши.

Интернирование повлечет за собой утрату всякой боеспособности и приведет к дезорганизации. Я прошу сделать все возможное, чтобы найти необходимые средства в количестве 5 млн. франков (приблизительно).

Телеграфируйте.

Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 179. Машинописная копия.

Сведения военного прокурора Лисовского об армии Балаховича

Варшава. 4 декабря 1920 г.

Полковник Лисовский, военный прокурор в армиях Балаховича и Пермикина, недавно прибывший с фронта, сообщает следующее:

Армия Балаховича представляет собой банду разбойников, которая переправляет награбленное золото. Чтобы занять какой-нибудь город, посылается армия, солдаты которой грабят и убивают. И лишь только после многочисленных погромов, дня два спустя, приезжает Балахович со своим штабом. После грабежа начинаются пьянки. Некоторые солдаты откровенно признаются, что вступили в армию только с целью скопить деньги.

Что касается Балаховича, он позволяет грабить и говорит: «Им только и остается, что грабить, иначе они отказались бы продвигаться вперед».

Отношение белорусского народа к армии Балаховича такое же, как и к красным. Они считают, что действие тех и других сводится к грабежу.

Армия Балаховича получает поддержку от Франции.

Сведения о случаях изнасилования в армии Балаховича подтвердились.

Расследование, произведенное полковником Лисовским, показало, что в Турове было изнасиловано 70 человек еврейских девушек от 12 до 15 лет. По мнению полковника Лисовского, каждый офицер, вступающий в армию Балаховича, обливает себя грязью, которую ничем нельзя смыть. Военный трибунал армии Балаховича – Пермикина находится в Гранд-отеле, комната 44, ул. Хмельная, 5.

Армия Балаховича была полностью уничтожена под Гомелем.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 180. Машинописная копия.

127

Телеграмма

Просьба передать Философову.
Гостиница Шаталь, улица Донон, Париж.

Выезд не возможен до конца демобилизации. Это будет рассматриваться как уклонение от обязательств. Я ходатайствовал перед генералом Нисселем о том, чтобы армия Пермикина рассматривалась как часть Врангеля, взятая Францией под свою опеку. Поддержите эти ходатайства. Политический блок в Варшаве имеет второстепенное значение.

Я Вас жду в Варшаве для получения более подробных сведений. Телеграфируйте.

Савинков.
Декабрь 1920 г.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 174. Машинописная копия.

128

Телеграмма

Б. Савинкова Д. Философову

8.12.1920 г.
Философов.

Гостиница Шаталь, улица Донон, Париж.

Прошу ходатайствовать о помощи деньгами и бельем для армий Балаховича и Пермикина перед благотворительными обществами, и

в особенности перед Америкой и Англией. Я считаю, что обеспечение армий всем необходимым является сейчас для нас самой важной проблемой.

Я написал Пти письмо с просьбой поддержать мою просьбу, заключающуюся в том, что расходы на содержание армии Пермикина, которую рассматривают как часть [армии] Врангеля, должны возлагаться на французское правительство.

Попросите Чайковского Вам помочь. Безразличное отношение к судьбе добровольцев со стороны проживающих в Париже русских вызывает среди добровольцев возмущение.

Савинков.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 164. Машинописная копия.

129

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
20 декабря 1920 г. № 1319. Варшава.

Господину генералу Ниссель,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал!

Я имею честь сообщить Вам, что в результате изменения политического положения Русский политический комитет прекратил свою деятельность 15-го текущего месяца.

Для оказания помощи интернируемым из русских армий в этот же день был создан Русский эвакуационный комитет под моим председательством и при участии:

Д. Философова – вице-президента комитета,
Н. Буланова,
А. Дикгофа-Деренталь,
Д. Оди́нца,
В. Юланицкого,
В. Португалова – членов комитета,
А. Смолдовского – генерального секретаря комитета.

Председатель комитета *Савинков.*
Генеральный секретарь *Смолдовский.*

ПФ-9489. Т. 3. Л. 128. Машинописная копия.

Б. Савинков – генералу Нисселью

Русский эвакуационный комитет в Польше.
20 декабря 1920 г. №1332. Варшава.

Господину Ниссель, главе Французской
военной миссии в Польше.

Господин генерал,
По приказу председателя Русского эвакуационного комитета в Польше я имею честь передать Вам копию «Открытого письма Бориса Савинкова». Примите, господин генерал, выражение моей признательности и проч.

Начальник отдела *Васильев*.

Открытое письмо Бориса Савинкова

В течение 3-х лет русский народ борется против большевиков. Потерпели поражение Колчак, Деникин, Юденич, Врангель. Большевики отмечают свою победу. Заключив позорный Брест-Литовский договор, стараясь вызвать мировую революцию, эти люди выглядят сегодня хозяевами России. Напрасно пролито море крови. В чем причина этого несчастья? Почему побеждены русские патриоты? Россия – это не страна помещиков, чиновников и городских рабочих. Это крестьянская масса, это огромное засеянное поле. Кто хочет победы над большевиками и возрождения России, должен завоевать доверие крестьян. Больше того, он должен быть слугой своего народа, стараться понять желания крестьян и превратить их в жизнь. Что хочет русский крестьянин? – То же самое, что и крестьянство всего мира. Работать и обогащаться в условиях мира. Он хочет:

1. Земли, т.е. ликвидации крупной крестьянской собственности и узаконение мелкой.
2. Мира, т.е. дружбы со всеми соседями: Финляндией, Латвией, Эстонией, Грузией и со всеми другими народами, которые отделились от России.
3. Свободы, т.е. Учредительного собрания. Ни Колчак, ни Деникин, ни Юденич не сумели завоевать доверия крестьян. Обещав крестьянам землю, они сплотились вокруг помещиков.

Поговорив о мире, они совершенно не признали независимость народов, отделившихся от России, и тем самым положили начало для будущих войн. Они мобилизовали крестьян, провозгласили

свободу, но совершенно не скрывали, что не всем русским гражданам будет дано право голосования в Учредительное собрание. Их надежда на победу возлагалась не столько на русский народ, сколько на помощь союзников. Они были биты. Означает ли это, что борьба должна прекратиться? Нет. Она пойдет только по другому пути. Эта борьба уже началась и кончится теперь только победой.

В Ингерманландии, в Псковской и Новгородской губерниях крестьяне поднимаются на восстание. Они восстали в Белоруссии, на Украине, на Юге – казаки. Не война, а революция. Не мобилизация, а добровольное поступление на военную службу. Не помещики, а крестьяне, не союзники, а русский народ. Что мы видим сейчас, противоположно тому, что было при Колчаке, Деникине, Юдениче. Крестьянская масса, сама Россия решает свою судьбу, поднявшись на борьбу с большевиками, во имя земли, мира и свободы. Кто смешивает борьбу за интересы народа с борьбой за интересы своего класса, своей касты, тот выйдет из строя. Сегодня продолжают вести борьбу только те из крестьян, офицеров и интеллигенции, кто телом и душой с ними. Генерал Булак-Балахович является одним из таких революционеров, а его армия – одним из таких крестьянских отрядов. Армия генерала Балаховича вступила в войну с 14 000 штыков и сабель, после того, как Польша заключила мир, а Петлюра и Врангель потерпели поражение. Таким образом, она очутилась одна перед всей большевистской армией Троцкого. Эта армия продвигалась без железных дорог, телеграфа, телефона, имея за собой сотни километров песка и болот, а вокруг себя население Белоруссии, разоренное 6-летней войной. Эта армия проникла вглубь России на 250 км от польской границы, от деревни Ольшаны до Речицы. У нее не было ни флангов, ни тыла. Против нее были брошены 12 дивизий и 70 000 ружей и сабель. Захватив пленных, из которых больше 15 000 красных были отпущены домой, а также 12 пушек, около 100 пулеметов и много обозов, она вернулась назад в отличном состоянии. Чем объяснить такой успех? Чем объяснить, что красные не только не уничтожили его, а наоборот, Троцкий в одной из своих речей в Москве был вынужден признать, что генерал Балахович оказался более опасным, чем Деникин и Врангель? Этот успех объясняется тем фактом, что генерал Балахович не воюет, а поднимает восстания, что он не мобилизует белых, а демобилизует и отсылает красных домой. Этот успех объясняется тем, что крестьяне верят в генерала Балаховича, они знают, что при нем не будет собственников, и что он убежденный демократ, борющийся во имя интересов крестьян.

Б. Савинков – генералу Нисселью

Русский эвакуационный комитет в Польше.
23 декабря 1920 г. № 1412. Варшава.

Господину Ниссель, главе Французской
военной миссии в Польше.

Господин генерал,

По просьбе председателя Русского эвакуационного комитета господина Бориса Савинкова я имею честь передать Вам копию письма Савинкова главе польского государства от 21-го текущего месяца.

Примите, господин генерал, уверения и пр.

Начальник бюро *Васильев*.

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

21 декабря 1920 г. Варшава.

Главе польского государства.

Извините, что я беру на себя смелость обратить Ваше внимание на крайне тяжелое положение офицеров и добровольцев армий генералов Булак-Балаховича и Пермикина, находящихся в концентрационных лагерях и особенно в лагере Шипиорно.

Многочисленные рапорты, получаемые на мое имя, могут свидетельствовать о том, что в лагере Шипиорно в одном бараке находятся 200 человек, и нет еще никакой надежды, что ранее 3-х недель они будут переведены в какое-либо другое жилое помещение. В лагерях началась эпидемия тифа. Не было белья, обуви, мыла и т.д. Температура в бараке доходит до 1°. Снабжение продуктами недостаточное и неравномерное. В различных частях выдают продукты по-разному, то 1 раз, то 2 раза в день. Санитарное обслуживание совершенно отсутствует.

Я Вас очень прошу, господин глава государства, не отказать дать соответствующие указания для облегчения судьбы людей, которые с оружием в руках разделяли вместе с героической польской армией трудности и славу войны.

Примите, господин, и проч.

Савинков.

Житель Мозыря – Б. Савинкову

Господин,
от группы жителей Мозыря, проживающих в настоящий момент в Пинске и которые Вам симпатизируют, как борцу за освобождение России, я Вам сообщаю, что Ваши слова в статье от 1-го января газеты «Свобода» зажгли в наших сердцах надежду и уверенность, что борьба с узурпаторами власти в России «товарищами» коммунистами не окончилась, и что близок час предъявить счет всем тем, кто разрушил родину и погубил тысячу невинных жизней русских жителей. Этот час страшен, но неизбежен. Мы не знаем, что он нам принесет, но мы его ждем и мы ждем его вождей, которые бы смогли с поднятой высоко головой и, не боясь потерять свою жизнь, поднять народ в России. Первый поход национальной добровольческой армии нас удовлетворил, т.к. он дал нам возможность взглянуть в лицо настоящей России после господства различных «комиссаров». Приняв участие в этом походе, мы убедились, что крестьяне не согласятся с установлением коммун. Только отсутствие белогвардейского наступления помешало разжечь пожар общего восстания в местах, где проходили войска. Мы, все те, которые принимали участие в этом походе, не будем терять надежду в то, что Россия снова станет признанной всеми государствами, и что действия Ленина и Троцкого останутся в истории, как приход аферистов и людей не из этого мира. Мы уверены, что зерно настоящей свободы, посеянное народной добровольческой армией в р[айо]не Припяти, даст весной всходы. Назовите вашу газету «Набат» и знайте, что у Вас много партизан, которые пойдут к Вам и за Вами по первому Вашему зову.

Можете быть уверены, что болтуны в Париже, которые все время повторяют одно и то же, нас не увлекут за собой, нас, которые страдают за Россию. Это в большинстве своем «факельщики», а мы живые люди. Они заслуживают и имеют право носить имя саботажников белого лагеря. В будущем они будут вознаграждены по заслугам. Возобновите лучшие отношения с Польшей, только борясь рука об руку с ней, мы можем выйти победителями. В деле спасения родины Вы должны руководствоваться сознательностью и программой, которую Вы приняли.

Долой коммуны, долой помещиков. Все для Учредительного собрания. Этот девиз даст Вам имя в истории и приблизит момент, когда наша родина будет действительно свободна.

Пинск, 05.01.1921 г.

Житель Мозыря.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 153–154. Машинописная копия.

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

8 января 1921 г. № 71. Варшава.

Господину Нисселю, главе Французской
военной миссии в Польше.

Господин генерал

Я имею честь передать Вам копию моего письма, адресованного
господину Вендзиагольскому.

Примите, господин генерал, мои уверения в признательности и пр.

Б. Савинков.

Копия. Секретно.

Господину С. Вендзиагольскому.

Я позволяю себе перед Вашим отъездом коротко изложить о состоянии русских антибольшевистских сил на основе данных, которыми располагает Русский эвакуационный комитет. Оставляя в стороне группировки эмигрантов, не имеющих никакого значения, как, например, кадетские в Лондоне и Париже (Маклаков, Милюков), а также группировки, связанные с Германией, как группа Гурко и Бискупского, действующая в Берлине, остаются сейчас 3 антибольшевистских русских организации, различных по своей силе и влиянию.

1. Генерал Врангель и комитет, связанный с ним (Крипунов, Целлер, Юренев и другие). Генерал Врангель пользуется большой поддержкой со стороны Франции, он располагает некоторыми фондами (оставшимися от адмирала Колчака), не имеет никакой связи с русским народом и опирается исключительно на свою армию (70 000 человек, из которых 35 000 воинов). Из этих последних можно сохранить до весны по крайней мере 15 000. В виду этого генерал Врангель, несмотря на свое поражение и отсутствие популярности среди крестьян и в государствах – выходцах из старой Русской империи, может снова стать силой при возобновлении войны на западном фронте.

2. Партия социалистов-революционеров (Керенский, Авксентьев, Зензинов и другие). Эта партия получает поддержку во Франции и Чехословакии, она располагает некоторыми денежными средствами

и популярна среди масс, хотя и не имеет вооруженных сил, но она связана с некоторыми «зелеными» и восставшими крестьянами.

Поэтому партия социалистов-революционеров может сыграть активную роль в случае крестьянского восстания в России.

3. Русский эвакуационный комитет в Польше (Савинков, Философов, Одинец и другие). Комитет получает поддержку в Польше. У него нет своих собственных фондов, он популярен среди крестьянских масс, пользуется симпатией со стороны милитарных государств, располагает вооруженными силами (остатки армий генералов Булак-Балаховича и Пермикина, насчитывающие около 15 000 человек) и находится в связи с «зелеными» или крестьянами-повстанцами. Комитету надлежит сыграть активную роль в случае войны или крестьянского восстания. Политика Комитета генерала Врангеля и партии социалистов-революционеров – политика ожидания (выжидания). Если бы комитет, пользуясь своим центральным положением, ценой некоторых уступок, мог присоединиться (примкнуть) к одной из этих группировок, этот союз обозначал бы в обоих случаях окончательный разрыв с одной из этих сторон, так как союз генерала Врангеля с партией социалистов-революционеров невозможен.

Поэтому Комитет лучше предпочит[ает] поддерживать дружеские отношения с обоими группировками, сохраняя свою независимость до того момента, пока ясно не встанет вопрос о войне и мире.

Комитет не может не принять во внимание вооруженные силы генерала Врангеля, значение которого очень возрастет в случае возобновления войны, и связь партии социалистов-революционеров с крестьянами. Комитет стремится объединить все эти антибольшевистские элементы. Но комитету удастся примирить эти группировки лишь тогда, когда он действительно будет силен, для этого необходима помощь не только Польши, но и Франции.

Доводя до Вашего сведения все, что выше изложено, я прошу Вас принять и пр. ...

Подписано: Б. Савинков.

Просмотрено начальником Бюро Васильевым.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 99–101. Машинописная копия.

134

Б. Савинков – С. Вендзиагольскому

Копия. Особо секретно.

Русский эвакуационный комитет в Польше, стремясь полностью сохранить вооруженные силы генералов Булак-Балаховича и Пермикина на случай возобновления весной военных операций, старается в то же время поднять восстание в России против советской власти.

Для этой цели Комитет

1. имеет в Москве террористическую организацию;
2. агентов в Москве, Петрограде и в рядах Красной армии (особенно в армии Буденного);
3. старается объединить некрестьянские отряды, отряды «зеленых» и атамана Махно.

В настоящее время Комитет держит непосредственную связь

I). На Севере с партизанами

- а) Карелии,
- б) Ингерманландии,
- в) Новгородской губернии,
- г) Псковской губернии.

II). В Белоруссии с партизанами «Партии зеленого дуба»

- а) Минской губернии,
- б) Гродненской,
- в) Могилевской.

III). На Украине с многочисленными группами партизан, действующими в Киевской губернии, и с отрядами атамана Махно.

IV). На Кубани с многочисленными казацкими партизанами.

Северная группировка представлена полковником Эльвенгреном.

Белорусская – лейтенантом Дзергачом и Орловым.

Украинская – капитаном Некрашевичем.

Кубанская – полковником Березневичем и капитаном Новицким.

Из выступлений представителей вышеупомянутых групп, имевших место на конференциях от 3 и 4 января текущего года, видно, что число восставших крестьян, объединенных в тайные организации, насчитывает на Севере, в Белоруссии, на Украине и Кубани несколько десятков тысяч. На этих конференциях было принято решение о созыве в начале февраля съезда представителей партизанских отрядов и о проведении подготовки к этому съезду. Комитет предлагает технически объединить все эти партизанские отряды. Чтобы сделать этот союз возможным, надо заключить политический союз с независимыми государствами, на территории которых действуют названные отряды. Такой союз был заключен с Украиной, Белоруссией, Карелией и Ингерманландией.

Комитет удостоверяет, что эти партизанские отряды лишены оружия офицерских кадров, а некоторые из них и денег. Чтобы обеспечить успех в объединении всех партизанских отрядов, необходимо дать агентам комитета возможность передвижения по польской территории, и особенно в пограничных районах.

Председатель Русского эвакуационного
комитета *Б. Савинков.*

ПФ-9489. Т. 3. Л. 102–103. Машинописная копия.

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
10 января 1921 г. № 119. Варшава.

Господину Ниссель, главе Французской
военной миссии в Польше.

Господин генерал!

Я Вам был бы очень признателен, если бы Вы дали полковнику Жоржу Эльвенгрону, отправляющемуся в Финляндию по делам Комитета, французский дипломатический лист, позволяющий ему увезти туда деньги и важные документы.

Заранее благодарю Вас. Примите и пр....

Б. Савинков.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 98. Машинописная копия.

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
29 января 1921 г. № 531.

Господину Нисселю, главе Французской
военной миссии в Польше.

Господин генерал,

Имею честь направить Вам копию моего письма, адресованного военному министру господину Барту, и передать по назначению документы, адресованные г.г. Барту, Пти, Чайковскому и Мережковскому.

Выражаю Вам заранее мою благодарность и мое высочайшее уважение и бесконечную преданность.

Савинков.

Копия. Особо секретно.
Русский эвакуационный комитет в Польше.
«__» января 1921 г. № ____ . Варшава.
Господину Барту, военному министру.

Докладная

В основе деятельности Русского эвакуационного комитета лежит мнение, что советская власть в России может быть свергнута только самими русскими, или, точнее, русскими крестьянами. Комитет пришел к такому выводу после ежедневного наблюдения за моральным состоянием крестьян, красноармейцев и добровольцев. В лице своего председателя, своих членов, служащих и агентов, находящихся на границах, Комитет находился и находится в постоянной связи с крестьянами, с так называемыми «зелеными», с красными военнопленными и, наконец, с унтер-офицерами и солдатами бывших армий генералов Булак-Балаховского и Пермикина.

На основании наблюдений, производящихся в течение 7 месяцев, Комитет утверждает:

1. Что всякая попытка свергнуть большевиков с помощью иностранной армии обречена на провал.

2. Что не увенчается успехом попытка людей, проникнутых духом старого режима.

3. Что только большое повстанческое движение крестьян может положить конец существованию советской власти в России.

Чтобы осуществить такое движение в России, необходимо:

1. Признать политическую программу, разработанную на основе точных знаний психологии и интересов крестьянских масс России.

2. Заранее установить связь с различными отрядами, группами крестьян, с «зелеными» и тайными крестьянскими революционными организациями.

3. Иметь в своем распоряжении силу, которая должна будет объединить все крестьянские организации и координировать операции последних.

Политическая программа.

Комитет убежден, что русские крестьяне, также, как и крестьяне всего мира хотят:

1. Земли, т.е. уничтожения крупной собственности и раздела всей земли на мелкие крестьянские хозяйства.

2. Мира, т.е. демобилизации и установления дружеских отношений с соседними государствами. Ввиду чего Комитет признает независимость малых стран и старается разрешить русско-польские разногласия на базе взаимных уступок. Больше, он отказывается от всякой мобилизации крестьян под какой бы то ни было формой.

3. Свободы. Это законодательное собрание, свободно избираемое. Вот почему Комитет не признает сами по себе возникшие русские правительства, даже если последние опираются на вооруженную силу и создают видимость прав. После очищения русской территории от большевиков власть должна быть установлена самим народом на базе всеобщего тайного, прямого и равного для всех голосования. Таким образом, Комитет противопоставляет коммуне частную собственность, войне – мир, диктату – свободу. Но в то же время Комитет полностью принимает то, что в программе большевиков, кажется, отвечает желанию народа: это мысль о равенстве. Исходя из этого, Комитет старался поднять всеобщее восстание, считая необходимым заявить крестьянскому населению, что: 1. Комитет борется против коммунистов, 2. против крупных собственников, 3. Комитет не видит в красноармейцах врагов, т.к. это те же крестьяне, за интересы которых он борется.

4. Восстание не должно быть политической или социальной местью. Оно, наоборот, должно принести самую широкую амнистию тем, которые сложили бы оружие.

5. Комитет не претендует ни коим образом представить себя правительством или зародышем правительства, а что он себя рассматривает как революционное общество, ставившее своей целью помочь освобождению России от большевиков.

6. В повстанческую армию будут набраны только добровольцы. Красноармейцы будут приняты туда также, как и крестьяне. Здесь каждый должен бороться только за свой дом и свое поле. Это значит, что после очищения от большевиков каждый доброволец сможет всегда по желанию вернуться к своему очагу.

Из всего, что здесь изложено, видно, что Комитет придает большое значение пропаганде.

Связь с крестьянами.

Для установления связи между различными повстанческими отрядами, отрядами партизан, «зелеными» и тайными крестьянскими обществами, был создан «Отдел информации», работающий под руководством самого председателя Комитета и имеющего во главе капитана Виктора Савинкова. Этот отдел работает по общему плану и в контакте с полковником Эльвенгреном, представителем комитета в областях, граничащих с Финляндией, Эстонией, Латвией. Его отдел располагает в каждом из этих государств тайными информационными центрами.

С тех пор, как бывшие русские армии перешли польскую границу (начало декабря 1920 года), деятельность информационного комитета (по 1 января 1921 года) была ограничена ввиду движения войск к местам интернирования. Начиная с 1 января эта деятельность приняла более организованный и широкий размах. По точным сведениям информ[ационного] комитета (от 20 января) было установлено,

что тайные революционные крестьянские общества находятся в 9 губерниях запада и во многих губерниях бывшей русской империи.

Что касается партизанских отрядов и «зеленых», их обнаружили в Карелии, в районах Петрограда, Пскова, Новгорода, Витебска, Смоленска, Минска, Могилева, Киева, Харькова, Полтавы, Екатеринослава, Херсона, на Дону, на Кубани и Северном Кавказе.

Из этих же донесений известно, что в городах царит недовольство, что большевистские комиссары с трудом сдерживают видимую неприязненность Красной армии по отношению к советской власти.

В соответствии с этими данными отдел информации развивает свою деятельность.

1. Создаются отряды, состоящие из жителей того или иного населенного пункта, хорошо знающих друг друга и испытанных в борьбе с большевиками, и которые систематически посылаются в советскую Россию с целью объединения уже существующих крестьянских организаций или создания новых. Эти отряды должны установить связь с коммунами, округами и Комитетом, они должны организовывать партизанские отряды и удерживать крестьян от всякого изолированного восстания. Каждая коммуна берет на себя ответственность за создание одного отряда, во главе которого заранее должен быть поставлен руководитель из тайной местной организации. Руководители коммуны объединяются руководителем округа, руководители округов – руководителем губернии. Эти последние будут держать связь с Комитетом. На этих руководителях возлагается также задача создания «специальных» рот. Цель этих рот следующая:

а). Уничтожить такие советские органы, как штабы, революционные комитеты.

б). Разрушать железные дороги, нарушать телеграфную и телефонную связь.

с). Прерывать всякую связь между большевистскими штабами.

д). Нападать на поезда, идущие с советскими военнослужащими.

Такие роты, состоящие полностью из бывших бойцов русских армий, уже посланы на места.

2. В советскую Россию постоянно посылаются люди с целью создания антибольшевистских военных организаций и проникновения в советские учреждения. Такие люди засылаются в города для установления связи и создания новых. Их можно найти в настоящее время в Петрограде, Москве, Минске, Чернигове, Харькове, Киеве, Курске. Кроме этих указанных выше задач агенты должны еще поставлять развед[ывательные] донесения о Красной армии. Кроме этого, засылаются агенты, а также и офицеры в партизанские отряды для оказания помощи повстанцам, лишенным опытного руководства.

На границах должны быть созданы специальные пункты, обеспечивающие крестьян оружием и помогающие агентам Комитета свободно проникать в советскую Россию и возвращаться оттуда. 5 таких пунктов существуют уже на белорусской границе и два на украинской.

Бюро информации, кроме основной секции, секции информационной, включает в себя еще несколько секций:

а) первая имеет целью связь с крестьянскими организациями, б) вторая – связь с городскими организациями, с) третья – разрушение советских учреждений, д) четвертая – дезорганизация Красной армии.

К 20 января Бюро информации установило связь с отрядами атамана Махно и штабом С.М. Буденного. Снабжение же крестьян оружием зависит полностью от польских властей.

На предварительном съезде, происходившем в Варшаве в начале января, были представители от крестьянских организаций Севера, от повстанцев Белоруссии – полковник Эльвенгрен, от членов крестьянской партии «Зеленого дуба» – лейтенант Орлов и капитан Дзергач, от украинских повстанцев – капитан Некрашевич, от кубанских казаков – капитан Новицкий и полковник Березневич. На этом съезде было установлено, что в районах, граничащих с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей, находятся десятки тысяч крестьян и дезертиров Красной армии, убежавших от насилия большевиков. Было также установлено, что население в своем большинстве ожидает будущей весной массового восстания. Было, наконец, выяснено, что у этих антибольшевистских сил не хватало оружия, был недостаток в офицерских кадрах, одежде, хлебе, что голод их гонит к границам, толкает на преждевременное восстание и даже на грабеж.

Ввиду того, что денежные средства Комитета были очень ограничены, на 20 января полковнику Эльвенгрену было ассигновано только 500 000 польских марок для районов, граничащих с Финляндией, Эстонией, Латвией. Комитету же информации было отпущено 657 900 тыс. польских марок, 74 000 рублей царскими деньгами и 20 000 рублей деньгами Думы [керенки]. Таким образом, всего распоряжении было около 25 000, если перевести на французские марки. Как видится, это сумма очень незначительная и является каплей в море.

Нет сомнения, что отсутствие денег отразится на работе Бюро информации и может даже парализовать его деятельность в момент восстания. Отсутствие фондов может повлиять и на результаты работы съезда, назначенного на февраль месяц. На этом съезде соберутся представители всех крестьянских организаций для окончательной разработки общего плана действий при проведении восстания. 20 января Комитет счел нужным заявить, что Бюро информации, несмотря на скромность своего бюджета, проделало большую работу в деле налаживания связи Комитета с восставшими крестьянами, одоббившими его политическую программу.

Вооруженная сила.

Кроме регулярной армии, необходимой для организации широкого движения повстанцев и, может быть, для восстановления впоследствии порядка в России, Комитет возлагает все свои надежды

на остатки армий Булак-Балаховича и Пермикина, насчитывающие в настоящее время 15 000 человек и размещенные по различным лагерям и казармам Польши. По этому вопросу мнение Комитета расходилось с мнением генералов Юденича, Деникина, Врангеля, адмирала Колчака и самарского комитета Учредительного собрания.

Нельзя завоевать Россию вооруженной силой. В России можно сделать революцию, но нельзя вести гражданскую войну. Крупные регулярные воинские соединения имеют меньше преимуществ, чем мелкие. Небольшая регулярная армия, укомплектованная лучшими офицерами и проверенными людьми, знающими, во имя чего они борются, не станет большой обузой для крестьянского населения. При активной помощи крестьян она будет иметь больше шансов дойти до Москвы, чем крупные армии генерала Деникина или адмирала Колчака. Комитет считает, что 15 000 человек из остатков армий генералов Булак-Балаховича и Пермикина – достаточная цифра для того, чтобы пойти на Москву в случае начала крестьянской революции; чтобы сохранить эту вооруженную силу, необходимы фонды.

С 15 октября 1920 г. по 20 января 1921 г. в кассу Комитета поступили 1 500 000 польских марок, т.е. меньше 40 000 французских франков, включая сюда и средства, взятые займы, но не включая немногочисленные пожертвования отдельных частных лиц. Если Комитет не прекратил свое существование, то лишь благодаря экономии бюджета за предыдущие месяцы и твердого намерения продолжать свою деятельность даже в самых неблагоприятных условиях. За декабрь месяц Комитет израсходовал больше 20 000 000 польских марок (500 000 французских франков), включая туда и расходы на пропаганду. Из этой суммы больше 17 000 000 израсходовано на нужды интернированных (больше 425 000 французских франков). В настоящее время его касса почти пуста.

Политическая деятельность.

Чтобы разрешить ряд вопросов, т.е. сохранить боеспособность армии и подготовить выступление крестьян, Комитет предпринял ряд политических актов. Он выставляет себя инициатором создания Русско-украинско-белорусского комитета, что нашло горячий отклик со стороны украинского правительства. Он заключил соглашение с Украинской республикой, с политическим белорусским комитетом, с национальным комитетом Карелии. Кроме этого он вел переговоры с Казацкой республикой (Дон).

Были установлены дружеские отношения с Финляндской, Эстонской и Латвийской республиками. Он пытался установить подобные отношения и с республиками Дона и Терека, с горцами Северного Кавказа.

Кроме союза со всеми крестьянскими организациями, ведущими активную борьбу с большевиками, Комитет пытается заключить политический союз с милитарными государствами старой

Русской империи. С помощью Польской республики Комитет надеется добиться осуществления своего плана, хотя и не уверен, что она сможет оказать ему эффективную помощь ввиду экономического и финансового кризиса, который она переживала, и который привел ее к заключению Рижского договора. В случае отсутствия поддержки Комитет будет вынужден значительно ограничить свою деятельность.

Вывод.

Совершенно не ходатайствуя о миллионах франков, о вооружении и помощи для многомиллионной армии, Комитет позволяет себе надеяться, что Франция не забудет тех, кто остался неизменно верным союзником и особенно Французской республике, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не вели переговоров с Германией, которые неумоимо работали на дело укрепления русско-польских взаимоотношений, которые представляют сегодня, может быть, единственную, хотя и слабую, но реальную антибольшевистскую силу, до сих пор не сложившую оружие. Эта надежда придает храбрость многим офицерам, солдатам, «зеленым» и партизанам.

Председатель Русского политического комитета (по эвакуации) *Б. Савинков.*

Заместитель – *Философов.*

Главный секретарь – *А. Смолдовский.*

ПФ-9489. Т. 3. Л. 50–58. Машинописная копия.

137

**Краткое содержание письма,
адресованного Русским
эвакуационным комитетом
господину Барту,
военному министру Франции**

Январь 1921 г.

Общий обзор.

Советская власть в России может быть свергнута только самими русскими посредством восстаний. Необходимость в политической программе, соответствующей русской психологии, в связи между восставшими соединениями, в единстве вооруженных сил повстанческого движения.

Политическая программа.

Русские крестьяне хотят:

1. Земли.
2. Мира – откуда признание Русским эвакуационным комитетом инородных государств.
3. Свободы – т.е. Учредительного собрания, свободно выбранного всеобщим голосованием.
4. Равенства – борьба против коммунистов, крупных владельцев, амнистия. Вербовка среди восставших красноармейцев, которые хотят этого, но без всякой мобилизации.

Связь с крестьянами.

Создание информационного бюро под руководством капитана Виктора Савинкова в контакте с полковником Энвельгреном, работающим в прибалтийских государствах. По сведениям этого бюро в западных губерниях, на юге России, в Мурманске и на Кавказе существуют тайные крестьянские организации.

1. По заданию этих организаций специально посланные группы ведут пропаганду внутри России. Специальные роты занимаются диверсионной работой в России.

2. Отправка надежных людей в советские организации.

3. Установление пограничных пунктов, ведающих снабжением и связью.

К 20 января Бюро информации поддерживало связь с Махно и штабом Буденного. В начале января в Варшаве состоялось совещание различных представителей повстанцев.

Комитет располагает лишь незначительными средствами. Однако, Бюро информации добилось больших результатов.

Военные силы.

Комитет возлагает надежды на интернированные войска Балаховича и Пермикина, это составляет 15 000 человек. Этого вполне достаточно, чтобы пойти на Москву, опираясь на небольшие перевороты, – необходимы средства, а касса почти пуста.

Политическая работа: создание комитета.

Создание русско-украинского и белорусского комитетов.

Соглашение с политическим комитетом Украины, Белоруссии, Ингерманландии, Карелии. Переговоры с Кубанью.

Дружественные отношения с Финляндией, Эстонией, Латвией, Грузией.

Комитет стремится добиться политического соглашения с пограничными государствами бывшей русской империи – помощь поляков слаба из-за экономического кризиса.

Заключение.

Не требуя миллионов, комитет обратился к Франции, которая не забудет своих верных союзников, единственных в настоящее время организующих антибольшевистские силы.

Савинков.

Философов.

Смолдовский.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 47–49. Машинописная копия.

138

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
22 января 1921 г. № 390. Варшава.

Господину генералу Ниссель,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал!

Я имею честь передать Вам копии меморандума и письма от 21 числа текущего месяца, адресованные начальнику разведотдела штаба Военного министерства Польши.

Примите, господин генерал, мои лучшие заверения в преданности и т.д.

Б. Савинков.

Копия.

Особо секретно.

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
21 января 1921 г. № 365. Варшава.

Меморандум начальнику разведотдела штаба Военного министерства.

Основные проблемы, стоящие перед Русским эвакуационным комитетом, возглавляемым мною, заключаются в следующем:

1. Стараться удержать на высоте положения политический престиж единственной русской организации, которая с помощью Польши ведет активную борьбу против большевиков, организации, которая питает большую симпатию к Польше и непоколебимо верит, что залог будущего мира для демократической России,

возрожденной Польши и сильной Франции в братском союзе с Польшей, в согласии с малыми странами и при поддержке Франции.

2. Стараться удержать свое политическое влияние над теми внутренними организациями русских вооруженных сил, которыми располагал русский политический комитет на 1-е декабря 1920 г., так как комитет убежден в невозможности успешной борьбы с большевиками без вооруженных сил. Эти проблемы – условия, существовавшие в комитете, их разрешение – программа действия комитета. Комитет не должен судить сам о важности своей политики, он может только заставить обратить внимание на общность его интересов и интересов Польши и на то, что он в течение 7 месяцев старается работать в этом направлении. Политические перспективы не исключают возможности наступательных действий со стороны большевиков. Поэтому комитет должен расширить свою деятельность, должен организовать сопротивление большевикам, держа наготове вооруженные силы и поддерживая повстанческое движение в России. Принимая во внимание финансовые трудности в Польше, комитет старается найти другой источник финансовой помощи, но до настоящего времени безрезультатно. Таким образом, отсутствие помощи влечет за собой неразрешение поставленных проблем и прекращение всякой деятельности. Это равносильно исчезновению той политической идеи, которая составляет основу его деятельности.

Ввиду вышеизложенного комитет ходатайствует перед польским правительством о субсидии в 6 млн. марок в месяц в течение 6 месяцев на помощь интернированным частям генералов Пермикина и Булак-Балаховича.

Б. Савинков.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 71–73. Машинописная копия.

139

Донесение

Б. Савинкова генералу Нисселю

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
24 января 1921 г. № 399. Варшава.

Генералу Ниссель,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал!

Я имею честь передать Вам копию отчета о создании большевиками новой армии – кавалерии, которую получил от Русской военной миссии в Польше.

Соблаговолите принять, господин генерал, выражение моей признательности и преданности.

Б. Савинков.

Русская военная миссия в Польше.
20 января 1921 г. № 12. Варшава.

Создание большевиками новых кавалерийских частей.

1. Один повстанец с Украины, убежавший 4-го декабря 1920 г. из г. Ананьева, уверяет, что в течение ноября м[еся]ца советские комиссии по доставке лошадей кавалерии разъезжали по деревням Херсонской губернии и реквизировали у крестьян всех хороших лошадей.

2. Один из наших агентов, побывавший с 5-го по 12-е декабря в районе Кременчуга, Полтавы и Харькова сообщает о транспортировке 30 000 лошадей из Кременчуга в направлении на Полтаву. На вокзалах Полтавы и Харькова, а также во многих городах обнаружены большие сосредоточения калмыков, киргизов и других народов, присланных для формирования новых кавалерийских частей.

Другой агент сообщает из Харькова о приказе Троцкого о расквартировании в Полтавской и Харьковской губерниях новых кавалерийских частей, насчитывающих около 50 000 лошадей, и которые будут готовы выступить будущей весной. Для формирования этой армии должны быть доставлены лошади и снаряжение, захваченные у генерала Врангеля в Крыму.

В Советах Харькова Троцкий произнес речь, в которой призвал рабочих помочь своим трудом делу победы мировой революции. Он говорил о двух задачах, стоящих перед Советской армией, т.е. о создании Красной кавалерии и авиации.

Копию подтверждает (*подпись неразборчива*)
секретарь миссии.

Просмотрено начальником бюро *Васильевым*.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 80–81. Машинописная копия.

140

Донесение сотрудника французской военной миссии в Польше майора д'Обиньи о Б. Савинкове

Французская военная миссия в Польше.
Штаб. 2-й отдел. Майор д'Обиньи.
Управление штаба. 7 февраля 1921 г.

Связь с Савинковым.

1. *Партизаны Пермикина*. Савинков не вербует партизан ни у Пермикина, ни у Балаховича. Но отдельные храбрые офицеры и

солдаты, в довольно большом числе, изъявляют желание вернуться в Россию для работы в качестве партизан или агентов связи и информации Савинкова.

2. *Разногласия с Пермикиным.* Уже старый конфликт между Савинковым и офицерами штаба Пермикина принял наиболее острый характер. Савинков обвиняет этих офицеров в германофильских и антипольских тенденциях, интригах против их же самих и растрате подотчетных сумм. Он только что уволил или отстранил многих офицеров, среди которых находился сам Пермикин, граф Пален, офицеры штаба и пр. Он свирепствует в то же время против некоторых офицеров Балаховича, виновных в растрате подотчетных сумм (в т.ч. против Телина).

Работа интернированных.

Этот вопрос висит в воздухе по вине поляков (см. донесение майора Пакелье, § 1). С 18 000 чел. число интернированных уменьшилось до 12 000, и количество это продолжает уменьшаться с каждым днем.

Ситуация в случае заключения польско-русского мира.

Русский политический комитет превратился в эвакуационный комитет, занимающийся делами беженцев (благотворительностью).

Солдаты Балаховича и Пермикина рассматриваются как беженцы. Роспуск штабов и демобилизация способствовали этому преобразованию.

Савинков рассчитывает, что Пилсудский поможет ему остаться в Варшаве. В случае, если это не удастся, он выражает желание поехать в Россию (во всяком случае, в Париж – никогда).

Англия действует против Савинкова в Варшаве. Однако, Савинков лично принял сегодня майора Клайтона, который замещает генерала Картона де Виард (выехавшего в Лондон). Савинков принял на днях генерала Ромей, который никогда еще не наносил ему визита, и японских представителей в Варшаве.

**Донесение главы французской
военной миссии в Польше
генерала Нисселя о положении
РЭК в Варшаве**

Французская военная миссия в Польше.
Штаб. 2-й отдел. № 427/22.
Управление штаба. 11 февраля 1921 г.

Содержание: О комитете Савинкова.

Генерал Ниссель, глава французской
военной миссии в Польше.
Военному министру, Генштаб, 2-й отдел.
Маршалу Франции, председателю
Союзнического военного комитета в Версале.
Курсель 34, Бульвар 43, Париж.

Возможность заключения мира между поляками и большевиками заставляет снова заняться вопросом положения комитета Савинкова в Варшаве.

Со времени заключения перемирия в Риге 6 ноября 1920 года комитет изменил свой официальный характер. Из политического комитета он превратился в комитет благотворительности: в эвакуационный комитет, занимающийся делами беженцев. Интернированных солдат Пермикина и Балаховича действительно можно рассматривать как беженцев. Сокращение штабов будет способствовать этому преобразованию так же, как демобилизация, которая до сего времени задерживалась поляками, но которую я постараюсь активно продвинуть.

Однако, личный состав, насчитывавший 18 000 чел[овек], уменьшился теперь до 12 000.

Вне этой официальной цели Эвакуационный комитет сохраняет свою специальную роль, разновидности которой известны Вам по моим донесениям и непосредственным сообщениям Савинкова, и которая характеризуется активной антибольшевистской деятельностью.

При помощи своих тенденций, своих политических идей и личной связи с маршалом Пилсудским Савинков надеется получить поддержку высших военных польских властей, которые хотят оставить его в Польше. С другой стороны, он подвергается сильным нападкам с различных сторон – со стороны немцев, т.к. Савинков всегда готов бороться с германофильскими тенденциями в подчиненных ему русских формированиях, – со стороны англичан,

которые ведут в настоящее время кампанию, более или менее тайную, против его пребывания в Польше, наконец, со стороны самих русских, в частности, со стороны групп, находящихся в Париже, которых Савинков обвиняет в непримиримых и отсталых тенденциях, и от которых Савинков почти открыто отделился после поражения Врангеля.

Сообщая Вам об этих различных факторах, я имею честь привлечь Ваше внимание на целесообразность оказания помощи Савинкову в Польше, я действительно считаю необходимым в случае возобновления военных действий Советов против Польши, чтобы русские национальные военные силы сражались в рядах поляков, впрочем Савинков является в настоящее время единственным русским, который располагает в достаточной степени доверием поляков, чтобы заставить их принять эту идею и привести ее в исполнение.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 37-38. Машинописная копия.

142

Донесение сотрудника французской военной миссии в Польше майора Пакелье о Б. Савинкове

Французская военная миссия в Польше.
Штаб, 2-й отдел.
Управление штаба. 12 февраля 1921 г.

Офицеры, устраненные Савинковым.

Ничего не поделаешь, ни в Генштабе, ни в министерстве их не знают, там знают только организатора добровольной русской армии Бориса Савинкова.

Ясно, что поляки на стороне Савинкова, обвиняющего потерпевших поражение генералов в реакционных тенденциях и германофильстве. По вопросу об их соглашении с Германией полковник Мендзинский нам пришлет документы.

Полковник Сологуб желал бы, чтобы престиж Савинкова в армии был поднят. Русские офицеры были направлены в лагерь Дамби, так как таким образом они будут изолированы от войск, и за ними будет легче вести наблюдение.

Арестованные врангелевские офицеры.

Тромпет и Бежезани не находятся больше в крепости, они интернированы в лагерь Остров. Асанов продолжает находится в эпидемическом госпитале.

Белье для украинцев (Запрос Павленко).

Полковник Медзинский проконсультируется по этому вопросу с IV отделом, но весьма возможно, что состояние складов не позволит решить благоприятно этот вопрос.

Реорганизация 2-х отделов.

Майор Пшездинский будет говорить об этом лично с полковником Алегрини во вторник, 15.02 утром, в этот день будет выработан проект с вариантами. Он решил не принимать во внимание инструкцию 1350.

Полковник Медзинский критикует некоторые пункты директивы 04447/орг, подписанной главой государства. Полковник Медзинский, кажется, не согласен с майором Пшездинским и не хочет ничего предпринимать до прибытия майора Матушевского. Оба начальника должны встретиться для совещания завтра (13.02).

Обучение личного состава II-отдела.

Совещание назначено на вторник 15.02 в 12 часов в министерстве у полковника Медзинского (там будут представители генштаба). Будет окончательно составлена программа и детали ее выполнения.

Отправка войск в Вильно.

Польский атташе в Берлине информировал Генштаб, что Швейцария не разрешает оккупационным войскам, предназначенным для оккупации Вильно, пройти через свою территорию.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 26–27. Машинописная копия.

143

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

14 февраля 1921 г. № 783. Варшава.

Господину генералу Нисселю, главе
французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,

Имею честь отправить Вам для информации следующие копии: выдержки из письма лейтенанта Титова, моего письма от 8 сего месяца господам министрам путей сообщения, сельского хозяйства и труда и копии отчетов, полученных мною от Орлова, Янученко с моим письмом по этому вопросу полковнику Медзинскому от 7 сего месяца.

Примите, господин генерал, выражение моего величайшего уважения и безграничной преданности.

Савинков.

Начальник административного отдела
по делам интернированных.
11 февраля 1921 г. № 209. Варшава.
Председателю Русского
эвакуационного комитета.

Имею честь передать Вам для информации выдержки из письма мл[адшего] лейтенанта Титова.

Начальник администрации *Одинец*
Начальник отдела *Шабловский*

3-я Русская армия.
1-й адъютант штаба 2-й стрелковой дивизии.
9 февраля 1921 г. № 2. Торн.

Господин профессор, мы получили сегодня приказ за №15, из которого очевидно, что весь командный состав, о котором шла речь в моем письме №1, смещены со своих должностей и должны быть направлены в лагерь.

При получении упомянутого приказа граф Пален решил, возможно, продолжать борьбу с политическим комитетом, и с этой целью он обратился от имени своих сторонников к французскому генералу Нисселю с ходатайством об изменении приказа об их удалении из дивизии. Офицеры 5-го полка в количестве 10–15 человек (в большинстве это те, которые при Вашем прибытии вели себя вызывающе) поддерживают графа Палена.

Мл[адший] лейтенант *Титов*.
Верно: нач[альник] отдела *Васильев*

Председателю Русского эвакуационного
комитета в Польше.
8 февраля 1921 г. № 690, 691, 692. Варшава.

Копия:

1. Министру путей сообщения.
2. -”- сельского хозяйства.
3. -”- труда.

Господин министр,
Бывшие добровольческие армии генералов Булак-Балаховича и Пермикина, которые сражались рядом с польскими войсками против большевиков, в настоящее время интернированы и находятся в различных лагерях на польской территории.

Чувствуя всю тяжесть вынужденного бездействия и не желая быть в тягость дружественному народу – польскому народу, который в минуту испытания предложил им убежище, добровольцы изъявляют горячее желание получить возможность обеспечивать себя посредством работы.

Узнав об этом желании интернированных, я беру на себя величайшую свободу, господин министр, просить Вас ответить мне, найдется ли в вверенном Вам министерстве работа, на которой могли бы быть использованы 6 000 рабочих.

В случае положительного ответа я буду Вам очень признателен, если Вы мне сообщите:

1. Где и какого рода работа может быть предложена интернированным.
2. В каких условиях они будут находится с точки зрения расквартирования, снабжения и оплаты.
3. Что нужно предпринять для получения вышеуказанной работы.
4. Примите, господин министр, уверение в моем высочайшем уважении.

Савинков.

Верно: нач[альник] отдела *Васильев.*

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

7 февраля 1921 г. №677. Варшава.

Секретно.

Господину полковнику Медзинскому,
начальнику 2-го отдела
военного министерства.

Господин полковник,
Ознакомясь с копиями рапортов Орлова и Янученко, Вы можете убедиться, что в пограничных областях скопилось множество русских беженцев, ужасное положение которых, со всех точек зрения, заслуживает особенного внимания и немедленной помощи, тем более, что это скопление на границе может вызвать нежелательные осложнения политического характера.

Так как я считаю, что меры, предложенные в обоих рапортах – помощь предоставлением работы – являются наиболее ра-

циональными, я возьму на себя смелость привлечь Ваше внимание к просьбам г.г. Орлова и Янученко, прося Вас сообразоваться сообщить мне Ваше решение по данному вопросу.

В ожидании ответа, который, я надеюсь, будет благоприятным, я прошу Вас, господин полковник, принять выражение моего высочайшего уважения и т.д.

Савинков.

Русскому эвакуационному комитету
21 января 1921 г. Рубеевич.

Рапорт

В районах Раков – Вольма – Рубеевич – Иванец – Засулье – Столбцы сконцентрировалось около 25 000 беженцев из советской России, главным образом, белоруссы-католики и православные.

Принимая во внимание, что большинство беженцев, не имея возможности удовлетворить свои потребности, вынуждены бродить по деревням, было бы весьма желательно использовать их на общественных работах.

В вышеупомянутых районах около ж[елезно]-д[орожной] линии находится много лесов, как государственных, так и частных. Их выкорчевывание дает возможность целой массе беженцев заработать себе на хлеб и быть полезными польскому государству.

Кроме того, имеется множество дорог и мостов, требующих ремонта, в районе Иванец необходимо поставить телеграфные столбы.

Все работы находятся в ведении старосты Столбцецкого округа и штаба 2-й армии в Слониме.

Принимая во внимание все сказанное выше, я прошу Русский эвакуационный комитет ходатайствовать перед польским правительством о разрешении организовать рабочие общества из вышеуказанных беженцев, которые при первом знаке польских властей могли бы приняться за работу, что привело бы к следующим последствиям:

- а) облегчило бы судьбу беженцев и позволило бы взять их на учет;
- б) принесло бы большую пользу польскому государству, т.к. беженцы заготавливали бы лес для железной дороги, ремонтировали дороги и вообще выполняли бы все виды работ как общественного, так и частного характера.

В случае благоприятного ответа польских властей я прошу Вас направить мне, как и другим организаторам этих рабочих обществ, документы, позволяющие получить содействие польских военных властей.

Начальник администрации пункта № 2 Орлов.

Верно: нач[альник] отдела Васильев.

Рапорт

В нейтральной зоне района гор. Незвиж сконцентрировалось около 5000 солдат и около 100 офицеров, дезертировавших из Красной армии, из советской России и уроженцев Белоруссии. Эти беженцы живут в хижинах крестьян за их счет. В каждой хижине находятся от 3 до 5 беженцев. Они помогали своим хозяевам молотить хлеб. Но теперь эта работа уже закончена, и крестьяне отказываются содержать всю эту массу солдат, не имея достаточно хлеба для себя. Такое скопление неспособных обеспечить себя людей на польской границе и в пограничных районах довольно нежелательно, т.к. это может способствовать развитию бандитизма и всякого рода эксцессов, которые могут достигнуть нежелательных размеров, если не будут вовремя приняты соответствующие меры.

Чтобы использовать этих людей и обеспечить им нормальную жизнь на границе польской республики, я имею честь просить Вас ходатайствовать о следующем:

1. Указать 4 или 5 пунктов в районе Мирска, Столбцов и Деревенска, где могли бы собраться люди, рассеянные по деревням нейтральной зоны.

2. Организовать на этих пунктах рабочие общества для а) подготовки материалов и леса для строительства мостов, в) снятие ненужного проволочного ограждения и засыпки траншей, д) строительства сожженных большевиками мостов на Немане около Столбцов, в окрестностях Симявска, Эрмичей, Юков-Барка, деревни Бережно на реке Уча, по дороге в местечко Мира-Новогрудок и других.

3. Снабжать продовольствием этих людей и назначить им небольшое денежное содержание, как солдатам.

Таким способом можно было бы пресечь распространение бандитизма и снабдить польское государство дешевой рабочей силой для строительства разрушенных мостов и других объектов, имеющих стратегическое значение.

Капитан Янученко.

Верно: нач[альник] отдела Васильев.

Б. Савинков – полковнику Медзинскому

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

14 февраля 1921 г. № 786. Варшава.

Секретно.

Господину полковнику Медзинскому,
начальнику 2-го отдела штаба
военного министерства.

Господин полковник,
Разрешите мне поблагодарить Вас за удовлетворение моей просьбы – удаление из Торна офицеров 2-й дивизии, бывшей 3-й русской армии, отказавшихся подчиниться Русскому эвакуационному комитету, на который возложена забота о бывших интернированных русских армиях в Польше.

Меня информировали, что эти офицеры были заключены в концентрационный лагерь для красных военнопленных в Домби. Я беру на себя смелость привлечь Ваше внимание к тому факту, что эти командиры, среди которых находятся офицеры неоспоримой доблести, не совершили никакого преступления, если не считать преступлением их отказ подчиниться Комитету.

Следовательно они не должны подвергаться наказанию, а просто должны быть исключены из состава интернированных офицеров.

Принимая во внимание все изложенное, я беру на себя смелость ходатайствовать перед Вами о переводе их в такое место, где не находятся красные военнопленные (за исключением, впрочем, места, где находятся 2-я дивизия 3-й армии), или же им должна быть возвращена свобода с разрешением покинуть Польшу, при условии, что они вернут выданные им ранее средства.

Моя просьба касается также офицеров других дивизий 3-й русской армии, вычеркнутых из списка интернированных за отказ подчиниться приказам Комитета, как и офицеров 2-й дивизии. Я надеюсь, что Вы не откажете в моей просьбе.

Примите, господин полковник, уверение в моем глубоком уважении и бесконечной преданности.

Б. Савинков.

Верно: нач[альник] отдела *Васильев.*

Б. Савинков – полковнику Медзинскому

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

16 февраля 1921 г. № 833. Варшава.

Господину полковнику Медзинскому.
Генеральный штаб, 2-й отдел.
Военное министерство.

Господин полковник,

По приказу начальника административного отдела по делам интернированных (от 8 февраля, № 10) старший комсостав 1-й стрелковой дивизии во главе с генералом Бобошко получил отставку.

Я просил Вас в своем письме, написанном по этому поводу, об удалении этих лиц из лагеря Луков во избежание вредного влияния, которое они могут оказать на армию.

Один из них, командир 1-го стрелкового полка полковник Рогожинский, после выражения протеста Русскому эвакуационному комитету за отсутствие сведений по вопросу программы этого Комитета выразил свое полное подчинение вышеуказанному Комитету и согласие с ним сотрудничать.

Зная полковника Рогожинского как доблестного воина, я имею честь просить Вас, господин полковник, исключить его из числа лиц, отправленных в лагерь военнопленных, и оставить его в полку (который переведен теперь из Лукова в Остров-Ломжинский), я его уже восстановил в должности командира полка.

Пользуясь этим случаем, я Вас очень прошу, господин полковник, не заключать в лагерь для красных, наряду с большевиками, лиц, которых мы удаляем из лагерей интернированных русских из-за политических интриг, направленных против Русского эвакуационного комитета и против польского правительства (с которым Русский эвакуационный комитет работает в полном контакте). Эти лица являются часто brave офицерами, которые горячо боролись против большевиков, мы их удаляем только из-за политических демонстраций, которые вносят дезорганизацию в армию и делают невозможным подвести итог нашей работе.

Итак, я повторяю мою просьбу не заключать их в один лагерь с ворами, бродягами, жуликами и т.п. лицами, которые, по Вашему сообщению, будут помещены в лагерь Щипиорно, откуда вывозятся интернированные там добровольцы.

Примите, господин полковник, уверение в моем истинном к Вам почтении.

Б. Савинков.

Верно: секретарь С. Энгельгарт.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 338–339. Машинописная копия.

Приказ об отставке офицеров 3-й русской армии

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
17 февраля 1921 г. № 870. Варшава.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал!

Имею честь направить Вам для информации прилагаемую к сему копию приказа № 10.

Примите, господин генерал, выражение моего высочайшего уважения и моей бесконечной преданности.

Б. Савинков.

Приказ № 10 интернированным войскам на польской территории

§1

Политические интриги, имевшие место несколько раз в кругах высшего командования бывшей 3-й русской армии, приняли теперь неслыханный размах в действиях старших офицеров 1-й стрелковой дивизии; это выражается не только в отказе подчиниться Русскому эвакуационному комитету, но и в целой серии враждебных действий по отношению к последнему и по отношению к тем, которые симпатизируют идее подчинения русской организации, твердо держащей в руках русское знамя.

Было установлено, что высшее командование этой дивизии применило по отношению к молодым офицерам дивизии меры чисто террористического характера, нисколько не выражающие мнения абсолютного большинства офицеров, которые обратились к Русскому эвакуационному комитету с просьбой взять их под свою защиту.

Принимая во внимание моральный дух основной массы офицеров и солдат и полностью сознавая принятую на себя ответственность за организацию дела России на территории Польши, я заявляю от имени начальника администрации по делам интернированных, что высшее командование 1-й дивизии, а именно:

Командир дивизии генерал-майор Бобошко,

Командир 1-го стрелкового полка полковник Рогожинский,

Командир 2-го стрелкового полка полковник Саулевич,

Командир 3-го стрелкового полка полковник Зайцев,

Командир 1-го технического батальона полковник Иванов,
Командир 1-го конного полка полковник Чапиакин
сняты со своих должностей и уволены из армии.

До назначения приказом по войскам новых командиров старший офицер каждой части этой дивизии примет временное командование частью, а самый старший из них по званию – временное командование дивизией.

§2

По моему приказу № 8 от 2 февраля была организована специальная комиссия для оказания содействия членам центрального контрольного комитета и для приведения в порядок всей армейской документации.

Ввиду того, что бывший командующий 2-го соединения генерал-майор Пермикин не выполнил приказа Русского эвакуационного комитета, он не был назначен специальной комиссией в этом соединении.

И ныне специальная комиссия под председательством генерала Сулковского должна только оказывать содействие контрольному комитету в его работе.

Что касается членов бывших комиссий по демобилизации, которые должны были войти в комиссию, не созданную командиром соединения, полковника Заметнова и капитана Чернявского, я подписал приказ о возвращении их к месту службы.

Начальник администрации по делам
интернированных, член русского
эвакуационного комитета *Д. Одинец.*

Начальник штаба администрации
М. Росселевич.

Верно: нач[альник] отдела *Васильев.*

ПФ-9489. Т. 3. Л. 1–3. Машинописная копия.

147

Донесение о Б. Савинкове, составленное французской военной миссией в Польше

Французская военная миссия в Польше.
Штаб, 2-й отдел.

Управление штаба. 19 февраля 1921 г.

Донесение

1. Савинков намеревается провести чистку в армии. Он хочет исключить офицеров, виновных в растрате подотчетных сумм,

офицеров с германофильскими и царистскими тенденциями, а также тех, которые ведут антипольскую политику и поэтому враждебны ему. Около 30 (тридцати) лиц должны таким образом покинуть армию.

2. Активные боевые действия подготавливаются в настоящее время среди крестьян в России. При содействии Савинкова образованы тайные общества, особенно в Белоруссии, на Украине, на Кубани. Большое восстание намечается на ближайшую весну. Польские власти относятся пассивно к этому движению.

Никакое соглашение невозможно с Махно, который является никем иным, как анархистским бандитом.

3. Тесное взаимодействие между Савинковым и Петлюрой, начало которому было положено во время соглашения в октябре прошлого года, продолжается.

Генерал Греков, председатель Украинской Рады, хотел вступить с Савинковым в переговоры, но тот не принял до сих пор этого предложения.

Савинков действительно не уделяет достаточного внимания отношениям этой группы с Берлином.

Майор Клайон, вр[еменно] и.о. главы британской военной миссии, замещающий генерала Картон де Виард, который находится в настоящее время в Лондоне, генерал Ромей, глава итальянской миссии, а также представитель Японии в Варшаве нанесли визит Савинкову. Последний удивлен этим необычным проявлением дружеского отношения, тем более, что англичане, кажется, довольно плохо настроены по отношению к нему.

ПФ-9489. Т. 3. Л. 12-13. Машинописная копия.

148

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

23 февраля 1921 г. № 1018. Варшава.

Господину генералу Нисселю, главе
Французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,
Я имею честь Вам переслать для Вашего сведения копию моего письма от 17 тек[ущего] месяца господину полковнику Медзинскому, начальнику 2 отдела штаба военного министерства Польши.

Примите и пр...

Б. Савинков.

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.
Февраль 1921 г. № 875. Варшава.
Совершенно секретно.

Господину полковнику Медзинскому,
начальнику 2-го отдела штаба
военного министра.

Верховное командование русской армии.

До перехода польской границы (начало декабря 1920 г.) русские армии генералов Булак-Балаховича и Пермикина были зависимы от политического русского комитета (эвакуац[ионного]) только с политической точки зрения (соглашение с генералом Глазенапом от 7.07, с генералом Булак-Балаховичем от 27.07).

Политическая зависимость заставляет командующих армиями следовать директивам политического характера, исходящим из Комитета, но не дает никакого права Комитету назначать, менять, смещать военных командиров. Это право по отношению к армии генерала Булак-Балаховича принадлежало верховному польскому командованию, а по отношению к армии генерала Пермикина - к генералу Врангелю. Ненормальность вышеупомянутых взаимоотношений между Комитетом и армиями была результатом 2-х причин: тот факт, что армия генерала Булак-Балаховича сражалась в рядах польских войск, когда еще политический русский комитет не существовал в Варшаве, и тот факт, что армия генерала Пермикина, 3-я русская армия, была в зависимости от генерала Врангеля, в то время главнокомандующего вооруженными силами на юге России.

Первое расхождение во взглядах.

Первое серьезное расхождение Комитета и верховного командования 3-й армии возникло в тот момент, когда во главе этой армии стоял генерал Глазенап. Получив приказ от главного командования Польши отправиться на линию фронта и зная, что решение Комитета о том, что части 3-й русской армии обязательно должны здесь находиться тоже, генерал Глазенап вместо того, чтобы немедленно выполнить полученный приказ, послал, не оповестив об этом Комитет, телеграмму военному министру Польши под № 26 от 17.08.1920 г., прося его эвакуировать части, которые были ему доверены, к генералу Врангелю. Согласно сведениям, которыми располагает Комитет, эта телеграмма получила соответствующую отрицательную оценку со стороны военного министра. Телеграмма, оставленная без ответа, встретила одобрение, тем не менее, со стороны части офицерского состава 3-й русской армии: генерала Бобошко, генерала Симонова и полковника Соболевского, полковника Ширинкина, полковника Рогожинского и др. Генерал Глазенап был

вынужден покинуть Польшу, передав командование генералу Бобошко согласно приказу № 785 военного представителя генерала Врангеля от 23.06. Генерал Бобошко тоже не мог вывести на линию фронта доверенные ему войска, так как прекрасно знал, что высшее польское командование продолжает рассматривать этот вывод войск чрезвычайно нежелательным. Мнение Комитета было такое же.

2-е расхождение.

Тот факт, что генерал Бобошко увильнул от вывода войск на фронт, послужил мотивом серьезного расхождения между Комитетом и высшим командованием бывшей 3-й русской армии (смотреть письмо председателя Комитета генералу Бобошко от 30.08 за №229; письмо председателя Комитета военному министру Польши от 07.09 за № 271; письма председателя Комитета генералу Бобошко от 16.09 № 372 и от 18.09 № 393; письмо генерала Бобошко председателю Комитета от 01.09 за № 490; письмо генерала Бобошко председателю Комитета от 15.09 за № 124; письмо генерала Бобошко председателю Комитета от 21.09 за № 141 и др.).

Согласно сведениям, которыми располагает Комитет, отказ генерала Бобошко вывести свои войска на фронт, также запрещено как [и] посылка письма генералом Глазенапом, упомянутым телеграммой, встретили полное одобрение со стороны полковника Соболевского, штабс-капитана фон Дитриха, полковника Рогожинского, полковника Ширинкина и других.

Назначение полковника Полякова.

Согласно приказу № 13 военного представителя генерала Врангеля от 26.09, генерал Бобошко передал командование доверенными частями генералу Пермикину. Генерал Пермикин назначил начальником штаба полковника Полякова, прибывшего из Латвии. Он назначил его вопреки тому, что я был против назначения Полякова на эту должность.

Третье расхождение.

3-е серьезное расхождение между Комитетом и главным командованием бывшей 3-й русской армии возникло, когда обе армии собирались покинуть территорию Польши, чтобы начать самостоятельные действия против большевиков. Комитет решил, что во главе 2-х армий должен быть один командир, и что эти последние должны выполнять указания главы польского государства. Но вопреки мнению комитета, которое ему было известно, генерал Пермикин заявил, что он намеревался действовать независимо от генерала Булак-Балаховича, который выбрал направление Лунинец – Мозырь, намеченное главой польского государства, и что он избрал ложное направление, осуществляя связь с украинской армией, чтобы соединиться в дальнейшем с генералом Врангелем. Согласно све-

дениям, которыми располагает Комитет, решение генерала Пермикина разрушило почти всякую надежду на победоносное наступление русских вооруженных армий внутри советской России и встретило поддержку генерала Бобошко, генерала Палена, генерала Трусова, полковника Ширинкина, полковника Немцова, полковника Соболевского, полковника Рогожинского, полковника Полякова, полковника барона фон Унгерна.

Расхождение во взглядах штаба бывшей 3-й армии с генералом Булак-Балаховичем и Яковлевым.

Идейное разногласие верховного главнокомандования бывшей 3-й армии заключается не только в расхождении во взглядах с Комитетом. 23.08 Булак-Балахович обвинил штаб бывшей 3-й армии в ведении среди офицеров и волонтеров агитации, направленной против народной добровольческой армии. Сделанное по моему приказу расследование военным юристом Лисовским показало, что обвинение подтверждается фактами. С другой стороны, представители дивизии [в лице] капитанов Яковлева, Плотникова, лейтенанта Дуланикова во время заседания Комитета от 29.01 обвинили штаб бывшей 3-й армии в ведении агитации среди офицеров и добровольцев, направленной против этой дивизии, и в том, что он не оказал сопротивления нападениям, которые производились на обозно-транспортные части этой дивизии частями бывшей 3-й армии. После проверки этого обвинения меры были приняты по моему приказу генералом Ивановским, начальником юрисконсульского отдела.

Результаты деятельности штаба бывшей 3-й русской армии в момент перехода польской границы. Главным образом, главное командование бывшей 3-й армии не ограничивалось только выполнением оперативного приказа главного польского командования действовать согласованно с Комитетом в самых серьезных вопросах, но еще с успехом восстановило против него добровольческую национальную армию и дивизию Яковлева, благодаря чему:

1. Он [штаб] уронил достоинство русского имени перед польскими властями.

2. Затруднил работу Комитета, стремящегося к русско-польскому сближению.

3. Помешал союзу всех вооруженных русских сил, находящихся на польской территории.

Деятельность верховного главнокомандования 3-й армии в лице генерала Глазенапа, генерала князя Палена, генерала Бобошко, генерала Пермикина, генерала Трусова, полковника Полякова, полковника Немцова, полковника Ширинкина, полковника Саулевича, полковника Зайцева, полковника Рогожинского, полковника Красовского, полковника Иванова, капитана фон Дитриха и т.д. в

противовес интересам польским и русским заставило меня сделать из этого следующий вывод. Полковник Поляков и капитан Дитрих уехали в Берлин, первый из них не возвратил денежные счета. Подозревают, что Пален германофил. Он не ясно объяснил, почему у него отняли секретное письмо на Латвийской границе, посланное на мое имя членом Комитета Дикгоф-Деренталь. Письмо вызвало обсуждение в латвийском Учредительном собрании, что вредно отразилось на действии Комитета в Латвии.

Комитет имеет основание предполагать, что симпатии генерала Глазенапа, генерала Трусова, генерала Бобошко, генерала Пермикина, полковника Немцова, полковника Крассовского, полковника Иванова, капитана фон Дитриха и др. на стороне Германии.

Если принять во внимание, что почти все эти офицеры не скрывают своих монархических убеждений, и что в среде монархистов имеется большое число людей, связанных с Берлином, можно будет высказать предположение, что столь вредная деятельность для польских и русских интересов высших офицеров бывшей 3-й армии была скорее результатом тщательно выработанного плана, направленного против польско-русского дела и преследует цель разложения русских вооруженных сил, борющихся против большевиков под знаменем демократии. Я не имею права утверждать, что названные офицеры находятся в непосредственной связи с Берлином, что же касается полковника Полякова, капитана фон Дитриха, подобное утверждение не лишено основания, но мне кажется, что вне сомнения находится тот факт, что главное командование бывшей 3-й армии было бы оружием в руках опытных немецких агентов.

Деятельность штаба бывшей 3-й армии после перехода русскими частями польской границы.

После того, как бывшая русская армия перешла польскую границу, Комитет получил право назначать и смещать бывших командиров армии (которые перестали считаться таковыми) и заниматься делами интернированных, беря на себя моральную, политическую и материальную ответственность за последних. Комитет был вправе и даже должен был требовать, чтобы ему были подчинены все бывшие военнослужащие этих армий. Рядом с Комитетом была создана администрация интернированных, во главе которой стоял профессор Одинец, и при котором, в свою очередь, был создан «военный совет», в который вошел генерал Пермикин, согласившийся занять этот пост и признавший подчинение Комитету. Администрация интернированных при содействии и с одобрения генерала Пермикина выработала предписания для специальных комиссий, офицерских комиссий, которые должны были быть избраны в обеих армиях самими офицерами, чтобы рассмот-

реть и удовлетворить, по мере возможности, законные требования армий до 1.12.1920 г. Подобная комиссия была создана в национальной добровольческой армии, в лагере Чипиорно, но она не была создана в бывшей третьей армии, т.к. генерал Пермикин, несмотря на свое участие в администрации интернированных, не дал приказа о создании комиссии. В результате этого, когда почти все законные требования бывшей добровольческой национальной армии до 1.12 были уже удовлетворены, большая часть требований бывшей 3-й армии продолжала оставаться невыполненной, что вызывало недовольство в лагерях. Исходя из вышеизложенного, генерал Пермикин моим приказом от 4.12.21 г. должен быть смещен с должности начальника 2-го отряда бывшей 3-й армии и члена военного совета при администрации интернированных. Итак, согласившись быть назначенным Комитетом, генерал Пермикин отказывается согласиться со своим смещением, к чему его должны обязывать его долг солдата и гражданина.

Согласно сведениям, которыми располагает Комитет, он предпринял поездку по лагерям, где находились части бывшей 3-й русской армии, и там ведет яростную агитацию против Комитета, заявляя, что главное польское командование и французская военная миссия отказались поддержать генерала Пермикина в его борьбе против Комитета.

Отказ подчиниться Комитету.

В результате этой агитации командир 2-й стрелковой дивизии генерал граф Пален, его помощник полковник Лебедев, полковник Даяров, командир 5-го стрелкового полка, полковник Росинский, командир 6-го стрелкового полка, полковник Бушен, командир 2-го арт[иллерийского] полка, полковник Саламанов, полковник Ермолов – помощник командира 7-го стрелкового полка, генерал Бобошко; командир 1-й стрелковой дивизии, полковник Рогожинский, командир 1-го стрелкового полка, полковник Саулевич, командир 2-го стрелкового полка, полковник Зайцев, командир 3-го стрелкового полка, полковник Красовский, командир 1-го арт[иллерийского] полка, полковник Иванов, командир 1-го технического батальона, полковник Ширинкин, командир 1-го конного полка, – заявили, что они не хотят подчиняться Комитету. Между тем полковник Рогожинский, командир 1-го стрелкового полка, заявил о дальнейшем своем раскаянии в отношении этого заявления и, прибыв в Варшаву, подчинился Комитету. Согласно приказам № 7 от 2.02 и № 10 от 8.02 все упомянутые офицеры были смещены с должностей и уволены из рядов бывшей армии. Исключение сделано полковнику Рогожинскому, который ввиду своего раскаяния был восстановлен в своих правах. Именно тогда я ходатайствовал перед Вами, чтобы офицеры могли оставить места интернирования их частей.

Поведение младших офицеров и солдат.

Я должен добавить, что применение вышеуказанных мер встретило согласие и полное одобрение огромного большинства не только со стороны солдат, но и младших офицеров обеих дивизий, об этом свидетельствуют коллективные заявления с многочисленными подписями, письма и устные поздравления делегатов, прибывших из лагерей. Это отношение со стороны младших офицеров и солдат объясняется тем фактом, что, согласно сведениям, которыми располагает Комитет, высшее командование 3-й армии не смогло завоевать не только симпатии, но также уважения со стороны подчиненных.

Заключение.

Как заключение, я имею честь довести до Вашего сведения следующее: Комитет не думает ограничиться только [исключением] в одном из отрядов бывшей армии упомянутых офицеров. Он предлагает исключить из среды интернированных всех тех, действия которых вредят единству бывших русских армий, противостоят русско-польскому сближению и стремятся деморализовать русские антибольшевистские силы. Но, предлагая это, Комитет в действительности далек от мысли распустить офицеров и добровольцев только из-за политических убеждений.

Но Комитет считает возможным присутствие лиц самых различных убеждений, исключая коммунистов, при условии, что эти лица будут полностью подчиняться приказам Комитета и не примут участия в тайной или открытой агитации, направленной против Польши или Комитета, а также не будут членами никаких тайных офицерских обществ.

Что же касается офицеров, обвиняемых в таких действиях, Комитет считает необходимым распустить их, не подвергая никакому наказанию.

Поэтому, ходатайствуя перед Вами об удалении офицеров, намеченных Комитетом, в самый короткий, по возможности, срок с мест интернирования их частей, я Вас прошу еще раз, господин полковник, не применять других мер, кроме выселения их за пределы польских границ или интернирования в специальный лагерь, не предназначенный для красных солдат или преступников.

Примите ...

Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 311-319. Машинописная копия.

**Краткое содержание беседы
генерала Нисселя с Савинковым
5 марта 1921 года**

Отъезд Савинкова в Париж задержался из-за трудностей получения транзитной визы через Германию. Савинков ждет восстания в России, он не думает о скором падении большевиков, но все же решил продолжать борьбу. Он указал на германскую опасность; по его сведениям, среди военных организаций немецких колонистов южной России находятся много немецких офицеров. Между прочим, немецкая организация была открыта в районе Гомеля. Савинков находится в связи с подпольными крестьянскими организациями.

В конце апреля должно состояться совещание между ним и представителями этих организаций. Он заключил соглашение с украинцами (с правительством Петлюры), донскими и кубанскими казаками и белоруссами (Булак-Балахович). Польская пресса ведет кампанию против Балаховича, обвиненного в распространении ложных слухов, в действительности польское правительство не намерено его беспокоить, а оберегает его ввиду возможного возобновления военных действий против большевиков. Брат Балаховича, якобы, в разладе с ним и работает с Савинковым.

По плану действия, установленного вместе с украинцами и донскими казаками, решено, если возможно, дождаться июня, т.е. времени между посевом и сбором урожая.

У Савинкова есть сведения о том, что английские купцы, якобы, обещали 300 тысяч тонн угля и военного снаряжения большевикам.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 293а. Машинописная копия.

**Б. Савинков –
военному министру Франции Барту
и полковнику Медзинскому**

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.

Март 1921 г. № 1360. Варшава.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал, с почтением пересылаю Вам копию строго секретного письма, посланного мною господину военному мини-

стру Барту, равно как и копию моего письма господину полковнику Медзинскому – начальнику II отдела штаба военного министерства, касающееся слухов о раскрытии заговора о покушении на мою жизнь, организованного германо-царскими кругами.

Примите и пр....

Савинков.

Председатель Русского
эвакуационного комитета в Польше.
11 марта 1921 г. № 1287. Варшава.

Особо секретно
Господину Барту, военному министру.

Господин министр!

События в Петрограде, Кронштадте, Москве с очевидностью доказывают, что момент падения советской власти в России не за горами. По имеющимся у меня сведениям, всеобщее восстание русских крестьян весной неизбежно. Русский политический (эвакуационный) комитет в Польше именно к тому и стремится, чтобы подготовить это восстание и координировать действия всех активных антибольшевистских сил в нужную минуту. В этом направлении комитет ведет свою деятельность, согласовывая ее с деятельностью правительства народной Украинской республики с тем, чтобы восстание украинских крестьян было поддержано русскими и белорусскими крестьянами. Специалисты, выделенные комитетом и правительством народной Украинской республики вырабатывают в настоящее время по приказу атамана Петлюры и моему приказу план действий на севере России, на Украине и Белоруссии, равно как и мобилизацию (если только польское правительство не будет этому противиться, и обстоятельства сложатся благоприятно) частей бывшей русско-украинской армии, интернированных на территории Польской республики.

Надеюсь, что восстания вспыхнут одновременно в Петрограде, Псковской, Смоленской, Витебской, Минской, Новгородской, Гомельской областях, на Украине, а также, может быть, в казацких республиках. Помощь хоть и не большой, но дисциплинированной и демократической армии порядка может в большой мере способствовать успеху этого восстания, тем более, что, по имеющимся у меня сведениям, крестьянские войска на западной границе утратили, благодаря пропаганде агентуры комитета Украинской народной республики, свой боевой дух. Успех намеченного массового крестьянского восстания приведет не только к падению комитета

и власти в России, а также к установлению демократического права, где отношение к Франции, Польше будет глубоко дружественным. Вместе с тем, подготавливая это восстание, комитет с возрастающим опасением отмечает успех германо-монархической деятельности в России и за границей. В Берлине существуют вполне явно организации русских монархистов, субсидируемые немцами. Члены этих организаций обрабатывают русских военнопленных, интернированных в Германии, и при поддержке определенных немецких кругов также разрабатывают планы военных действий. В этом плане предусмотрена экономическая помощь в товарах Германии и России. По имеющимся у меня последним сведениям, немецкие офицеры подготавливают восстание немецких колонистов в Херсонской и Екатеринославской губерниях и Крыму, агенты комитета напали на приверженцев немецкой организации в Гомельской губернии. Немецкая агентура «работает» в Красной армии, среди русских солдат бывшей русской армии, интернированных на территории Польской республики. Они стараются скомпрометировать деятельность комитета и этим самым подорвать единственную антибольшевистскую франко-польско-русскую организацию. Немецкая опасность велика. Успех германо-царистов будет означать не только падение коммунистического правительства, но также союз между монархической Россией и Германией и угрозу Польше, Франции и Европе.

Взявши на себя смелость обратить Ваше внимание на вышеуказанное, я хочу надеяться, что в эту критическую минуту, когда уже можно предвидеть в недалеком будущем конец коммунистической тирании, Франция не оставит без поддержки, во имя продолжительного мира, интересов ее союзницы – России и Польши, которая ей дорога, а также свои собственные интересы и русский комитет по эвакуации, который призван, я в этом не сомневаюсь, сыграть важную роль в ближайших революциях.

Примите и проч.

Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 303–306. Машинописная копия.

151

Специальный Бюллетень

Совершенно не подлежит оглашению.

16 марта 1921 г.

Из совершенно достоверного источника получены следующие сведения о русской политической ситуации в Варшаве:

Образованный Б.В. Савинковым Русский политический комитет в Варшаве в сентябре 1920 года проявлял усиленную деятельность. Кадры русских вооруженных сил, сформированные на территории Польши и подчиненные в политическом отношении Б.В. Савинкову, должны были выступить на фронт. Предстояла боевая деятельность или же на полях Белоруссии, или рядом с украинцами на Волыни и в Подолии. В связи с этим предстояло выяснение вопроса об отношении с Белорусским национальным комитетом и правительством Петлюры. Создалась обстановка, которая настоятельно требовала соглашения Б.В. Савинкова с этими двумя факторами. В отношении белоруссов вопрос был разрешен весьма просто. Б.В. Савинков при помощи батьки Балаховича нашел группу белорусских «деятелей», которые за обещанное содержание в несколько дней организовали Белорусский национальный комитет, объявивший себя «единственно правомочным правительством Белоруссии» и заявивший, что в деле освобождения Белоруссии от большевиков им было заключено соглашение с Русским политическим комитетом. Прийти к соглашению с Петлюрой было несколько труднее. Дело в том, что первоначальная группа политических деятелей, окружавшая Б.В. Савинкова, как то: Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, Б.Р. Гершельман и др., не высказывала особенного сочувствия украинскому самостийному движению или же обходила этот вопрос молчанием. Кроме того, в начале своей деятельности Б.В. Савинков определенно шел на соглашение и теснейший контакт с генералом Врангелем (посылка в Крым определенного монархиста Б.Р. Гершельмана). Все это, конечно, вызывало в петлюровских кругах недоверие к Комитету Савинкова. Между тем, возможность заключения польско-большевистского перемирия и, во всяком случае, ослабление боевой деятельности на фронте, а также заявление командующего армией Пермикина, что он согласен выступить на фронт только с целью продвижения на соединение с ген[ералом] Врангелем, ставило на очередь необходимость соглашения с Петлюрой.

Для этой роли весьма ощущалось отсутствие подходящих лиц, которые пользовались бы доверием в украинских кругах. В это время из Белграда приезжают Д.М. Одинец и В.В. Уляницкий. Одинец, как бывший министр при Центральной Раде, и Уляницкий, хотя и ничем не проявивший себя в политической деятельности, зато имеющий некоторые товарищеские связи с киевскими украинцами, оказались крупной находкой для комитета Савинкова. Немедленно же они были включены в состав членов комитета и им сразу же была поручена миссия по заключению соглашения с правительством Петлюры. После довольно продолжительных усилий соглашение состоялось. Комитет признал самостоятельность Украины, и армия ген[ерала] Пермикина получила возможность занять фронт рядом с украинской армией. В то же время Одинец был назначен комиссаром так называемой Южной квартиры, т.е. при армии ген[ерала] Пермикина. Желая подобрать штат

своих сотрудников, он выписал из Белграда группу деятелей, составлявших Белградский комитет союза возрождения России. Однако, комиссаром ему не удалось быть, т.к. не успела армия Пермикина выступить на фронт, как ей пришлось отступить под натиском большевиков и быть интернированной на польской территории. Впрочем, и в случае удачи навряд ли пришлось ему комиссарствовать, т.к. офицерство в армии, в большинстве своем кадровое, решительно воспротивилось назначению комиссара в армию, заявив, что в случае его появления он будет немедленно арестован.

В результате, с переходом обеих армий (Пермикина и Балаховича) на положение интернированных, Д.М. Одинец был назначен начальником управления по делам интернированных и в то же время председателем Варшавского комитета СВР¹, переименованного из Белградского. С этого момента начинается усиление влияния «возрожденцев», и особенно Одиноца, в комитете Савинкова. Честолюбивый и властолюбивый «профессор», как любит себя величать Одинец, старается во всем играть первую роль. Первым делом возрожденцев было удаление из комитета Савинкова умеренных элементов, как Б.Р. Гершельман, ген[ерал] Симанский, которых обвиняли в черносотенстве. Затем возрожденцы постепенно стали вытеснять прежних служащих и занимать их места. В результате редактором «Свободы» стал Португалов, начальником культурно-просветительского отдела – В.В. Ульяницкий, начальником штаба управления по делам интернированных – капитан Росселевич и др. Мало того, выясняется, что Д.М. Одинец стремится к более обширной власти над всеми русскими войсками в Польше, а именно к посту командующего этими войсками. Для большего удобства по управлению интернированными и для сохранения связи между РЭК и армиями учреждается военный совет из ген[ералов] Пермикина, Балаховича и Ярославцева и председателем его назначается Одинец. Фактически, дело сводится к тому, что Одинец, человек не военный, становится во главе военного совета. Среди старших офицеров и боевых командиров армии начинается ропот и недовольство. Узнав об этом, Д.М. Одинец отправляется в Торн, место интернирования армии ген[ерала] Пермикина, и отстраняет от командования ген[ерала] Пермикина и всех старших офицеров, не желавших подчиниться Одиноцу. Мало того, через Б.В. Савинкова он исхлопывает у польских властей распоряжение о переводе отстраненных высших офицеров в лагерь для интернированных и военнопленных Домбе, под Краковым ...

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 527. Л. 217–218. Машинописная копия.

¹ Союз возрождения России (СВР) располагался в Югославии. Д.М. Одинец был командирован из Сербии в Варшаву для налаживания связей с савинковицами.

Б. Савинков – генералу Нисселю

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

18 марта 1921 г. № 1433. Варшава.

Господину генералу Нисселю, главе
французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,

Я имею честь переслать для Вашего сведения копию моего письма
полковнику Медзинскому от 18-го сего месяца.

Примите и пр...

Б. Савинков.

Председатель Русского эвакуационного
комитета в Польше.

18 марта 1921 г. № 1420. Варшава.

Господину полковнику Медзинскому,
начальнику 2-го отдела штаба
военного министерства.

Господин полковник,

В дополнение к моему письму от 13-го сего месяца за №1395,
я имею честь просить Вас прекратить дело о заговоре, направлен-
ном против меня, и освободить лиц, подозреваемых в его орга-
низации, разрешив им покинуть Польшу.

Вы легко поймете, г-н полковник, причины, которые мне дик-
туют такое отношение. Прошлое заставляет меня терпеть людей,
прибегающих по причинам политического характера к террористи-
ческим актам. Особенно после того, как я сам был объектом этих
террористических актов.

Примите и пр...

Савинков.

Верно: *Васильев.*

**Б. Савинков –
маршалу Пилсудскому
и министру Домбровскому**

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

6 июня 1921 г. № 3299. Варшава.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,

Я имею честь направить Вам для сведения копию моих писем к маршалу Пилсудскому, главе польского государства, №№ 3162 и 3200 от 31 мая и от 1 июня текущего года, так же, как копию отчета №4 заседания съезда казацких делегатов, проходившего 29 мая 1921 года.

Примите ... и пр.

Б. Савинков

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

31 мая 1921 г. № 3162. Варшава.

Срочно. Совершенно секретно.

Господину маршалу Пилсудскому,
главе польского государства.

Господин глава государства!

Посылая Вам отчет начальника финансового отдела ликвидационной комиссии Русского эвакуационного комитета, я имею честь довести до Вашего сведения, что не может быть вопроса не только о моей поездке на север, как это я предполагал, но что ликвидационная комиссия Русского эвакуационного комитета должна будет, к несчастью, прекратить свою работу немедленно в ближайшие дни без выполнения обязательств, которые она взяла на себя, ввиду полного отсутствия финансовых ресурсов. Я разрешу себе обратиться к Вам с просьбой не оставить еще на этот раз дело польско-русского сближения, которому я имею честь служить около года, и прошу Вас принять и пр....

Б. Савинков.

Копию составлял нач[альник] отдела *Васильев.*

**Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.**

Отчет за май.

**Доклад о финансовом состоянии
ликвидационной комиссии**

На 1 мая 1921 г. ликвидационная комиссия Русского эвакуационного комитета имела в кассе сумму 2 648 955 польских марок наличными деньгами.

В то же время расходы, намеченные ей на май месяц исчислялись в 12 630 752 польских марок.

В течение мая месяца 4 899 938 марок были внесены для намеченных расходов и, кроме того, 1 303 300 марок – для различных непредвиденных расходов. 1 500 000 марок были получены от польского правительства в виде займа.

Таким образом, расходы за май месяц достигают 7 642 238 марок, иначе говоря, на 993 283 марки больше суммы, имеющейся в наличии на 1 мая.

Часть этого излишка расходов была выплачена прибылью, входящей в течение мая до 4 121 051 марки, и часть – путем займа денежных средств, сделанного комиссией у различных лиц и учреждений и достигающего 1 902 500 марок.

Финансовое положение к началу июня.

В настоящее время ликвидационная комиссия должна произвести в течение месяца следующие расходы:

1. Выплата за май 7 790 794.
2. Выплата займов 1 902 500.
3. Долги Северу (Петрограду) 6 000 000.
4. Расходы, намеченные на июнь 14 822 194 марки.

Всего: 29 822 194 марки.

Однако в кассе ликвидационной комиссии 31 мая 1921 года было только 1 029 126 марок. В действительности касса пуста.

Комитет существует уже почти год, но за все это время его финансовое положение не было таким тяжелым, как в настоящий момент.

Финансовые перспективы.

Между тем, сейчас существуют финансовые перспективы, дающие возможность выделить конкретные денежные средства в самый кратчайший срок, но осуществление этих перспектив настолько отсрочено, что всему делу грозит полная катастрофа ввиду невозможности комитета в настоящий момент вернуть средства в кассу.

Упомянутые выше перспективы предполагают следующее: в начале мая комитет ходатайствовал перед министром об оплате ценностей, приобретенных на личные средства комитета (частные), вновь захваченных у армий польскими властями. Комитет представил вышеупомянутому министру счет на сумму 17 000 000 польских марок. Эта просьба в принципе была удовлетворена, но до сего времени не был дан приказ о возмещении этой суммы.

Результат просьбы, представленной в министерство иностранных дел об ассигновании 10 000 000 марок для ликвидации дела, остается неизвестным до сего времени.

Однако 27 000 000 могли бы быть достаточными для покрытия расходов июня месяца.

Буланов.

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

1 июня 1921 г. № 3200. Варшава.

Господину маршалу Пилсудскому,
главе польского государства.

Господин глава государства!

Передавая Вам на рассмотрение отчет под № 5 заседания съезда казачьих делегатов, происходившего 30 мая в лагере остров Ломжинский и копию письма (№ 2963) господину министру, я имею честь Вас просить благожелательно рассмотреть ходатайства казачьих частей, находящихся в настоящее время за колючей проволокой и просящих о том, чтобы их приняли в пограничные войска. Этим, прежде всего, будет значительно облегчена задача польской государственной казны, которая тратит большие суммы на содержание офицеров и казаков, обреченных на бездействие ввиду заключения в лагеря.

Во-вторых, это позволило бы офицерам и казакам отблагодарить польский народ и его благородного главу государства за их гостеприимство, верно служа им.

В-третьих, это укрепит их военную честь, потому что верхом и с оружием в руках они не чувствовали бы себя интернированными и наполовину лишенными свободы, а членами дружественного и братского по крови народа.

В-четвертых, это позволило бы разбитым сердцам надеяться, что в случае коренного изменения в советской России казачьи части, хорошо дисциплинированные, смогли бы возвратиться на свою родину и способствовать там укреплению равенства, триумфу свободы и установлению демократического режима на свободных казачьих землях.

Я осмелюсь надеяться, господин глава государства, что Вы сами, кому так близка скорбь и несчастье русского народа, захотите дать положительный ответ казакам, с таким нетерпением ждущим Вашего решения.

Примите и пр...

Савинков.

Я имею честь присоединиться к изложенной просьбе. *Гнилорыбов*, командир казачьих частей, интернированных в Польше.

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

8 июня 1921 г. № 2963. Варшава.

Господину министру Домбровскому.

Господин министр!

Я имею честь вручить Вам следующие замечания о проекте разрешения интернированным казакам служить в польской армии в качестве пограничной стражи.

В настоящий момент в Польше находится около 3000 интернированных казаков с Дона, Кубани, Урала, Терека, размещенных в лагерях при острове Ломжинском и Ройани. Их использовали для формирования дивизии, состоящей из 2-х бригад, одного арtpолка (2 батареи) и одного специального полка из донских и астраханских казаков. В эту группу должны влиться также, как и все остальные, казаки капитана Яковлева, число которых достигает 900. Таким образом, численность личного состава дивизии достигает 4 500 сабель.

Ясно, что очень желательно для казаков добровольно поступить на службу в польскую армию, но при следующих условиях:

1. Что в случае войны между Польшей и соседними государствами казацкие части будут обязаны сражаться только с большевиками и Германией.

2. Что в случае коренного изменения в России казацкие части имеют право возвратиться к себе на родину с лошадьми, вооружением при необходимой помощи польских властей.

3. Признавая, что для государственной пользы главное командование этих частей должно быть польским, т.е. что командир дивизии и командиры бригад должны быть назначены польским военным министром, офицеры штабов, командиры полков, батарей должны быть обязательно из казачьих офицеров.

4. При командире дивизии (лично в лице полковника Михаила Гнилорыбова, стоящего сейчас во главе администрации казацких частей) должна быть создана специальная должность посредника при польских властях. Только с согласия этого представителя офицеры-казаки могут быть назначены на командные посты.

Эти меры диктуются политическими условиями и соображениями, вызванными необходимостью, как только их осуществление может обеспечить порядок и покой в казачьих частях, принимая во внимание особенности казачьей жизни и тот факт, что польские круги знают относительно мало казачьих офицеров, занимающих командные посты.

5. Если создадут пограничный корпус с казачьими частями, было бы наиболее желательно направить его на границы Чехословакии, Венгрии, Румынии, а не на германскую границу, т.к. в этом случае германские агенты быстро зашевелятся и не замедлят, благодаря поддержке офицеров-германофилов, начать разрушительную работу.

Размещение казачьего корпуса на южных и восточных границах польского государства, наоборот, увеличило бы численность его личного состава, т.к., как только новость о формировании его распространится в Сербии и Болгарии, численность его сразу же возрастет за счет пополнения потока, который направится к нему из Сербии и Болгарии.

6. Чтобы быть уверенным в том, что германофильские и реакционные элементы кадрового офицерского состава не повлияют на части, надо лишить права войти в пограничные войска всех офицеров, которых наметит полковник Гнилорыбов.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 269–277. Машинописная копия.

154

Доклад о деятельности Б. Савинкова, составленный английской разведкой

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

13 июня 1921 г. № 3390. Варшава.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,

Я имею честь переслать Вам копию секретного доклада, представленного британским агентом в начале мая в Форейн Офис, попавшего случайно в мои руки. Этот доклад содержит неточности и даже ошибки, однако он мне кажется интересным как доказательство внимания, уделяемого британскими агентами делу, которому я служу.

Примите... *Б. Савинков.*

Россия

Деятельность Бориса Савинкова

После поражения, вызвавшего отставку Балаховича в конце декабря 1920 г., Савинков вернулся в Варшаву, где он столкнулся с непреодолимыми трудностями. Его армия была разбита, а остатки ее, около 20 тысяч человек, были интернированы в польские лагеря.

Мир, который подготавливался между Польшей и Россией, угрожал лишить его, как и его сотрудников, убежища и базы для будущих действий. Русские и разные политические движения ругали и нападали на него за связь с поляками. Его генералы интриговали и действовали против него.

И чтобы сказать обо всем, нужно упомянуть, что его касса была пуста.

Вопреки всему, с необычайной верой в дело, которому он служит, и в себя самого, с этим нечеловеческим упорством, которое характеризует его, Савинков начал создавать из остатков своей армии новую политическую армию. Политические условия (близкий мир с большевиками, нейтралитет Польши и атаки, направленные против Пилсудского политическими польскими партиями, как левыми, так и правыми, за его дружбу с Савинковым и поддержку, оказанную последнему) требовали изменения названия «Русский политический комитет» в «Эвакуационный комитет», что и было сделано в декабре 1920 г.

Первая важная задача состояла в том, чтобы организовать жизнь интернированной армии. Именно благодаря личной дружбе Пилсудского с Савинковым 20 000 человек, оставшихся от войск Балаховича и Пермикина, добились более или менее нормальных условий. Они были размещены в лучших польских лагерях, и им был дан такой же паек, как и польским войскам.

Вторая задача состояла в борьбе с вредным влиянием, которое наблюдалось в лагерях и которое могло привести к полному разложению.

Там находился чисто преступный элемент – бандиты, жулики, «погромщики», также бывшие красные солдаты, которые под влиянием поражения и плохого обращения со стороны офицеров снова попали под влияние большевиков, и, наконец, худшие из элементов, возможно, составленные из реакционных офицеров, принадлежавших в большинстве своем к армии Пермикина, которые разлагали интернированных, прибегая к строгим дисциплинарным мерам.

Процесс «филтрации», предпринятый Савинковым, был настолько основательным, что в конце 3-х месяцев число интернированных, прямо зависящих от него, было уменьшено до 10 000, т.е. наполовину.

Остальные были переведены в менее удобные лагеря и переданы целиком в ведение польских военных властей.

Меры, принятые против нежелательных офицеров, были строгие и, по утверждению Савинкова, офицерский состав очищен сегодня от всех вредных элементов. Меры, принятые Савинковым, были таковы, что в настоящий момент вся военная администрация находится в руках не военного, а гражданского лица, г-на Одинца, который, как кажется, с успехом справляется со своей задачей.

Генерал Балахович был мало проницателен, чтобы интриговать с «ирридентами» белоруссов для провозглашения белорусской республики, главой которой он должен быть. Эти интриги вызвали недоверие по отношению к нему со стороны польского правительства, в результате он был вынужден, по настоянию Савинкова, отказаться от своего командного поста и порвать связь с русским эвакуационным комитетом.

Балахович до настоящего времени находится в Варшаве. В настоящий момент он болен. Генерал Пермикин, командующий 3-й армией, которая всецело была подчинена генералу Врангелю и которая никогда не признавала власть Савинкова, была полностью зависима от него и его штаба.

Необходимо сказать несколько слов о покушении на жизнь Савинкова, в котором был замешан генерал Пермикин. Этот случай вызвал большую сенсацию и был ложно освещен в различных газетах, особенно в «Таймс».

Несомненно то, что убийство Савинкова было решено, и что лейтенант Василикин и сержант Утвенко должны были совершить убийство. Но, попав в общество Савинкова, у них не хватило смелости привести в исполнение это решение.

Польские власти, базируясь на своей собственной информации, а не на информации русского эвакуационного комитета, задержали офицеров, которые сообщили, что зачинщики этого заговора были их руководители: генерал Пермикин и полковник Муравьев-Амурский.

Без уведомления об этом Савинкова эти последние, в свою очередь, были арестованы поляками.

Савинков немедленно написал во 2-й отдел польского штаба, ходатайствуя, чтобы арестованные офицеры были освобождены и смогли спокойно покинуть Польшу.

В этом письме, адресованном начальнику 2-го отдела, Савинков употребил эту характерную фразу: «мое прошлое обязывает меня терпеливо относиться ко всем людям, прибегающим по политическим соображениям к террористическим актам, больше того, когда я сам являюсь объектом террористических замыслов».

Следствием этого письма было то, что генерал Пермикин и граф Амурский были выпущены на свободу.

То, что изложено выше, свидетельствует, что все обвинения, собранные против Савинкова об этом инциденте и которые утверждают, что здесь просто провокация с его стороны, были полностью и до основания опровергнуты.

В настоящий момент численный состав армии 10 720 офицеров и солдат.

В пехотных частях	3 970,
артиллерийских	1 361,
кавалерийских	5 002,
инженерных	387.
Всего:	10 720.

Командующий армией – полковник Матвеев, который раньше стоял во главе 1-й бригады армии Балаховича. 2-й командный – занят полковником Балаховичем, братом генерала. Армия теперь известна под названием русской национальной армии.

Процесс фильтрации продолжается все время среди интернированных войск, и Савинков заявляет, что он бы сократил с удовольствием численность в этих войсках до 5000 офицеров и солдат абсолютно надежных.

Переговоры ведутся между польским правительством и Москвой по вопросу возвращения на свою родину русских военнопленных. Савинкову удалось добиться, чтобы его войска или часть из них, в которых он уверен, были превращены в маленькие отряды, занимающиеся лесными работами, и находились бы на белорусской границе.

В этом он следует примеру Энвельгрена, который добился, таким образом, от 3 до 6 000 человек, готовых принять участие по первому сигналу в военных операциях.

2-я важная задача, которую себе поставил Савинков – поддержать и вызвать антибольшевистское движение в России, принимая во внимание новые отношения между Польшей и советским правительством. Отправка Балаховича, успех которого основывается на том факте, что его войска должны взять на себя руководство крестьянскими восстаниями – [ранее] оставили после себя след в форме ячеек «зеленых», разбросанных вдоль русско-польской границы. Было необходимо сохранить любой ценой связь с ними, принимая во внимание роль, которую они могут играть в будущих операциях.

Ввиду этого Савинков создал и организовал «Национальный союз защиты и свободы родины», подробности о котором изложены в I и II дополнениях.

Программа союза была уточнена в резолюции, принятой на собрании местного комитета Гомельского округа и комитета 9-й бригады большевистского отряда под названием «ВНУС» и предназначенного для внутренней службы.

Упомянутая бригада взбунтовала в момент восстаний и соединилась с «зелеными» (см. дополнение III).

Савинков очень изменился с момента отъезда из Парижа. Прошел год с тех пор, когда была возможность войти в контакт с настоящей Россией.

В настоящее время его политическая идеология следующая:

1) Всякая попытка свергнуть большевиков при помощи иностранной военной силы обречена на неудачу.

2) Всякая попытка свергнуть большевиков организацией, проникнутой идеей старого режима, обречена на неудачу.

3) Только широкое повстанческое движение, возглавляемое на местах людьми, которые умеют понять новое настроение крестьян, может положить конец большевистскому превосходству в России.

Чтобы подготовить и осуществить подобное движение необходимо:

1) Принять политическую программу, базирующуюся на понятии интересов и психологии крестьянского населения России.

2) Установить связь между различными партизанскими группами, «зелеными», крестьянскими организациями, секретными революционными кружками, красными частями недовольных большевиками и иметь в своем распоряжении маленькую, но однородную вооруженную силу, которая в необходимый момент могла бы управлять операциями восставших.

Если принять во внимание, что больше 90% всего населения России состоит из крестьян, запросы последних должны служить базой всей политической рациональной программы.

Итак, крестьяне хотят:

Во-первых, земли, т.е. уничтожения крупных помещиков и раздела земли между крестьянами.

Во-вторых, мира, т.е. в первую очередь демобилизация, а затем мирная жизнь с соседними народами.

В третьих, свободы, т.е. созыва учредительного собрания на базе общего, прямого тайного голосования с целью установления формы правления.

Основные идеи программы следующие:

частное владение – вместо коммуны,

мир – вместо войны,

свобода – вместо рабства.

Между тем, эта программа признает все то, что в большевистской политике отвечает воле народа. Поэтому должны быть ликвидированы все кастовые привилегии и должна быть устранена всякая возможность соглашения с антибольшевистскими партиями, которые борются за установление подобных привилегий. Нужно признать, что «Советы», кажется, удовлетворили это требование.

Они появились как практическое проявление желания крестьян устроить самим свои дела, и нужно будет считаться с их потребностями.

«Национальный союз», руководимый Виктором Савинковым, братом Бориса Савинкова, находящегося в настоящее время в Варшаве,

имеет активные связи в 9 западных губерниях (Петроградской, Новгородской, Псковской, Витебской, Смоленской, Могилевской, Минской, Волынской, Киевской), находится в связи с многими революционными крестьянскими ячейками Красной армии.

На белорусских и украинских границах были созданы «пункты», чтобы там собирать оружие...

Деятельность «Национального союза» простирается до Финляндии, Эстонии и Латвии, где ею руководил полковник Энвельгрэн. Тайный съезд представителей различных организаций указанных выше районов состоялся в Варшаве в январе этого года.

На основе собранных сведений различными делегатами, из которых некоторые прибыли с Кубани и Дона, было постановлено, что крестьянские восстания не могут не вылиться в «массовое» этим летом.

Информационные бюро «Национального союза» издало и распространило в большом количестве пропагандистскую литературу. Язык прост и ясен, специально для крестьян и солдат Красной армии. Было издано более 3 000 000 и более $\frac{2}{3}$, из них уже распределено.

Было решено созвать крестьянский съезд из представителей упомянутых повстанческих центров, но место, где должен состояться съезд, еще точно не установлено. Добавление к § IV содержит перевод письма, полученного Савинковым от крестьян различных местностей и губерний: Витебска, Минска, Пинска. Оно написано в крестьянском стиле и характеризует психологию крестьян.

Среди русских антибольшевистских начальников Савинков был первым, который признал право на самоопределение народов, отделенных от русской старой империи, и который защищал признание их независимости. Широта политических взглядов является ярким доказательством способности Савинкова суметь оценить «политическую обстановку».

Савинков понял, что желание народов освободиться от большевистских оков было фактом, который нужно было использовать для борьбы с большевиками. И не надо допускать, чтобы крик о «России единой и неделимой», который был роковым для других антибольшевистских начальников, уничтожил настоящую цену этого факта. Вот почему он старается установить возможно лучшие отношения с Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей, Украиной в лице Петлюры, Доном, Кубанью.

Хотя все и, особенно, те из них, независимость которых была уже признана, видят в Савинкове только относительно небольшой фактор русской политики, они все поняли, какой важностью было бы для них упрочить их отношения с будущей Россией, приобретая расположение антибольшевистского вождя.

Особенно этого добивается Польша. Неизменно дружественные отношения Пилсудского к Савинкову не могут быть объяснены исключительно симпатиями Пилсудского к старому товарищу по несчастью.

Нужно в этом видеть гораздо более глубокий политический смысл. Пилсудский лучше, чем кто-либо другой, понимает, что большевистская власть недолговечна, и признание Савинковым Рижского договора ему кажется залогом, имеющим большое моральное значение и могущим повлиять на будущие отношения между Польшей и новой Россией.

Эта дальновидная политика была одобрена многими польскими деятелями, также предстоятелем Витосом и князем Сапегой.

Доказательством того, что помощь Пилсудского, оказанная Савинкову, совсем не носит чисто платонический характер, является то, что даже после поражения, вызвавшего отставку Балаховича, продолжала оказываться материальная помощь.

Однако, после поражения армия Балаховича перестала быть военной силой, могущей быть использованной в случае, если большевистские войска атакуют Польшу второй раз.

Отношение Савинкова к заключению мирного договора между поляками и большевиками, так же как и к Рижскому договору, может быть охарактеризовано некоторыми строками из его переписки с князем Сапегой. В своем письме от 16 октября 1920 г. он пишет:

«Польское правительство заключило мир. Мир – это хорошее дело. Я поздравляю Польшу с заключением мирного договора. Польша сражалась не только против России, но также против большевиков.

Глава государства и совет обороны торжественно об этом сообщили.

Если Польша и заключила мирный договор, то только с большевиками, ни в коем случае, конечно, этот договор не может определить отношения между Польшей и возрожденной Россией».

Каким путем могут быть стерты окончательно старые разногласия между Польшей и Россией?

Я вижу только один способ. Россия должна отказаться от границ 1914 г., Польша – от границ 1772 г.

В меморандуме, представленном польскому правительству 22 января 1921 г. Савинков заявляет, что он прекрасно понимает причины, которые вынудили Польшу заключить мир с большевиками, что, принимая это во внимание, он не считает возможным выступить против Рижского договора. Он добавляет, что он видит выход разрешения всех этих разногласий между Польшей и возрожденной Россией в отторжении всех аннексированных польских исторических земель, находящихся за пределами этнографической Польши и в предоставлении права на самоопределение этих территорий.

В своем письме к князю Сапеге от 8 апреля 1921 г. Савинков подтверждает еще раз все то, что изложено в вышеупомянутом меморандуме, и поздравляет польское правительство с подписанием рижского договора как с событием, отвечающим необходимости польского государства.

Из всего вышеизложенного ясно, что отношение Савинкова к Польше носит независимый характер, полный достоинства, и что все обвинения русских reactionеров, доказывающих, что Савинков продал Россию полякам и что он стал наемником на польском жаловании, лишены основания. Политика Пилсудского по отношению к Савинкову распространяется и на Петлюру. Пилсудский продолжает поддерживать последнего вопреки ожесточенным сопротивлениям со стороны некоторых политических партий, и Пилсудский и Савинков продолжают видеть в Петлюре единственного ценного политика в украинской политике.

Большевики протестуют против пребывания Савинкова и Петлюры на польской территории, и от левых польских кругов не ускользнул удобный случай, чтобы настоять на удалении их из Польши.

Несмотря на это Савинков убежден, что Пилсудский не откажется от своего решения поддержать его так же, как Петлюру. Политика Савинкова, стремящаяся к союзу со всякими антибольшевистскими течениями, базирующаяся на настоящей народной силе, привела к заключению соглашения с Михаилом Гнилорыбовым, председателем «Круга», или общества донских казаков, и с представителями Ингерманландии.

Он находится на той точке зрения, что нужно подписать соглашение с кубанскими представителями. В этих соглашениях признается право на независимость этих территорий и изложен проект организации союза против большевиков.

Есть еще одна черта, которая отличает деятельность Савинкова от деятельности других антибольшевистских вождей. Он наиболее экономный, и все расходы Савинкова велись под строгим контролем. Это – единственная антибольшевистская [организация], могущая представить точный отчет: с начала – до конца (с 1.06.1920 до 1.04.1921 г.) Савинков получил от польского правительства, не считая вооружения и снаряжения, около 290 000 000 польских марок, что составляет около 100 000 фунтов. Это – вся сумма этих финансовых ресурсов, не включая туда 25 000 франков, которые он получил от частных лиц.

С помощью этой суммы Савинков сумел создать 25 000 армию, которую он поддерживал во время отправки и интернирования, основать важную политическую организацию «Национальный союз» с сотнями агентов, издавать больше 3 миллионов экземпляров пропагандистской литературы, сумел выпустить ежедневную газету тиражом 9000 экземпляров и иметь представителей во многих важных центрах. 94,2% указанной суммы было использовано для поддержки армии и антибольшевистской деятельности и около 5,82% для административных нужд. Нужно отметить, что Савинков, который был лишен личных ресурсов, получал все это время месячное жалование в размере 40 000 польских марок (14 фунтов), которые должны были покрыть в то же время расходы на представительство.

Польское правительство объявило Савинкову, что оно не будет в состоянии с 1 июня ему дать новых субсидий. Принимая во внимание, что его минимальный месячный бюджет достигает 12 000 000 польских марок – около 4 000 фунтов. Будущее ему показалось в более темных красках, несмотря на это он не признает себя побежденным и спустя 2 недели он отправился в Париж, чтобы добиться финансовой помощи, хотя бы скромной, от французского правительства. Он был очень хорошо принят в министерстве иностранных дел, но он не мог добиться ничего большего, как только выражения симпатии. Французский штаб был более щедр и обещал добиться для него 6 000 000 польских марок в месяц (2 000 фунтов) в течение этих месяцев; сумма относительно незначительная, но которая ему позволила еще существовать после того, как польское правительство перестало его снабжать деньга-ми, – была передана в его распоряжение его личными друзьями.

В настоящий момент Савинков возвратился в Варшаву с твердым намерением продолжить свою работу и с убеждением, что он, его организация и небольшая вооруженная сила возьмут на себя организацию и руководство этой непобедимой силой, силой, которая разбушует в течение этого года и поднимет крестьян всей России.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 254–264. Машинописная копия.

155

Протокол решений съезда «Союза защиты и свободы Родины»

**Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.**

25 июня 1921 г. № 3576. Варшава.

**Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.**

Господин генерал,

Я имею честь переслать Вам для сведения перевод протокола решений, принятых съездом «Союза защиты и свободы Родины»¹.

Примите и пр. *Савинков.*

Национальный союз защиты и свободы Родины

Первый съезд «Национального союза защиты и свободы Родины», прослушав отчет одного из членов своего всероссийского комитета об отношении к союзникам и принимая во внимание, что:

1. Германия виновата в том, что новая демократическая Россия не была создана после Февральской революции и во внедрении большевизма с его губительными последствиями в нашей стране.

2. Россия была всегда для Германии предметом эксплуатации, а не государством, способным быть членом семьи европейских народов.

3. Россия интересуется Германию только своими колоссальными природными богатствами, и национальная культура 150-миллионного населения была отдана германской политикой с помощью русских предателей на растерзание политическим авантюристам и международным палачам.

4. Германия непосредственно заинтересована превратить Россию в обширное поле, предназначенное для эксплуатации масс, не способных сопротивляться.

5. Германия поддерживает тех русских граждан, которые раньше пользовались особым покровительством старого режима, и которые, забыв обо всех преступлениях Германии, преступлениях, совершенных по отношению к нашей Родине, снова стремятся с помощью Германии, в интересах их класса, восстановить самодержавный режим в России.

6. Национальный союз защиты и свободы Родины принял непоколебимый принцип самоопределения инородцев бывшей русской империи и понял свои отношения с вновь образованными государствами, основанные на близком сотрудничестве на базе свободного союза. Интересы России и Германии совершенно различны.

7. Отношение Франции к России чисто дружеское.

8. Польша оказала в самый трудный момент своего восстановления братскую помощь в форме гостеприимства русским политическим эмигрантам.

9. Даже этнографическое положение Франции и характер ее промышленности являются залогом отсутствия каких-либо тенденций, имеющих целью эксплуатацию России со стороны Франции.

10. Экономическая жизнь Польши и России тесно связана между собой.

11. Только связь между Францией и Польшей и демократически возрождающейся Россией может обеспечить в Европе постоянный мир.

12. Союз защиты и свободы Родины считает прежних союзников дружественными государствами России.

Приняты следующие решения:

Развернуть активность Национального союза защиты и свободы Родины в тесном контакте с прежними союзниками, и особенно с Францией.

Решение членов Национального союза защиты и свободы Родины об отношении Союза к русским эмигрантам.

Преступный государственный коммунистический переворот в Октябре [1917 г.] погрузил Россию в гражданскую войну. Гражданская война, вспыхнувшая на юге, западе, севере и востоке России, выбросила тысячи русских жителей за пределы России и разбросала их по всему земному шару. Так появились русские эмигранты различных политических группировок. Оторванные от своей Родины, без убежища, в большинстве своем бесправные, эмигранты страдают от несчастий нашей Родины.

Одна часть из них хочет видеть новую россию сильную и счастливую, живущую в мире со своими соседями, так как эта часть инстинктивно чувствует, что не может быть возврата к старой царской России. Но между тем, не поняв еще новых путей, открывшихся перед Россией, эта группа действует на ощупь, ища выход для себя и для Родины. Другая часть эмигрантов – бывшие служители царизма, видящие в царской России единственный залог собственного благополучия. Эти последние хотят видеть Россию «единую и неделимую», стремятся к установлению в России самодержавия, хотят осчастливить Россию, русских, так же как и инородцев, возвращением старого режима.

Учитывая все это, союз постановил:

1. Что возвращение к старой царской России невозможно.
2. Что все завоевания революции должны быть сохранены, не исключая и тех народов, которые входили и в старую русскую империю.
3. Что будущее России должно базироваться на мирном сотрудничестве русского народа со своими соседями.

Национальный союз защиты и свободы Родины, борющийся без устали за создание третьей новой России, решительно отвергая всякое сотрудничество с реакционными русскими эмигрантами, призывает русских эмигрантов сгруппироваться вокруг национального союза для окончательной борьбы русского народа с реакцией черной, красной во имя новой третьей России.

Постановление съезда Национального союза защиты и свободы Родины об отношении к генералу Врангелю

Прошедшие годы ясно показали, что борьба против коммунистов, возглавляемая генералами Колчаком, Деникиным, Юденичем, Врангелем носила реакционный характер и вела к установлению полицейского режима и привилегий помещиков, угрожая завоеваниям Великой русской революции и не имея поддержки со стороны крестьян, рабочих и интеллигенции.

Военная диктатура генералов, несущая рабочим массам, работающим среди хаоса и насилия красных, цепи старого режима, была отвергнута этими массами, так же, как в марте 1917 года ими был свергнут царизм.

Борьба против коммунистического господства под флагом военной диктатуры окончательно закончилась. Но еще далеко от окончания самой борьбы. Трудящиеся массы хотят, чтобы господство комиссаров было заменено властью, выражающей волю народа.

Считая волю народа священной, Национальный союз защиты и свободы Родины отказывается от всякого соглашения с Врангелем, бывшим, настоящим, будущим и считает, что борьба с комиссарами не может прийти к созданию единой антибольшевистской армии и единого внешнего фронта, а должна вестись самим вооруженным народом и только от имени третьей России, создаваемой на базе прочного сотрудничества народов и иностранных государств старой русской империи.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 98-102. Машинописная копия.

¹ Так в тексте документа.

156

Из приказа № 30 по казачьим частям, находящимся в Польше

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

29 июня 1921 г. № 3614. Варшава.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,
Я имею честь переслать Вам для сведения выдержку из приказа № 30 администрации казачьих частей, находящихся в Польше.

Примите и пр.

Савинков.

Выписка из приказа № 30 администрации казачьих частей, находящихся в Польше

27 июня 1921 г. Варшава.

§1

Военные из казачьих частей, располагающие сведениями относительно германофильской работы некоторых офицеров и казаков,

были приглашены в суд для опроса (согласно протокола чрезвычайного съезда казачьих делегатов от 22 июня. Параграф «Ж»).

§2

Капитан Аксенов и лейтенант Левченко, члены съезда казачьих делегатов, назначены членами судебной комиссии, которая должна проверить сведения о германофильской работе некоторых офицеров и казаков согласно протокола чрезвычайного съезда казачьих делегатов от 22 июня. Параграф «Ж».

Полковник Гнилорыбов,
начальник казачьих отрядов.

Капитан Дмитриев,
замещающий начальника штаба.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 103–104. Машинописная копия.

157

Из протокола внеочередного съезда казачьих делегатов

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

28 июня 1921 г. № 3604. Варшава.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,
Я имею честь переслать Вам для сведения выдержку из протокола внеочередного заседания от 22 июня съезда казачьих делегатов.

Примите и пр. *Савинков.*

Выписка из протокола № 2
внеочередного заседания съезда казачьих делегатов, происходившего 22 июня с.г. под председательством капитана Ульянова в присутствии капитана Фролова, заместителя председателя, лейтенантов Ситникова и Кравченкова, секретарей и в присутствии 38 делегатов.

Отчет комиссии о решении, принятом казачьими частями в отношении германофильских элементов.

Прослушав отчет комиссии, съезд принял следующее решение.

Приняв во внимание, что русские группировки в Берлине ясно показали монархические тенденции, враждебные желаниям русско-

го народа, что с поддержкой Германии эти группировки приведут к установлению в странах, созданных на территории старой русской империи, германского ига вместо коммунистического, что вся эта германофильская деятельность некоторых офицеров казачьих частей находится в противоречии с интересами казачьей демократии, возбуждая, кроме того, недоверие ко всем казакам со стороны польского народа, съезд постановил:

Необходимо удалить из частей германофильские элементы, для чего командующий казачьими частями уполномочен издать приказ, по которому предлагается всему младшему комсоставу казачьих частей, у которых имеются какие-либо информации о германофильской деятельности офицеров и солдат, передать их судебной комиссии, откомандировав в эту комиссию двух делегатов съезда, целью которых будет проверить полученные информации.

Командир казачьих частей уполномочен также ходатайствовать перед польскими властями об устранении из казачьей среды лиц, которые взяты на учет II-м отделом, и о которых даны сведения об их германофильской деятельности, ставя предварительно в известность командира казачьих частей.

Верно: начальник канцелярии *Васильев*.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 105–107. Машинописная копия.

158

Донесение о деятельности эсеров

Секретно

Председатель ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Польше.

9 июля 1921 г. № 34/А. Варшава.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.
19.07.1921.

Господин генерал!

Я имею честь отправить Вам для сведения копию донесения об активности эсеровских групп на севере.

Примите и пр. *Б. Савинков*.

Сведения о деятельности эсеровской группы на севере

Эсеровская группа издает газету «За народное дело», но эта газета перестала существовать: типография отказалась печатать эту газету ввиду долга в 500 000 эстонских марок, которые редакция газеты еще не выплатила типографии.

Кроме выпуска этой газеты деятельность группы перед кронштадтскими событиями была очень незначительной и почти незаметной.

События в Кронштадте и, особенно, приезд в Ревель лидера этой группы Чернова оживили деятельность эсеров на севере. Кроме ежедневной газеты группа начала издавать (один раз в неделю) листок «Революционная Россия». Семь номеров уже вышло. Начали также печатать различного вида прокламации и пропагандистские листовки, как, например: «Что дали большевики народу», «Как крестьяне черноморского побережья боролись за свою свободу», «Мирской приговор», и т. д., издают еженедельную газету «Революционная Россия», и все эти листки распространяются в России. В настоящий момент отправляют эту литературу, шесть пудов ежемесячно, через эстонскую границу в район Пскова. Имеются приемные пункты, организованные со стороны России, куда привозят эту литературу из Эстонии раз в неделю.

Старались даже организовать отправку литературы через финляндскую границу, но только небольшое количество литературы удалось отправить во время событий в Кронштадте.

В настоящее время эту попытку пришлось оставить: перевозка из Эстонии в Финляндию слишком трудна, часть литературы, которая направлялась в район Пскова, адресована центральному комитету группы эсеров в Москве, другая распространилась на заводах Петрограда в районах, близких к эстонской границе. Ее вручали также всем тем, кто возвращался в советскую Россию, особенно солдатам, бывшим военнопленным в Германии. Полагают расширить пропагандистскую деятельность и распространить литературу. Центральный комитет эсеров в Москве уполномочил представителя, который организывает в настоящее время секретные приемные пункты в Пскове и, особенно, в Петрограде. Близость финляндской границы заставляет думать о необходимости перевозки любой литературы в Петроград через финляндскую границу, но это только проект будущего; эсеры не могут до сих пор добиться разрешения отправить большое

количество литературы из Эстонии в Финляндию. Особенно трудно получить это разрешение для деятельности в пограничном районе Финляндии.

Другая причина, которая затрудняет деятельность эсеров, – полное отсутствие денег. Касса группы эсеров пуста, и все их проекты поэтому – только чистая теория. Они уже давно ждут денег из Праги, но когда получают их, никто не знает.

Деятельность группы в военном отношении, как в наступлении, так и в обороне, представляется следующим образом. Во главе стоит, как специалист, полковник штаба Махин, которого вызвали из Праги, и который приехал недавно в Ревель. Выработали много военных проектов, имеющих целью организовать общее восстание против Советов, но все эти проекты пока еще только на бумаге. Составили также различные инструкции для сотрудников группы, занимающихся вопросами наступления и обороны. Эти инструкции очень обширны и делятся на две части: первая содержит военные сведения, другая – все остальное. Члены группы ездили много раз в Петроград для разрешения этих вопросов, но они почти не достигли никаких результатов. Военные проекты эсеров отличаются своей обширностью, предполагают, между прочим, послать членов группы во все большие деревни, чтобы организовать повсюду военные отряды, но ввиду отсутствия денег этот проект пока оставлен, т.к. у эсеров нет ни одного военного отряда (батальона, роты и т.д.), ни оружия.

Чернов был в контакте с центром эсеров в Москве с помощью курьеров эстонской миссии. Пытались также послать пропагандистскую литературу с этими курьерами. Организатор этого контакта и лицо, к которому направляется вся корреспонденция, был чиновник эстонской миссии в Москве эстонец Леллеп. Однако, обнаружили, что ни одно письмо не дошло по назначению, пока не было прочитано большевиками. Три последних письма Чернова были напечатаны большевиками в советских газетах в Москве. Из этих писем большевики узнали о всех проектах и делах эсеров. Чернов там говорил о своих постановлениях, о центрах эсеров в Праге и в Париже и о проектах этих последних. Деятельность группы, которая была до настоящего времени секретной, была раскрыта большевиками благодаря этой переписке. Все это вызвало волнение и недовольство против Чернова со стороны членов группы эсеров, живущих в Эстонии и России.

Больше того, в этих письмах Чернов допускает оскорбительные вещи по отношению к известным лидерам эсеров, как, например, Керенскому, Зензинову, что может вызвать много недоразумений между эсерами. Все это ослабило группу и может привести к ее полному распаду.

Представители группы в Финляндии, профессор Брушевский и некий Дредшейдер, – они занимаются исключительно пропагандой

среди беженцев из Кронштадта, интернированных в лагеря Финляндии. Для распространения литературы группа послала из Эстонии в Финляндию некоего Энсилда, проживающего в настоящее время в Кексгольме, Финляндия.

Гельсингфорс, 10 июня 1921 г.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 249–252. Машинописная копия.

159

Договор

между Комитетом повстанческих отрядов Северного Кавказа и Совета крестьянских, казачьих и городских депутатов в лице их представителей полковника А.С. Нелидова и полковника Н.В. Воронович, председателя Главного штаба народного ополчения и председателя Черноморской крестьянской делегации, с одной стороны, и Всероссийским центральным комитетом народного союза защиты родины и свободы в лице его председателя Б.В. Савинкова, с другой:

1. Освобожденные от большевиков и находящиеся в период освобождения путем постоянных, непрекращающихся местных восстаний различные области бывшей Российской империи естественно представляют собой цепь, которая смыкается вокруг еще остающейся под властью большевиков России.

2. В целях координации антибольшевистской борьбы необходимо, чтобы все звенья этой цепи, представляющие собой не царскую, не большевистскую, а демократическую крестьянскую Россию, являли собой не только географически связанную полосу территории, но и объединенный общими политическими интересами союз народов, основанный на свободном договорном соглашении. Поэтому ВЦК СЗРиС и Комитет повстанцев Северного Кавказа совместно с Советом крестьянских, казачьих и городских депутатов ввиду общности лозунгов, методов действий и основной цели взаимно признают друг друга союзными сторонами.

3. Обе вошедшие в союзные отношения стороны, не имея в настоящий момент возможности оказывать друг другу материальную помощь оружием, людьми, финансами и т.д. как ввиду дальности расстояния, так и по многим другим чисто внешним причинам, обязуются, тем не менее, взаимно

а) координировать имеющие открыться военные действия против большевиков путем установления приблизительного срока восстания;

б) организовывать постоянную связь между собой и взаимную информацию;

в) установить постоянный обмен агитационной литературой, распространяя, каждая сторона в районе своих действий, то, что считается другой стороной необходимым;

г) на всей территории, находящейся в сфере влияния Комитета повстанцев Северного Кавказа, Комитет берет на себя распространение идей и изданий ВЦК вглубь России, равным образом, как и установление связи с ранее там образовавшимися организациями ВЦК СЗРиС.

4. Обе союзные стороны посылают друг другу своих представителей, пользующихся правами равноправных членов обеих организаций.

5. ВЦК СЗРиС и Комитету повстанческих отрядов Северного Кавказа совместно с Советом крестьянских, казачьих и городских депутатов ввиду вышеуказанной общности лозунгов и программы надлежит иметь общего политического представителя в тех центрах, в коих то будет сочтено нужным по техническим и политическим соображениям.

6. Вопросы снабжения, могущие возникнуть при занятии известных территорий, равно и дальнейшие вопросы экономического и финансового характера, решаются совместно обеими организациями. В случае технической невозможности предварительного соглашения необходимо взаимное хотя бы позднее извещение о принятых решениях.

7. Члены обеих организаций пользуются на территории, находящейся в сфере влияния другой организации, теми же правами, как и члены организации местной. В случае приостановления действий одной из организаций по техническим или каким-либо иным причинам, всей организации или ее части представляется право переезда в район действий другой стороны для продолжения работы.

8. Настоящим договором обе организации взаимно обязуются представлять во всех своих проявлениях волю крестьянской демократии, являясь, таким образом, отделениями северным, западным и южным Крестьянской партии, имеющей легально выявиться в освобожденной от большевиков России.

Председатель ВЦК народного союза
защиты родины и свободы *Б.В. Савинков.*

Представитель Комитета объединенных
повстанческих отрядов Сев. Кавказа и Совета крестьянских,
казачьих и городских депутатов *А. Нелидов.*

18 августа 1921 года. г. Варшава.

С подлинным верно:
начальник канцелярии (*подпись*)

Н-1791. Том с копиями следственных материалов.

Л. 1-2. Машинописная копия.

Донесение Савинкова о Булак-Балаховиче

Варшава, 22 августа 1921 г. № 4411.
Полковнику графу Девойно-Сологубу.

Господин полковник,
Имею честь препроводить для Вашего сведения «Pro memoria» о ген. майоре Булак-Балаховиче с семью приложениями.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении и таковой же преданности.

Б. Савинков.

Pro memoria

Одной из задач, поставленных себе РПК, была вооруженная борьба с большевиками на польском фронте.

По соглашению с польским военным министерством председателю Комитета Б.В. Савинкову было разрешено в июле м[еся]це 1920 года формирование русских военных отрядов на территории Польши, причем формирования эти должны были состоять в политическом подчинении Б.В. Савинкову.

Означенное соглашение совершенно не касалось отряда ген[ерала] Булак-Балаховича 1-го, сформированного еще в марте 1920 года и действовавшего к моменту соглашения Б.В. Савинкова с польским военным министерством на польском фронте как часть польской армии.

Лишь особым соглашением с ген[ералом] Булак-Балаховичем 1-м от 27 августа 1920 г. (см. приложение № 1) были определены взаимоотношения Б.В. Савинкова с ген[ералом] Булак-Балаховичем, причем, оставаясь совершенно самостоятельным в своих действиях как командующий отрядом, ген[ерал] Булак-Балахович лишь выразил готовность подчиниться политическому руководству Комитета, возглавляемого Б.В. Савинковым.

4-го октября 1920 года РПК признал Верховное командование генерала Врангеля и для большей ясности возникающих отсюда взаимоотношений между русским политическим центром в Варшаве и правительством ген[ерала] Врангеля Комитет 5-го октября 1920 года огласил специальную декларацию (см. приложение № 2).

На бывшем вслед за тем совещании высших военных начальников русских военных частей, формировавшихся на территории

Польши, ген[ерал] Пермикин всецело признал свое подчинение генералу Врангелю, генерал же Булак-Балахович категорически от этого отказался и сохранил за собой свободу действий.

Вслед за заключением перемирия между польской и советской армиями польское высшее командование объявило в октябре 1920 года русским вооруженным частям следующие требования.

1) Или эвакуироваться из пределов Польши при содействии польских властей с оружием в руках,

2) или выступить на фронт за свой страх и риск.

На состоявшемся вслед за тем совещании начальников русских военных отрядов ген[ерал] Булак-Балахович решил этот вопрос для себя и своей армии в смысле продолжения самостоятельных боевых операций против большевиков в направлении на Мозырь.

Соглашение от 27 августа 1920 года с генералом Булак-Балаховичем осталось в силе.

Неблагоприятно сложившаяся боевая обстановка для армии генерала Булак-Балаховича принудила ее отступить и в период времени между 29 ноября и 3 декабря перейти польскую границу, где она была принуждена сдать свое оружие и быть интернированной.

4 февраля 1921 года приказом по войскам, интернированным в Польше, все русские отряды, возглавляемые РПК, были сведены в один отряд с единым подчинением начальнику Управления по делам интернированных, члену РПК Д.М. Одинцу.

С этого времени ген[ерал] Булак-Балахович, не появлявшийся в районе расположения своей армии с момента ее интернирования, фактически перестал быть командующим ею и не мог иметь на нее никакого официального влияния. Власть над бывшей армией ген[ерала] Булак-Балаховича перешла к РПК (см. приложение № 3).

Переходя к вопросу о взаимоотношениях РПК и ген[ерала] Булак-Балаховича, а также к мере возможного влияния РПК на деятельность его армии, особенно в вопросах политических, финансовых и административных, время существования армии ген[ерала] Булак-Балаховича следует разделить на три резко разграниченных периода.

1) От формирования отряда ген[ерала] Булак-Балаховича в составе польской армии до соглашения его с РПК от 27 августа 1920 года.

2) От этого соглашения до 4 февраля 1921 года, т.е. до приказа РПК о сведении всех интернированных в один отряд с единым подчинением начальнику Управления по делам интернированных, члену РПК Д.М. Одинцу.

3) После этого приказа до настоящего времени.

Первый период.

Отряд ген[ерала] Булак-Балаховича первоначально был сформирован с разрешения польского высшего командования помимо всякого участия в этом РПК.

Действовал этот отряд в составе польской армии, в полной с нею связи и под управлением польского высшего командования. Никаких официальных взаимоотношений между РПК и командующим русской группой ген[ералом] Булак-Балаховичем тогда не существовало.

Таким образом, в течение первого периода существования армии Булак-Балаховича командующий ею действовал во всех отношениях самостоятельно или по соглашению с польским высшим командованием, и РПК не имел в это время никакого права оказывать на армию ген[ерала] Булак-Балаховича какое-либо воздействие.

Поэтому РПК не может принять на себя ответственности за действия армии ген[ерала] Булак-Балаховича в течение этого периода.

Второй период.

В течение второго периода в силу соглашения 27 августа 1920 г. РПК удалось произвести некоторые изменения в действиях ген[ерала] Булак-Балаховича и его армии и, так или иначе, заставить их эволюционировать в желательном для РПК смысле, что, между прочим, выразилось в ряде противопогромных приказов, изданных ген[ералом] Булак-Балаховичем в это время, с угрозой самой тяжелой ответственности для виновных (см. приложение № 4).

Со стороны РПК были произведены расследования о незаконных действиях отдельных чинов армии с передачей всего следственного материала польским властям (приложение № 5).

К этому же периоду времени относится и формирование в составе армии ген[ерала] Булак-Балаховича особой еврейской дружины под командованием прапорщика Цейтлина, в чем нельзя не видеть радикальной перемены в точке зрения на еврейский вопрос, по крайней мере, самого Булак-Балаховича и высшего командного состава армии (приложение № 6).

После формирования еврейской дружины желающие из еврейского населения получили возможность сражаться с большевиками в рядах своих соотечественников, ограждая неприкосновенность еврейских жилищ и граждан со стороны порочного элемента армии.

Для оздоровления политических взглядов офицеров и рядов армии и для ознакомления населения с истинными политическими задачами РПК и его литературно-агитационным отделом был сделан ряд политических брошюр – листовок, на страницах газеты «Свобода» в то же время печатался целый ряд статей программного характера Б.В. Савинкова и других сотрудников «Свободы» на темы, связанные с задачами РПК по воссозданию третьей, демократической России.

Однако, успешность работы РПК в этом направлении значительно парализовалась тем обстоятельством, что ген[ерал] Булак-Балахович I имел при своем отряде собственный отдел пропаганды, в ведении так называемого атамана Искры. За действия атамана Искры и за выпущенные им воззвания РПК нести ответственности ни в коем случае не может.

Для ближайшего непосредственного наблюдения за общей деятельностью армии, получения точных информации о ее работе и жизни как на фронте, так и в тылу, для наблюдения за правильной организацией дела снабжения, для установления нормально приязненных взаимоотношений с местными общественными организациями и крестьянством, для правильной постановки и развития антибольшевистской пропаганды, а также для установления связи с повстанческим движением по ту сторону фронта, РПК нашел необходимым учредить свое представительство при армии ген[ерала] Булак-Балаховича в виде экспозитуры, поставив во главе ее есаула В.В. Савинкова. Однако, разумеется, ес[аул] Савинков власти над армией не имел (см. приложение № 7).

Зная прежнюю репутацию армии ген[ерала] Булак-Балаховича и придавая большое значение ее деятельности в Белоруссии, председатель РПК Б.В. Савинков нашел необходимым лично самому находиться при ней, где и пробыл весь период боевых операций в качестве добровольца в конном полку. Но и Б.В. Савинков власти над армией не имел, ибо соглашение 27 августа не давало РПК права назначений, смещений и перемещений.

В силу этого РПК не мог в то время контролировать ни исполнения отдаваемых командующим армией приказов, ни денежной и всякой другой отчетности армии. В каком хаотическом состоянии находились денежные дела армии, несмотря на все мероприятия РПК, можно судить по тому, что главного интенданта капитана Елина пришлось устранить от должности по обвинению в растрате нескольких миллионов казенных денег и просить польские власти о предании его суду.

Только с учреждением после интернирования армии особой комиссии, которой уже было поручено выяснение денежной отчетности, фактическое истребование денежной отчетности и выяснение денежных претензий отдельных лиц, хозяйственную часть армии удалось привести в некоторый порядок.

Таким образом, за время второго периода РПК может нести ответственность лишь за политическую пропаганду армии и отчасти за ее снабжение.

Третий период.

В течение третьего периода ген[ерал] Булак-Балахович, фактически устраненный от командования бывшей его армией, официально не мог оказывать влияния на деятельность интернированных частей. Если же он, несмотря на это и вопреки желаниям РПК, завязывал сношения с чинами своей бывшей армии и, пользуясь своими прежними связями с чинами ее и своим авторитетом «батьки», сманивал интернированных из лагерей, производя какие-то формирования на границе Совдепии, то за все такие и подобные действия ген[ерала] Булак-Балаховича Ликвидационная комиссия ни в коем

случае принять на себя ответственность не может, тем более, что очень часто действия ген[ерала] Булак-Балаховича в этот период времени шли вразрез желаниям, а большей частью и во вред деятельности Ликвидационной комиссии РЭК.

Приложения.

- 1) Соглашение Б.В. Савинкова с ген[ералом] Булак-Балаховичем.
- 2) Декларация взаимоотношений с правительством ген[ерала] Врангеля.
- 3) Приказ интернированным на территории Польши войскам от 12.01.1921 г. № 3 и распоряжение войскам на территории Польши от 04.02 за № 9¹.
- 4) Приказ и выписка из приказа ген[ерала] Булак-Балаховича о недопущении погромов и насилий.
- 5) Список получивших окончательное направление судебных дел о грабежах, разбоях, убийствах и изнасилованиях, совершенных чинами Нар[одной] добр[овольческой] армии, составленный по данным, имеющимся в юридическом отделе РЭК.
- 6) Приказ командующего Н[ародной] д[обровольческой] армией о формировании еврейской дружины прапорщиком Цейтлиным.
- 7) Распоряжение по РПК от 14.09 за №8 о назначении есаула В.В. Савинкова начальником экспозитуры при Н[ародной] д[обровольческой] ар[мии].

Приложение № 1. Копия.

Соглашение

I) На основании секретного соглашения польского верховного командования с Б.В. Савинковым все русские формирования на территории Польской республики состоят в политическом подчинении Б.В. Савинкову.

II) На основании секретного соглашения с польским правительством суммы, выплачиваемые польским правительством, как натурой, так и деньгами, начиная с 1 марта 1920 года, а также суммы, которые сведома Б.В. Савинкова будут впредь расходуются на это дело, признаются государственным долгом России Польской республике.

Принимая во внимание вышеизложенные пункты, Б.В. Савинков и ген[ерал] Булак-Балахович пришли к следующему соглашению:

1) Отряд генерала Балаховича выступает под общими лозунгами русских отрядов, возглавляемых Б.В. Савинковым на польской территории:

- а) Учредительное собрание.
- б) Земля народу.

в) Демократия.

г) Союз народов (федерация).

2) Отряд ген[ерала] Булак-Балаховича подчиняется в политическом отношении Б.В. Савинкову как лицу, возглавляющему Русский политический центр, имеющий целью восстановление России на демократических началах.

3) Отряд ген[ерала] Балаховича состоит под финансовым контролем не польских властей, а Б.В. Савинкова.

4) Отряд ген[ерала] Булак-Балаховича действует в оперативном отношении самостоятельно, сохраняя, однако, по-возможности, необходимую стратегическую связь с действиями других русских отрядов, сформированных на польской территории, и в политическом отношении подчиненных Б.В. Савинкову.

5) В случае возможности слияния всех отдельных русских воинских групп под единым командованием вопрос о дальнейшем стратегическом состоянии отряда ген[ерала] Балаховича остается без изменения.

6) При отряде ген[ерала] Балаховича в случае его продвижения вглубь Российской территории будет организовываться местное самоуправление и административное управление согласно плану, выработанному Б.В. Савинковым, возглавляющим группу русского политического центра.

7) Б.В. Савинков берет на себя обязанность:

а) представлять в политическом отношении отряд генерала Балаховича как перед польскими властями, так и перед союзными державами;

б) по мере возможности содействовать улучшению всех видов снабжения отряда генерала Балаховича;

в) взять на себя заботу о культурно-просветительном и санитарном обслуживании отряда генерала Балаховича;

г) по соглашению с генералом Балаховичем организовать антибольшевистскую пропаганду как в Красной армии, так и в местностях России, занятых ныне большевиками.

Подписали: *Б.В. Савинков.*

Генерал-майор *Булак-Балахович.*

27 августа 1920 года. Варшава.

С подлинным верно:
начальник канцелярии *Васильев.*

Приложение № 2. Копия.

Декларация

Нижеподписавшиеся признают власть ген[ерала] Врангеля и его программу, изложенную в декларации от 20 июня 1920 г.,

подписанной заведующим отделом иностранных дел южно-русского правительства П.Б. Струве и переданной им французскому правительству.

В связи с этим нижеподписавшиеся считают себя вправе заявить:

1) Что залогом успешной борьбы с большевиками, а также водворения в России правового порядка является тесный союз Польши с демократической Россией. От этого союза, по их убеждению, зависит дальнейшее преуспеяние обоих государств.

2) Признавая право самоопределения народов и, в частности, факт независимости самостоятельных государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи, они полагают, что дальнейшие взаимоотношения этих государственных образований и России могут быть определены отнюдь не силой оружия, а свободно и полномочно проявленной волей самоопределившихся народов.

3) Что они утверждают принцип перехода всей земли в частную собственность землевладельца. Изъятия из этого правила могут быть допущены лишь по постановлению русского Учредительного собрания, которому принадлежит также установление размера вознаграждения бывшим земельным собственникам, уплачиваемого государством.

4) Что они не мыслят себе возрождения России иначе, как путем созыва русского Учредительного собрания на началах всеобщего, тайного, прямого и равного голосования всего населения России. В частности, только русскому Учредительному собранию может принадлежать право окончательного установления формы правления русского государства.

5) Что они не мыслят себе возрождения России иначе, как на началах введения гражданского управления в очищаемых от большевиков областях, построенного на основе организованного волеизъявления самого населения.

6) Что они не мыслят себе возрождения России на началах политической и социальной мести и полагают, что русские вооруженные силы должны нести с собой мир для населения и возможно более широкую амнистию для тех, кто явился орудием большевиков.

Б. Савинков, Д. Философов, Д. Одинец,
А. Дикгоф-Деренталь, Д. Мережковский,
В. Ульяницкий, Н. Буланов.

2 октября 1920 года. г. Варшава.

С подлинным верно:
начальник канцелярии *Васильев*.

Приложение № 6. Копия.

Приказ № 500

20 октября 1920 г. г. Пинск.

Разрешаю прапорщику Цейтлину формировать при штабе Народной добровольческой армии Отдельную еврейскую дружину.

Подлинный подписал
генерал-майор *Булак-Балахович*.

С подлинным верно:
начальник канцелярии *Васильев*.

Приложение № 7. Копия.

**Распоряжение № 8
по Русскому политическому комитету**

14 сентября 1920 г. г. Варшава.

Начальником экспозитуры Русского политического комитета при отряде генерала Булак-Балаховича назначается есаул Виктор Савинков.

Председатель *Б. Савинков*.

Член Комитета *Д. Философов*.

Секретарь *А. Смолдовский*.

С подлинным верно:
начальник канцелярии *Васильев*.

Н-1791. Т. 18. Л. 1-11, 21-22. Машинописная копия.

¹ Приложения № 3-5 выявить не удалось.

161

**Докладная записка
начальника казачьих частей
полковника М. Гнилорыбова
Б. Савинкову**

Секретно. Срочно.

Начальник казачьих частей,
интернированных в Польше.

№ 28. 23 августа 1921 года. г. Варшава.

Председателю Ликвидационной комиссии
Русского эвакуационного комитета в Варшаве
Борису Викторовичу Савинкову.

**Докладная записка
о принятии казаков на польскую службу**

В октябре 1917 года в России власть была захвачена большевиками.

В некоторых местах им было оказано упорное сопротивление, но героическое упорство противников советской власти было быстро сломлено и советы, закрепляясь, распространились все дальше и дальше от центра – Москвы – на окраины.

В январе месяце 1918 года большевизм докатился до пределов Дона.

Здесь советская власть встретила в начале своего проникновения если не открытое сопротивление, то молчаливо-упорное нежелание принять ее. Вследствие этого советская власть очень медленно распространялась на Дону, и к моменту вооруженного восстания казаков она не успела распространиться во все станицы Дона.

Поднявшись на борьбу против коммуны в марте – апреле 1918 года за вольность своих степей, за право жить самостоятельно, казачество не прекратило этой борьбы в течение двух лет, и только в марте 1920 года у берегов Черного моря, на пристанях Новороссийска, оно, не по своей вине, сложило оружие.

Новороссийск дал советской власти значительное число пленных казаков, пошедших на пополнение рядов Красной армии или же на формирование новых частей ее.

Дав красным новые силы, Новороссийск оставил глубокий след в настроениях казачества; у казаков наступил момент переоценки ценностей.

Эта переоценка пошла по двум направлениям: одни казаки увидели «силу» красных, решили, что дальнейшая борьба с ними при всяких условиях, при всяких возможностях немыслима. Придя к этому, часть казачества с ропотом в душе, но без протеста подчинилась советской власти и пошла к ней на службу. Это была меньшая часть казачества.

Более значительная часть казачества увидела причины своего поражения, заключавшегося в политической обстановке, те причины, которые не могли дать победы, а должны были неминуемо дать только одно поражение и дали его.

Поняв причины своего поражения, очутившись в силу суровой необходимости в рядах Красной армии, казачество стало искать новые пути, идя по которым можно бы было прийти к победе над своим врагом, те пути, на которых не было бы колючих терний, хотя бы в виде «единой-неделимой», которые, заливая обильно путь казачей кровью, привели к Новороссийску.

Эти новые пути были найдены, когда казаки в составе ненавистной Красной армии подошли к рубежам Польши, воскресшую самостоятельность которой советы хотели задушить своими красными щупальцами. Они хотели сделать с Польшей то же, что сделали с Доном.

Тогда стало понятно, что Польша борется за те же идеалы, за которые боролись казаки на равнинах Юга, в рядах Донской армии.

Увидев в поляках своих боевых братьев по духу, борющихся за свободу и счастье Родины, казаки не только не стали стрелять в своих братьев, но полками, сотнями, взводами и поодиночке бросали ряды красных и шли в Польшу, имея целью снова принять участие в борьбе с красными насильниками, уничтожившими богатство и вольность родного края.

Желание казаков продолжать борьбу с красными было встречено польским командованием вполне благожелательно, и казаки, перешедшие 31 мая 1920 года на сторону польских войск, 12 июля того же года приступают к формированию и в августе месяце, в первых числах, под именем Донской особой казачьей бригады появляются на фронте в составе 3-й польской армии.

В августе месяце на сторону польских войск перешел Донской казачий полк под командой полковника Духопельникова. Этот полк вошел в состав отряда генерала Булак-Балаховича. Казаки же, переходившие небольшими партиями или поодиночке, направлялись в г. Калиш, где формировались казачьи полки: Донской, Уральский и Оренбургский, которые в состав польских войск не вошли и участия в борьбе Польши с советами принять не успели.

Перед заключением перемирия с совдепией полки из Калиша были в начале октября прошлого года переброшены в район Изяслава и Волочиска, образовав Третью русскую армию, в которую была передана из 3-й польской армии и Донская особая казачья бригада.

Третья русская армия как таковая просуществовала самое короткое время и была вынуждена 22 ноября пр[ошлого] года перейти польскую границу и интернироваться.

Все русские антисоветские войска были размещены по концентрационным лагерям.

Жизнь в лагерях, проходя в абсолютной праздности, удручающе действует на казаков, кроме того, содержание их ложится непроизводительным бременем на казну польского государства.

Лагерная бездеятельность настойчиво заставила казаков задуматься о дальнейшей судьбе своей, об устройстве своей жизни, ибо быть бременем у польского правительства, причинять ему лишние заботы казаки долго не в состоянии.

Начинается искание выхода из создавшегося положения. Выход имеется, и, можно сказать, почти единственный: устройство на работы, т.е. мирная жизнь.

Что же означает переход казаков на мирное положение? Признание своего поражения, признание, что лившаяся три года на родных степях казачья кровь лилась напрасно. Переход на мирную жизнь для казака – отказ от своей родины, отказ от возможности вернуться домой, к своей семье.

Да может ли вообще казачество отказаться от тех идеалов, которые выросли у него среди крови, под гул орудий? Нет, не откажется, ибо отказ будет равносителен самоубийству.

Казакк, даже при безотрадном положении настоящего, считают, что борьба с коммуной еще не окончена, что она только временно приостановилась, но что скоро она вспыхнет с новой силой и будет борьбой решительной, последней схваткой не на живот, а на смерть.

Когда и по какой причине вспыхнет снова вооруженная борьба с коммуной, казачество не знает.

Быть может, борьба начнется там, внутри России, где население, доведенное советской властью до отчаяния, возьмется за оружие, чтобы свергнуть ненавистную ему власть, а если не свергнуть, то чтобы скорее умереть, дабы не видеть, не чувствовать всех ужасов, издевательств русской современности.

Второе предположение – коммунизм, мечта о мировой революции, начинает свое движение на Западе.

Первой страной, на которую обрушатся силы красных, будет Польша, ныне приютившая казаков.

Ей снова придется выдерживать, быть может, страшный напор красных войск, несущих на штыках своих разорение, позор краю, расстрелы, гибель семьи, общества и всей культуры.

Это время, быть может, гораздо ближе, чем мы думаем. Итак, борьба с коммуной неизбежна, вопрос только во времени. К этой борьбе мы должны готовиться, должны накопить необходимый запас сил, чтобы выйти из нее победителями.

Если казаки, доказавшие свою ненависть к коммунистам трехлетней борьбой с ними, доказавшие своей храбростью и мужеством любовь к свободе (а только любя собственную свободу можно уважать и признавать свободу другого), разойдутся по вольным работам из состава войсковой организации, то как боевая сила они теряют всякую ценность, и тогда произойдет не накопление сил для борьбы с коммуной, а распыление этих сил, крайне выгодное для наших общих врагов.

Только состояние войсковой организации, только военная служба может не только сохранить эту силу, но и, сохранив, укрепить ее.

Предугадывая перспективы грядущего, казаки выразили единодушное желание поступить на службу в ряды польской армии, хотя бы в качестве пограничной стражи.

В настоящее время казаки, интернированные в Польше, образуют сводно-казачью дивизию, состоящую из пяти полков и одного артиллерийского дивизиона (2-х батарейного состава), общей численностью до 5000 шашек и расположенную в лагерях при острове Ломжинском и в Торне.

О желании казаков служить в рядах польской армии с ходатайством о приеме их на службу было доведено до начальника государства, маршала Пилсудского (Приложение 1 и 2).

Польское правительство относилось к этому ходатайству вполне сочувственно, что видно из Вашего письма на имя полковника графа Девойно-Сологуба (Приложение 3) и из письма на Ваше имя от начальника Генерального штаба генерала Сикорского (приложение 4).

Не может ли прием казаков на польскую военную службу вредно отозваться на интересах Польши, если не настоящего, то будущего?

Не только не отзовется вредно на интересах Польши, но может принести значительную пользу.

Казаки по своей природе демократичны и, разбросанные теперь по Болгарии, Сербии и Турции, они мыслят всюду одинаково, но только в единственной стране, в Польше, они имеют возможность свободно высказывать свои взгляды, свои чаяния и надежды на будущее. Как в Сербии, так и в Болгарии и Турции, находясь в полной материальной зависимости от монархистов-единонеделимцев, казаки принуждены были молчать и смотреть только на север, на Польшу, и ждать, когда же здесь загорится яркий, светлый день казачества.

Как только наступит этот день, казаки из Болгарии, Сербии, Турции, бросив Врангелей, Богаевских, пойдут в Польшу, чтобы здесь стать под знамена, на которых написан лозунг: «Братство и Свобода народов».

Казачество, находящееся в Польше, вполне усвоило этот лозунг и твердо стало на путь, ведущий к осуществлению его в жизни, и с этого пути оно не сойдет.

Пока имеется незначительный факт, который, однако, ясно доказывает, что казачество, став на новый путь, порвало решительно с прошлым.

Донской атаман генерал Богаевский 15 июля сего года издает приказ за № 116, надеясь подчинить себе казаков, которых он в прошлом году бросил в Новороссийске, о которых до настоящего времени он не проявлял никакой заботы и никакого интереса к их судьбе. Но вот, казаки в Польше, прежде разрозненные по отдельным армиям, отрядам, начинают собираться в одну группу, объединенные одними лозунгами, начинает расти определенная сила, с которой в будущем придется, по всей вероятности, атаману Богаевскому, а через него и Врангелю, считаться. Для того, чтобы этого не случилось, необходимо казачество обессилить, разъединив его. Эту именно цель преследовал атаман Богаевский, издавая свой приказ за № 116.

Казаки прекрасно разобрались во всем и к приказу атамана и к самому атаману отнеслись отрицательно, что видно из донесений начальника сводно-казачьей дивизии и председателя съезда (Приложения 5 и 6).

Уходит бесповоротно казачество из рядов монархистов-единонеделимцев и становится в ряды тех, кто готов бороться за свободу народностей, кто готов жертвовать собою в борьбе с угнетателями, будут ли то монархисты или коммунисты. И с теми, и с другими казаки будут бороться.

На основании вышеизложенного имею честь от лица всех казаков просить Вас, господин председатель, возбудить перед польским правительством новое ходатайство

1) о скорейшем приеме казаков на службу в ряды польских войск;

2) о переводе, кроме удаленных из 3-го Донского казачьего полка 35 офицеров и 19 казаков (список, приложение 7), всех казаков из лагерей интернированных в лагерь при Острове Ломжинском, а из лагерей военнопленных только тех казаков и калмыков, которые добровольно изъявляют согласие служить в рядах сводной казачьей дивизии;

3) о замене польских караулов в лагере № 14 при Острове Ломжинском караулами казачьими;

Некогда польские эмигранты сражались и умирали за свободу и счастье американцев, теперь наступает время, когда казаки будут сражаться и умирать за счастье и свободу Польши, а вместе с тем за свободу и счастье своего родного края, за его вольность и независимость.

Принятое на польскую военную службу казачество честно исполнит свой долг.

Начальник казачьих частей
полковник *Гнилорыбов*.

Начальник штаба есаул *Дмитриев*.

С подлинным верно:
начальник канцелярии *Васильев*.

Н-1791. Т. 18. Л. 1-11, 25-31. Машинописная копия.

162

Отчет

**сотрудника французской военной
миссии в Польше майора Пакелье
о заключительном заседании
«Союза защиты и свободы родины»**

Присутствовало около 40 человек.

1. Продолжение голосования и обсуждения отдельных пунктов программы. Повсюду вычеркивается слово «большевики» и заме-

няется словом «коммунисты». Это очень важно, т.к. крестьяне и рабочие, которые в большинстве своем считают себя большевиками, но [против] коммунистов.

2. Глава о «боевой тактике» союза будет обсуждаться исполнительным тайным комитетом. Савинков только сказал, что все революционные средства будут использованы, но гибко и ловко, в соответствии с местными условиями, выработанными на местах местными исполнительными комитетами.

3. Речь Савинкова. Результаты, достигнутые союзом. Настоящее положение. Перспективы. Надо отметить заявление, что 10 областей находятся под влиянием союза, но что только 28 округов готовы действовать по первому требованию (деревни, города и Красная армия). Есть опасность, что Петроград, положение которого очень напряженно, может восстать раньше, чем общая работа будет достаточно продвинута.

Тем не менее, т.к. революционное движение невозможно задержать, Исполнительный комитет (Савинкова) даст сигнал к общему восстанию, даже преждевременно, чтобы поддержать Петроград.

Формирование армии, «республиканская гвардия», чтобы помешать анархии и предупредить реакционный государственный переворот, кадры этой армии должны внимательно подбираться.

4. Речь полковника Даниченко (представителя народной Украинской республики). Утверждается принятие Украины в Союз. Разрешение, данное русским, об организации своих соотечественников на Украине и приведение в действие их вооруженных сил на украинской территории. Уверяет в солидарности украинцев в момент общего восстания.

5. Речь Белова (Белоруссия). Подтверждает присоединение к Союзу на принципе признания белорусской национальности.

6. Речь есаула Фролова (донской казак). Ввиду отдаленности восстание на Дону не организовано так, как в западной России и на Украине.

7. Речь представителя кубанской делегации в Варшаве (Кубань еще не примкнула к Союзу). Представитель с Кубани после того, как дал себе ясный отчет о политике Союза, заявил, что не видит препятствий для присоединения к Союзу.

8. Овация в честь Польши, в честь Франции.

9. Личные мнения. Савинков, кажется, пользуется большим авторитетом среди членов союза. Он – бесспорный диктатор деятельности и даже мнений. Он установил твердую дисциплину даже в дебатах. Савинков имеет в своем союзе сильное разрушающее средство, но сейчас вокруг него не видно никого (за исключением Философова), способного организовать и руководить, никого, кто мог бы войти в правительство, даже временное. Нужно отметить, что союз не является политической партией.

**Письмо Б. Савинкова
секретарю польской миссии
во Франции Ю. Лукасевичу**

Глубокоуважаемый господин Лукасевич,
Вы меня просите повременить с моим приездом в Варшаву.

Вы знаете, что в продолжение 17 месяцев мы работали в Польше абсолютно лояльно по отношению к польскому правительству. Мы имеем право сказать, что за весь этот очень сложный период времени не было случая, когда бы мы не посчитались с его желаниями. Наоборот, всегда и при всех обстоятельствах – а часто обстоятельства эти для нас были весьма тяжелыми – мы оставались истинными и верными друзьями того народа и того государства, которые приютили нас.

Что же произошло ныне?

Уезжая из Польши я просил обратную визу. Мне в ответ было предложено во избежание всяких недоразумений ехать по польскому паспорту. Таковой паспорт был мне вручен, и я готовился уже выехать. Однако, по совету министерства ин[остранных] дел я в последнюю минуту, идя навстречу даваемым мне указаниям, от польского паспорта отказался и выехал по паспорту своему. Я не допускал, разумеется, мысли, что в визе мне хотя бы временно будет отказано. Наибольшее, чего я мог ожидать, заключалось в предположении, что после того, как виза мне будет дана, т.е. после того, как мне будет оказано то доверие, которое я, имею надеяться, заслужил, мне будет предложено задержаться еще на несколько дней за границей. Этого не случилось. Визы я не получил до сих пор. Я насильственно отрезан от того дела, за которое несу ответственность.

В этих условиях я надеюсь на господина начальника государства. Если и он не в силах изменить создавшегося положения, то я предпочитаю быть арестованным польскими властями, дабы мои единомышленники в России не могли подумать, что я добровольно остался за границей, не исполнив моих обязательств по отношению к ним и бросив на произвол судьбы моих соратников в Польше. Я предпочитаю арест еще и потому, что факт отказа от визы, т.е. факт недоверия ко мне, конечно, совершенно скомпрометировал всю мою работу в Праге и здесь.

Я очень извиняюсь за вышеизложенное. Вы знаете, что я был бы счастлив избежать такого конца, который мог бы впоследствии отразиться на польско-русской дружбе. Но мириться с хотя бы частичным лишением меня свободы не позволяют мне интересы того дела, которому я служу, и моя честь русского революционера.

С глубоким уважением Б. Савинков.

Н-1791. Том следственных материалов. Л. 8–9.

Машинописная копия.

**Письмо Б. Савинкова полковнику
графу Девойно-Сологубу**

Секретно

Б. Савинков

27 октября 1921 г. № 4868. г. Варшава.

Господин полковник,
При сем имею честь препроводить Вам для сведения копию письма моего на имя министров иностранных и внутренних дел от 27 сего октября за №№ 4854 и 4855.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Б. Савинков.

Копия. Секретно.

Б. Савинков

27 октября 1921 г. № 4854/4855. г. Варшава.

Г.г. министрам
и иностранных и внутренних дел.

Господин министр,
Прибыв вчера, 26 октября в Варшаву, я был поставлен перед фактом приказа о ссылке в г. Гданьск в тот же день 26.10 вечером пяти русских эмигрантов, принадлежащих к группе, во главе которой я, как Вам известно, имею честь состоять, а именно: брата моего В.В. Савинкова, А.Г. Мягкова, В.В. Ульяницкого, М.Н. Гнилорыбова и А.К. Рудина. Исполнение этого приказа вчера мне было отсрочено на одни сутки. Таким образом, он имеет быть исполнен сегодня.

По этому поводу считаю своим долгом довести до Вашего сведения нижеследующее:

1. Перечисленные лица являются, как Вам известно, политическими эмигрантами, не только не совершившими никакого преступления против законов Польской республики, но в течение долговременного пребывания своего на территории Польши доказавшие на деле свою полную и совершенную лояльность к приютившему их государству, и, более того, свою глубокую и искреннюю преданность идее польско-русского сближения и польско-русской дружбы. Ныне лица эти упомянутым выше приказом лишены права убежища.

2. Лица эти, мне подчиненные, за деятельность коих я несу ответственность, лишены права убежища в мое вынужденное

отсутствие. Говорю *вынужденное*, ибо, хотя мне не было сообщено о том, что я не имею права жительства в Польше, но неоднократным отказом в визе таковое запрещение фактически имело место, ибо вернуться в Варшаву я смог лишь благодаря случайным обстоятельствам, позволившим мне перейти польскую границу без паспортного контроля. Таким образом, я мог быть поставлен в невозможность – а это составляет мою прямую обязанность – защищать интересы лиц, мне доверившихся и ответственных лишь постольку, поскольку они исполняли мои распоряжения.

3. Вышеуказанным лицам приказано выехать в определенное место – в г. Гданьск, иными словами, они лишены права свободного избрания местожительства за пределами Польши, каковое право естественно принадлежит каждому высылаемому. Поэтому я и позволяю себе говорить не о высылке вышеупомянутых лиц из Польши, а о ссылке их в г. Гданьск.

Господин министр, я на деле в течение полутора лет доказал, что я одушевлен истинною любовью к польскому народу, что я глубоко признателен польскому государству за гостеприимство по отношению к русским беженцам, и что я совершенно лоялен к польскому правительству. Однако, как бы ни была для меня дорога идея польско-русского сближения, как бы высоко я ни ценил доброжелательную помощь Польши русским беженцам на чужбине, как бы внимательно и бережно я ни относился к затруднениям, переживаемым ныне Польской республикой, не следует забывать, что я имею многочисленные тяжелые обязательства по отношению к моим соотечественникам, связанным со мною как за границей, так и в России. Эти обстоятельства я выполняю до конца. И стремясь выполнить их наиболее достойным с русской точки зрения образом и без малейшего ущерба для братского польского народа, я еще раз имею честь ходатайствовать перед Вами об отмене впредь до представления мною Вам лично объяснений и соображений по этому прискорбному делу приказа о ссылке в г. Гданьск моих сотрудников.

В ожидании Вашего ответа и ходатайствуя о личном с Вами свидании, я прошу Вас, господин министр, верить в мое глубокое к Вам уважение и совершенную преданность.

Б. Савинков.

С подлинным верно: *Васильев.*

Копия.

28 октября 1921 г. № 4874.

Господину министру иностранных дел.

Господин министр,
Сегодня, 28 октября, Вы объявили мне, что брат мой В.В. Савинков и гг. Гнилорыбов, Дикгоф-Деренталь, Мягков, Рудин и Ульяницкий

должны во исполнение постановления Совета министров покинуть немедленно Польшу. Вы также объявили мне, что Вы просите меня выехать из пределов Польской республики в воскресенье 30 сего октября. Просьба эта, разумеется, равносильна высылке.

Я имею честь снова заявить Вам, что:

1) Польское правительство фактом своего отказа мне в визе в Париже не пожелало, лишая некоторых русских эмигрантов права убежища, предварительно войти в соглашение с политической группой, к коей они принадлежат, в лице ответственного ее председателя. Беседы польским правительством велись лишь с лицами, мне подчиненными, за деятельность которых несу ответственность я, причем беседы эти носили характер односторонних правительственных распоряжений, коим, как это видно из переписки, имеющейся в деле (письмо высылаемых депутатам Сейма от 28.10), лица эти противопоставляли свой решительный протест по поводу лишения их права убежища и ссылаясь на необходимость моего приезда в Варшаву для личных переговоров с польским правительством (письмо г. Философова начальнику Восточного отдела [Министерства] ин[остранных] дел г. Коссаковскому от 19.10.21 г.).

2) Не взирая на вышеизложенное, одушевленный горячим желанием во имя сохранения польско-русской дружбы путем личных переговоров и необходимых уступок найти достойный для русских эмигрантов и не наносящий ущерба польскому правительству выход из создавшегося положения, я 26 сего октября на свой риск и страх приехал в Варшаву. Вчера, 27 октября, я имел честь в личной беседе с Вами просить доложить Совету министров, что я готов предложить высылаемым добровольно временно покинуть Польшу, но при условии, что польское правительство задержит исполнением отданное им распоряжение до окончательного соглашения со мной. Сегодня, 28 октября, Вы изволили сообщить мне ответ польского правительства: высылаемые должны быть высланы немедленно, и к списку их добавлен еще и я.

Таким образом, господин министр, настойчивые попытки мои, убежденного сторонника идеи польско-русской дружбы, не увенчались успехом. Польское правительство не сочло возможным, задержав свои распоряжения исполнением, вступить в соглашение со мной, и ответственность за последующее, естественно, целиком падает на него.

Решительно протестуя против лишения русских эмигрантов права убежища и глубоко сожалея, что польское правительство не сочло возможным пойти навстречу моим добрым намерениям безболезненного разрешения конфликта, прошу Вас, господин министр, верить в мое совершенное к Вам уважение и таковую же преданность.

Б. Савинков.

Б. Савинков – генералу Нисселю

Борис Савинков.
 Варшава. Отель «Брюль», 35. телефон 110-96.
 Варшава. 27 октября 1921 г.
 Господину генералу Нисселю,
 главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,
 Имею честь послать Вам для информации копию моего письма
 министру иностранных и внутренних дел польской республики.
 Примите и пр.

Б. Савинков.

Копия. Секретно.
 Б. Савинков.
 27 октября 1921 г. № 4854, 455. Варшава.
 Господину министру внутренних дел.
 Господину министру иностранных дел.

Господин министр.
 Прибыв вчера вечером 26 октября в Варшаву, я был поставлен
 перед фактом подписания приказа об изгнании в тот же день (26.10)
 в г. Данциг 5 русских эмигрантов, принадлежащих к группе, во
 главе которой я имел честь быть. Эти эмигранты: мой брат Виктор
 Савинков, Мягков, Ульяницкий, Гнилорыбов, Рудин. Этот приказ
 должен быть выполнен 27 числа, т.е. сегодня.

По поводу этого я считаю своим долгом довести до Вашего
 сведения следующее:

1) Названные лица, как Вы уже знаете, являются политическими
 эмигрантами, которые не только не совершили никаких нарушений
 законов Польской республики, которые во время их долголетнего
 пребывания на польской территории доказали фактами свою пол-
 ную преданность приютившему их государству и, больше того,
 глубокую и искреннюю верность идее русско-польского сближе-
 ния и русско-польской дружбы.

Сегодня названные лица лишены права убежища. Эти лица,
 которые мне подчинены, и за деятельность которых я отвечаю,
 лишились права убежища в мое вынужденное отсутствие, ибо я
 не был предупрежден о том, что я не имею права пребывания в
 Польше, повторный отказ в визе делает это запрещение пребывания
 совершившимся фактом. В самом деле, я смог возвратиться в
 Варшаву только благодаря случайному обстоятельству, которое мне
 позволило пересечь польскую границу, избежав проверки паспор-

та. Итак, я поставлен перед невозможностью защиты интересов лиц, доверившихся мне и ответственных только в исполнении моих директив.

Названные лица получили приказ о выезде в указанное место, г. Данциг.

Другими словами, они лишены права, принадлежащего каждому изгнанному, – выбирать место жительства вне польских границ.

Я позволяю себе говорить не об изгнании названных лиц из Польши, а о их высылке в Данциг.

Господин министр, в течение полутора лет я доказал фактами мою настоящую любовь к польскому народу, я доказал, что я глубоко признателен польскому государству за гостеприимство, оказанное беженцам, что я верен польскому правительству; между тем, насколько дорога была для меня мысль о русско-польском сближении, настолько высоко ценил я помощь Польши по отношению к русским беженцам за границей, не надо забывать, насколько внимателен я был по отношению к трудностям, переживаемым Польской республикой, что я взял на себя тяжелые обязанности по отношению к моим согражданам, связанным со мной как за границей, так и в России. Эти обязанности я выполняю до конца. И, надеясь их выполнить, по-возможности, благородно с русской точки зрения и не нанося никакого ущерба интересам польского народа, который является нашим братом по крови, я хочу еще раз иметь честь ходатайствовать перед всеми, чтобы выполнение приказа о высылке в Данциг 5 моих сотрудников было бы отложено до момента, когда я смогу лично всем представить мои соображения по поводу этого прискорбного дела.

В ожидании ответа и ходатайствуя о приеме, прошу Вас принять уверения и пр...

Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 213а–215. Машинописная копия.

166

Б. Савинков – генералу Нисселю

Борис Савинков.

Варшава. Отель «Брюль», 35. тел. 110-96. № 4945.

Варшава. 29 октября 1921 г.

Господину генералу Нисселю,
главе французской военной миссии в Польше.

Господин генерал,

Имею честь послать Вам для сведения копию моего письма №4908, направленного министру иностранных дел.

Примите ...

Б. Савинков.

30 октября.

Господину министру иностранных дел.

Господин министр!

Предложение, с которым я к Вам обратился 27 октября текущего месяца во время частной беседы о мерах, предложенных Вам по отношению к некоторым членам русской политической группы в Польше, было отклонено польским правительством, как Вы мне это сообщили 28 октября.

Я разрешу себе Вам напомнить, что это предложение состояло в том, что польское правительство должно было отложить изгнание политических эмигрантов до момента, пока не будет достигнуто соглашение со мной.

Как ответственный представитель и руководитель этой группы русских эмигрантов, принимая во внимание указания польского правительства, я советую моим товарищам временно добровольно покинуть польскую территорию.

Я полагаю, что ввиду такого решения вопроса мысль о русско-польской дружбе, которую я и мои товарищи честно защищали в течение 1,5 лет на территории Польской республики, должна сохраниться во всей своей полноте и целостности.

Мое благородное предложение не приносит никакого вреда польскому государству и содержит все необходимые элементы, к которым нужно прибегнуть для разрешения конфликта, возникшего во время моего отсутствия по инициативе министерства иностранных дел. Мое предложение, я это повторяю еще раз, было отвергнуто вчера, 28 октября. Гнилорыбов, Дикгоф-Деренталь, Мягков, Рудин, Савинков, Ульяновский были изгнаны из Польши силой, с помощью полиции.

Ими был составлен протокол. Я осмелюсь утверждать, что полезная работа, которую вела в Польше русская политическая группа с целью укрепления польско-русских дружественных отношений, была прервана польским правительством. Карахан добился осуществления своих желаний.

При таких условиях русская политическая группа не считает больше возможным продолжать свою политическую работу на польской территории.

В настоящем, я имею честь Вам доложить, что члены этой группы покинут польскую территорию в самый ближайший срок, и что в оставшееся время они займутся ликвидацией текущих дел группы.

Выпуск газет «Свобода» и «Голос казачества» прекратится немедленно.

Что касается меня самого, я покину Польшу не позже 15 ноября, т.е. тотчас же, как я закончу техническую работу по ликвидации группы.

Господин министр, с большим сожалением я довожу до Вашего сведения резолюцию, принятую группой.

Мы покидаем Польшу с чувством глубокой признательности к польскому народу – брату по крови и к главе польского государства, оказавшему нам неоценимую помощь в трудные минуты нашей жизни.

Польский народ, рядом с которым мы боролись против общего врага – коммунистов, с которым мы 1,5 года делили горе и радость, прошлое которого нас волнует своей героической борьбой за свободу и будущее которого нам представляется в братской дружбе с возрожденной Россией. Польский народ и глава польского государства всегда найдут в нас искренних и преданных друзей, вопреки тому, что польское правительство отняло 28 октября 1921 г. право убежища у русских граждан.

Примите, господин министр...

Б. Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 220–222. Машинописная копия.

167

Докладная записка генерала Нисселя военному министру Франции маршалу Фошу

Французская военная миссия в Польше.

Канцелярия генерала. 398/V.

Варшава. 1 ноября 1921 г.

Генерал Ниссель,
глава французской военной миссии в Польше.

Господину военному министру.
Штаб армии, 2-й отдел. Париж.

О господине Савинкове.

Различными способами я держал Вас в курсе деятельности, развернутой в Варшаве русской антибольшевистской группой, которую г-н Философов приводит в готовность.

Среди таких политических деятелей, как Савинков (как русский комитет, которым он руководит), были сторонники и наиболее деятельные и необходимые в политике русско-польского сближения. Благодаря бывшим связям с главой польского государства г-н Савинков работал в согласии с Бельведером, и его сотрудничество представляло реальную важность не только для использования сил в борьбе против Советов, но и потому, что он единственный посредник, на которого еще можно рассчитывать в политике польско-русского сближения.

К несчастью, вследствие различных препятствий группа Савинкова была вынуждена покинуть Польшу при определенных условиях.

Для того, чтобы отнять у большевиков один из главных предлогов, которыми они пользовались, чтобы не выполнять условий Рижского договора и, в частности, поставка золота, чтобы справиться с внутренними политическими трудностями, польское правительство решило признать право претензий большевистских властей против присутствия в Польше русских элементов, принявших участие в борьбе против большевистской России.

Во избежание того, чтобы это решение не приняло форму изгнания в принудительном порядке, было решено, что в отделах комитета Савинкова будет проведен обыск после предварительного извещения, которое даст возможность заинтересованным лицам уничтожить компрометирующие бумаги. Вследствие продолжительного отсутствия Савинкова, находящегося во Франции, не могли придерживаться принятой программы, и польское правительство предложило членам русского политического комитета покинуть польскую территорию.

Когда Савинков узнал об этом в Париже, он был, казалось, возмущен, и Философов попросил меня вмешаться как частное лицо. Савинков не выразил свое недовольство открыто и, чтобы сила этого недовольства не могла вызвать резкости по отношению к польскому правительству, что могло быть губительным для будущего развития польско-русских отношений.

Возвращения Савинкова нельзя было избежать, я всем посылаю копию письма, с которым он обратился к министру иностранных дел.

Его отъезд из Польши тем более прискорбен, что Савинков установил необходимый контакт с однородными организациями в Югославии и Чехословакии и хотел, чтобы польское правительство могло найти выход, согласовывая политические трения с удобным случаем сохранить в Польше группировку, работа которой представляла бы важное значение как для настоящего момента, так и для будущего, и которая могла бы в данный момент содействовать польско-чешскому сближению.

Это изгнание в настоящий момент является в Варшаве предметом многочисленных споров в парламентских кругах. Польское правительство подало мысль Савинкову отправиться в Данциг, но он решил поехать в Прагу, что было сделано, чтобы причинить неприятность польскому правительству.

Однако, несмотря на категорический тон письма Савинкова министру иностранных дел, можно думать, что возможность продолжения совместной работы г-на Савинкова с польским штабом еще не совсем исчезла.

Ниссель.

**Сообщение об упразднении
Русского политического комитета
и создании
Русского эвакуационного комитета**

Ввиду изменения политического положения и в связи с появлением русских частей на территории Польши, которые сражались против большевиков, Русский политический комитет и все его отделы в Польше прекратили свою работу.

Для обслуживания отрядов интернированных, т.е. для оказания им помощи в Варшаве с 15 декабря был создан Русский эвакуационный комитет, в который входит председатель Б. Савинков, его заместитель Философов, члены: Д. Одинец, В. Ульяницкий, Н. Буланов, А. Дикгоф-Деренталь, В. Португалов и управляющий делами А. Смолдовский.

Декабрь 1921 г.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 158. Машинописная копия.

Газетные публикации

Письмо Савинкова генералу Анрису

Господин генерал!

Из газет я узнал, что в скором времени Вы покинете пост главы французской военной миссии в Польше и примете командование армейским корпусом во Франции.

Разрешите мне, господин генерал, от имени всех русских офицеров и солдат, находящихся на польской территории, так же, как и от Русского комитета в Польше, поблагодарить Вас за неоценимые услуги, которые Вы им оказали.

Ваше пребывание в Польше способствовало еще большему укреплению дружеских связей, существовавших уже давно между Францией и антибольшевистской Россией.

Примите и пр.

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 208. Свобода. 16.10.1920 г.

Призыв

Офицеры и солдаты!

Польша заключила мир с большевиками. Мы ее поздравляем и посылаем наши пожелания на будущее.

Мир – это большое счастье. Мы тоже желаем мира. Тот, кто желает мира, должен одержать победу над большевиками. Только после победы над большевиками можно жить спокойно и работать в безопасности. Только после победы над большевиками можно восстановить новую свободную Россию, национальную Россию, говоря иначе, Россию крестьянскую и казачью, а не Россию, управляемую крупными землевладельцами. Добровольческая национальная армия борется за мир во всем мире. Добровольческая национальная армия борется за освобождение от большевиков и от крупных землевладельцев. Добровольческая национальная армия борется за землю и за тех, кто ее обрабатывает. Добровольческая национальная армия борется за союз с соседними народами, за Учредительное собрание. Добровольческая национальная армия простит всем, кто не захочет служить большевикам.

Офицеры – солдаты! Вы героически сражались и покрыли себя славой. Вы можете побеждать и вы победите. Россия вас ждет, она верит вам! За Родину и свободу!

Председатель русского политического
комитета *Борис Савинков.*

Командующий добровольческой
национальной армией *Булак-Балахович.*

ПФ-9489. Т. 2. Л. 209. Свобода. 16.10.1920 г.

Программа Добровольческой национальной армии

1. Мы будем вести беспощадную борьбу против большевиков во имя национального принципа, т.к. большевистская идеология, несмотря на уродливость морали и администрации, чужда национальному принципу. Мы старались освободить Россию от всех узурпаторов, которые управляют ею насильно, которые душат свободу и не позволяют народу проявить свою волю в устройстве своей жизни. Мы боремся не только против большевизма в России, представляющего власть левых, но и против всяких реакционных попыток монархистов, желающих восстановить власть правых.

Большевистский монархизм также недопустим, как и монархистский большевизм.

2. Мы будем бороться рука об руку с нациями, которые уже вступили в борьбу, и с теми, которые только вступают. Эти нации должны знать, что мы не хотим восстановления старой России, которая силой собиралась сохранить в своих границах провинции и государства, отныне свободные. Мы хотим уничтожения большевизма, который является губительным для политики и экономики государства. Мы обращаемся ко всем нациям и государствам, борющимся сейчас самостоятельно против большевизма с целью объединения в один военный союз, в одну политическую организацию, которая ни в чем не ущемляла бы их независимости и суверенитета. Мы предлагаем сотрудничество всех наций, вступивших в эту борьбу, сотрудничество, основанное на принципе широкой национальной автономии, зная, что дух братства составляет основу русской натуры. Проявления противоречивых чувств служили бы постоянным доказательством искусственно навязанных убеждений.

3. Мы не собираемся завоевывать Россию силой оружия, мы хотим уничтожения идеи «советская Россия», которая представляет собой гнездо лгунов и самозванцев. Поэтому мы боремся не против Красной армии, состоящей из народа, мобилизованного силой, а против всех тех, кто организовал эту мобилизацию, против комиссаров, коммунистов и их приверженцев. Мы будем бороться не только с оружием, но и словом ...

4. Уничтожение власти большевиков только силой оружия всегда имело поражение, начиная с движения чехословаков в июне 1918 г., и кончая наступлением северо-восточной группировки армии в октябре 1919 г.

Впоследствии метод борьбы против России должен быть полностью изменен. Эта борьба будет проводиться на основе добровольчества. Под этим понимается полная свобода в выборе: с нами или нет. Каждый, кто встанет под наше знамя, должен служить общему делу. Главным образом, мы хотим, чтобы перешедшие на нашу сторону руководители отказались от своих интересов и бюрократических привычек. Мы предупреждаем, что нет более строгих судей и более суровой дисциплины, чем дисциплина и судьи братской свободной армии.

5. Зная душу и особенно совесть народа, мы вынуждены признать, что для России характерен местный патриотизм, губернский и окружной. Защита родины всегда понималась как защита своего семейного очага. Военная служба была ужасной для народа, потому что она означала долгую и длительную разлуку с родными местами. Вследствие этого борьба против большевиков будет вестись следующим образом:

а) удар будет нанесен специальным добровольческим корпусом, состоящим из солдат, оторванных в настоящее время от их родного дома и готовых отдать свою жизнь в борьбе против большевизма;

б) после оккупации одной провинции по принципу свободного выбора будет проведена мобилизация всех людей – уроженцев этой провинции в специальную часть;

в) после этого добровольцы будут призваны в местные формирования. Эти формирования будут оставаться в провинции, которую они будут защищать силой оружия, и которую они покинут только по своей свободно выраженной воле.

После освобождения какой-либо провинции от большевиков не будет немедленно создаваться временное правительство.

Для создания гражданской администрации будут привлечены местные жители. Затем будет создано учредительное собрание, которому будет доверена вся власть, и которое должно будет обеспечить завоевания революции.

Миссия национальной добровольческой армии будет закончена после уничтожения большевизма на территории России. Мы поднимаем наше знамя с горячей верой в неизбежность триумфа и в жизненность провозглашенных нами принципов.

Председатель русского политического
комитета *Борис Савинков.*

Командующий добровольческой
национальной армией *Булак-Балахович.*

ПФ-9489. Т. 3. Л. 187–189. Свобода. 17.10.1920 г.

172

Война или революция

Колчак вел войну, Деникин вел войну, Юденич вел войну. Собрав армию в 100 000 человек, каждый из них предпринял поход на Москву или Петроград. Каждый из них уже видел в мыслях завоеванную Россию, продвигаясь согласно правилам стратегии и тактики.

Русский народ – крестьяне – встречали их с энтузиазмом, они прощались с ними, полные обманутых надежд, но вообще этот народ был только безразличным свидетелем в действиях, которые развертывались перед его глазами. Возможно мы должны отнести это безразличие к пассивности русских, о котором говорят французы и англичане? Я этого не думаю. Нельзя говорить о пассивности русского народа, так как вот уже три года Махно сражается на юге России, и в Новгородской, Смоленской, Самарской губерниях непрерывно вспыхивают восстания, на севере России сражаются партизанские отряды.

Если русское крестьянство осталось безразличным по отношению к борьбе белых, это потому, что они не отдали себе ясный

отчет, какая разница между красными и белыми. Наоборот, они находили, что между ними есть большое сходство: ни красные, ни белые не защищали интересов крестьян. Красные жгли, расстреливали, грабили, мобилизовывали все население. Они отличались лишь своими речами. Одна армия восставала против другой, а крестьяне оставались пассивными свидетелями, ожидая, с какой стороны придет победа. Им было безразлично, кто стоял во главе командования: большевистский комиссар или благородный генерал-губернатор.

При таких условиях ни Деникин, ни Колчак, ни Юденич не могли быть победителями. Они могли быть победителями только если бы они думали о земле, об аграрной реформе, о крестьянах, как это делал недавно легендарный герой Микула Селянинович. Очевидно, в этой междоусобной войне численность белых войск не могла играть решающей роли. Можно соединить миллионы вооруженных людей, но если крестьянские массы им не симпатизируют, если каждый солдат не убежден в том, что он защищает свои собственные интересы, т.е., другими словами, интересы крестьянских масс, эта армия немедленно, после первых боев, будет уничтожена или разбежится по домам. Наоборот, добровольческий корпус в состоянии одержать победу над большевиками, если этот корпус имеет поддержку в русском народе. Никогда войска белых не будут обладать техническими средствами, которые находятся в распоряжении красных, даже в том случае, если союзники им окажут помощь. А союзники окажут ли помощь?

В распоряжении красных всегда будут находиться тульский, ижевский, путиловский заводы, разрушенные, но достаточно способные снабжать всем необходимым миллионную армию. Таким образом, результаты войны белых могут быть заранее предугаданы. Война, но не революция, антибольшевистская революция – национальная революция казаков и крестьян, но не революция предпринимателей, крупных землевладельцев. Крупные землевладельцы так же, как и предприниматели, нашли убежище в армии Деникина, Колчака, Юденича. Революционный корпус не дает им убежища. Регулярная армия истребляет все на своем пути, как туча саранчи. Они разоряют крестьянские массы. Это-то Махно понял, и до настоящего времени он непобедим. Но дайте Махно кадровых офицеров, и уважение закона воодушевит его патриотической идеей, и вы получите революционную армию, которая будет опираться на русский народ. Генерал Булак-Балахович, этот «отец крестьян», сможет ли он справиться с этой задачей? Это вопрос доверия. Что касается меня, я доверяю ему.

Савинков.

Б. Савинков – К. Вендзягольскому

Председатель русского политического комитета в Польше господин Савинков перед тем, как покинуть Польшу вместе с русскими войсками, опубликовал в «Речь Посполита» следующее письмо, адресуемое Вендзягольскому.

Господин, русские войска, организованные на польской территории, покидают Польскую республику.

Я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас от имени русского политического комитета, офицеров и добровольцев за все то, что Вы сделали для нас.

Вы, поляки, глубоко любящие свою родину, вы всегда останетесь с нами.

Вы были одни из первых, кто понял, что русско-польская дружба, так же, как русско-польский союз были залогом будущего мира и могущества этих 2-х соседних славянских держав, так же, как залогом победы славян над их врагом – Германией.

Вы были одним из тех, кто употребил все свои силы, чтобы помочь нам организовать русскую армию на польской территории.

Эта армия, борясь за освобождение России, боролась также за Польшу, чтобы отвлечь от Вас угрожающую большевистскую опасность.

Примите ... и пр.

Савинков.

Это прощание будет иметь совсем особый смысл, если мы вспомним, что бывший военный министр Савинков еще во время русской революции и полного хаоса, в который была повержена Россия, казалось, нашел в лице комиссара временного правительства верного сторонника, целью которого было спасти революцию от большевизма. Затем, во время, когда господствовал большевизм, Савинков и Вендзягольский, последними покидая Гатчину, работали без устали в антибольшевистских организациях, и никогда они не думали о союзе с большевиками.

Одновременно с желанием о свержении власти большевиков родилась идея, осуществление которой представляет решение проблемы мира в Европе. Этой идеей был русско-польский союз. Она родилась на большевистской территории.

Савинков работал в Москве, а Вендзягольский в Киеве, в польской организации, но они находились между собой в тесном контакте.

Два с половиной года прошли в кровавой борьбе, и эти люди, Савинков и Вендзягольский, снова встретились в Париже и, несмотря на сопротивление русских эмигрантов, снова принялись за большое дело, за организацию русско-польского союза.

Вендзягольский пользовался в Польше доверием едва нескольких человек, все были против Савинкова.

Все эти 4 месяца эти люди работали в ужасно трудных условиях. И вот родилась большая новая идея: возрождение России, начиная с Крыма.

Лучшие представители демократии присоединились к Савинкову. И вот создана новая армия, русская армия, которая оставляет след своей крови на страницах русско-польской истории.

Все политические польские круги признали в лице Савинкова новую Россию, которая позволит увидеть лучшее будущее, полное надежд.

Родилось большое дело... Оно живет,... , растет.

Если ему суждено существовать, и мы будем верить, что оно будет существовать, – какой прекрасный символ заключен в вышеупомянутом письме русского к поляку.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 201–202. Свобода. 17.10.1920 г.

174

О некоторых фикциях

Недавно Чернов объявил в Париже, что как только советская власть будет уничтожена, то он, Чернов, созвет Учредительное собрание, т.к. он является председателем его. Если советская власть завтра будет упразднена, у нас будет правительство Керенского вместо правительства Ленина и Троцкого. Возможно ли это? Чтобы люди, которые показали свое бессилие и слабость воли, и у которых политический кругозор не переходит рамки кругозора коалиции министров с одной стороны, а с другой – борьбы против законных требований пограничных стран, люди, которые не соглашались признать Польшу только в пределах совета, возможно ли, чтобы эти люди, доказавшие свою неспособность в построении государства, стали бы снова у власти? Но в этом мире все возможно!

Союзники поддерживали Врангеля, появился Кривошеин. Они поддержат теперь Чернова, а результатом этого будет Керенский, сегодня Врангель, а завтра Чернов. Все делается в русских делах по усмотрению иностранных специалистов. Чернов или Врангель? Керенский или Кривошеин? Орел или решка? Однако, это еще не все опыты, которые можно проделать над несчастной Россией. Можно признать Врангеля, который, несмотря на это, будет вынужден оставить Крым. Можно признать Чернова, который, несмотря на это, не сумеет созвать Учредительное собрание. Плохо это или хорошо?

Но Россия будет реорганизовываться согласно своей воле, согласно воле народа и крестьян, а не согласно воле иностранных специалистов. Нужно раз и навсегда понять, что русские крестьяне не хотят принять готовые правительства или те, которые сами себя

избрали, даже если бы они состояли из самых образованных людей, поддерживаемые союзными или несоюзными державами. Русское крестьянство не хочет иметь правительство Деникина, Колчака, Авксентьева, Юденича, Врангеля, Керенского, никого другого, кто пришел бы в качестве «претендентов», или «Думы», или Учредительного собрания, или специальной конференции, или русского комитета, каким бы оно ни было; русское крестьянство хочет быть хозяином на своей земле и само избрать своих представителей, само избрать крестьянскую власть. Они готовы бороться за свою хату, поле, за свой закон и порядки, но они не хотят умереть за всероссийское Учредительное собрание, которое ничего не сделало и которое давно забыто. Они не хотят умереть за Думу или за какой-нибудь комитет. Русское крестьянство не восстанет, если Вы ему скажете, что вместо Ленина будет Чернов, а вместо Троцкого – Врангель. Вместо Ленина и Троцкого оно хочет появиться само. Оно собирается доверить его судьбу тому, кто умрет с ним рядом за его семью, хату, а не тому, кто, ссылаясь на свое революционное прошлое, выдает себя за избранника народа.

Верьте мне, что русское крестьянство доверит свою судьбу скорее Махно, чем просвещенным русским эмигрантам. Мысль о правительстве возникла сама собой и является бесплодной. Мы должны идти не по этому пути, и не этот путь нас приведет к воротам Кремля. Наши задачи скромные, и эта простота есть залог для их осуществления. Что мы можем сделать, мы, эмигранты, которые нашли убежище в соседних землях России. Мы не можем создать правительство, нам нечего играть в парламент и Учредительное собрание. Но мы должны и можем, насколько нам позволяют наши слабые силы, придти на помощь крестьянам в их тяжелой борьбе, мы должны и можем оказать им услугу своим опытом, своей наукой, нашим желанием отдать жизнь за Россию. Мы можем и должны быть их слугами, и мы должны исполнять то, что требует народ от нас, не навязывая им наших убеждений, наших партий, наших деятелей, наших имен! Русское крестьянство теперь не проведешь, оно знает, зачем и за что оно борется против коммуны. Напыщенные речи о созыве Учредительного собрания ему чужды. Да, Учредительное собрание будет созвано неизвестным крестьянином, а не Черновым, оно будет русское Учредительное собрание, исходящее из Москвы, из Кремля, но не из Парижа. В состоянии ли мы это понять? Или мы в нашем высокомерии все: к-д [кадеты], эсеры и социалисты различных убеждений и партий, мы, учитывая основу и пагубную ошибку России, ошибку Деникина, Колчака, Врангеля, Авксентьева, Чернова, будем настаивать на том, что не страна является хозяином, а мы. Хозяин Врангель навязывает народу понятие Кривошеина о России; хозяин Чернов навязывает народу понятие Керенского и партии эсеров о России. Когда же мы, наконец, начнем создавать демократическую революцию, и когда мы прекратим борьбу за обманчивое представление о власти партий и вновь организова-

шихся комитетов? Когда сможем мы смириться и прекратить считать себя министрами и членами Учредительного собрания? Когда мы только сможем объединиться в революционные союзы против власти коммунистов и за народ, землю, свободу и Россию?

Б. Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 155–157. Свобода. 18.01.1921 г.

175

О партии эсеров

Эсеры, кажется, вновь появляются на сцене русской политики. Во всех газетах можно прочесть снова, каждый день, имена Керенского, Авксентьева, Чернова, имена, которые воспламенили тысячи сердец в начале революции. В настоящее время они не зажгут больше ни одного сердца ни в России, ни за границей: «цветы завяли, и пламя угасло». Как это могло все произойти? С 1901 г. партия боролась против царя. Какая большая печальная мартирология молчаливых страданий, какая блестящая летопись... Гоц, Гершуни, Карпович, Каляев, Никитенко, Созонов, Войноровский, Покотиллов, Зильберберг, Сулятицкий, Прокофьева (женщина)¹ ... тысячи отдали свою жизнь за партию, миллионы заключены в тюрьмы и отправлены на каторгу в Сибирь, и, умирая, они ни одной минуты не сомневались, что их смерть справедлива, т.к. она была необходима для России. И каждый из них, умирая, лихорадочно произносил одни и те же слова: «За свободу и землю»; это кровью создавалась и укреплялась партия. Ее слава была огромной, сила тоже, и русский народ верил в нее, верил, что она была защитником и победителем.

Наконец, партия в 1917 г. победила, но ни Гоц, ни Гершуни, ни кто-либо из тех, которые были в первых рядах партии, не остались в живых. Появились лица «запасные», «тыловые». Керенский поднял флаг партии. Вчерашний адвокат заменил революционеров Созонова и Гершуни. Психология фронта не знакома тыловому человеку, жесткая беспощадная борьба была также не известна ему. Керенский даже не пытался бороться, и другие трусливо следовали его примеру, священный огонь погас. Дело партии было заменено словом. И затем ... затем эта Гатчина, бегство, Омск, капитуляция. Капитуляция без борьбы перед небольшой группой вооруженных людей, от выстрела, который раздался во дворце Марии, до трагикомедии в Сибири!...

Недостаточно быть только на словах с народом, недостаточно лишь чувствовать нищету народа, недостаточно лишь проникнуть в душу народа. Чтобы добиться полного доверия, надо войти в жизнь народа, нельзя спорить о борьбе и не принимать участия в ней, а только ждать, пока Россия будет освобождена, не зная, как это будет. Нельзя говорить о земле и свободе и бежать от

первого выстрела. Доверие, которое было завоевано в течение годов, — развеяно. Так только безрассудный сын проматывает богатство своего отца. И пришел день, когда Россия поняла, что от партии остались только слова, красивые, глубоко изученные, но это были только слова. Окровавленный флаг партии износился, он находится снова в руках Керенского, но не в России, а на улице Пуатье. Большевики умеют бороться, монархисты также. В течение 3-х лет коммуна производила разрушения в России, и в течение 3-х лет генералы старались ее победить. Колчак так же, как Юденич, Деникин, Врангель, мечтал в глубине души о реставрации. Они разбиты. Монархическая власть показала свою старость, она навсегда погребена.

Хорошо, а мы, остальные демократы, умели ли мы драться? Хорошо, а наша партия? Смогла бы она собрать все народные антибольшевистские силы, скрепить их кровавым договором и поставить впереди себя смелых бойцов и командиров предусмотрительных и умных?

Как бы ни были представлены партии на конференции в Париже, и несмотря на речи, которые будут произноситься на Учредительном собрании, всем известно, что час революции пришел.

Нельзя никакими представительствами, никакими речами заполнить пропасть бездействия. Я хочу надеяться, я хочу, чтобы парламентская партия превратилась в революционную, в такую партию, которая была во время Николая II. Я хочу верить, что расчеты и личные интересы ей чужды, как они были чужды Созонову, Гершуни, я хочу верить, что демократические крестьяне, очищенные пламенем новой революции, гордо поднимут вновь свое славное знамя за землю, свободу, за Россию. Пусть же вера эта укрепит, пусть она не оставит после себя ничего, кроме горечи...

Остается только горечь после наших надежд, провалившихся в Крыму...

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 139–141. Свобода. 27.01.1921 г.

¹ Члены партии социалистов-революционеров, занимавшиеся боевой и террористической работой.

176

Об одном письме

В последнее время я получаю много писем из лагерей для интернированных, письма отдельных офицеров, солдат, целых групп, иногда целых отрядов.

Эти письма наполнены горестью. Но что могу сделать? Я могу только просить, ходатайствовать за тех, с кем я воевал, за тех, чья жизнь мне бесконечно дорога, так как они любят Россию больше, чем самих себя.

Но не всегда эти униженные просьбы достигают цели. Мы – потерпевшие кораблекрушение, и я тоже только потерпевший крушение, я могу только пообещать одно: пока я жив, я нахожусь в распоряжении старых русских солдат.

Среди множества писем было одно, которое смутило меня и взволновало именно тем, что оно отвечает на мое беспокойство, и не только на мое, но и на беспокойство многих других, которые ставят перед собой вопрос: может быть, хватит бороться против красных, не нужно ли бороться против некоторых белых?

Возможно ли сделать первое без второго?

«Я, интернированный офицер такой-то дивизии», – пишет мне мой корреспондент, помещенный в какую-то казарму. – «Нашей дивизии, как Вы, вероятно, знаете, не выплачивают денежное довольствие уже 3 месяца, если не считать нищенских авансов, которые нам перепали. Между тем, в одном из номеров «Свобода» от декабря месяца было опубликовано, что наша армия и случайно наша дивизия получили много миллионов польских марок, также требовали от нашего командования отчет об израсходованных суммах, отчет, который задерживался всеми способами. Очевидно, эти миллионы, предназначенные для нас, затерялись в дороге. Но где?»

Отправляясь с фронта в казармы, мы думали, что нас ожидает полная ликвидация и окончательное рассеивание армии. Мы вспоминаем все ужасы ликвидации армии на северо-западе. После этой ликвидации много солдат и офицеров не получили расчета и остались выброшенными на улицу, обреченные на голод, холод, нищету в лесах Эстонии. Это-то и убило в нас душу, сердце и желание. В то время, как мы изматывали свои силы, ликвидаторы разъезжали в автомобилях, открывали отели и строили дома. Слово «ликвидация» стало для нас синонимом «вор».

Имея горький опыт прошедшего, можно было ожидать того же в момент новой ликвидации, так как герои прошедших времен, которые находились на северо-западе, и которых мы вспоминаем не иначе, как с проклятьем, эти «ликвидаторы» нашли место и в нашей армии. Они не были выгнаны, они не были повешены на первом попавшемся дереве, нет, они были уважаемы, а мы находились в подчинении этих грязных личностей. Обманутые столько раз и потерявшие веру, не только солдаты, но и офицеры находятся в отчаянии, и нередко можно услышать теперь: «Еще одна лавочка, мы – такие же, как и раньше, – ширма, с помощью которой собирают на капиталы. Нас продают, и за это честные демократы пьют шампанское. Можно ли нам идти за ними?». За кем мы должны идти? Многие говорят: «Нет, я больше не солдат, если начнется новая кампания, я уезжаю, пусть они сражаются одни».

Вопросы¹ запачкали честное русское дело, они каркают над нашими головами, чуя добычу. Они хотят уничтожить все, что было начато вами, они хотят быть на вашем трупе, насыщаясь вашей кровью, набивая себе карманы.

«Мы не можем бороться, мы ничтожные люди среднегословия. Мы тонем в море лжи, грабежа и несправедливости. Бесчестные, но сильные нас превращают в безмозглое стадо, которое можно стричь, как овец, они хотят убить в нас живую душу, приучая нас к подлости. Живя среди людей без морали, мы тоже морально разлагаемся».

Что же в этом письме имеется действительно волнующего? Кто же эти «черные вороны», «ликвидаторы», бесчестные, но сильные, морально разложившиеся и т.д.? Кадровые офицеры и солдаты, или те, которые много получают и с которых много спрашивают, те, которые отвечают за кадровых офицеров и солдат, т.е. высшее командование?

Имена героев ликвидационной армии на северо-западе известны всему миру. Это интендант, полковник, генерал, это государственный советник и такие же другие, т.е. «высшие» полковники и генералы. Бог мой, я начинаю понимать этого офицера, который пришел сказать одну вещь, но вещь ужасную: это господа генералы, которые виноваты во всем. Мы – гражданские, я – гражданский революционер. Нам, гражданским, ясно и очевидно, что военная власть не может быть властью независимой, которая бы не была подчинена никому, или подчиненная только в «политическом» смысле. Политическое подчинение означает, в переводе на русский язык, что высшее командование сохранит на месте интенданта, известного подлеца, несмотря на все просьбы, советы и указания. Советы, просьбы, указания – это вмешательство гражданских лиц в военные дела, это – подрыв авторитета военной власти. Политическое подчинение, в переводе на русский, означает, что если верховное командование захочет назначить начальником штаба кого-нибудь из лиц, известных с плохой стороны, оно не постесняется этого сделать, так как «это не ваше дело, и вы не военные. У вас достаточно комиссий». И под знаменем военных рождаются и распространяются воровы, интриганы, сплетники или люди, которые поют «Боже, царя храни» (старинный русский гимн).

И кадровый русский солдат, и офицер, который пришел в армию, чтобы сражаться за Россию, тонет в море лжи, грабежей, платя за грехи командования. Когда-нибудь раскрыта будет история этих взаимоотношений между гражданскими, с одной стороны, и высшим командованием некоторых отрядов, которые действовали на Западном фронте, с другой стороны. И когда эта история будет разоблачена, будет ясно, что недостаточно бороться с большевиками, что для победы нужно победить еще и некоторых белых, именно тех белых, о которых автор говорит в своем письме.

Можно было бы сказать: зачем нужно поднимать вопрос о белых в таких тяжелых условиях, зачем надо было начинать борьбу, не имея возможности одним ударом очистить авгиевы конюшни. Я отвечаю: лучше поднять русский вопрос при любых условиях, даже в самых трудных условиях, чем совсем не поднимать. Лучше драться за Россию даже с небольшой надеждой на успех, чем произносить в далеком Париже бесполезные речи.

История русских армий, сформированных в Польше, закончилась их переходом через польскую границу. Рассмотрим истину и скажем откровенно: многие белые не лучше красных, скажем откровенно, что чтобы победить красных, нужно вначале одержать победу над белыми.

И если в будущем мы будем призваны служить нашей матери – родине России, хотя бы как капля в океане, мы ей будем служить, вспоминая горький опыт прошлого, и наш прошлый опыт, и наше несчастье.

Искореним всех ликвидаторов и возложим наши надежды не на генеральские погоны, а на русский народ, на крестьян, добровольцев, на кадровых честных офицеров, смелых и скромных.

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 135–138. Свобода. 4.02.1921 г.

¹ Так в тексте документа.

177

О недоразумении

Многие были недовольны мной, прочитав мою последнюю статью. Я слышал, как говорили: что это за объединение, если Вы отбрасываете генералов? Если Вы отбросили генералов, этим Вы доказываете, что отвергаете и офицеров. Офицеры этого никогда не забудут. По их мнению, Вы не отличаетесь от Керенского.

Я признаю. Я долго действовал в союзе с генералами, со всеми генералами, которые боролись против большевиков, так же, как с Драгомировым и Лукомским. Было бы более справедливо сказать, что я – революционер, я старался действовать в союзе с ними, ибо в момент, когда, следя за моими слабыми силами, я пытался, по возможности, помогать Колчаку, Врангелю, генералы, как Драгомиров и Лукомский, оттолкнули меня, назвав нас «убийцами царя». Я им помогал, а они мечтали о возвращении золотого века, когда они могли иметь право меня повесить.

Почему я действовал таким образом? Было 3 причины: во-первых, выбирая между Троцким и Лениным с одной стороны, Колчаком–Деникиным – с другой, я не колебался и выбрал Колчака и Деникина, ибо я не мог остаться нейтральным. Пускай «патриоты», для которых родина есть пустой звон, умывают руки.

Во-вторых, я хотел верить тому, что среди генералов имеются многие, которые полагают, что реставрация царизма невозможна. Более того, я хотел верить тому, что многие среди генералов разделяют мысль Корнилова, т. е., что они движимы чувством любви к России.

В третьих, ввиду того, что генеральская среда была для меня чужда, я и не подозревал, что среди генералов имеется столько алчных, столько интриганов, что гнилое наследство было нам оставлено Николаем II.

В настоящий момент я не выбираю между Троцким и Лениным, Колчаком и Деникиным. Эти двое последних для меня больше не существуют, остались только Ленин–Троцкий, и если когда-нибудь я буду драться против них, я буду драться один или с теми, которые верят мне и моим друзьям.

В настоящий момент я не могу верить в добросовестность многих генералов, также я не могу верить, что многие из них разделяют идеи Корнилова. Корнилов – это полная противоположность Глазенапу, и не нужно никаких доказательств, чтобы это утверждать. Наконец, теперь я знаю, что чин генерала не мешает жадности. Эти примеры известны всему миру. Теперь я не могу идти в ногу с теми генералами, которые боролись с большевиками.

Разве это говорит о том, что я не войду в союз с некоторыми генералами? Конечно нет. Очевидно, что среди генералов есть честные люди, добросовестные и достойные, но их мало, намного меньше, чем среди простых офицеров. Пускай я восстанавливаю себя против всех генералов, пускай все офицеры встанут на защиту генералов, но я это говорю потому, что убежден в этом. Я это все взял из моего собственного, горького, трехлетнего, каждодневного опыта. Разве я должен скрыть то, о чем я должен кричать, кричать так, чтобы меня слышал весь мир. Кто погубил Колчака? Те, которые его окружали! Кто погубил Деникина? Кто погубил Врангеля? Те, кто его окружал! Кто же их всех окружал? Генералы, генералы военные или гражданские, государственные советники, – это все равно, это все та же каста, все те же Кривошеин и Ланковский. Дело не в политических убеждениях, а в том, что солдат-доброволец и обычный офицер близки к народу, в то время как генералы, за редким исключением, далеки от народа, генерал есть генерал, он еще и государственный советник со своей психологией касты. Уже давно Николай II не существует, уже давно «товарищи» царствуют в России, и в большинстве случаев генералы еще чувствуют «свое превосходство на службе его императорского величества». Говоря по-другому, они унижаются перед подчиненными, но они не служат народу и, следовательно, его не любят. И вот, русские солдаты и офицеры, интернированные на польской территории, имеют один выход по двойным путям: 1-й заключается в том, что они сами могли получить эту помощь

от избранной комиссии, и комиссия сделает справедливое распределение. Так в старой армии генерала Булак-Балаховича в Щипиорно, в Радоме, Плоцке, Рожаны. 2-й заключается в том, что названные офицеры делят средства. Так делается в старой армии генерала Пермикина в Лукове, Острове, в Торне.

В первом случае – выборный принцип, во втором – это даже не военный принцип, принцип генералов.

Чтобы не поколебать авторитет власти, которой больше не существует, интернированные лишены права заботиться о себе, и комитет перестает быть органом помощи и становится органом, который распоряжается без всякой ответственности.

Если вы будете настаивать на соединении 2-х армий в одну неделимую часть для распределения денежной помощи, какой бы малой она ни была, и что нужно избрать представителей всех лагерей, и что нужно создать экономическую комиссию, вы можете быть уверены, что вы не встретите реплик среди кадровых офицеров и добровольцев, только генералы будут все противоречить. Почему? Потому что генералы в принципе далеки от масс, и они привыкли к мысли, что власть существует только для них.

Так делается во время войны, и не может быть по-другому, но мы больше не воюем. У нас нет больше армии, у нас только интернированные. Генералы не замечают этой разницы. Заметили ли они, что Николай II больше не существует? Я ставлю снова этот вопрос. Много ли есть генералов в действительности, которые поставили крест на прошлое, не на словах, а на деле?

Пусть они дадут себе ясный отчет в сознании пробужденного народа. Или многие из них еще мечтают о реставрации прежнего положения, не веря в народ и надеясь только на Берлин, Людендорфа и спасительные немецкие штыки.

Борис Савинков.

«Неизвестный читатель» пишет мне, что своими статьями я даю оружие большевикам против меня и старых армий. Я отвечаю на это: в армии Деникина, Юденича, Врангеля было принято скрывать преступления и ошибки белых. «Все было хорошо», как во времена Николая II, и это события, которые доказали, что этим хотели сказать.

Если мы не имеем мужества дотрагиваться пальцем до наших ран, мы их никогда не залечим. И если мы их не выличим, Россия не может быть возрождена, потому что сердца завоевывают не мечом, а правдой. Тот, кто боится правды, не должен иметь место среди борцов за освобождение России.

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 132–134. Свобода. 04.02.1921 г.

О «керенщине»

Последнее время меня часто обвиняют в том, что я слеую режиму Керенского: «Вы похожи на Керенского, Вы расшатываете дисциплину, Вы ведете кампанию против кадровых офицеров, Вы расшатываете базу регулярной армии». Объяснимся. Я хочу, чтобы я был понят до конца, я не призываю никого следовать за мной. Пусть каждый выбирает сам: хочет ли он опять идти со мной, или с теми, которые меня осуждают.

1. «Керенщина» предполагает отсутствие связи и деятельности власти. Керенский никогда не боролся ни против царя, ни против большевиков. Он только произносил речи. Я не думаю, что я заслужил подобного упрека.

2. Дисциплина была расшатана приказом № 1. Я считаю этот приказ преступлением, но я считаю также преступлением ударить солдата, обругать его и кричать на него без всякой причины и обращаться с ним, как «со здоровым животным».

3. Моя кампания против кадровых офицеров состоит в том, что если один кадровый офицер позволит украсть деньги у солдата, я требую, чтобы месть была в тюрьме, но не в моей армии. Я уважаю и ценю кадровых офицеров, но я не уважаю и не ценю людей никакой касты, если была бы та каста генералов штаба, даже гвардии.

Я хочу подорвать основы регулярной армии только своим выступлением, выступлением гражданского человека, который осмеливается утверждать, что регулярные армии Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля потерпели поражение, и что это поражение, повторенное 4 раза, доказывает, что эти регулярные армии неспособны сбросить иго большевистской власти.

Объяснимся еще раз. Последний пункт заслуживает особого внимания. Я ставлю вопрос: что мы хотим? Разбудить революцию в России или предпринять поход на Москву, следуя правилам военного искусства. Тот, кто хочет идти на Москву, следуя правилам военного искусства, не может быть моим спутником. У меня есть вера, и я знаю, что революция крестьян и казаков стоит на пороге расцвета в России, результатом этой демократической революции Россия, вчера – страна помещиков, сегодня – коммунистов, станет завтра страной мелких частных собственников, где не будет ни царя, ни чрезвычайной комиссии, страной свободной, сильной, богатой, какой она не была до сих пор. Я борюсь за такую третью Россию. Чтобы придать этой революции, которая находится в стадии расцвета, не анархического характера, т.е. разрушителя, а характер созидателя, и чтобы объединить разрозненные крестьянские действия, необходимо прибегнуть к вооруженной силе. Эта вооруженная сила должна

представлять собой постоянную революционную армию, какой был легион Гарибальди. Легион Гарибальди опирался на самую жесткую политику. Но этот легион отличался от регулярной королевской армии. Он не располагал многочисленными штабами и тылами, в нем не было классовых привилегий, у него не было «Боже, царя храни». И наоборот, каждый солдат знал, что он борется за свободу. Каждый солдат мог получить высший чин, каждый солдат был не только солдатом, но и революционером. Гарибальди спас свою родину. У нас нет подобного Гарибальди среди нас, но мы не все воры, негодяи, интриганы, карьеристы. Среди нас есть честные люди, готовые умереть за свою родину и свободу. Эти люди – генералы, полковники, гражданские, лейтенанты, казаки, солдаты – и смогли бы, если позволили условия, соединиться и образовать единую сильную армию, легион Гарибальди для защиты России.

Люди опытные и ученые должны будут взять командование в свои руки. Молодые и неопытные должны быть под командованием своих начальников. Все вместе они исполнили бы волю народа, т.е. волю крестьян, которые поднялись бы и, выполняя это желание, они сохранили бы порядок и объединили отдельные крестьянские действия. Если все это будет выполнено, Красная армия, которая состоит также из крестьян, сложит оружие и убьет своих комиссаров. Если все вместе решат эту проблему, они дойдут до Москвы, не встречая почти препятствий. Таковы мои мечты и надежды. Возможно, что это только мечты, но мне предназначено еще служить моей родине, и если мне предназначено продолжать мою священную борьбу, я не побоюсь ничего, никаких упреков, никаких обвинений, и я не пойду с теми, которые ненавидят Февральскую революцию, которые желают восстановления власти частных собственников и царя, которые защищают привилегии и касты. Пусть они следуют за теми, для кого все это безразлично.

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 129–131. Свобода. 12.02.1921 г.

179

Еще раз о погромах

Стыдно говорить о погромах. Стыдно признаться в этой истине: не должны резать детей, убивать обезоруженных мужчин, насиловать женщин, грабить и т.д. Стыдно, но в то же время невозможно скрыть. Погромы существовали в деникинской армии. Они объясняются его «тенденцией». Погромы существовали в национальной добровольческой армии. Они объясняются наличием Булак-Балаховича. Погромы существовали и в Красной армии. Чем это можно объяснить? Объяснения различные, смысл один и тот же. Это ясно,

т.к. мы имеем дело с событиями, у которых глубокие корни, с одним событием, которое невозможно объяснить только одной бездеятельностью начальников. Будем справедливыми. Если бы в погромах обвиняли одних только начальников. Это было бы все равно, что обвинять только стрелочников в железнодорожных крушениях. Антисемитизм мне был чужд с самого моего рождения. С детства я не мог никак понять, как можно ненавидеть человека по одной причине, что он не одной расы и не одной религии со мной.

Пуришкевич мне казался фанатиком, но он существовал, он существовал как реальный факт, как живой человек, действующий энергично. И антисемитизм существовал тоже как реальный факт. Пуришкевич больше не существует, но антисемитизм продолжает существовать до настоящего времени. И сейчас он мне чужд, как был чужд раньше. Однако, есть сотни разных людей, которые думают и чувствуют иначе, чем я, чем мы, для которых не существует разницы между эллином и евреем. Есть крестьяне, которые ненавидят весь израильский народ, потому что еврей-комиссары отнимают у них хлеб и скот. Есть солдаты Красной армии, которые тоже ненавидят весь еврейский народ, потому что правящие политики-евреи направляют их на бойню.

Среди добровольцев тоже есть такие, которые ненавидят еврейский народ, потому что члены чрезвычайной комиссии – евреи расстреливают их семьи. Таких крестьян и добровольцев много. Не нужно прятаться от истины. Нельзя закрывать на это глаза и делать вид, что этого не видишь. Невозможно заставить всех антисемитов уважать человеческое достоинство. Но тогда как действовать? Как ликвидировать ужасные погромы, которые возобновляются вновь? Предать трибуналу около двухсот солдат, офицеров и генералов, одних виновных в организации погромов, других в их допущении. Конечно, их всех надо предать суду. Конечно, нужно их всех приговорить к самому тяжкому наказанию. Члены польского парламента, поставившие этот вопрос в парламенте, правы. Погромы не могут остаться безнаказанными, но решение ли это вопроса? Я думаю, что наказание было бы только временно помогающим средством. Я думаю, что если бы в России была сформирована настоящая армия, дисциплинированная армия порядка, легион Гарибальди, о котором я говорил раньше, даже в этом случае погромы, прекращаясь там, где действовал этот легион, еще долго не прекратились бы в других частях России, раздираемой гражданской войной. Я думаю, что погромы не прекратятся до тех пор, пока Россия, вчера царская, сегодня – коммунистическая, не возродится и не станет после восстановления подлинно демократическим государством. Я – русский, я страдаю за страдания евреев. Я русский, и я стыжусь грубой жестокости русских.

Я русский, и я хочу мира и свободы для всех: для русских так же, как и для евреев.

И, сражаясь за новую 3-ю Россию, я сражаюсь также за мир во всем мире, за братский союз всех народов. Я сражаюсь также и за еврейский народ, который столько выстрадал.

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 127–128. Свобода. 15.02.1921 г.

180

Русская Вандея

Генерал Врангель находится в Константинополе. Его войска интернированы в Галлиполи, Чальджи и Лемносе.

Большевики царствуют в Крыму. Русский национальный флаг опущен. России больше не существует, а есть Советская федеративная республика. Вот результат трехлетней борьбы с большевиками. Корнилов и Алексеев, затем Колчак и Юденич, Деникин и Врангель. Поражение за поражением. Падение Врангеля закончило ли весь период русской Вандеи?

Когда я произношу это слово *Вандея*, я в него вкладываю не только отрицательный смысл, но и смысл, в котором чувствуется глубокое уважение. Если бы русские не вели борьбу в течение 3-х лет против большевиков, если бы они не шли через степи, через непроходимые льды, если бы они не шли на Петроград, если бы не защищали Сибирь, если бы Терек и Кубань, если бы в Крыму не был поднят после Новороссийска русский флаг, мы, русские, были бы вынуждены признать, что у нас нет и Родины – это предрассудок. Если честь спасена, и если мысль о Родине, о России не умерла до сего времени, этим мы должны быть обязаны неизвестным героям, которые отдали свою жизнь под Псковом, Омском, Новороссийском, Орлом, Казанью и Перекопом, и на всей русской земле. Мы этим обязаны Корнилову, Алексееву, Колчаку, Деникину и Врангелю, вечная слава им.

Они сохранили мысль о Родине, но никто из них не смог восстановить Россию. Врангель так же, как и Корнилов.

Чем можно объяснить эти поражения?

У Колчака причинами являются воровство, интриги и непонимание народного духа. У Деникина – то же самое, у Врангеля – то же. Роковой закон давил на них.

Отважные люди были окружены врагами, люди наиболее бескорыстные – карьеристами, демократы – реакционерами времен Николая II.

Что же оставалось делать нам, которые предвидели это неизбежное поражение? Омыть руки, как это делают многие «патриоты», или признать наш русский флаг, славный и гордый раньше, и покачнувшийся теперь, настоящим ветром разорванный, запач-

канный, но наш родной русский флаг. Признать – это значит помочь, признать – предупредить. Признать и ему служить терпеливо. Я его признаю и этим горд.

Но Вандея закончилась. Она больше не вернется. Врангель, возможно, гордый и одаренный, но он не сумеет высадиться на Кубани. Он останется главой армии, но никогда не сможет создать Перекопского перешейка, он никогда не смог бы укрепить Севастополь, сделать высадку на Кубани. Он останется всегда командующим армией, но он никогда не будет главой государства.

Потеряв одну армию, можно создать новую. Потеряв территорию, можно еще сражаться, можно захватить вновь потерянную территорию. Но потеряв и территорию, и армию, нужно признать свое полное поражение, и если хотят еще драться, можно это сделать, но другими средствами, проанализировать глубже смысл поражения и устранить его причины.

Причина этому – Вандея. Вандея – это борьба за старое.

Недостаточно написать демократическую программу, нужно ее провести в жизнь.

Деникин – за Учредительное собрание, но штабы, тыл армии, «Осваг»¹ Деникин – за «Императорское величество». То же относится и к Колчаку и к Врангелю.

Если вы скажете крестьянам, что частные собственники, землевладельцы освободили их от коммунистов, они все равно не поверят. Скажите солдату Красной армии, что он будет свободен² от коммуны одним из генералов старого режима, и он вам также не поверит.

Русский народ не верит в Вандею.

Каким же образом могла она восторжествовать? Представьте себе, что Вы крестьянин. Русские вас мобилизуют, реквизируют Ваш хлеб, скот, Вас расстреливают за дезертирство.

Белые вас мобилизуют, реквизируют Ваш хлеб, скот, Вас расстреливают за дезертирство. Имена красных Вам чужды и ненавистны (Ленин, Троцкий, Подвойский). Имена белых Вам тоже чужды и ненавистны (Климович, Кривошеин, Глинка).

Красные говорят: мы за народ, за крестьян. Белые говорят: мы за народ, за крестьян. Красные скрывают за этими словами «Чрезвычайку», белые – слово «Царь».

Что бы Вы сделали, находясь в этом безвыходном положении? Крестьяне ненавидели одних и других и склонялись перед теми и другими. Коммуна и Вандея не одно и то же?

Крестьяне не будут бороться ни за коммуны, ни за Вандею, даже если они это сделают, то только под угрозой принуждения, в порядке мобилизации.

Чтобы крестьянин боролся, не щадя своей жизни, нужно, чтобы дело белых стало делом крестьян, а не делом собственников, министров и «правительств всероссийских», которые создаются сами. Но тогда нужно выгнать интриганов, воров, епископов, Вениамина

и все наследство старого режима. Но ни Колчак, ни Деникин, ни Врангель не хотели произвести этой операции. Но тот, кто смог бы это сделать, превратить борьбу против большевиков из борьбы за старый режим в борьбу за свободную и крестьянскую Россию, – тот будет победителем большевиков.

Для этой борьбы нужна помощь солдат иностранных государств, но не нужна помощь миллионов французов.

Нужна только горячая любовь к народу и вера в русских крестьян.

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 123–125. Свобода. 19.02.1921 г.

¹ Так в тексте документа.

² Так в тексте документа.

181

Русские дела

Мне достали программу «Национального союза защиты и свободы Родины». В то же время мне сообщили, что согласно этой программе в России организовалось тайное антибольшевистское общество, название которого мне известно. Тот, кто был в Москве весной и летом 1918 года, тот, кто принимал участие в восстаниях в Рыбинске и Ярославле, знает деятельность союза так же хорошо, как и я.

Вот документ, который я получил.

Программа «Национального союза защиты и свободы Родины»¹

1. Непримируемая борьба против советской власти, враждебной народу и лишаящей его свободы выразить свое желание для организации своей жизни.

2. Борьба против большевиков собственными силами русского народа, не прибегая к помощи иностранной вооруженной интервенции.

3. Освобождение красных солдат и офицеров и также советских служащих и рабочих, силой попавших в рабство, чтобы дать им возможность достойно по-человечески существовать.

4. Решительная борьба против приверженцев царизма, мечтающих восстановить старый режим, также против помещиков, которые хотят захватить землю крестьян.

5. Гарантировать крестьянам землю, полученную ими во время революции, также, как и хозяйства, которые были советизированы.

6. Установление демократического режима, основанного на народной власти.

7. Установление республики в России с помощью Учредительного собрания, избранного на основе прямого, всеобщего и тайного голосования.

8. Признание правительством независимости народов, составляющих бывшую русскую империю, и которые создали собственные государства, так же, как политическую и экономическую связь с ними.

Я готов подписать свое имя под подобной программой.

Я не сомневаюсь, что это же сделают все мои друзья и все те, кто боролся за новую «третью Россию», крестьяне, ждущие не только собственного освобождения, но также и освобождения других: украинцев, латышей, эстонцев, белоруссов, жителей Кубани и других народов, населяющих бывшую русскую империю.

Но будет ли это одобрено членами Учредительного собрания, которые присутствовали на конференции в Париже. Не смогут ли они использовать возмущение среди эмигрантов, полагающих, что из Лондона, Парижа, Варшавы видно лучше, что делается в России, нежели из Пскова и Петрограда.

Эмигранты за границей, не захотели ли они назвать всех тех, которые борются с большевиками в России «расчленителями Родины». Ваш покорный слуга входит в число этих преступников.

Согласно утверждениям некоторых эмигрантских групп, признающих независимость пограничных стран, я – несчастный, я не делаю ничего другого, как только «делю» (я еще не разделил) Россию.

Я счастлив, что отклик настоящей русской мысли дает мне право сказать, что признание (ужасная оговорка) Украины, например, и дружественные отношения с атаманом Петлюрой не будут считаться моим преступлением в России, в России, которая еще не примирилась с большевиками и которая не осталась безучастной к событиям.

Второй пункт программы тоже заслуживает внимания.

Долго я был сторонником интервенции, но ... обманутый надеждами в Рыбинске, Ярославле, Севастополе ... Я предполагаю, что комментарии излишни.

Я полагаю также, что там, где не говорят о войне, о революции, иностранная помощь людьми необязательна, ибо солдаты других стран не смогут никогда возродить нашу Родину. Эта истина проста и ясна, но ее трудно понять тому, кто потерял свою Родину, кто устал от борьбы, кто, отвергнутый всеми, потерял свою веру.

Мы, русские, испив до дна горькую чашу, мы должны найти в себе силы, чтобы спасти, восстановить и сохранить то, что дороже жизни, дороже всего на свете – Россию.

Что можно попросить у иностранцев, у наших союзников: винтовки, пулеметы, пушки, которыми мы умеем сами владеть.

Я приветствую организацию (восстановление) Национального союза защиты и свободы Родины. Я приветствую его программу, я приветствую его опасную и плодотворную работу. За свободу и Родину.

Борис Савинков.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 120–122. Свобода. 23.02.1921 г.

¹ Так в тексте документа.

Прошлое обязывает

Орган эсеров «Воля России» грубо нападает на меня в одном из своих последних номеров. Я не отвечаю на оскорбления и на этот раз я также не отвечу. Я хочу указать только на одну фразу: «прошлое обязывает», да прошлое обязывает. С этим я обращусь к эсерам, хотя бы они этого или нет, я хочу рассказать о своей жизни перед любой аудиторией, пожелавшей этого. И пусть один из эсеров, наиболее уважаемый и известный, расскажет мне о своей. Я заранее знаю, что этот эсер будет более искусен и талантлив, чем я, что он будет облечен доверием партии, и что его программа будет более цельной, чем моя. Но я также знаю, что при всех этих качествах я смогу восстать против этой «маленькой луковицы», о которой говорит Достоевский, и которой не обладают эсеры. Я всегда боролся. Я боролся с Николаем II, боролся с большевиками. Я начал борьбу против Николая II еще восемнадцатилетним юношей. Я начал бороться против большевиков с первого дня их революции 25 октября 1917 года. Я боролся с Николаем II вместе со всеми, кто был против него: с Милюковым, ... Мартовым, Мазуриным... Я боролся также с большевиками с помощью тех, которые боролись против них: с Колчаком, Деникиным, Врангелем и также, я даже боюсь признаться, с Петлюрой.

В первой и второй борьбе я преследовал одну цель – создание третьей России, которая бы не была ни царской, ни дворянской, а демократической, народной и крестьянской Россией.

И в этой борьбе я не довольствовался разговорами. Они мне ничего не принесли.

Я был в Петрограде, когда убили Плеве, в Москве, когда был убит великий князь Сергей, в Севастополе, когда убили Чухнина, в Рыбинске, когда сражался Перхуров, в Казани, когда сражался Каппель, в Мозыре, когда сражался Балахович. Я был еще во многих городах, охваченных революцией. Да, прошлое обязывает. Мое прошлое обязывает к борьбе до тех пор, пока Ленин и Троцкий являются хозяевами в Москве, даже если Колчак, Деникин, Врангель не существуют больше, и эсеры борются только с помощью «Воли России».

Я могу утверждать, что до настоящего времени я оставался и остаюсь верен своему прошлому.

Савинков.

Интервью с Савинковым

Сотрудник «Джайнт» имел интервью с Савинковым по вопросу погромов, в организации которых, как говорят, он участвовал.

Вот, что сообщил Савинков.

– После моего прибытия в Польшу осенью прошлого года я нашел здесь генерала Балаховича и его армию, так как с 25 октября 1917 года я поставил перед собой задачу бороться всеми имеющимися средствами с большевизмом, и так как я нашел в этой армии организацию совсем готовую, я должен был только выбирать: или отказаться от борьбы, или связаться с названной организацией. Я прекрасно знал людей армии Балаховича и не имел большого желания сотрудничать с ними. Однако я был вынужден это сделать. Я обещал представителям еврейской прессы всеми силами бороться против погромов. Это я был автором суровых приказов, опубликованных в отделах штаба армии Балаховича, запрещающих погромы и насилия.

Все знают, каков был результат этих приказов. В этом была не моя вина, я был не способен бороться со злом, я мог только оплакивать вместе с евреями эти печальные события. Все, что я рассказал, я могу доказать, я готов даже предстать перед судом компетентной еврейской организации, чтобы положить конец всем этим ложным слухам, которые еврейское общество распространяет по моему адресу. Я докажу документами, что благодаря моему вмешательству солдаты, которые принимали участие в погромах, расстреляны, это благодаря мне был составлен список участников этих погромов, в то время как сейм только обсуждал этот вопрос. Только благодаря мне 300 обвиняемых предстали перед военным трибуналом. В настоящее время я порвал всякие отношения с Балаховичем. Я должен добавить, между прочим, что он является настоящим демократом, но лишен воли и совершенно бесхарактерен. Между этим человеком и мной не может быть и речи о сотрудничестве. Я хочу опубликовать в скором времени книгу, в которой будут помещены все документы, доказывающие, что я далек от антисемитизма, и которые прольют свет на роль, которую я играл в армии Балаховича.

По отношению к событиям, происходящим в Белоруссии, я утверждаю, что военные отряды, связанные с нашей организацией (Союз защиты и свободы родины) избавлены от преступных элементов, и что задача их состоит в энергичной борьбе против банд, которые организуют погромы, я отвечаю за эти отряды с моральной точки зрения. Они находятся в контакте с еврейскими боевыми группами, организованными для борьбы с бандами убийц. Эти еврейские группировки неоценимы в нашей борьбе с большевиками, за это мы их поддерживали всеми имеющимися у нас средствами.

Положение в Белоруссии, однако, очень серьезное, так как Балахович получил право формировать там военные отряды, очень опасные для евреев. Наш успех зависит исключительно от евреев, поэтому мы решили работать совместно с ними. На нашей совести не будет никогда лежать ни капли еврейской крови, ни слез.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 239–240. Наш курьер. 10.08.1921 г.

184

Генерал Балахович о заявлении Савинкова

Генерал Булак-Балахович послал следующее письмо как ответ на заявление, которое господин Савинков сделал представителю «Джайнт».

Вы хотите услышать мое мнение о Савинкове, я кое-что знаю. Интересно, что с момента конфликта между Савинковым и мной, с момента, когда я просил отдать мою армию, видя вызывающую политику Савинкова и его союзников, когда я разоблачил его план и сообщил польскому правительству преступления, которые Савинков поддерживал с единственной целью организации погромов, именно в этот момент появляется вышеупомянутое интервью.

Считая себя всегда защитником интересов польского государства, гражданином которого я являюсь и за которое я пролил кровь, я очень удивлен, услышав, как господин Савинков объясняет везде и всюду, что я, генерал Балахович, добился разрешения со стороны польского правительства организовать партизанскую войну в Белоруссии.

Я заявляю, что я не только не добился подобного разрешения, но я обязался отказаться от всяких агрессивных действий и с честью сдерживаю мое обещание и мои обязательства.

Узнав, что обвиняют некоторых моих людей, среди которых имеются действительно виновные, получившие субсидию от Савинкова, который надеялся использовать их в интересах своей политики, я протестую перед властями, и я показал результаты этой преступной и разрушающей политики г-на Савинкова.

Этот последний был осведомлен об этом.

Я сильно сомневаюсь, что польское правительство разрешит г-ну Савинкову организовать восстание. Он действует скорее на свой страх и риск, без согласия польского правительства.

Заявление, которое он сделал, ставя это правительство в невыгодное положение, особенно по отношению к Советам, и доказывает или злонамеренье Савинкова, или его полную некомпетентность в политике.

Теперь поговорим об антисемитизме г-на Савинкова. Разве этот последний считает евреев настолько наивными, чтобы принять все-

рьез, что он имеет ребенка от еврейки и не понимать действительности, что деятельность Савинкова в этом направлении всегда была преступной. Наконец, дело будет разбираться на суде, где я хочу выступать и которого жду с нетерпением.

Я интернировал свою армию для того, чтобы изгнать оттуда убийц и разоблачить виновных, чтобы смыть позор, чтобы восстановить честь своего имени и своей семьи, честь, которая была затоптана ногами моих врагов.

Я не стараюсь свалить ошибки на спину других, как это делает Савинков, между тем, я буду счастлив пролить свет на все это дело.

Савинков признает, что его организации работают в Белоруссии, он добавляет, что офицеры, которые [защищают] погромы, это офицеры из моей армии. Хорошо, я заявляю, что нужно арестовать офицеров Павловского, Войцеховского, Сувалова, Павлова и других, субсидируемых и политически воспитанных Крестьянским революционным комитетом. Эти обвиняемые офицеры, которые являются предметом расследования в моей армии, были освобождены Савинковым и продолжают работать с ним в Белоруссии. Последний погром – результат их работы, который Савинков спихивает на меня.

Я слабохарактерный, по мнению Савинкова, я обращаюсь к польским властям, чтобы задержать помощников Савинкова, которые, благодаря «твердости» их характера, зашли слишком далеко в «твердой» политике последнего.

Савинков говорит о моем демократизме. Вот уже три года, как я сражаюсь как сын своего народа, за защиту интересов этого народа. Я доказал на фактах, что я – демократ. Я никогда не пользовался своей властью, не стремился к власти. Но те же факты будут служить для разоблачения ложного демократизма Савинкова.

Я готов дать все необходимые сведения, так как я не думаю ни убегать, ни скрываться. Это было бы преступлением по отношению к героической группе добровольцев, честь и свобода которых были отняты по причине наличия некоторых провокаторов в армии, наделенных низшим инстинктом.

Генерал-лейтенант
Станислав Булак-Балахович.

ПФ-9489. Т. 2. Л. 236–238. Наш курьер. 12.08.1921 г.

185

Сообщения польских газет о деле Б.В. Савинкова

1) «Курьер поранный» в № от 31 августа дает интервью с друзьями Савинкова. Философов заявил, что абсолютно не верит покаянию Савинкова. Даже враги его признают Савинкова умным,

между тем то, что приписывает ему советское сообщение, было бы истинной глупостью. Если бы он хотел помириться с советской властью и призвать эмигрантов к тому же примирению, то ему не требовалось для этой цели ехать с фальшивым паспортом в советскую Россию. Он мог бы убеждать эмигрантов с большей свободой в Париже, где он жил в последнее время, чем в московской тюрьме. А если бы он действительно вел переговоры за границей с большевиками, то мог бы добиться для себя более выгодных условий, чем 10 лет тюрьмы. Всем, знающим Савинкова, известно, что он не скрывает своих взглядов и умеет идти против течения. Я поверю в покаяние Савинкова лишь тогда, – закончил Философов, – если Савинков на свободе, т.е. за границей напишет письмо, в котором подтвердит все то, что ему приписывают советские сообщения.

Запрошенный Арцыбашев заявил, что не верит ни одному слову в советском сообщении. Большевики могли убить Савинкова, если поймали действительно его, а не Степанова, и, заявив о даровании ему жизни, опубликовать декларацию, которой он не делал. Я знаю, что такое большевистский суд, заявил знаменитый писатель; я знаю судей, которых упоминают в сообщении – Ульриха и Камерона: это кровавые палачи.

Португалов, один из редакторов «Свободы», заявляет, что опубликование вымышленной декларации Савинкова является утонченной пыткой большевиков, продельваемой над Савинковым. Они издеваются над пленным врагом, показывая ему газеты, позорящие его. Впрочем, Португалов не уверен в том, что вся история – с начала до конца – [не] является мистификацией.

Сейчас в Варшаве находится Турчинович, сестра Савинкова. Известие об аресте брата чрезвычайно ее испугало и было полнейшей неожиданностью. Она не допускала мысли, чтобы он мог поехать в Россию. «Трудно даже представить себе, до какой степени они его ненавидят», – заявила она. Мысль о покаянии Савинкова она, как и все его друзья, отвергает с величайшим негодованием.

В «Курьере поранном» от 4 сентября собственный корреспондент газеты телеграфирует из Риги: «Проживающие здесь русские революционеры проливают известный свет на заявление Савинкова, что его, якобы, заставили совместно работать с таким бандитом, как Балахович». Они утверждают, что Савинков уже тогда стремился создать общерусский фронт для борьбы с большевизмом. С большим трудом Савинкову удалось получить согласие Балаховича работать вместе. В подтверждение этого упомянутые лица заявляют, что Савинков пошел значительно дальше, т.к. работал вместе с такими авантюристами, как Пермикин и Аксаков, которые до того были совершенно неприемлемы даже для Балаховича. Будучи начальником вооруженных сил, Савинков охотно принимал к себе офицеров из армии Юденича, который был решительным чернос-

тенцем. Как русская демократия, так и Балахович с беспокойством наблюдали за этими шагами Савинкова, но протестовали лишь в беседах с ним самим, чтобы не ослабить в разгаре боя с таким трудом организованные отряды. Очевидцы рассказывают подробности, характеризующие Савинкова как человека. Когда отряды, в которых были русские, белорусы и украинцы, вошли в Мозырь и Каменец-Коширский, Савинков принял ряд подарков, награбленных его солдатами у местных евреев. Между прочим, он взял ограбленную у еврея шубу, которая у него находится и по сей день. Этот выдающийся революционер и демократ совершенно спокойно принимал на фронте рапорты о самых ужасных еврейских погромах, совершаемых его солдатами в занимаемых пограничных местечках. Так характеризуют Савинкова его соотечественники и сотрудники.

В большой передовой от 31 августа «Курьер польский», между прочим, пишет: «Дело Савинкова является для нас еще одним доказательством того, что под красной коммунистической звездой собираются по давней системе московских царей «земли и люди русские», великодержавный русский национализм, некогда выступавший под двуглавым орлом, явно укрепляется».

«Работник» 4 сентября посвящает Савинкову передовую статью «Конец Савинкова». Особенно любопытны в ней следующие утверждения газеты: «Решающую роль в измене Савинкова сыграла не перемена убеждений, не уверенность в том, что советское пр[авительст]во является соответствующим и желательным для страны, но исчезновение боевого настроения и подчинения господствующей силе у самого Савинкова».

По мнению газеты, дело Савинкова напоминает дело члена Исполнительного комитета Народной воли Льва Тихомирова. Так же, как и сейчас, в 1887 году, как гром среди ясного неба, на русскую эмиграцию упала брошюра «Почему я перестал быть революционером». С верой в царя Тихомиров соединял государственный российский шовинизм. Сейчас Савинков уверовал в Советы, соединяя с этим также государственный русский шовинизм. Если Савинков будет пользоваться теперь каким-либо влиянием, то именно путем разжигания российского империализма в советской одежде. Как измена Тихомирова никого не убедила в ценности царизма, так точно конец Савинкова – отказ от борьбы с Советами и покорность перед ними – не убедит никого в ценности и спасительности советского строя. Деятельность Савинкова была в значительной мере политической авантюрой. Эта деятельность обанкротилась; но это лишь эпизод. Он ничего не изменит в том процессе, который раньше или позже приведет к победе социалистической демократии над большевистско-русским вырождением.

Осень 1924 г.

Н-1791. Т. 17. Л. 126–128. Машинописная копия.

Приложение

186

Б. Савинков – С.А. Савинковой¹

3 июня 1917 г. Штаб 8-й армии.

Милая мама.

Получил сегодня твое гневное письмо. Ах, милая мама, ей богу я не виновен, но рад, что ты сердишься: это значит, что ты любишь меня.

В Петрограде я прожил месяц. За этот месяц я 2 раза был у Гаккелей и Кричинских (живут в одном доме). Оба раза, чтобы увидеть Таню и Витю. У Эйзена был один раз и просидел часа 2, ибо хотел закрепить свою связь с «Нивой». Все время в Петрограде я был занят ежесекундно, но все-таки выбрал, чтобы попрощаться с тобой, несколько часов, но ты сказала мне по телефону, что ты как раз в это время будешь у Семевских, а другого времени у меня уже не было. Как можешь ты сомневаться в моем желании видеть тебя? Мне это даже смешно. Ведь ты знаешь, как я тебя люблю.

Я и здесь занят ежесекундно. Поверишь ли ты мне и на этот раз? Я работаю 16 часов в сутки и не успеваю сделать всего. 10 последних дней возился с крупными волнениями в одном из корпусов и, не прибегая к вооруженной силе, добился успокоения. Главнокомандующий меня благодарит, но, кажется, в Петрограде находят, что я не был достаточно решителен. А впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Во всяком случае долг свой, как я его понимаю, я исполнил.

Ах, как хочется спать. Я почти не сплю. Не знаю, надолго ли меня хватит. Милая мама, не гневайся, знай что ты для меня всегда мама и не сомневайся во мне.

Адрес Вити: Действ[ующая] армия, 115 арт[иллерийская] бр[игада], адъютанту 2 дивизиона.

Целую тебя, твой сын *Борис*.

ПФ-948. Т. 1. Ч. 2. Л. 42. Рукопись.

¹ Савинкова Софья Александровна (1855–1923), мать Б. Савинкова. Писательница и мемуаристка. Летом 1917 г. выступала в печати, поддерживая деятельность сына. С 1920 г. в эмиграции. Умерла 27 марта 1923 г. в Ницце.

26 июня 1917 г.

Милая мама,

я писал во «Власть народа», чтобы гонорар впредь высылали тебе. Прошу тебя пересылать его Мар[ии] Александ[ровне] в Ниццу. Если это затруднительно, Макаров поможет тебе, я просил его. Прошу тебя, извещай меня о высылке денег.

Ради Бога, где Женя? Выехала ли? Соня мне писала давно, что выехала, но известий нет.

Я получил новое назначение: Комиссаром всего Ю[го]-З[ападно-го] фронта. Я снова буду всегда в разъездах, но теперь дело еще труднее и сложнее. У меня огромный штаб. Адрес мой: либо Штаб главнокоманд[ующего] Ю[го]-З[ападным] фронтом, военному комиссару и т.д., либо Б.В. Савинкову, 81-Петроградская женская гимназия, Славинской, Каменецк-Подольск.

Надеюсь, что выберусь к Русе.

Во время боев 18–19 я был у Керенского. Его известная телеграмма средактирована отчасти мною. Керенский сказал при всем штабе: – Там, где командовал армией Савинков – победа, где Командующий – неуспех. Это, разумеется, огромное преувеличение. Я был обстрелян шрапнелью, винтовками, легкими снарядами и тяжелыми. Еще не достает пулеметов.

Керенский разрешил перевести [управление] на Ю[го]-З[ападный] фронт. Я ему об этом телеграфировал.

Милая мама, я загорел, как голенище, сплю в халупах, ем черт знает что, глотаю пыль в автомобилях, но здоров и счастлив, если бы не мысль о Жене и Левочке.

Милая моя, родная мама, крепко тебя целую,

твой сын Борис.

ПФ-9489. Т. 1. Ч. 2. Л. 43. Рукопись.

Из письма А.И. Эрмана Б. Савинкову

[После столкновений с Виктором Викторовичем в Варшаве его друзья распространяют про Эрмана слухи, что он работает на монархистов, стал германофилом и немецким агентом.]¹

Все это, вместе взятое, заставило меня написать Вам это письмо, но т.к. я хотел одновременно послать Вам для воспоминаний данные о деятельности ударных групп и деятельности разведки и контрразведки «Союза защиты родины и свободы» в Москве в 1918 году, то

благодаря этому письмо вышло на несколько десятков листов, и теперь не знаю, как его отправить, хотя между Польшей и Данцигом почтовой цензуры нет.

Там много интимного, я не хотел бы, чтобы это попало кому-либо в руки, поэтому пишу Вам это предварительное письмо и обязательно жду от Вас ответа, хотя бы с выражениями косвенными, но понятными.

В этом большом письме объясню Вам, как эсеры подкупали меня в Москве, желая, чтобы я «нашел для ВЧК нити к Савинкову и его организации». Что монархисты это делали, я Вам рассказывал, но про это до сих пор молчал, не хотя, чтобы Вы с ними затеяли бы скандал, но теперь, после последнего заявления Керенского и бормотания Чернова, что они согласны примириться с братоубийцами – большевиками, я считаю возможным это сделать, т.к. считаю их просто скотами.

[С подачи Виктора Викторовича Савинкова и Павловского враги Эрсмана подняли против него в Латвии газетную травлю.]

Писаками являются маленькие типчики, служившие мне и Бредису для мелких поручений и для агитации среди латышских стрелков. Пользы в работе было мало от них, но зато они стащили у меня деньги и на них пошли спасать Бредиса и, конечно, подняли шумиху, будто организуется спасение.

Это побудило ВЧК немедленно прибегнуть к расстрелу Бредиса и других, ими «спасаемых», как раз в то время, когда мною все было сделано для побега Бредиса из Бутырок, чему не помешало бы даже мое пребывание в то время в тюрьме.

Ругань эта в Латвии начата на личной почве, основанной на слухах и мнениях, и все сплошная ложь, потому что эти маленькие люди ничего не знали и знать не могли, и все факты ими перевираются. Написано при этом все так, что одновременно обвиняют и опровергают одно и то же.

Мне, конечно, это смешно, т.к. это поднимает только мою популярность, но неприятна эта ругань другим людям, работавшим со мной в Союзе защиты родины и свободы, и эти нападки на меня их попросту оскорбляют. В нападках на меня даже говорится, что Бредис погиб только потому, что доверился русской организации (т.е. СЗРиС), которому, по их словам, верить было нельзя.

Я еще в 1920 г. в Варшаве думал, что это так и будет, когда Вы вместо расследования и опровержения настаивали на моем отъезде из Польши. Это мне было очень тяжело, но я это переносил в пользу создаваемой Вами армии...

...На днях я обращаюсь в латвийские газеты и с требованием к главному прокурору Латвии предъявить мне обвинение или запретить газетам заниматься подобной ложью и клеветой.

[Эрсман предлагает переслать Савинкову переводы из латышских статей и просит выступить в свою защиту], чтобы помочь

мне опровергнуть их ложь и выдумки против меня в деле Бредиса. Тут не приходится меня защищать, но достаточно задавать им общие вопросы. [*Эрдман просит Савинкова действовать через дипкорпус, т.к. данцигские власти хотят выслать его в Совдепию, т.к. у Эрсмана нет паспорта*].

Ваше письмо меня очень обрадует, потому что все мое прошлое и моя жизнь с пятнадцати лет шла на борьбу параллельно Вашей, и [в] одних убеждениях, в одном направлении с Вами.

Много интересного прочтете в моем длинном письме, где главным образом фигурируют факты.

P.S. ... Приезжал в Данциг в особую секретную командировку наш бывший член СЗРиС «коммунист», сделавшийся им по моему приказу и работавший для нас по информации в Кремле в 1918 г. Он занимает крупное положение в Кремле и говорит о приготовлении красных кадров для Польши. Ему всегда были известны все секреты...

4 мая 1923 г.

ГА РФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 116. Л. 3–5. Рукопись.

¹ Здесь и дальше в тексте документа курсивом в квадратных скобках даны комментарии составителей.

Именной указатель

- А. – 202
Аболтин – 111
Авксентьев Н.Д. – 7, 117, 194, 356, 398, 449, 540, 541
Авсеев – 194, 195
Агеев – 4
Агранов (Соринзон) Я.С. – 41, 42, 46, 50
Адамович В.А. (Адамович-отец) – 242, 253, 260, 261, 263, 264, 432
Адик – см. Мягков Г.А.
Ажогин – 3, 4, 120, 121
Азеф Е.Ф. – 15, 45, 76, 109, 128, 142, 188
Акимов Я.С. – 125–130, 139–141
Аксаков – 559
Аксенов – 504
Алегрини – 466
Александр I (Карагеоргисевич) – 312
Александр Геннадьевич – см. Мягков А.Г.
Александра Васильевна – 137
Александра Федоровна (Алиса Гессенская, Романова) – 28
Александра Юрьевна – 145, 146, 332, 341
Александровичи, три брата – 275
Алексеев М.В. – 4, 5, 68, 76, 79–81, 92, 551
Алексюк – 264, 275–277
Алехин А.А. – 183
Алеша, внук Б.В. Савинкова – 58, 137, 189, 193
Альбрехт-Лаурвиц, графиня – 269
Амурский, граф – см. Муравьев-Амурский
Амфитеатров А.В. – 48
Ангел, Рожнов-Алешин, атаман – 254, 282
Андреев Л.Н. – 182
Андрей Павлович – см. Федоров А.П.
Андрей Петрович – см. Крикман И.П.
Анрис – 533
Антонов А.С. – 313, 333, 339
Аргунов – 15
Ардаматский В. – 36, 38, 48, 49, 169
Аркадий – см. Иванов Аркадий
Артузов (Фраучи) А.Х. – 20, 21, 23, 29, 36, 39, 43, 44, 102, 118, 154, 156, 157, 160, 161, 165, 167, 168, 172, 175
Артур Христианович – см. Артузов А.Х.
Арцыбашев М.П. – 32, 38, 73, 74, 117, 157, 158, 160, 163, 179, 181, 355–357, 364–366, 374–377, 381, 383, 559
Асанов – 252, 253, 255, 256, 270, 277, 278, 465
Афанасьев – 240, 241, 243
Б. – 332
Б.С. – см. Савинков Б.С.
Бабель И.Э. – 190
Балабинский – 313
Балахович – см. Булак-Балахович С.Н.
Балахович И. – 241, 287, 324, 432, 482, 495
Балаховичи – 146, 324
Бальзак О. де – 182, 189, 195, 196
Барановский – 191
Баринев – 321
Бармина – 55
Бартнев – 123
Барту Л. – 452, 453, 458, 482, 483
Бауэр – 380
Баф – 356
Бахметьев Б.А. – 75, 87
Бежезани – 465
Бек – 300, 301
Бек-Манжиев – 255, 278
Белецкий – 296, 311
Белинский – 238
Белов – 523
Белькович – 183
Бем А. – 341
Бенеш Э. – 87, 88, 246, 295, 311
Берг О. – 252, 253
Березневич – 451, 456
Беренс Е.А. – 73, 371, 372
Берия Л.П. – 32
Беседовский Г. – 38–40, 50
Бискупский – 449
Блок А.А. – 184
Блонский – 280
Блюмкин Я.Г. – 41
Бобадильи-Рейли П. – 38, 205, 206, 211, 367, 368, 372
Бобошко – 417, 418, 425–428, 439, 472, 473, 476–479
Бобаевский А.П. – 4, 71, 521, 522

- Богины, братья – 268
 Боголепов Н.П. – 357
 Богуславский – 267–269, 277, 278
 Бондаревский – 262
 Борац – 298
 Борис, дядя Боря – см. Савинков Б.В.
 Борис Викторович – см. Савинков Б.В.
 Брайкевич – 115, 116
 Брандт – 313
 Братковский – 251, 272, 273, 282, 297, 298
 Бредс – 5, 425
 Бредис – 563, 564
 Бредов – 240, 333, 412, 437
 Брешковская (Брешко-Брешковская) Е.К. – 194, 295
 Бриде В. – 424
 Броуд Е.К. – 31
 Брушевский – 507
 Буденный С.М. – 451, 456, 459
 Будницкий О.В. – 47
 Булак-Балахович (Бей Булак-Балахович) С.Н. – 8, 9, 25–28, 31, 65, 66, 69, 70, 77, 83, 84, 93, 97, 182, 189, 240, 245, 248, 257–261, 263, 266, 268, 269, 277, 279, 284–287, 292, 299, 300, 314, 324, 328, 329, 334, 373, 388, 389, 412, 413, 415, 418, 421–423, 425–428, 430–436, 439–443, 446, 447, 450, 453, 457, 459, 461–463, 464, 468, 476–478, 482, 485, 486, 493, 494, 498, 510–515, 517, 519, 534, 536, 537, 547, 549, 555–560
 Булак-Балаховичи, братья – 93
 Буланов Н.К. – 7, 24, 296, 297, 300, 311, 429, 444, 490, 516, 533
 Бурде – 96
 Бурцев В.Л. – 38, 39, 47, 107–109, 115, 121–126, 128, 135, 141, 142, 145, 146, 150, 152, 154, 158, 181, 189, 194, 340, 383, 394
 Бухпе П. – 397
 Бушен – 480
 Бэнони – 366

 В. – 441
 Вагнер – 325
 Вакар Н.П. – 70, 71, 75, 77, 88, 391, 392
 Валентин Иванович – см. Сперанский В.И.
 Валентинов (Вольский) Н.В. – 40, 50
 Ваньев – 337
 Василий Федорович – см. Клементьев В.Ф.
 Василикин – 494
 Васильев, капитан – 253, 255, 270, 279
 Васильев, полковник – 435
 Васильев – см. Пузицкий С.В.
 Васильев Б.А. – 20, 28, 72, 93, 239, 242, 283, 284, 336, 393, 445, 447, 450, 462, 467–471, 474, 487, 488, 505, 515–517, 522, 526
 Велидов – 38
 Вендзиагольский С. – 449, 450
 Вендзягольский К.М. – 4, 32, 38, 296, 383, 538, 539
 Вениамин – 552
 Венява – 10
 Вера, машинистка – 252
 Вера Викторовна – см. Мягкова В.В.
 Вера Глебовна – 58, 59, 137
 Веселов В. – 339
 [Веселова отец] – 339
 Виард К. де – 463, 475
 Виктор – см. Успенский В.Б.
 Виктор, Виктор Викторович – см. Савинков В.В.
 Вильгельм II (Гогенцоллерн) – 152, 199
 Виноградов В.К. – 3, 196
 Винокуров – 85, 88
 Витос – 498
 Витя – см. Успенский В.Б.
 Вишняк – 117
 Владимир – 109, 110
 Владимир Георгиевич – см. Островский В.Г.
 Владимир Львович – см. Бурцев В.Л.
 Владимиров – 317
 Владимиров П.Г. – 345, 349, 350, 361, 362
 Власов А.А. – 25
 Вноровский-Мищенко Б.У. – 179, 196
 Власьев – 277
 Войноровский – 541
 Войнюнский – 289, 303, 304, 320
 Войцеховский – 282, 323, 558
 Володя – 131, 132
 Вольский – 401, 402
 Вольтер – 186
 Воробей – 324
 Воровский В.В. – 71, 369
 Воронович Н.В. – 508
 Врангель П.Н. – 8, 11, 26, 27, 35, 66, 83, 97, 101, 116, 150, 203, 215, 246, 247, 253, 259, 263, 277–279, 282, 287, 300, 372, 388, 404, 409, 410, 412, 413, 416, 417, 419, 421, 422, 424–430, 433, 435, 438–441, 443–446, 449, 450, 457, 462, 465, 476, 477, 485, 494, 502, 503, 510, 511, 514, 515, 521, 539, 540, 542, 545–548, 551–553, 555
 Вырубова А. – 28
 Вырубов В.В. – 386

 Гай Г.Д. – 199
 Гаккели – 561
 Галкин, генерал – 400
 Галкин, ротмистр – 328
 Гальперин – 191
 Гамалицкий – 313
 Гапон Г.А. – 24, 146
 Гаресы – 188
 Гарибальди Дж. – 401, 549, 550

- Гарэтто Э. – 48
 Гегель Г. – 186
 Гейфман А. – 48
 Гендельман – 131
 Гендин С.Г. – 21, 30, 43, 148, 181, 192, 202, 203, 205, 208, 215, 219, 326
 Геннадий – см. Мягков Г.А.
 Герасимов В.И. – 26, 27
 Герсон В.Л. – 107
 Гершельман Б.Р. – 253, 264–266, 485, 486
 Гершуни Г.А. – 194, 541, 542
 Гиппиус З.Н. – 46, 48, 49, 52, 116, 438
 Гирс – 88, 422
 Гладков Т. – 48
 Глазенап П.В. – 8, 25, 65, 409–421, 425, 427, 438, 439, 476–479, 546
 Глеб, племянник Б.В. Савинкова – 58, 150
 Глеб Иванович – см. Успенский Г.И.
 Глинка – 552
 Гнедич П.П. – 194, 195
 Гнилорыбов М.Н. – 14, 16, 27, 83, 86–88, 115, 215, 248, 253–255, 261, 270, 271, 277, 278, 282, 291–294, 296, 305, 306, 310, 326, 327, 332, 491, 492, 499, 504, 517, 522, 525, 526, 528, 530
 Гокье – 397, 398
 Голиков Д.Л. – 36, 38, 48
 Головшиков Б. – 20, 28, 124
 Голощек – 283, 284, 336
 Голубев – 253, 255, 270, 275, 277, 278
 Голубев И.Я. – 270, 271
 Гомалицкий – 333
 Гонкур, братья – 182, 186, 189, 191, 196
 Гончаров – 326
 Горбунов М. – 35, 47
 Гордиевский О. – 35, 38, 50
 Горлов – 422
 Городницкий Р.А. – 47
 Горский – 208, 214
 Гофман – 278
 Гоц А.Р. – 131, 194, 215, 541
 Греков – 475
 Гренар – 92, 387, 397, 398
 Грибановский Я. – 335
 Григорьев – 5
 Григорьев М. – 215, 216, 245, 281, 285, 314–317, 320, 333, 334
 Гринберг – 268
 Гришин-Алмазов – 336
 Гришка, племянник «Колчака» – 335
 Грюдигер Б. – 248–253, 255, 256, 268, 270, 272, 277, 279, 282
 Гудин – см. Гендин С.Г.
 Гукасов – 336
 Гукасовы, братья – 283
 Гуленко – см. Савинков Б.В.
 Гулин – 332
 Гурко – 180, 449
 Гусев-Оренбургский – 196
 Гусельщиков – 393
 Гучков А.И. – 73, 371, 372, 395
 Гуштин А. М. – 237, 239, 244, 255, 256, 266, 276
 Давыдов Ю. – 49
 Дан Ф.И. – 45, 117, 152
 Данила – см. Иванов Данила
 Данилов – 336
 Данилов, полковник – 239, 247
 Даниченко – 523
 Дарневич – 377
 Дашевский И.С. – 131
 Даяров – 480
 Двойников – 187
 Девоино-Сологуб – 10, 84, 239, 240, 269, 297, 465, 510, 521, 525
 Деманьян – 246
 Демиденко Н.И. – 21, 30, 43, 209, 210, 219
 Деникин А.И. – 8, 49, 83, 93, 97, 112, 115, 116, 131, 138, 150, 194, 202, 203, 215, 388, 404, 437, 445, 446, 457, 502, 536, 537, 540, 542, 545–548, 551–553, 555
 Денисов – 283
 Денисов, казак – 332, 340
 Дераж – 241, 245, 250–252, 271, 272, 280
 Дергач, Дергач-Адамович – 239, 257, 258, 260, 261, 280
 Деренталь – см. Дикгоф-Деренталь А.А.
 Деренталь, мадам – см. Дикгоф-Деренталь Л.Е.
 Дерентали, супруги Деренталь – см. Дикгоф-Деренталь, супруги
 Де Ривера – 375
 Джугели – 142
 Дзергач – 451, 456
 Дзержинский Ф.Э. – 21–23, 29, 30, 35, 38–41, 46, 50, 157, 166, 168, 169, 172, 175, 179, 194, 195, 214, 215, 217
 Дикгоф-Деренталь А.А. – 5, 7, 14, 22, 32, 52, 56, 68, 73, 76, 77, 81, 96, 100, 101, 113, 114, 134, 143, 147, 148, 151, 154–158, 160–163, 171, 179, 181, 189, 196, 197, 199, 200–204, 206, 210–213, 215, 217, 218, 239, 249, 283, 287, 293–296, 300, 309–311, 332, 336, 340, 341, 347, 366, 367, 370, 373–376, 381, 382, 384–402, 404–406, 429, 437, 438, 444, 479, 516, 526, 530, 533
 Дикгоф-Деренталь Л.Е. – 22, 31, 35, 37, 38, 40–43, 51, 56, 57, 96, 100, 101, 113, 114, 133–135, 143, 145–151, 154–163, 166, 179–186, 188–191, 193–195, 197, 199–213, 215, 217–219, 292, 340, 341, 352, 366–368, 372–375, 381, 383, 432
 Дикгоф-Деренталь, супруги – 22, 40, 41, 43
 Дима – см. Философов Д.В.
 Дитрих фон – 477–479
 Дмитриев – 504, 522
 Дмитриев-Мамонов – 133, 145

Дмитрий Владимирович – см. Филосов Д.В.
 Д'Обиньи – 439, 462
 Добкин А.И. – 48
 Добровольский – 244, 249
 Довбор-Мусницкий И.Р. – 80, 299
 Довбор-Мусницкий, майор – 299
 Долгопольский А. – см. Савинков Б.В.
 Долинский Е. – 412, 420–422
 Домбаль – 274
 Домбровский – 488, 491
 Донзо – 363, 364, 379–381
 Донской – 215
 Дорн А. – см. Дикгоф-Деренталь А.А.
 Дорогунин – 375
 Достоевский Ф.М. – 185, 555
 Драгомиров – 138, 545
 Дракович – 241
 Драценко – 262
 Дредшйдер – 507
 Дроздов – 243
 Дубасов Ф.В. – 196
 Дулаников – 478
 Дулебов – 187
 Духопельников – 519
 Дюкс (Дьюкс) Поль – 9, 25, 26
 Дюма Ш. – 398
 Дюпо – 271
 Дядя Паша – см. Савинков Б.В.

 Евгения Ивановна – 139, 149, 150, 185, 188, 190, 562
 Елагин – см. Сперанский В.И.
 Елин М.С. – 257–260, 279, 287, 299, 513
 Емельянчук – 275
 Енукидзе А.С. – 60
 Ермолов – 480
 Ершов – 400, 402
 Ефимовский – 376
 Ефремов – 314, 316, 333

 Жарин С.И. – 333, 341
 Жгун – 259
 Желябов А.И. – 99
 Женя – см. Евгения Ивановна
 Жилинский – 289, 291–293, 304, 305, 307, 331
 Жордания Н.Н. – 72, 77
 Жорес Ж. – 181
 Жуков Д.Б. – 49
 Журавлев С.В. – 50
 Жюль – см. Гонкур

 Заборонок – 62
 Зайцев Н. – 48
 Зайцев Б.К. – 195
 Зайцев – 474, 478, 480
 Заметнов – 474
 Заславский – 120
 Звягинцев – 312

Зекунов М.Н. – 21, 31, 363, 377
 Зслинский – 10, 257, 261, 262
 Земель А.Т. – 239, 270
 Зензинов В.М. – 129, 141, 449, 507
 Зикунов М.Н. – 346, 349
 Зильберберг – 541
 Зильберберг К.К. – 56, 163
 Зиновьев Г.Е. – 38, 39, 41, 78, 116, 371
 Зубарев Д.И. – 48

 Ибрагим-бек – 161, 163, 181, 204
 Иван Павлович – см. Федоров А.П.
 Иван Петрович – см. Крикман И.П.
 Иван Платонович – см. Каляев И.П.
 Иван Терентьевич – см. Фомичев И.Т.
 Иваненко – см. Демиденко Н.И.
 Иваницкий – 254
 Иванов, есаул – 277
 Иванов, полковник – 474, 478–480
 Иванов Аркадий – 336–338, 344, 345, 348
 Иванов Архип – 331
 Иванов Данила – 240, 241, 288, 301, 331, 337–339, 344, 345, 363
 Иванов Моксей – 316, 320, 321, 323, 324, 334, 335, 339
 Иванов-Разумник Р.В. – 45
 [Иванова Д. мать] – 337
 Ивановская – 189
 Ивановский – 242, 300, 478
 Игнатий Игнатьевич – см. Сосновский И.И.
 Извольский А.П. – 7
 Иловайский Д.И. – 180, 196
 Имранов – 352
 Ионов – 146, 151, 219
 Ирманов – 74, 331, 374–376, 379, 395
 «Искра» – см. Шешеня Л.Н.

 Каледин А.М. – 4, 68, 76, 80, 92
 Калечиц П. – 263, 264, 275, 276, 280, 281
 Калинин М.И. – 107, 217, 371
 Кальфа – 268
 Каляев И.П. – 3, 23, 64, 146, 179, 182, 188, 189, 194, 541
 Каменев Л.Б. – 20, 38, 39, 41, 106, 166, 194
 Камерон П.А. – 62, 91, 94, 559
 Каминка – 275
 Кандонистов – 196
 Кансон – 431
 Кант Э. – 129
 Капабланка Х.-Р. – 183
 Каплан Ф. – 216
 Каппель В.О. – 7, 69, 82, 92, 400, 555
 Карамышев – 285
 Карахан Л.М. – 19, 28, 250, 252, 254–256, 278, 279, 530
 Карпов – 51
 Карпович – 87
 Карпович П.В. – 357, 541
 Катаньян – 169, 170
 Катогаров – 313

- Кедров М.С. – 29
 Келлерман Б. – 195
 Керенский А.Ф. – 3, 4, 19, 64, 68, 71, 76, 79, 80, 91, 120, 121, 136, 150–153, 180, 182, 183, 191, 192, 194, 210, 356, 392, 399, 437, 438, 449, 507, 539–542, 545, 548, 562, 563
 Кершковский – 292, 296, 298, 311, 312
 Кирей – 425
 Кирилл Владимирович, великий князь – 372
 Кирюхин – 196
 Кистяковский – 373
 Китаев П. – 47
 Кияшковский – 247, 249–252, 255, 256, 270, 271, 277–279
 Клавинг В.В. – 52
 Клайтон – 10, 463, 475
 Клемансо Ж. – 7, 403, 404
 Клементьев В.Ф. – 20, 28, 120, 123–125, 283, 284, 313, 333, 336, 341, 375, 379, 393
 Клепиков Ф. – 4, 120, 185, 189, 191, 210, 325, 326, 381
 Клесцандо – 92
 Климович – 552
 Княжевнич – 365
 Козлов – 248, 267–269
 Колосов – 179
 Колчак А.В. – 7, 65, 69, 70, 82, 83, 92, 93, 97, 116, 194, 202, 285, 336, 370, 388, 402, 404, 440, 445, 446, 449, 457, 502, 536, 537, 540, 542, 545, 546, 548, 551–553, 555
 «Колчак» – см. Григорьев М.
 Кольцов – 309
 Кольчугин А. – 35
 Конно – 401
 Конопацкий – 289, 291, 292, 304–306, 314
 Коноплев Л.В. – 50
 Корнесс К.В. – 47
 Корнилов Л.Г. – 4, 68, 76, 79, 80, 91, 92, 145, 191, 325, 326, 437, 546, 551
 Коровин В.В. – 48
 Короленко В.Г. – 179, 180, 190
 Короткевич – 142, 260, 344
 Косенко В. – 109–111
 Коссаковский – 527
 Костин-Прудников – 263, 281, 293, 303, 304, 307, 308, 313, 331, 339
 [Костина-Прудникова брат] – 281
 Котовский Г.И. – 9
 Кочевский – 300
 Кошелев Д.В. – 81, 82, 325, 326
 Кравченко – 504
 Красик – 273
 Красин Л.Б. – 14–16, 73, 312, 410
 Краснов П.Н. – 3, 4, 68, 76, 80, 91, 191
 Красовский – 478–480
 Кресс – 324
 Кривошеин – 539, 540, 546, 552
 Крикман И.П. – 21, 30, 31, 198, 199, 219, 363, 378, 382–384
 Крипунов – 449
 Кричинские – 561
 Крупская Н.К. – 181
 Крыленко Н.В. – 386
 Крылов Г. – 49
 Крымов А.М. – 437
 Крючков – 243
 Ксесничка – 136, 137, 144, 149
 Ксения – 137, 139
 Кувшинников В.Ф. – 325
 Кузьмин Н. – 61, 62
 Куйбышев В.В. – 107
 Куприн А.И. – 180, 190, 196
 Курилов И. – 196
 Курковский – 314, 334
 Кускова Е.Д. – 38, 115, 138
 Кутспов А.П. – 35, 194
 Кушнер – 170
 Кушнiryк Г.Г. – 62, 91, 94
 Лавери – 92, 387, 391, 398
 Ланковский – 546
 Латунин – 243
 Лацис М.Я. (Судрабе Я.Ф.) – 33, 46
 Лебедев – 480
 Лебедев В.И. – 47, 131, 399, 400
 Лебединский В. – 35, 190
 Лев, Лёвочка – см. Савинков Л.Б.
 Левицкий М. – 316, 334
 Левченко – 504
 Леда – 240, 241, 243, 247
 Леялсп – 507
 Ленин В.И. – 6, 20, 68, 76, 81, 82, 87, 92, 98, 131, 147, 148, 151, 179, 180, 181, 203, 206, 327, 347, 349–351, 448, 539, 540, 545, 546, 552, 555
 Леонид, Леонид Николаевич – см. Шешня Л.Н.
 Леонидов В. – 51
 Лермонтов М.Ю. – 196
 Леснобродский – 250, 255
 Лещинская Мария, жена Людовика XV – 403
 Лидия – см. Мягкова Л.А.
 Липеровская – 327
 Липский – 254, 273
 Лисовой – 325
 Лисовский – 442, 443, 478
 Литвин А.Л. – 33, 50
 Литовченко – 255
 Ллойд Джордж Д. – 7, 14–16, 27, 93, 312, 340
 Локкарт Р.-Г.-Б. – 26, 387
 Лондон Джек – 206
 Лопухин – 15
 Лукасевич Ю. – 524
 Лукомский А.С. – 545

- Луначарский А.В. – 21, 34, 46, 51, 77
 Львов Г.Е., князь – 146, 194, 422
 Лыдинка – см. Мягкова Л.А.
 Любимов – 269
 Любимова – 264, 265
 Любовь Ефимовна – см. Дикгоф-Дерента
 лья Л.Е.
 Людендорф Э. – 547
- Мазуренко – 4
 Мазурин – 555
 Майер – 363, 378, 379, 381, 384
 Макаров – 188
 Макаров – 562
 Макдональд Д.-Р. – 372
 Маклаков В.А. – 87, 146, 449
 Мак-Манус А. – 34
 Калинин – 309
 Малиновский – 130
 Малиновский В.В. – 118, 133
 Мандель – 191
 Мантасев – 342
 Маньян де – 253, 264
 Марино – 250–252, 271
 Мариус – 399
 Мария Александровна – 137, 139, 144, 185, 188, 190, 562
 Мария Федоровна (Романова, мать Николая II) – 323
 Марков – 313, 333
 Марков Н.Е. (Марков 2-й) – 118
 Маркс К. – 151, 221
 Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) – 555
 Марчевский – 277
 Маршак – 91, 94
 Маршал – 254, 273
 Марья Алексеевна – 188
 Масарик Т. – 81, 92
 Масловский – 250, 292, 306, 312
 Матвеев – 74, 182, 242, 282, 373, 395, 495
 Матвеев Г. – 49
 Матушевский – 249, 251, 389, 466
 Махин – 507
 Махно Н.И. – 451, 456, 459, 475, 536, 537, 540
 Махров П.С. – 8, 241
 Машнин – 285, 314, 323, 333, 335
 Медзинский Б. – 249, 257, 283, 389, 413, 414, 465, 466, 468, 471, 472, 475, 476, 481–483, 487
 Мезины – 237
 Менжинский – см. Медзинский Б.
 Менжинский В.Р. – 21, 39, 46, 141, 156, 157, 160, 161, 165–168, 194, 215
 Мерсжковский Д.С. – 52, 179, 190, 429, 438, 452, 485, 516
 Мерсжковские – 188
 Мерцалов – 254
 Мещанинов – 339
 Миклашевский – см. Павловский С.Э.
- Микуловский – 300
 Мильеран А. – 83, 336
 Миллюков П.Н. – 19, 47, 115, 117, 138, 146, 184, 372, 449, 555
 Минаев – 291, 300
 Минна Ивановна – 31
 Мирбах Л. – 51
 Мирский – 249, 250, 255
 Михаил Петрович – см. Арцыбашев М.П.
 Михайлов – 243, 289, 290–293, 303, 305–308, 321, 322, 331
 Михайловский – см. Зекунов М.Н.
 Михневич – 331
 Млечин Л. – 37, 50
 Могильнер М.Б. – 33, 49
 Моисеев – 305
 Молотов В.М. – 106
 Мольер Ж.-Б. – 185
 Монич – 292, 305, 306
 Монкевич – 237–239
 Моревский – 289
 Морозов К.Н. – 47, 51
 Мосеев – 432
 Муравьев-Амурский, граф – 494
 Муссолини Б. – 17, 18, 27, 70, 72, 73, 88, 93, 336, 342, 356, 390, 393
 Мюррис – 182
 Мягков А.Г. – 51, 55, 56, 58, 73, 99, 133–136, 139, 143, 144, 151, 153, 193, 287, 294, 296, 300, 310, 332, 341, 370, 525, 526, 528, 530
 Мягков Г.А. – 56–58, 59, 134, 136, 144, 148, 149
 Мягкова В.В. – 32, 42, 51, 55–59, 96, 97, 99, 100, 113, 114, 130, 132–137, 143, 151, 153–155, 158, 161, 163, 180, 182, 186, 188–190, 193, 211, 218, 381, 382, 562
 Мягкова Л.А. – 56–58, 59, 134, 136, 139, 144, 149, 181
 Мягковы – 59
- Надеждин – 441
 Надя, сестра Савинкова Б.В. – 132, 150, 186, 188
 Назаров – 187
 Нансен Ф. – 390, 405
 Наполеон I Бонапарт – 187, 247, 403
 Нейман – 314
 Некрасов Н.В. – 191
 Некрашевич – 239, 272, 273, 282, 451, 456
 Нелидов А.С. – 508, 509
 Немцов – 253, 264, 478, 479
 Нестор, преподобный – 405
 Нефедов Ф.Д. – 194, 195
 Никитенко – 131, 146, 541
 Николаев – 266
 Николай – 109, 110
 Николай – см. Шешеня Л.Н.
 Николай II (Романов) – 323, 542, 546, 547, 551, 555

- Николай Николасвич. великий князь – 180, 372
 Нина – 284
 Ниссель – 244, 246, 271, 430, 431, 434, 435, 440–445, 447, 449, 452, 460, 461, 464–467, 473, 475, 482, 487, 488, 492, 500, 503–505, 528, 529, 531, 532
 Нобель Э. – 88, 283, 336, 340, 342
 Новиков – 246, 253, 260–264, 266, 275–277, 280, 281, 313, 326
 Новицкий – 451, 456
 Нокс – 402
 Нуланс Ж. – 5, 6, 69, 81, 82, 90, 92, 118, 397–399

 Оболенский В.В. – 39
 Одинец Д.М. – 287, 299, 300, 429, 444, 450, 467, 474, 479, 485, 486, 494, 511, 516, 533
 Оленский – 379
 Ольга Глебовна – 58
 Оперпут (Опперпут) А.Э. – 35, 48, 69, 83, 86, 87, 272, 288–290, 302, 305, 330, 389
 Оперпут-Упельниц – см. Оперпут А.Э.
 Ориенинов А.Н. – 342
 Орленников – 333
 Орлов – 44, 123, 237, 239–244, 246–257, 259, 261–264, 266–277, 279–282, 287, 288, 300, 301, 311, 312, 330, 451, 456, 466, 468, 469
 Орлов – см. Пузицкий С.В.
 Орлянинов – 305
 Осипович – 275
 Островский – 96
 Островский В.Г. – 346, 349, 350, 361, 362
 Отец – см. Савинков Б.В.

 Павел, племянник Савинкова Б.В. – 137, 149
 Павленко – 77, 435, 466
 Павлов – 93, 142, 240, 241, 243, 271, 288, 298, 301, 302, 306, 330, 558
 Павловский С.Э. – 13, 21, 22, 26, 31, 36, 38, 39, 43, 44, 72–74, 83, 89, 93, 113, 114, 132, 142, 190, 192, 198, 201, 205, 207, 208, 213, 214, 219, 283–311, 313–324, 328–346, 348–352, 355–358, 360–365, 367–371, 373–375, 377, 379–381, 393, 394, 558, 563
 [Павловского С.Э. брат] – 324, 365, 369
 Павловский-Суевский – 247, 277
 Пакелье – 10, 84, 463, 465, 522
 Пален, граф – 415, 425, 435, 463, 467, 478–480
 Палеолог М. – 390
 Паненко – 323
 Паничев А.П. – 112
 Паничев И.А. – 111, 112
 Паничсва З.В. – 112

 Панов – 243, 331
 Папаша – см. Савинков Б.В.
 Парамонов – 4
 Пасконин – 340
 Пасманников – 394, 395
 Пахмус Т. – 48
 Пашич – 312
 Пепита – см. Бобадильи-Рейли П
 Пермикин (Перемыкин) Б.С. – 8, 9, 25, 65, 66, 69, 70, 77, 83, 84, 93, 112, 240, 245, 253, 263, 373, 388, 389, 416, 418, 425, 435, 439–444, 447, 450, 453, 457, 459, 461–463, 464, 468, 474, 476–480, 485, 486, 493, 494, 511, 547, 559
 Перовская С.Л. – 105
 Перхуров А.П. – 5, 6, 28, 46, 68, 76, 80, 81, 89, 92, 325, 326, 357, 555
 Пестель П.И. – 99, 105
 Петлюра С.В. – 12, 26, 69, 83, 84, 246, 262, 291, 299, 313, 389, 446, 475, 482, 483, 485, 497, 499, 554, 555
 Петр I – 183
 Петр Георгиевич – см. Владимиров П.Г.
 Петров А. – см. Федоров А.П.
 Петров Н.В. – 52
 Пилсудский Юзеф – 7, 8, 11, 13, 14, 25, 70, 74, 83, 88, 93, 194, 238, 239, 242, 245, 247, 271, 278, 297, 300, 311, 324, 390, 410, 411, 415, 417, 420, 421, 426, 430, 437, 463, 464, 488, 490, 491, 493, 497–499, 521
 Пиляр (фон Пилхау) Р.А. – 21, 29, 30, 36, 39, 43, 44, 148, 165, 167, 168, 185, 201, 206, 207, 209, 213–215, 218, 383
 Пима – 316, 334
 Пименов – 281
 Писарев – 277
 Плеве В.К. – 3, 23, 24, 64, 555
 Плеханов Г.В. – 4, 5, 45, 119–121, 191
 Плеханова Р.М. – 191
 Плехановы – 188
 Плотников – 478
 Подвойский Н.И. – 29, 552
 Покотилев – 541
 Полтавский И. – 35
 Полунин – 73, 366, 371, 394
 Поляков – 435, 477–479
 Поляков Н. – 48
 Помяловский Н.Г. – 188
 Пономарев – 331
 Попенко Г. – 316
 Порембский – 261, 280
 Португалов В. – 73, 117, 300, 355, 364, 374, 376, 377, 381, 383, 444, 486, 533, 559
 Прокопович С.Н. – 115
 Прокофьева – 131, 541
 Прудников, Прудников-Костин – см. Костин-Прудников
 Прудниковы – 331

- Пти Е.Ю. – 73, 336, 366, 394, 444, 452
 Пудин В. – 48
 Пузицкий С.В. – 21–23, 29, 42–44, 55, 63, 64, 78, 147, 156, 160–178, 181, 183, 184, 196, 198–201, 205, 210–212, 215, 217, 219, 361, 362, 378, 383–385
 Пуришкевич В.М. – 550
 Путятю – 258, 279
 Пухальский – 288, 301, 303
 Пушкин А.С. – 196
 Пшесдинский – 466

 Радек К.Б. – 35, 47
 Радищев А.Н. – 105
 Ражкевич – 432
 Райсин – 118
 Раковский Х.Г. – 73, 78, 207, 371, 394, 395
 Распутин Г.Е. – 281
 Ратаев Л.А. – 45
 Резвик В. – 38, 40
 Рейли С. (С.Г.) – 9, 14, 15, 26, 38, 56, 72, 113–118, 122, 123, 133, 149, 179, 189, 206, 211, 218, 335, 336, 342, 367, 368, 372, 373, 375, 381, 382, 393
 Рейнскс – 266
 Рейс – 100, 113, 135
 Ремизов А.М. – 46
 Рено Л. – 395
 Рогальский – 243
 Рогов – 189
 Роговской – 400, 402
 Рогожинский – 472, 473, 476–478, 480
 Родзянко – 328
 Родяков – 118, 119
 Романов П.С. – 166, 195
 Романовский – 331
 Ромей – 387, 463, 475
 Ропшин – см. Савинков Б.В.
 Росинский – 480
 Росселевич М.Я. – 83–85, 300, 313, 332, 333, 474, 486
 Рудин А.К. – 73, 239, 291, 294, 296, 300, 310, 332, 341, 525, 526, 528, 530
 Рукавишников – 252, 253, 265
 Русанов Э.П. – 48
 Руся – см. Мягкова В.В.
 Рыков А.И. – 73, 78, 371, 394, 395
 Рычков В.В. – 5, 80, 89, 92

 С. – 292
 Саблин – 404
 Савельев – 328, 329
 Савинков А.В. – 182, 188
 Савинков Б.В. – 3–10, 12–22, 23, 25–28, 30–32, 33–44, 45–52, 55, 57–103, 105–107, 109–149, 151–183, 185–204, 206, 207, 209–219, 238–240, 242–255, 257–271, 277–287, 289, 291–297, 299, 300, 302, 304, 305, 307, 309–314, 323, 325–327, 329, 332, 333, 335, 336, 338, 340–344, 346–358, 360–377, 380–390, 392–400, 402, 404, 405, 409–445, 447–452, 458, 460–469, 471–475, 480–488, 490–500, 503–505, 508–510, 512–517, 522–534, 536–539, 541–543, 545–551, 553–564
 [Савинкова Б.В. сын] – 188
 Савинков В., отец Савинкова Б.В. – 67, 188
 Савинков В.В. – 7, 25, 31, 36, 47, 73, 77, 84, 85, 87, 93, 99, 101, 131–135, 139, 143, 145, 146, 149–151, 190, 193, 204, 238–240, 243–246, 249, 250, 255, 280, 286–303, 306, 309, 312, 313, 326, 327, 329, 332, 341, 370, 390, 432, 454, 459, 496, 513, 514, 517, 525, 526, 528, 530, 562, 563
 Савинков Л.Б. – 42, 56–58, 99, 123, 133, 134, 136, 137, 139, 144–146, 149, 154, 163, 179, 183, 185, 186, 188, 189, 194, 212, 562
 Савинкова С.А., мать Савинкова Б.В. – 67, 113, 144, 146, 148, 149, 179–181, 186, 188, 561, 562
 Савинкова Т.Н. – 51
 Савинковы, братья Савинковы – 14, 84, 238, 239, 246–248, 280, 332
 Савицкий Н.И. – 267
 Сазонов (Созонов) Е.С. – 3, 23, 64, 105, 146, 179, 180, 182, 194, 541, 542
 Сазонов С.Д. – 7
 Саламанов – 480
 Сальников – 418
 Салынь – 55
 Сапсга, князь – 498
 Сапронов Т.В. – 345
 Саулевич – 473, 478, 480
 Сафонов В.Н. – 23, 33, 37, 50, 196
 Саша, брат Савинкова Б.В. – см. Савинков А.В.
 Свежевский В.И. – 20, 28, 87, 93, 326, 327
 Ссунда – 379
 Селянинов П.И. – см. Оперпут А.Э.
 Семевские – 561
 Семенов – 190
 Семенов Г.М. – 11, 26, 50
 Сенкевич – 260, 432
 Сергеев-Ценский С.Н. – 195, 196
 Сергей, Серж – см. Павловский С.Э.
 Сергей Александрович, великий князь – 3, 24, 64, 437, 555
 Сергей Васильевич – см. Пузицкий С.В.
 Серпуховский П.И. – 313–317, 320–324, 332–335, 339, 340
 Сидней Георгиевич – см. Рейли С.Г.
 Сизых – 280
 Сикорский В. – 11, 246, 252, 253, 258, 259, 271, 290, 521
 Силин – 86
 Симановский – 7
 Симанский – 300, 486
 Симонов – 476

- Синявский – 146
 Ситников – 504
 Скирмунд – 295, 296, 311
 Скопцов – 71
 Скоркин К.В. – 52
 Скоропадский П.П. – 262
 Скрудлик – 249, 251–253, 255, 272, 277
 Славинская – 562
 Смирнов – 328
 Смолдовский А. – 444, 458, 460, 517, 533
 Смолич – 260
 Смольяников – 333
 Смолянинов – 291, 296, 300
 Снарский – 267, 270, 277, 278
 Снежко – 240
 Соболевский – 476–478
 Соколов И.Л. – см. Клементьев В.Ф.
 Солженицын А.И. – 41
 Сологуб – см. Девойно-Сологуб
 Соня, сестра Савинкова Б.В. – 131–134, 137, 149, 188, 562
 Соснковский – 258, 259, 409, 411, 418–421, 439
 Сосновский (Добржинский) И.И. – 21, 22, 24, 29, 36, 43, 44, 62–64, 78, 91, 102, 109, 110, 120, 121, 146, 151, 154–156, 158–164, 181, 185, 187, 213, 215, 219
 Софинов – 38
 Софья, царевна – 183
 Спалойкович Г.Э. – 390
 Сперанский В.И. – 23, 32, 43, 44, 55, 136, 159, 162–168, 170–177, 181, 184, 185, 188, 195, 203, 204, 211, 212, 216, 219, 361, 362
 Спэнс Р. – 38–41
 Сталин И.В. – 20, 23, 38, 39, 40, 78, 106, 194, 371
 Стамболийский – 70
 Станюкович К.М. – 195
 Стауниц Э.О. – см. Оперпут А.Э.
 Стендаль – 195
 Степанов – 399
 Степанов В.И. – см. Савинков Б.В.
 Стил В. – 390
 Столыпин П.А. – 196
 Сторэ – 31
 Сторэ Э.Е. – см. Дикгоф-Деренталь Л.Е.
 Страдецкий – 325, 326
 Стрелкова В.П. – 385
 Стринберг – 377
 Строганов – 245, 281, 314, 316, 317, 320, 321, 333–335
 Струве П.Б. – 4, 429, 516
 Струк – 313
 Сувалов – 558
 Суевский – см. Павловский С.Э.
 Сулковский – 253, 474
 Сулятицкий В.М. – 188, 196, 541
 Сургучев – 195
 Сыроежкин Г.С. – 21, 23, 30, 43, 170–177
 Талиховский – 298
 Танечка – 58, 150
 Танно – 401
 Тая – см. Успенская Т.Б.
 Тардые А. – 404
 Тарновский – см. Сосновский И.И.
 Татаров – 146
 Телин – 463
 Терсентий – см. Фомичев И.Т.
 Тереха – 316, 334
 Терешенко М.И. – 191
 тетя Оля – 150
 Тизенгаузен, баронесса – 264
 Тимковский – 194
 Тимофеев – 131
 Титов – 466, 467
 Тихомиров Л.А. – 560
 Тихон, патриарх – 216, 360
 Толмачев – см. Фомичев И.Т.
 Тома А. – 399
 Трилиссер М.А. – 40
 Тромпет Г.А. – 252, 465
 Тромчинский – 237, 238, 243
 Тронов – 289, 293, 301, 304–307, 314, 316, 317, 319–324, 334, 335
 Трофим – 337
 Троцкий Л.Д. – 6, 20, 38, 39, 41, 51, 68, 73, 76, 81, 82, 131, 327, 350, 371, 372, 446, 448, 462, 539, 540, 545, 546, 552, 555
 Трусов – 416, 418, 425, 478, 479
 Туманов М.А. – 119
 Туора – 243
 Тургенев И.С. – 179, 180, 196
 Турчинович, сестра Савинкова Б.В. – 559
 Тухачевский М.Н. – 29
 Тышкевич, граф – 403
 Тютчев Ф.И. – 180, 196
 Тютюник – 84, 262
 Тяжельникова В.С. – 50
 Угрюмов – 253, 264
 Ульрих В.В. – 44, 62, 91, 94–96, 178, 217, 559
 Ульяницкий В.В. – 7, 24, 287, 293, 294, 296, 310, 332, 429, 485, 486, 516, 525, 526, 528, 530, 533
 Ульянищева – 323
 Ульянов – 504
 Унгерн фон, барон – 478
 Уншлихт И.С. – 19, 20, 28
 Упельниц-Селянинов – см. Оперпут А.Э.
 Урицкий М.С. – 335
 Уркис – 159, 160, 161, 163
 Успенская Т.Б. – 42, 57, 58, 137, 149, 150, 181, 189, 193, 561
 Успенский В.Б. – 35, 42, 47, 55, 57, 59, 134, 137, 149, 150, 159, 162, 181, 189, 195, 561
 Успенский Г.И. – 137

Утвенко – 494
Ушаков – 277

Федоров – 260, 261

Федоров А.П. – 21, 28, 30, 36, 37, 43, 44, 113, 114, 117, 132, 181, 182, 189, 190, 193, 196, 198–201, 206–208, 210, 213, 214, 219, 338, 343, 346–348, 350–352, 354–358, 361–369, 372–384, 393, 394

Федоров М.М. – 4

Фельдман В.Д. – 23, 32, 171, 172, 174, 176, 177

Ферстенберг – 16

Фиалковский – 350

Фигнер В.Н. – 394

Филимонов – 71

Философов Д.В. – 7, 14, 16, 24, 47, 52, 55, 71, 73, 99–101, 113–115, 117, 132–135, 142, 143, 145, 146, 149–151, 154, 157, 158, 160, 163, 166, 179, 181, 186, 190, 194, 218, 287, 292–294, 296, 300, 309, 311, 323, 332, 341, 344, 348, 355, 356, 358, 364, 365, 369, 373–381, 383, 409, 410, 429–431, 438, 442–444, 450, 458, 460, 485, 516, 517, 523, 527, 531–533, 558, 559

Флегонт – см. Клепиков Ф.

Флобер Г. – 182, 195

Фомичев И.Т. – 14, 21, 22, 27, 36, 39, 43, 113, 114, 117, 132, 189, 190, 193, 194, 198–201, 207, 208, 214, 219, 342, 344, 348, 352, 357, 358, 360–363, 368, 374, 376, 378–384, 393–395

Форд – 71, 72, 342

Фош Ф. – 442, 531

Фролов – 504, 523

Фундаминский (Фондаминский) И.И. – 56, 194

Фуше Ж. – 400

Фюрстенберг – 340

Х. – 314, 316

Хаджи – 332

Хайретдинов Х. – 49

Хведошеня – 260

Цедерсрер – 72

Цейтлин – 512, 514, 517

Цейтлина Т. – 51

Целлер – 449

Церетели И.Г. – 72, 77

Циллиакус К.В. – 188, 196

Цырквиц – 182

Чайковский Н.В. – 5, 7, 70, 80, 87, 88, 194, 373, 391, 422, 442, 444, 452

Чапиакин – 474

Чапский, граф – 275, 276, 281

Червяков – 242

Черемисов – 80

Чермоев Т. – 204, 340

Чернавский М. – 47

Чернов В.М. – 15, 47, 71, 115, 119, 131, 138, 181, 194, 392, 401, 506, 507, 539, 540, 541, 563

Черчилль У. – 7, 14–16, 27, 38, 70, 83, 88, 93, 312, 340, 390, 410, 412, 413

Чернявский – 474

Чехов А.П. – 183, 184

Чичерин Г.В. – 19, 20, 127, 253, 283, 284, 336, 373

Чухнин – 127, 131, 555

Чхенкели А.И. – 72, 77, 392

Шабловский – 467

Шабо – 134, 145, 146, 151

Шаламов В. – 41

Шанделен – 404, 405

Шарин – 313

Шаронов М. – 34

Швейцер Л. – 182

Швец – 399

Шевченко Е.С. – 14, 27, 73, 99, 101, 296, 297, 311–314, 332, 333, 336, 342, 355, 364, 365, 369, 374, 375, 379, 383

Шенталинский В. – 37, 38, 42, 50, 169, 196, 219

Щебель – 296, 311

Шешеня Л.Н. – 21, 31, 36, 43, 200, 201, 207, 208, 219, 242, 307, 309, 331, 338, 345–352, 357, 361–365, 369, 376, 377, 512

Шилинский – 330

Ширинкин – 476–478, 480

Шкаренков Л.К. – 49

Шмидт П.П. – 109, 111

Шрейдер – 131

Штиль – 378

Шубин И. (Самарин) – 46, 51

Шульгин В.В. – 36, 48

Шура – 189

Эдмон – см. Гонкур

Эйзен – 561

Эйнштейн А. – 203

Эксе – 438

Эллин – 432

Эльвенгрэн (Эвельгрэн, Энвельгрэн) Г.Е. – 20, 28, 71, 72, 239, 247, 254, 283, 284, 392–394, 451, 452, 454, 456, 459, 495, 497

Эмиссарский – 249

Энгельгарт С. – 472

Эндрю К. – 38, 50

Энсилд – 508

Эрдман А.И. – 293–295, 309, 310, 313, 331, 562–564

Эренбург И.Г. – 188

Эршельман – 438

Юденич Н.Н. – 25–28, 83, 97, 116, 150,
242, 269, 279, 328, 368, 388, 404, 425,
435, 437, 445, 446, 457, 502, 536, 537,
540, 542, 547, 548, 551, 559

Юланицкий В. – 444

Юнкурс – 254

Юренев – 449

Ягода Г.Г. – 36, 38, 39, 171

Яковлев – 9, 336, 337, 344, 418, 478,
491

Яковлевич – 363

Якушев А.А. – 35

Янученко – 466, 468–470

Ярков – 291

Ярославский Е.М. – 107

Ярославцев М.В. – 57, 74, 124, 134, 147,
182, 239, 241, 368, 373, 395, 486

Ярославцева Е.С. – 57, 190, 368

Ярославцевы – 368, 373

Ярошенко – см. Савинкова С.А.

Akimoff Y.S. – см. Акимов Я.С.

B.S. – см. Савинков Б.В.

Bourtzeff – см. Бурцев В.П.

Chabaux – см. Шабо

Dmitrieff-Mamonoff – см. Дмитриев-Ма-
монов

Ellsberg – 123

Jean – 186

Filosofov W.P. — 101

Footman D. — 48

Leggett G. — 48

Lione François — 356, 357, 377

Miagkova — см. Мягкова В.В.

Mohrenschildt von D. — 50

N., доктор — 289, 304

Pachmus T. — 48

Panitcheff J. — см. Паничев И.А.

Pawlowich A. — см. Федоров А.П.

Rerwick W. — 50

Rohl I. — 337

Schleifman N. — 48

Spence R. — 48, 50

Содержание

Борис Савинков — противник большевиков <i>Виноградов В., Сафонов В.</i>	3
Борис Савинков в исторической литературе и документах <i>Литвин А., Могильнер М.</i>	33
Последний год жизни Бориса Савинкова	53
Операция «Синдикат-2»	235
Польская кампания	407
Приложение	561
Именной указатель	565

Борис Савинков на Лубянке. Документы

Редактор *Н.Абрамова*
Художественное оформление *А.Сорокин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 13.08.2001.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,0 + 3 печ. л. вкл. Уч.-изд. л. 34,6. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1912

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры